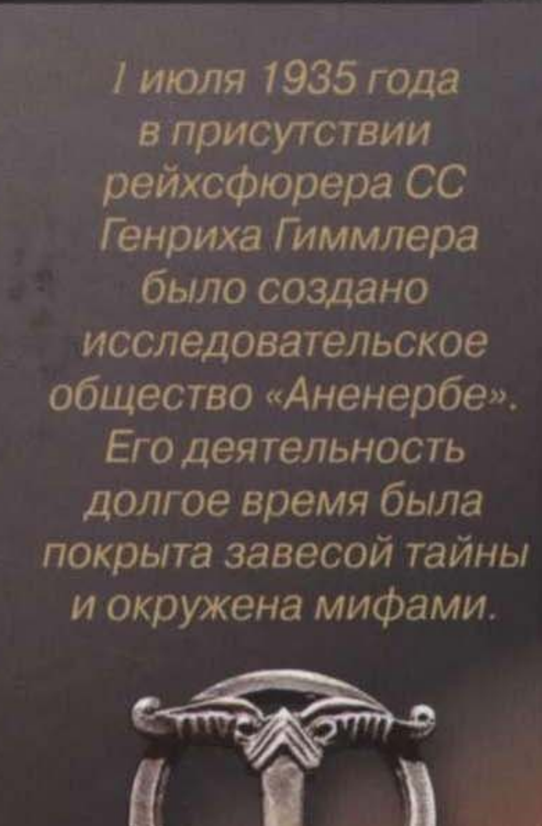

III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

I июля 1935 года в присутствии рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера было создано исследовательское общество «Аненербе». Его деятельность долгое время была покрыта завесой тайны и окружена мифами.

Андрей Васильченко

Оккультный миф III Рейха

«ЯУЗА-ПРЕСС»

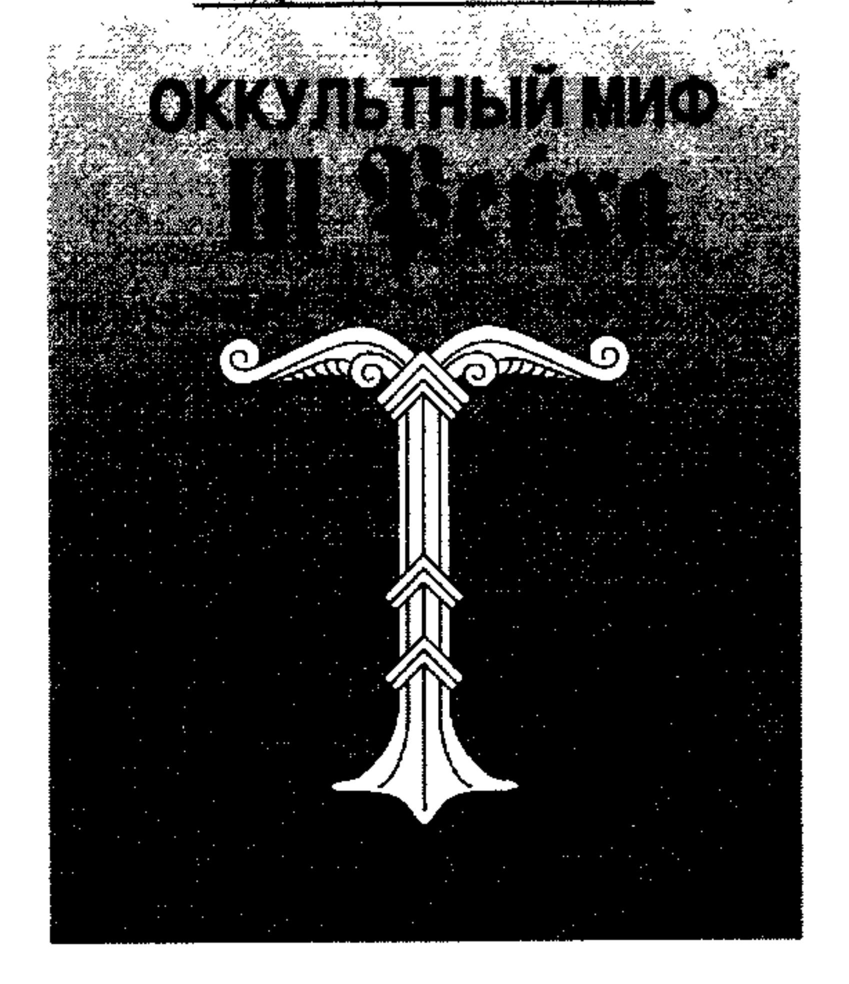
III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Андрей Васильченко

ОККУЛЬТНЫЙ МИФ III Рейха

III РЕЙХ. МИФЫ И ПРАВДА

Андрей Васильченко

«ЯУЗА-ПРЕСС»
Москва
2008

ББК 63.3
В 19

Разработка серийного оформления
художника *Е. Пермякова*

Васильченко А. В.
В 19 Оккультный миф III Рейха. — М.: Яуза-пресс, 2008. — 624 с. — (III Рейх. Мифы и правда).

ISBN 978-5-903339-72-3

В книге известного историка Андрея Васильченко рассматривается деятельность загадочной организации «Аненербе» — «Наследие предков». Опираясь на многочисленные документы, автор восстанавливает мистическую доктрину СС, «охранных отрядов» нацистской партии. В центре сюжета книги оказываются мистики, загадочные ритуалы и сакральные места Германии. Разбирая историю эсэсовских институтов, автор приходит к смелым выводам, которые могут изумить даже искушенного читателя.

ББК 63.3

ISBN 978-5-903339-72-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

31 марта 1944 года главный имперский врач СС Эрнст Гравитц передал в руки адъютанта рейхсфюрера СС оберштурмбаннфюрера Брандта в высшей мере странное письмо, которое надлежало показать лично Генриху Гиммлеру. Приведу его текст ниже:

«Касательно мухоподобной ведьмы Насаф, разносящей эпидемии.

Дорогой товарищ Брандт!

Относительно процитированного Вами отрывка из учения Мюллера о ведьме Насаф, распространяющей эпидемии, я могу сообщить следующее.

От господина профессора Райнера Мюллера (директора Гигиенического института при Кёльнском университете) я узнал, что учение Заратустры предполагает существование демоницы Насаф, которая в виде мухи садится на трупы, вызывая их разложение. Более мелкие подробности ему не известны. Он также не может сделать каких-то новых литературных ссылок по этой теме, так как его библиотека до си х пор хранится в бомбоубежище.

Но ему известно, что Вельзевул во многом идентичен древнему богу Экрона, который повелевал мухами. В Библии (в книге Царств) говорится об экронском боге Ваал-Зебубе, поклонение которому совершалось, когда в Израиле царствовал Ахазия.

Я предполагаю, что в религиозной и исторической литературе можно найти кое-что по этому вопросу. Но в настоящий момент подобную справку невозможно составить, так как в Берлине закрыты все библиотеки и книгохранилища.

С наилучшими пожеланиями, Гравитц.
Хайль Гитлер!»

Как видно уже из самого текста письма, оно являлось ответом на какой-то запрос. Действительно, такой запрос был. Его направил 8 октября 1943 года адъютант Гиммлера на адрес главного эсэсовского врача. В этом запросе содержалась следующая строчка: «Райнер Мюллер (Кёльн), один из самых известных бактериологов, пишет в своей «Истории о причинах возникновения эпидемий», что крестьяне верили в существование ведьмы Насаф, которая была

способна обращаться в муху. Она была некой персонификацией заразы, которая могла проникнуть в тело любого человека».

Но почему Генрих Гиммлер проявил столь повышенный интерес к профессору Райнеру Мюллеру? Для этого было два повода: отравляющие вещества и расовая гигиена. В свое время в 1935 году Мюллер написал учебник по общей гигиене. В этом учебном пособии была отдельная часть «Земля и вода», в которой содержалась глава «Отходы». В этой главе имелся раздел «Трупы», в котором значился пункт «Похоронные разновидности». Так вот, кроме прочих видов погребения трупов, в этом разделе подробно описывалась кремация. Более того, там говорилось, что крематории не в состоянии справиться с сожжением трупов при массовом море или крупных сражениях. В качестве примера этого приводилась ситуация 1921 года, когда в Ленинграде из-за недостатка дерева вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Не менее подробно рассматривались и другие способы «утилизации» трупов: бальзамирование, скидывание в воду, растворение в глиняных чанах нитратом аммония и воздушное погребение.

В части, повествовавшей о воздушном погребении, описывались похоронные обычаи персов. Это племя в свое время жило на территории нынешнего Ирана, но со временем под давлением мусульман было вынуждено переселиться на Кавказ и в Индию. Именно у персов практиковалось воздушное погребение в «башнях молчания». Кроме этого, Мюллер делал ссылки на Плиния, который сообщал, что в Трое возводили специальные саркофаги (само это слово значило «плотоядное животное»). Тело умершего помещали в саркофаг и оставляли на 40 дней. После прохождения этого срока от трупа не оставалось ничего, кроме зубов и костей. Но так как эти подобия «гробов» размещались на столбах и не были герметичными, личинки трупных мух уничтожали мягкие ткани мертвого тела быстрее, чем за 40 дней. Еще Карл Линней писал, что павшая лошадь уничтожается личинками навозных мух быстрее, нежели львами. У многих первобытных народов также практиковалось воздушное погребение. Тела размещались на деревьях, где они должны были служить пищей для насекомых и птиц. В Центральной Азии трупы обычно клали на открытое место, дабы они пожирались собаками и волками. Подобную сцену Гиммлер мог наблюдать в кадрах фильма «Тайны Тибета», где трупы трех женщин обгладывала дюжина коршунов. Некое подобие «башен молчания» существует и в Бомбее. Там размещаются мертвые тела, которые не должны осквернять сакральные элементы: землю, воду и огонь. Трупы фактически моментально съедаются стервятниками, которые постоянно кружатся там.

Мы не знаем, какой конкретный случай стал поводом для того, чтобы в разгар войны Гиммлер распорядился заняться исследованиями о Насаф. Возможными видятся два сценария, о которых мы уже упоминали выше: с одной стороны, поиск быстрых и оптимальных путей утилизации трупов, с другой стороны, поиск в древних источниках упоминаний об отравляющих веществах. Вполне возможно, что к октябрю 1943 года большое количество трупов превращается в серьезную проблему для руководства СС, а потому не исключено, что книга должна была помочь справиться с этой задачей. Так что нет ничего удивительного, что эсэсовское руководство обратило внимание на учебник одного из самых крупных специалистов в Германии в области гигиены. В книге Райнера Мюллера в качестве «помощников» утилизации трупов выступали собаки, волки, хищные птицы и насекомые. Собаки сразу же отпадали, так как являлись домашними животными. Волки и хищные птицы были достаточно редким явлением в Германии. К тому же их содержание не могло покрыть затрат на уничтожение мертвых тел. Оставались только насекомые. Наиболее хорошо для этого подходили личинки мух, которые не просто могли уничтожить трупы, но не способствовали возникновению эпидемий. Так возникает первая версия, почему руководство СС заинтересовалось персидскими обрядами погребения, в особенности ролью мух. На эту мысль могла навести и другая работа Райнера Мюллера «Медицинская микробиология» (1939), где он конкретно указывает на мухоподобную ведьму Насаф. Впрочем, эта тема так и не получила дальнейшего развития ни с началом войны, ни когда СС начали усиленно заниматься этим вопросом в середине 40-х годов.

А может быть, интерес к Насаф стал простым стечением обстоятельств? Гравитц убедительно ссылался на Библию, в которой упоминался Вельзевул (Ваал-Зебуб), являвшийся повелителем мух. Почти во всех монотеистических религиях это существо являлось обозначением Сатаны, предводителя нечистых духов. Не исключено, что еврейские источники просто позаимствовали из персидской мифологии сюжет о Насаф, которая рассматривалась как дух, распространявший нечистоты.

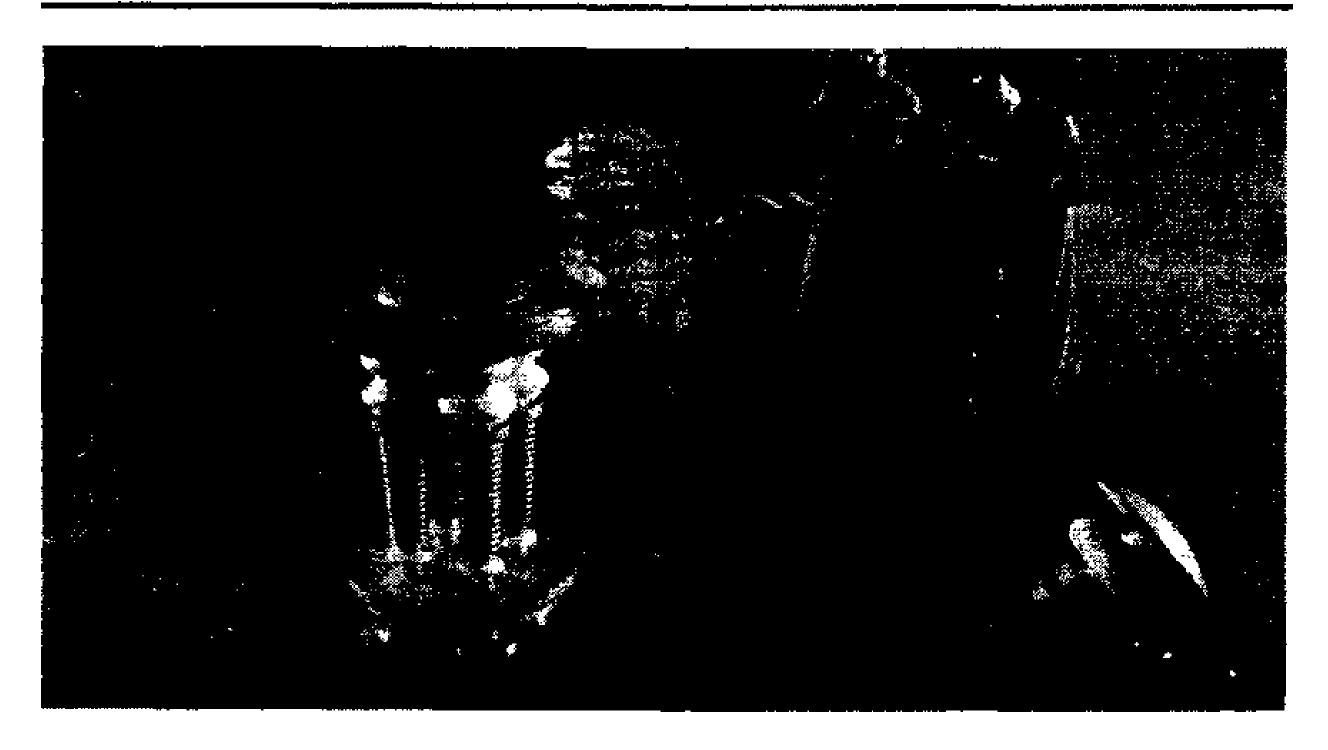
Но все-таки удивительно, что при решении вопроса об уничтожении трупов эсэсовское руководство в основном занималось обсуждением сюжета о демонице Насаф. В этот «исследовательский» процесс был даже вовлечен главный имперский врач СС — Гравитц. Если бы речь шла об исследовании религиозно-философских аспектов этой проблемы, то, скорее всего, Гиммлер подключил бы к изысканиям «Наследие предков», но никак не врача. Но, как известно, Гравитц был одним из разработчиков газовых камер, где

предполагалось проводить массовое умерщвление при помощи газа «Циклон Б». В данном случае оказалось, что мистический по своей сути сюжет имел вполне утилитарное значение. Демоница Насаф была всего лишь «технологией», которая должна была помочь уничтожить в скорейшие сроки следы страшнейших преступлений. Но иногда мне как историку приходилось сталкиваться с документами, которым не находилось никакого рационального объяснения. В большинстве своем все они выходили из недр СС, возглавляемых Генрихом Гиммлером.

Короткое немецкое словечко Аненербе («Наследие предков») вошло в обиход отечественных любителей истории не так давно. В конце 80-х годов многие советские историки и публицисты хором заговорили об оккультных корнях нацизма (тема, которой Запад переболел еще в 60—70-х годах). С увлечением, более похожим на манию, вскрывались связи НСДАП[1] с якобы оккультными структурами: «Обществом Туле», Германским орденом и т.д. Именно тогда впервые наш читатель столкнулся с Аненербе. В многочисленных газетных публикациях и брошюрах рассказывалось о поисках Святого Грааля, таинственных экспедициях на Тибет, зловещих ритуалах, организованных «Наследием предков». Это нацистское исследовательское общество называлось не иначе как *элитарный мистический орден*. Подобное впечатление укрепляли фильмы про Индиану Джонса, где немецкие офицеры охотились за Ковчегом Завета и Граалем. Воодушевленный читатель всерьез верил в то, что руководство «оккультного рейха» потратило на Аненербе больше, чем американцы на атомную бомбу. Постепенно в массовом сознании Аненербе превращалось в оккультную лабораторию нацизма, сверхсекретную организацию, которая стояла за кулисами Третьего рейха. Она, подобно кукловоду, дергала за ниточки, смещая министров и функционеров. Так был создан миф об Аненербе.

Как ни парадоксально, но для немца словосочетание «Наследие предков» ассоциируется вовсе не с черными мундирами СС и не с таинственным мистическим орденом, желающим получить власть над всем миром. Впервые оно было введено поэтами-романтиками середины XIX века, среди которых числились Эрнст Гофман, Клеменс Брентано и Людвиг Ахим фон Арним. В Германии с подобным названием до сих пор выходят хрестоматии по немецкой поэзии. Вопреки досужим рассуждениям, Аненербе впервые создали отнюдь не нацисты — уже в 1928 году действовало вполне безобидное «Наследие предков», общество, занимавшееся геральдикой (изучением

[1] Национал-социалистическая рабочая партия Германии — фашистская партия, созданная в 1920 году Адольфом Гитлером.

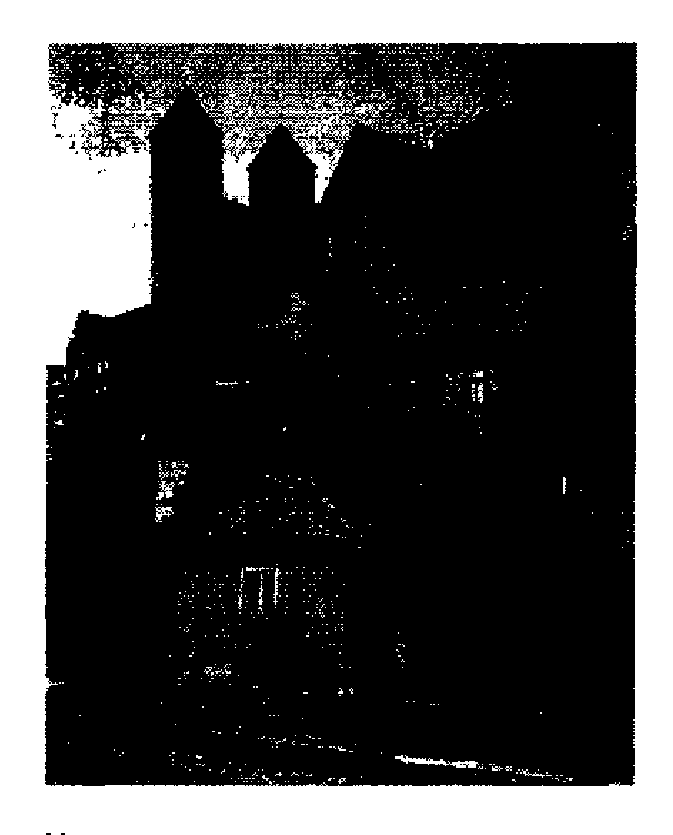

С легкой руки Голливуда мнотгие именно так представляют себе деятельность Аненербе

гербов). Только 5 лет спустя один из учредителей ставшего печально знаменитым эсэсовского общества, Герман Вирт, решил использовать это название для собственной организации.

И вот в начале XXI века в нашей стране все, что было связано с «оккультным нацизмом», стало переживать некий ренессанс. Официальная наука пугливо обходила эту тему стороной, ограничиваясь замечаниями о псевдонаучности исследований, проводимых в пресловутом обществе. «Свято место пусто не бывает». Пробел в изучении истории «Наследия предков» было решено ликвидировать, заполнив его легендами и домыслами. Так на свет появилась *«самая загадочная из всех мистических организаций в постиндустриальную эпоху»*. Теперь Аненербе было не просто нацистским орденом, а организацией, которая производила на свет НЛО, осуществляла экспедиции в Антарктиду, занималась разработкой климатического оружия. Если раньше образ сотрудника Аненербе ассоциировался с эсэсовцем из фильмов про археолога Джонса, то теперь эти функционеры в сознании многих стали обладателями мощнейшего в мире оружия. В недрах Аненербе, согласно некоторым компьютерным игрушкам, производились зомби и суперсолдаты. Миф окончательно вытеснил реальность.

Об оккультизме Третьего рейха в последнее время в России выпущено немало книг, и вряд ли имелась необходимость писать еще одну, если бы большинство прошлых изданий не походили друг на друга как сиамские близнецы. Оно не удивительно, ведь большая часть из них являлась компиляцией из давно появившихся на рус-

Многие поверхностные исследователи умудряются путать замок Кведлинбург и замок Вевельсбург

ском «Оккультных корней нацизма» (Н.Г. Кларк), «Утра магов» (Повель и Бержье) и «Копья судьбы» (Равнескрофт). Как ни крути, но от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Вряд ли можно было написать что-то новое, опираясь на факты и сведения не то чтобы устаревшие, но уже давно превратившиеся в классику. Не стоит забывать, что ряд книг просто изобилует фактическими ошибками и какими-то болезненными домыслами. В одной из книг останки Генриха I («Птицелова») таинственным образом переместились из замковой церкви города Кведлинбург в «черный Камелот Гиммлера», замок Вевельсбург. В другой — создателями легендарной организации «Наследие предков» (Аненербе) стали Фридрих Хильшер и Карл Хаусхофер, не имевшие, по сути, к СС никакого отношения. В третьей — исторические персонажи окажутся там, где никогда в жизни не бывали. В четвертой — ритуальное имя личного мага рейхсфюрера СС из Вайстора превратилось в Вейстхора. В пятой — «Германен Орден» превратился в «Орден Германян» (армянские нацисты?).

Иной читатель может отмахнуться, мол, ерунда, мелочи. Может быть, и мелочи. Но хочу напомнить о существовании такой игры — пазлы, где из крошечных отрывков собирается какая-то картина. Стоит ошибиться пару раз, и весь облик прямо на глазах начинает меняться. Ладно, если играющие знают, что в итоге должно получиться. А если нет? Так и в данном случае. Ошибка в одном месте, небрежность в другом — и на свет появляется нечто нелепое, не имеющее никакого отношения к действительности. И это не просто аллегория. В одной из книг, посвященных оккультно-нацистской тематике, я прочитал чудовищное по своей сути предложение. В нем говорилось, что в 1941 году писатель и эсэсовский исследователь Отто Ран поехал на Ближний Восток, дабы поднять там антиколониальное восстание, направленное против англичан. Автору этого пассажа, чье имя я опущу, видимо, было невдомек, что Отто

Ран покончил с собой в 1938 году, а потому не мог принимать три года спустя участие в экспедиции. Так же было, видимо, невдомек, что в 1941 году эсэсовские структуры хотели спровоцировать антианглийские выступления отнюдь не на Ближнем Востоке, а в Тибете и в Афганистане (мелочь, всего — несколько тысяч километров, но ведь лежат-то в Азии). Автору, видимо, было невдомек, что это предприятие должен был возглавлять тибетолог Эрнст Шеффер. Вот так несостоявшаяся экспедиция Эрнста Шеффера в Афганистан и на Тибет превратилась в антиколониальное восстание на Ближнем Востоке, организованное призраком Отто Рана. А ведь кто-то, не знакомый с немецкими документами и оригинальной литературой, может поверить в этот бред.

За перо по столь специфической теме меня заставило взяться следующее обстоятельство. Литература, издаваемая в последнее время по оккультно-нацистской тематике, разочаровывала меня отсутствием свежих фактов. Авторы явно не желали знакомиться с немецкими документами. Да и с концептуальной точки зрения их книги были малооригинальными. Весь нацистский оккультизм умещался в примитивную схему: общество Гвидо фон Листа — «Германский орден» — «Орден новых тамплиеров» — «Общество «Туле» — гитлеровская партия — СС — «Наследие предков». Может быть, эта схема и была хороша лет тридцать назад, но сейчас ею можно изумить разве что школьников, которые ничего не знают по этой проблеме. Я бы не стал писать эту книгу, если бы собирался только перечислить какие-то новые факты, которые мне удалось найти в различных источниках. Я намерен сложить из пазлов свою картину, которая отличается от традиционной модели. В душе я надеюсь, что она будет истинной.

Так что же на самом деле представляла собой эта покрытая завесой тайны организация — «Наследие предков»?

ЧАСТЬ 1

БУДНИ ТЕХНОМАГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Глава 1
ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ АНЕНЕРБЕ

Лето 1935 года в Германии не было богато на громкие политические события. А потому то, что произошло в конце июня 1935 года, стало знаменательным явлением в культурной жизни Третьего рейха. В субботу, 29 июня, Адольф Гитлер прибыл в столицу «коричневого движения», город Мюнхен, на торжественное открытие «Дома немецкого искусства», который располагался на Принц-регент-штрассе. Организованная в новом здании первая выставка, которую должен был посетить фюрер, проходила под лозунгом «Тысяча лет немецкого искусства». По идее организаторов, она должна была продемонстрировать памятники немецких предков, являясь учебником для тогдашних деятелей культуры.

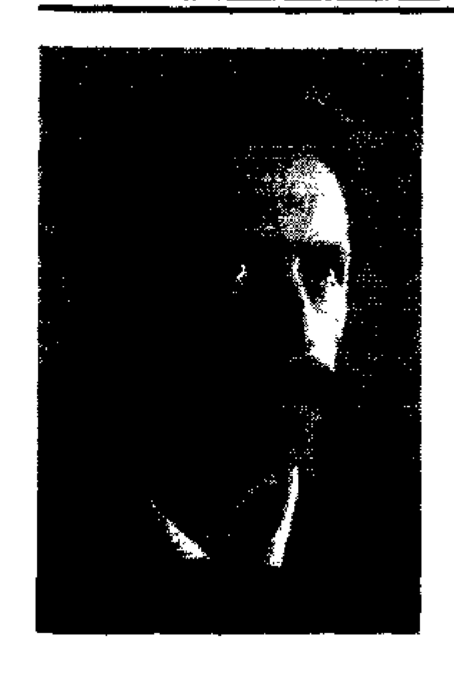
Кроме верхушки Третьего рейха, на открытии среди многочисленных гостей присутствовали: гауляйтер Мюнхена Адольф Вагнер, баварский министр-президент Людвиг Зиберт, рейхсляйтеры Отто Дитрих и Мартин Борман, многочисленные чины СС. В то время близость к Гитлеру могла стать залогом блестящей политической карьеры. Но среди присутствующих не было Генриха Гиммлера. Что же заставило его пропустить такое событие? Принеся свои извинения руководству партии, Гиммлер отправился на открытие второй и самой крупной на тот момент школы СС, располагавшейся в Брауншвейге. Но это был лишь формальный предлог. Сразу после этого 1 июля 1935 года он направился в Берлин, чтобы присутствовать на открытии небольшого культурного учреждения. Зачем ему это потребовалось, тем более что культура не входила в его служебные обязанности? Что же это была за структура, ради которой он решил пожертвовать общением с Гитлером? В тот же день, 1 июля, он присутствовал на учредительном собрании Исследовательского общества древней истории «Немецкое наследие предков». Итак, мы впервые столкнулись с Аненербе.

Одним из учредителей этого общества (а фактически его создателем) являлся частный исследователь Герман Вирт. Он, полуголландец-полунемец, родился в 1885 году в семье учителя в нидерландском городе Утрехт. В юности Вирт проявлял интерес к гуманитарным наукам. После изучения в Лейпциге и родном Утрехте философии, германистики, истории, теории музыки, он вместе с этнографом Джоном Мейером издал работу «Закат народных голландских песен». Уже тогда молодой талантливый ученый был ярым приверженцем идей пангерманизма, разделяя идеалы романтическо-националистических организаций, планировавших трансформировать всю Европу. Начало Первой мировой войны застало его в Берлинском университете, где он преподавал голландскую филологию. Не задумываясь, он ушел добровольцем в кайзеровскую армию. Заметив молодого специалиста, германское командование направило его на создание «фламандского движения». Скорее всего, он служил германским офицером при так называемых фламандских активистах. Эти люди, являясь сепаратистами, уже давно мечтали о разрыве культурных и политических связей с Валлонией, ориентированной на Францию. До сих пор остается неясным, какую роль во всем этом должен был сыграть Вирт. Сам он позже невнятно писал о ставке на Германию и Фландрию. Его биографы замечали, что в это время он являлся последовательным приверженцем великогерманского мышления. Эта фраза вряд ли что объясняла. Вероятнее всего, Вирт тогда являлся поборником идеи «Великих Нидерландов», в которую он добавил немецкий «фёлькише»[1] элемент. Но, видимо, «великоголландские федералисты», именно так именовали себя поборники этой идеи, не прислушались к своему пронемецкому земляку. Об этом говорил хотя бы тот факт, что в сентябре 1916 года кайзер Вильгельм II лишил почетного звания «титулярный профессор» всех голландских «вальдойче» (людей, ставших добровольно немцами), так как те пропагандировали сепаратистские идеи. Вирт разделил судьбу этих голландцев.

Можно рискнуть предположить, что в свое время Вирт входил в организацию «Landbond der Dietsche Treckvogel» — «Союз голландских перелетных птиц», аналог немецких «Вандерфогель» («Перелетные птицы»), консервативного молодежного движения,

---

[1] *«Фёлькише»* — массовое «культурно-политическое» движение в Германии (с немецкого дословно переводится как «народничество»). Со второй половины XIX в. методически адаптировало до массового уровня, тиражировало и пропагандировало идеи национализма, пангерманизма, геополитики, антисемитизма, социал-дарвинизма и реакционного (феодального) романтизма. Достижения «фёлькише» — как методологические, так и эстетико-пропагандистские — были позднее практически полностью интегрированы нацизмом.

Герман Вирт в начале своей научной карьеры

проповедовавшего возврат к природе и романтический национализм.

Что же делал Вирт в 1917—1918 годах? Одно время он преподавал в Брюссельском университете фламандский язык. Но почему пангерманист Вирт не вернулся обратно в Германию, предпочитая зарабатывать на хлеб преподаванием, что особого дохода тогда не приносило? Причина, наверное, кроется в том, что после крушения монархии республика решила отказаться от реакционных специалистов, тем более тех, кто был иностранцем. В Германию Вирт вернулся лишь только в 1923 году. Он поселился в Марбурге и, не найдя достойной работы, занялся частными исследованиями. Именно здесь он начал работать над своей книгой «Происхождение человечества». Она была опубликована в Йене пять лет спустя. Но все-таки основной темой его исследований осталась германистика. Здесь его научные интересы переплетались с националистическими убеждениями, создавая гремучую смесь. Его научные и политические цели, фактически совпадая, состояли в том, чтобы возродить и усилить чистую немецкую духовность, которую он противопоставлял Веймарской республике и либеральной науке. В отличие от многих публицистов того времени, находившихся в лагере «фёлькише», Вирт старался, чтобы его теории имели достаточное научное обоснование. Впрочем, сейчас его система доказательств может показаться более чем сомнительной. Уже в своей диссертации он писал, что забвение народных голландских песен было предопределено развитием всемирной экономической системы, что космополитизация хозяйственной системы вела к трагическому крушению культуры Нидерландов.

Создавая собственное видение мира, он решил опираться на весьма оригинальную методику. Обобщая письменные системы средиземноморских народов, символику североафриканских племен, наречия индейцев Северной Америки и эскимосов, он пришел к выводу о существовании культурной общности народов Северо-Алантического бассейна. В подтверждение этого он почему-то приводил письменные памятники, найденные в Юго-Западной Европе, а не на севере континента. Опираясь на подобные документы, он вывел существование древней единой монотеистической[1] религии. Теперь он стал преследовать более высокую цель, нежели просто

[1] Исповедующей единобожие.

романтический национализм. Он захотел воссоздать ту древнюю религию, которая должна была послужить толчком к возрождению нордической расы и освобождению ее от «проклятия цивилизации», зла, заставившего забыть свои истинные корни.

Вирт решил начать с малого. Освобождение от «проклятия цивилизации» стало проводиться в жизнь прямо в Марбурге, где Вирт объединил вокруг себя фанатичных сторонников, проповедуя им «нордическое вегетарианство». Свой нордизм Вирт пытался показать окружению, восстанавливая древнегерманские костюмы, в которых ходили он и его супруга Маргарет. Позже, после прихода нацистов к власти, он приписывал себе сотрудничество с НСДАП уже в начале 20-х годов. Уже в то время он якобы считал эту партию той силой, которая могла восстановить истинно немецкий образ жизни. Реальные же контакты с гитлеровцами были куда более скромными. В августе 1925 года, когда НСДАП возродилась после «пивного путча», Вирт стал нацистом, но уже в июле 1926 года он покинул стан гитлеровцев. В тридцатые годы он объяснял свой поступок тем, что в качестве беспартийного деятеля он мог бы сделать гораздо больше для национал-социалистического движения и якобы его выход санкционировал сам Гитлер. На самом деле его шаг был предопределен тем, что он не хотел портить отношения с евреями, которые спонсировали его исторические исследования. В действительности с Гитлером он познакомился лишь в 1929 году, когда читал в Мюнхене лекции. Фюрер, не употреблявший в пищу мясного, проявил живой интерес к «нордическому вегетарианству» Вирта. Сам же Вирт однозначно заявил о своих симпатиях к национал-социализму только в 1931 году в своей статье «Что я называю немецким?». В ней он провозгласил свастику не просто символом германской древности, а сделал ее знаком обновления и подъема, на который, как пелось в национал-социалистической песне, «взирали миллионы, полные надежды»[1]. Более того, для Вирта свастика была отнюдь не мертвым политическим символом — он наделял ее душой и особым смыслом.

После прихода нацистов к власти в январе 1933 года Вирт издал работу «Признаки и душа свастики», в которой он восхищался Гитлером и национал-социализмом. Гитлер ознакомился с этим произведением и высказал свое одобрение, упомянув раннюю работу Вирта «Происхождение человечества». Скорее всего, с этой книгой он мог познакомиться у партийного издателя Гуго Брукмана, кото-

[1] Речь идет о строчке из партийного гимна НСДАП «Хорст Вессель»: *Es schau'n auf's Hakenkreutz voll Hoffnung schon Millionen — Миллионы, полные надежды, взирают на свастику.*

рому ее преподнес лично Вирт. Вирт, обладавший тонким политическим чутьем, еще до прихода к власти национал-социалистов решил связать с ними свою судьбу. В октябре 1932 года он принял приглашение нацистов из Мекленбурга создать в городке Бад-Доберан «Исследовательский институт духовной истории древности». Он не просто охотно откликнулся только на это предложение, но даже оставил созданное им в Берлине «Общество Германа Вирта» и своих многочисленных фанатичных сторонников. Именно в Бад-Доберане он основал структуру, которой суждено было стать предтечей Аненербе. Получая государственное субсидирование, здесь он был полностью свободен в осуществлении собственных идей, а самое главное — не был доступен для критики остальных германистов. Последние, в большинстве своем преподававшие в высшей школе, по мнению Вирта, были резко настроены против него. Причиной этого он считал свою беззаветную преданность немецкому народу и Германии. Вирт не преувеличивал и не сгущал краски. В германских университетах господствовала консервативная наука, которая презрительно относилась к радикальным научным течениям и популяризаторам в стиле «фёлькише». С другой стороны, Вирту, как и всем «фёлькише» исследователям, было присуще определенное чувство собственной неполноценности, которое мешало им приобрести научное признание. Несмотря на то что Вирт имел академическое образование и ряд научных работ, двери университетов оставались для него закрытыми. Причиной этого были, преимущественно, псевдонаучные методики исследования древней истории. В итоге он был просто вынужден работать в рамках своего полугосударственного исследовательского центра. Справедливости ради заметим, что Вирта, свято верившего, что изыскания рано или поздно принесут ему грандиозный успех, такое положение устраивало гораздо больше, чем полное отсутствие государственной поддержки.

Его негативное отношение к немецкой профессуре было продиктовано не только научным тщеславием, но и дискуссиями о научной ценности работ Вирта, которые не утихали в высшей школе. Но тут он предпочитал, что называется, грести всех под одну гребенку, хотя далеко не все ученые скептически относились к полученным им результатам. Так, например, один из ведущих философов того времени Альфред Боймлер был принципиально не согласен с ироничной критикой и насмешками в адрес Вирта. В 1933 году во введении к книге «Что же значит Герман Вирт для науки?» он изложил точку зрения, согласно которой противоречия между Виртом и немецкими учеными были предопределены не научными, а общественно-политическими взглядами непризнанного исследователя.

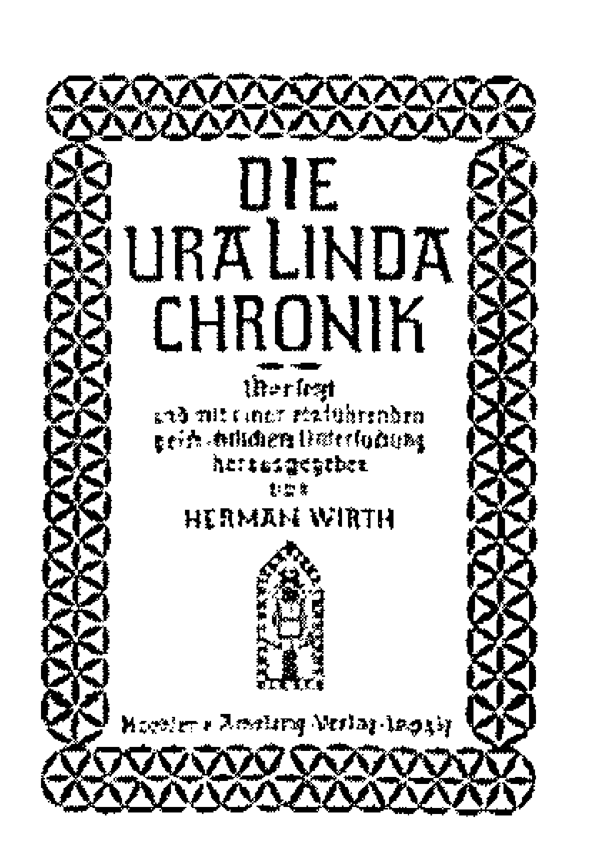
В той же самой книге известный германист Густав Некель писал, что Вирт сам осознавал собственные ошибки, что он пытался занимать независимую позицию, в то время как многие ученые были увлечены модными теориями, за что и попали под огонь критики этого исследователя.

Но, вопреки заступничеству известных ученых и исследователей, Вирт был отвергнут научным миром. Мнение научных кругов в целом сошлось на том, что его методы не имели ничего общего с наукой, а его теория, говорившая о том, что в каменном и бронзовом веках люди поклонялись Небу-отцу и Земле-матери, — абсолютно абсурдна. В это время к нему и поступило предложение из Мекленбурга.

Помогать Вирту должны были несколько ассистентов. Но даже при частичной государственной поддержке он не мог рассчитывать на значительный успех будучи отвергнутым научным миром. Основным направлением работы нового «Исследовательского института» стало копирование наскальных рисунков германских первобытных стоянок. Уже 1932 году Мекленбургское правительство дало согласие на то, чтобы Вирт инсценировал в естественном интерьере свой доклад «Северная мать народов и заветы предков». Но этой постановке не было суждено сбыться. Причина этого была банальной — отсутствие денег. Финансирование не появилось даже после прихода к власти нацистов. Сам Гитлер относился к «нордическому мировоззрению» Вирта без особых симпатий. Он говаривал: «Эти профессора и мракобесы, которые создают собственную нордическую религию, портят мне абсолютно все. Почему я допускаю это? Они вносят сумятицу. А всякая сумятица плодотворна». Подобное отношение со стороны нового имперского правительства стало для Вирта тяжелым ударом. Он вынужден был прекратить все свои исследования в Бад-Доберане, так как его научные проекты оказались финансово необеспеченными. Хотя новый режим сделал небольшой реверанс перед исследователем — в 1933 году Вирту «за утверждение германского духа» был пожалован титул профессора и предоставлено место преподавателя в Берлинском университете Фридриха-Вильгельма с ежемесячным окладом в 700 рейхсмарок. Для того времени эта сумма была достаточно крупной, чтобы Вирт отказался от подработок в качестве секретаря и домашнего учителя и посвятил себя только исследованиям. Жалованье преподавателя было для него отнюдь не единственным источником финансирования. С 1933 года он являлся директором передвижной выставки, посвященной древней истории нордической расы. Кроме этого, Вирту приносили достаточно щедрые пожертвования поклонники его теории: Матильда Мерк из Дармштадта, сенатор Розалиус из Бремена,

принцесса Мари-Адельхайд Ренс, представители индустрии и торговых домов. Так, например, Розалиус оказал активное содействие в организации передвижной выставки, проходившей сначала в Берлине, а затем в Бремене. Вопреки целому ряду неудач, Вирт не отказался от идеи исторического костюмированного действия. Он хотел, чтобы его сторонники смогли убедить прусского министра культуры Бернхардта Руста в необходимости этого мероприятия. Организация представления, естественно, должна была быть оплачена государством. Но убедить министра не удалось ни принцессе, ни сенатору — проект в очередной раз потерпел неудачу.

Чтобы привлечь к себе внимание, Вирт решил использовать свой последний козырь — он издал перевод старофризского документа, более известного как «Хроники Ура Линды». Этот документ якобы содержал в себе историю фризской семьи Овер де Линда, начиная с VI века до нашей эры. Эти хроники уже исследовались в 1872 году голландским ученым Оттемом. Годом позже, в 1873 году, другой голландец, Бекеринг-Винкерс, заявил, что эта рукопись является исторической фальшивкой. По его мнению, признаками этого являлись следующие факты: во-первых, рунический строй оригинала был явно заимствован из латинского языка; во-вторых, язык оригинала являлся искаженным старофризским либо же переделанным на старофризский манер голландским языком; в-третьих, бумага рукописи была изготовлена в 1850 году, а затем ей был придан более древний вид.

Обложка книги «Хроники Ура Линды», изданной Виртом

Вирт, естественно, придерживался абсолютно другого мнения. Сам он начал изучать этот документ в 1923 году и только спустя десять лет рискнул вынести итоги исследований на суд общественности. «Настоящим я ручаюсь за достоверность так называемой «фальшивки», — писал Вирт в предисловии к своей книге, а затем обосновывал свою точку зрения. По его мнению, эта рукопись не могла быть фальшивкой, так как она передавала высокое мировоззрение народов региона Северного моря в период каменного века и излагала их мировую миссию в прежние времена. Искусственное старение

бумаги Вирт объяснил тем, что она хранилась рядом с камином, а потому потемнела от дыма. Подобные банальные заявления вызвали шок — от него отвернулись все, даже те, кто, как Густав Некель, после войны говорили о необходимости объединения с Виртом в единый фронт. В 1933—1934 годах только ленивый не пнул Вирта в связи с «Хрониками». Большинство ученых считало, что правдоподобность этой гипотезы настолько мала, что «здание теории Вирта просто обречено на обвал».

Альфред Розенберг – автор «Мифа XX века», считался не только главным идеологом НСДАП, но и основным противником Гиммлера и Аненербе

Не остался в стороне от дискуссий и главный идеолог нацистской партии Альфред Розенберг. Недовольство Виртом и его деятельностью он выражал уже в 1930 году в своей книге «Миф XX века»[1]. Об этом он вспомнил в 1934 году в одной из своих речей. В ней он подчеркнул, что имя Вирта и его исследования стоит вычеркнуть из истории Германии. Но не стоило полагать, что ведомство Розенберга собиралось запретить «Хроники» — это явное преувеличение. Высказывание Розенберга надо трактовать как мысль о том, что нельзя ставить знак равенства между идеологией партии и взглядами Вирта. В целом же партийные структуры, в том числе комиссия по цензуре, никак не прореагировали на появление «Хроник»: официальная точка зрения об этой книге так и не была высказана.

Но факт остается фактом, в период с 1933 по 1934 год Вирт находился в изоляции, став для всех ученых персоной нон грата. Ситуация изменилась, когда писатель-пропагандист Йоханес фон Леерс познакомил опального историка с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. В личном разговоре с фон Леерсом Гиммлер заявил, что для него научное признание вовсе не являлось каким-то показа-

---

[1] «...Совершенно вводит в заблуждение, когда Герман Вирт в труде «Происхождение человечества» пытается установить матриархат как нордическо-атлантическую форму жизни, но одновременно признает солнечный миф как нордическое достояние. Матриархат постоянно связан с хтонической верой в богов, патриархат — с солнечным мифом. Почитание женщины у нордического человека основывается как раз на мужской структуре бытия. Женское начало в Малой Азии в дохристианское время привело к культу гетер, к коллективному сексу. Доказательства, которые приводит Вирт, поэтому являются более чем неубедительными».

телем и он внимательно следил за работами Вирта. Беседа закончилась обещанием шефа СС использовать Вирта в будущем для решения отдельных исследовательских проблем.

Основные факты биографии Генриха Гиммлера достаточно хорошо известны. Гиммлер родился в 1900 году в Мюнхене в семье учителя. Гебхардт Гиммлер — так звали отца будущего рейхсфюрера СС — был директором гимназии, имел чин тайного советника по ведомству просвещения. К тому же Гиммлер-отец являлся воспитателем принца из королевского баварского рода Вительсбахов. Династия эта так и не стала правящей, хотя баварские сепаратисты возлагали на нее какие-то надежды. С юности Генрих мечтал о карьере офицера и в конце 1917 года даже вступил добровольцем в пехотный баварский полк, но на фронт он так и не попал. В 1919 году, как и многие фронтовики, Гиммлер зачислился в добровольческие корпуса, а затем присоединился к нацистам. В 1923 году, во время «пивного путча», устроенного Гитлером, Гиммлер являлся знаменосцем мятежников. В 1924 году, после запрета НСДАП, он присоединился к действовавшему в Нижней Баварии «Национал-социалистическому освободительному движению», которое возглавлял Грегор Штрассер. В этой организации он отвечал за предвыборную агитацию. В 1925 году он возвратился в ряды вновь воссозданной НСДАП, где являлся секретарем Штрассера. Одновременно со всеми политическими перипетиями Гиммлер не отказывал себе в удовольствии разводить кур на ферме (в 1919 году Гиммлер поступил в Мюнхенский технический университет на факультет сельского хозяйства, закончил его и получил соответствующий диплом). Политической карьере Гиммлера можно было только позавидовать: в 1927 году (в 27 лет!) он стал исполняющим обязанности рейхсфюрера охранных отрядов партии; в 1929 году он был окончательно утвержден на этой должности, а в 1935 году получил под свой контроль всю политическую и уголовную полицию. После проведения в 1934 году акции устранения неугодных Гитлеру фигур, более известную как «ночь длинных ножей», Гиммлер превратился в одну из могущественнейших фигур Третьего рейха.

Когда же у Гиммлера проснулся интерес к вопросам истории и культуры? Скорее всего, интерес к германской культуре и истории у Генриха возник еще в родительском доме. По мнению ряда исследователей, любовь к истории была вызвана переездом семьи Гиммлеров в 1913 году в замок Траузнитц, который произвел на Генриха большое впечатление, равно как и множество картин на историческую тему, находившихся там.

Но, тем не менее, свои познания в истории Гиммлер начал демонстрировать достаточно поздно — уже после прихода нацистов к власти. В основном это происходило в застольных беседах, разговорах с личным врачом или другими высокопоставленными функционерами партии. Общеизвестно, что Гиммлер считал себя реинкарнацией короля Генриха I («Птицелова»). При этом он делал все возможное, чтобы его воспринимали именно как историка-любителя, а не как «доброго малого с приличной долей интеллигентности»[1]. Делая замечания по немецкой истории, Гиммлер никогда не скрывал своего дилетантизма в этом вопросе. Взгляды Гиммлера на историю представляли своего рода коктейль из идей «фёлькише», социал-дарвинизма и расизма в стиле Х. Чемберлена. В Третьем рейхе особый интерес, как и стоило того ожидать, вызывал нордическо-германский тип человека, который, в соответствии с нацистской идеологией, являлся центром исторического и биологического развития мира. В истории нордической расы Гиммлер видел образец борьбы за высокоразвитую культуру. Именно расовые качества германцев были, по мнению Гиммлера, причиной их превосходства. А потому пропуском в СС должна была стать расовая чистота современных ему немцев. Для шефа СС связь между далеким прошлым и настоящим не требовала никаких доказательств — она была непосредственной и живой, передававшейся сквозь века благодаря расовым характеристикам. Он был весьма заинтересован в изучении духовного потенциала древних германцев, планируя установить эту мифическую связь между предками и СС. Кроме того, изучение прошлого было необходимо для преодоления вековых христианских традиций и создания германской «эрзац-религии». «Как дерево засыхает, потеряв корни, — говорил Гиммлер, — так и народ обречен на гибель, если не помнит своих предков. Важно, чтобы немецкий человек вновь вернулся в вечный круговорот прошлого, настоящего и будущего, круговорот исчезновения, бытия и возникновения, круговорот предков, живущих и потомков».

Король Генрих I (Птицелов), реинкарнацией которого считал себя Генрих Гиммлер

---

[1] Так в 1926 году охарактеризовал себя в своих дневниках Йозеф Геббельс.

С какой целью Гиммлер хотел использовать историю, видно из того, что он считал ее слабой стороной. Таковой было отсутствие четкой ориентации на политические цели повседневности. Для Гиммлера наукой было лишь то, что выполняло или способствовало выполнению актуальных задач современности.

Поначалу специфический дилетантизм воззрений Гиммлера объяснялся его образованием, в нем брал верх начинающий агроном с его естественно-научными аргументами. Гиммлер характеризовался своими бывшими одноклассниками как тщеславный и хороший ученик, который, тем не менее, был абсолютно лишен способности к отвлеченному абстрактному мышлению. Именно это вызывало позже затруднения в его общении с гуманитариями. Сам же Гиммлер предпочитал делать упор на мистико-романтические представления национал-социализма, нередко считая, что биологический расизм только искажал реальные ценности. В результате для Гиммлера научная практика выглядела следующим образом: вместо научной гипотезы, создаваемой на основании имеющихся фактов, он сам выдумывал готовый тезис, который должен был соответствовать нормам нацистского мировоззрения. Если имелись какие-то «неудобные» факты, то они либо отбрасывались, либо изменялись до неузнаваемости. В качестве примера подобной «научной работы» можно привести решение, принятое шефом СС в отношении доказательств гомосексуализма Фридриха Великого. «Когда мне было предоставлено около дюжины свидетельств, — рассказывал Гиммлер личному врачу, — я отложил их в сторону и заявил, что они сфабрикованы задним числом. Моя интуиция говорит (!!!), что человек, завоевавший Пруссии место под солнцем, не мог обладать такими склонностями, как слабовольный гомосексуализм».

Как видим, Гиммлеру были чужды традиционные научные методики. «Чтобы исследователю доказать тот или иной тезис, — полагал Гиммлер, — ему необходимо взять только один из сотен тысяч фрагментов мозаики, из которых состоит космос и складывается общая картина возникновения и развития мира». Если же ученый имел наглость обратиться к общепризнанным методикам и в ходе исследования менял тезис, выдвинутый Гиммлером, то полученные результаты были абсолютно бесполезными для рейхсфюрера. К подобным смельчакам шеф СС испытывал лишь презрительное отвращение. «Это трагическая судьба ученого, — говорил Гиммлер, — всю жизнь проводить исследование и когда, казалось бы, все закончено, обнаружить, что он шел по ложному пути».

Отношение Гиммлера к ученым было всегда неоднозначным. С одной стороны, он полагал, что они будут благодарны ему за благосклонное отношение. Он пытался привлечь на свою сторону та-

кого корифея науки, как физик Вернер Хайзенберг. Одновременно с этим он мог вести переписку с шарлатанами вроде Кирхоффера, который утверждал о раскинувшейся под Европой геодезической конструкции, коя должна была привести к единению всех германцев. Среди сомнительных исследователей, окружавших Гиммлера, наибольшее влияние имел Карл Мария Виллигут, чудак, убедивший шефа СС в своих исключительных научных способностях. Об этом говорил хотя бы тот факт, что именно он разработал для Гиммлера проект эсэсовского кольца. «Есть многие вещи, — писал Гиммлер в 1938 году министру Вакеру, — которые мы не в состоянии понять. Но их необходимо использовать, в том числе силами дилетантов».

Это «в том числе» указывало на тайное желание Гиммлера заменить тщеславных шарлатанов высокообразованными специалистами, которые бы, идя навстречу пожеланиям руководства СС, смогли придать этим идеям академический лоск.

Осенью 1934 года Гиммлер, как и Вирт, оказался в сложной ситуации. Он был вынужден выбирать между непрофессиональными исследователями, безоговорочно поддерживающими новый режим, и маститыми учеными, лояльными молодому рейхсфюреру. К числу последних относились такие профессора, как Александр Лангсдорф и Ганс Шляйф. Именно они были назначены Гиммлером референтами по вопросам раскопок древнегерманских археологических памятников. О Лангсдорфе его коллеги вспоминали, как об интересной, идеалистичной и симпатичной личности. Он был весьма странной фигурой в истории германского национал-социализма. (???) Он родился в 1898 году. С ранней юности он придерживался радикальных националистических взглядов. После войны, в 1920 году, он опубликовал свою автобиографию под псевдонимом Сандро. Отказавшись от традиционной формы мемуаров, он изложил свою историю побега из французского плена в виде приключенческого романа. 9 ноября 1923 года он участвовал в гитлеровском путче — с этого времени он поддерживал с рейхсфюрером СС тесные и дружеские связи. Как специалист по древней истории, он проявил себя в 1927 году, когда защитил в Марбурге диссертацию, написанную под руководством известного археолога Пауля Якобштиля. Два года спустя в соавторстве со своим руководителем он издал научную работу, посвященную этрусской культуре. В 1932 году он начал свою карьеру университетского преподавателя (до этого он работал хранителем в Берлинском музее древней истории). После прихода к власти нацистов он стал постоянным автором эсэсовского журнала «Черный корпус», поступив в распоряжение личного штаба рейхсфюрера СС.

Жизнь Ганса Шляйфа была менее живописна. Он был простым инженером-строителем, который проявлял живой интерес к архитектуре древности. Как и Лангсдорф, он был подчинен лично Гиммлеру. Сближение со специалистами по древней истории объясняется тем, что Гиммлер хотел противостоять притязаниям Альфреда Розенберга, претендовавшего на монополию в изучении истории. С одной стороны, их, хотя и являвшихся националистами, должны были пугать узкодилетантские взгляды Гиммлера. Но, с другой стороны, доктринерство и догматизм Розенберга были еще более чудовищными. По этой причине ученым приходилось выбирать наименьшее из двух зол. 24 января 1934 года Розенберг был назначен уполномоченным за контролем по вопросам общего и духовного обучения в партии. Эта должность позволяла ему оказывать прямое влияние на историков. Именно это испугало Лангсдорфа и Шляйфа, качнув маятник их симпатий в сторону Гиммлера.

Розенберг, как и Гиммлер, внимательно следил за этнографическими и историческими работами того времени. Он ставил перед собой вполне конкретную цель: опираясь на собственные религиозно-политические воззрения, он хотел создать новую германскую религию. Уже одного этого было достаточно, чтобы стать конкурентом Гиммлера. По мнению Розенберга, все исторические исследования, подобно общественной жизни Германии, должны были быть преобразованы на новый манер, а контролировать их должно его ведомство. Для осуществления этих задач Розенберг привлек на свою сторону молодого историка Ганса Рейнерта.

Ганс Рейнерт родился в 1900 году. В науку его ввел такой известный ученый, как Густав Коссина. В 1925 году Рейнерт уже приват-доцент в Тюбингенском университете, а в 1929 году — соавтор популярного справочника по археологическим стоянкам Верхней Швабии. Заслуга Рейнерта и его учителя состояла в том, что они открыли для немецких археологов Германию (в то время историки проявляли в основном интерес к античному миру и цивилизациям Древнего Востока). Под влиянием Коссины в науке начало формироваться «фёлькише» направление, которое занималось изучением исключительно германского исторического наследия. Это направление было вполне закономерной реакцией на традиционные взгляды ряда ученых, пренебрегавших немецким прошлым и превозносивших классическую античность. Коссина разработал новую методику этнической трактовки прошлого. Его теория, названная «поселковой археологией», предполагала необходимость четкого разграничения культурных провинций, на базе которых позже сформировались племена и народы. Согласно его взглядам, Германия была сформирована из двух культурных провинций: Шлезвиг-Гольштей-

на и Ютландии. После поражения Германии в мировой войне его взгляды воспринимались как последовательное проявление национализма. Политическая конъюнктура привела к тому, что его ученики исказили идеи учителя. В ответ на это ряд ученых пытались возразить, что германская история формировалась, в том числе, и под влиянием таких факторов, как греческая философия, римская культура и христианское мировоззрение. Но их голоса потонули в хоре общей критики, где Рейнерт, решивший возродить наследие своего покойного учителя, играл не последнюю роль.

Среди ученых, которые пытались противостоять националистическим тенденциям в науке, выделялся Карл Шухарт. В отличие от своего старого противника Коссины, этот ученый имел многолетний опыт археологических раскопок в Риме и обладал научно выверенной методикой. Именно Шухарт в 1902 году стал инициатором создания при Археологическом институте Франкфурта «Римско-германской комиссии». В 1908 году ученый был назначен директором отдела истории Древнего Рима в Берлинском этнографическом музее (на это место постоянно претендовал Коссина). Наследником на посту директора отдела стал Вильгельм Унферзагт, который превратил эту структуру в самостоятельный музей. Как говорилось выше, в этом музее до 1932 года работал хранителем один из референтов Гиммлера, Александр Лангсдорф.

Эти хитросплетения и научное соперничество предопределили неприязненные отношения между Лангсдорфом и Рейнертом. Последний являлся выразителем «восточногерманского направления», поддерживаемого эпигонами Коссины. Им противостояли сторонники «западногерманского направления», сплотившиеся вокруг Теодора Виганда. В Шляйфе и Лангсдорфе, проводивших раскопки под эгидой СС, Рейнерт не без основания видел потенциальных союзников Виганда.

Эти противоречия не ограничивались чисто научными вопросами — постепенно они стали принимать политический характер. В 1932 году Рейнерт создал «Имперскую группу древней истории», которая вошла составной частью в розенберговский «Союз борьбы за немецкую культуру». В рамках данной организации была предпринята попытка сплотить всех историков-националистов. Тогда Рейнерт опубликовал в «Национал-социалистическом ежемесячнике» план тотальной перестройки всего изучения истории. Он начал проводить его в жизнь сразу же после прихода нацистов к власти. В 1933 году при Прусском министерстве культуры был создан «Имперский институт древней и древнейшей истории». Но месяц спустя сотрудничество между институтом и министерством закончилось: Виганду удалось перетянуть на свою сторону имперского министра

Имперский министр воспитания Бернхардт Руст. Не играл никакой значительной роли в Третьем рейхе, а потому решил занять сторону Гиммлера

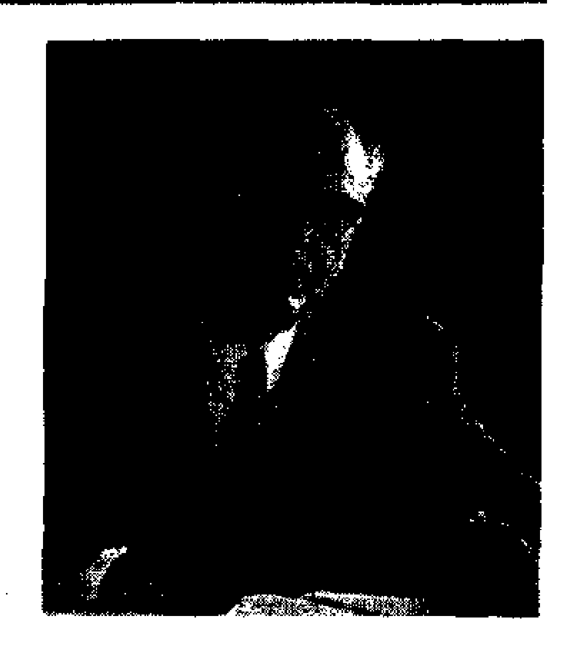
Бернхардта Руста. Не желая сдавать позиции, Рейнерт сформировал «Имперский союз древней истории» и усилил свое влияние за счет расширения созданного еще при жизни Коссины «Общества немецкой древней истории» (этот шаг был санкционирован партией). В 1934 году обе эти структуры фактически исполняли обязанности отделов ведомства Розенберга. В это же время Гиммлер ввел А. Лангсдорфа в свой личный штаб. Новый сотрудник штаба должен был наблюдать за ходом специальных раскопок, проводимых с ведома СС. Можно уверенно сказать, что Лангсдорф осознанно вступил в СС, чтобы, используя противоречия между своим шефом и Розенбергом, одержать верх над Рейнертом.

Гиммлер приветствовал сотрудничество Лангсдорфа с умеренным, почти либеральным Вигандом. Это могло бы показаться странным, если не учитывать два обстоятельства: во-первых, шеф СС был намерен существенно сократить идеологическое влияние Розенберга, в том числе и в сфере истории; во-вторых, он был намерен использовать институт Виганда в своих собственных целях. Не стоит забывать, что Гиммлер, одобряя этот союз, вовсе не был сторонником идей Виганда. Являясь скорее поборником германоцентричных тезисов Розенберга и Рейнерта, рейхсфюрер все же проявлял живой интерес к классической теории этого ученого. Можно предположить, что данный интерес был определен личными симпатиями Гитлера к Виганду. К тому же шеф СС полагал, что фюрер сам разрешит сложившиеся противоречия. Гитлер с давних пор восхищался культурой Греции и Рима, презирая немцев (!!!), живших на «холодном, сыром и мрачном севере». Это был один из парадоксов в истории нацизма — несостоявшийся художник и архитектор, ставший фюрером германского народа, вовсе не восхищался немецкой культурой. В своих частных разговорах он неоднократно подчеркивал, «что немцы жили в невзрачных дубовых хижинах, в то время как на солнечном юге греки и римляне возводили великолепные каменные постройки, развивая созданные ими героические культуры». Тем не менее Гитлер не вмешался в конфликт между Гиммлером и Розенбергом. Верх не смогли одержать ни Рейнерт, ни Виганд в союзе с Лангсдорфом.

Гиммлер совместно с Германом Виртом решил создать новую структуру, которая проводила бы исторические исследования неза-

висимо не только от Розенберга, но и от Виганда. Лангсдорфа было решено оставить на своем прежнем месте, хотя изначально рассматривался вариант его вхождения в Аненербе. Это должно было повысить его престиж, но дружба с Вигандом в этой ситуации оказала ему медвежью услугу.

Кроме известных нам Вирта и Гиммлера, при создании общества «Наследие предков» присутствовал еще один человек, имперский руководитель крестьян Третьего рейха — Вальтер Дарре. Участие в этом собрании было предопределено всей его карьерой в НСДАП.

Рейнерт после войны

Дарре родился в 1895 году в семье берлинского торговца, имевшего свое дело в Аргентине. Раннее детство он провел в этой латиноамериканской стране, а в десятилетнем возрасте вернулся в Германию. В 1914 году он был зачислен в колониальную школу в г. Вейтценхаузен, где он собирался, подобно Гиммлеру, получить сельскохозяйственное образование. Но изучение аграрных премудростей было прервано, когда его мобилизовали в армию. Ужасы войны, позиционные бои не отбили желания у молодого человека продолжать свое образование. В мае 1919 года он возвратился в колониальную школу. Интересно, на что он надеялся? После поражения в войне Германия потеряла все колонии, и ее выпускники были обречены пополнить гигантскую армию безработных. Учебу Дарре закончить не удалось, и он был вынужден покинуть учебное заведение. До 1922 года он бродяжничал, нанимаясь на сезонные работы в крупные поместья.

В 1922 году Вальтер Дарре направился в Галльский университет, где устроился работать ассистентом генетика Густава Фрёлиха. Благодаря этому он все-таки получил в 1925 году диплом о сельскохозяйственном образовании. Правда, в его официальной биографии периода нацистской диктатуры указывалось, что диплом он получил в 1920 году в колониальной школе. Приобретя статус дипломированного специалиста, Дарре с 1925 по 1929 год принимал участие в реализации различных частных и государственных проектов, связанных с сельским хозяйством. Далекий от политики, в 1929 году он решил присоединиться к нацистам. Он симпатизировал НСДАП уже в начале 20-х годов, но, скорее всего, его вступление в партию

было последствием ряда профессиональных неудач. Когда Дарре осознал, что его деятельность не приносит желаемых результатов, в мае 1929 года он стал консультантом в одной из многочисленных «фёлькише» групп. В том же году он издал книгу «Крестьянство как источник существования нордической расы». В своей работе он планировал опровергнуть популярную тогда у националистов теорию Фритца Керна, который пытался изобразить древних германцев кочевыми племенами, занимавшимися скотоводством. Дарре, пребывая под воздействием идей расиста Ганса Гюнтера, считал кочевников бесполезными паразитами. Германцы же, в его изложении, были оседлыми земледельческими племенами, которые создавали фундамент для будущей немецкой цивилизации.

Романтическое изложение древней истории, представления о расово чистых крестьянах произвели большое впечатление на Гитлера, который ознакомился с книгой Дарре в 1930 году. Фюрер уже давно пытался найти «доказательства» расовой чистоты и полноценности немцев. Гитлер фактически позаимствовал у Дарре идею о «крови и почве». В том же году состоялось знакомство Гитлера и Дарре. Теоретик идеи «крови и почвы» сразу же был зачислен под начало Константина Хирля в пятый отдел («сельское хозяйство») Организационного управления партии, деятельность которого курировал лично Гиммлер. В рамках этого отдела Дарре занялся созданием «аграрно-политического аппарата» партии. Партийная карьера Дарре была стремительной — неудивительно, ведь он был любимцем самого фюрера! В 1932 году он возглавил в аппарате партии собственный отдел, все так же подчиняясь лично Гитлеру (подобная почесть доставалась только самым высокопоставленным функционерам партии). Структура Дарре разрасталась как на дрожжах, уже несколько месяцев спустя в его подчинении было несколько отделов. Один из этих отделов, возглавляемый Эрвином Метцнером, в частности, занимался поиском духовных и исторических корней немецкого крестьянства.

8 апреля 1933 года, почти сразу же после прихода к власти Гитлера, Вальтер Дарре был назначен на пост имперского руководителя крестьян. Именно тогда Дарре и Метцнер начали сотрудничать с профессором Берлинского университета Германом Райшле. Это сотрудничество привело к еще большему расширению аппарата, находившегося в подчинении Дарре (летом 1933 в его задачи вошли также вопросы обеспечения продовольствием). В декабре 1933 года Дарре стал главой Имперского продовольственного кабинета, имевшего статус министерства. В задачи новой организации входила пропагандистская обработка немецкого крестьянства. Сам кабинет был сложной структурой с множеством отделов. Один из таких от-

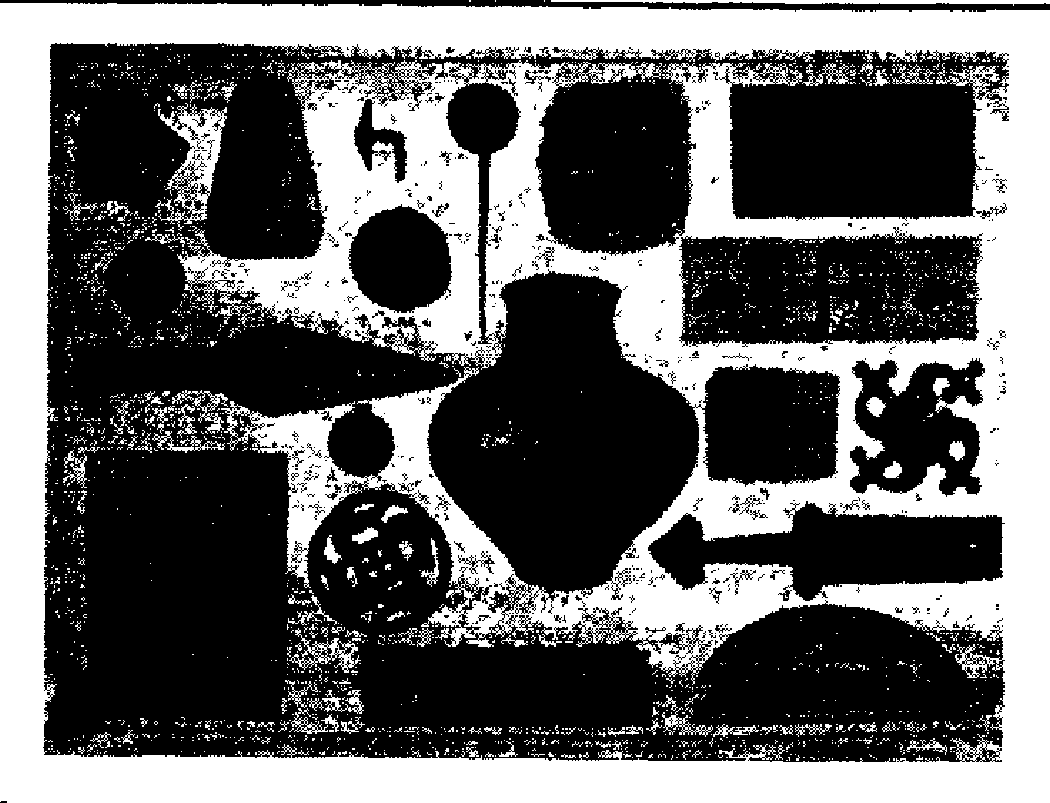
делов, Штаб имперского руководителя крестьян, возглавил уже упомянутый профессор Райшле. Интерес Дарре к истории, вопросам народонаселения, расовой аграрной политике позволил ему сблизиться с Генрихом Гиммлером. Оба имели сельскохозяйственное образование, оба проявляли интерес к истории, обоих беспокоили вопросы расовой теории. Но их взаимные интересы на этом не заканчивались. Гиммлер, ставший в 1929 году рейхсфюрером СС, планировал превратить свою организацию в биологическую элиту будущего, для чего в 1930 году он привлек к себе Дарре. Ему предлагалось возглавить в рамках СС отдел по изучению вопросов расы и поселений.

Вальтер Дарре, имперский руководитель крестьян в Третьем рейхе. Один из учредителей «Наследия предков», позже был вытеснен из общества

Идея о чистой германской расе принадлежала Гиммлеру, идея о крестьянском поселении как основе этой чистой расы принадлежала Дарре. 31 декабря 1931 года Дарре закончил формирование нового отдела. Возглавив его, он получил чин штандартенфюрера СС. Для него не существовало никаких сомнений, что «чистая раса» и «крестьянство» являются идентичными понятиями, словами-синонимами. В 1933 году Дарре объяснял Герману Раушнингу, что ему и рейхсфюреру предстояло вывести новое расово чистое крестьянство, которому суждено стать новой элитой Европы. Осуществить такой проект в рамках Имперского продовольственного кабинета было весьма затруднительно, а потому Дарре перевел необходимых сотрудников в отдел по изучению вопросов расы и поселений. Именно там они должны были начать формирование новой элиты из имеющегося «человеческого материала», то есть эсэсовцев. Для усиления сотрудничества Гиммлер стал главой «Имперского союза немецких дипломированных специалистов в области сельского хозяйства», который входил в состав Имперского продовольственного кабинета.

Тем временем Гиммлер совершенно случайно познакомился с Германом Виртом. В личной беседе Вирт всячески подчеркивал, что не только является сторонником идеи «крови и почвы», но и все его исследования построены на ее принципах. У Гиммлера не вызывала никаких сомнений подлинность «Хроник Ура Линды». Он предпочитал не обращать внимания на критику со стороны научных кругов. Поддержка опального исследователя не ограничилась устными заявлениями, Дарре и Гиммлер предложили ему продолжить свои исследования в рамках Продовольственного кабинета под непо-

Поначалу деятельность «Наследия предков» ограничивалась организацией выставок, на которых разбиралась национальная и солярная символика

средственным контролем шефа СС. Уже в апреле 1935 года Вирт получил щедрую поддержку и смог создать в Берлине неофициальное «Собрание народных традиций и древней религии», которое получило неофициальное название «Немецкое наследие предков».

Закрепившись в Берлине, Вирт значительно расширил свою передвижную выставку, а затем сделал ее даже стационарной. В мае 1935 года эту выставку, проходившую под эгидой Продовольственного кабинета, открыл сам Гиммлер. Формальная задача экспозиции состояла в том, чтобы дать идеологически обоснованный ответ на вопросы бытия, жизни, народа и Родины. Поскольку выставка должна была способствовать укреплению расового сознания немецкого народа, ее посещение стало обязательным для членов почти всех национал-социалистических организаций (штурмовых отрядов, Гитлерюгенда, женских и студенческих объединений).

Как уже упоминалось, создание Аненербе в качестве самостоятельного объединения состоялось 1 июля 1935 года. «Наследие предков» учреждалось с целью изучения истории древней духовности. Сам термин «история древней духовности» был почерпнут Виртом из словаря «фёлькише» организаций. Это позволяло ему думать, что главную роль в организации будет играть именно он. Являясь всего лишь частным исследователем, он претендовал на громкое звание Президента общества. Но реальное влияние, как и следовало ожидать, могли оказывать только Гиммлер, назначенный куратором

общества, и Дарре, который ввел в правление общества своих представителей. Уже в формальной структуре «Наследия предков», прописанной в Уставе, были изначально заложены внутренние противоречия: общество было представлено тремя сторонами — Гиммлером, Дарре и Виртом. Возьмем хотя бы статус Президента и куратора общества — Устав не прописывал, кто кому подчинялся. На словах после бурного обсуждения было решено, что должность куратора является ключевой в деятельности Аненербе. Кроме этого, оставался неясным характер отношений между Президентом и заместителем куратора. Гиммлер, став куратором Аненербе, назначил таковым руководителя Главного управления Имперского продовольственного кабинета Германа Райшле. Этот человек сразу же начал оказывать активное давление на общество, прикрываясь интересами рейхсфюрера СС. Не были ясны функции Эрвина Метцнера, который был введен Дарре в Президиум «Наследия предков». Позже в Президиум общества был введен еще один друг Дарре, сельский врач Вильгельм Кинкелин. Его функции и полномочия были не менее расплывчатыми.

Устав Аненербе просто кишел подобного рода неясностями, что весьма раздражало Гиммлера. Он, как рейхсфюрер СС и шеф политической полиции, весьма негативно относился к нарушению формальных юридических норм. То, что Гиммлер согласился с подобным Уставом, могло обозначать только одно — он рассматривал его как временный инструмент и в ближайшем будущем планировал либо изменить, либо вовсе упразднить его. Он не нуждался в Уставе, в то время как остальные учредители пытались увидеть в этом документе определенные гарантии своих полномочий.

Итак, Гиммлер рассматривал Аненербе как структуру, подчинявшуюся исключительно ему. Именно этим объясняется то, что летом 1935 года он назначил генеральным секретарем «Наследия предков» 30-летнего кандидата в СС Вольфрама Зиверса. В то время Зиверс выполнял обязанности личного секретаря Германа Вирта. Но это не помешало ему проявить свои недюжинные организаторские способности, а самое главное (для Гиммлера), безоговорочно подчиняться принципам СС. Этот человек должен был помочь Гиммлеру преодолеть влияние Вирта и Дарре, которые хотели сделать новую организацию заложницей собственных интересов. Именно Зиверсу было суждено стать ключевой фигурой в Аненербе. Именно он придал ему характер эсэсовского подразделения. Но как удалось подобную роль сыграть обыкновенному секретарю частного исследователя? Что это был за человек, Вольфрам Зиверс?

Вольфрам Зиверс родился в 1905 году в г. Хильдесхайм в семье евангелического органиста. Профессия отца во многом способствовала тому, что Зиверс уже в юности разбирался в сложных религиозных вопросах. Тот же отец привил ему любовь к музыке периода барокко. В 1922 году юноша покинул гимназию, так и не получив аттестата. Причина ухода весьма небезынтересна. На Нюрнбергском процессе Зиверс заявил, что вынужден был оставить учебу из-за бедственного положения семьи и необходимости освоить какую-нибудь практическую профессию. Но в эсэсовской анкете он написал, что покинул школу, дабы присоединиться к деятельности «шутцбундов», военизированных формирований «фёлькише» группировок. Для такого шага у него были основания — уже с юности он являлся ярым националистом. Так что нет ничего удивительного, что пангерманистские ценности предопределили его дальнейшую судьбу.

Вообще-то Зиверс хотел изучать юриспруденцию, но вынужден был избрать профессию торговца. В течение двух лет он работал учеником-подмастерьем на местной бумажной фабрике. Одновременно с работой он учился в городской ремесленной школе. В 1928 году Зиверс направился в Штутгарт, где устроился продавцом книг в одно из местных издательств. Не желая останавливаться на достигнутом, он посещал лекции в Техническом институте. В беседах со студентами он показал себя интеллигентным, но не вполне внутренне сформировавшимся молодым человеком. В Штутгарте он присоединился к молодежным организациям консервативного толка, состоявшим, как правило, из представителей среднего класса. В те годы многочисленные юношеские объединения стали своего рода барометром общественных настроений в Германии — они выступали против либерализма Веймарской республики, обращаясь к идеалам прошлого. Кроме организации «следопытов» («Серебряно-голубое кольцо»), он состоял в «Перелетных птицах» и Младонациональном союзе. Но его политические взгляды начали выкристаллизовываться в других националистических организациях: Вюртембергском союзе молодых крестьян, позже преобразованном в «Военно-спортивную организацию Ф», и организации «Артаманен», которая уже в конце 20-х годов сделала Гитлера своим почетным членом. Последняя организация, проповедовавшая языческий национализм, была наиболее близка к набиравшему силу национал-социализму. Этот союз был создан в 1924 году для того, чтобы помочь немецким крестьянам вытеснить польских батраков обратно на восток. «Артаманен» развивалась как активная правоэкстремистская организация, которая использовала вульгарно-романтические лозунги, такие как «обновление народа при помощи крестьянства», «кровь и почва», «возрождение связи немецкого народа

с почвой». Внутренняя структура артаманов имела однозначно тоталитарный характер: жесткая иерархическая структура, безоговорочное подчинение приказам начальства.

Вольфрам Зиверс в начале своей карьеры в СС

Зиверса околдовали мифы о «крови и почве», о создании новой элиты. Одна из целей артаманов состояла как раз в том, чтобы через самоотречение и жертвенность сформировать новую национальную элиту. Но со временем Зиверсу стало тесно в рамках молодежной организации, которая после внутреннего кризиса фактически распалась. В 1929 году он начал сотрудничество с Национал-социалистическим студенческим союзом и даже стал главой местной ячейки Штутгартского технического института.

На основании этих фактов, казалось, можно было предположить, что уже тогда Зиверс был убежденным нацистом. В 1929 году как член НСДАП — членский номер 144 983 — он принимал участие в Нюрнбергском съезде партии. Но на самом деле он рассматривал НСДАП как одну из многочисленных организаций, в которых он состоял. Инстинкт подсказывал ему, что надо было оставаться в этой партии, пока она способствовала его карьере. В НСДАП его привлекало отнюдь не массовое движение, а возможность создания новой «холодной» элиты общества. В то время ключевым для него было именно понятие элиты. Как бывший евангелист (в 1931 году он отрекся от церкви), Зиверс проявлял самый живой интерес к этой сфере. В этом и кроется причина того, почему Зиверс никогда не был убежденным национал-социалистом — он не мог найти в нацистском мировоззрении достаточно развитых мистическо-религиозных моментов. Показательно, что слушатель ***технического*** института охотнее всего посещал лекции по ***философии, истории и религии***. Его понимание религии носило националистический характер: он всегда признавал, что видел в древних германских племенах своего рода Божественный промысел. Это подталкивало его не только к тому, чтобы привести свою историческую концепцию в соответствие с националистическими и мистическими взглядами, но и сформировать «немецкую религию». Атеистическая идеология национал-социализма, естественно, не могла помочь ему в этом. Необходимую базу для собственных умозаключений он нашел лишь у двух

Фридрих Хильшер в ритуальном уборе работает над созданием собственной религии

людей — Германа Вирта и Фридриха Хильшера. С Виртом мы уже знакомы, но кем же являлся Хильшер?

Фридрих Хильшер родился 31 мая 1902 года в небольшом городке Плауэн в семье галантерейщика. После окончания гимназии юноша присоединился к добровольческим корпусам, которые вели оборонительные бои против польских вооруженных формирований в Верхней Силезии. После этого он решил вступить в рейхсвер. Но его армейская карьера была недолгой. В марте 1920 года Хильшер принимал активное участие в капповском путче. Опасаясь преследований, он был вынужден покинуть ряды вооруженных сил. Теперь он решил связать свою судьбу с наукой. После демобилизации он изучал юриспруденцию в Берлинском университете, параллельно посещая занятия в Институте политики. В 1926 году он защитил диссертацию по теме «Самовластие. Попытка немецкого трактования юридического термина». Научная работа настолько поразила диссертационный совет, что ему была присвоена научная степень одновременно по двум специализациям: «история права» и «философия права». Перед молодым специалистом открывались двери многих престижных учреждений. Но Хильшеру претила строго регламентированная жизнь бюрократа. Он решил стать писателем.

Ровесник Зиверса, Фридрих Хильшер был, по мнению современников, великолепным публицистом, обладавшим острым умом, хотя и не лишенным определенных причуд. Еще в студенческие годы он присоединился к движению «консервативной революции», которое было представлено такими яркими именами, как Эрнст Юнгер, Франц Шаувекер, Эрнст фон Заломон. Их национализм сочетался с «большевистскими» моментами, точнее говоря, с радикальным антизападничеством и ориентацией на Советскую Россию. Многие из консервативных революционеров затем оказались в лагере национал-социалистов, но в 20-е годы они пытались дистанцироваться от этого «плебейского» движения. Эрнст фон Заломон называл Хильшера «богомилом[1], сражавшимся с драконами», а Эрнст Юнгер вообще отзывался о нем как о «мифическом существе». Презирая Веймарскую республику, Хильшер отвергал национал-социа-

[1] *Богомилы* — представители раннехристианской мистической секты.

Фридрих Хильшер со своей супругой

лизм. Он был романтиком, и ему был чужд тоталитарный настрой нацистов. Сам он считал необходимым вернуться в историю, «изжив государство до уровня племен и ландшафтов (Франкия, Шлезин, Тоскана, Бретань)». Отрицая все современные структуры, он предлагал воскресить немецкую империю, управляемую немецкими племенами, каждое из которых обладало своими собственными отличительными особенностями. По его мнению, эти уникальные черты были растворены в аморфной массе немецкого народа. Племена должны были объединиться и создать новую империю, по образцу средневековой. Как видно, эти взгляды принципиально расходились с вождизмом нацистов. Созданный на основе того или иного племени союз должен был поклоняться характерным для данной народности священным символам. Племенные союзы должны были создать «сакральные объединения», из которых бы и сложилась будущая элита Германии. Идеал новой элиты существенно отличался от образа обычного немца, на которого делали ставку нацисты. Подобную теорию Хильшер пытался пропагандировать в среде своих друзей, но они считали ее сложной и нелогичной. Его партикуляризм, конечно, содержал близкие для них элементы — «борьба», «мужество» — но все равно оставался непрактичной и умозрительной идеей чудака. Консервативные круги ценили Хильшера прежде всего как публициста: в 20-х годах он активно писал для национально-революционных изданий, таких как «Завтра», «Аминус», «Сопротивление», «Наступление». С 1930 года он начал сотрудничать с газетой «Рейх» (просьба не путать с изданием Геббельса, возникшим несколько позже). Вскоре под таким же названием он опубликовал собственную работу. Она не получила признания и, по мнению современников, была полна темной меланхолии.

Эта работа примечательна тем, что на ее страницах он подверг резкой критике «фёлькише» группировки, за что сразу же заработал неприязнь со стороны нацистов. Розенберг питал к нему просто враждебное чувство. В 1930 году в «Национал-социалистическом ежемесячнике» он обрушился на Хильшера с самыми чудовищными обвинениями.

Но, тем не менее, фанатизм, изящный стиль и мрачный романтизм Хильшера нашли благоприятную почву, которой стала немецкая молодежь. Уже с середины 20-х годов молодой идеолог консультировал множество консервативных и национал-революционных молодежных организаций. Особое влияние его идеи оказали на студенчество. Во время диспута в одном из университетов Хильшер познакомился с Зиверсом.

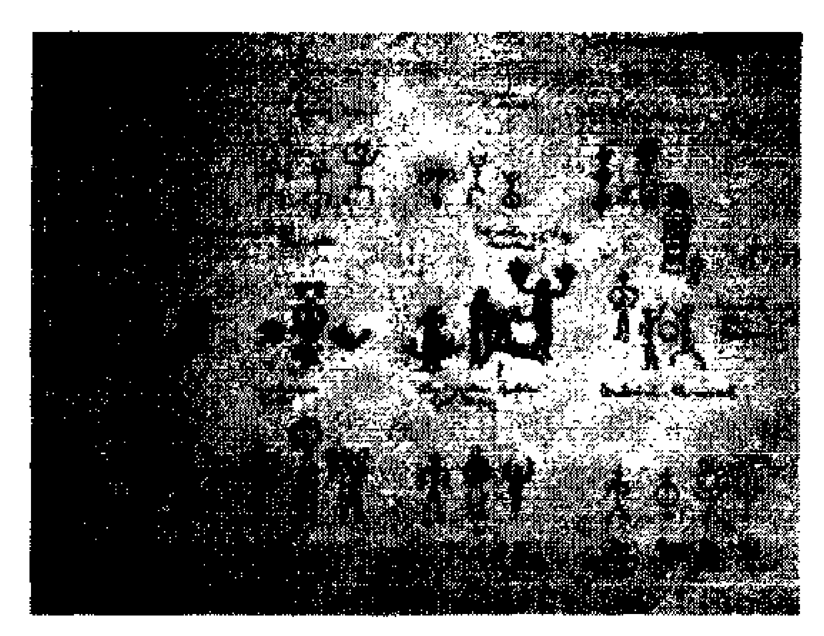
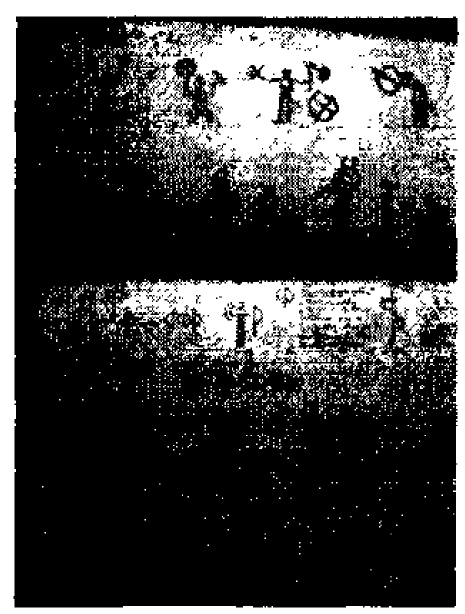
Это знакомство, ставшее для Зиверса судьбоносным, произошло в 1931 году в Штутгартском институте, где Хильшер предполагал прочесть серию лекций. Зиверс, как уже говорилось выше, возглавлял тогда местную ячейку национал-социалистического союза студентов. Что же привлекло Зиверса в Хильшере? Скорее всего, это были мистический национализм, оригинальная концепция новой элиты и идея о создании германской религии. Новая религия стала для Хильшера по сути делом всей жизни. Новая культовая структура получила название «Независимая свободная церковь». О ее существовании знали только очень близкие Хильшеру люди. Так, например, Эрнст Юнгер сообщил о ее существовании в своих дневниках только в 1943 году. Из осторожности называя высокопоставленных лиц псевдонимами: Бого — это Хильшер, Книболо — Гитлер, он писал следующее: «В эпоху, такую бедную оригинальными умами, Бого — одно из тех знакомств, над которыми я много размышлял, так и не сумев составить окончательного суждения. Прежде я считал, что он войдет в историю нашей эпохи как личность малоизвестная, хотя и наделенная исключительной тонкостью ума. Теперь я знаю, что он сыграет более значительную роль. Многие, если не большая часть молодых интеллектуалов поколения, возмужавшего после Великой войны 1914 года, были затронуты его влиянием и прошли через его школу... Ныне подтвердилось мое давнее подозрение, а именно: он основал Церковь. Сейчас он отошел от догматической части и уже очень далеко продвинулся в создании литургии. Он показал мне серию песнопений и цикл праздников «языческий год», включающий в себя и точный распорядок богов, животных, цветов, блюд, камней и растений. Например, 2 февраля празднуется посвящение свету».

Это было как раз то самое, что Зиверс искал в многочисленных объединениях и союзах в последние годы: радикальный национализм, который он нашел в НСДАП, элитарное сознание, присущее «Арта-

манен», а самое главное, религиозная мистика. В апреле 1932 года восхищенный Зиверс сделал перед своими друзьями доклад «Прошлое и будущее рейха», который базировался на построениях Хильшера. «Его произведение — это первое историческо-философское обоснование национализма, — писал Зиверс в конспектах доклада, — он показал подлинную, своего рода единственную историю империи... Он смог дать немцам восхитительную идею. В своих категоричных выводах... он дает исчерпывающие ответы на вопросы современности».

Но все-таки Хильшер не смог удержать Зиверса в своей церкви. Они разошлись именно в вопросах религии. Хильшер при создании новой религии опирался исключительно на германское наследие, игнорируя христианство. Это не устраивало Зиверса. Он не мог понять, почему Хильшер отвергал христианский пласт истории. Делясь своими переживаниями с дневником, он полагал, что Гитлер никогда не станет избавителем немецкого народа, так как он отвергает религию. Здесь же он подчеркивал, что его не устраивало и то, что Хильшер даже не думал возрождать немецкие традиции в христианском духе.

Именно тогда Зиверс обратил внимание на учение Вирта, который видел в молодежи носителей новой немецкой культуры. В своих работах Вирт претендовал на то, чтобы установить тесную взаимосвязь древних культов с христианской религией. Зиверс увидел в Вирте очередного выразителя собственных настроений. Личные симпатии привели Зиверса к частному исследователю, и он поселился у него в Марбурге, где стал работать личным секретарем. Он помогал Вирту в проведении его исследований, организации лекций и выставок. За короткий период он настолько увлекся древней историей, что к 1932 году приобрел богатейшие знания в этой сфере. В ноябре 1932 года вместе с Виртом он переселился в Бад-Доберан. Скорее всего, там между ними произошла ссора, вызванная политическими разногласиями, и в начале 1933 года Зиверс покинул Вирта. Сам Вирт объяснял это бесперспективностью молодого ассистента. В апреле 1933 года Зиверс оказался в Лейпциге, где до сентября занимался изданием полицейского листка «Немецкая нация». Осенью он перешел в мюнхенское издательство НСДАП. И здесь он не задержался. Год спустя он уже поступил в издательство Гуго Брукмана. Но и тут он проработал недолго. Летом 1935 года Вирт (стоит заметить, человек совсем не злопамятный) предложил его кандидатуру на пост генерального секретаря Аненербе. Этот шаг удивителен хотя бы тем, что в то время Зиверс производил впечатление дилетанта, а профессиональные неудачи сделали его психику более чем неуравновешенной. Чтобы решить свои личные проблемы, Зиверс даже начал изучать астрологию и основы магии.

Наброски, сделанные Германом Виртом

Оказавшись в нацистском окружении, Зиверс вновь проявил интерес к взглядам Хильшера. Насколько Вирт привлекал его своими религиозными постулатами, настолько же и отталкивал идеями об элите аморфного «народного сообщества». Кроме того, Зиверс стал более терпим к религиозным воззрениям Хильшера. Видимо, сказались почерпнутые у Вирта познания в области древней истории германцев. К 1935 году Зиверс окончательно отказался от христианского мировоззрения. О приверженности Зиверса к новой германской религии говорит тот факт, что в конце 1934 года он справил со своей невестой Хеленой Зибер языческую свадьбу, обряд которой был разработан лично Хильшером.

События 1935 года полностью изменили жизнь Зиверса. С этого момента его дела идут в гору. Вирт пригласил его в новую организацию, хотя Зиверс совершенно не общался с ним почти два года, а его дружба с Хильшером была как никогда крепка. И самое странное, Зиверс согласился присоединиться к «черному ордену» нацистов, к СС, о которых всегда отзывался с презрением, полным сарказма!!! Начало работы в Аненербе и желание вступить в СС иначе как предательством собственных идей назвать нельзя. Впрочем, этот шаг обеспечил ему не только карьерный рост, но и собственную безопасность. Его друг Хильшер уже столкнулся с «прелестями» нового режима — его разыскивали штурмовики, а книга «Рейх» была запрещена цензурой. Хотя ряд партийных деятелей продолжали обсуждать ее и после ее запрета. Подробности своих злоключений Хильшер описал после войны в автобиографии «50 лет среди немцев». В начале 30-х годов Хильшер был фактически объявлен

вне закона. Как же Зиверс мог согласиться сотрудничать с руководством СС, предав своего друга и единомышленника?

После войны Фридрих Хильшер, как близкий друг Зиверса, объяснял союзникам это противоречие следующим образом. Вольфрам Зиверс был видной фигурой в группе сопротивления, созданной лично Хильшером на базе «Независимой свободной церкви». После прихода к власти нацистов он должен был внедриться в СС, добывать там ценные сведения и передавать их антигитлеровской оппозиции. Подробности этой версии мы рассмотрим ниже, ограничившись пока констатацией, что эти утверждения были фальшивкой. На самом деле Зиверс вступил в СС, так как представления об элите, проповедуемые Гиммлером, были похожи на его собственные.

Элитарное мышление начало формироваться у Зиверса в молодежных организациях, укрепилось в «Артаманен», было отточено в Национал-социалистическом союзе студентов и розенберговском «Союзе борьбы за немецкую культуру», филиал которого он создал в Вюртемберге. Свои идеи о новой элите он изложил в 10-страничной брошюре «Немецкая молодежь», которая позже стала введением к его докладу «Прошлое и будущее рейха». Эта рукопись является важнейшим документом, который отражал настроения молодых националистов. Зиверс говорил о готовности молодежи пожертвовать собой ради нации, империи и расы, подчеркивая, что ее симпатии к НСДАП не были абсолютными. Он полагал, что национализм должен опираться, прежде всего, на нацию и кровь, а не на партийные организации. Будущие вожди, по его мнению, также не должны были создаваться партиями. Массовое политическое движение и организация, формирующая элиту, не могли совпадать, а лишь дополняли друг друга. Истинный вождь для него — это не авторитетный политик из НСДАП, а «господин», жестко диктующий свою волю и дистанцирующийся от народной массы. Германский тип господина, по Зиверсу, это не массовое опьянение штурмовиков, а тип человека, вскормленный и выращенный в вождистском по духу движении. Этот вождь должен был сплотить вокруг себя молодежь, которая хотела жить справедливо, жестоко и сурово. Эта молодежь, лично связанная с вождем, должна была сформировать своего рода братство верности друг другу. В СС, стремившихся вознестись над основной массой народа и партийцев, он видел реализацию принципов подлинного вождизма.

Эти взгляды еще более укрепились после подавления «путча Рэма» и расправы со штурмовиками, которые в понимании Зиверса были олицетворением вульгарного массового движения. С этого момента охранные отряды стали развиваться по другому пути, нежели остальные структуры партии. Обычно они дублировали соот-

ветствующий сектор государственной деятельности[1]. СС сами стали «государством в государстве». В СС собрались представители не старой знати, а в основном средних слоев. Среди эсэсовцев того времени можно выделить два типа людей, претендовавших на роль новой элиты рейха: во-первых, это холодные математики и скрупулезные интеллигенты, а во-вторых, увлеченные романтики с псевдофилософскими представлениями о народе, империи, элите, чести и верности. Вольфрам Зиверс принадлежал к числу последних.

Нет никаких сомнений в том, что религиозно-политические представления Зиверса были развиты лично Хильшером. Но не надо забывать, что Хильшер был чистой воды теоретиком, даже не пытавшимся воплотить в жизнь свои собственные идеи. Связавшись с ведомством Гиммлера, эту задачу взял на себя Зиверс. В сложившихся условиях сам Хильшер не мог их реализовать — они противоречили общепринятым нормам национал-социализма. Хильшер был мыслителем, который не имел ничего против нового режима, пока не почувствовал себя его жертвой. Именно тогда он и создал так называемую «Группу сопротивления Хильшера», о которой до сих пор очень мало известно. Когда Хильшер решил заниматься антифашистской работой, его друг Зиверс присоединился к Гиммлеру. Сделано это было не только из-за финансовых трудностей, но и дабы реализовать свои амбиции и все-таки попасть в элиту. Оппозиционная деятельность Хильшера, впрочем, как и предыдущие проекты, страдала от его мечтательности и теоретизирования. На первый взгляд, не совсем понятно, зачем летом 1945 года он добровольно вызвался стать свидетелем на Нюрнбергском процессе, требуя засвидетельствовать, что военный преступник и эсэсовец В. Зиверс был активным участником Сопротивления. Но об этом позже.

Глава 2

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНЕНЕРБЕ (1935–1937 гг.)

Как ни парадоксально звучит, но в 1935 году Аненербе контролировалось скорее Имперским продовольственным кабинетом, нежели структурами СС. Причина этого проста — на тот момент имперский руководитель крестьян обладал гораздо большими средствами,

[1] Дублирование функций государства выглядело следующим образом: глава МИДа автоматически являлся главой внешнего ведомства НСДАП или лидер молодежной организации НСДАП Гитлерюгенд автоматически становился государственным чиновником, ответственным за всю молодежную политику в Германии, и т.д.

чем рейхсфюрер СС. Альгемайне СС[1] были взяты на государственное обеспечение только в 1938 году. До этого момента они содержались на финансовые средства отдельных компаний, членские взносы самих эсэсовцев и добровольные пожертвования. В то же время Имперский продовольственный кабинет уже в 1933 году получал обильное финансирование как из государственного, так и из партийного бюджетов. При создании «Наследия предков» не было предусмотрено четкого финансирования, а потому у новой организации не было никаких собственных средств. Свои научные проекты Аненербе приходилось осуществлять на деньги, собранные в виде пожертвований, и скудные членские выплаты. Чтобы вообще продолжить хоть какую-нибудь работу, Аненербе было вынуждено обратиться за помощью к одному из учредителей, Вальтеру Дарре. Гиммлер боялся потерять контроль над обществом. В этих условиях молодой рейхсфюрер пытался установить связь с Немецким исследовательским обществом, получавшим достаточное финансирование от государства. Политический авторитет Гиммлера сделал свое дело. Аненербе было решено передать часть задач этой организации и отводимое на них финансирование. Таким образом, Гиммлер сумел изменить сложившееся положение. Он уменьшил влияние Дарре, приравняв статус общества «Наследие предков» к структуре СС. Интересно проследить, как Аненербе, обслуживавшее вначале Имперский продовольственный кабинет, словно по мановению волшебной палочки превратилось в подразделение охранных отрядов.

Аграрная трактовка немецкой истории и миф Дарре о «крови и почве» поддерживались Гиммлером и были своего рода мерилом для деятельности Аненербе. Это привело к тому, что большинство работ, напечатанных Виртом в недрах «Наследия предков», одинаково подходили как для крестьян, так и для эсэсовцев. Эти материалы использовались и в других подразделениях партии. Так, например, доклад Аненербе «Обычаи в крестьянской среде» зачитывался не только перед крестьянами в рамках так называемой «зеленой недели», но и в Гитлерюгенде и многих других организациях. В мае 1936 года «Наследие предков» начало обрабатывать материалы, которые были изъяты в старых общинных поселениях и у сельских старост. Итоги этой работы планировалось использовать для мировоззренческого воспитания в СС.

И без того непростые отношения внутри «Наследия предков» вконец были запутаны тем, что Аненербе формально входило в состав Главного управления СС по вопросам расы и поселений

---

[1] В целом СС состояли из трех частей: альгемайне (общие) СС, ваффен СС (войска СС) и СС «Тотенкопф» (охрана концентрационных лагерей).

(РуСХА)[1], что делало его внешне похожим на структуры Имперского продовольственного кабинета. Проблема заключалась в том, что Главное управление, находясь в составе СС, подчинялось непосредственно Вальтеру Дарре. Являясь одним из трех крупнейших управлений СС, в 1935 году оно состояло только из работников крестьянского управления Дарре, которые получили эсэсовские чины. Подобная ситуация не могла не отразиться на Аненербе. Высшие функционеры «Наследия предков» (Вирт, Райшле, Метцнер) занимали ответственные посты в РуСХА. Войдя в РуСХА, функционеры Аненербе также получили эсэсовские чины: Вирт — звание гауптштурмфюрера СС, а Зиверс — эсэсмана — рядового СС. В этом звании он пробыл недолго, в течение короткого времени он вырос до чина офицера СС. Их деятельность в рамках РуСХА была чисто номинальной, но в подобных служебных хитросплетениях был заинтересован сам Гиммлер. Союз этих трех организаций (Аненербе, Имперский продовольственный кабинет и РуСХА) подкреплялся общими заданиями, которые они должны были выполнять совместными усилиями. Так, в мае 1936 года была создана «печатная комиссия», которая должна была проверять все рукописи, отправляемые в печать. Изучение спектра работ, посвященных истории, расовым вопросам и т. п., было поручено сразу всем этим трем организациям.

Со временем отношение Дарре к Аненербе стало достаточно враждебным. Это объяснялось двумя причинами: во-первых, обострением противоречий между рейхсфюрером СС и имперским руководителем крестьян, во-вторых, желанием Гиммлера полностью влить «Наследие предков» в аппарат СС. Конфликт между этими двумя нацистскими лидерами наметился летом 1936 года. С этого времени Гиммлер решил сам проводить селекцию нового биологического типа людей. Сферой этого эксперимента должен был стать не весь немецкий народ, как это предполагал Дарре, а только эсэсовцы. Рейхсфюрер пошел гораздо дальше Дарре, говорившего об оседлом немецком крестьянстве. Формируя ядро будущих ваффен СС, Гиммлер выдвинул идею о «боевом крестьянстве», которое было бы в состоянии само завоевать себе землю на Востоке. Дарре были чужды идеи «натиска на Восток», он хотел довольствоваться родными землями. По его мнению, немецкий крестьянин должен был обрабатывать родную землю, в крайнем случае, защищать ее, но никак не завоевывать чужие просторы. Гиммлер не мог допустить, чтобы подобные мысли превалировали в РуСХА.

---

[1] Rassen- und Siedlunghauptamt (RuSHA), не путать с РСХА, Главным управлением имперской безопасности.

Окончательный разрыв отношений между Гиммлером и Дарре произошел в 1938 году. Частично это уже случилось годом ранее, когда представители Дарре на «печатной комиссии» подвергли острой критике рукопись, воспевавшую воинственность германцев. Она-де подрывала идеал оседлого крестьянина. Речь шла о «Германской истории» Хайнара Шиллинга. Этот исследователь рун пользовался большим авторитетом у рейхсфюрера СС. Намечавшийся скандал удалось замять только при решительном вмешательстве Зиверса.

Зиверс не просто стоял на стороне Гиммлера, но пытался найти прямой путь к рейхсфюреру. Это ему удалось не сразу. Нередко функции Гиммлера как куратора Аненербе выполнял Бруно Гальке. Вмешательство Гальке в деятельность «Наследия предков» являлось ярчайшим примером того, что Гиммлер даже не думал соблюдать Устав общества. Должности Особого представителя рейхсфюрера СС в Уставе Аненербе не было прописано, но тем не менее Б. Гальке занимал ее (типичная ситуация для Третьего рейха). С первых дней своего пребывания в Аненербе он распространил свое влияние почти на всех сотрудников, включая Райшле, который считался человеком Дарре. Зиверс не только не препятствовал, но всячески помогал ему в этом. Но власть Гальке не была безграничной, как правило, он воздействовал на сферу организационного планирования «Наследия предков». Чтобы понять, как к нему попали многие нити управления Аненербе, обратимся к некоторым моментам его биографии.

Гальке, дипломированный специалист по торговле, примкнул к СС вместе со своим другом Карлом Вольфом еще в начале 20-х годов. Бруно, почти сразу же ставший адъютантом Гиммлера, при помощи Вольфа возглавил в 1935 году хозяйственное управление СС. До прихода нацистов к власти хозяйственное управление фактически выполняло функции эсэсовской кассы — сюда стекались все взносы и пожертвования. Негласная задача управления состояла в том, чтобы финансировать те проекты, к которым Гиммлер проявил личный интерес, но которые не входили в компетенцию охранных отрядов, а стало быть, не могли претендовать на бюджет СС. Как и следовало ожидать, в 1935 году в число подобных проектов попало Аненербе. Первоначально функции Гальке в Аненербе были весьма скромными: он должен был изыскивать из кассы СС субсидии для проведения исследований «Наследия предков». Надо сказать, он весьма успешно справлялся с этой задачей. Вскоре многие сотрудники общества пришли к выводу, что Гальке являлся «серым кардиналом» Аненербе. Так, например, он копировал все документы, включая рукописи, приходившие в «Наследие предков», и отправлял копии лично рейхсфюреру СС. Как представитель Гиммлера он присутствовал на всех, даже закрытых совещаниях. Гиммлер не только не сдерживал инициативы своего подчиненного, которые

все больше и больше выходили за рамки финансовых вопросов, но, напротив, приветствовал их. Осенью 1936 года Гиммлер и Гальке сделали решительный шаг, чтобы ликвидировать влияние Имперского продовольственного кабинета на Аненербе. Они собирались перевести Аненербе в подчинение личному штабу рейхсфюрера СС.

Еще в октябре 1936 года на одном из собраний «Наследия предков» представитель Дарре говорил о поддержке Главным управлением по вопросам расы и поселений «Немецкого наследия предков», а несколько дней спустя, 9 ноября 1936 года, оно было уже выведено из подчинения РуСХА. Теперь Аненербе действовало под непосредственным контролем адъютанта рейхсфюрера, находясь полностью в его юрисдикции. Но этот ход окончательно не ликвидировал влияние Дарре. В Аненербе продолжали работать и Райшле, и Метцнер, и Кинкелин. Предполагаемая реорганизация не была проведена — на их место было сложно найти подходящие научные кадры. Имперский продовольственный кабинет продолжал, как и ранее, софинансирование «Наследия предков». Выгнать людей Дарре из исследовательского общества фактически означало поставить крест на этих финансовых средствах. Гиммлер пока не хотел рисковать. Решение «проблемы Дарре» было запланировано отложить на более поздний период.

Германа Вирта вполне устраивало намерение превратить исследовательское общество в научный центр СС, хотя такая возможность и не была предусмотрена в Уставе. Для того чтобы претворить это решение в жизнь, у Аненербе не хватало научно подготовленных кадров и высококвалифицированных специалистов. Не признанный официальной наукой, Герман Вирт мало способствовал их появлению. Гиммлер прекрасно осознавал это. Он понимал, что сомнительная репутация Вирта лежала клеймом на всем исследовательском обществе «Наследие предков». К тому же Вирт совершил одну ошибку — он продолжал поддерживать тесные связи с Дарре. Развивая принцип «крови и почвы», Вирт обратил внимание Дарре на специфический правовой обычай немецкого крестьянства, более известный под названием «Одал». Дарре положил этот обряд в основу «наследственного крестьянского права». По мере того как крепла дружба Вирта и Дарре, у рейхсфюрера росла неприязнь к исследователю. Подобное отношение к президенту Аненербе питали и многие его подчиненные. В декабре 1936 года, когда стало ясно, что отставка Вирта являлась всего лишь вопросом времени, Райшле заявил, что необходимо пересмотреть наследие Вирта.

В то время Вирт действовал в рамках Аненербе не только как президент общества, но и как руководитель отдела по изучению

письменности и символики. В рамках этого отдела он продолжал свои прежние исследования: изучение культовой утвари, одежды и украшений. По инициативе Вирта был даже разработан проект мастерской, в которой должны были изготавливаться дубликаты наиболее ценных и интересных экспонатов. Также он планировал создать киностудию, чтобы в специально созданных декорациях снимать фильмы о древних германцах. В рамках своих исследований он предпринял разорительные для Аненербе экспедиции в Скандинавию. Первая из них состоялась осенью 1935 года, а вторая — в августе 1936 года. На эти поездки он возлагал большие надежды. В ходе их он копировал наскальные знаки, после чего изучал их в Берлине. Гиммлер еще надеялся, что новое произведение Вирта «Священный протоязык человечества» будет опубликовано в приемлемом для научного мира виде. Теперь Гиммлер полагал, что все предыдущие работы Вирта были лишь бездоказательными утверждениями. Находясь под давлением рейхсфюрера, Вирт проводил все свое время, прорабатывая литературу и источники — и это не ускользнуло от Гиммлера.

Герман Вирт работает над рукописью

Как уже говорилось, тучи над головой Вирта сгущались давно. В сентябре 1936 года Гиммлеру сообщили, что Вирт закончил рукопись книги под названием «Одал». Это произведение являлось своего рода путеводителем по источникам и письменным памятникам, которые затрагивали обряд «Одал». Вирт клятвенно утверждал, что эта книга будет носить сугубо научный характер. И тут Вирт перестарался. Гиммлер никак не мог поверить, что один человек в течение двух месяцев мог написать книгу объемом в 600 страниц. Подозревая, что исследователь просто водил его за нос, он принял решение отделаться от него. Рейхсфю-

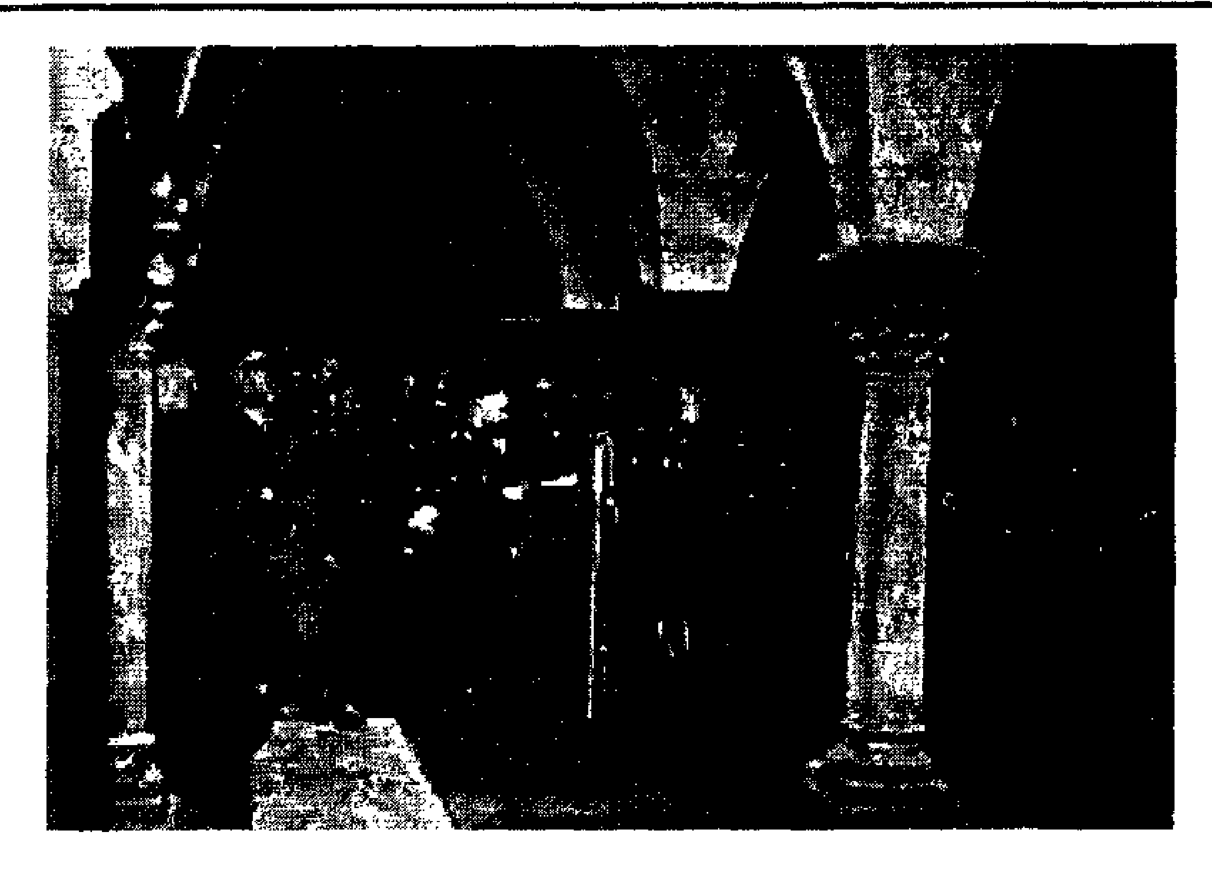
Герман Вирт во время скандинавской экспедиции

рер начал в Аненербе систематическую травлю Вирта. Он дал ясно понять, что тот, как президент общества, не имел права вести какую-либо переписку и переговоры, предварительно не согласовав их с ним. На протесты Вирта Гиммлер заметил, что президент сам нарушал не только дисциплину, но и Устав «Наследия предков».

Желая доконать провинившегося исследователя, Гиммлер отдал приказ изолировать его от любых профессиональных и служебных контактов. Вирт попал под запрет. Его идеи о киностудии, ландшафтных представлениях были провозглашены политически бессмысленными и финансово нерентабельными. В декабре 1937 года шеф СС намекнул упрямому исследователю, что его первейшей задачей являлось обеспечение деятельности рейхсфюрера СС. И лишь затем он мог заниматься свободной исследовательской деятельностью. Гиммлер решил поставить точку. Он отказался осуществлять проекты Вирта, а Аненербе превратил в институт СС, где не могло идти и речи о наследии этого ученого.

Сложные взаимоотношения между Гиммлером и Германом Виртом стали причиной того, что в Аненербе появился новый человек — профессор Вальтер Вюст. Без всяких сомнений, его можно было назвать одним из самых одаренных индогерманистов того времени. Вюст родился в семье учителя евангелической школы Пфальца. В 1923 году он защитил диссертацию, а через три года стал приват-доцентом в Мюнхенском университете. Шесть лет спустя, в 1932 году, он уже работал штатным профессором этого университета. Гиммлер познакомился с Вюстом как с ученым, но политическая судьба последнего была не менее впечатляющей, нежели научные таланты. Он примкнул к нацистам еще в 20-х годах. В начале 30-х годов он являлся не только референтом местной организации Национал-социалистического союза учителей, но и лектором окружной партийной организации и тайным агентом СД в Мюнхенском университете. Став в 1935 году деканом философского факультета, Вюст заявил о себе как о наиболее реальном претенденте на место ректора Мюнхенского университета. Его научное влияние было помножено на партийный авторитет. Уже в 1933 году он держал под контролем все баварские учебные заведения. Вюста и Гиммлера познакомил генеральный секретарь Аненербе Вольфрам Зиверс — он был знаком с ученым еще со времен своей работы в издательстве Брукмана. Эта историческая встреча произошла в январе 1936 года. Вюст произвел самое благоприятное впечатление на рейхсфюрера. Шеф СС решил привлечь молодого профессора-нациста к участию в «Празднике Генриха»[1], проводимом силами СС

[1] Речь идет о короле Генрихе «Птицелове».

«Генриховский праздник» в замке Кведлинбург

в замке Кведлинбург. Празднество посвящалось тысячелетию короля, и Генрих Гиммлер планировал провести его с большой помпой. Сначала мероприятие хотели провести в соборе замка Кведлинбург, где находилось предполагаемое захоронение короля. Но позже возникли сомнения. «Останки величайшего немецкого вождя покоятся не в гробнице, и где они находятся, мы не знаем», — сообщали рейхсфюреру устроители праздника.

В августе 1936 года Вюст встретился с Гиммлером в доме шефа СС, располагавшемся на озере Тегерн. Там они обменялись мнениями о задачах и целях исследовательского общества «Наследие предков». Точное содержание этой беседы неизвестно, но можно предположить, что Вюст «очаровал» Гиммлера своей эрудицией и научной смелостью. Скорее всего, ученый изложил собственное видение задач Аненербе в рамках культурно-политической деятельности СС. Гиммлер понял, что получил бы гораздо больше, сотрудничая с Вюстом, нежели сохраняя свои отношения с Виртом. От рейхсфюрера не могло ускользнуть и то, что Вюст подчеркнуто негативно

Памятный значок, посвященный торжествам в замке Кведлинбург

Вальтер Вюст

высказывался о Вирте. Подобное отношение Вюст питал к нему не всегда. В начале 30-х годов он, как и многие молодые германисты, был околдован фантастическими идеями этого исследователя. Так, например, в 1934 году во время диспута о подлинности «Хроник Ура Линды» Вюст встал на сторону Вирта. Но постепенно его симпатии начали сменяться сомнениями в истинности его теории. Вдобавок ко всему Вюст был разочарован Виртом как человеком и его личными качествами.

Начав сотрудничество с Аненербе, Вюст очень внимательно следил за тем, чтобы его репутация не пострадала от невольных ассоциаций с именем этого ученого-шарлатана. Во время переговоров о вступлении в «Наследие предков» Гиммлер прекрасно понимал, что профессор Вюст наотрез откажется выполнять какие-либо распоряжения Вирта. Поэтому Гиммлер предложил ему занять привилегированную должность представителя Аненербе, а самое главное, дал в решении научных вопросов преимущество перед Виртом. Отныне все лекции, читаемые сотрудниками Аненербе, контролировал именно Вюст. Возглавить одну из структур «Наследия предков» он согласился при ряде условий: во-первых, он не будет зависеть от Вирта; во-вторых, он сможет продолжить в Аненербе свои собственные научные разработки и, в-третьих, он сам сформирует список сотрудников своего отдела. Гиммлер гарантировал, что все его требования будут выполнены.

Это отвечало на вопрос, почему Вюст сразу же согласился присоединиться к исследовательской организации Гиммлера. Но до сих пор не ясно, почему он пошел на сотрудничество с нацистами вообще и СС в частности? Этот момент кажется важным хотя бы потому, что после войны Вюст попал с число тех преподавателей высшей школы, против которых были приняты суровые репрессивные меры. Можно выделить четыре группы преподавателей высшей школы, которые активно сотрудничали с нацистами. К ***первой группе*** относились ведущие теоретики и философы, как, например, А. Боймлер и Э. Крик. Они имели прерогативу самолично подстраивать теорию и практику университетского образования под национал-социалистическую идеологию. ***Вторая группа*** состояла, как правило, из «молодежи» периода 1900—1920 годов рождения, которая работала младшими научными сотрудниками в отдельных областях

науки, проводя в жизнь национал-социалистические принципы. ***Третья группа*** была сформирована из профессуры старой закалки, которая сотрудничала с режимом, желая сохранить свое прежнее положение. ***Четвертая группа*** была самой многочисленной — это ученые, которые в 1933 году приняли новый режим, но постепенно дистанцировались от него, став пассивными оппозиционерами. Вальтеру Вюсту не нашлось места в этой схеме — он не являлся представителем ни одной из вышеперечисленных групп.

Вюст хотя и был молод, но уже к 1933 году был не только профессором, но и корифеем в своей сфере. По мнению бывших сотрудников, его членство в НСДАП было предопределено желанием сохранить свободу научного поиска. Подобно Лангсдорфу и Шляйфу, он находился в весьма натянутых отношениях с Розенбергом и его представителями. Тем не менее ведомство Розенберга пыталось заманить талантливого ученого в свои ряды. Этому должен был поспособствовать профессор Вольфганг Шольц, представитель «Союза борьбы за немецкую культуру» в Мюнхенском университете. Когда в 1936 году Гиммлер только начинал переговоры о вхождении Вюста в Аненербе, Шольц предпринял активную обработку ученого с целью склонить его к сотрудничеству с Розенбергом. В этих условиях Гиммлер был просто вынужден предоставить Вюсту научную независимость, чтобы тем самым обеспечить его присутствие в Аненербе. Как видно, СС, в отличие от других нацистских структур, давали любому ученому, готовому к сотрудничеству, возможность продвинуться вверх по партийной лестнице.

В октябре 1936 года Вюст был назначен главой отдела Аненербе, который отвечал за лингвистические исследования. Эта структура находилась в Мюнхене. Гиммлер сдержал свое слово — он не стал мешать Вюсту преподавать в университете и заниматься собственными исследованиями.

До сих пор остается непонятным, какую роль сыграл Вюст, являвшийся респектабельной альтернативой Вирту, в создании отдела метеорологии. Можно предположить, что Вюст не питал никаких иллюзий по поводу научной несостоятельности «учения о мировом льде».

В один из летних дней 1925 года многие немецкие ученые получили письмо с весьма странным содержанием: «Пришла пора выбирать, с нами вы или против нас. Гитлер расчистит политику, Ганс Гёрбигер выметет ложные науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Становитесь в наши ряды, пока не поздно!» Так заявил о своем существовании «гениальный открыватель, благословенный Богом» Ганс Гёрбигер. Ко-

«Ледяной пророк» Ганс Гёрбигер

нечно, ученые не приняли всерьез выходку очередного маньяка от науки. Однако пришло время, и они убедились, что ледяной пророк слов на ветер не бросает.

Ганс Гёрбигер родился в 1860 году в тирольской семье. Став взрослым, он избрал профессию инженера по компрессорным установкам и даже изобрел новую систему крана для насосов, которая принесла ему состояние. Но отнюдь не прикладная механика занимала мысли этого человека. Гёрбигер увлекался астрономическим применением состояния воды — жидкости, льда, пара. Он заявлял, что этим можно объяснить всю космофизику. Неожиданные «озарения блестящей интуиции» открыли ему двери в новую «науку», охватывающую все остальные. В письме рейхсляйтеру Лею он писал, что еще в молодости наблюдал, «как расплавленная сталь пролилась на покрытую снегом землю: земля взорвалась с некоторым опозданием и большой силой». Из этого зернышка и выросло его учение.

Свою теорию Гёрбигер излагал так. Пустого пространства в космосе не существует, а то, что кажется им, есть смесь водорода и ледяных кристаллов. На расстоянии, равном троекратному расстоянию от Солнца до Нептуна, находилось и находится огромное кольцо из ледяных зерен. Еврейские астрономы называют его скоплением звезд и Млечным Путем, но всего несколько звезд, подобных Солнцу, светят сквозь него. Большая часть звезд — это куски льда, освещенные близлежащими солнцами. Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун есть тела, состоящие из галактического льда. Марс имеет океан протяженностью в 400 км, покрытый льдом и пылью, а каналы — это трещины во льду. Наша Луна также имеет скрытый ледяной океан в 200 км размером. Лишь на Земле не завершена битва между Огнем и Льдом. Та Луна, которую сегодня можно наблюдать на ночном небосводе, является уже четвертым спутником Земли из всех когда-либо вращавшихся вокруг планеты. До нее три массы космического льда — именно такова структура и природа лун согласно австрийскому ученому, — блуждая в космическом пространстве, попадали в поле земной гравитации и на некоторое время становились ее спутниками. (Сама теория захвата Землей спутника не явля-

ется достоянием исключительно Гёрбигера — некогда этой версии придерживались и многие ученые-«академисты», но сейчас за основную гипотезу происхождения Луны принята теория о ее формировании на одной из ранних стадий существования Земли из летучих силикатов в первобытной атмосфере планеты.) Однако, так как орбиты образовывавшихся сателлитов по своему виду были спиральными, то, вращаясь по ним, луны постепенно приближались к Земле и в конце концов падали на планету (точнее — их обломки, так как из-за постепенно увеличивающегося земного притяжения спутники Земли распадались на части). По Гёрбигеру, падения лун, их приближение к Земле и само вращение по орбите оказывали глобальное, можно даже сказать доминирующее влияние на процессы в развитии Земли — в том числе и на эволюцию жизни, и на историю человечества. Четыре геологические эпохи в развитии Земли и объясняются этими четырьмя лунами, их приближением к Земле и падением. Находясь под четвертой из них, человечество живет в четвертичной эпохе. В соответствии с прогнозом ученого, падение нынешней четвертой Луны вызовет гораздо бóльшую катастрофу, чем все предыдущие, так как этот спутник обладает наибольшей массой.

По понятным причинам Вюст некоторое время не афишировал своего негативного отношения к этой теории. В 1939 году, когда его положение в Аненербе было достаточно прочным, он подверг ее критике. Но его волновала не антинаучность учения, а отсутствие реальных результатов, которые можно было бы применить на практике. Гиммлер же не разделял сомнений профессора. Напротив, он настаивал на том, чтобы Аненербе и далее занималось изучением «вечных льдов».

Влияние Вюста начало расти только тогда, когда стало ясно, что он являлся официальным выразителем позиции рейхсфюрера СС. Но пока не был решен инцидент с Виртом, это не было очевидным. Да и сам Вюст не всегда понимал, какая роль была отведена ему в гиммлеровском исследовательском обществе.

В целом работа Аненербе внутри СС могла вестись только в двух направлениях. Оно могло заниматься идеологическими разработками и обучением, которые должны были вылиться в своего рода «секуляризованную религиозность». Практические научные результаты, полученные «Наследием предков», можно было использовать для формирования не просто элиты, а мировоззренческого авангарда национал-социалистического режима. Так, исследования Аненербе стали важнейшими общественно-политическими задачами. В то время любые проекты «Наследия предков» были подчинены одной цели — мировоззренческому обучению. Даже раскопки, на-

Баснословное финансирование «Наследия предков» было не более чем мифом. В первые годы своего существования исследования и раскопки держались фактически на голом энтузиазме

чатые СС в 1938 году, не имели для Аненербе собственно археологической ценности. Все находки — посуда, украшения, остатки жилищ — должны были быть подтверждением новой картины мира.

Пока Аненербе раздиралось внутренними противоречиями, пока Вирт пытался обосновать свои фантастические идеи, не могло быть и речи о том, чтобы доклады и лекции были как-то стандартизированы и упорядочены. Гиммлер, слабо разбиравшийся в истории, также не мог подготовить какой-либо целенаправленный и комплексный план. В 1937 году Вюсту самому предстояло привести в порядок лекторскую деятельность «Наследия предков». За несколько месяцев до того, как вступить в Аненербе, профессор делал доклад по актуальной тогда теме «Майн кампф» фюрера как зеркало индогерманского мировоззрения». Как рассказывали очевидцы, это сообщение получило положительный отзыв у студенчества и преподавательского корпуса. Уже находясь в составе Аненербе, Вюст, подработав свой доклад, выступал в структурных подразделениях СС с серией лекций по этой тематике. Он говорил о гитлеровском понимании героизма, о духовном опыте «Майн кампф» и, естественно, о духовной базе национал-социализма, основополагающих идеях расизма. Надо сказать, лекции Вюста пользовались успехом. После первых же выступлений он с энтузиазмом говорил, что надо обязательно продолжать доклады.

Не ограничившись лекторской деятельностью, в начале 1937 года Вюст предложил Гиммлеру создать в Аненербе отдельное подразделение, которое бы занималось изучением мегалитического комплекса Экстернштайн. Эти скалы являли собой некий символ германского духа. Начиная с XIX века этот комплекс как магнит притягивал к себе различного рода магов-шарлатанов и историков-дилетантов. Во время расцвета германского романтизма об Экстернштайне писали как о проявлении народных верований, характерных для дохристианской эпохи. Этому мнению противостояла другая точка зрения, которая предполагала, что Экстернштайн был тесно связан с христианской традицией. В «магический» центр Германии он превратился гораздо позже, в эпоху крестовых походов, став своего рода отражением Иерусалима, перенесенного на берега Рейна. Националистическая трактовка истории, присущая Коссине, опиралась на первую трактовку мегалитов. «Фёлькише» исследователи, поклоняясь этим скалам, создали определенный древнегерманский культ, который после Первой мировой войны приобрел невероятные размеры. Он базировался на самых различных мотивах: романтизме, национализме, расовых идеях, немецком идеализме. Подробнее об этих скалах мы поговорим позже.

Существовали многочисленные примеры того, что, базируясь на эсэсовской идеологии, Аненербе пыталось выстроить новое, более глубокое мировоззрение, которое должно было стать обязательным для каждого эсэсовца. Начав с обучающих лекций и докладов, исследовательское общество Гиммлера постепенно перешло к изучению культовых форм и практик. Важнейшим инструментом для осуществления «религиозных» обрядов СС должна была стать «сакральная» символика, которая была призвана укреплять «веру» эсэсовцев.

К концу 30-х годов рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер не просто создал собственную политическую армию, он снабдил ее собственной религиозностью, которая лежала за рамками церковных традиций. Вполне очевидно, что это не могло произойти сразу же после прихода нацистов к власти — большинство эсэсовцев было воспитано в христианских семьях. Но постепенно они отошли от христианства, приняв новое религиозное мировоззрение, которое уходило корнями в древнее германское прошлое. Последовательное развитие этой конфессиональности должно было привести к вытеснению христианства. Нет сомнения, что «Наследию предков» в этой деятельности отводилась ключевая роль. Исследовательское общество должно было фактически разработать с нуля религиозные взгляды, обосновав их с точки зрения вероисповедания. Но до конца 30-х годов Аненербе не афишировало собственной деятельности, переда-

Фриц Вайтцель – создатель обрядности в СС. Автор служебного пособия

вая свои наработки непосредственно Гиммлеру. Эта закрытость общества привела к тому, что непосредственным «разработчиком» эсэсовской религиозности стал Фриц Вайтцель, человек, который не имел к исследовательскому обществу никакого отношения. В 1938 году по поручению Гиммлера он издал две книги: «Церемонии в СС» и «Празднование ежегодных торжеств в семье эсэсовца». В основу обеих работ были положены наработки, вышедшие из недр Аненербе. Вайтцелю удалось не просто стать «пророком» новой религии, но и добиться того, чтобы его подчиненные и коллеги из СС были обращены в новую веру.

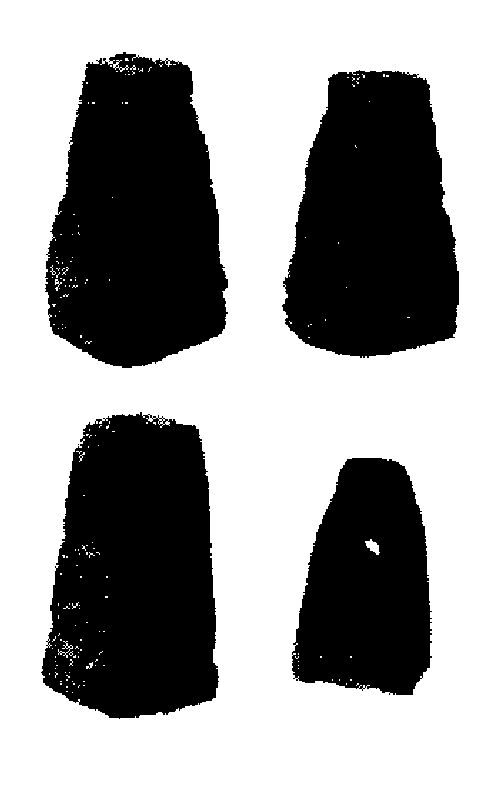
Что же это был за человек? Родился он 27 апреля 1904 года во Франкфурте. После окончания школы он стал учеником слесаря, позже работал механиком. В 1918 году он, как и многие молодые люди того времени, проявил интерес к политике и вступил в социалистическую молодежную организацию. Но он разочаровался в социалистах и примкнул к гитлеровцам. 21 сентября 1925 года он вступил в НСДАП, получив членский билет № 18 833. Находясь сначала в штурмовых отрядах, он постоянно участвовал в уличных стычках и обратил на себя внимание руководства еще только формировавшихся СС. Его карьерному росту мог позавидовать любой. В 1926 году он возглавил эсэсовцев в родном Франкфурте. Год спустя он оказался в руководстве СС, и под его началом был целый штандарт. В 1929 году он получил чин бригадефюрера СС. Его деятельность осталась незаметной для многих исследователей СС, но именно его Гиммлер не раз направлял в зарубежные командировки для изучения полицейского опыта других стран. Исследование обрядности и праздников было очередным особым заданием Гиммлера. Нет никаких сомнений в том, что Вайтцель не являлся автором работ в этой сфере. Тридцатичетырехлетний ученик слесаря, не имевший высшего гуманитарного образования, вряд ли мог ориентироваться в годичном цикле древних германцев, привлекать для аргументации богатый исторический и этнографический материал.

О том, что идеи, изложенные в книгах Ф. Вайтцеля, были разработаны в «Наследии предков», говорят многие факты. Возьмем хотя бы «Юльлейхтер», ритуальный светильник для языческого празднества, которое должно было заменить в эсэсовских семьях христиан-

ское Рождество[1]. Для Аненербе были характерны идеологические спекуляции на культовых вещах прошлого и их внедрение в современную жизнь. Примером этого являлось использование в новой обрядности старосаксонских «выпуклых урн» V века нашей эры, которые послужили основой для юльских светильников. Сотрудник Аненербе Карл Теодор Вайгель подробно изучил оригинал урны в Ганноверском земельном музее. Несколько месяцев спустя на фарфоровой мануфактуре Аненербе в г. Аллах началось производство копий этих урн. Вскоре сторонники новогерманского культа уже могли приобрести светильники в берлинской лавке на Герман-Геринг-штрассе. Этот светильник являлся выражением крестьянского аристократизма, применялся вместе с туей, которая заменила рождественскую елку. В древнегерманской мифологии туя являлась символом живительной силы, изображая в целом благословение германских богов. Эскизы светильника были предоставлены генеральному секретарю «Наследия предков» В. Зиверсу в июле 1936 года. В январе 1937 года Аненербе передало Гиммлеру каталог рун и символов, которые должны были символизировать праздник Юль. Издание также должно было объяснять использование юльского светильника в новых обрядах. Эти факты ярко показывают, что Аненербе все больше и больше становилось ведущей организацией в сфере культурной деятельности СС.

---

[1] *Юль* (в скандинавском произношении Йоль) — это темнейшее время в году, когда ночи удлиняются, а дни становятся короче. Но в германо-скандинавской традиции это также время возвращения солнца и удлинения светлого времени суток. Название Юль-Йоля происходит от слова «колесо» (солнечное колесо). Символически это представлено обычаем зажигать колесо и скатывать его со склона холма, охваченным пламенем. Помимо светлого значения, это еще и день усопших и время для жертвоприношения для мира и благополучия в наступающем году. В этот праздник пели песню, призывающую души мертвых: «приходите, те, кто хотите, присоединяйтесь, те, кто хочет», с этими словами женщина обходила вокруг дома в наступающее время Юля-Йоля. Это делалось потому, что считалось, что каждый может войти в дом, и было запрещено запирать окна и двери. Ясно, что душам мертвых такие вещи не могли быть преградой. Большое количество пищи ставилось и в ритуально-декоративных целях. До этой пищи не прикасались до самого Юля-Йоля, ибо предки должны были первыми вкусить ее, а затем уже живущие. Это были орехи, выпечка и многое другое. В канун Юля-Йоля люди шли спать в жилые комнаты и готовили постели для усопших. Приносили ветки вечнозеленых растений, и они украшались сделанными из теста фигурками людей и животных. На вершине размещался наконечник копья, как символ копья Одина. Эта ветвь или целое дерево, как сейчас (германский обычай с XVI века), представляет собой символическое изображение Мирового Древа, Ирминсула, и те вещи суть символические подношения языческим богам.

Приведенные в книге Вирта образцы ритуальных светильников, к языческому празднику Юль («выпуклые урны»)

Но к 1937 году Аненербе еще не приобрело характер окончательно оформившейся структуры. В «Наследии предков» продолжали господствовать дилетанты, а университетский профессор Вюст выглядел среди них «белой вороной». Надежды Вюста поднять «Наследие предков» до уровня университетской структуры оказались тщетными. С одной стороны, он, конечно, настаивал на объективности исторических исследований, но с другой стороны, несмотря на изоляцию Вирта, в Аненербе господствовали псевдонаучные представления о «мировом льде» и т.п. Объективность, к которой так стремился Вюст, оказалась мифом, и к концу войны наиболее смелые критики заявляли, что «Наследие предков» не являлось академической структурой, представляя собой скорее «колдовскую кухню рейхсфюрера». Сам же Гиммлер не видел этого внутреннего противоречия — для этого он не был достаточно образован. Он не мог

Сотрудники Аненербе отмечают праздник Юль, по времени совпадающий с Рождеством. В руках у них юльские светильники-юльлейхтеры

проникнуть в суть большинства исследований, хотя знал, какие цели они должны преследовать. Он полагал, что все проблемы решатся, когда он заменит дилетанта Вирта образованным Вюстом, не понимая, что большинство исследований, подчиненных идеологическим установкам, казались шизофреническим бредом. К таковым относились не только «учение о вечном льде», но и попытки раскрыть исторические личности языческих богов Тора и Тюра.

Глава 3

РАСШИРЕНИЕ АНЕНЕРБЕ (1937–1939 гг.)

11 марта 1937 года Гиммлер решил, что «Наследию предков» необходим новый Устав. Этим решением рейхсфюрер ускорил внутреннее развитие Аненербе, начатое в 1936 году. То, что новый документ не обсуждался, а был спущен в виде предписания рейхсфюрера, говорило о том, что Гиммлер окончательно утвердил свои позиции в Аненербе и избавился от соперников в лице Дарре и Вирта, превратив исследовательское общество в структуру СС.

Влияние Райшле, Кинкелина и Метцнера постепенно сошло на нет, а руководимая ими комиссия по проверке исторических рукописей и вовсе прекратила свою деятельность. Формально они продолжали свою работу в Аненербе, но их функции перешли к представителям Гиммлера — Зиверсу, Вюсту и Гальке. Произошли и формальные перестановки: Гиммлер назначил Вальтера Вюста новым Президентом «Наследия предков». Причем в новом Уставе права и полномочия Президента оказались четко и детально прописаны. Они ограничивались научным руководством. Бросалось в глаза и то, что, став новым Президентом Аненербе, Вальтер Вюст начал выполнять также функции Президиума общества, представляя «Наследие предков» в высших кругах партии и государства.

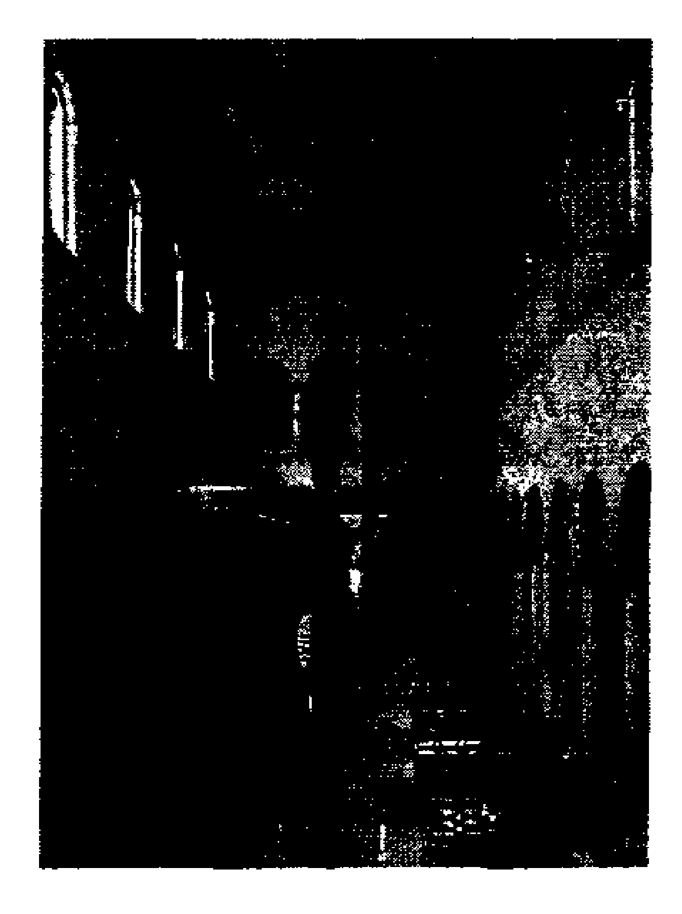
Все административные задачи в рамках общества выполнял Вольфрам Зиверс. Его должность «генерального секретаря» переименовали в «имперского руководителя общества», что свидетельствовало о повышении его статуса. В своей деятельности при решении административных, организационных и финансовых вопросов он должен был подчиняться Особому представителю рейхсфюрера СС Бруно Гальке. На практике же оказалось, что финансовые вопросы взял на себя Гальке, отдав административное управление Аненербе Зиверсу, тем более что Вюст не проявлял ни малейшего интереса к этой стороне деятельности общества. Отныне внутри Аненербе при решении какого-либо вопроса было необходимо соблюдать строгую субординацию, а это фактически означало, что Зи-

верс получал в свои руки почти все нити управления. Новая должность и новые полномочия дали Зиверсу значительную власть, которую он решил использовать во благо себе.

Сам же Гиммлер только выиграл от изменения Устава. Теперь должность куратора, которую занимал рейхсфюрер, носила авторитарный характер. Он мог решать все дела общества по своему усмотрению: снимать и назначать новых руководителей, сотрудников и учредителей Аненербе. Кроме этого, куратор был единственным, кто мог внести изменения в Устав. Впервые за два года существования Аненербе была установлена четкая, формально-юридическая связь между обществом и шефом СС. Рейхсфюрер СС официально возглавлял попечительский совет «Наследия предков». Можно было говорить о начавшейся интеграции Аненербе в СС.

Как уже упоминалось выше, при Аненербе был создан попечительский совет. Идея создания подобной организации была выдвинута В. Вюстом в мае 1937 года. Ее горячо поддержал Гиммлер. Попечительский совет «Наследия предков» начал свою деятельность в том же месяце, ставя своей основной задачей решение финансовых вопросов. В совет должны были войти наиболее значимые представители индустрии и подразделений НСДАП, которые могли бы оказать всестороннюю поддержку в реализации планов Аненербе. Непосредственный контроль за деятельностью совета осуществлял ужс знакомый нам Бруно Гальке. К этому времени стало ясно, что Имперский продовольственный комитет существенно сократит финансовые отчисления «Наследию предков». В сложившихся условиях ни членские взносы, ни казна СС не могли обеспечить достаточного финансирования для проведения исследований. Ситуация начала меняться, когда 15 августа 1937 года попечительский совет выделил 8 тысяч рейхсмарок. Само по себе это было небольшой суммой, но предполагалось, что со временем финансовые поступления станут регулярными и более значительными. Эти средства собирались получить, в частности, от эсэсовца Антона Лойбла. Этот человек долгое время был личным шофером Гиммлера, а затем запатентовал новую модель тормозного устройства для автомобилей. Промышленное производство этого тормоза принесло ему немалый доход. Но, тем не менее, идея попечительства как основного источника доходов Аненербе не оправдала надежд рейхсфюрера СС. Тогда у Гиммлера не было структур, которые могли бы вести эффективную экономическую деятельность. А те, что имелись, занимались в основном вопросами мировоззрения и идеологии. Те же, кто оказывал поддержку Аненербе, исследованиям комплекса Экстернштайн и сохранснию собора замка Кведлинбург (это были основные статьи расходов попечительского совета), как правило, не были связаны с СС.

К тому же не стоило списывать со счетов Германа Вирта, который, хотя и был отстранен от реальной деятельности, но все-таки занимал мифический пост Почетного председателя Аненербе. Статус этой должности не был даже обозначен в новом Уставе. Вирт с трудом перенес переименование Аненербе из «Общества духовной истории древности» просто в «Исследовательское общество». Он, как уже говорилось, считал себя изобретателем термина «духовная история древности» и очень гордился этим. Но еще сложнее было пережить изоляцию. Все это фактически раскололо членов Аненербе на два лагеря: с одной стороны — единомышленники Вирта, а с другой — Гиммлера, Вюста и Зиверса. Каждый из трех лидеров второго, наиболее авторитетного лагеря имел свои личные основания для того, чтобы избавиться от неугодного Вирта. К этому добавились слухи о том, что Вирт начал сотрудничество с Розенбергом. В 1937 года Гиммлер как никогда твердо заявил, что не намерен терпеть фантастов в сфере гуманитарных наук. К началу 1938 года Гиммлер окончательно потерял доверие к Вирту. Он более не верил в его способности историка-исследователя. «Хроники Ура Линды» остались непризнанными научным миром, как, собственно, и большинство работ Вирта. Это не мешало рейхсфюреру в личной переписке с друзьями заявлять, что он не сомневается в подлинности «Хроник», так как в них содержатся факты, которые подтверждаются многими устными преданиями. Но, видимо, сомнения, терзавшие шефа СС на этот счет, взяли верх, и он попросил уважаемого профессора-германиста Отто Маузера провести экспертизу «Хроник Ура Линды». В 1938 году Маузер дал ответ Гиммлеру, в котором заявил, что не нашел ни одного факта, который мог бы подтвердить их подлинность.

Внутреннее убранство замка Кведлинбург

Кроме всего прочего, Вирта отличало своевольное использование финансовых средств. Часть из них он весьма нерационально якобы тратил на исследования, другие, не скрываясь, пускал на

личные цели. Для щепетильного на этот счет Гиммлера этого было вполне достаточно, чтобы невзлюбить исследователя. Не имея никаких финансовых полномочий, Вирт, тем не менее, в 1935—1936 годах фактически растранжирил весь бюджет Аненербе и окончательно запутал бухгалтерию. Для Генриха Гиммлера марбургский историк стал невыносимой обузой. Однажды рейхсфюрер вышел из себя, когда узнал, что Вирт занимал деньги у частных жертвователей, прикрываясь его авторитетом. Кстати, деньги Вирт так и не вернул. Кредиторы обратились лично к Гиммлеру с просьбой погасить долг. Примечательно, что Гиммлер вернул долги Вирта, которые не только не вычел из его жалованья, но обеспечил ему шикарное финансирование. В 1937 году он получал ежемесячно 800 рейхсмарок от Аненербе и 700 рейхсмарок от Берлинского университета (1500 рейхсмарок по тем временам сумма почти фантастическая).

Финансовая сторона дела вообще не интересовала Вальтера Вюста, он мечтал отделаться от человека, который «портил репутацию *его* (!!!) организации». В 1937 году Вюст услышал о том, что Вирт до сих пор считал себя высшей инстанцией в Аненербе, а мюнхенского профессора не более чем бесполезным приложением к «Наследию предков». В ответ Вюст заметил, что сохранение за Виртом поста Почетного председателя никак позитивно не отразилось на деятельности общества, а только потворствовало неудовлетворенным амбициям некоторых людей. Вирт перепробовал все способы, чтобы сохранить свое прежнее влияние и найти хоть каких-нибудь союзников внутри Аненербе. Но в свете «изгнания» из «Наследия предков» ставленников Дарре это было почти нереально.

Зиверса в фигуре Вирта не устраивало очень многое. Например, прошлые контакты, когда он был фактически подчинен исследователю, что Зиверс, как честолюбец, очень тяжело переживал. Вообще, крайне напряженные отношения, которые сложились к 1937 году между Виртом и Зиверсом, можно объяснить только при помощи психологического анализа их неясных связей накануне создания Аненербе. Несомненно, при создании «Наследия предков» Вирт рассчитывал на поддержку Зиверса. Только этим можно объяснить восстановление отношений, разорванных в 1933 году. Это подтверждало его письмо, в котором Зиверс писал своей будущей жене, что он вынужден был согласиться на более тесные взаимоотношения с ученым, так как это могло сделать его полностью независимым. Но договоренность с Виртом осталась только словами. С первых же дней работы в Аненербе Зиверс начал выступать на стороне Гиммлера. Он прекрасно осознавал, какие возможности давал его пост в решении административных проблем, и собирался использовать его как можно эффективнее. Зиверс пришел в Аненербе восторженным

романтиком с идеалистичными представлениями о будущей элите Германии. Но постепенно он стал меняться. К 1938 году он превратился в «холодного эсэсовского технократа», чему способствовали его частые встречи и непосредственное подчинение рейхсфюреру СС. Не являясь сторонником эсэсовской идеологии, Зиверс предстал в виде расчетливого функционера, готового ради своего карьерного роста поддерживать любую, даже самую бесчеловечную идею. Он презирал наивную романтику Генриха Гиммлера. Но вместе с тем он полностью отказался от мечтательных теорий Хильшера и мифологических конструкций Вирта. Отныне он руководствовался лишь своим ненасытным честолюбием, а элитарность понималась им исключительно как личные успехи.

Кроме этого, Зиверс был лично заинтересован в том, чтобы избавиться от Вирта, которому он до сих пор продолжал формально подчиняться. Он хотел предать забвению отдельные страницы из прошлого, о коих Вирт был более чем осведомлен. Ранее он был открытым, не определившимся с жизненными ориентирами юношей, который хотел, чтобы Вирт, авторитет для многих молодых людей, сделал его своим учеником. По мере того как Зиверс врастал в структуру СС, он все чаще ловил себя на мысли, что его юношеские увлечения были минутной слабостью. Он цинично решил, что необходимо во что бы то ни стало избавиться от свидетеля его «юношеских заблуждений», пока Вирту самому не пришла в голову мысль использовать эти знания в собственных целях. Зиверсу удалось нанести первый удар, когда в 1936 году он предложил Гальке свои услуги для подготовки молодых эсэсовцев. Он мотивировал этот шаг тем, что как никто знал взгляды Вирта, а потому мог легко заменить его. Это оскорбление Вирт так и не смог никогда простить своему бывшему ассистенту.

Зиверс сначала как генеральный секретарь, а затем как имперский руководитель общества был в курсе всех дел Аненербе, к тому же Гиммлер доверял ему. Это был хороший стартовый капитал для карьеры внутри СС. Он полагал, что был просто предназначен для того, чтобы заменить Вирта. Устав 1937 года дал ему возможность осуществить свою мечту. Заручившись поддержкой Президента (Вюста), Зиверс начал интригу. Он стал распускать слухи, что назначение его на пост Почетного председателя было бы логичным шагом в развитии Аненербе. Вюст, присутствовавший при этих разговорах, подчеркивал, что это было бы не просто логично, но и целесообразно. Даже Райшле, который когда-то благожелательно относился к Вирту, вторил, что прошли все сроки для того, чтобы образумить нынешнего Почетного председателя Вирта. К январю 1938 года Вирт сдал последние позиции в «Наследии предков». В это вре-

мя Вюст совместно с Зиверсом планировали будущую работу Аненербе, предоставляя свои наброски лично рейхсфюреру СС. Раньше подобные задачи были сферой деятельности Вирта, к которой Зиверса даже не подпускали.

Пик кризиса в Аненербе пришелся на май 1938 года. Тогда Вюст и Зиверс написали Вирту нелицеприятное письмо, в котором заявили, что его чудачества противоречили научным и культурным целям рейхсфюрера СС. Авторы письма с «неподдельным» ужасом обнаруживали, что Вирт не понимал ни структуры, ни важнейших задач, ни объема работ, предстоящих Аненербе. Вюст и Зиверс приходили к уничижительному выводу, что он подменял цели и задачи «Наследия предков» своими собственными научными и исследовательскими интересами. Далее Вирту было даже заявлено, что и свое свободное духовное творчество он должен был согласовывать с руководством СС. В последних строках письма Вюст и Зиверс подчеркивали, что в сложившихся условиях они как представители Аненербе наотрез отказались ходатайствовать перед Имперским министерством воспитания и образования о присуждении Вирту научной степени. Не имея возможности продолжать свою работу в рамках «Наследия предков», Вирт теперь потерял всякие надежды и на научную карьеру. Он был подавлен.

Это письмо как никакой другой документ того времени показывало, что Вирт мог продолжить свою исследовательскую деятельность только в одном случае. Он должен был оставить все посты и покинуть Аненербе. Этот шаг он сделал в декабре 1938 года.

Так закончилась не только карьера Вирта, но и второй немаловажный период в истории «Наследия предков», время, когда были созданы все условия для принятия нового, третьего Устава общества. Но все эти подводные течения были незримы для стороннего наблюдателя. Внешне Аненербе производило впечатление сплоченной и монолитной структуры. Гиммлер пытался замять возможные негативные последствия «изгнания» Вирта. Он начал демонстративно проявлять интерес к тем людям, которые еще недавно считались друзьями и спонсорами неугодного исследователя (сенатор Розалиус, Матильда Мерк и т.д.). И тут Зиверс выступил как талантливый дипломат. Он заявил, что свои пожертвования они получат назад не от Вирта, а из кассы Аненербе.

После войны Вирт, все еще остававшийся убежденным нацистом, пытался озвучить собственную легенду о причастности к Сопротивлению. Свой разрыв с рейхсфюрером СС он пытался объяснить идеологическими противоречиями и собственным неприятием Третьего рейха. Об идеологическом конфликте не могло быть и речи. Вирт, примкнувший в 50-е годы к реваншистскому политиче-

скому лагерю, в своей работе «О первоначальном духе человеческого бытия» с большой симпатией отзывался о национал-социалистическом режиме в целом и Гитлере в частности[1].

Бурные разборки между Виртом и новым руководством Аненербе, как ни парадоксально, фактически никак не отразились на деятельности «Наследия предков». После того как в 1938 году рухнули надежды Вирта создать собственную кафедру в Берлинском университете и получить звание профессора, он отправился в свой дом в Марбурге, где вел жизнь отшельника. Надо подчеркнуть, что он не таил зла на рейхсфюрера и по мере возможности поддерживал с ним контакт. Этому способствовало и то, что, покинув Аненербе, Вирт все-таки остался гауптштурмфюрером СС, подчиненным лично Гиммлеру. Проведя несколько лет в изоляции, Вирт все же защитил в 1941 году диссертацию и получил звание «профессора-исследователя истории древней символики и религиозности». Этот факт можно было бы не упоминать, если бы после войны не всплыли документы, говорящие о том, что Гиммлер *лично* противодействовал этому. Получалось, что отношение Гиммлера к нему не изменилось даже после того, как сын Вирта вступил в СС, а у себя на родине, в Голландии, ученый как пособник нацистов был объявлен вне закона. В 1944 году Герман Вирт получил в Геттингене кафедру этнографии, но покинул ее из-за конфликта с местной профессурой.

«Изгнание» Вирта значительно облегчало Гиммлеру решение «проблемы Дарре», который хоть и незначительно, но продолжал влиять на деятельность Аненербе. Как свидетельствовали жена и друзья Дарре, с 1936 года имперский руководитель крестьян и рейхсфюрер СС избегали каких-либо контактов между собой. Противоречия между ними привели к тому, что в феврале 1938 года Дарре вообще собирался покинуть СС. В свете этого вполне логичным казался вопрос о новом руководителе Главного управления СС по вопросам расы и поселений и о новых задачах этого управления. Обстоятельства и причины подобного поступка Вальтера Дарре до сих пор не ясны. Можно предположить, что решающую роль в этом конфликте сыграли идеологические разногласия с шефом СС. Очевидно, что рейхсфюрер всячески поддерживал начальника отдела обучения РуСХА Иоахима Цезаря, который давно не ладил с Дарре. Должность начальника этого отдела была очень важна для Гиммлера. Дарре в одном из своих писем сообщал, что рейхсфюрер откры-

[1] В своем монументальном справочнике, посвященном неофашистским организациям ФРГ, Курт Таубер однозначно относит Вирта к числу наиболее значимых ультраправых послевоенных идеологов.

то вмешивался в его дела, увольняя уже третьего начальника отдела обучения. Сам Дарре кичился тем, что именно он подарил Гиммлеру идею «крови и почвы», и считал, что тот должен был быть ему благодарен. Надо заметить, что имперский руководитель крестьян кривил душой. Гиммлер не воспринимал идею Дарре как идеальную, для него это был лишь мертвый тезис. Да и понимали они ее совсем по-разному: Дарре ставил в ее центр статичное поселение, а Гиммлер — динамику борьбы. В конце концов, все можно свести к основополагающим различиям в характерах этих людей: Гиммлер был агрономом, который хотел стать офицером, а Дарре, наоборот, был офицером, мечтавшим о сельском хозяйстве. Дарре полагал, что «крестьянство» и «поселения» были идентичными понятиями, а Гиммлер развивал свою идею о «боевом крестьянине», который должен был стать своего рода пограничным солдатом на восточных границах. Немаловажно и то, что сами сотрудники Аненербе весьма негативно относились к идее «крови и почвы», которая ассоциировалась у них в первую очередь не с имперским руководителем крестьян, а с опальным ученым Виртом.

Неопределенное положение, которое с 1937 года Дарре занимал в Аненербе, только способствовало назревавшему разрыву. Помощь Вирта и дружба с ним усугубили это, предопределив враждебное отношение к имперскому руководителю крестьян со стороны Вюста и Зиверса. Позиции Райшле, Кинкелина и Метцнера в «Наследии предков» были настолько шаткими, что они даже не решались вступиться за Вирта. Сначала их служебные полномочия урезали до минимума, а в 1938 году без каких-либо объяснений вывели из состава «Наследия предков». В январе 1939 года их должности, предусмотренные Уставом, ликвидировали, а отделы прекратили свою деятельность. Не удивительно, что по мере того, как ухудшались взаимоотношения Гиммлера и Дарре, сокращалось сотрудничество Аненербе и Имперского продовольственного кабинета. К 1938 году единственной точкой соприкосновения интересов этих двух структур был исследовательский проект «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре». Но в начале 1939 года Дарре заявил о существенном сокращении финансирования и этого проекта.

После того как Дарре утратил контроль над Аненербе, Генрих Гиммлер продолжил дальнейшую интеграцию исследовательского общества в состав СС. Теперь этому не только ничто не мешало, но подобное развитие событий отвечало личным интересам Вюста и Зиверса. По мере того как разваливалось РуСХА, они все чаще приходили к мысли о необходимости укрепления связей с личным штабом рейхсфюрера СС. В начале 1937 года эту идею стали поддерживать и функционеры штаба. Поскольку эти организации выполняли исключительно задания Гиммлера, то союз между упомянутыми

двумя структурами оказался на редкость прочным. В результате в 1937 году Гиммлер был уверен, что руководство «Наследия предков» придерживалось генеральной линии СС. С этого периода все финансовые дела Аненербе вел начальник одного из управлений штаба группенфюрер СС Освальд Поль. Этот эсэсовец уже давно проявлял повышенный интерес к исследовательской организации рейхсфюрера. Он присутствовал на некоторых докладах Гальке и Зиверса; в ноябре 1937 года он посетил одно из зданий «Наследия предков», чтобы лично ознакомиться с работой общества. Появление Освальда Поля изрядно уменьшало значение Бруно Гальке, который, став членом правления «Наследия предков», ушел в тень. Одновременно с этим Гальке потерял свой пост «Особого уполномоченного рейхсфюрера СС» в составе Аненербе. По мере того как Поль укреплял свои позиции в исследовательском обществе, Зиверс становился лично ответственным за административно-финансовую деятельность, ориентируясь на сотрудничество со штабом Гиммлера. В 1939 году Гальке и вовсе лишился контроля над «Наследием предков», так как часть финансовых дел начал вести сам Вальтер Вюст, на что было получено соответствующее разрешение у Гиммлера и Поля. В своей научной деятельности Вальтер Вюст также оказался тесно связанным со штабом Гиммлера — здесь он сотрудничал с референтом и стенографистом рейхсфюрера СС, юристом Рудольфом Брандтом. О степени интеграции в 1938 году Аненербе в эсэсовский аппарат нагляднее всего говорил тот факт, что Вюст и Зиверс разделили между собой экстраординарные функции Бруно Гальке.

Освальд Поль, обергруппенфюрер СС, начальник главного административно-хозяйственного управления СС, в ведении которого находились концлагеря и предприятия системы СС

Важнейшим моментом этого слияния являлось почти обязательное членство сотрудников Аненербе в СС. В 1937 году личному штабу рейхсфюрера подчинялся только Вольфрам Зиверс, но никак не научный и административный аппарат «Наследия предков». Командуя всеми сотрудниками, Зиверс в то время находился уже в чине оберштурмфюрера СС. С его подачи сотрудники общества были облечены эсэсовскими чинами. Тем самым он укрепил свою власть — теперь он мог командовать не только как имперский руководитель общества, но и как старший по званию и уполномоченный штаба Гиммлера. Наипервейшей обязанностью для каждого сотруд-

Результаты раскопок, предпринимаемых «Наследием предков», интересовали не только руководство СС. За раскопками внимательно следили также представители других организаций Третьего рейха

ника стало исполнение обязанностей эсэсовца. Теперь в своей деятельности они должны были руководствоваться не только нормами поведения эсэсовца, но и соблюдать служебную субординацию. Отныне при приеме в Аненербе научная квалификация не играла особой роли. Кандидат обязан был пройти соответствующую проверку личных качеств, которые должны были быть присущи эсэсовцу. К этому добавлялось еще и то, что отныне любая информация внутри Аненербе получала определенный гриф секретности, а ее разглашение трактовалось не иначе, как государственная измена. Вдобавок ученые должны были подвергаться служебным взысканиям даже за незначительные провинности. Об этих проступках они должны были незамедлительно сообщать своему начальству, что придавало им еще и полицейские функции.

Подчинив себе РуСХА, Освальд Поль не оставил и следа от борьбы за сферу влияния между Аненербе и Главным управлением СС по вопросам расы и поселений (в основном мировоззренческое обучение). Решая собственные задачи, Зиверс и Вюст теперь пошли дальше, заявив свои претензии на такую сферу деятельности РуСХА, как археологические раскопки и антропологические исследования. Стало понятно, зачем в январе 1937 года Зиверс хотел переманить из РуСХА профессора антропологии Герхарда Хеберера, которому пообещал привилегированную должность в Аненербе.

Тем временем и сам Гиммлер пришел к выводу, что остановить распад РуСХА было почти нереально. К тому же руководство СС уже давно подозревало, что осуществлять научную работу средствами, имевшимися у РуСХА, не просто тяжело, но и фактически невозможно. В случае проведения реорганизации Главного управления СС по вопросам расы и поселений выигрывало прежде всего Аненербе. В феврале 1938 года, то есть до ухода Дарре, РуСХА претерпело ряд преобразований, в ходе которых львиная доля задач была передана «Наследию предков». Окончательно реорганизация бы-

ла закончена только в 1940 году, когда Главное управление было превращено в Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности, который возглавил лично Гиммлер.

Если говорить о том, как были распределены задачи Главного управления СС по вопросам расы и поселений, то сфера идеологического обучения досталась не Аненербе, а Главному управлению СС, расовые вопросы и исследования оказались раскиданными по другим управлениям. «Наследие предков» получило отдел раскопок, с 1935 года возглавляемый уже знакомым нам Лангсдорфом, и отдел древнейшей и ранней истории. Впредь «Наследие предков» могло прстендовать на равные права с другими эсэсовскими структурами. Аненербе пыталось доказать, что по статусу оно равно Главным управлениям СС. Только тогда оно могло претендовать на существенные привилегии. И, хотя все сотрудники «Наследия предков» были тесно связаны с парамилитаристскими структурами охранных отрядов, все попытки оказались тщетными — половина сотрудников до сих пор продолжала оставаться гражданскими лицами.

Для Зиверса и Вюста это был наиболее прискорбный момент. Для руководителей многих структурных подразделений СС до сих пор оставалось непонятным: было ли Аненербе полностью эсэсовской или гражданской структурой, состоявшей большей частью из эсэсовцев. Сам же рейхсфюрер Гиммлер не спешил поставить точку. Он занял выжидательную позицию. Тогда ситуацию попытался изменить Вюст, предложив Гиммлеру стать главой Аненербе. Тем самым он надеялся обеспечить особое покровительство «Наследию предков». Но в данном случае Гиммлер должен был полностью взять на себя финансирование исследовательского общества. К этому времени поступления денег от Дарре фактически прекратились, а СС не были в состоянии обеспечить финансами все проекты «Наследия предков». Вследствие этого большую часть расходов пока благосклонно покрывало Немецкое исследовательское общество. В этих условиях Аненербе не могло полностью влиться в состав СС. Представители Немецкого исследовательского общества настаивали на самостоятельности «Наследия предков», что позволило бы им проследить, целевым ли образом тратились предоставленные средства.

Тем не менее в 1937—1938 годах Аненербе удалось достигнуть определенных успехов в налаживании связей с различными структурами СС. В этом исследовательскому обществу помогал сам рейхсфюрер. Так, например, он порекомендовал «Наследию предков» установить более тесные связи с общегерманским институтом «зидлюнгсфюрсров» (поселковых руководителей), которые ранее подчинялись РуСХА. Кроме этого, заметки и статьи сотрудников Аненербе регулярно появлялись в ведомственном эсэсовском жур-

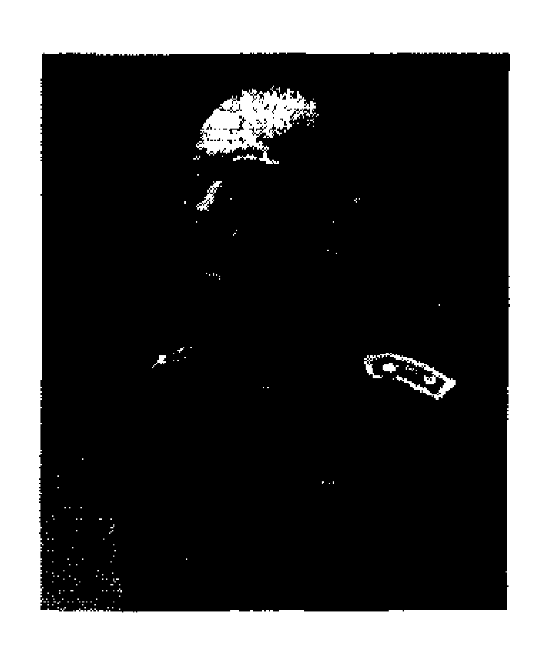

Руководство СС спешит на празднество в замок Кведлинбург

нале «Черный корпус». Но более примечательно, что Зиверсу при общении с руководством СС удалось выйти за чисто служебные рамки. В июле 1936 года во время праздника в Кведлинбурге, посвященного Генриху «Птицелову», Зиверс установил связи с так называемым «ближним кругом Генриха Гиммлера». Этот «кружок», более известный как «капплеровский» (от имени возглавлявшего его Вильгельма Капплера), состоял из крупных финансистов и промышленников. В него входили Курт фон Шрёдер (Банковский дом Штайна), Рудольф Бингель («Сименс») и многие другие. Все они способствовали решению культурных и социальных задач, поставленных рейхсфюрером СС. Зиверс весьма выгодно использовал свое знакомство с этими деятелями. Уже в 1937 году он передал «секретарю» гиммлеровского кружка, промышленнику и оберштурмбаннфюреру СС Фрицу Кранефусу просьбу о выделении Аненербе финансовых средств. Эти средства были тут же предоставлены Ойгеном Вёглером, главой нескольких концернов в Эссене. Про него часто говаривали, что свое место в «кружке» Гиммлера он обеспечил своей неимоверной щедростью. По этому поводу Зиверс даже цинично заявил Кранефусу, что герр Вёглер не идеальный человек, по крайней мере, не тот тип хозяйственного лидера, в котором нуждались СС. При этом Зиверс не забывал, что эти средства предоставлялись ему отнюдь не как кредит, а как обыкновенное пожертвование.

Еще более плодотворными оказались связи «Наследия предков» со службой безопасности (СД) Главного управления имперской безопасности (РСХА). Их хорошо иллюстрирует один факт. В середине 1937 года в «Наследие предков» перешел ранее работавший в СД исследователь и частный ученый Петер Виперт. Появление Виперта в Аненербе было использовано руководством исследовательского общества для того, чтобы заполучить финансовые и административные возможности ведомства Рейнхарда Гейдриха. В дальнейшем частные контакты переросли в планомерное сотрудничество этих двух организаций. Решающую роль здесь сыграл кандидат наук и эсэсовский функционер Франц Альфред Зикс.

Этот юрист-правовед, родившийся в 1909 году в г. Манхайм, к 1938 году стал олицетворением молодых интеллектуалов СС. Примкнув к нацистам будучи еще студентом, в 1934 году он возглавил одно из управлений в Имперском студенческом руководстве. Год спустя, в 1935 году, он стал во главе отдела СД IV2, отвечавшего за мировоззренческую борьбу с противником. Одновременно с этим преподавал в высшей школе, а в 1938 году даже стал профессором в Кёнигсбергском университете. Неудивительно, что Зиверс был заинтересован в доверии столь талантливого человека. Их знакомство состоялось в январе 1938 года. Зиверс восхищенно отозвался о статьях Зикса (тогда занимавшего пост оберштурмбаннфюрера СС), которые он публиковал в собственной газете. Летом того же года в СД было организовано тайное совещание, на котором Зиверс, Вюст и Зикс обсуждали не только отдельные аспекты эсэсовской политики в отношении вузов, но и возможный переход Зикса в Аненербе, где он должен был возглавить отдел «Политической духовной истории». Это сближение имело значение хотя бы потому, что из всех эсэсовских организаций именно СД была наиболее тесно связана с немецкими университетами и миром науки. Студенты и преподаватели нередко являлись осведомителями СС и контролировались профессором Рейнхардом Хёном, который отвечал в СД за обработку информации, поступавшей из наиболее важных областей общественной жизни Германии. В свете этого СС были вынуждены, хотя и весьма ограниченно, заниматься высшей школой. Совещание, проводимое под председательством Зикса, показало, что СД была готова к тесному сотрудничеству с «Наследием предков». Зикса устраива-

Франц Альфред Зикс

Профессор Эдуард Тратц, возглавлявший зальцбургский «Дом природы»

ло то, что он посредством этого сотрудничества получил бы еще больший контроль над немецкими вузами. Вюста и Зиверса привлекал авторитет СД, который они собирались использовать в собственных целях.

Впоследствии эти служебные отношения приобрели дружеский характер. Профессор из СД с удовольствием выполнял просьбы руководства Аненербе, не забывая рекламировать исследовательское общество. В «Наследии предков» ему тоже пошли на встречу. Аненербе помогало другу Зикса, директору Института исторического страноведения Цендеру, которого за католический фундаментализм прозвали «унитазом». Также с подачи СД Зиверс установил связи с зальцбургским зоологом, профессором Эдуардом Тратцем, который, несмотря на свои связи с Ротари-клубом[1], числился в СС на хорошем счету. В Аненербе активно интересовались и разработками сотрудника СД, философа и физика Гуго Динглера. Этот исследователь продолжал придерживаться гуманистических научных воззрений, а потому не считался национал-социалистом в полном понимании этого слова. Основные нравственные постулаты нацизма — героизм, самопожертвование, коллективизм — не принимались философом, который продолжал ставить личность выше общества.

Но это было, скорее всего, исключением, одним из парадоксов, которые часто встречались в нацистской Германии. Для Гиммлера доказательством квалифицированности сотрудников «Наследия предков» являлась их мировоззренческая грамотность — политизации подвергались абсолютно все исследования. Даже «Германское собрание источников» — проект, осуществляемый в этот период Аненербе, должно было прежде всего доказывать влияние германского типа на так называемое христианское средневековье. О политизации исследований говорила и деятельность исследователей Экстернштайна: все они были снабжены своего рода учебником об этом комплексе, одобренном лично рейхсфюрером СС. Учебник должен был быть и путеводителем для эсэсовцев (к этому времени посещение Экстернштайна, как и приобретение юльских светильников, было для них почти обязательным).

---

[1] *Ротари-клуб* — международная организация, относимая исследователями к белому (экономическому) масонству американского типа.

Но не стоило полагать, что в это время Аненербе занималось только идеологической обработкой членов СС. Другой, не менее важной задачей были геральдические исследования и изучение сакральной символики. Эта работа «Наследия предков» базировалась на желании Гиммлера создать родословную каждого высокопоставленного эсэсовца, которую должен был венчать собственный герб. Подобное намерение вписывалось в общую концепцию создания специфических национал-социалистических традиций, которые стали прививаться начиная с 1933 года. Чтобы поспособствовать этому начинанию, Гиммлер поставил перед Аненербе задачу возвратить в обиход старые ритуальные знаки. Тщеславие рейхсфюрера выражалось не только в том, что он собирался прославить собственных предков, но и в том, что он был намерен выстроить запутанное генеалогическое древо самого Гитлера. Занимаясь составлением родовых гербов Поля и Гейдриха, Аненербе неожиданно обнаружило, что свастика использовалась не только в домашнем гербе Гитлера, но и Гиммлера. По их версии, семья Гиммлера стала применять этот символ в 1523 году, то есть почти на век раньше Михаеля Гитлера. Интересно то, что этот Михаель Гитлер автоматически зачислялся эсэсовскими исследователями в предки фюрера, однако для этого не было никаких оснований, а после войны данный вывод был вообще признан ошибочным.

Политическая направленность исследований была очевидной. Когда Гиммлер ставил перед Аненербе научные задачи, то подразумевал, что их выполнение должно было способствовать созданию нового германского мира, причем СС рассматривались как краеугольный камень этой цивилизации. Мифологические выдержки, увязанные с утилитарной идеологией, должны были вылиться в специальные эсэсовские поселения, своего рода питомник для новой германской расы. Мифология между тем начала выходить за рамки чисто практических задач. Гиммлер поручил Аненербе исследование похоронных обрядов древних германцев. Внимание рейхсфюрера привлек обряд изготовления гроба из дерева, которое выбиралось еще при жизни человека. По мнению Гиммлера, этот обряд, если бы он вновь укоренился в традициях немецкого народа, мог стать основой для нового религиозного культа. Христианство было для шефа СС неполноценным хотя бы потому, что оно предельно исказило языческие обряды, в которых якобы крылись его истинные корни. Примитивные взгляды Гиммлера вряд ли можно было назвать стройной религиозной системой, скорее, они являлись обожествлением живой природы. Тринадцатимесячный древнегерманский календарь являлся не итогом изучения язычества, а всего лишь подтверждением «учения о мировом льде».

Именно из этой «гремучей смеси» наивной интуиции и поверхностных знаний начали возникать новые, более конкретные задачи Аненербе. Например, Гиммлер обратил свой взгляд на античность. В конце 1937 года, находясь в Италии, рейхсфюрер прислал Вюсту большое письмо, которое повлекло за собой значительное расширение деятельности «Наследия предков». Музеи Италии содержали бесчисленное количество экспонатов, которые привлекли внимание рейхсфюрера с точки зрения арийства. Не без оттенка высокомерия Гиммлер писал в этом письме, что сами итальянцы не уделяли им никакого внимания. Он захотел устранить этот недостаток и поручил Вюсту создать в Аненербе подразделение, задачей которого являлся поиск индогерманских корней в Италии и Греции (!). Эта задача была очень важна для Гиммлера, так как по сути обозначала пересмотр всех имеющихся археологических сведений. Двумя месяцами позже в «Наследии предков» была создана новая структура — отдел классической филологии и древнего мира. Во главе его встал берлинский антиковед, доцент-латинист Рудольф Тилль. Его задачей было показать влияние (причем не просто значительное, а определяющее) германского нордического компонента на Средиземноморье и античный мир.

Самое парадоксальное, что многие ученые в Аненербе хотели сохранить свободу академических взглядов даже при таком жутком политическом давлении. Непонятно, как это могло произойти, если четко регламентированными оказались не только сферы деятельности (как правило, идентичные интересам рейхсфюрера), но и сами методы проведения исследований. Так, например, предписывалось, чтобы германоведческие публикации «Наследия предков» были простыми и соответствовали духу и пониманию обыкновенного немца. Пример Хайнара Шиллига показывал весьма шаткое положение ученого «при дворе» шефа СС. Близкому к СС и лично к Гиммлеру исследователю рун запретили публиковать его работу, так как его взгляды не совпадали со взглядами рейхсфюрера. Мнения дилетанта было вполне достаточно, чтобы наложить запрет на работу специалиста! Все исследователи оказались перед

Ученик мистика Альфреда Шулера Людвиг Клагес считался учителем многих ученых из «Наследия предков»

серьезным выбором. Заявить о нелепости исследований, если к ним проявил интерес Гиммлер, было нереально. Более того, сотрудничество с Аненербе должно было означать отказ от собственных научных взглядов. Один из сотрудников Аненербе, Отто Хут, должен был даже выбирать между работой и своим учителем — философом и графологом Людвигом Клагесом. Поводом для этого стало то, что мировоззрение Клагеса не соответствовало эсэсовским нормам.

В действительности оказалось, что ученые Аненербе находились не только под прессом служебных обязанностей эсэсовца, но и под гнетом четко идеологически выверенных научных предписаний. В мае 1937 года Зиверс взял на вооружение концепцию рейхсфюрера, согласно которой Аненербе являлось жесткой организацией, члены которой спаяны и в контексте науки, и в контексте политики. Внутри занимавшегося «политической наукой» «Наследия предков» должна была преобладать *общественная работа*, в рамках которой ни отдельный сотрудник, ни отдельное подразделение не могли идти своим путем. В октябре 1937 года эта идея была закреплена приказом Гиммлера. В нем Президенту Аненербе предписывалось визировать перед сдачей в печать все работы сотрудников Аненербе. Отныне он был лично ответственен (что полностью соответствовало нацистскому «фюрер-принципу») за содержание и направленность книги, равно как и за то, что она должна соответствовать принципам СС и задачам, поставленным рейхсфюрером.

Послевоенные заявления сотрудников Аненербе о том, что они являлись свободными в собственных действиях, выглядели парадоксально, если принимать во внимание такое колоссальное политическое давление. Так как же на самом деле обстояли дела?

В целом в «Наследии предков» существовало три уровня работы. На первом, высшем уровне Гиммлер ставил задачи (нередко совершенно абсурдные) перед руководством исследовательского общества. Здесь требовался особый талант, чтобы придать им научно обоснованную форму. Первые лица делали все возможное, чтобы наклонности главы СС окончательно не дискредитировали Аненербе как научно-исследовательское общество. Йозеф Отто Плассманн, редактор издания Аненербе «Германия», глава исследовательского отдела германской культуры и местного фольклора, вспоминал после войны: «Если Гиммлер ставил совершенно глупые задачи, то мы пытались предельно тактично дать негативный ответ, либо вообще затягивали с ним». Как следует из документов, второе случалось намного чаще, нежели первый, более рискованный вариант. Ориентируясь на дилетантские задания рейхсфюрера, Аненербе рисковало скатиться до уровня организации, занимавшейся псевдонаучными изысканиями. Таковым фактически с самого начала был «магиче-

ский» отдел метеорологии и астрономии, к которому Зиверс и Вюст относились с изрядным скепсисом. Надо понимать, это не мешало Гиммлеру возлагать на него значительные надежды.

На втором уровне происходила идеологическая обработка научных знаний. Именно здесь сухим научным фактам придавалось политическое значение. В этом неблагодарном деле участвовали почти все исследователи общества. Даже самые талантливые ученые были вынуждены отказываться от собственных научных взглядов, превращаясь в обычных политических агитаторов. И здесь очень трудно провести грань между обычной наивностью и банальным оппортунизмом. У каждого исследователя были самые различные устремления и собственные мотивации. Еще сложнее ответить на вопрос: кто конкретно из ученых нес ответственность за узурпацию науки политикой? Или в этом виноваты все вместе? Неким оправданием могло стать то, что Гиммлер принимал все мыслимые меры, чтобы склонить ученых к согласию с идеологическими требованиями режима. С функциональной точки зрения этот компромисс был бесполезен для тоталитарного режима («В нашем рейхе все люди в политике»...). Но для главы СС он имел особое, личное значение. Этот шаг позволял ему повысить свой авторитет в среде ученых, так как его покровительство служило своего рода защитой от доктринерства отдельных партийных деятелей, которые требовали немедленной унификации и перекройки традиционной науки. В качестве примера можно привести хотя бы того же А. Розенберга. К тому же не стоило забывать, что учеными мог двигать обыкновенный карьеризм. Рискуя лишиться своих рабочих мест, подвергаясь нападкам догматиков, они выбирали из двух зол наименьшее. По крайней мере, им тогда казалось, что это — Гиммлер. Пойдя на компромисс, они надеялись, что смогут свободно проводить в Аненербе свои исследования, хотя бы в той области, где они совпадали с интересами рейхсфюрера. Полуофициальное учреждение, находившееся под покровительством Гиммлера, не контролировалось ни Немецким исследовательским обществом, ни Имперским министерством воспитания, ни какими-либо другими партийными и государственными структурами. Только Аненербе могло найти деньги для исследователей, вмиг предоставить защиту от не в меру рьяных сторонников нового режима.

Возьмем хотя бы пример нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. После 1933 года четверть физиков, начиная с самого Альберта Эйнштейна, лишились работы, потому что они были евреями или не принимали национал-социализм. В это время сторонник «арийской» физики Йоханнес Штарк начал борьбу с «белыми евреями», теми, кто не разделял его взглядов. В качестве такового он

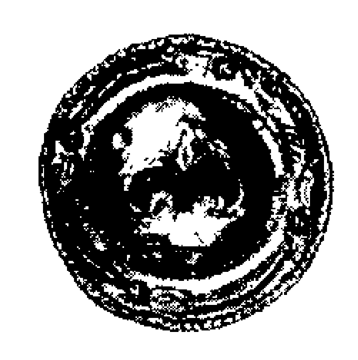
рассматривал Гейзенберга. В лучшем стиле политических доносов Штарк написал статью для «Черного корпуса»: «В 1933 году Гейзенберг одновременно с учениками Эйнштейна — Шрёдингером и Дираком — получил Нобелевскую премию. Это была демонстрация находящегося под еврейским влиянием Нобелевского комитета против национал-социалистической Германии. Эту ситуацию можно приравнять к награждению Осецкого. Гейзенберг принадлежит к наместникам еврейства в жизни немецкого духа, которые должны исчезнуть так же, как и сами евреи».

Такая статья в эсэсовском журнале не предвещала Гейзенбергу ничего хорошего. Упомянутый в ней Осецкий, либеральный публицист, уже сидел в концлагере, где и погиб позднее. Нобелевская премия, протесты интеллектуалов всей Европы его не спасли. Но Гейзенберг решил не отдаваться на милость судьбы. Он написал письмо Гиммлеру как главе СС, в котором оспаривал обвинения Штарка и просил защиты. Ответ пришел, когда ученый уже собирался покинуть Германию. Гиммлер писал выдающемуся физику: «Поскольку Вы были рекомендованы мне моей семьей (отец Гиммлера и дедушка Гейзенберга преподавали в одной школе), я распорядился особенно тщательно и строго разобраться с Вашим делом. Я не одобряю нападки на Вас журнала «Черный корпус» и воспрепятствую тому, чтобы такие нападки повторялись». В тот же день, когда Гиммлер посылал это письмо, он дал распоряжение Вюсту, чтобы тот зачислил Гейзенберга в штат Аненербе.

Что же еще двигало учеными? Историки из научно-исследовательского общества, например, могли без всяких трудностей выехать за рубеж. При этом Аненербе как бы демонстрировало, что поездка ученого — не просто научное мероприятие, но ***личное задание рейхсфюрера СС***. А самое немаловажное, казалось, что это общество могло снабдить экспедицию техникой, оборудованием, провизией и деньгами. Большинство современников считало, что только будучи эсэсовцем можно сохранить хоть какую-то свободу научных исследований. Как бы кощунственно и парадоксально это ни звучало, но это действительно было так. Многие ученые, например Рудольф Тилль, рассматривали Аненербе как своеобразный «заповедник», попасть в который можно было, только присягнув на верность Гиммлеру. Не надо забывать и о том, что в те годы Гиммлер не делал членство в СС обязательным условием для вступления в «Наследие предков».

Рудольф Тилль, человек с мировым именем, был необходим Аненербе хотя бы для того, чтобы за ним последовали и другие талантливые ученые. Речь шла, прежде всего, об ученых «старой» закалки. И это сыграло свою роль — в подчинении Тилля оказались

Обложки журнала «Германия»

многие выдающиеся исследователи. Среди них был сын знаменитого невропатолога из Бонна, 30-летний Отто Хут. Еще в 1932 году в своем родном городе он защитил диссертацию по истории религии. Свою политическую деятельность он начал еще в 1922 году, присоединившись к студенческой организации нацистов. Позже он проявил повышенный интерес к теориям Г. Вирта, а с 1934 года вместе с Вальтером Вюстом начал работать на НСДАП. В Аненербе он попал в марте 1937 года — его пригласил туда лично Зиверс. С одной стороны, его привлекала идея возрождения национальных корней, но с другой — работа в Аненербе давала ему гарантированный заработок. Последний аспект был для О. Хута наиболее важен. В 1936 году закончилась стипендия, которую ему выдавало Немецкое исследовательское общество. Тогда ему показалось, что «Наследие предков» могло бы стать трамплином для его научной карьеры — тогда так полагали многие. Вначале он выполнял множество функций: помогал Плассманну издавать журнал «Германия», работал в отделе Вирта по изучению письменности и символики. Хут уже скептически относился к его проектам. Кроме этого, он сразу же стал важнейшим сотрудником отдела по изучению народных легенд, сказок и саг. Там он отвечал за составление библиографии «Собрание немецких народных сказок» и выявление сказочных элементов в доисторических памятниках и обрядах. Отдел Плассманна при содействии Хута настолько успешно справлялся с поставленными задачами, что в 1938 году получил в свое ведение контролируемый Немецким исследовательским обществом «Центральный архив немецких народных сказаний».

В 1938 году по совету Вюста к Аненербе присоединился этнограф из Кёнигсберга Генрих Гармянц, 34-летний ученик Вальтера Зимерса. Он примкнул к исследовательскому обществу Гиммлера вовсе не потому, что искал средства к существованию. Он имел неплохую работу. С апреля 1937 года он трудился в Имперском министерстве воспитания и, кроме этого, руководил реализацией дорогостоящего проекта по составлению «Атласа немецкой этнографии», осуществляемого при содействии Немецкого исследовательского общества. Как видим, ему не требовалась поддержка Гиммлера, чтобы реализовать собственные планы. Тем более что осенью 1938 года он стал заведовать одной из кафедр Франкфуртского университета. Так почему же он присоединился к «Наследию предков»? Скорее всего, причина крылась в том, что он опасался А. Розенберга, которого за глаза называл Розенцвергом[1]. Гармянцу всерьез пригорозили отобрать у него выгодный и престижный проект — «Атлас немецкой этнографии». Видимо, поэтому Гармянц, как и многие другие, решил искать защиту у рейхсфюрера СС. Сейчас известно, что Генрих Гармянц не просто был лоялен новому режиму — он был убежденным нацистом, который вполне искренне симпатизировал СС. В эту организацию он вступил еще в конце 20-х годов. В 1931 году он был одним из 14 руководителей охранных отрядов в Кёнигсберге. После прихода к власти Гитлера Гармянц по непонятным причинам покинул ряды «черной гвардии» Гиммлера. Осенью 1938 года он вступил в СС во второй раз. Подобные действия позволяют предположить, что Гармянц был не просто ученым, а одним из видных представителей нацистского режима. Последующие события покажут, что это — не просто предположение. Но в 1938 году он видел в Аненербе всего-навсего научную организацию. Сотрудники «Наследия предков» очень хорошо отнеслись к новому коллеге. Он показался им «очень привлекательным, слегка расхлябанным и абсолютно небюрократическим типом». Сам же Гармянц с честью справился с задачей по созданию нового отдела немецкой

Один из отделов «Наследия предков» изучал сказки, саги и легенды, пытаясь найти в них рациональное зерно

[1] С немецкого переводится как «розовый гном».

этнографии и фольклористики, который он объединил с собственной кафедрой во Франкфурте-на-Майне. На этот процесс очень сильно повлиял Вюст, который планировал во что бы то ни стало ввести Гармянца в дирекцию «сказочного» отдела Аненербе. Об уровне влияния Гармянца в «Наследии предков» говорило то, что, по мнению многих сотрудников общества, именно он избавил их от «надуманных фантазий» Вирта.

Остается только задаваться вопросом, почему, стараясь приобрести научную респектабельность, исследовательское общество продолжало нанимать людей, которые по своим способностям и потенциалу были весьма далеки от нового идеала образованного эсэсовца? Они скорее походили на дилетантов из окружения Германа Вирта. Ответ кроется в том, что «Наследие предков» с самого начала не ставило перед собой сугубо академических задач, напротив, оно пыталось извлечь на свет весьма специфические темы.

В марте 1937 года в Аненербе пришел штурмбаннфюрер СС Карл Теодор Вайгель, до этого возглавлявший в Немецком исследовательском обществе Управление по изучению символики. Он представлял тип исследователя, который хотя и не имел академического образования, но успешно использовал собственную интуицию. Это помогло ему написать несколько популярных работ, доступных для рядового читателя. Вайгель даже не был аналитиком, скорее всего он был собирателем сведений — в своих полевых экспедициях он пользовался только фотоаппаратом. При грамотном научном руководстве он мог быть вполне неплохим техническим ассистентом. Для подобных людей в Аненербе всегда находилось место. Вступление Вайгеля в «Наследие предков» привело к тому, что он получил в свое ведение все архивы отдела по изучению письменности и символики, который раньше возглавлял Вирт. Вместе с Вайгелем в этот отдел были переведены также его сотрудники из Немецкого исследовательского общества. Это, конечно, не способствовало налаживанию дружеских отношений между Виртом и Вайгелем. Их отношения обострялись еще и потому, что Вайгель претендовал на место руководителя отдела. Но об этом не могло быть и речи. Даже после изгнания Вирта Вайгель занимался только фотосъемкой ландшафтов и каталогизацией имеющихся сведений. Научную обработку собранных материалов должны были осуществлять профессиональные ученые.

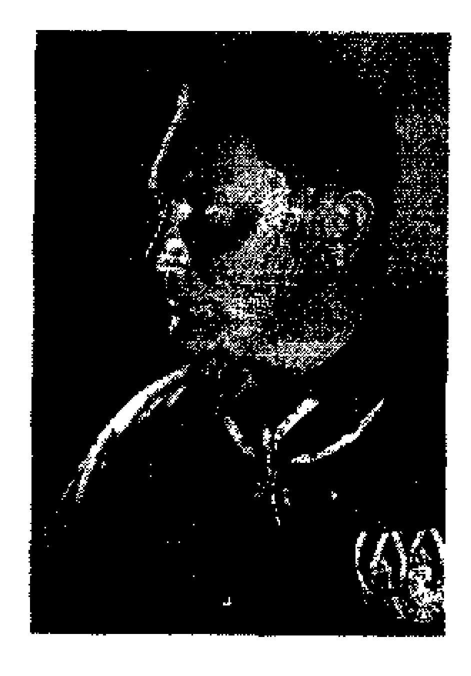
Примерно так же дела обстояли с Карлом Конрадом Руппелем, исследователем, не имевшим образования. Он занимался изучением домашних, семейных и родовых гербов. Руппель стал сотрудником Аненербе летом 1937 года. В основном собирал и упорядочивал различные германские родовые гербы. Учитывая стремление рейхс-

фюрера снабдить каждого эсэсовца собственным гербом, этой работе придавалось особое значение. С этого времени он и три его сотрудника занимались исключительно сбором символики германских земель, а после аншлюса Австрии — и австрийских гербов. Осенью 1938 года Вюст как Президент общества обратился к общественности, призывая ее подключиться к этой деятельности. Осенью 1937 года Руппель, став начальником отдела геральдики и родовых эмблем, даже претендовал на степень доктора наук. В 1938 году он был назначен также «редактором» исследовательского проекта «Лес и дерево», целью которого было привлечь квалифицированных ученых. Если посмотреть на финансовую сторону этого предприятия, то можно было заметить, что к этому времени большинство организаций рейха должны были всячески способствовать реализации грандиозных планов, которые осуществлялись под научным руководством «Наследия предков». Так, например, книги из проекта «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре» издавались в 1937 году Имперским лесничеством. А вообще грандиозное финансирование этого проекта (250 тысяч рейхсмарок) должно было быть предоставлено в течение трех лет следующими структурами: Имперским лесничеством, Имперским продовольственным комитетом и Имперским исследовательским советом.

Подобное сотрудничество казалось вполне оправданным. Герман Геринг как глава Имперского лесничества отвечал не только за хозяйственные, но и за культурные аспекты охраны лесов. Свои воззрения на лесные угодья Геринг свел к мысли, что «лес снова должен стать собственностью всего народа, как и во времена наших германских предков». Слова о ***«германских предках»*** позволили Гиммлеру предположить, что Геринг был компетентен в вопросах истории и проявлял интерес к деятельности «Наследия предков». В Имперском продовольственном комитете придерживались несколько других взглядов относительно лесных угодий Германии. В Главном управлении II F имперского руководителя крестьян леса рассматривались лишь с точки зрения их аграрно-хозяйственного использования. Но что это за третья структура, помогавшая в осуществлении этого проекта?

В марте 1937 года генерал Карл Бекер создал Имперский исследовательский совет, ставший одним из подразделений Немецкого исследовательского общества. Руководителем специального отдела по изучению лесов и деревьев стал профессор Эбертс. В декабре 1937 года Эбертс докладывал Бекеру, что в будущем году готов выделить на реализацию проекта 20 тысяч рейхсмарок.

Почему Аненербе пошло на такое сотрудничество? Все очень просто — исследовательскому обществу как всегда не хватало собст-

Герман Геринг оказывал активную поддержку ряду проектов Аненербе

венных средств. Кроме этого, воплощение в жизнь проекта «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре» позволяло Аненербе привлечь новых сотрудников. Специальная комиссия, состоявшая из Зиверса, Вюста и представителей заинтересованных организаций, должна была отобрать из ста семидесяти пяти человек четыре десятка, которые бы заняли незначительные должности в «Наследии предков». Но не надо полагать, что это были дилетанты. Среди отобранных оказались такие корифеи, как специалист по истории права Карл Август Экхардт (тема — «Лес и деревья: коллекция источников»). Ежемесячная зарплата этих сотрудников была разной и колебалась между 50 и 600 рейхсмарками. Было решено, что тематические исследования, вылившиеся в указанную выше серию книг, должны были быть строго научными, но общедоступными и базирующимися на документах. Коллекция Экхардта также должна была быть понятной для всех. Благодаря подобному сотрудничеству Аненербе планировало избежать лишних финансовых трат.

Одновременно с этим «Наследие предков» предприняло попытку создать 50-томный «Словарь германоведения», который должен был объяснить такие понятия, как «оружие», «керамика», «домашнее искусство» и даже «сексуальные проблемы мужчин и женщин». Этот проект стал отражением тех крайностей, в которые кидало исследовательское общество Гиммлера. С одной стороны, предполагалось привлечь по обозначенным темам лучших специалистов, но с другой стороны, Гиммлер полагал, что все они не должны были излагать своего мнения, а ориентироваться на мировоззренческие установки. Если к такой мутной концепции добавить отсутствие финансирования, то станет понятно, почему многие сотрудники «Наследия предков» начинали подумывать о специальной поддержке Немецкого исследовательского общества. Кое-кто был готов уйти в сомнительную с научной точки зрения «Немецкую академию защиты немецкого народа». А некоторые собирались перейти на должности обыкновенных библиотекарей и архивариусов. В итоге работа по созданию словаря началась под руководством знатока немецких диалектов и лингвиста Бруно Швайцера, чей отдел германской филологии и фольклора располагался в Детмольде.

Дальнейшее приобретение научного авторитета в ученом мире Аненербе связывалось с организацией экспедиций и исследовательских поездок за рубеж. Первый шаг был сделан в 1935—1936 годах, когда Вирт выезжал в Скандинавию, но итоги этих поездок казались весьма спорными. До начала войны организация подобных экспедиций была проблематичной. На то было две причины: во-первых, отсутствие необходимых специалистов, а во-вторых, все та же финансовая проблема. Из-за этого рухнули планы экспедиций в Гренландию и Африку. Исследовательская поездка лингвиста Швайцера в Исландию осталась только на бумаге, а экспедиция Грёнхагена в Финляндию не принесла никаких значительных результатов. Поездки профессора Альтхейма на Ближний Восток, где ученый пытался найти доказательства конфликтов германских, иллирийских и иранских народностей с семитскими племенами, оплачивались из личной кассы рейхсфюрера СС. Эти поездки сделали Альтхейма, известного в то время всего лишь благодаря серии «Лес и деревья», звездой Аненербе.

Насколько руководство исследовательского общества было заинтересовано в организации экспедиций, показал пример Эрнста Шефера, молодого специалиста по Тибету. Этот многообещающий ученый родился в семье главы гамбургского концерна по производству резины «Феникс». Проявив большой интерес к биологии, он стал орнитологом. Будучи еще студентом, в 1930—1932 и 1934—1936 годах он принимал участие в экспедициях американского ученого Брука Делана. Тогда ему посчастливилось сделать свое первое открытие. Он установил, что легендарное тибетское животное «медведь Давида» на самом деле не медведь. Результаты исследования его внутреннего строения подтверждали то, что это животное являлось близким родственником малой панды, похожей своими повадками скорее на кошку. К тому же выяснилось, что этот зверь, как и малая панда, питался побегами бамбука — и сей факт еще больше упрочил родственные связи этих двух животных. Отныне крупного черно-белого медведя стали называть не иначе как большая панда.

По возвращении в Германию Шефер продолжил свое обучение и защитил диссертацию. Фауна Тибета настолько впечатлила молодого ученого, что он собирался на собственные деньги организовать новую экспедицию в Тибет. Его целью была Гауришанкар, вершина, лежавшая на границе Китая и Непала. В этот момент в дело вступил Гиммлер. Рейхсфюрер полагал, что молодой ученый мог бы поднять престиж СС, и рекомендовал его для работы в «Наследии предков». Необходимо пояснить, что еще во время учебы в университете Шефер решил вступить в СС. После удачных экспедиций

Эрнст Шефер во время своей тибетской экспедиции, проходившей под патронажем СС

Гиммлер присвоил ему сразу же чин унтерштурмфюрера. Казалось, тем самым он создал благоприятные условия для его сотрудничества с Аненербе. Новая экспедиция на Тибет должна была проходить под эгидой СС при участии Аненербе. Но как исследовательское общество, занимавшееся историческими вопросами, было связано с естественнонаучным предприятием Шефера? Руководство «Наследия предков» решило использовать эту экспедицию для изучения некоторых лингвистических и этнографических вопросов. При всем том Шефер не отвечал взаимностью на восторженное отношение к нему нацистов. Многочисленные зарубежные поездки и интернациональные связи делали его скорее космополитом, который был вынужден принять националистические лозунги. К тому же его отношение к Аненербе было весьма скептическим — он видел в этой организации оплот лженауки. Но Шефер понимал, что в условиях нацистской диктатуры помощь рейхсфюрера СС являлась лучшим залогом успеха в организации его зарубежных поездок. А потому во второй половине 1937 года он был вынужден начать переговоры с «Наследием предков». Поначалу между Шефером, с одной стороны, и Вюстом и Зиверсом, с другой, сложились не простые, даже напряженные отношения. Причины этого крылись и в тщеславии Шефера, и в схематичном мышлении лидеров «Наследия». Вдобавок сразу же появились трудности с финансированием экспедиции — для Аненербе фактически извечная проблема. Расходы на экспедицию составляли 60 тысяч рейхсмарок. Изначально было ясно, что ни СС, в целом, ни Аненербе, в частности, не смогут предоставить этих денег. Единственное, что сделал Гиммлер — он обратился к членам своего кружка. Но (какая ирония!!!) Шефер сам собрал необходимые средства. Ему не потребовалась помощь Гиммлера, так как он обладал достаточно широкими связями.

Экспедиция Шефера стартовала в апреле 1938 года, отплыв в Индию из Гамбурга на лайнере «Гнайсенау». Аненербе пыталось дистанцироваться от нее. В январе 1938 года Зиверс официально заявил, что цели этой экспедиции никогда не согласовывались

с рейхсфюрером. Причина такого отношения тривиальна — Шефер наотрез отказался осуществлять ее как мероприятие, проводимое «Наследием предков». Хотя престиж рейхсфюрера был все-таки сохранен: мероприятие официально наименовалось «экспедицией СС под руководством Шефера». Путешественник пошел на уступку Гиммлеру, так как тот обеспечивал исключительно возвращение членов этого научного предприятия. Но из этого абсолютно не следовало, что Аненербе имело к экспедиции какое-то отношение. Гиммлеру самому с трудом удалось договориться даже о такой малости, как присвоение ей номинального эсэсовского статуса, а Зиверсу оставалось только констатировать, что «крупная рыба ушла из сетей».

В этот период Аненербе гораздо больше повезло с проведением эсэсовских раскопок. Здесь все оказалось организованным на высшем уровне. Уже в 1934 году Гиммлер как Председатель правления «Учреждения Экстернштайн» начал помогать мюнстерскому профессору Юлиусу Андрее, который в 1935 году начал раскопки в местечке Бенсберг близ Кёльна. Впоследствии он в течение долгого времени раскапывал Альткрисбург в Восточной Пруссии, где, по словам Гиммлера, извлек на свет пять готических и раннегерманских культурных слоев. В конце 1936 года историк из Тюбингенского университета Густав Рик начал раскопки южногерманских курганов близ местечка Зигмаринген; в мае 1937 года он рапортовал Гиммлеру, что стадия совершения находок завершена. В августе того же года рейхсфюрер СС обратил свое внимание на раскопки профессора Шмидта в окрестностях города Ингольштадт. Кроме этого, нелегально вели раскопки и австрийские эсэсовцы. Их работы ку-

Эсэсовский антрополог Бруно Бегер снимает маски с лиц тибетцев

рировал Рольф Хёне. В начале 1937 года Р. Хёне перешел из РуСХА в личный штаб Гиммлера. Здесь он получил задание организовать изучение окрестностей замка Кведлинбург с целью найти пропавшие останки Генриха I. Его предприятие увенчалось успехом, так как он отыскал скелет, который предположительно принадлежал легендарному королю. Для рейхсфюрера не было важно, был ли это Генрих Первый или кто-то другой — 2 июля 1937 года он был намерен провести погребение останков. Совесть у Хёне явно была не чиста. По меньшей мере, об этом говорило несколько фактов. У РуСХА имелся штат собственных антропологов, но Хёне не передал им для изучения череп предполагаемого короля. Вместо этого он пригласил маститого медиевиста Карла Эрдманна, который в 1941 году опубликовал обширный отчет о своих исследованиях. В этом отчете ученый говорил о подлинности останков, а стало быть, и «святости» захоронения. Хёне между тем продолжал свои раскопки.

Сейчас можно с определенным скепсисом относиться к этим проектам. Но, тем не менее, этот археологический опыт пригодился СС при изучении раннесредневекового торгового центра Хайтхабу, который лежал на границе с Данией, чуть южнее города Шлезвиг. Руководителем этого блестящего (не побоюсь этого слова) проекта был друг Александра Лангсдорфа, приват-доцент из Кильского университета Герберт Янкун. Он еще в 1930 году просил у Берлинского археологического института разрешение начать раскопки, но получил его только четыре года спустя. Тогда Ганс Рейнерт пытался взять их осуществление под собственный контроль. Янкун поначалу не сопротивлялся — сказывался недостаток финансов. Но когда Янкун понял, что рискует потерять плоды своих трудов, он решил принять покровительство Гиммлера. В результате в 1937 году он получил не только мощнейший козырь в общении с государственными органами, но достаточное финансирование. В конце 1937 года Гиммлер заявил, что необходимо расширить территорию раскопок, в основном за счет соседних крестьянских угодий, и поставить работы в Хайтхабу на более широкую базу. Чтобы это стало возможным, глава СС оказал серьезное давление на Имперское министерство воспитания.

В 1938 году исследования Аненербе вышли на принципиально новый уровень. Гиммлер распорядился, чтобы все эсэсовские раскопки осуществлялись в рамках деятельности исследовательского общества. Герберт Янкун, ставший к этому времени известным ученым, возлагал на «Наследие предков» очень большие надежды. В свою очередь, Зиверс в своем письме Матильде Мерк, до сих пор продолжавшей оказывать помощь Аненербе, сообщал, что в первую очередь необходимо продолжать раскопки в Хайтхабу. Но перед

С первых дней своей деятельности «Наследие предков» уделяло самое пристальное внимание археологическому комплексу Хайтхабу, располагавшемуся на границе Дании и Германии. На рисунке и фотографиях – современная реконструкция этого памятника

этим руководство Аненербе настаивало на некоторых кадровых перестановках. Например, Р. Хёне, начальник отдела раскопок при штабе Гиммлера, не устраивал Зиверса и Вюста. Как позже свидетельствовали сотрудники «Наследия» на Нюрнбергском процессе, их смущало то, что Хёне был сторонником непрофессиональной науки, склонным к авантюрным выводам а'ля Вирт. Его пребывание в академическом окружении не могло продлиться долго. В мае 1938 года Хёне был вынужден оставить свой пост. Его преемником стал профессор, служащий штаба рейхсфюрера СС Ганс Шляйф.

Благодаря его стараниям и авторитету Янкуна отдел раскопок в Аненербе превратился в мощную и хорошо организованную структуру. Позднее к сотрудничеству удалось привлечь многих именитых ученых, которые должны были помочь обработать результаты раскопок. Среди них был Эрнст Шютрумпф, который должен был провести микроанализ находок. Эти сотрудники подчинялись непосредственно Асину Бомерсу и Гансу Шляйфу, руководившим отделом раскопок. Шляйф тем временем задумывал уже новый грандиозный археологический проект — раскопки так называемого «трона Кримхильды»[1]. Сам Янкун, который хотя и был отныне служащим штаба Гиммлера, пытался сохранить в своей деятельности профессиональную этику и наднациональность. К раскопкам Хайтхабу он привлекал не только немецких и датских, но и шведских, и финских специалистов. Свое решение он как ученый старой формации объяснял тем, что в Хайтхабу пересекались интересы многих Скандинавских стран. Эти специалисты привлекались в основном для локализации и описи позднегерманских могильников. Примечательно, что датировку местной «святыни» — «кургана кёнинга» — проводил шведский специалист Арбман. С давних пор этот курган считался у местных жителей мистическим местом, своего рода средоточием темной силы. О важности работ в Хайтхабу говорил тот факт, что только в 1938 году на их осуществление исследовательское общество выделило 25 тысяч рейхсмарок (38% всех средств, ассигнованных на проведение раскопок). Но даже если «Наследие пред-

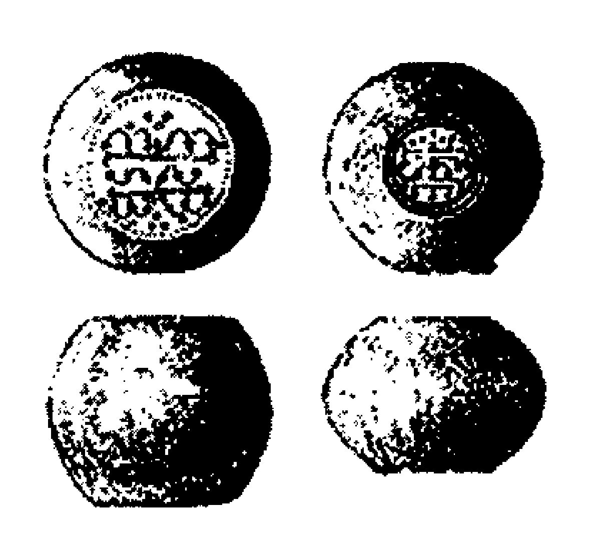
[1] Находящийся недалеко от г. Майнца старый римский каменный карьер получил условное наименование «трон Кримхильды». Здесь в период со 190 по 240 год располагался 22-й римский легион. Историков этот объект привлек тем, что на его стены было нанесено 37 изображений символов и 14 надписей. Стоит сразу же заметить, что изображения выполнены на низком художественном уровне, а надписи содержали орфографические ошибки (очевидно, их оставили те римские солдаты, которые работали в карьере). Особый интерес Аненербе и нацистов «трон» привлек просто по одной причине — на его стенах, кроме всего прочего, были изображены две свастики. Руководство СС хотело видеть в этом каменном карьере культовый объект германцев и обустроить его как одно из мест «национал-социалистического» паломничества. Исходя из того, что, кроме свастик, здесь имелись другие многочисленные солярные символы, был сделан скороспешный вывод о том, что «трон Кримхильды» был центром поклонения Солнцу. Не смея оспаривать тот факт, что карьер все-таки был создан римлянами, была принята гипотеза, что культовый центр германцев здесь существовал задолго до прихода римлян. Римские же солдаты во время своего многолетнего пребывания здесь наблюдали за обрядами германцев и в результате нанесли изображения на скалы. Кроме этого, на стенах карьера были обнаружены изображения мужских и женских половых органов, что позволило нацистам говорить также о процветавшем здесь культе плодородия. Изучение этого памятника началось в 1884 году, но наиболее активно пошло именно в период нацистской диктатуры.

ков» занималось научной деятельностью, которая была вписана в историю археологии, то не стоило забывать, что главные задачи общества продолжали носить сугубо политический характер. В 1938 году рейхсфюрер СС начал ориентировать исследовательское общество на цели, носившие военный характер. Приближалось 1 сентября 1939 года.

Асин Бомерс – один из ведущих археологов Аненербе

По мере того как росли успехи отдела раскопок, усиливалась его децентрализация: эсэсовские археологи работали во всех уголках рейха. Первоначально имперское руководство общества и отдел по изучению письменности и символики находились в Берлине. Это должно было создать нормальные условия для развития Аненербе — в Берлине, как известно, располагалась не только столица Германии, но и резиденция рейхсфюрера СС. Но логичная структура общества сломалась, когда в 1936 году Вюст создал в Мюнхене отдел индогерманской лингвистики и культурологии, и к Аненербе присоединилась организация Тойдта, занимавшаяся Экстернштайном. После этого остановить центробежный процесс было уже нельзя. Теперь «Наследие предков» можно сравнить с гигантским пауком, чье тело находилось в Берлине, а оторванные друг от друга лапы раскинулись над всей Германией. Казалось, что функционеры Аненербе поделили между собой всю страну: Баварию курировал Вюст, Франконию – Асин Бомерс, Вестфалию — Бруно Швайцер, Франкфурт-на-Майне — Генрих Гармянц, Киль — Герберт Янкун и т.д. Подобная разрозненность весьма негативно сказалась на работе общества — начальники отделов просто-напросто потеряли контакт с имперским руководством общества.

Рисунки Герберта Янкуна, изображающие находки из Хайтхабу

Но, тем не менее, агрессивность, с которой в нацистской Германии шла «борьба компетенций», требовала, чтобы Гиммлер опережал своих соперников. Он должен был неуклонно усиливать свое влияние на местах. Основным инструментом

в осуществлении этого мировоззренческого контроля, естественно, были эсэсовские структуры и Аненербе в том числе. После аншлюса Австрии, произошедшего в 1938 году, Гиммлер заявил, что Аненербе необходимо как можно быстрее наладить работу в «Остмарке»[1]. Рейхсфюрер нередко подменял организационные интересы «Наследия предков» собственными амбициями. Поначалу представителем Аненербе в Австрии был профессор Отто Хёфлер. Но по ряду причин (преклонный возраст и работа на севере Германии) он попросил в апреле 1938 года освободить его от занимаемой должности. Разыскивая достойного преемника, имперское руководство общества столкнулось с венским художником и профессором искусствоведения Эмирихом Шафраном. Его работа о верхнеиталийских лангобардах была даже издана Аненербе, что демонстрировало неподдельный интерес к нему. Создание в Австрии новых подразделений общества привело не только к существенному пересмотру финансовых планов, но и к тому, что Аненербе окончательно утеряло четкую внутреннюю структуру.

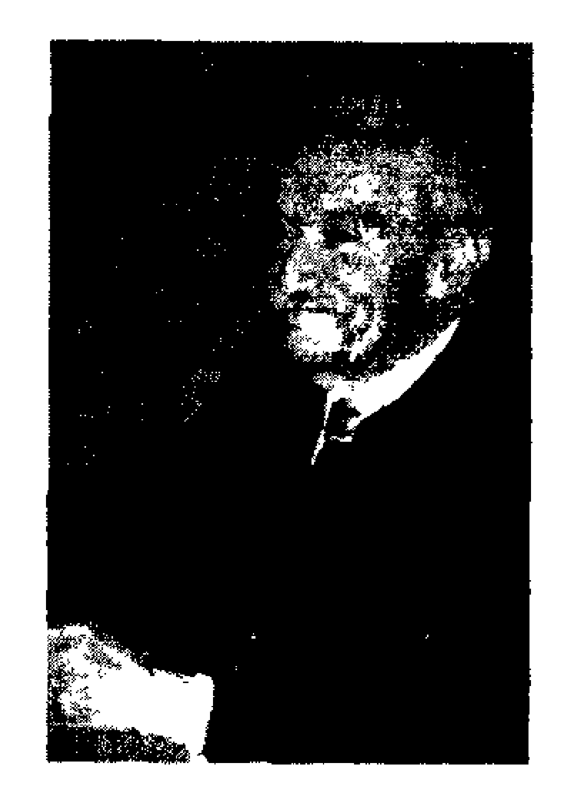
В мае 1938 года Гиммлер выделил для нового Юго-Восточного филиала «Наследия предков» 250 тысяч рейхсмарок, которые большей частью были позаимствованы из средств закрытого нацистами Зальцбургского объединения университетов. Но несколько позже Шафран покинул свой пост, а Исследовательский центр немецкого искусства, открытый им при Аненербе, был ликвидирован. Что же произошло?

Во-первых, Шафран попал в опалу из-за некоторых хозяйственно-финансовых вольностей. Так, например, выделенные для «Наследия предков» деньги он прокрутил в католических организациях, что для Гиммлера было тяжким проступком. Во-вторых, после войны вдова Шафрана вспоминала, что между ее супругом и руководством Аненербе существовали определенные научные противоречия. Они выявились при обсуждении исследования Шафрана «Раннее христианство как германское явление», которое по ряду моментов не соответствовало воззрениям Зиверса и Вюста. В этой работе исследователь не скрывал своих симпатий к христианству, что для служащего СС было неприемлемым. Кроме этого, руководство исследовательского общества рассматривало его как второстепенного, не очень одаренного ученого. Но самым важным оказалось то, что Шафран был замешан в мошенничестве, а этого было вполне достаточно для его дискредитации.

---

[1] *Остмарк* — так нацисты нередко именовали территорию присоединенной к рейху Австрии.

Уже в июле 1938 года Зиверс начал узнавать мнение австрийских ученых о директоре Института охраны культурно-исторических памятников, профессоре Карле Гинхарте. Его планировалось поставить во главе исследований по теме «Германство и христианство», сделав упор на кельтских регионах. Но Гинхарт так и не стал руководителем отдела в Аненербе. Казалось, работа «Наследия предков» в «Остмарке» ограничивалась несколькими незначительными моментами. Стабильно действовало только отделение в Зальцбурге. Здесь представитель Имперского руководства исследовательского общества Рихард Вольфрам создал с благословения Зиверса отдел германской этнографии, став фактическим руководителем Юго-Восточного филиала. В этой работе ему помогал бенедиктинский священник Ромуальд Пламберегер, который в своем приходе святого Ламбрехта собрал гигантскую коллекцию фольклорного и этнографического материала.

Рихард Вольфрам после войны

К этому времени стало очевидно, что Аненербе будет расширять свою деятельность не только территориально, но и тематически. Наиболее ярко это показала как раз деятельность австрийского филиала Аненербе. Поначалу филиал действовал в традиционном для «Наследия предков» культурно-историческом направлении. Но ему была уготована судьба стать центром естественно-научных исследований. К этой области знаний Гиммлер начал проявлять интерес уже в 1937 году. К 1938 году необходимость естественно-научных изысканий стала очевидной. В новой редакции Устава было записано, что Аненербе «изучает ***космос***, дух, достижения и наследие индогерманского мира». По мнению рейхсфюрера, расширение задач исследовательского общества и создание абсолютно новых структур отнюдь не мешало достижению первоначальной цели. Создание новых исследовательских отделов показывало, что глава СС при необходимости достаточно вольно интерпретировал изначальные целевые установки. После того как приближение мировой войны стало политической реальностью, для многих основной задачей являлось решение проблемы новых технологий. В этом свете дух древних германцев выглядел, мягко говоря, малоактуальным.

Увеличение естественно-научных структур «Наследия предков» привело не только к существенному изменению структуры исследовательского общества, но и к снижению научного уровня исследований. После изгнания Вирта проблема дилетантов в гуманитарном секторе была фактически решена. Но в новых отделах вновь стали возникать сомнительные фигуры, пытавшиеся реализовать свои авантюрные планы. В 1938 году «Наследие предков» с точки зрения квалификации сотрудников вновь приобрело неоднозначный характер.

Причину этого стоило бы искать в самой природе нацистского режима. Третий рейх, как и любой тоталитарный режим, ставил естественные науки в более привилегированное положение, нежели гуманитарные. В гитлеровской империи это было верно еще и потому, что, начав тайную милитаризацию, режим остро нуждался в ученых-технарях. Естественные науки приобретали политическое значение, так как они должны были обеспечить необходимую для ведения войны автаркию[1] Германии. Существует расхожее мнение, что национал-социалисты способствовали полной деградации науки. Это не соответствовало действительности. Об ученых, занимавшихся вопросами новых технологий, заботились и государство, и университеты, и многочисленные исследовательские организации. В результате им предоставлялись щедрые исследовательские стипендии и прочие значительные финансовые средства. Если политические взгляды ученого не совпадали с линией партии, то на это просто закрывали глаза — было достаточно того, чтобы его способности помогали решить конкретные военно-политические задачи.

Ситуация вокруг ученых, занимавшихся естественными науками, выгодно отличалась еще и тем, что гуманитарии были обязаны примыкать к одной из многочисленных партийных организаций. И тут возникает вопрос: что могло предложить Аненербе молодым ученым естественно-научного профиля, если они и без того получали поддержку и политический иммунитет в военной индустрии, университетах и авторитетном Берлинском обществе кайзера Вильгельма? Высококвалифицированные ученые-гуманитарии попадали в «Наследие предков», так как они опасались за собственную безопасность или рисковали оказаться в полной изоляции. Не стоило забывать, что зарплата в Аненербе была гораздо ниже, чем в индустрии. Все это вело к тому, что глава СС смог привлечь к себе малоизвестных исследователей, чья компетентность граничила с шарла-

---

[1] *Автаркия* (от греческого *«самоудовлетворение»*) — создание замкнутого хозяйства, независимого от внешних источников, в рамках отдельно взятого государства.

танством. Тех, кто не имел никаких шансов на профессиональную карьеру. Их воодушевляли фантастические амбиции рейхсфюрера, а потому они были готовы поддерживать любое его начинание. Здесь, как и среди гуманитариев, можно было выделить две категории исследователей: одни продолжали свои исследования, начатые задолго до этого; другие сотрудничали с СС из соображений личной безопасности, престижа и пр.

Наиболее широкое хождение псевдонаучные исследования получили в берлинском отделе метеорологии. В 1938 году в Аненербе был сформирован новый отдел — отдел астрономии, созданный на основе Грюнвальдской обсерватории. Его возглавлял Филипп Фаут. Как и ранее, Фаут и Скультетус, глава отдела метеорологии, должны были находить для рейхсфюрера подтверждения истинности «учения о мировом льде». Также в их цели входили: наблюдения за Солнцем, на основании которых они должны были строить долгосрочные прогнозы; испытание модели «народного телескопа»; объяснение причин техногенных катастроф, например пожара на дирижабле «Гинденбург».

Но Зиверс и Вюст совершенно не разбирались в этой области знаний, а потому Гиммлеру требовался помощник, который мог бы курировать эту сферу. Его взгляд остановился на сыне создателя «ледяной теории» Гансе Гёрбигере. Рейхсфюрер даже предложил ему создать собственный отдел, который бы занимался исключительно изучением льдов. От идеи создания нового отдела Гёрбигер отказался, но в июле 1937 года согласился возглавить на пару со Скультетусом отдел метеорологии. Его отношения с сотрудниками оказались достаточно натянутыми, а потому в апреле 1938 года он оставил свой пост и отправился в родную Вену. Тем не менее влияние теории Гёрбигера на Аненербе было очевидным. Об этом говорили следующие факты. Летом 1938 года официальная «Астрономическая газета» опубликовала положительную рецензию на книгу Ф. Фаута, в которой нашли отражение полубредовые взгляды рейхсфюрера. Осенью того же года во многих научных изданиях стали появляться статьи, намекающие на то, что лед может существовать в свободном мировом пространстве, а потому метеорология должна принимать в расчет это условие.

В 1938 году Гиммлер заявил, что отныне любые научные эсэсовские исследования должны будут контролироваться Аненербе. Это позволило еще больше расширить деятельность исследовательского общества. С одной стороны, это не могло не радовать Вюста и Зиверса. Но с другой стороны, они видели очевидные симптомы того, что «Наследие предков» вновь превращалось в прибежище проходимцев и шарлатанов. В 1937 году Гиммлер вообще предложил уст-

роить для всех сотрудников Аненербе экзамен, целью которого было — выявить паранормальные способности. В качестве простейшего задания предлагалось найти подземные источники при помощи лозы. Из тех, кто проявил какие-то способности, планировалось создать особый отдел (подобное случилось только в годы войны).

В том же 1938 году Гиммлер нашел себе новую любимую «игрушку» — минералогию. В марте 1938 года он поручил Скультетусу изучить австрийские залежи меди и дать обоснование с точки зрения «учения о мировом льде». Следуя этому заданию, в мае 1938 года Хёне вывел из своего подразделения раскопок новую структуру — отдел геологии и минералогии. В нем числились всего лишь два человека, которые занимались в основном изучением средневековой алхимии и методов производства золота. Кроме этого, в первой половине 1938 года в ходе реорганизации РуСХА Аненербе были переданы отделы обработки земли и разработки природных ресурсов. Из них в Зальцбурге был создан новый отдел, которым руководил Штайнхаузер. Новое подразделение занималось многими проблемами. Один их список мог внушить уважение: общая теория карстов[1], общая геология, военная геология, историческая ретроспектива добычи ископаемых, палеонтология, антропология, топологические исследования. То, что интересы нового отдела сталкивались с компетенцией других отделов, нисколько не волновало Гиммлера. Его больше заботило то, чтобы отделов «Наследия предков» было как можно больше, и они занимались самыми различными вопросами. В том же году двоюродный брат жены рейхсфюрера, ботаник Филипп Фрайхер отправил из Бразилии сообщение Гиммлеру о том, что согласился бы возглавить ботаническую структуру Аненербе при условии ежемесячного оклада в 600 рейхсмарок. Идея воплотилась в появлении отдела зоогеографии и зооистории, который, правда, остался только на бумаге. Примечательна другая структура — отдел «тайных наук». Поскольку отдел занимался вопросами астрологии и хиромантии, это дало повод для предположений о том, что он состоял из оккультистов и даже черных магов. Но, увы-увы, и этот отдел оказался липовым.

И тут мы вправе задаться рядом вопросов. Было ли случайно то, что Аненербе превратилось в немыслимое скопление самых различных, нередко малосочетаемых между собой отделов? Или это было заранее задуманным шагом? Действительно ли рейхсфюрер стоял за кулисами всех событий, происходивших в Аненербе? Какую роль

---

[1] *Карсты* — явления, связанные с растворением подводными водами горных пород (гипс, каменная соль и др.). Карсты характеризуются комплексом подземных и поверхностных форм рельефа.

играли в этом Зиверс и Вюст? Являлись ли они слепым орудием в создании эсэсовской научной «империи» или сами были фанатичными инициаторами ее создания? Действительно ли их влияние на Гиммлера росло от года к году? Каковы же были реальные масштабы влияния Аненербе?

Ответить на эти вопросы непросто хотя бы потому, что взгляды на организационное строение Аненербе у верхушки СС и у руководства общества несколько различались. Для расчетливого технократа Зиверса расширение сферы деятельности исследовательского общества должно было стать условием для усиления его власти. Чтобы приобрести ключевую позицию в культурной жизни Германии, он планировал распространить влияние Аненербе на все значимые сферы научной деятельности. Вальтер Вюст, ученый по призванию, с 1936 года обращал самое пристальное внимание на подбор грамотных научных кадров. Аненербе интересовало его прежде всего как научная структура. Устремления обоих руководителей дополняли друг друга. В результате Зиверс и Вюст работали рука об руку. Они даже и предполагать не могли, что начиная с 1937 года тематика исследований станет постоянно меняться. Ведь Зиверс уже почти наслаждался собственной научной монополией в СС, а Вюст видел себя во главе авторитетнейшей ученой организации Германии.

Расширение сферы деятельности «Наследия предков» вряд ли можно считать запланированным. Собственно говоря, оно началось, когда Гиммлер принял в Италии внезапное решение об изучении античности. Несмотря на то что рейхсфюрер хотел преследовать только далеко идущие цели, поставленные им задачи носили бессистемный, а нередко и случайный характер. Гиммлер не мог никому объяснить, почему он принял то или иное решение. Казалось, что он вообще отстранился от реальных дел, поручив их ведение группенфюреру Полю. Именно ему Зиверс адресовал свое предложение централизовать структуру «Наследия предков». Письмо так и осталось без ответа.

Необходимо заметить, что руководство Аненербе прекрасно осознавало свое двойственное положение: кроме «Наследия предков», при личном штабе Гиммлера существовало еще несколько структур, которые выполняли поручения рейхсфюрера в сфере культуры. Закрепить монополию не удалось даже тогда, когда Зиверс и Вюст по собственной инициативе переименовали Аненербе из «исследовательского общества» в «исследовательское общество СС». Кто же составлял им конкуренцию? Прежде всего, структура (позднее «Управление-Мюнхен») под руководством штурмбаннфюрера СС профессора Дибитча. Она занималась экономическими проектами в сфере культуры и искусства, изготовлением эскизов и

образцов продукции для эсэсовских фабрик. Референт Гиммлера Александр Лансгдорф возглавлял собственный отдел. «Общество содействия охране немецких памятников культуры» занималось попечительством над различными памятниками зодчества, которые заинтересовали главу СС. К таковым, естественно, относился замок Вевельсбург под Падеборном (позднее он превратился в самостоятельную структуру), Заксенхайн при Вердене, «дом Гландорпа» в Любеке (Фиш-штрассе, 34), Бергхаус СС в Верхней Баварии. Даже раскопки Хайтхабу вначале опекались именно этим обществом. «Учреждение Экстернштайн», попавшее в сферу деятельности Аненербе в 1936 году, до этого тоже было самостоятельной структурой при штабе Гиммлера. Отдельная структура штаба занималась «могилой короля Генриха Первого» в Кведлинбургском храме.

1939 год Аненербе встретило, находясь в аморфном состоянии. Каждый понимал под «Наследием предков» что-то собственное. Шанс превратить общество в монолитное учреждение был упущен. В этих условиях было просто невозможно поставить ясные научные задачи. Оставались туманными статус общества и его финансовое положение. Научная программа деятельности представляла хаотическое нагромождение различных идей. Как же смогла шагнуть в будущее подобная структура? Это произошло только благодаря железной воле и настойчивости Зиверса.

Глава 4
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДОВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНЕНЕРБЕ

В целом до войны статус «Наследия предков» значительно не менялся. Медленно, но неуклонно Аненербе врастало в организационную структуру СС, приближаясь постепенно к той точке, когда бы стало исключительно эсэсовским обществом. С начала 1939 года верхушка СС руководила Аненербе как собственной службой. Эсэсовский характер исследовательского общества подчеркивал и введенный в Аненербе так называемый служебный дневник, присущий только подразделениям СС.

Когда в декабре 1938 года Гиммлер постановил, что функции, которые выполнял Бруно Гальке, перейдут Освальду Полю, то он лишь санкционировал уже давно сложившееся положение вещей. Отныне Гальке работал только внутри «Наследия предков», в то время как интересы общества в государственных, партийных и хозяйственных структурах представлял Поль. На этом организационные перестановки не закончились. В апреле 1939 года Аненербе было вообще прикреплено к Главному административно-хозяйствен-

ному управлению СС, которое возглавлял все тот же Поль. Сами же эсэсовцы относились к Аненербе как к незначительной, второразрядной службе. Учитывая то, что «Наследие предков» было лишено какой-либо финансовой поддержки со стороны партии и государства, руководству Аненербе приходилось вести собственную хозяйственную деятельность. Постоянное увеличение исследовательских задач затрудняло решение финансовых проблем. В период зимы 1938/1939 года бюджет Аненербе несколько вырос, составив 664 тысячи рейхсмарок. Тем временем бюджет Немецкого исследовательского общества сократился на 11 тысяч рейхсмарок, хотя Гиммлер из собственной казны выделил для него 16 500 рейхсмарок. Отныне все сотрудники Аненербе принимались на службу в качестве офицеров альгемайне СС, по возможности получая должности в личном штабе рейхсфюрера СС. Но при этом они не обладали правами и полномочиями членов штаба, а их денежное содержание было значительно меньше. Они получали его не как военнослужащие, а как частные исследователи или даже как вольнонаемные гражданские лица. Исключение, пожалуй, составляли Зиверс и несколько штатных сотрудников имперского руководства общества.

Ясность в этом вопросе внесли изменения в Уставе Аненербе, которые были сделаны 1 января 1939 года. Наиболее ценные ученые получали статус «действительных членов» общества и теперь отличались от большинства обыкновенных сотрудников. Но все-таки, зачем Гиммлеру потребовалось в очередной раз менять Устав «Наследия предков»? Работа эсэсовских ученых почти никогда не опиралась на формальные уставные нормы, а потому необходимость внесения стуктурно-организационных изменений вряд ли могла служить достаточным объяснением. Скорее всего, Гиммлер считал необходимым избавиться от всего, что было связано с Виртом и Дарре. В Уставе 1937 года они заложили некий демократизм при решении ряда вопросов. Не вызывало никаких сомнений, что новый, третий по счету Устав будет базироваться исключительно на тоталитарных принципах СС. Непосредственное руководство исследовательским обществом должны были осуществлять Президент, куратор и имперский руководитель общества. Такие коллегиальные органы, как «совет учредителей», «Сенат», «исследовательский совет», хотя и продолжили свое существование, но не имели никакого веса. Они не имели даже права самостоятельно устанавливать связи с какими-либо структурами.

Что же существенно изменил новый Устав? Являясь до этого куратором Аненербе, Гиммлер стал Президентом общества. Из этого вовсе не следовало, что Гиммлер и Вюст поменялись ролями. Скорее всего, речь шла об изменении значения самих терминов «Пре-

зидент» и «куратор», на что указывало разграничение полномочий между Зиверсом и Вюстом. Тогда в одной из публикаций «Германии» сообщалось, что Гиммлер получил пост Президента «Наследия предков» и отныне осуществляет общее руководство исследовательским обществом. Эта информация вряд ли что могла прояснить, так как рейхсфюрер СС уже давно осуществлял общее руководство Аненербе. В разговоре с Вюстом Гиммлер заявил, что сделал этот шаг подобно тому, как Франк[1] занял пост руководителя Академии немецкого права. Сам Вюст только приветствовал свое назначение куратором, так как постоянно растущее число исследовательских проектов не позволяло ему часто выезжать из Мюнхена в Берлин для руководства обществом. Но это вовсе не ослабило его позиций в Аненербе. Напротив, согласно новому Уставу, Вюст впервые получил вполне конкретные полномочия. Назначенный куратором общества, он теперь отвечал только за исследовательскую и научную работу, в то время как Зиверс занимался административными и организационными делами «Наследия предков» (за исключением создания новых отделов и приема сотрудников на работу — первое мог сделать только Гиммлер, вторым занимался Вюст). Эти изменения в Уставе важны хотя бы потому, что до этого момента не была ясна сфера деятельности Вюста и Зиверса, так же как и их соподчинение. Когда они перестали мешать друг другу, занимаясь схожими делами, стало ясно, что они получили равные должности как де-факто, так и де-юре. Позже, когда в годы войны административно-хозяйственная деятельность стала играть более важную роль, нежели чисто научная, сложилось мнение, что Вюст утратил свое влияние, а престиж Зиверса значительно вырос. Но механизм управления Аненербе до сих пор неясен. С одной стороны, Вюст стоял на более высокой ступени, чем Зиверс (он был более влиятельной фигурой в обществе, имел блестящее образование). С другой стороны, Зиверс имел более высокий ранг в эсэсовской иерархии. Фактическая власть Зиверса начала проявляться только в годы войны, когда Устав не играл никакой роли в деятельности Аненербе. Ясно только одно — новый Устав значительно укрепил вертикаль власти. Отныне Гиммлер рассматривал «Наследие пред-

---

[1] *Франк, Ханс* (1900—1946), гитлеровский юрист, рейхсляйтер, руководитель Юридического управления рейха, позднее генерал-губернатор оккупированной Польши. После прихода Гитлера к власти Франк занимал многие высокие должности: министр юстиции Баварии, рейхсминистр юстиции и рейхсминистр без портфеля (1934). Ему было немногим за тридцать, когда он стал рейхсляйтером НСДАП, президентом Германской юридической академии, основателем Института германского права и президентом Международной юридической палаты.

Внутреннее убранство резиденции Аненербе. Именно в этих кабинетах «Наследия предков» решались все важные вопросы

ков» лишь как инструмент расширения своего политического влияния. Чего он только не поручал Аненербе в эти годы! Изучение геральдики и баварских народных костюмов, поиск строений с солярной символикой и даже изготовление «арийских» барельефов для эсэсовских административных зданий. Все это должно было приводить к мысли о том, что рейхсфюрер СС являлся знатоком немецкой этнографии и фольклористики. После того как рейхсфюрер провел исторический анализ герба города Хоф, его бургомистр, штандартенфюрер СС д-р Вендлер, просил даже обучить его навыкам геральдического анализа. Естественно, сам Гиммлер ничего не проводил — он просто огласил результаты изысканий своего исследовательского общества. Но не стоит думать, что Гиммлеру это не было интересно — он внимательно изучал все работы, выходившие из-под пера сотрудников Аненербе. Большинство из них он одобрял, но в ряде случаев требовал пересмотреть те или иные выводы. Его оценки были весьма субъективными. В один из дней он дал положительную оценку добротно написанной работе о Генрихе Первом и сомнительной брошюре «Воля электронов и протонов».

Удивляло, с каким рвением Гиммлер хотел приобрести признание в научном мире. Нередко он сосредотачивался на столь незначительных моментах, которые нормальному человеку вряд ли могли показаться имеющими политическое значение. Многие из его окру-

жения рассказывали о его пунктуальности, граничащей с паранойей: при решении важного дела мог отвлечься от его сути и погрузиться во второстепенные детали, давая точные указания. В Аненербе шеф СС проявлял наибольший интерес к двум структурам: отделу метеорологии Скультетуса и Экстернштайну. В остальном он с удивительной наивностью мог посвятить время подбору готического шрифта, которым должны были печататься некоторые издания. При этом он утверждал, что готический шрифт был изобретен евреями, чем ставил в тупик знатоков средневековых литер. Менторской надзор рейхсфюрера коснулся не только тематики, но и терминологии исследований Аненербе. Например, в марте 1939 года он запрстил употреблять в работах слово «betreuen» (заботиться, обслуживать). Гиммлер пытался расширить свое политическое влияние посредством того, что издавал при газете «Германия» «Ежегодный календарь СС», который не только рассказывал о буднях охранных отрядов, но и мог служить недорогим подарком для высокопоставленных ученых, чиновников и военных.

Осознавая неумолимо растущее влияние рейхсфюрера СС, Аненербе рвалось приложить свою руку к созданию мифа о Генрихе I. Первый генриховский праздник, проходивший в июле 1936 года, был оправдан с исторической точки зрения, так как был приурочен к тысячелетию кончины монарха. Но в следующие годы мероприятия на могиле короля начали приобретать своего рода ритуальный характер. Начиная с 1937 года праздники проходили по строго предписанному сценарию и должны были, прежде всего, поднимать настроение капризному рейхсфюреру, который все более и более убеждался в том, что являлся реинкарнацией Генриха «Птицелова». После подобного мероприятия в июле 1939 года Гиммлер дал Аненербе особое задание. Исследовательское общество должно было подыскать в средневековой истории аналогии современным политическим событиям. Ответ, подготовленный Вюстом в сентябре 1939 года, несколько успокоил шефа СС, так как гласил, что в истории средневековых королей есть множество эпох, которые сравнимы только с тогдашним периодом. Но найти аналог деятельности Генриха I оказалось не так уж просто. Несомненно, Гиммлер хотел, чтобы его сравнивали с любимым королем. Он наивно полагал, что тем самым приумножит свой политический авторитет. Но тут главу СС ждали разочарования: четких аналогий не нашлось, идея переименования одного из городов в Генрихштадт провалилась (она показалась руководству Третьего рейха исторически неоправданной). Вялым утешением для рейхсфюрера мог стать только «Марш короля Генриха», который посвящался ему лично.

Тем не менее в Аненербе планировали, что изучение кведлинбургской могилы короля должно повысить престиж общества внутри СС. После того как в замке был создан «Мемориальный комплекс короля Генриха I», непосредственной подготовкой праздничных мероприятий занимался лично Зиверс. Он отвечал за организационное и идеологическое содержание праздника, но никак не касался его финансовой стороны.

Несмотря на все предпринятые меры, влияние Аненербе так и не выросло (как уже говорилось выше, «Наследие предков» не было единственной структурой, занимавшейся в рамках СС проблемами истории и культуры). Можно даже констатировать, что его престиж начал падать. Доклады и статьи, публикуемые в «Германии», неохотно принимались эсэсовскими структурами, так как они не проходили официального согласования с мировоззренческими обучающими программами, которыми занималось Тринадцатое главное управление СС. Отношение «Наследия предков» к Экстернштайну и «Мемориальному комплексу Генриха I» было чисто номинальным, ибо они находились непосредственно в ведении Главного административно-хозяйственного управления СС, являясь скорее параллельными структурами, нежели филиалами исследовательского общества. К 1939 году большинство высокопоставленных эсэсовских функционеров предпочитало разрабатывать родовые гербы силами своих подчиненных, а не обращаться за помощью к неизвестной им структуре.

С этого времени начался новый период в истории «Наследия предков». Отношения между исследовательским обществом и остальными эсэсовскими подразделениями ухудшались по мере того, как они заимствовали у Аненербе часть его прежних функций. Чем больше рос аппарат СС, тем меньше руководители самостоятельных структур хотели делиться властью с исследовательским обществом. Сам Вюст планировал частично вернуть утраченные позиции за счет работы с немецкими высшими учебными заведениями. Но начало войны поставило перед Аненербе новые задачи. Война существенно перераспределила сферы деятельности внутри СС.

Нельзя не отметить, что новая редакция Устава Аненербе сыграла одну положительную роль: она позволила упорядочить процесс возникновения и укрупнения новых отделов «Наследия предков». Рейхсфюрер СС отдавал приказ о расширении, куратор подбирал необходимые кадры, имперский руководитель общества принимал необходимые административные и организационные меры. Но, как и ранее, требовалось найти соответствующий повод для возникновения новой структуры.

Отдел классической филологии и древнего мира, руководимый Рудольфом Тиллем, был переименован в Исследовательский отдел классической древности. В нем было выделено два подотдела: Тилль руководил латинским сектором, а продекан философского факультета Мюнхенского университета профессор Франц Дирльмайер возглавлял греческое направление. На этом расширение не закончилось: Отто Хут встал во главе новой структуры — отдела истории индогерманской религии; Генрих Гармянц во Франкфурте возглавил отдел германской этнографии и фольклористики; декан философского факультета Венского университета профессор Виктор Христиан — исследовательский отдел истории Ближнего Востока. В начале 1939 года в Брауншвейге был создан отдел немецкой архитектуры под руководством приват-доцента и инженера Мартина Рудольфа, который совмещал свою деятельность с лекциями в техническом университете. Рудольф хотя и не обладал богатыми историческими знаниями, но помогал Герберту Янкуну в раскопках Хайтхабу, изучая остатки древних построек. Вообще, он планировал заниматься древними способами строительства. Как руководитель новой структуры, он видел необходимость в изучении не только древних построек, но и существующих крестьянских домов. Это должно было стать необходимым дополнением к истории древности и Средневековья.

В начале того же 1939 года был сформирован отдел средневековой и новой истории. Это указывало, что исторические интересы Гиммлера не ограничивались исключительно древней историей. Личный врач рейхсфюрера Керстен утверждал, что Гиммлер весьма интересовался деятельностью папы Григория VII, крестовыми походами и даже нашествием монголов (о короле Генрихе I даже не упоминаем). Новый отдел должен был заниматься имперской историей Германии, начиная с периода заката династии Штауфенов. Для этой структуры подыскивался руководитель, сильный как с политической, так и научной точки зрения. Таковой фигурой стал 31-летний Герман Лёффлер. Штурмовик со стажем, один из ветеранов нацистского движения, он вступил в СС в 1935 году. Почти сразу же он попал в РуСХА, где в отделе обучения и науки занимался темой «Политический католицизм после 1871 года». После ликвидации РуСХА его отдел был передан в Аненербе, где в феврале 1939 года был превращен в самостоятельное подразделение.

Но в последующем этот шаг был признан поспешным. Лёффлер, который так и не получил научной степени, тяжело «акклиматизировался» в «Наследии предков». Хотя его научная деятельность вполне удовлетворяла руководство общества, сотрудники относились к нему более чем скептически. Он не мог этого не заметить, и в

ноябре 1940 года перешел в СД, в рамках которого позже стал куратором Имперского университета в Зальцбурге. Показательно, что большинство сотрудников Аненербе совмещали свои исследования в рамках общества с преподавательской деятельностью в университетах. Гиммлер ничего не мог с этим поделать, ему не удалось даже уговорить оставить университетскую кафедру близкого к нему специалиста по аграрной истории, профессора Гюнтера Франца.

1939 год проходил для Аненербе под несчастливой звездой. В особенности это коснулось престижных исследовательских экспедиций — все намеченные зарубежные поездки были отложены из-за начавшейся войны. Сорвалась поездка на Гавайские острова, где планировалось провести расовые исследования местного населения. Не состоялись экспедиции в Нигерию и Исландию. Даже Вюсту пришлось отложить свою экспедицию в Иран, которая (самое обидное для него) уже была оплачена Немецким исследовательским обществом. По тем же причинам сорвалась исследовательская поездка Эдмунда Кисса в Южную Америку, которая давно готовилась и была запланирована на лето 1940 года. Чтобы найти подтверждения существования «мирового льда», эта экспедиция должна была изучать окаменелости, проводить топографические измерения береговой линии Перу, Боливии и Колумбии, осуществлять киносъемки.

Происходили некие подвижки и в естественно-научном секторе «Наследия предков». Отдел метеорологии получил несколько странное название — отдел геофизики. В июне 1939 года в Берлине состоялось расширенное собрание этого отдела. На нем задумывалось обсудить дальнейшие перспективы исследования «мирового льда». К этому времени многие молодые ученые считали эту теорию сплошным мракобесием. Сам Скультетус полагал, что эта теория его полностью дискредитирует. Даже эсэсовский астроном д-р Ёлер, по его собственным словам, пытался спасти рейхсфюрера от этой ереси. Но Гиммлер был непреклонен — «мировой лед» существует. Тогда сотрудники отдела геофизики решили разделить исследования по этой проблеме на «научные» и «дилетантские». Под последними понимались такие, которые проводились «фёлькише» исследователями, вроде Хинцпетера и Эльмайер-Фестенбрука. Участники собрания безоговорочно занесли их в разряд «мечтателей». Вообще-то в этой сомнительной области отделить «любителей» от «профессионалов» было весьма затруднительно. Но Скультетус, как начальник отдела геофизики, наивно полагал, что смог бы более-менее научно переработать наследие Гёрбигера. Конечно, это был самообман.

Можно смело утверждать, что в этот период наиболее выдающимся событием в естественно-научном секторе стала передача «Наследию предков» так называемого «Дома природы» в Зальцбурге. Его возглавлял профессор Эдуард Тратц. Работая в рамках Юго-Восточного филиала Аненербе, «Дом природы» должен был заниматься прикладным природоведением. В перспективе даже планировалось создать Музей природоведения. То, что заведение, в котором собирались модели лыж, ружья, чучела птиц и зверей, никак не было связано с историей, теперь никого не удивляло. Поразительным оказалось то, что структура Тратца должна была носить германский народный характер. Сам же профессор никогда не отказывался от своих научных принципов в угоду политике.

Собственно новыми для Аненербе перед началом войны стали два близких научных направления деятельности: расовые исследования и медицина. Расовые исследования (в оригинальном немецком прочтении «расоведение») являлись биологическим направлением антропологии и были наиболее характерной для национал-социализма научной дисциплиной. С научной точки зрения, расоведение было сомнительной наукой еще до прихода к власти Гитлера. Многочисленные «фёлькише» фанатики считали его прикладной политической наукой. В 1939 году рейхсляйтер Мартин Борман вполне справедливо заявлял, что «расовые исследования можно отнести к сфере знаний, которая получила наибольшее развитие именно в последние годы». То, что основные контуры расоведения сформировались до 1933 года, было заслугой «расового антрополога» Ганса Гюнтера. Родившись в 1891 году, он уже в 1930 году возглавил специально созданную для него в Йенском университете кафедру расоведения, где разрабатывал основные направления расовой идеологии НСДАП. Позже, при нацистах, воззрения Гюнтера были превращены в своего рода научную школу. Результатом этого популяризаторства стало то, что за несколько лет Германию наводнил поток расистской литературы. Действуя в рамках этого направления, дармштадтский профессор Густав Пауль с 1935 года собирался обосновать «расовую историю немецкого народа». Ее изучение должно было привить мысль о том, что новая государственность зиждется на двух основных принципах: прусском мышлении и идее «крови и почвы».

Как известно, биология, от которой отпочковалось расоведение, была бесцеремонно превращена нацистами в политическую науку. Здесь достаточно вспомнить о тех злодеяниях, которые творили гитлеровцы после принятия закона «О защите наследственности». Поскольку нацисты придавали этому направлению такое большое значение, то нет ничего удивительного, что рейхсфюрер СС решил, что

Аненербе должно заняться биологией, а точнее биологической антропологией. В январе 1939 года специалисты Аненербе должны были совместно с представителем Имперского управления здравоохранения Вальтером Грайте изучать «расово чуждых элементов и метисов». Эту задачу планировалось решить благодаря работе в Венском еврейском депортационном централе. Так в Аненербе был сформирован исследовательский отдел биологии во главе с Грайте. Интересно проследить, как новые задачи коснулись других подразделений. Где-то в начале 1939 года Зиверс дал поручение Альтхейму, Тиллю и Дирльмайеру разработать программный документ, касающийся биологических видов (и это должны были готовить ученые-антиковеды?), чтобы на его основании создать в фашистском Риме «Расово-исторический институт античности». Мнения по этому поводу высказывались самые разные. Профессор Рудольф Тилль, руководитель латинского сектора, считал, что литература античности обращала мало внимания на расовые вопросы, а потому надо было опираться, прежде всего, на ***архитектуру*** того времени. Как архитектура могла отражать расовые вопросы, Тилль, естественно, не уточнял. Должно быть, он специально хотел завести этот проект в тупик. Сходным образом прореагировал и Дирльмайер. Хотя он (для видимости?) писал о «наших греко-римских предках» и положительно отзывался о перспективе исследований расовых характеристик античного мира, но в итоге выражал сомнение в продуманности этой идеи, так как, по его мнению, эти исследования должны были опираться на материалы многочисленных археологических раскопок. В итоге он предлагал ограничиться антропологическими методами расоведения, которыми владели многие эсэсовские специалисты. Франц Альтхейм, напротив, горячо приветствовал эту идею и полагал, что руководителем этого проекта должен стать ученый, который доказал свою приверженность расовой идеологии национал-социализма. Более того, он подчеркнул, что с обязанностями директора института не справился бы исследователь «старой закалки». Он предлагал разработать новые методы исследования, а не ехать по проторенной колее. Но, видимо, аргументы Тилля и Дирльмайера сыграли свою роль, и институт остался лишь проектом.

То, что в 1939 году «Наследие предков», кроме расоведения, стало заниматься медицинскими проблемами, было результатом личных симпатий рейхсфюрера СС. Естественно, как дилетант Гиммлер главным образом обращал внимание не на существующие методы врачевания, а на такие области, как народная и экспериментальная медицина. Из профессиональной медицины его по-настоящему интересовала только хирургия. Это было предопределено его друж-

бой с профессором хирургии Карлом Гебхардтом. Любовь к народной медицине он вынес еще из детских лет. Знания его бабки о тайных свойствах трав и цветов произвели на маленького Генриха неизгладимое впечатление. Этим шеф СС не ограничился: он был знатоком известной книги Иеронима Бока по гомеопатии и даже позволял себе давать рецепты людям из своего окружения. Наиболее часто подобные советы получал Рудольф Брандт, страдавший страшными головными болями. Своего личного медика рейхсфюрер убедил не только бросить курить, но и отказаться от употребления алкоголя. Но увлечения гомеопатией было явно недостаточно, чтобы поручить эту сферу собственному исследовательскому обществу. Решающую роль сыграл все-таки авантюризм Гиммлера. Он давно выражал недовольство тем, что консервативные медики не могли отринуть свои этические принципы и встать на путь новой экспериментальной медицины, которая должна была служить народу, СС и науке. Гиммлер, искавший своего рода «философский камень» Эскулапа, был готов ради конечной цели выйти за рамки любых этических понятий и морали. Показательно, что в этой сфере знахари и шарлатаны не имели ни малейшего шанса на успех, так как предпочтение отдавалось молодым талантливым медикам, которые предлагали новые, нередко рискованные пути получения новых знаний. Лучшим примером был его личный врач Керстен, который хотя и не имел ученой степени, но как врач-массажист в 1940 году получил звание «медицинского советника». Тем не менее, когда во время войны к нему пришел донос о том, что Имперское управление здравоохранения вело собственную игру против «народных целителей», он направил главе этой структуры группенфюреру СС Леонарду Конти нелицеприятное письмо. В нем он говорил, что в этой сфере деятельности не приемлемы точные опыты, и поскольку он, рейхсфюрер, сам выступает против любого сектантства, то своей властью он снял с этих исследователей ярлык шарлатанов, равно как и со всего, что не связано с традиционными медицинскими объединениями. В конце письма он добавил: «Мое мнение — вы должны перейти от зачистки медицины от шарлатанов без медицинского диплома к избавлению ее от проходимцев с докторской степенью, которые чересчур рассудительны».

Но именно подобная «чрезвычайная рассудительность» была присуща эсэсовским врачам-экспериментаторам. Здесь, в СС, они были чужды какой-либо морали. Гиммлер планировал собрать вокруг себя «молодых восприимчивых врачей» до того, как будет проведена общая реформа здравоохранения (то есть официальный статус получили бы знахари и т.п.). Осуждая врачебную этику, шеф СС, прежде всего, обращал свой взор на опыты над людьми, кото-

рые активно проводились в годы войны в концентрационных лагерях, подальше от взоров общественности.

В 1939 году никто — ни Зиверс, ни Гиммлер, ни другие сотрудники Аненербе — не предполагали, что центральной фигурой в этой преступной деятельности станет скромный мюнхенский врач Зигмунд Рашер. В литературе Рашер изображается как отвратительнейший извращенец, проводивший опыты в лагерях над заключенными (об этом речь пойдет позже). А в начале 1939 года Зигмунд Рашер был никому не известным рядовым ассистентом врача в хирургическом отделении одной из мюнхенских больниц. Он родился в 1909 году в семье медика. По своему собственному признанию, его юность была тяжелой: он постоянно менял место жительства, жил в нужде. Все это привело к тому, что во время своей учебы он вынужден был подрабатывать носильщиком. Несмотря на трудную молодость, которая должна была бы дать ему богатый жизненный опыт, он остался поверхностным человеком, подтверждая это своей глупой и нервной болтовней. Французский полковник и психиатр Франсуа Байле после войны говорил о нем, как о маленьком человеке с большой головой, чей образ завершала изрядная залысина. Он был малоинтеллигентным и косным человеком, тяжелым на подъем. Его настроение быстро менялось — то он суетился, то начинал проявлять склонность к неоправданному величию, а иногда вел себя как обыкновенный ростовщик. Вообще, он обладал слабым и лицемерным характером. Иногда его охватывали приступы кратковременного безумия, во время которых он выдвигал совершенно абсурдные идеи. Его тщеславие было весьма циничным и мелочным — он мог долго торговаться ради незначительного повышения по службе. По мнению Байле, его душевное состояние граничило с паранойей. Это впечатление подтверждалось показаниями его сотрудников из Дахау на Нюрнбергском трибунале. Они характеризовали его как полностью деморализованного субъекта, лживого, жадного, склонного к садизму, способного к отвратительнейшему подхалимству. Другие психиатры — Александр Мичерлих и Фрэд Мильке — видели в нем совершенно ненормальную личность с извращенными наклонностями. Остается только гадать, как такие отвратительные люди могли расположить к себе Генриха Гиммлера. Даже личную жизнь этот врач использовал в корыстных целях. Это, прежде всего, касалось его жены, мюнхенской певицы Каролины Диль (сценический псевдоним Нини). Эта женщина была старше его на 16 лет. Она рано овдовела и в «эпоху борьбы» нередко укрывала эсэсовцев и Гиммлера в своем доме. Через нее Рашер надеялся познакомиться с рейхсфюрером СС. Это знакомство состоялось 24 апреля 1939 года в Мюнхене. Тогда шеф СС активно интересо-

вался злокачественными опухолями, планируя значительно расширить опыты, проводимые на животных. Амбициозный Рашер тут же вызвался реализовать этот проект в больнице, где он работал. При этом он просил не только выделить ему достаточное финансирование, но и оказать влияние на Вюста (Зиверс тогда уже намеревался пригласить врача в Аненербе). В конце 1939 года было решено при исследовании рака не ограничиваться только опытами над животными. Имперское руководство «Наследия предков» просило адъютанта рейхсфюрера СС Брандта предоставить Рашеру свободный доступ в концлагерь Дахау. Там он должен был проводить опыты над заключенными, приговоренными к пожизненному заключению.

Гиммлер дал на это принципиальное согласие, планируя позже более подробно обсудить подробности реализации проекта. В июне 1939 года Ращер осуществлял свои работы одновременно в трех местах: в специально оборудованном подвале Шванбингской больницы, у себя дома (Мюнхен, Трогер-штрассе, 56) и в лагере Дахау. К этому времени он стал официальным представителем Аненербе. После того как к началу войны его опыты получили широкую известность, он уже не знал, что такое финансовые трудности.

Появление З. Ращера в Аненербе стало переломным моментом в истории этой организации. Отныне изменились не только ход развития общества, но и сам характер его деятельности. Результаты не заставили себя ждать — они проявились почти сразу. Членство Рашера в Аненербе не было простым следствием интереса Гиммлера к экспериментальной медицине. С этого времени «Наследие предков» стало «заповедником» для ***абсолютно всех*** научных дисциплин, к которым проявлял интерес рейхсфюрер СС. Почему для работ Рашера было выбрано именно Аненербе? Да потому, что если бы этот врач попал в состав другой структуры, о его доступе в лагерь не могло быть и речи. По иронии судьбы в мае 1939 года Рашер был призван в Люфтваффе, а потому не мог числиться в военизированных структурах СС. Аненербе как гражданская организация позволяла ему решить эту проблему, помогая устанавливать связи с СС. То, что Рашер не был намерен служить в авиации, обнаруживало его намерение перейти на службу в ваффен СС. Его усилия увенчались успехом только в 1944 году. Документы свидетельствовали, что Вюст и Зиверс делали все возможное, чтобы уменьшить влияние Рашера на Аненербе. В мае 1939 года Зиверс и Вюст встречались в Берлинской резиденции Аненербе с З. Рашером и Нини Диль, которая выполняла при нем функции научного ассистента. Речь шла о перспективах деятельности врача-экспериментатора. Позже Зиверс обсуждал эту проблему с Брандтом и другими эсэсовскими чинами.

Согласно дневникам имперского руководителя общества, они беседовали о «научной работе, личности и требованиях этого человека» (Рашера. — *Авт.*). Вюст, присутствовавший при этом, как истинный гуманитарий выражал сомнения по поводу целесообразности реализации планов Рашера. Он уже имел возможность лично познакомиться с ним во время обсуждения его зарплаты в «Наследии предков» и приобретения для Рашера необходимой научной литературы через издательство Аненербе. В исследовательском обществе к нему относились с подозрением. Persona grata Рашер смог стать только благодаря заступничеству Гиммлера. Отношение к нему в целом было неоднозначным. Вначале Зиверс и Вюст утверждали, что именно они заметили талантливого врача и пригласили его в «Наследие предков». После войны все, естественно, изменилось. В 1946 году Зиверс утверждал, что делал все возможное, чтобы избавиться от Рашера и любым путем не выполнить приказ Гиммлера.

И все же, какие мотивы двигали Зиверсом и Вюстом, когда они начали чересчур рьяно поддерживать деятельность Рашера? Об этом можно только догадываться. До июня 1939 года они четко осознавали свою роль в «Наследии предков». По мере того как Аненербе становилось полноправной эсэсовской структурой, а сами СС превращались в полноправных хозяев Германии, и Зиверс, и Вюст надеялись занять ключевые позиции в немецкой науке. Нельзя сказать, что Гиммлер одобрял эти намерения. Так, например, он напрочь отверг идею Вюста о преобразовании Аненербе в академию. Что же мог предложить им Рашер, который не был гуманитарием? И тем более было сложно предположить, что Рашер, известный своей глупостью и садизмом, вызовет у этих людей глубокое доверие. Как это согласовывалось с моралью высокообразованных интеллектуалов Вюста и Зиверса? Ведь для посвященных было ясно: когда речь шла об экспериментах над «пожизненно заключенными», это фактически означало смертный приговор. Попавшие в концлагеря лишались всяких прав, выпав даже из куцей юрисдикции нацистских судов — они были собственностью СС. «Пожизненно заключенным» в 1939 году был любой человек, оказавшийся в лагере, а стало быть, эксперименты могли ставиться над всеми. Аргумент «об асоциальных личностях» являлся не более чем издевательством над истиной. С этого времени Аненербе окутала мрачная аура эсэсовских преступлений, ставших известными миру после Нюрнбергского трибунала. Зиверс начал постепенно превращаться из молодого романтичного интеллектуала в скрупулезного эсэсовского чиновника, который взял на себя моральную ответственность за опыты над безвинными людьми. С Вальтером Вюстом все было по-иному. Куратор втайне осуждал Рашера и его деятельность в Дахау, но ничего не мог поде-

лать — эта сфера лежала вне его компетенции, и он никак не мог помешать этому. Открыто заявлять о своих взглядах Вюст не решался хотя бы потому, что Рашеру покровительствовал сам Генрих Гиммлер. Работу в концлагерях вел Зиверс, и куратор решил, подобно Понтию Пилату, «умыть руки». Формально он, конечно, курировал научную деятельность эсэсовских врачей, ведь это было предписано Уставом 1939 года. На деле же он сосредоточился только на работе гуманитариев, закрыв глаза на то, что происходило в Дахау и возложив всю ответственность на Зиверса и Гиммлера.

На какие же сферы деятельности в то время мог реально повлиять Вюст? Сам он выделял три области, где могло пригодиться его академическое образование. Во-первых, это издаваемая Аненербе литература и газеты, во-вторых, официальные памятные издания о деятельности Аненербе и, наконец, научные собрания, проводимые в Киле и Зальцбурге. Здесь он мог действовать совершенно самостоятельно, без оглядки на Гиммлера. Но именно по данной причине сейчас сложно установить реальные масштабы этой деятельности — нерегламентированные действия Вюста фактически не нашли отражения в документах СС.

Об издательской деятельности «Наследия предков» можно сказать, что в период с 1935 по 1939 год общество добилось определенных успехов. В 1939 году, кроме ежемесячника «Германия», Аненербе имело собственную типографию в Берлине, в которой печаталось множество брошюр и книг. Другие предприятия, например, располагавшееся в Лейпциге издательство Кёллера, публиковали только отдельные книги. В Берлине также раз в квартал выпускались специализированные журналы Аненербе: «Журнал ономастики»[1] и «Родовые гербы». Кроме этого, за счет собственных ресурсов Аненербе выпускало информационные бюллетени: Венский антропологический вестник, Венский журнал по изучению моргенланда[2] и т.п.

Надо заметить, что в 1935 году Аненербе не имело ни одного своего печатного органа. Но для деятельности исследовательского общества газета была просто необходима. Более целесообразно было бы получить в распоряжение уже существующий печатный орган, который имел собственный круг читателей. После неудачных переговоров с издателями журнала «Нордический мир» руководство

[1] *Ономастика* — раздел лексикологии, изучающий имена собственные.

[2] Под *моргенландом* в немецком языке подразумеваются страны Западной Европы.

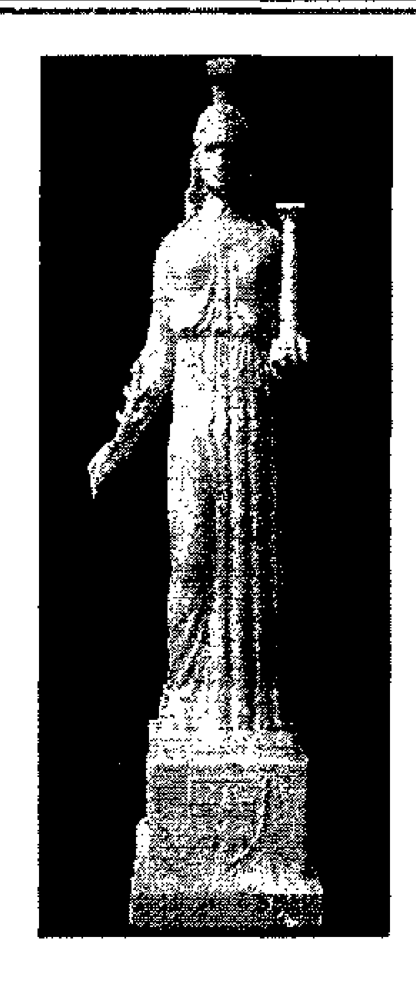
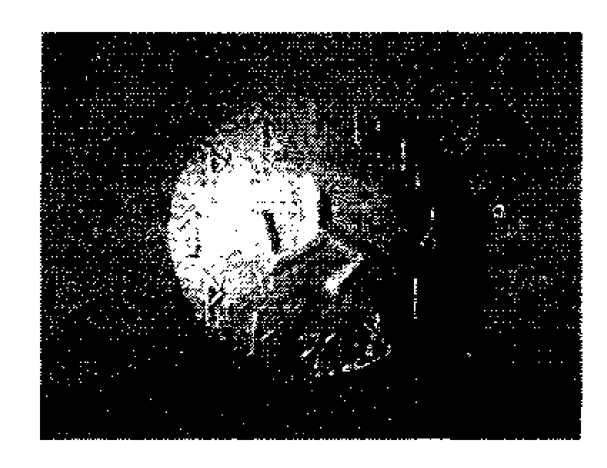
«Наследия предков» решило остановиться на ежемесячнике «Германия». В то время это издание фактически подчинялось Вильгельму Тойдту, популяризируя деятельность «Объединения друзей германской праистории», и освещало вопросы, касавшиеся Экстернштайна. Но надо подчеркнуть, что в нем уже появлялись работы Г. Вирта и Й. Плассманна. Это обстоятельство было весьма важным для руководства Аненербе. «Германия» стала печатным органом «Наследия предков», так как находилась в крайне тяжелом финансовом положении. В декабре 1935 года был подписан договор, в котором значилось, что журнал издается совместно «Объединением друзей» и обществом «Наследие предков». Было назначено даже два редактора: главным редактором был Йозеф Плассманн, живший в Берлине, а вторым — Отто Зиффет, один из последователей В. Тойдта.

Отто Зиффет, один из последователей В. Тойдта

Первый номер «Германии», подготовленный двумя структурами, увидел свет в марте 1936 года. Несмотря на заверения Плассманна, что генеральная линия журнала не претерпит изменений, содержание журнала стало быстро преображаться. Однако «Германия» была и осталась рупором наивных исследователей в стиле архаичных «фёлькише». Одновременно с этим Аненербе пыталось превратить ряд местных «боевых листков» в общегерманские издания. Аненербе всячески превозносило националистический характер этих листков. Они должны были способствовать тому, чтобы представители «республики ученых» превратились в «национальных исследователей», своего рода прототип «народного товарища» национал-социалистического образца. То, что Аненербе стало ассоциироваться с журналом «Германия», объяснял дикий коктейль из примитивных представлений Гиммлера и мечтательности Вирта, выплеснутый на страницы этого издания. Вирт смог перетащить в Аненербе свою «свиту» дилетантов из числа читателей этого журнала, в котором он еще в 1928 году заявил о необходимости поддержки любительской науки.

Именно поэтому Плассманн был вынужден превратить «Германию» в образец национал-социалистической научной газеты, которая была бы интересна профессионалам и понятна любителям. Но

Вещицы, производившиеся на фабрике Аненербе в Аллахе

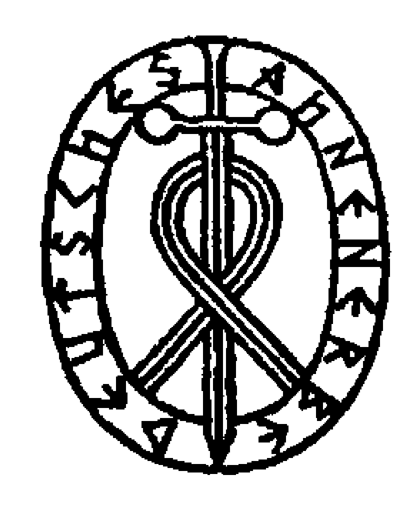
подобный синтез вряд ли был возможен, так как профессионализм, как правило, исключал популярность. В результате «Германия» публиковала статьи непрофессионалов, которые были посвящены Генриху «Птицелову», германским князьям и немецким обычаям. Эти статьи говорили о необходимости приобретения всеми эсэсовцами юльских светильников, освещали деятельность эсэсовской фабрики в Аллахе. Показательно, что если в журнале и публиковались специалисты, то очень малоизвестные. Именитые ученые пытались обходить «Германию» стороной. Основную массу публикаций составляли статьи Кисса, Вайгеля, Плассманна, Руппеля (вначале, естественно, публиковался и Вирт). Янкун и Альтхейм, и без того предельно занятые, появлялись на его страницах крайне редко. В то же время Дирльмайер, Тилль и Кристиан вообще предпочитали печататься только в научных специализированных изданиях. Их не прельщала возможность публиковать свои материалы в журнале, где Плассманн обосновывал необходимость создания «народной науки», а потому лучшие из сотрудников Аненербе под любым предлогом пытались отказаться от подобного сотрудничества. Писать мировоззренческие статьи Вальтера Вюста обязывало служебное положение, но он, как и многие другие, понимал, что его публикации в «Германии» не имели ничего общего с наукой. Так, в 1937 году он

писал Плассманну, что «Германия» стала символом националистической науки, в которой переплелись строго научные воззрения и политические претензии.

Но Плассманн не остановился на этом. Он сознательно пошел дальше, когда решился редактировать не только «Германию» с ее наивным идеологическим жаргоном, но и радикальный бюллетень «Нордланд». Эта эсэсовская газета, выходившая в одноименном издательстве «Нордланд», уже давно приобрела скандальный характер благодаря своей полемике с главным антисемитом рейха Ю. Штрейхером и безудержному антиклерикализму. Хотя этот листок был достаточно популярен, зимой 1936 года Гиммлер распорядился закрыть его. Плассманн, вспоминавший об этом после войны, считал, что «Нордланд», являвшийся приложением к «Германии», был скорее обузой, нежели выгодным приобретением. Достоин внимания факт: в 1935 году рейхсфюрер обязал многих сотрудников Аненербе работать в «Нордланде», а 10 месяцев спустя издание прекратило свое существование. В ноябре 1936 года шеф издательства «Нордланд» Ф. Фишер передал свое предприятие Бруно Гальке. После этого Плассманн стал редактором этого радикального листка. Союз между Аненербе и «Нордландом» был специфическим мезальянсом. Йозеф Плассманн должен был превратить возрожденную газету в серьезное мировоззренческое издание, основательно подготовленное и «не безвкусное» (!!!). Конфликт с католической церковью должен был поддерживаться на серьезном уровне, а не ограничиваться дешевыми обвинениями и пресными остротами. Но Плассманну из Берлина плохо удавалось контролировать газету, которая выходила в Магдебурге. В итоге в «Норд-

Франц Альтхейм со своей супругой

Эмблема книжной серии «Немецкое наследие предков», поначалу являвшаяся символом самого Аненербе

ланде» появилась серия антикатолических заметок, которые своей бездарностью возмутили даже Геббельса. После этого неудачного эксперимента связи между исследовательским обществом и магдебургским издательством были разорваны.

Очевидно, что ни «Германия», ни тем более «Нордланд» не могли произвести должного впечатления на серьезных ученых и профессуру. Но как обстояло дело с исследовательскими проектами отдельных сотрудников «Наследия предков»? Еще в 1935 году была создана книжная серия «Немецкое наследие предков», в которой поначалу планировалось издавать только работы Германа Вирта. Но опубликовать он смог только свою работу «Священный протоязык человечества». Позже под влиянием Вюста было принято решение, что работы, выходящие в этой серии, должны были носить сугубо научный характер. Вюст сам решил подать пример. Свою популярную работу «Сравнительный и этимологический словарь индоарийцев» он решил публиковать не в этой серии, а в независимом издательстве Карла Викерта (г. Хайдельберг). В целом можно выделить две категории работ, которые выходили в книжной серии Аненербе. К первой относились публикации, чей научный уровень был выше, чем в «Германии», но они имели политическую окраску. Вторая категория была более интересна: работы имели чисто научный характер, в них не допускалось никакого популизма, их язык был строго выверен, какие-либо намеки на политику начисто отсутствовали. Можно установить простую закономерность: чем больше было в работе научных ссылок, тем менее она была политизирована.

Ярчайшими примерами книг первой категории, написанных серьезными авторами, являлись:

— Вальтер Вюст, Курт Шрёттер. Смерть и бессмертие в индогерманских памятниках. 1938 г.

— Йозеф Отто Плассманн, Гилберт Тратнинг. Немецкие земли возвращаются назад. Австрия и Судетская область как земли немецкого народа. 1939 год.

Соавторство Вюста в написании вышеупомянутой работы было примером оплошности, которую допустил талантливый ученый. «Смерть и бессмертие» являлась безобидной антологией высказываний исторических личностей, среди которых были Ницше и Гёте. Предосудительными были комментарии Вюста и Шрёттера, кото-

рыми они сопровождали эти цитаты. Они говорили о гении, исходящем из глубин нордической расы, восхваляли общую стихию крови и расы, присягая на верность коллективному национал-социалистическому сознанию. «Смысл жизни отдельного человека состоит в том, чтобы пожертвовать собой ради других». Более того, авторы свалили в одну кучу биологию и мораль: эффективное использование законов наследственности, по их мнению, должно было выразиться в благодарных потомках — прекраснейших представителях немецкого гения.

Йозеф Плассманн и Гилберт Тратнинг выполняли более очевидный политический заказ, не считая даже нужным давать необходимое научное обоснование. Книга представляла собой восхваление национал-социалитической внешней политики и была приурочена к годовщине аншлюса Австрии и присоединения к Третьему рейху Судетской области. Плассманн уже во введении сформулировал политические цели этой работы: «В этот радостный день все исторически мыслящие немцы должны сопоставить... картины прошлого с переживаниями сегодняшнего дня; в немецких войсках, которые форсировали границы утраченных территорий, мы видим закованных в железо рыцарей императора Оттона и трепещущие знамена принца Ойгена». Этот патетический жест подтверждался статьями различных авторов, которые на основании документов и источников раскрывали культурные и политические взаимоотношения Германии, Австрии и Богемии. Часть статей была вообще позаимствована из прессы. В духе сухих сводок с фронта Рихард Вольфрам в своей статье «Немецкие традиции богемского леса» рассуждал об ареале распространения немецкой культуры. Без приведения каких-либо доказательств он полагал, что на этой территории жили не чехи, а немецкие крестьяне, которые в раннем Средневековье начали расчищать под пашни местные леса, а потому это исконно немецкие земли.

Значительно отличались от этих работ — хотя бы по форме изложения — произведения Отто Хутта «Новогодняя елка. Германские мифы и немецкие традиции» и Франца Альтхейма «О происхождении рун». Можно сказать, что их профессионализм и научные взгляды не были искажены нацистским мировоззрением.

Но научность многих работ отнюдь не гарантировала их безупречности. Это показал пример Джузеппе Каппеллетиса. Его книга, посвященная истории Древнего Рима, была переведена с итальянского и опубликована в Берлине в 1938 году. И хотя работа имела интересную структуру и даже оригинальные наброски карт, в 1941 году историк из Бреслау Л. Сантифаллер дал ей уничижительную оценку. По его мнению, это было едва ли полезное исследование,

основанное только на современной литературе, и большей частью напоминающее путеводитель малообразованного экскурсовода.

Между тем тираж «Германии» постепенно рос. Если в 1935 году он составлял 2 тысячи экземпляров, то в 1937 году — 12 500 экземпляров. В 1939 году все публикации, брошюры и книги Аненербе выходили в собственном издательстве, а раньше большей частью печатались в издательстве Генриха фон Хазе. И хотя собственных мощностей у исследовательского общества все же не хватало, руководство пошло на разрыв с Хазе. В марте 1939 года его сняли с поста руководителя издательского отдела Аненербе, а несколько месяцев спустя на его место поставили Фридриха Кайзера, нового заместителя имперского руководителя общества.

От Зиверса и Вюста не могло скрыться, что с приходом Кайзера в издательской работе Аненербе начали возникать новые продуктивные идеи. Профессиональный журналист и издатель, он сразу же стал изучать слабые места этой сферы деятельности «Наследия предков». Он жестко выступил против тематического беспорядка, который царил в книжной серии, разделив ее на четыре самостоятельных направления[1]. Ориентируясь на естественно-научные интересы, он критиковал политику, когда публиковались только работы гуманитарного характера. Он заявлял руководству: «Мы, конечно, горды за широкие формы гуманитарных и естественно-научных исследований, но читателям тяжело понять, как Аненербе связано с естественными науками». В сентябре 1939 года он обратил на это внимание Вальтера Вюста, считая, что подобный подход являлся существенным промахом руководства. Действительно, публикации и книги «Наследия предков» почти никак не отражали реальную деятельность общества. В публикациях обращалось внимание только на гуманитарные науки, не уделяя внимания остальным проблемам. Это было косвенным подтверждением того, что руководство Аненербе в то время не рассматривало всерьез естественно-научный сектор исследований. Хотя надо заметить, что в апреле 1938 года Зиверс предлагал создать отдельную естественно-научную книжную серию. Свое предложение он повторил летом 1939 года, уже после прозвучавшей критики. Единственной работой, вышедшей в созданной тогда серии «Естественно-научные исследования», стала малоинтересная брошюра Хуго Динглера «Макс Планк и создание так называемой современной теоретической физики». Эта публика-

[1] Книжная серия «Немецкое наследие предков» подразделялась на четыре подсерии: A. Основополагающие произведения. B. Специализированные исследования, работы по древнейший, древней и ранней истории. C. Этнографические работы. D. Естественно-научные исследования.

ция носила заказной характер, а потому была предвзятой. Автор громил Планка как «мистика»(?), осуждая «его ложный метафизический базис», который привел к путанице в методологии. Кроме всего, здесь велась полемика с А. Эйнштейном, если, конечно, можно назвать полемикой откровенные оскорбления. Эта брошюра, чей автор даже не принадлежал Аненербе, являлась ярчайшим примером несостоятельности этого направления в издательской деятельности исследовательского общества. Другие функционеры Аненербе вполне справедливо полагали, что «результаты» деятельности Скультетуса являются более чем нелепыми, чтобы выносить их на суд общественности.

Осознавая слабость большинства работ, издаваемых в Аненербе, куратор Вюст в качестве доказательства академичности исследовательского общества приводил шикарно изданные памятные издания о деятельности «Наследия предков». Они должны были замаскировать реальное положение вещей, а потому издавались большим форматом, печатаясь готическим шрифтом на дорогой бумаге. Предназначение этих фолиантов состояло том, чтобы сформировать представление о сути и деятельности Аненербе, показав живой образ исследовательского общества. Изначально они предназначались для тех людей, на чью финансовую поддержку рассчитывал рейхсфюрер СС. Но в апреле 1939 года он решил преподнести один из этих фолиантов вместе с рядом книг «Наследия предков», обрамленных в кожаный переплет, фюреру на день его рождения. Еще в феврале 1939 года Гиммлер считал, что памятное издание служило плохим методом популяризации деятельности «Наследия предков», так как оное предназначалось для узкого круга личностей государственного и партийного уровня. Но, тем не менее, он согласился напечатать его и общую редакцию решил поручить Плассманну. Забавно, но получилось так, что книга большого формата и объемом более тысячи страниц оказалась не пронумерованной. Те отдельные экземпляры, которые все-таки имели нумерацию, сейчас являются библиографическим раритетом.

1939 год показал разительный контраст между амбициями руководства Аненербе и действительным положением дел. Мало сочетались между собой официальные документы и шикарный том памятного издания. Цитата Гиммлера, которой открывался этот фолиант и которая должна была напомнить народу о священном вечном круговороте прошлого, настоящего и будущего, была банальной. К этому времени главный полицейский чин Германии и «хозяин» концлагерей вызывал ужас, а вовсе не сентиментальное доверие. Туманная фраза о том, что «подлинные исследования никогда не погрязнут в черствых догмах и доктринах», лишь только подчеркивала, на-

сколько Гиммлер был далек от науки. Идеологическое давление, под которым находились все научные разработки «Наследия предков», исключали какую-либо объективность, о которой столь смело говорил рейхсфюрер СС. С другой стороны, официальные исследования, особенно военная наука в годы Второй мировой, как раз не были ограничены какими-то мировоззренческими рамками, отвергая любые существующие нормы морали. Но даже здесь знания, как правило, подменялись слепой верой. Все это демонстрировало, насколько в Аненербе правда была перемешана с ложью. Неудивительно, почему исследовательское общество не смогло добиться реальных научных достижений.

Уже само оглавление памятного издания «Наследия предков» показывало, насколько была велика разница между фактическим и желаемым состоянием дел. Читая характеристику отдельных структур, можно заметить, что они и не могли добиться впечатляющих результатов, ибо сами цели их деятельности были в корне ошибочными. Так, например, отдел изучения Ближнего Востока видел свою цель, согласно изданию, в том, чтобы «обнаружить арийско-германское влияние на культуру Востока», хотя правильнее было бы говорить о влиянии ближневосточных культур на западные народы (тезис, хорошо известный уже в то время). Тем не менее именно арийцы, которые с этнографической точки зрения никогда не существовали в качестве единой общности, «должны были» оказать решающее влияние. Предполагалось, что именно индогерманцы дали толчок к складыванию высокоразвитых культур Востока еще в то время, когда о Европе не было никаких упоминаний! Подобные установки как нельзя лучше характеризуют политизированную науку.

Но вернемся назад к памятному изданию. Нередко вообще нельзя было провести четкую грань между существовавшими в рамках Аненербе гуманитарными отделами. В первую очередь это касалось тех структур, которые занимались этнографией, фольклористикой и лингвистикой. Затруднительно было провести ясную границу между сферой деятельности отдела изучения ландшафтной символики (Швайцер), отдела по изучению письменности и символики (Вирт/Вайгель), отдела геральдики и родовых эмблем (Руппель) и отдела рунологии (Краузе). Все они занимались поиском следов тысячелетних традиций. Ощущение путаницы усиливалось, когда стало известно, что в марте 1938 года Швайцер возглавил отдел германской филологии. Поразительно то, что, согласно послевоенным воспоминаниям Плассманна, эта структура имела значительное влияние на научный мир, но, тем не менее, в памятном издании ее деятельность была отражена весьма скупо. При прочтении

описания отдела германистики (Плассманн) складывается впечатление, что это он создал своеобразный фундамент для остальных гуманитарных отделов. Как же сами ученые должны были проводить свои исследования, если даже в четко структурированном памятном издании не было ясно, кто чем занимался? Вполне логично возникал вопрос: если деятельность структур Аненербе постоянно пересекалась между собой, существовало ли соподчинение между ними? И если подобное соподчинение существовало, то почему об этом не было ничего известно? Несмотря на четкую структуру памятного издания, оно оставляло впечатление беспорядка. Можно предположить, что этот хаос начался в 1936 году, во время бездумного создания новых структур в «Наследии предков».

Также непоследовательно изображалась деятельность естественно-научных отделов. При ее рассмотрении разнородность структуры исследовательского общества становилась более чем очевидной. Авторы фолианта всячески пытались показать работу этих отделов на гуманитарный манер. Понятно, что исследование пещер должно было помочь добыче природных ресурсов. Но как ботаника могла способствовать национальному возрождению? Дальнейшее повествование могло поразить фантазию даже самого искушенного читателя. Изложенные факты были абсолютно оторваны от какой-либо реальности. Так, говорилось о том, что в рамках проекта «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре» было реализовано более 50 исследований, хотя на самом деле к 1945 году подобное исследование было одним-единственным! В конце книги была напечатана таблица, в которой приводились 34 различных отдела. Парадокс заключался в том, что на данный момент в Аненербе было всего лишь 26 структур. То есть 8 отделов были просто высосаны из пальца! До начала войны не было никаких упоминаний о деятельности отделов остеологии, индогерманской музыки и многих других.

Не менее фантастичным был раздел «Исследовательские поездки». В нем руководство Аненербе беспардонно приписало себе в заслуги экспедицию Шефера в Тибет, хотя не имело к ней никакого отношения. Упомянутые на страницах памятного издания поездки в Персию и Южную Америку были только запланированы, но отнюдь не реализованы. Там же приводилась цветная карта мира, где помечались территории, представлявшие для «Наследия предков» особый интерес. В условиях хронического безденежья исследовательское общество, оказывается, «проводило исследования» в Англии, Швеции, Италии, Далмации, Норвегии, Голландии, Бельгии, Греции и Малой Азии. Более того, на территории Америки и Азии было нанесено 122 точки, где побывали сотрудники Аненербе!

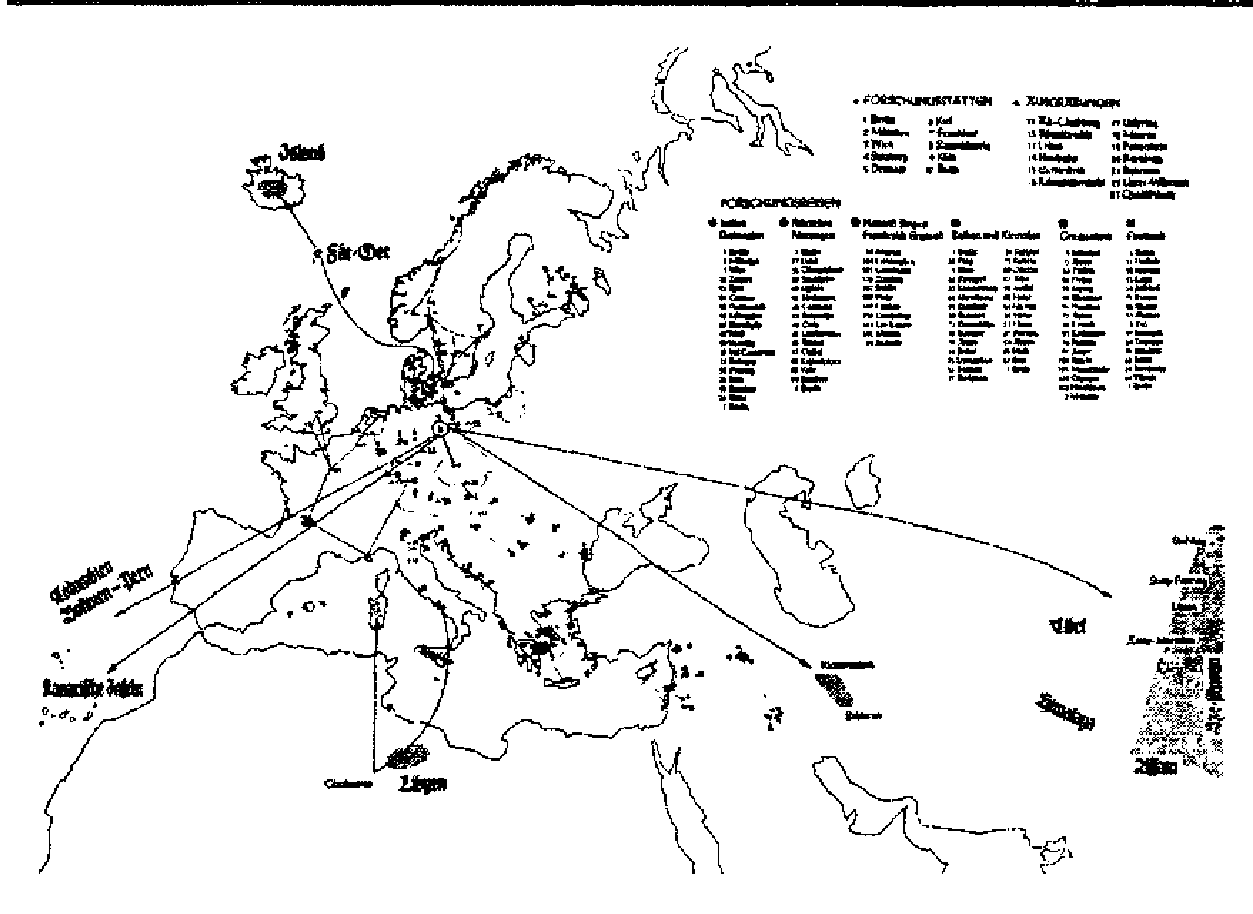

Схема несуществующих в большинстве своем исследовательских экспедиций, напечатанная в памятном издании «Наследия предков»

Это был блеф. Памятное издание «Наследия предков» было «потемкинской деревней», плодом богатой фантазии руководства общества.

Вальтер Вюст прекрасно понимал, что не мог показать серьезной научной публике такое мифическое произведение, как памятное издание. Потому он решил сделать своим козырем научные конференции. Конференция, которая проходила с 30 мая по 4 июня 1939 года в Киле, должна была продемонстрировать широкой общественности результаты четырехлетней работы Аненербе. Это было обусловлено тем, что в рейхе сложилось превратное представление о деятельности «Наследия предков». Для того чтобы исправить сложившуюся ситуацию, руководство общества активно привлекало журналистов, которые должны были разрекламировать конференцию. Говоря нынешним языком, куратор занялся PR. До начала мероприятия в прессе по этому поводу появилось 36 заметок и 16 статей об Аненербе. Более того, ход конференции освещался не только газетами (17 обширных обзоров), но и немецким радио. Это был первый случай, когда функционеры исследовательского общества решились представить на суд публики собственные наработки. Результаты этого мероприятия превзошли все ожидания. Так как же

это выглядело? Когда читаешь эти пожелтевшие от времени газетные статьи, никак не можешь отделаться от ощущения, что эта конференция только формально была организована как чисто политическое мероприятие. Поначалу в выступлениях участников и сообщениях средств массовой информации, конечно, преобладали политические и идеологические акценты. Так, Генрих Гиммлер писал в марбургской газете «Миттельдойче»: «Отныне научная работа жизненно обоснована. Она имеет цель — познание немецкой сущности. Ее результаты станут средствами для воспитания всего немецкого народа». Генрих Гармянц в своей расистской речи «Задачи нашего научного сообщества» говорил весьма парадоксальные вещи: «Мы послушны и мы свободны, так как мы — кровь и дух. Мы можем быть свободными, так как мы послушны, и мы можем быть послушными, так как мы свободны! В свободе человеческого духа мы видим нашу кровь! Благодаря ей мы живем, благодаря ей мы творим, благодаря ей мы боремся за немецкую науку». Плассманн же еще более откровенно заявил, что научная работа «Наследия предков» является наиглавнейшим подспорьем в политической деятельности национал-социализма.

Но даже если эти напыщенные фразы не были простой уступкой режиму, они все равно никак не сказались на тематике конференции. После войны один из участников конференции, всемирно известный ученый, профессор Густав Швантес охарактеризовал это мероприятие следующим образом: «Эта конференция протекла так, как будто это было сугубо научное мероприятие. Было ощущение, что конгресс проходил либо за рубежом, либо в донацистский период. Подобную точку зрения мог бы высказать каждый из присутствовавших на нем». О Вальтере Вюсте он говорил, что тот был немецким профессором до кончиков ногтей, немецким профессором, как его привыкли видеть с давнейших времен. Швантес имел возможность неоднократно спорить с ним по вопросам, на которые они имели разные точки зрения. Можно сказать, что объективность, с которой Вюст отстаивал свою позицию, была выше всяких похвал.

На конференции в Киле Вальтер Вюст выглядел «немецким профессором до кончиков ногтей»

Рассматривая программу конференции, нельзя не согласиться с выводами Швантеса: конференция была

посвящена тем научным дисциплинам, в которых Аненербе преуспело. Прежде всего, это были этнография и древняя история. Деятельность других секций конференции была более скромной. И хотя на секции древней истории «Наследие предков» было представлено всего лишь несколькими исследователями, им удалось создать широкую коалицию из ученых, которые были недовольны деятельностью Розенберга и Рейнерта. Вообще, Вюст пригласил в Киль только тех специалистов, которые не имели никакого отношения к ведомству Розенберга. Только этим можно объяснить участие в данном мероприятии многих светил немецкой науки, в том числе и Швантеса, которые давно конфликтовали с Рейнертом. О том, что подобным мотивом руководствовалось большинство участников научного конгресса, говорила фраза, сказанная Янкуну ученым из Ростока, Эрнстом Петерсеном: «Глубочайшим переживанием для меня стал отпор мелким нытикам со стороны широкого круга коллег, которые общались между собой в подлинно товарищеской обстановке». Под «мелкими нытиками» подразумевался, естественно, Рейнерт. Сам Петерсен уже несколько лет находился в состоянии острой конфронтации с ним.

Не меньший интерес представляли и тексты докладов. Вообще, в конференции в Киле было не менее 450 участников, большинство из которых уже сделало себе имя в научном мире. Политическое прикрытие требовалось им, чтобы обсудить сугубо научные аспекты своей деятельности. Густав Швантес рассказывал о символике древнеисторического орнамента, не забыв при этом «лягнуть» дилетантские исследования в духе Вирта, выступая против слепого, благожелательного рвения и дерзкой профанации в этой сфере. Иоахим Вернер, преподававший во Франкфурте-на-Майне, зачитал доклад о декоративных бляхах, сделав вывод о влиянии римских культурных ценностей на ремесла германского мира. Учитывая то, что Гиммлер пытался доказать обратное, подобный пассаж был отнюдь не признаком научного вызова. Скорее всего он свидетельствовал о том, что часть функционеров СС решила перейти от чисто пропагандистских выводов к научно выверенной точке зрения. Об этом говорили и другие доклады. Если говорить о первобытной истории, то профессор Карл Грипп дал наглядную картину складывания геологических условий в ледниковый период. Пренебрегая национал-социалистической догматикой, он заявил в своем докладе, что [illegible]ные [illegible] Германии периода раннего [illegible] [illegible]

ми. Участники конференции тут же решили отнести Хайтхабу к числу наиболее значительных раннеисторических памятников и поместить его в путеводитель по Шлезвиг-Гольштейну. Как бы то ни было, но на этой конференции удалось достигнуть значительных научных результатов в сфере истории, на что после войны неоднократно ссылался Вальтер Вюст. Об этом говорил подготовленный к печати в 1944 году Янкуном «Отчет о конференции 1939 года в г. Киль». В наши дни критика в адрес конференции раздается вовсе не по причине ее политизированности, а потому, что на ней не был представлен спектр исследований, которые тогда проводили многие ученые, а потому выступали только корифеи: Янкун, Вильфонзендер, Бомерс и др. Но факт остается фактом — Аненербе удалось, хотя бы и на время, сплотить вокруг себя большинство немецких историков. Тем самым оно не только повысило свой престиж, но и нанесло Розенбергу чувствительный укол.

Конференция в Киле была некой лакмусовой бумажкой, так как она ясно продемонстрировала, какие из направлений деятельности «Наследия предков» носили сомнительный характер. Естественнонаучная секция на конференции вообще отсутствовала. Этому могло быть только одно объяснение — Вюст стеснялся этой сферы. На конференции блекло были представлены и многие гуманитарные направления. Плассманн, как полуисторик-полуэтнограф, выбирая тему доклада, решил опереться на сомнительные исторические сюжеты, посвятив его личности Генриха I. Лингвистическую секцию вел сам Вальтер Вюст, а не Бруно Швайцер, как намечалось в начале конференции. Куратор решил не ограничиваться ролью организатора и вдохновителя этого мероприятия. Остановившись на новых методах изучения древнеперсидского языка, он показал себя ученому миру как талантливый исследователь.

Еще более важной для «Наследия предков» была так называемая «Зальцбургская научная неделя». Эта конференция должна была продемонстрировать для зарубежных гостей формы и методы работы национал-социалистической науки. Организация этого мероприятия была поручена непосредственно Аненербе, но проводилась при поддержке Имперского министерства воспитания, Национал-социалистического союза немецких студентов и гауляйтера Зальцбурга, бригадефюрера СС Фридриха Райнера. Все эти структуры были связаны с научной деятельностью и опасались усиления Альфреда Розенберга. Министр науки, воспитания и культуры Руст, подобно В. Вюсту, был заинтересован в повышении собственного престижа. Это мероприятие ассоциировалось у него с традиционными «зальцбургскими празднествами». В этой конференции приняли участие всего лишь трое ученых из «Наследия пред-

ков». Франц Дирльмайер выступал с докладом «Аполлон — бог и воспитатель эллинистической знати», Герберт Янкун — «Политические силы германизма», Вальтер Вюст — «Об индогерманской религиозности: дух и призвание».

«Научная неделя» должна была проходить с 23 августа по 2 сентября 1939 года. Она была организована именно в Зальцбурге, чтобы подорвать влияние католицизма в этом районе. Дело в том, что в период с 1622 по 1810 год университет в Зальцбурге был католическим. Даже после того как он формально стал светским, католическая церковь имела там достаточное влияние. В 1931 году свет увидел альманах «Зальцбургская неделя высшей школы», который привлекал внимание общественности к проблеме католицизма в высшей школе. Незадолго до аншлюса Зальцбургское университетское объединение предложило проект реорганизации высшей школы. Он был жестко пресечен нацистами в 1938 году. Тут же рейхскомиссариат Остмарка отдал гестапо приказ прекратить работу «недель высшей школы». Ирония судьбы заключалась в том, что «Зальцбургская научная неделя», проводимая Аненербе, была почти точной копией католической «недели высшей школы». Естественно, сходны они были по форме проведения, акценты в новом мероприятии были поставлены абсолютно другие. Собственно, идеологической предтечей «Зальцбургской научной недели» являлись проводимые с 1903 по 1931 год курсы Зальцбургского университетского объединения, которые рассматривались как средство борьбы против религиозных псевдонаучных устремлений экзальтированной интеллигенции.

Но что же объединяло между собой «старую беспочвенную» и «новую национал-социалистическую» науку? Последняя со всей откровенностью заявляла о себе как о политической дисциплине, которая должна выполнять геополитические задачи своего народа (слова В. Вюста из юбилейного сборника). Авторитетные докладчики в 1939 году должны были повлиять на иностранную публику, так сказать, создать образ нового ученого. Но темы докладов не всегда могли способствовать этому. Например, мюнхенский историк Карл Александр фон Мюллер говорил об английской мировой империи и великой Германии с точки зрения произошедших за последние сто лет геополитических изменений. Юрист Пауль Риттербуш посвятил свой доклад исторической необходимости национал-социалистического мировоззрения. Уже знакомый нам Ф. Зикс был приглашен на конференцию, чтобы доложить гостям о масонстве как проблеме духовной истории. Банкир, входивший в «кружок Гиммлера», сделал доклад «Из культурной истории денег».

Эта конференция, само собой разумеется, не могла продлиться до конца, то есть до 2 сентября 1939 года. «Блестящий зачин конференции был скомкан молниеносным броском вермахта, перешедшим польскую границу», — писал имперский руководитель Зиверс Матильде Мерк. Многие ученые, приписанные к вооруженным силам, были срочно отозваны с конференции. Началась Вторая мировая война.

Франц Зикс – покровитель «Наследия предков» в РСХА и СД

Итак, чего же удалось добиться Аненербе за четыре года своего существования? Когда Гиммлер в начале 1939 года решился довести до сведения общественности результаты работы своего исследовательского общества, то он полагал, что оно могло претендовать на роль ведущей научной организации рейха. Подобные притязания были, мягко говоря, необоснованными. Книги, издаваемые Аненербе, за редким исключением, не выдерживали никакой критики. Журнал «Германия» на самом деле представлял собой листок, который носил исключительно пропагандистский характер. Свой академический уровень смогли сохранить только «оккупированные» «Наследием предков» научные издания. Да и это произошло скорее всего ***не благодаря***, а ***вопреки*** методам работы Аненербе. Памятное издание могло удовлетворить только непосвященную в дела исследовательского общества публику. Зальцбургская конференция закончилась неудачей не только потому, что ее завершение было скомкано начавшейся мировой войной, но и потому, что выверенные с научной точки зрения доклады Янкуна, Дирльмайера и Вюста просто затерялись в массе политических сообщений.

Конечно, нельзя списывать со счетов успех конференции в Киле хотя бы по причине того, что она стала отправной точкой консолидации профессиональных историков вокруг Аненербе. Используя в своих целях профессиональную солидарность ученых, руководство «Наследия предков» было обязано предоставить им определенную научную свободу. Показательно, что наиболее ценные разработки Аненербе были связаны с археологическими раскопками. Уже во время анализа результатов раскопок Янкун пришел к смелому выводу о том, что Хайтхабу являлось крупнейшим международ-

ным рынком раннего Средневековья. Этот тезис он подтверждал находками изделий франкского и фризского происхождения. Руководитель отдела раскопок Ганс Шляйф в июне 1939 года, опираясь на результаты раскопок в Бад-Дюркгейме, выдвигал несколько гипотез относительно конструкции каменных и деревянных построек древности. Если учесть, что Шляйф и Янкун были достаточно скромны и не проявляли никаких личных амбиций, то можно смело предположить, что они руководствовались только научными интересами.

Но с началом войны политические и идеологические моменты были чрезвычайно усилены даже там, где деятельность Аненербе носила сугубо научный, непредвзятый характер. В итоге раскопки Шляйфа и Янкуна были всего лишь средством для достижения эсэсовским руководством собственных целей. Неудивительно, что один из докладов Кильской конференции носил очень показательное название: «Германистика как политическая наука». А потому не надо предаваться иллюзиям — на этой конференции прозвучало достаточное количество идеологизированных докладов. Например, Отто Хут, в качестве ведущего заседания секции индогерманской религии, предложил проект, одни масштабы которого противоречили какой-либо научной объективности. Он предлагал провести опрос *всех* деятелей культуры и науки, которые сталкивались в ходе своей работы с евреями! По его мнению, этот опрос должен был дать поразительные результаты. В конце марта он даже разработал и представил Зиверсу образец анкеты, на основе которой должен был проводиться опрос. Эта безумная идея была отвергнута. Зиверс решил ограничиться тем, что поручил руководителю отдела средневековой и новой истории Герману Лёффлеру подготовить небольшую работу о влиянии евреев на современную науку.

Именно подобные крайности позволяли увидеть подлинное лицо Аненербе. Если смотреть с политической точки зрения, то исследовательское общество было незаменимым для Гиммлера. Именно Аненербе должно было давать «научное» обоснование новым идеям рейхсфюрера, которые он плодил в неимоверном количестве. Как только нацистский режим рождал новую пропагандистскую идею, она тут же находила свое отражение в публикациях «Наследия предков». Наверняка не случайно Й. Плассманн в Киле обратил внимание на восточную политику, проводимую Генрихом I. Немецкое жизненное пространство, завоеванное за тысячу лет до начала новой военной агрессии, было не просто удачной исторической параллелью. Это был лозунг, поднятый руководством нацистской Германии на щит.

Глава 5

АНЕНЕРБЕ КАК «НАУЧНАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ» ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Было бы ошибочно полагать, что Аненербе являлось исключительно научно-исследовательским обществом. Оно с самого начала планировало заниматься, кроме прочих задач, подготовкой эсэсовских кадров. Элитарное мировоззрение эсэсовцев подкреплялось осознанием собственной неограниченной власти. Какая другая структура Третьего рейха могла быть могущественнее «черного ордена» Генриха Гиммлера? Подобные взгляды весьма удачно привились в «Наследии предков», которое не стеснялось порой решать при помощи силы вопросы научного характера. Неугодных ученых преследовали и подвергали травле, а если они имели мировое признание, их могли насильно привлечь к сотрудничеству.

Не стоило также забывать о том, что охранные отряды наряду с полицией и гестапо занимались поиском и искоренением внутренних врагов. Более того, уже в 1936 году, после централизации полиции, профессор права и руководитель одного из отделов СД Рейнхардт Хён предложил правоведам отказаться от прежних «либеральных» взглядов. Отныне полиция должна была не только противодействовать преступности, но и участвовать в общественной жизни Германии. Мнимая необходимость «общественного вспомоществования» давала полиции и гестапо удобный повод внедрить собственную агентуру во все области жизни. Внедрение осведомителей от года к году набирало обороты. В этой деятельности образ мифического врага был особо важен.

Как оказалось, функционеры Аненербе со временем взяли на вооружение тактику своих коллег из СД и гестапо. «Наследие предков» стало неким органом полицейского надзора в сфере культуры, а стало быть, следуя терминологии Хёна, должно было заниматься культурно-общественным вспомоществованием. Представители исследовательского общества, по сути, постепенно превращались в «инквизиторов», конфискаторов и цензоров рейхсфюрера СС. Воинственная нетерпимость «Наследия предков» базировалась не только на расизме, который изначально был заложен в фундаменте общества, но и на пренебрежении элементарными нормами юстиции. Врагом для руководства общества становился любой, кто не шел ему навстречу. Но нацистская идеология играла здесь второстепенную роль, на первый план выступала банальная жажда обогащения и тактические соображения «борьбы компетенций». Именно поэтому для Аненербе нацист Ганс Рейнерт в качестве заместителя Розенберга был гораздо опаснее всего «либерально-еврейского»

Обложка книги Ганса Рейнерта

ученого мира. Еще бы! — он ведь претендовал на богатейшие материалы, на которые давно уже положили глаз Зиверс и Вюст!

В целом для деятельности «Наследия предков» антисемитизм был не настолько характерен, как того можно было ожидать. Конечно, функционеры Аненербе разделяли юдофобские установки режима. Они делали это хотя бы для того, чтобы завладеть материалами, конфискованными в синагогах и у отдельных евреев. Но в быту сотрудники исследовательского общества, за исключением Хута и Лёффлера, никогда не демонстрировали свою неприязнь к евреям. Этого и не требовалось, ведь СС не были той организацией, которая собиралась решать «еврейский вопрос» на научных диспутах и «круглых столах». Кроме того, «еврейские» отделы СД, гестапо и многочисленные институты по изучению «еврейского вопроса» умудрялись не ладить между собой. А потому, рискуя быть втянутыми в сложную подковерную борьбу, ученые из «Наследия предков» решили не заострять внимание на подобной тематике.

Аненербе как выразитель интересов рейхсфюрера СС в сфере культуры не ограничивалось моральным удовлетворением от полного контроля над этой сферой. Оно стремилось получить более ощутимую выгоду. Материальное обогащение общества шло не только за счет конфискации библиотек, музейных экспонатов, но и от приобретения недвижимости и даже ювелирных и нумизматических коллекций. Все это становилось возможным после унификации пресловутых «противников» режима. К таковым относились не только идеологически неблагонадежные организации, но и те структуры, которые просто составляли конкуренцию «Наследию предков». Схема была проста: экспертная оценка со стороны Аненербе использовалась как повод для применения репрессивных мер, которые, как правило, заканчивались конфискацией имущества. При этом речь шла не только об унификации региональных, но и общегерманских структур, например «Главного объединения немецких спелеологов», а также многочисленных объединений Австрии и протекторатов. Конечно, все это повышало престиж общест-

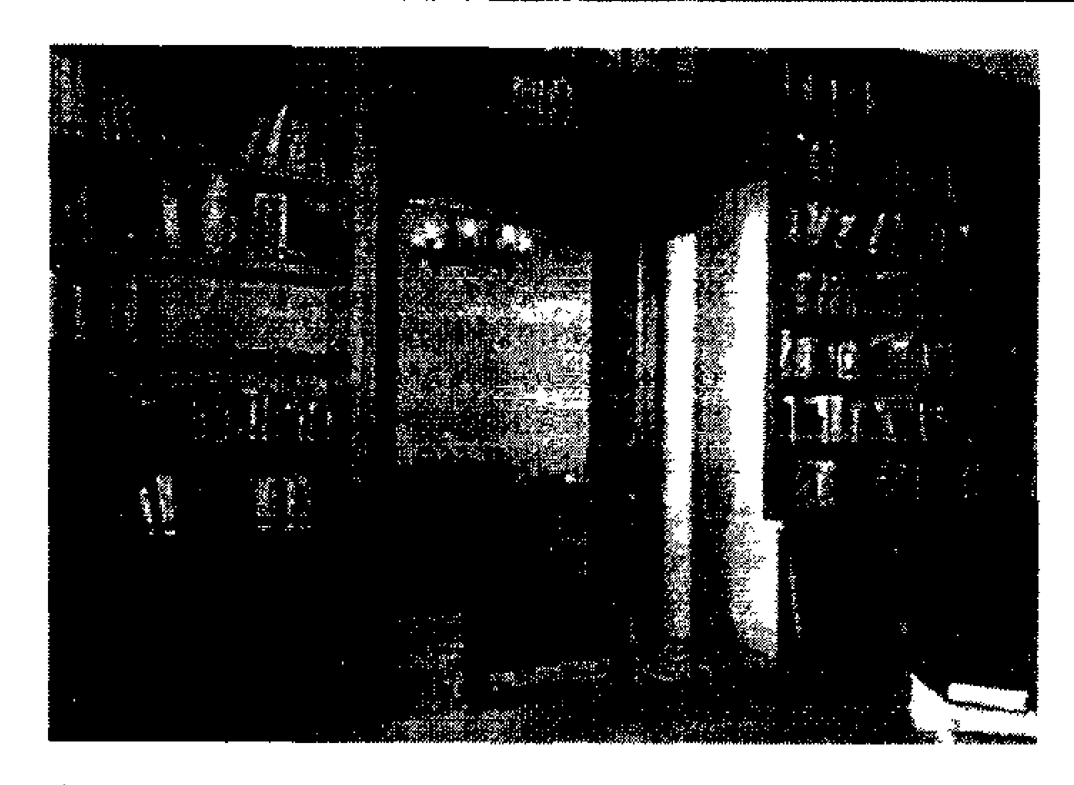
ва, но это не было главным. Куда более важным было осознание собственной власти. Власти, которую можно было использовать в борьбе против собственных противников (Розенберг здесь был фигурой № 1). К январю 1938 года Аненербе фактически контролировало все важнейшие структуры родственного характера. Но на этом процесс обогащения не прекратился.

Можно сказать, что самыми потрясающими были не грандиозные планы функционеров исследовательского общества, а их жадность. Например, в 1939 году имперский руководитель общества Зиверс решил, что было бы целесообразно получить в свое ведение имперское собрание настенных изображений и *все (!)* коллекции каменных орудий первобытности. Подобные высказывания не мешали ему в то же время заявлять, что «Наследие предков» не преследовало каких-либо грабительских целей. В то же время он собирался получить «попечительство» над свайными постройками древности и очень расстраивался, когда встречал препятствие в виде фигуры Рейнерта, который давно занимался их изучением.

Иногда жертвы алчности сами шли навстречу Аненербе. Так, австрийский священник и этнограф Ромуальд Пламбергер решил добровольно подарить исследовательскому обществу свою коллекцию, так как не имел средств для ее дальнейшего содержания в приюте Ламбрехта. Подобная мотивация была характерна лишь для некоторых жертвователей, остальные же совершали акт дарения, опасаясь преследования со стороны СС. Пример своим подчиненным подавал сам Гиммлер. Еще в 1935 году он безрезультатно пытался приобрести за бесценок у барона Йохана фон Диргардта коллекцию украшений. Он как только мог использовал служебное положение, мотивируя свое предложение даже тем, что ювелирная коллекция нужна ему для обучения эсэсовцев.

Сейчас трудно выяснить, принимало ли Аненербе участие в этой авантюре. Но можно сказать точно, оно участвовало в подобных операциях. Однажды руководству исследовательского общества было поручено связаться с Йозефом Бергелем, архивариусом из Праги. Он был известен тем, что смог собрать богатую коллекцию документов, которые раскрывали взаимоотношения барона Валленштейна[1] и его домашнего астролога. Увлеченный гороскопами Гиммлер загорелся желанием завладеть этими документами. И почти тут же архивариус начал подвергаться давлению со стороны тогда еще малоизвестной немецкой организации. Пока Чехословакия была самостоятельным государством, он наотрез отказывался

[1] *Альбрехт Валленштейн* — имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне 1618—1648 гг.

Библиотека «Наследия предков». В ней собирались наиболее ценные экспонаты из реквизируемых книжных собраний

продавать свою коллекцию. Ситуация изменилась после оккупации Чехии. Прекрасно осознавая возможные последствия своего упорства, архивариус решил добровольно подарить «Наследию предков» вожделенные документы.

«Трофеи» Аненербе могли колебаться от совсем незначительных до весьма впечатляющих. К числу последних относилась библиотека писателя Лиона Фейхтвангера, которую мюнхенское гестапо передало Вальтеру Вюсту в ноябре 1938 года. Надо заметить, что Вюст, несмотря на свое академическое воспитание, не стеснялся прибегать к подобным услугам тайной полиции. Чтобы избежать бюрократических проволочек, гестапо сообщало лично рейхсфюреру СС о всех ценных экспонатах, попавших в руки, а тот одним росчерком пера решал их судьбу, обычно передавая «Наследию предков». После того как библиотека и коллекция Фейхтвангера попали к Вюсту, он переправил их в Вену, где ими должен был заняться начальник отдела изучения Ближнего Востока, профессор Виктор Христиан.

После войны Вюст упорно твердил, что обвинения в грабеже являются ложью. Мол, Аненербе не было столь значимой структурой, чтобы самой проводить конфискации, а если что-то и попадало в руки руководства общества, то только в соответствии с законом. Первое было несомненной правдой, Вюст и Зиверс сами не собирались пачкать руки, предоставляя возможность заниматься подобными конфискациями гестапо. Но в остальном он лгал: по его инициа-

тиве были конфискованы не только библиотека Фейхтвангера, но и книжные коллекции некоторых организаций. После того как нацистами было закрыто «Зальцбургское университетское объединение», его имущество, приблизительная стоимость которого составляла 400 тысяч австрийских шиллингов, было передано Аненербе. «Наследию предков» достались религиозные и этнографические архивы, собрание минералов и гербарии, а самое главное, бесценная коллекция монет. Несколько месяцев спустя в дело вмешался Венский архиепископ, который обратился лично к Гитлеру. Было решено вернуть конфискованное обратно в университеты, но Аненербе по-своему решило эту проблему. Прибегнув к полицейскому давлению, исследовательское общество превратило владельцев в собственные подразделения. Например, институт религиозной этнографии стал составной частью отдела немецкой этнографии (Рихард Вольфрам). В начале 1939 года зальцбургское гестапо получило новое задание — реквизировать книги теологического факультета, которые хранились в библиотеке святого Петра. Здесь общая численность конфиската составила несколько тысяч единиц. Всего же к 1943 году только в Зальцбурге Аненербе изъяло от 80 до 100 тысяч томов.

Естественно, конфискация культурных ценностей не была для функционеров Аненербе основной задачей. Подлинной целью исследовательского общества был контроль за умами современников, которые делились на друзей, врагов и колеблющихся. Эти категории определялись не только приверженностью идеям национал-социализма, но и лояльностью к рейхсфюреру СС и Аненербе. Оценка одних и тех же личностей могла радикально меняться в соответствии с задачами, которые вставали перед «Наследием предков». Вначале непререкаемой догмой были взгляды Германа Вирта. Превратив их в чуть ли не официальную доктрину СС, он мог записать во враги любого, кто не был с ней согласен. Те же, кто не находил признания у официальной науки и одновременно не нашел общего языка с Виртом, например, профессор Якоб, могли зачисляться в категорию личностей, демонстрировавших полное незнание мировой истории. Достаточно смелое заявление для ученого-дилетанта! После «эпохи Вирта» масштабы обвинений изменились — они стали мельче. Так, в 1938 году развернулась активная борьба за то, кто станет заниматься под покровительством рейхсфюрера СС изучением Экстернштайна. В сфере естественных наук решалась судьба теории Гёрбигера, которая в 1938 году все-таки получила официальное признание.

В целом, существовал строжайший запрет на проведение границы между взглядами и «друзей» и «противников». Так как эти понятия определялись тактическими соображениями, нередко разницы

не было никакой. Иные мнимые противники, согласно своим научным взглядам и мировоззрению, должны были быть скорее союзниками «Наследия предков». Для этого был найден удобный способ решения подобной проблемы. Недаром в Уставе Аненербе 1937 года говорилось о том, что исследовательское общество «вправе способствовать всем схожим устремлениям других объединений». В Уставе 1939 года появились не только права, но и обязанности. А это значило, что руководство «Наследия предков» было отныне ***обязано*** вливать в структуру общества конкурирующие организации, тем самым нейтрализуя их. Перед Аненербе стояла непростая политическая задача: унифицировать множество партийных и государственных объединений, которые не были даже связаны между собой.

Первыми заставили замолчать критиков Германа Вирта. Но роль пророка, которую пытался играть Вирт, казалась эсэсовскому руководству слишком сомнительной. Право, нельзя же быть большим роялистом, чем сам король! Подобное рвение в СС не очень ценили. И все же в апреле 1936 года Плассманн запланировал широкую дискуссию с противниками Вирта, которая должна была начаться со статьи «Мракобесы и доносчики за кафедрами немецких университетов». Поначалу рейхсфюрер хотел усилить нападки на немецкую профессуру, но в последний момент передумал. Он потребовал от Плассманна, чтобы тот переработал материал. В итоге свет увидела примирительная публикация под заголовком «Больше товарищества в науке». В ней намекалось, что этот материал — последняя попытка наладить плодотворное сотрудничество между враждующими сторонами. Но эта попытка стала последней для Вирта! Было достаточно сложно вести двойную политику: с одной стороны, возвеличивать заслуги Вирта, а с другой стороны, одергивать и держать под контролем зарвавшегося исследователя. Когда Г. Вирт окончательно впал в немилость, окончилась всякая полемика по поводу его научного наследия.

Аналогом взглядов Вирта в естественно-научной сфере было учение о мировом льде. Согласно протоколу заседания руководства Аненербе от 19 июля 1936 года, оно было убеждено в правильности основополагающего учения «мастера Гёрбигера». Но и тут было не все так просто. У теории о мировом льде, которую иначе как ересью назвать нельзя, появились последователи, которые совсем не устраивали «Наследие предков». В среде «верующих» в мировой лед начало расти тихое недовольство исследовательским обществом. В итоге фон Энтцдорф, Георг Хинцпетер и Ганс Фишер создали альтернативное «Общество по исследованию мирового льда». Летом 1939 года Скультетус, который полагал, что изучение мирового льда — это его прерогатива, начал ходатайствовать перед Гиммлером о закрытии

«общества самозванцев», так как оно ставило под сомнение результаты, достигнутые Аненербе в ходе исследований.

Несомненно, что особых проблем подобные структуры не вызвали. Они были слишком незначительны, чтобы составить реальную конкуренцию исследовательскому обществу, которому покровительствовал сам Гиммлер. Но функционеры считали, что необходимо наносить превентивные удары по тем, кто представлял потенциальную опасность. К примеру, в 1936 году рейхсфюрер строго-настрого запретил осуществлять несанкционированные исследования и публикации, посвященные Экстернштайну. Надзирать за этим, бесспорно, должно было Аненербе. Подобный надзор «Наследие предков» осуществляло и в других сферах. В частности, один из руководителей гольштейнского музея Мельдорф доктор Катпхаузен впал в немилость только за то, что начал публикацию материалов по истории германской символики, а это, само собой разумеется, считалось исключительной сферой деятельности Аненербе. Особенно безжалостно «Наследие предков» преследовало близкого к Розенбергу этнографа Бернхардта Куммера. В июле 1937 года Плассманн организовал в «Германии» кампанию травли этого ученого, который имел неосторожность издавать свой собственный бюллетень «Северный голос». Травля продолжалась до тех пор, пока Куммер не закрыл свое издание и не перешел в начале 1938 года работать в «Германию».

Вообще, для того чтобы занести человека или издание в «черный список», функционерам Аненербе не требовалось особых поводов. Сравнительно безобидная книга франкфуртского любителя Йоханеса Ланга «Протоистория становится ранней историей», изданная автором на свои средства в 1934 году, три года спустя чуть было не попала под запрет. Непонятно, что не понравилось в ней Вальтеру Вюсту, который ходатайствовал перед рейхсфюрером об ее изъятии из торговли. Но Гиммлер оказался более рассудительным, чем его тщеславные паладины. «Запрету не давать хода», — ответил он Вюсту. И, показывая знание дела, добавил: «Этим мы только сделаем книгу известной».

Этот урок не пошел на пользу функционерам «Наследия предков». Некоторое время спустя Отто Хут, тогда еще рядовой сотрудник Аненербе, предложил руководству СД обратить пристальное внимание на произведение лейпцигского профессора Арнольда Шнидера «Против лжи в адрес германских представлений о божестве». Поводом для доноса стал тот факт, что в этой работе не была отражена роль изучения Эдды![1] Этот казус показывает, что неми-

---

[1] *Эдда* — древнеисландский сборник мифологических и героических песен, бытовавших в устной традиции германских народов.

лость Аненербе могла пасть фактически на любое произведение. То же самое касалось и газет. Когда в 1937 году Плассманн заявил, что газета «Солнце» «слишком часто печатает нытиков» (впечатляющее обвинение!), то он подразумевал, что это средство массовой информации надо было либо вовсе ликвидировать, либо передать «Наследию предков».

Однако у Аненербе были и серьезные соперники. Надо заметить, что в марте 1938 года решением имперского руководителя общества за Аненербе были закреплены функции эсэсовских экзекуторов. Отныне функционеры должны были выполнять, кроме всего прочего, и «шпионские» функции, наблюдая за закрепленными за ними соответствующими областями науки. Приобретая полицейские функции, они отныне решали и специфические, связанные с подобной деятельностью проблемы. Они должны были либо дискредитировать, либо ликвидировать, либо влить в состав «Наследия предков» конкурирующие структуры. Аненербе продолжало исповедовать эти принципы вплоть до 1945 года. Наиболее удачно эту деятельность описал биограф Гиммлера Гельмут Хайбер, употребивший английское слово *to worm*[1], которое наиболее точно характеризовало эту сферу деятельности исследовательского общества. Чтобы сохранить свою монополию на исследование символики, геральдики и древней истории, Аненербе приходилось опираться на деятельность местных объединений и научных союзов. Внешне независимые, они на самом деле контролировались «Наследием предков». Это позволяло решать ряд существенных проблем. Сделанная Вюстом на одном из документов пометка «Мы включены в состав?», стала своего рода девизом исследовательского общества. Функционеры Аненербе вводились в состав конкурирующих организаций с тайной надеждой, что они станут миной замедленного действия, которая привела бы к унификации и поглощению «Наследием предков» этих структур. Успешность подобной тактики была продемонстрирована в 1937 году, когда Аненербе поглотило «Немецкое общество исследования кельтской культуры» и получило контроль над формально независимым «Вестфальским краеведческим союзом». Предположительно в 1938 году «Наследие предков» стало контролировать «Союз немецких этнографических объединений». Руководитель этого союза Джон Мейер пошел на это, чтобы избежать осложнений после конфликта с Розенбергом. К 1939 году Аненербе оказывало непосредственное влияние на издание не менее чем десяти

[1] Вкрадываться.

научных журналов. Занятно, что в июле 1939 года Герман Лёффлер присутствовал на съезде историков в Цюрихе не как функционер «Наследия предков», а как представитель сразу нескольких журналов.

Детмольдскому лингвисту Бруно Швайцеру было поручено собрать и обобщить сведения обо всех научных мероприятиях, чтобы определить, насколько их можно использовать в интересах Аненербе. Методику отслеживания, нейтрализации и, конечно, интеграции основных культурных учреждений можно проследить на примере самого учреждения германоведения в Детмольде, которое возглавлял Вильгельм Тойдт. Этот длительный процесс был генеральной репетицией для всех дальнейших действий. Поздней осенью 1935 года функционеры Аненербе собирались прибрать к рукам не только издаваемый Тойдтом журнал «Германия», но и созданное им «Объединение друзей германской праистории», тем более что само оно, как и журнал, давно влачило нищенское существование. Первая фаза унификации закончилась в начале 1936 года: Зиверс вошел в правление «Объединения друзей», где начал раздавать обещания, большинство из которых не были ничем подкреплены. Вторая фаза наступила в июле того же года, когда Аненербе без лишних церемоний подчинило себе детмольдскую структуру. «Торжественное принятие» состоялось несколько позже, в октябре 1936 года. Тойдт, сделанный милостью Гитлера профессором, хотя и продолжал стоять во главе этой структуры, но на деле был марионеткой Зиверса и Вюста. На третьей фазе унификации, начавшейся в конце 1936 года, уже все члены Объединения перешли в Аненербе. Финал этого действия наступил в 1938 году — Тойдт ушел в тень, а на его место руководство «Наследия предков» поставило Бруно Швайцера. Тогда Вюст заявил, что отныне в Детмольде сложились все предпосылки, которые позволяли быстро выполнять поставленные задачи.

В Аненербе, конечно, отдавали себе отчет, что контроль над организацией Тойдта не мог повысить престиж исследовательского общества, так как это приобретение не пользовалось авторитетом в научных кругах. Повысить вес «Наследия предков» планировалось благодаря проведению реорганизации системы охраны памятников природы, к которым после аншлюса Австрии проявлялся повышенный интерес. Создание в Зальцбурге отдела спелеологии[1] было продиктовано распоряжением рейхсфюрера навести порядок в области геологии и карстовых исследований. «Новый порядок» в этой сфере фактически означал подчинение геологов «Наследию предков», тем более что агентура Розенберга не имела на них пока никакого влия-

[1] *Спелеология* — наука, занимающаяся изучением пещер.

ния. Но здесь Аненербе столкнулось с препятствием в виде «Главного союза немецких спелеологов», чей лидер, еврей по происхождению, Бруно Вольф пользовался в научном мире непререкаемым авторитетом. Несмотря на преследование евреев, Вольфа не решились даже изгнать из правления «Берлинского общества спелеологов». Но после того как он встал на пути Гиммлера и его паладинов из Аненербе, его положение вряд ли можно было назвать безопасным. Опасаясь преследований, Вольф был вынужден передать функции председателя «Главного союза» немецкому фабриканту Юлиусу Римеру. Но это был ход, который должен был отвести глаза гестапо. На самом деле Вольф продолжал неофициально руководить этой организацией. Осознав это, Зиверс обратился в мае 1938 года к руководству СС с просьбой предоставить Вольфа в его распоряжение. Этим имперский руководитель Аненербе планировал убрать его с дороги. Но формально в своем ходатайстве он говорил о том, что Вольф, беззаветно собирая библиотеку, доказал преданность немецкой науке. Это был верх цинизма! Месяц спустя этим вопросом начал заниматься Вюст. Его первым шагом стала попытка взять под контроль геологические и карстовые проекты, подчинив их новому «Имперскому союзу немецких спелёоисследователей».

Поскольку «Главный союз немецких спелеологов» представлял конгломерат различных объединений и организаций, планировалось постепенно перевести их в состав «Имперского союза», который затем должен был превратиться в самостоятельный отдел «Наследия предков». Эта акция началась в марте 1939 года. Тогда руководителем отдела спелеологии в Аненербе был назначен профессор Ганс Брандт. На этом посту он сменил Штайнхойзера, который не оправдал надежд Гиммлера. В пользу фигуры Брандта говорило хотя бы то обстоятельство, что он лично был знаком со всеми выдающимися геологами. Одновременно с этим все структуры, входившие в неподконтрольный Союз, получили от Зиверса предписание связаться с новым руководителем отдела с целью дальнейшего сотрудничества. Унификацией многочисленных австрийских геологических союзов вместе с Брандтом занимался Курт Вильфонзендер, доверенное лицо «Наследия предков» в вопросе охраны памятников природы в «Остмарке». К этому времени руководство Аненербе начало мыслить глобально: после создания протектората Богемии и Моравии все исследования пещер и карстов были объявлены зоной интересов эсэсовского исследовательского общества.

Унификация геологических объединений шла не так уж гладко — Брандт столкнулся с определенным сопротивлением, которое пришлось преодолевать при помощи силы. Являясь типичным образчиком деспотичного руководителя, который во что бы то ни ста-

ло пытался сохранить свой авторитет, он под угрозой полицейского преследования предложил вступать в организацию, созданную рейхсфюрером. Оказавшись в столь сложной ситуации, 15 августа Ример решил, от греха подальше, присоединиться к Имперскому союзу.

Реорганизация геологических исследований подразумевала, что Аненербе собиралось подчинить себе всех ученых этого профиля как в «Остмарке», так и в протекторатах. Почему именно эти территории? Дело в том, что в Германии Гиммлер был способен привлечь на свою сторону только часть ученых, а потому не мог претендовать на всесторонний контроль. По этой причине Гиммлер решил отыграться на территориях, присоединенных к рейху. В силу своего положения здесь он имел больше полномочий, чем тот же Розенберг. Что говорить, ведь Юго-Восточный филиал Аненербе в Зальцбурге был создан почти на следующий день после оккупации Австрии. С первых дней существования нового филиала с ним начал свое сотрудничество историк и унтерштурмфюрер СС Курт Вильфонзендер. Он как руководитель Центрального управления по охране памятников г. Вены, преподававший древнюю историю, активно сотрудничал с Аненербе по меньшей мере с осени 1938 года. Эсэсовское начальство обратило внимание на этого человека по ряду причин. Уже в марте 1939 года его структура вошла в состав Аненербе. Благодаря сотрудничеству с ним Генрих Гиммлер сумел осуществить свою давнюю мечту — отметить юльфест в Каринтии[1]. После этого события рейхсфюрер распорядился уделять больше внимания этой области, особенно месту, где располагался каролингский замок — Карнбург. Руководство «Наследия предков» планировало даже обнаружить там следы древнегерманских поселений. Эта задача имела не только научное, но и политическое значение — словенцы уже давно пытались представить этот регион центром возникновения их собственной государственности. С июля 1939 года данной проблемой должно было заняться одно из подразделений Аненербе, возглавляемое Гансом Шляйфом. Вильфонзендер снабдил его богатыми материалами. Особое внимание необходимо было уделить линии обороны раннесредневековых поселений.

Не меньше эсэсовских археологов привлекал и моравский памятник Унтервистерниц, стоянка охотников на мамонтов, располагавшаяся в 80 километрах севернее Вены. Но эти раскопки не могли

---

[1] *Каринтия* — историческая область в Европе в бассейне реки Драва. В конце VI века заселена славянами. С 1335 года владение Габсбургов. Самая южная провинция Австрии, в которой насчитывается около 1300 озер. Вода и климат Каринтии, похожий на средиземноморский, создали ей репутацию австрийской Ривьеры.

дать Аненербе ничего нового. Дело в том, что в течение 1924—1938 годов ее уже раскапывал глава палеонтологического музея, известный географ Карл Абсолон. В 1939 году после создания протектората Унтервистерниц отошел к гау Нидердонау (Нижний Дунай). Абсолон, известный своим скверным характером, в свое время наотрез отказался отдать результаты раскопок, разместив находки в собственном музее. Результаты последующих раскопок не принесли «Наследию предков» абсолютно ничего нового. Интересно, какие неимоверные усилия потребовались от имперского руководства общества, чтобы оно признало этот прискорбный факт?

В июле 1939 года голландец Асин Бомерс совместно с функционерами Аненербе начал интригу против Абсолона. Ее целью было получение пресловутых материалов и находок. В этом деле неоценимую услугу им оказал тот же Вильфонзендер, который обладал самыми широкими связями в Праге и Брюнне.

25 марта 1939 году Гиммлер наконец-то добился того, чтобы Аненербе стало ответственным за охрану природных памятников на территории Чехословакии. Это положило конец амбициям Абсолона. Уже в марте имперский руководитель Зиверс начал переговоры с Абсолоном. Результатом их стал компромисс, согласно которому мятежный профессор отдавал свои наработки эсэсовцам, а те не только разрешали продолжать раскопки, но и выделяли ему на них достаточное финансирование. Десять тысяч рейсхмарок выделялось из фондов Аненербе, а еще столько же выделялось из средств австрийского имперского наместничества.

Другие функции Аненербе в качестве культурно-политической организации рейхсфюрера были тесно связаны с попыткой эсэсовских структур взять под свой контроль высшее образование в Германии. Служба безопасности СС с первых дней своего существования проявляла повышенный интерес к высшей школе и университетским преподавателям. Он носил преимущественно полицейский характер. Осведомители из числа студентов и преподавателей прислушивались к лекциям и дискуссиям в стенах университетов, о чем тут же доносили эсэсовскому руководству. СД проявляло интерес ко всему: состоянию дел в высшей школе, настроениям преподавателей, скрытой и открытой оппозиции режиму. Но эта деятельность не была связана с самой наукой и высшим образованием. Гиммлер сам однажды поставил перед СД задачи в отношении немецких университетов, провозгласив вполне типовые тезисы: он предлагал активно обсуждать в высшей школе проблему германоязычных народов (австрийцев, швейцарцев и т.д.), подвести под проблему единства германской расы научную основу и превратить итоги ра-

боты в мировоззренческие призывы к действию. Этим рейхсфюрер не ограничивался. Его интересовало также, кто из профессоров продолжал поддерживать свои старые зарубежные связи. Шеф эсэсовского отдела по изучению общественного мнения Рейнхардт Хён, руководитель Второго центрального управления СД («Предоставление информации»), регулярно получал информацию от организованного в каждом университете «рабочего сообщества СД». Таким благородным термином именовалась сеть осведомителей.

Коллега Хёна по СД штурмбаннфюрер Франц Альфред Зикс на следующий месяц после поступления на службу в СС опубликовал в газете «Немецкий студент» собственную статью. В ней он как недавний лидер хайдельбергского студенчества пытался разобраться в проблеме элитарности с национал-социалистической точки зрения. Его выводы показались для многих ветеранов партии более чем неортодоксальными. В них он предлагал провести подготовку руководящих кадров без школы жизни а'ля «время борьбы»[1]. Он считал, что немецкие университеты должны были в будущем стать «парником» для выращивания руководства партии и государства.

Интеллектуал Зикс рано осознал, что большинство нацистов не были в состоянии понять суть теории, приверженцами которой они являлись. Третий рейх был для них всего лишь государством. Зикс же выдвигал тезис, что высшая школа должна не только поддерживать национал-социалистическое руководство, но и готовить профессиональные кадры, которые будут готовы грамотно осуществлять руководство Германией. В тот момент верхушка рейха не принимала во внимание высшую школу. Напротив, режим намеревался готовить будущих функционеров не в университетах, а собственных учебных заведениях. Многие фанатичные деятели, вышедшие из студенчества, полагали, что дискриминация университетов со стороны «движения» предопределена либеральными корнями системы образования. С их точки зрения, высшая школа должна была не готовить грамотные кадры на базе национал-социалистического мировоззрения, но наоборот, превращать студентов в истинных нацистов.

Как ни странно, подобная точка зрения была чужда не только Францу Зиксу, но и самому Гиммлеру и его окружению. Гитлер ненавидел профессуру, рейхсфюрер же симпатизировал ей. В противовес партийному аппарату, Гиммлер окружил себя людьми с высшим образованием. И здесь мы видим очевидный парадокс. В 1934 году Гиммлер берет под свое крылышко опального Вирта, спасая

[1] *Время борьбы* — эпоха существования нацистской партии, когда она боролась за приход к власти.

его от официальной науки. Но когда подобные «ученые» стали определять научный климат Третьего рейха, шеф СС не потерял к ним какой-либо интерес. Теперь он не сомневался в превосходстве немецких университетов и собирался использовать их в собственных целях.

Основная проблема эсэсовской политики в отношении высшей школы заключалось в том, что охранным отрядам было необходимо преодолеть недоверие со стороны профессуры и студенчества. Только в этих условиях можно было говорить об их сближении с СС как залоге подготовки кадров для «черного ордена» Генриха Гиммлера. Подобную смычку планировалось осуществить следующим образом. Вначале рейхсфюрер пытался вовлечь в собственные структуры максимальное количество профессоров и доцентов. Здесь конформизм преподавателей сочетался со старой практикой вовлечения в ряды СС наиболее выдающихся людей из различных сфер жизни: бюрократии, хозяйства, культуры. Короче говоря, Гиммлер пытался закрепиться во всех слоях национал-социалистического общества. Профессора-эсэсовцы должны были соответствующим образом обработать студенчество, из которого вышли бы не только будущие функционеры службы Гиммлера, но и эсэсовские доценты. На последней стадии срастания университетов с охранными отрядами они должны были сменить своих предшественников и тем самым обеспечить беспрерывную подготовку кадров для СС.

Когда рейхсфюрер сделал СД ответственной за сотрудничество с высшей школой, он строго следил, чтобы это взаимодействие было плодотворным. Но его планы оказались невыполнимыми. Их нереальность показал хотя бы тот факт, что Гиммлер так и не создал собственную академию, организованную по национал-социалистическим принципам. В то же время это удалось сделать А. Розенбергу. Не дало результатов и распоряжение Гиммлера от 7 февраля 1934 года, согласно которому юноши-студенты должны были планомерно вступать в ряды СС (подобного не могла себе позволить ни одна партийная или государственная структура). Его целям должна была способствовать концентрация этих неофитов в так называемых мужских домах[1], которые планировалось создать при каждом университете. За этот проект, который курировал эсэсовский функционер Эллерзик, рейхсфюрер болел всей душой. Так, в августе 1938 года он писал директору офтальмологической клиники в Бреслау про-

[1] *Мужские дома* — коллективные жилища холостой мужской молодежи (иногда — всех мужчин) первобытных общин. У многих народов, стоявших на стадии родового строя или сохранявших его пережитки, связаны с половозрастным членением общины.

фессору Вальтеру Дитеру о том, что он хотел бы создать при местном университете некое подобие «мужского дома СС», чтобы собрать там наиболее способных и перспективных студентов со всех факультетов. И, конечно же, Гиммлер не упустил возможности слить немецкие университеты и протежируемые им собственные научные структуры. Например, Рейнхардт Хён и его «Институт государственных исследований» действовали при Берлинском университете, «Немецкий правовой институт» во главе с профессором К. Экхардтом с 1937 года существовал как филиал университета в Бонне.

Но наибольшие надежды рейхсфюрер возлагал на сотрудничество вузов с Аненербе. «Задача «Наследия предков» состоит в первую очередь в том, чтобы осуществлять многочисленные замыслы рейхсфюрера в области научной политики и обеспечить тем самым его руководящую роль в этой сфере», — заявил в 1937 году Вальтер Вюст. Собственно говоря, именно его появление в Аненербе имело решающее значение в организации этого сотрудничества. Гиммлер использовал выдающиеся способности молодого ученого, который в 1936 году некоторое время выполнял функции референта рейхсфюрера по вопросам высшего образования. Являясь деканом философского факультета Мюнхенского университета, он, став в 1934 году сотрудником СД, мог контролировать все процессы, которые происходили не только в его университете, но и во всем баварском научном сообществе. Повторюсь, что когда руководство Аненербе убеждало профессора примкнуть к исследовательскому обществу, ему ***гарантировались*** преподавательская деятельность и сохранение поста декана. Это недвусмысленно указывало на то, что тогда эсэсовские структуры остро нуждались в лояльных преподавателях высшей школы.

Попав в «Наследие предков», Вюст активно принялся за работу. Всего несколько месяцев спустя он дал научное обоснование ***всей*** культурно-политической деятельности рейхсфюрера. Помогая Зиверсу, он обсудил цели и задачи Аненербе с профессором Эрнестом Бойппле, представлявшем Баварское министерство культуры. Бойппле даже пошел ему навстречу и предоставил Мюнхенский университет для проведения инсценированного праздника, где Вюст должен был сделать короткое политическое обращение.

Но все-таки одно дело — Вюст, давно сотрудничавший с нацистами, другое дело — остальная академическая публика. Как «Наследию предков», имевшему поначалу сомнительную репутацию, удалось привлечь на свою сторону представителей официальной науки? Установление связей между эсэсовскими структурами и университетскими кафедрами проходило по четко отработанной схеме. Ряд

преподавателей просто ставили во главе подразделений СС, автоматически присваивая неплохой чин. Надо сказать, что такой банальный подход приносил неплохие результаты — влияние рейхсфюрера в этих кругах существенно росло. За примерами не стоило далеко ходить. В Мюнхене таким человеком стал Вюст, в Вене — Христиан, во Франкфурте-на-Майне — Гармянц, в Халле — Альтхейм. В университете Брауншвейга доцент Мартин Рудольф должен был создать новый институт, который бы занимался изучением германского строительства. В итоге он сосредоточился на изучении древней архитектуры, подготовив курс лекций по древнеисторическому зодчеству. К лету 1938 года Вюст и Зиверс зашли так далеко, что начали обсуждать с Зиксом, который вызывал у них глубокие симпатии, введение в университетах официальных ставок «доцентов СС». Они строили воздушные замки, мечтая, как эти преподаватели займут свое место в Аненербе.

Но это были лишь фантазии. Пока «Наследие предков» с величайшими трудностями пыталось занять свое место в научном мире, не могло быть и речи, чтобы исследовательское общество воспринималось как привилегированное учреждение. Успешные исторические исследования были слабым утешением, к тому же репутация Вюста оказалась подмоченной, не в последнюю очередь из-за скандальной публикации «Смерть и забвение в картине индогерманского мышления». В 1939 году некоторые ученые, например египтолог Шарф, даже хотели настоять на его научной дисквалификации. Сам Вюст об этом тогда и не догадывался. Вообще, было сомнительно, чтобы такие люди, как Дирльмайер и Христиан, пошли на то, чтобы дисквалифицировать человека, который не только возглавлял Аненербе, но и представлял в высшей школе интересы могущественнейшего рейхсфюрера СС.

Полное признание «Наследия предков» в научном мире могло произойти только тогда, когда исследовательское общество смогло бы подготовить и внедрить в университеты новое поколение национал-социалистических ученых. В Аненербе это прекрасно понимали, а потому в 1937—1939 годах часто велись разговоры об отборе следующего поколения исследователей. В июле 1937 года в руководстве исследовательского общества разрабатывается рабочий план по подготовке «нового поколения», которое бы по своей теоретической ориентации полностью подходило для культурно-политических целей Аненербе и эсэсовской политики в области высшей школы. Таким образом, можно сказать, что функционеры «Наследия предков» решили приступить к завершающей стадии слияния вузов и СС, минуя подготовительные и начальные фазы. Это был хитрый трюк: Аненербе намеревалось изобразить из себя универси-

тетскую структуру, тем самым пытаясь привлечь на свою сторону старые научные кадры, которые бы и занялись подготовкой пресловутого «нового поколения». В итоге в марте 1938 года все подразделения «Наследия предков» были разделены на две категории. Отныне люди, не имевшие научной степени, возглавляли, как и ранее, «исследовательские отделы», а маститые ученые стояли во главе «*учебно*-исследовательских отделов». Это, конечно, не сделало Аненербе учебным заведением, но лишний раз подчеркивало связь ряда подразделений с учебными канцеляриями вузов и даже намекало на двойственную функцию начальников учебно-исследовательских отделов (как преподавателей и как исследователей Аненербе). Конечный эффект должен был заключаться в том, что привлечение старых специалистов улучшило бы реноме исследовательского общества. Это должно было в свою очередь содействовать появлению новых, молодых эсэсовских ученых.

Со своей стороны, университеты настаивали на том, чтобы «новое поколение» получало полностью академическое образование, не делая никаких поправок на политические функции. Это требование преподнесло сотрудникам Аненербе не один сюрприз. Где-то с 1936 года руководство «Наследия предков» начинает требовать от подчиненных, чтобы они не только получили академическое образование, но и даже защитили диссертацию (!). Научная степень (напомним, в немецкой системе степень доктора присваивалась любому дипломированному специалисту, закончившему университет) стала ***обязательным*** условием для работы в «Наследии предков»! Таким фигурам, как Вайгель и Грёнхаген, которые не закончили свое образование, вновь пришлось оказаться за партой. Вайгель поначалу надеялся получить степень доктора, так сказать, «авансом», на основании собственной работы, которая должна была засчитаться как дипломная. Но это оказалось безыдейной затеей, так как руководство Аненербе решило не делать поблажек ни для кого. Не меньшее давление оказывалось и на К. Руппеля, который, начав работу в Аненербе в 1937 году, был уведомлен о том, что обязан позаботиться о собственной научной степени. В данном случае Зиверс решил пойти навстречу старым и проверенным сотрудникам и организовать квалификационный экзамен в форме коллоквиума. Для

Финский ученый Ирье Грёнхаген, оказавшийся в составе Аненербе

его прохождения Руппель должен был связаться с профессором Экхардтом из Бонна, который, кроме всего прочего, был гауптштурмфюрером СС.

Теперь видно, как «Наследие предков» пыталось убить двух зайцев: привлечь на свою сторону профессуру старой закалки и состряпать новую формацию ученых-эсэсовцев. Подобное «научное кумовство» привело к некоторым потерям, которые дали о себе знать несколько позже. Но главным было не это. Главным в этой ситуации было то, что, получив научную степень, сотрудники Аненербе могли смело включаться в жизнь немецких университетов. Но подобная политика имела один побочный эффект. Многие исследователи просто не справлялись с предъявляемыми им требованиями, так как они не получали никакой поддержки, оставаясь предоставленными самим себе. Подобные эксцессы, как в примере с Й. Плассманном, могли быть весьма болезненными. В начале 1937 года Вюст пообещал Плассманну, что тот сможет спокойно защитить диссертацию, получив в ближайшее время степень кандидата наук «за свои выдающиеся знания». «Выдающиеся знания» заключались в том, что, по мнению Вюста, Плассманн, как никто другой, был предназначен для организации деятельности университетов на новый лад. Изначально предполагалось, что диссертационная работа Плассманна будет построена на эффективных методах воссоздания исторической картины жизнедеятельности саксонских королей (в этом был заинтересован даже сам рейхсфюрер СС). Но данный опус отказались рассматривать в Мюнхене, а затем и в Кёнигсберге. Лишь в ***октябре 1943 года*** (шесть лет спустя!) ее согласился рассмотреть в качестве научного руководителя тюбингенский германист Герман Шнайдер. Подобная волокита вызывает сомнения относительно наличия у Плассманна реальных «выдающихся знаний».

А вообще, чтобы оказывать непосредственное влияние на высшее образование, рейхсфюрер Гиммлер должен был работать в связке с Имперским министерством воспитания, тем более что там ему шли навстречу. Это предопределялось тем, что унификация университетов не зашла столь далеко, чтобы имперский министр воспитания Бернхардт Руст получил абсолютную власть над профессурой. Фактически реальное положение дел в высшей школе определял Национал-социалистический союз преподавателей высшей школы (Доцентенбунд). Имперское министерство воспитания лишь утверждало то, что решено было без его участия. Даже список референтов Министерства воспитания по вопросам высшей школы определял Доцентенбунд. Чтобы понять эту интригу, вернемся ненадолго в прошлое. Имперское министерство воспитания было создано 1 мая 1934 года на базе Прусского министерства науки, искусства и на-

родного образования. Согласно указу Гитлера, в министерстве выделялось четыре управления: физического воспитания (управление K), воспитания (управление E), народного образования (управление V) и науки (управление W). Шефом управления W, которое непосредственно занималось делами высшей школы, в период с 1934 по 1937 год был Теодор Фален. Затем этот пост занял баденский архитектор Отто Вакер, а в мае 1939 года управление возглавил профессор химии Рудольф Ментцель. В свое время Б. Руст посодействовал карьерному росту Ментцеля, который благодаря его стараниям стал крайсляйтером Гёттингена, занимая одновременно в Министерстве воспитания должность референта по естественным наукам. Встав во главе управления науки, Ментцель получил ценного сотрудника в лице уже известного нам профессора Генриха Гармянца, который занимал в управлении пост референта по гуманитарным наукам. Кроме любимой истории и археологии, он вынужден был курировать такие отрасли, как востоковедение, музыка и многое другое. Итак, связь между министерством и Аненербе начинает обретать определенные контуры.

Необходимо заметить, что не служащие министерства помогали Гиммлеру, а сами эсэсовцы работали в министерстве. Это и предопределило то, что Министерство воспитания стало своего рода теневым филиалом СС. К 1936 году добрая половина функционеров ведомства Руста состояла из ставленников Гиммлера. Ментцель состоял в СС еще до прихода нацистов к власти. Благодаря Гиммлеру он быстро продвигался по служебной лестнице. Гармянц, как помним, был одним из первых эсэсовцев в Кёнигсберге. К тому же ***все без исключения*** служащие министерства были осведомителями СД. Что же получил Гиммлер от подобного симбиоза?

Гиммлер, пользуясь своей почти неограниченной властью, не стесняясь вмешивался в дела Министерства воспитания. Получая подробные отчеты от СД, он указывал Русту на то, с какими профессорами и доцентами надо было дальше сотрудничать, а каких надо было отстранить от работы. СД даже подбирало кандидатов, которые должны были войти в СС. Но сил службы безопасности явно не хватало, чтобы реализовать все притязания рейхсфюрера СС в отношении высшей школы. Служба безопасности никогда не интересовалась сугубо научными вопросами, так как ей хватало чисто разведывательной работы. Тут и вспомнили об исследовательском обществе «Наследие предков». Аненербе смогло подключиться к реализации подобных задач не в последнюю очередь благодаря друзьям Рейнхардта Хёне. По крайней мере, функционеры Аненербе отзывались о нем весьма лестно. Со временем Хён запутался во внутрипартийных интригах, утратив любой контроль и над Аненер-

бе, и над Министерством воспитания. Именно тогда Зиверсу и Вюсту потребовалась дружба с Францем Зиксом, который хотя и не был официальным куратором вузов, но имел в них огромное влияние. Первые связи между «Наследием предков» и ведомством Руста установились гораздо быстрее, чем того можно было ожидать. Чтобы понять этот факт, вернемся к фигуре упомянутого выше Рудольфа Ментцеля, с конца 1936 года являвшегося президентом Немецкого исследовательского общества. Именно тогда установились первые связи между этими двумя структурами. В итоге выиграли и Зиверс и Ментцель. В тоталитарном государстве любое знакомство с партийными функционерами могло принести немалую выгоду. Взаимное доверие усилилось, когда Вюст в личных разговорах с Ментцелем сумел доказать научную компетентность исследовательского общества. Ментцель в свое время высказывал некоторые сомнения на этот счет, делая очевидный намек на Г. Вирта. Худо-бедно, Аненербе могло рассчитывать на безоговорочную поддержку Г. Гармянца в качестве служащего министерства. Он ненавидел Вирта, но в силу своей дальновидности льстил ему, пытаясь установить более близкие связи с Аненербе. В частных разговорах он раздраженно заявлял, что Вирт хочет сделать «Наследие предков» синонимом собственного имени. Когда отношение к Вирту изменилось, он намекнул Зиверсу, что семантические исследования Аненербе пока находятся не на должном уровне. Видимо, намек не был понят, так как в октябре 1939 года Гармянц открытым текстом заявил, что если руководство Аненербе планирует взять кого-нибудь из ученых на место, которое пустовало после «отставки» Вирта, то он был идеальной кандидатурой. Он был даже готов оставить службу в министерстве. С этого времени Гармянц являлся не только руководителем одного из отделов «Наследия предков», но и выразителем интересов Зиверса и Вюста в Министерстве воспитания.

Между тем Вольфрам Зиверс пытался самостоятельно внедриться в систему высшего образования. Но ему пришлось отказаться от этой затеи. Причиной этого было не только то, что он не обладал широкими связями в Министерстве воспитания, но и то, что нередко предпочитал общаться с двуличными людьми. Например, он пытался устроить на работу в министерство, считавшееся вотчиной рейхсфюрера, людей Розенберга, которые по тактическим соображениям пытались не упоминать о своих связях с рейхсляйтером. В общей сложности он не раз попадал в щекотливые ситуации. Дело дошло до того, что в своем письме Зиверсу на эти недоразумения обратил внимание сам Гиммлер. Как и многие письма, написанные рейхсфюрером, оно начиналось словами «Как я слышал...»

«Интервенция» высшей школы стала набирать обороты. Эффективность проникновения в высшую школу обеспечивали подготовительные меры, которые бывали далеко не лишними. Рассмотрим хотя бы один пример. Однажды Гиммлер столкнулся с Отто Маузером, германистом, преподававшим в Мюнхене. Рейхсфюреру удалось убедить ученого перебраться в менее перспективный Кёнигсберг, где он должен был не только получить кафедру в местном университете, но и стать официальным представителем исследовательского общества. Несмотря на возражения коллег и родных, Маузер решил последовать совету Гиммлера (интересно, а у него вообще была альтернатива?). Возникает вопрос: зачем шефу СС заниматься судьбой малоизвестного исследователя? Ответ оказался простым — было необходимо место в Мюнхенском университете, где бы мог преподавать Отто Хёфлер. Поводом для этого послужило замечание Вюста, что Хёфлер мог бы быть очень полезным в реализации задач «Наследия предков», если бы находился поближе. В итоге осенью 1938 года Хёфлер появился в Мюнхене. Это был не единичный случай. Тогда же Гиммлер направил несколько писем Б. Русту, в которых настаивал на том, чтобы тот подыскал место в Мюнхенском университете для Рудольфа Тилля. Как известно, рейхсфюрер планировал использовать этого латиниста в реализации культурной политики СС. В результате Тилль не только возглавил латинский сектор «Наследия предков», но и стал преподавать в университете Мюнхена.

Принимая во внимание, какими хитрыми методами привлекались новые авторитетные сотрудники, не будем удивляться тому, что некоторые из них решили использовать влияние рейхсфюрера и Аненербе в собственных целях, в том числе и для научной карьеры. В дневнике Зиверса говорилось, что Отто Хут настоял на том, чтобы руководство общества поспособствовало защите его диссертации. Австрийский исследователь Рихард Вольфрам жаловался Зиверсу, что при более успешной академической карьере он мог бы сделать для «Наследия предков» гораздо больше. Зиверс успокоил ученого, и в том же году Р. Вольфрам получил должность экстраординарного профессора в Вене.

Работа Аненербе на исторических факультетах затруднялась тем, что Рейнерт вместе с Розенбергом уже не один год пытались взять эту сферу под собственный контроль. Ганс Шляйф зря расстраивался, что к 1938 году под контролем «Наследия предков» оказалось всего лишь 18 университетских кафедр. Это был поразительный успех! К тому же большинство авторитетных исследователей древности находились в личном контакте с рейхсфюрером, а потому они не видели никакой необходимости вступать в СС.

Нельзя забывать, что любые начинания Розенберга негласно тормозились в недрах Имперского министерства воспитания. Именно это подтолкнуло Рейнерта и его «Имперский союз древней немецкой истории» действовать хитрее. Для начала представители этой организации стали противодействовать назначению на пост директора Музея исторических древностей в Киле старого противника Розенберга и Рейнерта Герберта Янкуна. В дело пришлось вмешаться лично Гиммлеру, который написал письмо Борману. Просьба ускорить процесс утверждения нового директора музея начиналась традиционным «Как я слышал». В итоге происки Рейнерта потерпели неудачу — Янкун был назначен на этот пост.

Подобные случаи являлись лишь отражением той ожесточенной борьбы, которую вели между собой Гиммлер и Розенберг, пытаясь получить контроль над гуманитарными науками. Подлил масла в огонь, еще более ухудшив их отношения, задуманный еще в 1934 году Имперский институт древней и ранней истории. Очевидцы вспоминали, что Гиммлер решил создать в 1935 году Аненербе только потому, что был измотан изнурительной борьбой за контроль над Имперским институтом. Отказ Гиммлера от борьбы за институт позволял надеяться Розенбергу, что он сможет стать монополистом в исторических изысканиях. Кстати, этот институт, несмотря на титанические усилия Рейнерта, начал свою деятельность только в годы войны. Такая накладка произошла во многом потому, что начиная с 1937 года «Наследие предков» упорно проникало в Министерство воспитания. Гиммлер не стеснялся прибегать к тактике внутрипартийного раскола. В 1938 году он фактически возглавлил коалицию (Руст, Виганд, Зиверс, Вюст и пр.), открыто действовавшую против Розенберга, который кичился тем, что свято соблюдал приказ фюрера о партийном единстве. Находясь во главе подобного «теневого фронта», Гиммлер получил возможность вмешиваться в дела многих структур, которые формально ему не подчинялись (взять хотя бы то же Имперское министерство воспитания). В ведомстве Руста, как мы помним, его позиции от Рейнерта и Розенберга защищал Рудольф Ментцель. Когда этот функционер встал во главе Немецкого исследовательского общества, ведомству Розенберга был нанесен серьезный удар. Ментцель в союзе с бывшим президентом общества, профессором Штарком, отрешили от должности вице-президента Эдуарда Вильдхагена, ярого сторонника Розенберга. Отныне финансирование проектов Рейнерта и его Союза из бюджета Немецкого исследовательского общества существенно сократилось. Аненербе же, как и стоило того ожидать, получило щедрые субсидии.

Подобная ситуация стала типичной в целом для рейха — сторонники Розенберга начали все чаще и чаще сталкиваться с серьезными затруднениями. Было очевидно, что партийный философ проигрывал «битву за науку» на всех фронтах. Паладины рейхсфюрера СС, напротив, начинали занимать ключевые посты. Например, тот же Ментцель контролировал не только Немецкое исследовательское общество, но и научный сектор в министерстве Руста. Именно благодаря ему «Наследие предков» приступило к реализации столь дорогостоящих проектов, как «Атлас немецкой этнографии», и изучению символики. До 1936 года семиотика была привилегией Немецкого исследовательского общества, именно из его средств финансировалось «Заведение по исследованию духовной символики». Более того, заведение, которое тогда возглавлял Карл Вайгель, подчинялось непосредственно президенту общества Штарку. После того как Штарка на его посту президента сменил Ментцель, положение дел существенно изменилось. Именно он начал ориентировать общество на поддержку Аненербе. 15 декабря 1936 года он вывел структуру Вайгеля из состава Немецкого исследовательского общества, а в 1937 году ясно дал понять, что свою деятельность Карл Вайгель может продолжить только в рамках «Наследия предков». Но поскольку тогда эти исследования контролировал Вирт, Вайгель не спешил принять решение о присоединении к Аненербе (как ни странно, он тогда считался протеже Рейнерта). Когда же состоялось его «переселение» в «Наследие предков», Вайгель был вынужден отречься от своего покровителя и его Имперского союза. При этом на Вайгеля косо смотрели еще не один месяц, так как многие полагали, что тот являлся «засланным казачком» Розенберга. Обиженный Рейнерт устроил демарш, заявив, что семиотические исследования являются исключительной прерогативой «Имперского союза древней немецкой истории». Не стесняясь, он заявил, что эти работы должны финансироваться Немецким исследовательским обществом! Вайгель ответил, что готов осуществлять те же исследования при более скромном денежном содержании. (Рейнерт говорил о сумме в 1400 рейсмарок, а Вайгель претендовал всего лишь на 600.) Само собой разумеется, Ментцель решил поддержать проект Вайгеля, подчеркнув, что отныне будет рассматривать только проекты «Наследия предков».

Потерпев сокрушительное поражение, Рейнерт решил сосредоточить свое внимание на другом исследовательском проекте — «Атласе немецкой этнографии». Немецкое исследовательское общество с 1934 года активно занималось этнографическими вопросами. В его структуре было создано «Немецкое общество по изучению немецкого народа», которое возглавлял экстраординарный профессор

из Дрездена Адольф Штамер. Именно он начал работы по составлению Атласа. Но спокойно ему работать не удалось. Контроль над этим проектом желали получить очень многие. После многочисленных интриг его реализацией занялся старый противник Г. Вирта — Артур Хюбнер. Но и он недолго наслаждался победой. В 1937 году его работу продолжил Гармянц. Рейнерта не устраивала ни одна из этих фигур. Опираясь на Вильхагена, он сам надеялся стать автором Атласа. Ни с кем не согласовывая своих действий, в апреле 1937 года он заявил, что именно его союз будет заниматься подготовкой издания. В своей характерной вызывающей манере он затребовал на это деньги у Ментцеля (речь шла, видимо, о стандартной для него сумме в 1400 рейхсмарок). Уже тогда Гармянц подметил, что дело было вовсе не в Атласе. Видимо, Рейнерт хотел подсидеть своего коллегу по ведомству Розенберга, специалиста в области этнографии и религиоведения Матиаса Циглера. Но здесь Гармянц выглядел значительно выгоднее. Без какого-либо существенного финансирования он продвинулся гораздо дальше, чем Рейнерт или Циглер. Наверное, только поэтому Циглер смог удержаться на своем месте и даже в начале 1937 года в ведомстве Розенберга занял пост руководителя «Рабочего общества немецкой этнографии». «Рабочее общество», кроме Розенберга, поддерживали Бальдур фон Ширах[1] и разорвавший свои отношения с Гиммлером Вальтер Дарре. «Рабочее общество» имело вполне конкретную задачу — превратить этнографию в мировоззренческую науку, имеющую политическое значение. Но Циглер решил использовать эту структуру в собственных интересах, которые в основном сводились к нападкам на Гармянца. Согласно высказыванию современника, Циглер использовал вестник «Немецкая этнография в литературе», издаваемый «Рабочим обществом», только для того, чтобы распространять пасквили про ученого из Кёнигсберга. Особо досталось книге Гармянца «Этнография и история поселений старой Пруссии». Сам же Гармянц благоразумно предпочитал не отвечать на эти нападки.

Вообще, поводов для обид на «Наследие предков» у Рейнерта было более чем предостаточно. За что бы он ни брался, он везде сталкивался с влиятельными друзьями исследовательского общества, которые всячески пытались помешать его работе. Он потерпел неудачи при попытках организовать исследования Экстернштайна, раскопки в Вюртемберге, Дюммерзее и Ганновере. Но он не собирался сдаваться. Последний раунд между ставленниками Розенберга и Гиммлера состоялся накануне войны. Рейнерт решил взять ре-

---

[1] *Бальдур фон Ширах* — имперский руководитель молодежи, лидер организации Гитлерюгенд.

ванш в той сфере, где он имел некие козыри — в высшей школе, в сфере организованной научной политики. Интересно, что его патрон Альфред Розенберг в этой сфере авторитетом не пользовался. Это было связано с его антиинтеллектуальными взглядами. В своем «Мифе XX века» он крайне негативно и презрительно отзывался о немецкой профессуре, считая ее представителей «научными мракобесами». Профессор Альфред Боймлер, которого ценил рейхсляйтер, был скорее исключением. Тот сам критиковал университеты за старый стиль преподавания.

С подобными взглядами Розенберг не мог найти поддержку даже у убежденных нацистов, преподававших в высшей школе. Да и какое должно было быть отношение к официальному философу движения, если сам Гитлер в узких кругах не скрывал своего негативного отношения к его произведениям? Как говорилось выше, Розенберг мог рассчитывать только на своего друга Альфреда Боймлера. Этот человек, обладавший живым умом и несомненными научными заслугами, возглавлял в идеологическом ведомстве Розенберга главное управление науки. Здесь Боймлер отвечал как за взаимодействие с обычными университетами, так и за высшую партийную школу, созданную Розенбергом[1]. Но, несмотря на свои таланты, он так и не смог стать грамотным функционером. В условиях отсутствия взаимопонимания с университетами и Министерством воспитания Розенберг мог проводить ***только деструктивную*** научную политику. Это означало, что существующую систему образования предполагалось не просто саботировать, но подыскивать ей соответствующую альтернативу. Поскольку Аненербе пыталось стать частью системы высшего образования, подобные мероприятия Розенберга непосредственно касались «Наследия». В итоге это привело к очередной антирозенберговской коалиции.

В 1939 году, когда «Наследие предков», Министерство воспитания и зальцбургский гауляйтер решили проводить «Зальцбургскую научную неделю», была достигнута договоренность о том, чтобы не подпускать Розенберга к этому мероприятию на пушечный выстрел. Этот городок был выбран не только из-за антиклерикальных настроений населения, но и потому, что гауляйтер Райнерт был эсэсовцем, а стало быть, Розенберг не мог оказать на него давление по партийной линии. В июле Руст направил Рудольфу Гессу телеграмму, в которой сообщал о планируемом мероприятии. Гесс не замедлил сообщить об этом партийному аппарату. Когда об этом стало известно Розенбергу, он решил опередить устроителей этого меро-

---

[1] Чтобы в дальнейшем не путать это учебное заведение с государственными университетами, его название будет приводиться в кавычках — «высшая школа».

приятия и провести собственную «научную неделю» в «высшей школе» в Химзее. Такой поворот событий не устраивал ни Аненербе, ни министерство Руста. Бернхардт Руст тут же предложил промежуточный вариант — провести это мероприятие под названием Первый съезд немецкой науки в Гёттингене или в Ганновере (в этих городах он пользовался непререкаемым авторитетом). Но остановить запущенный маховик было невозможно, к проведению Зальцбургской недели фактически все было готово. Тут ее устроители заняли единственно возможную позицию: они решили отказаться от каких-либо контактов и переговоров, надеясь тем самым выиграть время. Розенберг зря ждал приглашения на научный форум, он прошел без его представителей.

Можно точно установить, кто стал «победителем» на этот раз. Победили те, кто ориентировался на сложившуюся академическую модель образования и консервативную научную бюрократию, то есть Гиммлер и «Наследие предков». Розенбергу оставалось только вымещать свой гнев на бумаге. Он писал Мартину Борману, что устроители научного форума в Зальцбурге заняли антипартийную позицию, и требовал, чтобы гестапо приняло против них репрессивные меры. Борман не без ехидства сообщил об этой кляузе лично Гиммлеру.

Глава 6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНЕНЕРБЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Нападение на Польшу не было сюрпризом ни для кого из высшего руководства Третьего рейха. Но даже рейхсфюрер СС, несмотря на свой высокий пост, слабо представлял, как он вписывался в военные планы Гитлера. Еще сложнее было предположить, какое место в осуществлении военной политики должны были занять функционеры Аненербе. По ряду признаков можно предположить, что руководство «Наследия предков», как и большинство немцев, не ожидали начала мировой войны. В результате мероприятие в Зальцбурге пришлось срочно закончить, а ряд исследовательских проектов Аненербе отложить на неопределенное время. С другой стороны, многое говорило о том, что «Наследие предков» с начала 1939 года готовилось к военным исследованиям. Подтверждением этого служило заявление имперского руководства исследовательского общества, сделанное в 1940 году. В нем говорилось, что определенные отделы «должны энергичнее решать задачи, которые *всегда* находились в сфере деятельности Аненербе, но *сегодня* приобретают наиболее важное значение». Симптомом подготовки к войне стало

создание в конце 1938 года в отделе спелеологии сектора «военной геологии». Кроме того, уже тогда начали появляться проблемы, связанные с милитаризацией политики Третьего рейха. Аненербе столкнулось с вопросом призыва сотрудников-мужчин на воинскую службу, что ставило под угрозу его исследования. В годы войны эта проблема была наиболее острой. Несомненно и то, что начиная с 1937 года в «Наследии предков» усиливался естественно-научный сектор, что позже вылилось в создание так называемой «военной науки». Гуманитарный характер исследовательского общества постепенно изживался. Это стало очевидно в первые месяцы войны.

Осенью 1939 года казалось, что Аненербе вряд ли продолжит свое существование. Но это было обманчивым впечатлением. «Наследие предков» легко приспособилось к новым политическим и военным реалиям жизни. Война являлась тем стимулом, который имел решающее значение в развитии общества. В конце сентября стало понятно, что прежняя деятельность «Наследия предков» более не приемлема — война диктовала другие условия. И тут же Аненербе было полностью интегрировано в структуру СС. То, чего оно добивалось в течение нескольких лет, произошло за несколько дней. Но сотрудники Аненербе все равно призывались в части действующей армии. Срочная замена второстепенных функционеров вольнонаемными сотрудницами-женщинами только подчеркивала сложное положение исследовательского общества. Впервые за многие годы Аненербе вновь ощутило нехватку финансовых средств. Немецкое исследовательское общество, на деньги которого ранее существовало Аненербе, отныне финансировало только важные военные проекты. Все это должно было подтолкнуть ученых Гиммлера к тому, чтобы почувствовать конъюнктуру и спешно переквалифицироваться.

В октябре 1939 года ежемесячные финансовые затраты «Наследия предков» уменьшились на 35 тысяч рейхсмарок, что фактически на одну треть сократило объем работ. В подобной ситуации жалованье вовремя платили только тем сотрудникам, которые находились в крайней нужде. Иные отделы и вовсе прекращали свою деятельность. На исследованиях, не имевших военного значения, ставился жирный крест. Результатом этого стало прекращение проекта «Лес и дерево»; Экстернштайн был малоинтересен, а журнал «Германия» выходил раз в два месяца. Раскопки, по сути, не проводились — большинство историков и их помощников были военнообязанными. К армии оказались приписанными даже те люди, которые не являлись гражданами рейха. В число их попал, например, голландец Бомерс. За первый месяц войны Аненербе потеряло около 30 веду-

щих специалистов, которые оказались призванными на воинскую службу.

Однако Гиммлер не считал, что уменьшение численности «Наследия предков» стало устойчивой тенденцией. Это было неизбежно, так как активность Аненербе ***временно*** должна была снизиться. После победы Германии предполагалось, что исследовательское общество станет работать в прежнем режиме. По мнению рейхсфюрера СС, гуманитарные науки должны были вновь иметь предельно важное значение. Но что же делать с гуманитариями, пока «победоносные» германские войска не разбили всех противников? Гуманитарные науки вообще было сложно отнести к сфере «важных для войны».

Данное сокращение проходило не по воле Гиммлера. Он пытался сделать все возможное, чтобы восстановить исследования на довоенном уровне. Хотя, если честно, судьба сотрудников Аненербе и вынужденное сокращение их численности его мало волновали. Его беспокоила одна проблема — надо было направить «Наследие предков» по военному пути и доказать необходимость общества для нужд войны. В этом направлении он был настойчив и последователен, так же, как когда закреплял свои позиции в Австрии. Не стоило полагать, что он это делал из заботы о собственном детище. Нет. В случае если Аненербе смогло бы проникнуть в сферу военной политики, он получал новые сферы влияния. И здесь Гиммлер возлагал большие надежды на новые функции, которые он получил в Восточной Европе.

13 ноября 1939 года заместитель имперского руководителя «Наследия предков» Фридгельм Кайзер написал В. Вюсту письмо, из которого следовало: во-первых, Гиммлер с первых дней войны находился постоянно поблизости от фюрера; во-вторых, судьба Аненербе до сих пор не была решена. В это время Гиммлер как шеф Аненербе планировал подключиться к решению какой-либо актуальной политической задачи и искал соответствующую сферу деятельности для исследовательского общества. Сами функционеры делали все возможное, чтобы продолжить существование «Наследия предков». Они пытались проникнуть во все возможные области военной политики, желая найти хоть какую-нибудь основу для дальнейшей работы. Они хотели вести переговоры с Геббельсом, но в Министерстве пропаганды в их услугах не нуждались. Тогда Аненербе попыталось совместно с Министерством иностранных дел поучаствовать в вывозе культурных ценностей из Латвии и Эстонии. Как известно, в августе 1939 года эти прибалтийские государства перешли в зону советского влияния. В сентябре 1939 года Гитлер распорядился вывезти в Германию 86 тысяч балтийских фолькс-

дойче (этот сюжет положен в завязку фильма «Щит и меч»). 15 и 30 октября Берлин подписал соответственно с Ревелем и Ригой договор о переселении. Сразу же после этого в эти страны были направлены «архивные делегации», которые должны были спасти немецкие культурные ценности до вступления Красной Армии в Прибалтику. Доктора Моммзен и Дюльфер копировали на фотопленку церковные книги. Аненербе было подключено к этой операции на стадии транспортировки архивов в рейх. По словам Зиверса, произнесенным на внутренней конференции руководителей «Наследия предков», эта операция произошла чересчур быстро, чтобы Аненербе смогло в полном объеме продемонстрировать собственную значимость.

Зиверс зря переживал, следом за прибалтийской операцией последовала другая акция, в которой Аненербе приняло активное участие. В первые дни войны рейхсфюрер распорядился, чтобы Зиверс принял участие в «обеспечении безопасности» культурных ценностей на территории оккупированной Польши. В итоге в польском филиале РСХА, курируемом Зиксом, появляется функционер из «Наследия предков», который надзирал за сохранностью музеев, отыскивая в них многочисленные «германские культурные ценности». Они, как и стоило ожидать, отсылались в Германию — и здесь Аненербе не осталось внакладе. Часть коллекций, якобы необходимых для работы исследовательского общества, сортировалась и отвозилась в Берлин. Здесь были собрания древностей, этнографические и религиозные архивы. Было решено, что этим должен заняться Эрнст Петерсен. И он проявил редкостное рвение. Каталоги, карты и списки польских музейных ценностей Зиверс получил от него уже в конце сентября 1939 года. Эту деятельность было решено расширить. В конце октября 1939 года в Кракове появился сотрудник Аненербе, доцент Берлинского университета Петер Паульсен. Он сразу же получил важное задание. РСХА и министерство культуры сделали его ответственным за «эвакуацию» в Германию фигур всемирно знаменитого алтаря, сделанного Витом Штоссом. Для их перевозки в Краков были доставлены мебельные вагоны и гигантские ящики. В краковском соборе планировалось оставить только стены алтаря. Герман Геринг, считавшийся «ценителем» искусства, полагал, что эти фигуры должны были быть выставлены на родине Штосса, в Нюрнбергском музее.

Во время своего второго визита в Краков Паульсен оказался втянутым в сложную внутрипартийную интригу. Дело в том, что в созданном на территории Польши генерал-губернаторстве секретарем по «учету и охране культурных ценностей и предметов искусства» был назначен доктор Мюльманн, человек Геринга. И Паульсен,

Алтарь Святой Марии из собора в Кракове. В годы Второй мировой войны вывезен из Польши «Наследием предков» в Нюрнберг, на родину Вита Штосса, автора алтарных скульптур

и Мюльманн претендовали на одни и те же ценности, считая, что именно они должны заниматься «ревизией» польских музеев. После недолгих переговоров они смогли договориться об определенном «разделении труда»: Мюльманн занимался предметами искусства, а Паульсен — историческими ценностями. Но деятельность Паульсена оказалась малоуспешной. В имперском руководстве исследовательского общества были недовольны его соглашательской позицией в отношении генерал-губернатора Франка и Мюльманна. Это привело к тому, что из Берлина прибыли эксперты «Наследия предков»: профессор Тратц и роттенфюрер СС Вильгельм Май. Но им не удалось изменить существующее положение вещей. В ноябре 1939 года был наложен строгий запрет на вывоз каких-либо ценностей из Польши без согласования с генерал-губернатором. И все равно функционерам Аненербе удалось найти лазейку — археологические музейные экспонаты по оплошности не были занесены в категорию культурных ценностей. А это значило, что «Наследие предков» могло свободно вывозить не только археологические находки из частных коллекций, но и фонды Варшавского археологического музея. Этим занимался профессор Ганс Шляйф, имевший тогда чин гауптштурмфюрера СС. На свой страх и риск он, не проводя никакого согласования, отправил в резиденцию общества пять вагонов с музейными экспонатами. В этом ему помогли друзья из РСХА.

В феврале 1940 года Паульсен был отозван из Польши. Его деятельность была признана неудовлетворительной. Шляйф же, напротив, продолжил свою работу. Но отныне ему приходилось действовать осторожнее. С января 1940 года он действовал не как представитель Аненербе, а как доверенное лицо Главного ведомства

попечения «Ост» (ХТО). Именно в этом качестве он наметил «Наследию предков» путь к решению важных политических и военных задач. Формальное руководство ХТО осуществлял Геринг, который был ответственен не только за реализацию 4-летнего плана, но и являлся Председателем имперского комитета обороны. Задача Главного ведомства попечения «Ост» состояла в том, чтобы реквизировать польскую частную и государственную собственность, которую направляли в немецкие военные, государственные и партийные организации. То есть эта организация в течение определенного времени должна была заниматься управлением конфискованным имуществом. К тому времени дележка польского имущества шла полным ходом. 15 ноября 1939 года генерал-губернатор Франк создал собственные учреждения, которые должны были заниматься этим же вопросом. Они не подчинялись ведомству «Ост». Но тут в дело решил вмешаться рейхсфюрер СС. Гиммлер, назначенный имперским комиссаром по укреплению немецкой народности, чувствовал себя ущемленным при создании ХТО. 10 ноября он издал указ, согласно которому все конфискуемые аграрные угодья должны были передаваться в Управление имперскому комиссару, а не ХТО или генерал-губернатору. 16 декабря он сделал еще один шаг по укреплению своего положения в Польше. Он подписал приказ, который предписывал конфисковать «из архивов, музеев, общественных собраний, частных польских и еврейских коллекций: 1. Исторические и древнеисторические предметы, документы, книги, грамоты, которые

Резиденция Аненербе не могла вместить всех награбленных ценностей

важны для осмысления культурно-исторической и общественной жизни, в особенности вопроса о роли немцев в историческом, культурном и хозяйственном формировании государства, а также документы, имеющие значение для современной истории; 2. Ценные предметы искусства и культуры (картины, скульптуры, мебель, ковры, кристаллы, фолианты и прочие подобные вещи); 3. Ювелирные украшения и предметы из благородных металлов». Не правда ли, очень скромный список? Реквизировать их должно было Управление имперского комиссара, где Гиммлер как Президент Аненербе поручил это функционерам исследовательского общества. В том же указе Гиммлер распорядился, что претворять в жизнь эту грабительскую политику будет Генрих Гармянц, в то время бывший начальником одного из отделов не только Аненербе, но и Министерства воспитания Руста. Контроль за деятельностью Гармянца должен был осуществлять лично Вольфрам Зиверс. Собственно, с их подачи профессор Шляйф стал посредником между ХТО и имперским комиссаром в Познани (Аненербе удалось ввести своих лиц и в другие области оккупированной Польши — Данциг (Гданьск), Катовице, Лицманнштадт (Лодзь).

Это достойно внимания по двум причинам. Во-первых, данные мероприятия вносили ясность в то, как Гиммлер собирался использовать Аненербе в годы войны. Функционеры исследовательского общества не имели никаких практических навыков в конфискации предметов роскоши, но рейхсфюрер СС использовал их для расширения своих полномочий в этой сфере благодаря первому пункту приведенного выше указа («исторические и древнеисторические предметы...»). Отныне «Наследие предков» обладало хоть и небольшими, но связанными с военной политикой функциями. Во-вторых, с этого времени Гиммлер использовал в своих целях пост не только рейхсфюрера СС, но и имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Это позволяло на «законных» основаниях вмешиваться в компетенцию своих конкурентов (в данной ситуации — Геринга).

Война дала возможность обогатиться каждому имперскому руководителю, каждому министру. Складывалось впечатление, что все они хлынули на оккупированные территории, расталкивая друг друга локтями и пытаясь урвать кусок пожирнее. Сам Гитлер предпочитал не вмешиваться в этот процесс. Он не собирался регламентировать процесс разграбления — он предпочитал, чтобы сохранялся хаос «борьбы компетенций» и никто из функционеров не имел явного преимущества. От рядовых немцев, безусловно, скрывалось, что никакого единства высшего руководства рейха не существовало. Что касается Гиммлера, то он уже обладал всесильными полицией и

СС и не собирался дать кому-нибудь, даже самому Герингу, возможность закрепиться на восточных территориях. Подчеркнем, что Геринг занимал в отношении рейхсфюрера СС дружескую позицию. Он сам поспособствовал, чтобы люди Гиммлера вошли в состав ХТО. Один из бывших сотрудников ведомства «Ост» после войны объяснял это тем, что службы Геринга не обладали необходимым количеством грамотных специалистов, которые могли бы оперативно решить задачи, поставленные перед ХТО в Польше (нередко требовались эксперты с историческим и искусствоведческим образованием). Учитывая это, Геринг решил привлечь к этой работе специалистов из ведомства Гиммлера.

До нашего времени дошло много свидетельств о деятельности имперского комиссариата. Еще до начала мировой войны Гиммлер имел собственные представления о реорганизации «новой Европы», которая должна была пойти по пути «переселения народов». Оно должно было положить конец границам в том виде, в котором они существовали. Это относилось не только к Польше, но и ко всей Восточной и Юго-Восточной Европе. Ознакомившись с идеями рейхсфюрера, Гитлер 7 октября 1939 года решил, что Гиммлер будет заниматься следующими задачами: «1. Окончательное возвращение в рейх фольксдойче из зарубежных стран; 2. Нейтрализация вредного влияния той части чужеродного населения, которая представляет опасность для рейха и немецкого народного сообщества; 3. Создание новой инфраструктуры поселений за счет возвращенных в рейх из-за рубежа фольксдойче». Отныне рейхсфюрер мог прикрываться этими полномочиями при решении любых собственных задач на оккупированных территориях. Для удобства он сам себя назначил имперским комиссаром и создал по своему усмотрению аппарат имперского комиссариата. Само название должности ***имперский комиссар по укреплению немецкой народности*** являлось отражением воззрений Гиммлера на поселенческую политику, которая должна опираться на «боевое крестьянство» (после ухода Дарре из РуСХА данная концепция стала главенствующей в СС).

Но прежде чем приступить к реализации своих далеко идущих целей, Гиммлер должен был решить проблему с аппаратом комиссариата. Он хотел по возможности использовать уже существовавшие эсэсовские организации, но большинство из них были слишком малы. Поэтому его выбор первоначально пал на созданное еще в июне 1939 года в Южном Тироле эсэсовское Управление по вопросам переселения под руководством Ульриха Грайфельта. В то время эта структура не была монолитным объектом — она управлялась множеством управлений СС. В частности, ее контролировали и официальные уполномоченные Гиммлера, и имперские наместни-

ки, и высшие чины СС и полиции. Так сказать, у семи нянёк дитя было без глазу.

Не успел комиссариат приступить к деятельности, как выявились первые проблемы. Во-первых, Грайфельт и его сотрудники не были специалистами в области этнографии и демографии. А во-вторых, его новые функции мало походили на то, чем он занимался раньше. До этого Грайфельт должен был вывозить рабочую силу из-за рубежа, что имело под собой прежде всего ***экономическую***, а не ***этническую*** основу. Стало быть, занимаясь «укреплением немецкого народа», он не имел никакого представления о колонизации и выселении враждебных элементов (именно так были сформулированы его задачи). Сам же Гиммлер не был настроен рассматривать собственные задачи как хозяйственные. Он видел в них решение расовой проблемы, соседство немцев с инородцами было для него недопустимо. Немцы из Польши и Южного Тироля должны были вернуться в рейх по ***идеологическим*** причинам, а не как рабочая сила. Территории восточных государств он планировал расчистить для немецкой колонизации, опять же исходя не из экономических соображений. Одновременно с этим должна была происходить германизация тех этнических групп, которые, согласно разработкам эсэсовских теоретиков, имели частично немецкое происхождение. На территории Польши таковыми были кашубы, мазуры и др., которых насчитывалось около 800 тысяч человек. Именно здесь, в Польше, он планировал начать немецкую колонизацию. Это был прекрасный повод использовать Аненербе. Взаимодействие исследовательского общества с комиссариатом облегчалось тем, что новая структура не была ни партийной, ни государственной — она были исключительной эсэсовской. Гиммлер планировал использовать только те организации, которые он мог лично контролировать. «Наследие предков» подходило для этого безупречно.

Новая жизнь для Аненербе началась 2 января 1940 года, когда Гиммлер как имперский комиссар предписал исследовательскому обществу заниматься обработкой культурных ценностей перемещенных в рейх фольксдойче и изучением этнических вопросов на новых восточных территориях рейха. Тандем Аненербе — Грайфельт имел все шансы на успех. Грайфельт был знаком с технической стороной процессов переселения, «Наследие предков» имело грамотных дипломированных сотрудников. В начале 1940 года Аненербе удалось приспособиться к условиям войны. Оно являлось составной частью как ведомства «Ост», так и Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности. Но если в комиссариате работали только эсэсовцы, то в ХТО, кроме них, были представители вермахта и гражданских структур. Но даже здесь функционеры «На-

следия предков» смогли получить более выгодное положение. Четыре «команды учета» ХТО, которые действовали в Лодзи, Катовице, Гданьске и Познани, находились под непосредственным руководством сотрудника Аненербе Гюнтера Теригена. Гиммлер пытался повсюду внедрить своих людей. Петерсен был отстранен от работы только потому, что он не являлся членом исследовательского общества (хотя и был весьма близок к нему). С другой стороны, сложно объяснить, почему Гармянц, работавший референтом в Министерстве воспитания, решил перейти в ведомство «Ост». Что же подвигло его к этому?

Гармянц, бывший лейтенантом резерва, осенью 1939 года был откомандирован из министерства Руста в Краков. Вряд ли это решение он принял сам. Скорее всего, оно было принято за него в недрах Аненербе и РСХА. Там, в Кракове, он должен был, как и ранее, представлять интересы СС. Зиверс усмотрел в профессоре приемлемую кандидатуру для введения в состав ХТО. Отныне Гармянц стал играть далеко не номинальную роль. Большинство решений профессор принимал самостоятельно, хотя, по идее, должен был согласовывать их с Зиверсом. Используя свои широкие связи, он подыскивал экспертов для ведомства «Ост», причем далеко не все они были членами Аненербе. Именно Гармянц определил в свой штат сначала Шляйфа, а затем Петерсена.

«Командам» ХТО вменялось в обязанность «регистрировать» культурные ценности. В их числе, к примеру, оказались предметы искусства из замка Айнхайн (Познань) или серебряные изделия из бывшей резиденции замка Радзивилла. Бесспорно, здесь речь шла не о сохранении польского культурного наследия и не об охране памятников, как заявляли нацистские бонзы. Речь шла о конфискации ценностей, имевших значение для Германии. Интересно, что ведомство попечения имело право продавать некоторые реквизированные объекты, чья стоимость не превышала 500 тысяч рейхсмарок. Часть из них сбывали прямо на месте, что оставалось — отправляли в Берлин. Чтобы оценить объемы этого грабежа, можно привести один факт. В апреле 1940 года Зиверс запросил у РСХА бронированный вагон с вооруженной охраной, чтобы доставить в Германию ценности, причитавшиеся «Наследию предков». Это были книги, украшения, коллекции монет, ковры и пр. К марту 1941 года у поляков было «зарегистрировано» 500 замков и усадеб, 102 библиотеки, 15 музеев, 3 картинные галереи, 10 коллекций старинных монет, 25 статуй, тысячи ковров, неисчислимое количество антикварной мебели, 300 сундуков с церковным имуществом, 25 ювелирных коллекций. Непосредственную прибыль от награбленного получал Геринг. Предвидя окончание этой деятельности в Польше,

Зиверс считал, что Гиммлер должен был проявлять к описанным предметам более пристальное внимание. Он полагал, что Аненербе должно было получить процент от «зарегистрированного» имущества. Зиверс настаивал на том, чтобы доля «Наследия предков» составляла 5%, но рейхсфюрер самолично распорядился увеличить ее вдвое. Приблизительная стоимость награбленного составляла 3 миллиона рейхсмарок, то есть Аненербе должно было получить от Геринга не менее 300 тысяч. Но этого не произошло. Функционерам Аненербе оставалось утешать себя тем, что они смогли доказать свою незаменимость при выполнении ряда военно-политических задач.

Не было ничего удивительно в том, что Гиммлер и Геринг, несмотря на определенные противоречия, использовали в Польше одну и ту же организацию. Подобная ситуация была характерна для Третьего рейха. Нередко вообще нельзя было определить, на чьей стороне в «борьбе компетенций» выступала та или иная структура. Зиверсу приходилось вдвойне тяжело, так как его должности генерального попечителя ХТО и представителя интересов имперского комиссара по укреплению немецкой народности нередко предполагали принятие взаимоисключающих решений. В феврале 1940 года, когда «Наследие предков» начинало осуществлять свою деятельность в составе имперского комиссариата, он пытался разграничить эти сферы. Он писал профессору Шляйфу, что необходимо различать специалистов Аненербе, работавших экспертами в ХТО, и имперский комиссариат, где «Наследие предков» было представлено как официальная организация. В первом случае деятельность экспертов оплачивалась из фондов ХТО, во втором случае — ведомством Грайфельта. Некоторые из специалистов — Зиверс, Шляйф, Петерсен — умудрялись одновременно работать и на Геринга, и на Гиммлера. Но тут надо провести некоторые различия между этими двумя похожими организациями: в Главном ведомстве попечения «Ост» проявляли интерес к ***любому*** имуществу, а в имперском комиссариате только к культурным ценностям, которые стоили тоже немало. Но даже не это было определяющим различием. Выгоду от деятельности ХТО получал только Геринг, а от деятельности имперского комиссариата — многочисленные эсэсовские структуры, в том числе РСХА и Аненербе. Здесь у Аненербе имелся определенный опыт, полученный при осуществлении так называемого общественного вспомоществования, научной цензуры и конфискаций фондов научных конкурентов. Так что появление Аненербе в Польше не было столь уж неожиданным. Уже в конце февраля 1940 года Зиверсу и его экспертному штабу удалось при «инвентаризации» польских музеев отыскать множество укрытых ценностей. В резуль-

тате в ноябре 1940 года В. Вюст получил из Польши библиотеку индогерманского семинара Варшавского университета. Полгода спустя «Наследию предков» удалось разжиться богатейшей коллекцией костюмов, флагов и другого культурного достояния. К концу 1940 года разграбление Польши начинало затихать, закончившись в 1941 году.

После войны возник вопрос: оценивать ли эти действия как открытый грабеж чужой собственности на правах победителя, или как благозвучную «транспортировку военных трофеев»? Надо сразу же подчеркнуть, что принятое Гаагской конвенцией понятие «военных трофеев» на конфискованные в Польше культурные ценности не распространялось. Согласно международному праву, немецкие оккупационные власти могли проводить конфискации, которые были бы необходимы для ***поддержки побежденной страны***. Конфискации же культурных ценностей и предметов, приравненных к ним, рассматриваются международным правом как ***преступление***. Хотя сейчас только одна мысль о том, что нацисты могли руководствоваться какими-то нормами международного права на оккупированных территориях, кажется абсурдной.

Американец немецкого происхождения, эксперт в области искусства Гельмут Леманн-Хаупт справедливо утверждал, что Аненербе, вывозя чужие культурные ценности в Германию, стало соучастником нацистских преступлений. Это обвинение не было голословным — он составил его на основании множества документов, в которых имелось хоть малейшее упоминание о деятельности «Наследия предков» за границами Германии. Жаль, но он так и не смог провести грань между ХТО, Аненербе и имперским комиссариатом — для него они были одной и той же организацией. Его исследования интересны тем, что в документах он нашел следующие синонимы слову «грабить»: охватывать, возвращать домой, обеспечивать сохранность, накладывать арест, перебазировать, исследовать, упаковывать, принимать во владение, избавлять от чего-либо, принимать, возвращать на Родину, брать с собой, вывозить, отыгрывать проигранное, покупать, заимствовать, обменивать, реквизировать, вычерпывать, приходить за чем-либо. Не правда ли, богат чиновничий эсэсовский язык?

Документы комиссии Леманн-Хаупта содержали в себе материал о деятельности в 1942—1943 годах особой команды СС Янкуна на юге СССР. Как и в Польше, она занималась конфискацией культурных ценностей — только на этот раз из русских и кавказских музеев. После войны Янкун заявлял, что пытался спасти музейные экспонаты из зоны боевых действий на Восточном фронте, так как там не было даже намека на охрану памятников. Об обеспечении

безопасности культурных ценностей в зоне боевых действий можно было бы говорить, если бы особая команда эвакуировала их в специальные хранилища. Однако об этом не было и речи. Напротив, либо сама команда Янкуна, либо местная структура СД с ее подачи отправляли музейные ценности в Германию.

Деятельность особой команды начала планироваться сразу же после нападения Гитлера на СССР. Формальным предлогом стало изучение империи готов, которая простиралась вплоть до южных регионов России. Организация предстоящей эсэсовской экспедиции была возложена на специалиста по истории готов, сотрудника Аненербе, уполномоченного имперского руководителя исследовательского общества по работе с кадрами доктора Команнса. Команнс писал Зиксу о необходимости продолжения своих исследований за рубежами рейха, так как это послужит победе Германии. Действительно, археологические находки, находившиеся в музеях России, могли стать интересным материалом, который мог быть положен в основу теоретических выкладок по «истории» немецкой колонизации Черноземья. Аненербе интересовали не только экспонаты центральных музеев Москвы, Киева, Петербурга (слово Ленинград Команнс не употреблял), но и хранилища провинциальных музеев. Однако ему не было суждено возглавить деятельность эсэсовской команды. Во главе ее встал Г. Янкун. Кроме него, в команде присутствовали и другие сотрудники Аненербе: Эрнст Петерсен и Гюнтер Териген. Предполагалось сфотографировать то, что команде не удастся вывезти в Германию.

В середине ноября 1941 года к сотрудникам Аненербе присоединились и другие историки: балтийский барон Вольф фон Зеефельд, давно сотрудничавший с отделом раскопок, и доктор Карл Керстен, сменивший Янкуна в Музее исторических древностей г. Киля. Они были порекомендованы Четвертым управлением РСХА («Мировоззренческие исследования»), возглавляемым Зиксом и Диттелем. Хозяйственное обеспечение команды брал на себя местный штаб СД. В мае 1942 года стрелок ваффен СС Г. Янкун был извещен о присвоении ему звания фахфюрера ваффен СС, что соответствовало рангу штурмбаннфюрера в иерархии общих СС. Все это указывало на то, что эсэсовское руководство внимательно следило за предстоящей экспедицией и возлагало на нее определенные надежды.

Летом 1942 года юг России был охвачен жесточайшими боями. 1 июля пал Севастополь, 9 августа группа армий «А» взяла Майкоп, пару недель спустя Паулюс начал наступление на Сталинград. Ни у кого не вызвало сомнений то, что в этой зоне боевых действий существовала необходимость спасения ценного исторического материала как славянского, так и германского происхождения. Начиная

с июля 1942 года Янкун, находившийся в составе дивизии СС «Викинг», постоянно сообщал эсэсовскому руководству о гибели музейных сокровищ, так как немецкие и советские эвакуационные команды (если таковые вообще существовали) ничего не успевали предпринять. Недаром Янкун после войны настаивал на том, что занимался не грабежами, а спасением культурного наследия — официальной целью его команды была эвакуация исторических ценностей из зоны ожесточенных боев. В период между 18 августа и 9 сентября члены особой команды побывали в музеях Ростова, Новочеркасска, Пятигорска.

Но что же происходило с музейными фондами? В большинстве случаев их не удавалось не только «эвакуировать», но и толком конфисковать. Отправлять в рейх награбленное зондеркомандой должен был местный штаб СД. Оберштурмфюрер СС Лёхаузен не раз получал задание перевести в Германию конфискованные фонды, но каждый раз транспортировка откладывалась. Непонятно, кто должен был стать их получателем в Берлине, но с долей уверенности можно утверждать, что это было Аненербе. Именно «Наследие предков» получило в августе 1942 года некоторые экспонаты Майкопского музея, отосланные Янкуном с курьером. В сентябре того же года в Берлин по железной дороге было отправлено 14 ящиков, которые в январе 1943 года получил опять же Зиверс. Что же в них находилось? Этнографические материалы, географические и исторические собрания по истории Крыма и Кавказа. Но далеко не все «посылки» достигали пункта назначения. Янкун не раз сетовал на то, что не мог сложить полную картину о Южной России, так как часть материалов просто пропала. Учитывая военное положение в этом регионе, ничего удивительного в этом нет.

Источники не оставляют никакого сомнения, что данные «эвакуации» и «описи» были банальными грабежами. Но как на это мог согласиться такой маститый ученый, как Янкун, который, по выражению Зиверса, был «лучшей лошадью в конюшне древней истории»? Любопытно, что после войны этот ученый гордился службой в ваффен СС, не стесняясь этого факта в своей биографии. Как и большинство «добропорядочных» немцев, он полагал, что война была навязана Гитлеру и что его деятельность в России не являлась преступлением. Более того, он действительно верил, что спасал уникальные памятники и экспонаты от ужасов войны. Очевидно, что к «советскому материалу» он проявлял и личный научный интерес: среди находок он надеялся обнаружить свидетельства раннего пребывания готов в Крыму. Сделаем маленькое отступление. Еще в 1939 году Янкун планировал объяснить причины «переселения народов» на основании находок из Италии, Северной Африки, Бель-

На оккупированных территориях археологи Аненербе проводили массовые раскопки

гии, Франции. В этом списке не хватало важнейшего компонента — Южной России. Чтобы получить эти находки, Янкун не брезговал прибегать к научным спекуляциям. Он сам добился в ноябре 1942 года того, чтобы Гиммлер распорядился начать раскопки в районе Днепропетровска. Имперский комиссар пошел на это, надеясь обнаружить связь между древнегерманскими поселениями и остатками готской культуры в России и Украине. Но подобные выводы можно было сделать только на основании богатого материала.

До раскопок дело не дошло. Здесь Гиммлер столкнулся с ожесточенным сопротивлением «Рабочего штаба рейхсляйтреа Розенберга», да и положение на фронтах вряд ли позволяло создать филиал Аненербе в Симферополе. Последний, по задумке Зиверса, и должен был заниматься изучением культуры готов в Крыму. После Сталинградской победы Красной Армии стало понятно, что раскопками и изучением готов не будут заниматься ни Аненербе, ни люди Розенберга. Особая команда Янкуна срочно свернула свою деятельность в России.

Итак, можно ли было ожидать от убежденного нациста Янкуна, что он в своей деятельности будет руководствоваться какими-то архаичными нормами международного права? Пока немецкая армия осуществляла свой победоносный марш по Европе, об этом даже не стоило думать. В его деятельности слились воедино и личный, чисто научный интерес, и политические задачи, поставленные эсэсовским руководством. Для других членов экспедиции политика стоя-

ла, без сомнения, на первом месте. Свидетельством этого являлось то, что в 1943 году Карл Керстен предоставил рейхсфюреру не только официальный отчет о деятельности зондеркоманды, но и фильм о крымских готах. Последний был необходим Гиммлеру, чтобы подготовить почву для переселения части германоязычных тирольцев из Северной Италии в Крым. То есть эта лента имела прежде всего политическое, а не научное значение. Сам же Керстен сыграл далеко не последнюю роль в жизни тирольских переселенцев, давая исторические консультации имперскому комиссару по укреплению немецкой народности.

В 1919 году германоязычные жители Южного Тироля вопреки их воле стали гражданами Италии, которая была страной — победительницей в Первой мировой войне. Придя к власти, нацисты решили исправить эту историческую несправедливость. В 1939 году между Берлином и Римом было заключено соглашение, по которому немцы, проживавшие в этой области, должны были быть «возращены в лоно Третьего рейха». Гитлер назначил ответственным за это предприятие со стороны Германии Генриха Гиммлера. Рейхсфюрер СС уже давно, как мы помним, бредил идеями новых поселений и возвращения всех немцев в рейх. 23 января 1939 года он провел в Берлинском управлении гестапо первые переговоры с итальянской стороной. Гиммлер предложил следующую модель, которая позволяла бы без промедлений начать переселение: имущество, оставшееся от переселенцев, должно было продаваться германскими и итальянскими органами опеки и в виде трансфертов переводиться в рейх. Учитывать переселенцев и обрабатывать заявления об эмиграции должны были пять особых итальянских и немецких ведомств. Кроме этого, с немецкой стороны к решению этой проблемы были подключены персонал зарубежных подразделений партии и учреждение посредничества фольксдойче, которое начиная с 1936 года в качестве инструмента СС отвечало за всю работу с немцами за рубежами Германии. Для ведения дальнейших переговоров с немецкой стороны был уполномочен Грайфельт, а с итальянской — граф Магистрати. В самом Южном Тироле процессом переселения руководили генеральный консул в Милане Отто Бене и префект Джузеппе Мастоматти. На основании Берлинского соглашения, которое так и не получило огласки, 21 октября 1939 года обеими сторонами в Риме были выработаны точные директивы и предписания.

Прежде чем начать переселение, жители Южного Тироля должны были выбрать гражданство. Высказать свое мнение они могли на плебисците, проведение которого было запланировано на вторую половину 1939 года. К 31 декабря 1939 года из 235 тысяч немцев,

проживавших в Южном Тироле, подавляющее большинство высказалось за «возвращение в рейх». Несколько тысяч немцев с австрийским гражданством были почти тут же отправлены в Третий рейх, так как они считались ***рейхсдойче*** — имперскими жителями (эта категория пострадала от итальянцев меньше всего). Как уже говорилось выше, к переселению были подключены самые различные структуры — общее руководство над ними осуществлял аппарат имперского комиссара по укреплению немецкой народности во главе с Грайфельтом. С 15 сентября 1939 года ему подчинялись: «Немецкое служебное ведомство эмиграции и репатриации», многочисленные филиалы учреждения посредничества фольксдойче. Все эти организации поддерживали постоянный контакт с Уполномоченным имперского правительства по южнотирольскому вопросу Отто Бене. На итальянской стороне этим структурам соответствовало управление эмиграции под руководством Карло Мерзано, а высшие полномочия имел уже упоминавшийся префект Мастоматти.

Для решения финансовых вопросов была создана «Германско-итальянская комиссия по оценке», состоявшая из головной организации и шести подкомиссий («немецкая группа» комиссии располагалась в Больцано). Соблюдением имущественных прав переселенцев занималось «Немецкое общество опеки над переселенцами», которое входило в имперский комиссариат, располагаясь в том же Больцано. И наконец, еще имелось «Рабочее сообщество лиц, имеющих право выбрать немецкое гражданство», созданное на базе местной партийной группы НСДАП портным Петером Хофером для защиты интересов тирольцев и их консультирования.

Этот сложный аппарат в начале 1940 года Гиммлер передал специальному ведомству Аненербе. 2 января 1940 года «Наследие предков» стало ответственным за приемку и обработку материальных, духовных и культурных ценностей всех депортируемых фольксдойче. Согласно этому распоряжению, Вольфрам Зиверс становился главой «культурной комиссии», которая должна была при помощи «Немецкого служебного ведомства эмиграции и репатриации» регистрировать и доставлять в Германию «культурное достояние» переселенцев. Зиверс обязан был подобрать грамотных экспертов, которые в июле 1940 года должны были начать работу в Больцано.

В начале 1939 года общий процесс выбора гражданства и переселения столкнулся с рядом трудностей, которые уходили корнями в разногласия между немцами и итальянцами. Фундаментальные различия во мнениях касались лишь объемов эмиграции. Гиммлер как последовательный сторонник политики переселения был заинтересован в вывозе ***всех*** тирольцев; итальянцы, в особенности недолюбливавший немцев Мастоматти, были заинтересованы в эмиграции

прежде всего прогерманского элемента — имперских немцев. При этом итальянцы вовсе не желали подрывать свою экономику, отпуская в Третий рейх прилежных горняков — тирольцев, даже несмотря на то, что эти шахтеры питали симпатии к Германии. Возникало множество вопросов: как определить границы Южного Тироля и кто должен зачислять тирольцев в немцы? Что делать с теми тирольцами, которые хотели остаться на своих землях? В 1939 году Гиммлер хотел переселить семьи немцев из Южного в Северный Тироль, но тут же столкнулся с жестким сопротивлением итальянской стороны. Споры вызывали и сроки осуществления этой акции; итальянские фашисты хотели закончить все как можно быстрее, Гиммлер же не видел никаких оснований для подобной спешки. Рейхсфюрер не хотел терять позиций, которые он приобрел в качестве имперского комиссара, а потому был заинтересован в том, чтобы проводить переселение как можно дольше. В этом было заинтересовано и Аненербе — функционеры исследовательского общества не хотели терять работу, найденную с таким трудом.

Согласно достигнутой договоренности, «Наследие предков» и созданная на его основе «культурная комиссия» должны были обрабатывать культурные ценности из частных (то есть не государственных, читай — итальянских) коллекций. И тут разгорелся спор, что считать «немецким наследием». «Культурная комиссия» предпочитала придерживаться параграфа № 27 Директивы от 21 октября 1939 года, в котором говорилось, что лица, пожелавшие сменить гражданство, могли забрать с собой в рейх без уплаты какой-либо пошлины предметы искусства, частные собрания и архивы. Церковно-приходские книги и акты подлежали копированию, но Директива предписывала при удобном случае вывозить оригиналы. Тем не менее в сентябре 1940 года обе стороны договорились о том, что дата вывоза культурного наследия должна быть отложена на более поздний срок, так как происхождение вывозимых ценностей должна была установить немецко-итальянская коллегия.

Осенью 1940 года на севере Италии под руководством Зиверса действовали 14 групп. Во время частых отсутствий В. Зиверса функции руководителя комиссии выполняла его секретарша Гизела Шмитц-Кальманн. Хотя здесь ведущую роль играли сотрудники Аненербе (Вольфрам, Май, Рудольф, Швайцер), «культурная комиссия» привлекала к этой работе и государственный институт немецких музыкальных исследований (доктор Квельмальц) и «Рабочее сообщество лиц, имеющих право выбрать немецкое гражданство» (доктор Хёнигер), и даже ведомство Розенберга (доктор Тиле). Большинством групп «культурной комиссии» руководили гражданские лица из Северного и Южного Тироля.

Практическую деятельность комиссии можно разделить на два направления. Во-первых, специалисты должны были учесть все движимые культурные ценности, подготовить их к транспортировке и, наконец, отправить в рейх. Недвижимые ценности или те, которые итальянская сторона не разрешала вывозить, должны были быть по возможности сфотографированы и подробно описаны. К таковым относились памятники архитектуры, фрески, некоторые архивные дела, представлявшие интерес как для итальянцев, так и для немцев. Цель этой акции носила откровенно политический характер: «немецкое наследие» не только не пропало, но и осталось сохраненным. Это должно было явить яркий пример заботы нацистского режима обо всех немцах. Нельзя списывать со счетов чисто меркантильный аспект: речь шла о ценных вещах. Не стоило забывать и о научных интересах: на Нюрнбергском процессе многие участники «культурной комиссии» говорили о том, что собирались сохранить для потомков разнообразие культурной жизни Южного Тироля. Интересен тот факт, что научная деятельность Аненербе выходила далеко за рамки потребностей лиц, которые выбрали германское гражданство. Зиверс хитро связал в единый узел интересы имперского комиссара, тирольцев и функционеров Аненербе.

Под руководством Зиверса «культурная комиссия» (в данном случае та часть, которую представляло Аненербе) пыталась получить максимум власти. Этому способствовало то, что на немецкой стороне царила сущая неразбериха — многочисленные структуры сталкивались друг с другом, четких предписаний ни одна из них так и не получила. 15 января 1942 года Шмитц-Кальманн направила официальное письмо в немецкое Имперское представительство по переселению тирольцев. В нем предлагалось силами комиссии заняться дополнительными культурными и топографическими исследованиями. «Эти исследования ставят своей научной задачей изучить те предметы, которые не принадлежат депортируемым лицам». Секретарша Зиверса подразумевала изучение замка Рункельштайн, на что заранее было получено разрешение итальянского правительства.

По мере того как итальянцы осознавали, что немцы намеревались предпринять ***тотальное*** изъятие всех культурных ценностей, отношения между союзниками стали ухудшаться. Новый молодой и самоуверенный больцанский префект Подеста, как и его предшественник Мастоматти, был свято уверен, что население Южного Тироля, имевшее для Италии большое хозяйственное значение, не должно было покидать мест своего обитания. С первого дня пребывания на своем посту Подеста начал всячески препятствовать не только переселению жителей, но и деятельности «культурной ко-

миссии». В результате председатель комиссии Зиверс должен был вести хитрую игру. С одной стороны, он не был намерен быстро выполнять возложенные на него задачи, так как это привело бы к роспуску «культурной комиссии» и угрожало «Наследию предков» как инструменту имперского комиссара в осуществлении военной политики. Позиция итальянцев более чем способствовала этому намерению. Но, с другой стороны, пассивность «культурной комиссии» могла привести к ее отзыву из Южного Тироля, что поставило бы под сомнение возможность дальнейшего использования Аненербе во время войны. Это объясняет, почему члены «культурной комиссии» с большим усердием занимались чисто научной работой, нежели осуществлением собственно переселения (число объектов для изучения было неисчерпаемо). Сотрудники Аненербе не только активно копировали фрески замка Рункельштайн, но и изучали диалекты, традиции жителей Южного Тироля. Эти разработки планировалось положить в основу лингвистических и этнографических атласов. И это далеко не все: Зиверс распорядился отпечатать таблицы с национальными костюмами и составить словарь цимбрийского диалекта. Шла активная фотосъемка церковно-приходских книг, исторических находок, старых германских архитектурных форм. «Культурная комиссия» проявила такое рвение, которого не ожидали от нее другие ведомства. «Наследие предков» даже пыталось проникнуть в те регионы, которые не имели никакого отношения к тирольцам. Это было не очень разумно, так как для работы в них требовалось специальное разрешение итальянской стороны. А это могло раскрыть все карты исследовательского общества. Опасаясь, что подобная хитрая политика будет разоблачена в Германии, Зиверс запретил руководителю Венского отделения Аненербе делать доклад о результатах работы «культурной комиссии» в Южном Тироле. Вообще Зиверс пытался держать в тайне реальный объем работ, выполненных «культурной комиссией».

Если же говорить о переселении тирольцев, то Зиверс имел все основания выходить «наверх» с жалобами. Культурные ценности, которые имели несомненно немецкое происхождение, весьма неохотно выдавались итальянскими властями. Когда Уполномоченный фюрера по вопросам культурных ценностей, дрезденский эксперт Поссе, в марте 1941 года выехал на место, чтобы поинтересоваться ходом переговоров с итальянцами, Зиверс заявил, что дальнейшие переговоры с итальянцами являются бессмысленными. И действительно, результаты были плачевными, число ценностей, «возвращенных» в рейх, было мизерным. Зиверс выражал активное недовольство итальянской стороной, наотрез отказывавшейся вести

переговоры о передаче некоторых скульптур и картин из больцанского музея.

Итальянцы не видели никаких оснований помогать своим партнерам по переговорам, потому как и сам Гиммлер не собирался форсировать процесс переселения (руководство Италии во главе с Муссолини ожидало подобного положения вещей с самого начала). В то время на арене боевых действий Гиммлер имел более важные задачи, чтобы интересоваться делами южнее альпийских перевалов, а потому, как заметил один из участников тех событий, проблема Южного Тироля решалась, насколько это было возможно. Судя по тому, как здесь обстояли дела, было очень сомнительно, что переселение удалось бы осуществить до конца 1942 года.

Нельзя не учитывать и то, что с 1941 года начали меняться настроения среди самих тирольцев. Восторженность, с которой вначале жители Южного Тироля относились к Гитлеру, стала сменяться скепсисом. Это объяснялось тем, что нацистский режим уже в течение многих лет не мог решить их проблемы — только немногие тирольцы смогли обрести новую родину в Германии. Вариант с переселением на восток был для многих просто неприемлем — тирольцам не хотелось ехать неизвестно куда. «В свое время в Берлин сообщали, что вариант с переселением тирольцев в Краину или южнее, в штирийскую марку, был для них неприемлем, — сообщал в августе 1941 года в своем секретном рапорте министр пропаганды Й. Геббельс, — они не хотят жить за границами своей области. Переселение южных тирольцев на восточные территории еще менее желательно». В конце 1941 года стало очевидно, что переселенные тирольцы будут временно размещены в лагерях учреждения посредничества фольксдойче. В середине 1942 года до Южного Тироля дошли слухи, что перемещенные лица живут в этих лагерях в нищенских условиях, сотнями набитые в деревянные бараки. Эти сведения, конечно, не добавляли симпатий к гитлеровской Германии. Доходившие до Тироля сведения о положении на Восточном фронте не вызывали у мужчин желания сгинуть в этой мясорубке, оказавшись в вермахте или частях ваффен СС. Итальянские власти, в особенности префект Подеста, бывший высшим итальянским комиссаром по делам переселения, делали все возможное, чтобы поддерживать негодование в среде тирольцев. Подеста не стеснялся проводить открытую агитацию среди населения, нередко обращаясь напрямую к дуче. Саботаж итальянскими властями германских переселенческих программ, подавленное настроение тирольцев — все это привело к кризису переговоров между двумя государствами.

До конца 1940 года обсуждалось переселение 5 тысяч имперских немцев и 52 тысяч лиц, добровольно сменивших гражданство.

В 1941 году решалась судьба только 7584 человек. Острые споры о количестве перемещаемых тирольцев вызывали у немецкой стороны справедливое сомнение: а нужно ли продолжать переселение в прежних формах? Откладывать на еще больший срок начало массового переселения означало подписать смертный приговор «культурной комиссии». 10 февраля 1942 года Гиммлер отдал приказ уполномоченному по переселению тирольцев (в это время место Бене занял дипломат Майер-Фалькенберг) завершить в ближайшее время работу «культурной комиссии». Сроком окончания ее деятельности должно было стать 31 октября 1942 года. Зиверс не видел никакого другого пути, как открыто призвать к затягиванию работ. Далеко не все сотрудники комиссии отнеслись к этому серьезно. В конце сентября 1942 года комиссия завершила свое последнее задание — фонды больцанского музея были упакованы и отправлены в Германию.

Что же в данной ситуации предпринимало руководство «Наследия предков»? Осенью 1942 года Зиверс предложил Гиммлеру одну интересную идею. Он просил у рейхсфюрера СС разрешения «помочь» итальянским властям сделать фотоснимки архивных дел и церковно-приходских книг (то, чем Аненербе неофициально занималось уже в течение нескольких месяцев). Поскольку предстояло сделать 3 миллиона фотоснимков, не могло быть и речи о том, чтобы «культурная комиссия» прекратила свои дела в Южном Тироле осенью того же года. Именно так Аненербе смогло занять в Северной Италии одну из ключевых позиций. Но в начале 1943 года над головой Зиверса вновь сгустились тучи — он не смог предложить перспективные задачи. Работы в Южном Тироле шли к своему логическому финалу, в феврале 1943 года Зиверс отправил в Германию последние ящики. Однако судьба была благосклонна к Аненербе. В день отзыва Зиверса из Италии итальянский комиссар по переселению южных тирольцев преподнес дуче изданный на собственные деньги трехтомник — «Альто Адидже»[1]. Некоторые документы из прошлого». В этой работе, богато снабженной документацией и картами, автор придерживался старого тезиса о том, что Южный Тироль являлся исконной итальянской территорией, а сами тирольцы не хотели покидать своих земель. «Они считают себя итальянцами, которые были германизированы, начиная со времен Габсбургов», — писал автор. Зиверс решил использовать эту публикацию в своих целях. Он сделал фотокопии этой работы еще 5 января, а в конце февраля, как бы невзначай, передал ее гауляйтеру Северного Тироля Францу Хоферу. Этот давнишний сторонник авто-

[1] Итальянское наименование провинции, куда входил Южный Тироль.

номии Южного Тироля тут же согласился с Зиверсом: этот памфлет надо срочно перевести и предоставить прогерманскую контрверсию. Без особых усилий Зиверс убедил гауляйтера, что с этим заданием смогло бы грамотно справиться только «Наследие предков». По договоренности с Хофером, «культурная комиссия» 3 марта 1943 года приступила к переводу, что стало началом работы над публикацией, опровергающей итальянское издание. Рейхсфюрер СС довел до сведения Гитлера столь вызывающий демарш итальянцев и получил официальное задание заниматься этим вопросом.

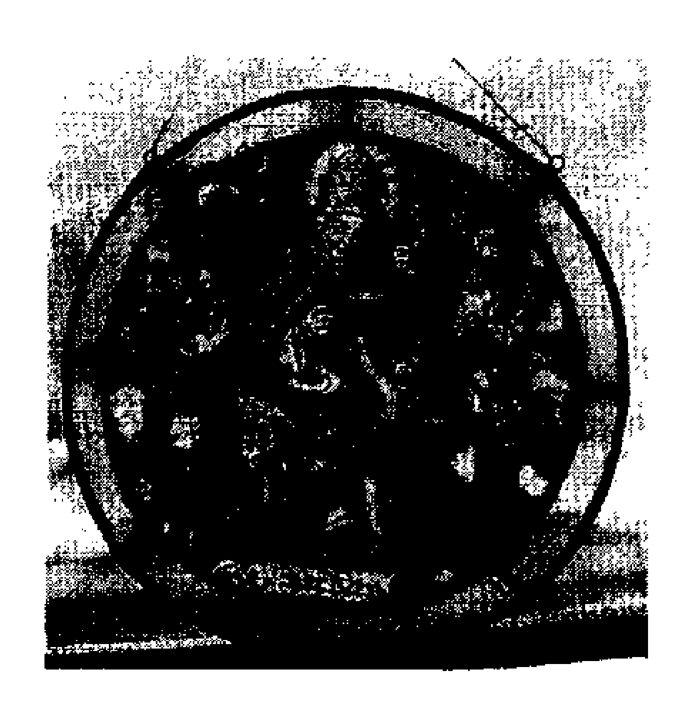
Перевод был закончен 6 апреля 1943 года. Как и предполагал Зиверс, он поверг Гиммлера и его окружение в состояние глубочайшего негодования. Отныне Гиммлер действовал именно так, как и ожидал имперский руководитель исследовательского общества — Аненербе получило задание срочно подготовить опровержение итальянского произведения. 12 мая 1943 года Грайфельт дал Зиверсу команду предоставить троих специалистов. То, что в нацистском руководстве к задаче отнеслись весьма серьезно, говорил тот факт, что претенденты на подготовку ответного произведения должны были пройти предварительное собеседование с Хофером. В последующем они подчинялись именно ему, а не Зиверсу — и Хофер имел право менять работников по ходу дела, если не был доволен результатами их работы. В начале июля 1943 года в Иннсбрюке состоялось рабочее совещание, после чего была открыта подготовленная «культурной комиссией» выставка «Нордический крестьянский двор на южных рубежах германского жизненного пространства» (значительная часть экспонатов была привезена из Южного Тироля). Зиверс очень старался, чтобы выставка произвела впечатление. Более того, в ее организации приняли участие те сотрудники Аненербе, которые готовили опровержение на книгу «Альто Адидже» (Май, Хунтер, Ринглер). Они совместно с референтами Хофера обобщали археологический, этнографический и антропологический материал. А ведь когда-то Зиверс полагал, что Южный Тироль станет концом его карьеры!

И хотя ответ на работу итальянского комиссара должен был быть предоставлен к июлю 1943 года, Зиверс предусмотрительно писал Гиммлеру 27 июля о том, что оставшийся научный материал все еще обрабатывался. Именно этот материал должен был стать источником для пресечения итальянских исторических притязаний, постепенно выходивших за рамки Южного Тироля. Но тут вновь вмешалась фортуна. Режим Муссолини находился на грани свержения, и эсэсовские круги были весьма заинтересованы в сохранении контроля над Италией. Говорить о дальнейшем переселении тирольцев было бы нелепо — стало ясно, что эта акция в целом прова-

лилась. В 1942 году из 235-тысячного населения Южного Тироля в Германии оказалось всего лишь 45 тысяч рейхсдойче и 72 тысячи фольксдойче. После сокрушительного поражения под Сталинградом больше не было желающих переехать в рейх. Да и само руководство Третьего рейха постоянно меняло свои планы в отношении переселенных тирольцев — их планировалось разместить то в Моравии, то в Бургундии, то в Польше. Затем появился Крым. Летом 1942 года гауляйтер Альфред Фрауэнфельд, назначенный генерал-губернатором Крыма, разработал и направил рейхсфюреру СС работу относительно колонизации Крыма. Этот план нашел одобрение у Гитлера, и переселение решено было начать немедленно же (такая поспешность должна была хоть как-то решить проблему застоя в этом вопросе). Но до этого не дошло, и все больше и больше тирольцев скапливалось в Австрии и Баварии.

После свержения режима Муссолини в июле 1943 года в Южном Тироле ничего ровным счетом не изменилось, пока немецкие части под командованием Роммеля не форсировали перевал Бренер, а сухопутные части, расположенные в Австрии, не заняли этот район. И тут большинство тирольцев сочло, что их родина вырвана из итальянского владения, а потому переселение становилось бессмысленным. Гитлер решил тем временем дать вызволенному из плена дуче еще один шанс, создав на этих территориях марионеточную «Социальную республику» (т. н. «республика Сало»).

В первые дни после свержения Муссолини «культурная комиссия» никак себя не проявила. В августе 1943 года она продолжала свои традиционные дела: учет и транспортировку культурных ценностей в Германию. В конце августа Зиверс с руководителями ряда структур провел ряд совещаний, на которых обсуждалась изменившаяся политическая обстановка в регионе. Было решено продолжать работу против «Альто Адидже» даже несмотря на то, что с политической точки зрения в этом не было необходимости (режим Муссолини держался только на немецких штыках, а Северная Италия полностью контролировалась гитлеровцами). Однако из дневниковых записей Зиверса следовало, что имперский руководитель исследовательского общества решил не сдавать своих позиций в Южном Тироле. Хофер, который добился от Гитлера повышения, мог обеспечить ему здесь неплохое будущее. Зиверс понимал, что деятельность «Наследия предков» не могла вестись по-старому. 17 сентября он появился в Берлине в личном штабе рейхсфюрера СС, чтобы узнать решение относительно дальнейшего изъятия культурных ценностей. Суть произошедшего там разговора неизвестна. Установлено только, что сразу же после визита он вывез сотрудников

Витраж с изображением Святого Урбана. Одна из тех культурных ценностей, которые были вывезены Аненербе из Южного Тироля

«культурной комиссии» в Больцано, где они встали во главе одной из внутренних эсэсовских служб.

В чем же состояла их деятельность? Официально они должны были осуществлять «эвакуационные мероприятия»: копирование и фотосъемку церковных фресок, которые были обнаружены после воздушных налетов. Франц Хутер, с сентября 1943 года руководивший архивом г. Больцано, пытался спасти от налетов редкие архивные материалы. В архивах других городов работал Карл Теодор Хёнингер. Эта служба, формально возглавляемая Зиверсом, просуществовала до 1945 года, пока Тироль не был возвращен Италии.

Очень сложно сказать, насколько интересы Зиверса и его сотрудников совпадали с интересами Хофера и его ведомства. Сам Зиверс, судя по его записям, пытался поддерживать тесный контакт и с гауляйтером Хофером, и с командующим в Северной Италии, адъютантом рейхсфюрера СС, обергруппенфюрером Карлом Вольфом. Ясно, что Зиверс использовал своих тирольских экспертов для решения частных задач «Наследия предков». Вполне возможно, что руководство Аненербе пыталось создать в Северной Италии своего рода «запасную базу». Далеко не случайно именно сюда в 1944 году перебрались многочисленные службы рейха. Но когда они только пытались устроиться здесь, Аненербе чувствовало себя уже как дома.

Информация об участии «Наследия предков» в переселении фольксдойче в рейх будет неполной, если не упомянуть, что в 1942 году исследовательское общество проникло в югославскую провинцию Лайбах (германоязычное наименование Люблян). Работа в этом старинном немецком языковом анклаве была подобна деятельности в Южном Тироле. В XIV веке южнее Люблян поселились баварцы, швабы и тирольцы. Со временем они не только не утратили своей самобытности, но и сохранили ее благодаря политике, проводимой династией Габсбургов. В 1919 году эта территория отошла к молодому югославскому государству. В двадцатые годы так называемые готтшейские немцы пострадали от авторитарного ре-

Германоязычное население Готтшее, местечка в Словении, должно было быть «возвращено в лоно Третьего рейха», подобно немцам Южного Тироля, Польши и многих других государств. Аненербе, занимаясь переселением фольксдойче, пыталось доказать необходимость своего существования в условиях войны

жима Белграда. Они оказались перед дилеммой: им не хотелось покидать свои земли, но сил сопротивляться уже почти не было. Потому они, как и жители Южного Тироля, возлагали большие надежды на Третий рейх. В рейхе пытались поддерживать эти настроения: в печатном органе Штутгартского немецкого иностранного института «Немцы за рубежом» не уставая «пекли» статьи о земляках в Готтшее, в которых разоблачались попытки уничтожения немецкой этнической группы в Словении.

В 1939 году Гитлер возвестил миру о своей идее вернуть *все* немецкие этнические группы Юго-Восточной Европы в Третий рейх. Вопреки ожиданиям нацистов, готтшейцы были не в восторге от этой затеи: даже бедственное положение не было для них поводом покидать насиженные места. Жизнь внесла свои коррективы — в апреле 1941 года Югославия была поделена между фашистской Италией и гитлеровской Германией. Судьба готтшейских немцев была решена. Словения была поделена между этими двумя государствами: Лайбах и Готтшее отошли к Италии, а Германии досталась Южная Каринтия и Краина. Несколько дней спустя имперский комиссар по укреплению немецкой народности принял решение германизировать территории, доставшиеся рейху. Согласно его планам, 95% словенского населения должно было быть перемещено в Хорватию, а на их место заселены люблянские и готтшейские немцы. По образцу соглашения о переселении жителей Южного Тироля, в 1941

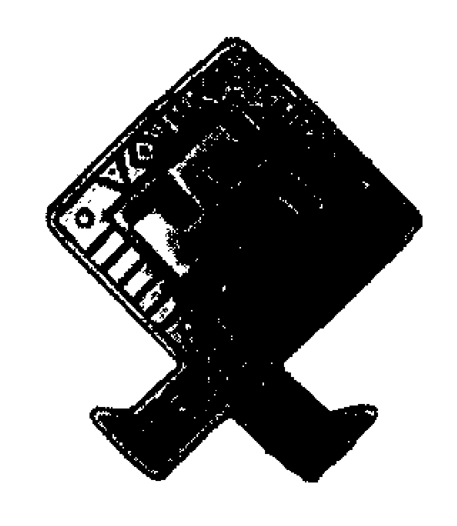
году была заключена конвенция о переселении немцев из итальянской части Югославии. Вновь к делу было подключено Аненербе. Согласно предписанию имперского комиссара, в области Лайбах—Готтшее была создана «культурная комиссия», которая должна была выявить культурные ценности и вывезти их на место будущей колонизации. Осенью 1941 года Зиверс делегировал в Лайбах из состава тирольской комиссии профессора географии Ганса Швальма — секретаря Лейпцигского фонда культурной географии. Здесь итальянцы почти не сопротивлялись «учету» культурных ценностей, как они это делали в своей стране. Все работы были осуществлены достаточно быстро: в краткие сроки на новом месте жительства оказались 13 тысяч готтшейских немцев.

С июня 1942 года группа под надзором Швальма фотографировала приходские и архивные документы, собирала сведения по этнографии, истории традиций и культуре Готтшее. Она достаточно оперативно смогла вывезти из Лайбаха национальный музей. И хотя в это время Зиверс очень нуждался в экспертах, которые бы работали в Тироле, он выделил Швальму необходимых сотрудников. Так он пытался показать незаменимость Аненербе в годы войны. Сам же Швальм был провозглашен «незаменимым» экспертом в сфере культурной политики. Ему не давали ни минуты покоя, и после того как он завершил свою работу в Югославии, руководство «Наследия предков» послало его в Норвегию. Здесь он организовал работу Аненербе в рамках так называемого «Германского научного действия».

Появление в «Наследии предков» отдела «Германское научное действие» было следствием политики «больших пространств», проводимой нацистами, а в узком смысле представляло собой развитие той политики, которую Генрих Гиммлер пытался самолично осуществлять на северо-западе Европы. В апреле 1940 года Дания потеряла не только короля и конституцию, но и собственную независимость. В Норвегию Гитлер поставил имперским комиссаром Тербовена, выходца из Рейнской области. Бельгия пала в мае 1940 года, перейдя под немецкое военное управление. Почти одновременно с этим в Голландии к исполнению обязанностей имперского комиссара Нидерландской области приступил австриец Зейсс-Инкварт. Пример оккупации Голландии показателен с точки зрения построения нацистской политики в отношении своих северо-западных соседей.

Голландия после войны была объявлена жертвой германской агрессии. Однако реалии германской оккупации Голландии имели больше аналогий с аншлюсом Австрии, чем с оккупацией Франции,

а тем более Польши или части СССР. Германские вооруженные силы пересекли голландскую границу 10 мая 1940 года в 3 часа утра. Немедленно началось восстание голландских нацистов против королевского правительства. Голландские наци в Амстердаме нейтрализовали систему воздушной тревоги и отключили водоснабжение. В столице, Гааге, они атаковали полицейское управление и факельными шествиями промаршировали к центру города. Бывший германский кайзер Вильгельм II, проживавший в Голландии с 1919 года, телеграммой поздравил Гитлера с завоеванием Нидерландов. 13 мая голландская королева Вильгельмина вместе с членами кабинета министров бежала в Англию. Впоследствии королева перебралась в Канаду. Муж королевы был немцем, а ее дочь Юлиана, наследница голландского престола, в 1937 году вышла замуж за германского принца, офицера СС. 400-тысячная голландская армия сражалась всего 5 дней, потеряв убитыми 2890, ранеными 6889 и без вести пропавшими 29 человек.

Значок «Германского научного действия»

Вторжение в Голландию имело очень большое значение для идеологии национал-социализма. Гитлер в тот момент заявил: «Борьба, начинаемая сегодня, решит судьбу Германской нации на следующие 1000 лет». Немцы чувствовали свою родственность с голландцами, не случайно «старогерманский» — одно из названий голландского языка. Большое количество людей, проживавших в Голландии, называли себя «германо-голландцами», а передовые части вермахта, пересекшие голландскую границу 10 мая 1940 года, были солдатами, говорящими на голландском языке. Накануне немецкого вторжения в Голландии проживало 52 000 немцев, многие из которых контактировали с иностранным отделом германской нацистской партии.

В сентябре 1940 года глава СС Генрих Гиммлер заявил, выступая перед офицерами дивизии СС «Лейбштандарт»: «Мы должны привлечь к себе всю нордическую кровь мира, отнимая ее у наших врагов, чтобы никогда нордическая или германская кровь опять не воевала против нас». Голландская аналогия воссоединения Германии и Австрии подтверждалась и тем, что Гитлер назначил управлять новой территорией не военного, но штатского чиновника. Не немца, но австрийца. Того, кто уже блестяще провел «одомашнивание Австрии в Третьем рейхе» — рейхсминистра Артура Зейсс-Инкварта. 30 мая в старинном зале амстердамской ратуши на торжест-

Артур Зейсс-Инкварт, в 1940–1945 годы являвшийся рейхскомиссаром Нидерландов

венной церемонии рейхсминистр дал клятву голландскому народу: «Голландские законы остаются в силе, насколько это возможно. Голландские чиновники остаются на своих местах в качестве инструмента нового правительства. Независимость судебных инстанций будет сохранена».

Гитлеровский наместник заверил голландцев, что в будущем их жизнь не будет ничем потревожена, и обещал восстановить все разрушения, причиненные войной. Рейхсминистр гарантировал свои обещания «германской честью» и провозгласил, что немецкая армия вошла в Голландию с оружием, поднятым в дружеском салюте. 25 сентября 1940 года глава голландских национал-социалистов Антон Муссерт прибыл в Германию и был принят Гитлером. Фюрер сообщил ему, что уже дал указание Зейсс-Инкварту готовить передачу власти голландским нацистам.

Пример Голландии можно применить и к другим государствам. Немецкое завоевание этих стран проходило при непосредственном пособничестве местных профашистских и праворадикальных организаций: в Норвегии это было «Национальное собрание» Видкуна Квислинга, в Бельгии нацистам помогало движение рексистов во главе с Леоном Дегрелем.

По мере того как разворачивалось немецкое завоевание Европы, в Берлине выкристаллизовывалось новое видение Германской империи. В противовес Гитлеру, для которого слова «немецкий» и «германский» были синонимами, Гиммлер решил сосредоточиться на изначальном понимании ***германца***. В своей характерной мечтательной манере он сотворил образ прошлого, в котором пытался найти практические и политические ключи к будущему. В его понимании германцами были не только немцы, но и скандинавы, и большинство жителей Северо-Западной Европы, которые изначально были единым Германским племенем. И лишь затем оно разделилось на франков, саксов и готов. Он видел их вновь объединенными, но не по федеральному образцу, а в виде расово- и культурно-гомогенного германского общества, в котором немцы должны были стать первыми среди равных. Германские племена должны были объединиться в новый Германский рейх. Гиммлер и Гитлер сходились только в одном: они не приветствовали «местечковый»

национализм, в котором видели сепаратистскую угрозу будущей империи. Как ни парадоксально, гиммлеровский Германский рейх не совпадал с гитлеровским восприятием Германии и Европы как «бастиона в борьбе с большевизмом». Абендланд (немецкое понятие, обозначающее Северо-Западную Европу) стал для Гиммлера синонимом европейской идеи. Именно эту Европу, по мнению рейхсфюрера СС, надо было спасти от азиатских орд, а для этого надо было собрать все северо-западные европейские народы под дланью Гитлера. Барьером на востоке должны были стать пресловутые «военные деревенские поселения». Причем жить в них должны были не только немцы. «Мы должны призвать германцев всех стран, — с энтузиазмом говорил Гиммлер в июле 1942 года, — норвежцев и шведов, голландцев и датчан. Всех, в ком есть молодая и предприимчивая кровь. Мы должны призвать их на восточное пространство... И все они без исключения должны это сделать добровольно».

Готтлоб Бергер, руководивший созданием европейских частей ваффен СС

Именно на принципе добровольности изначально базировались дивизии ваффен СС, на которые Гиммлер не мог нарадоваться. Собственно говоря, их создание являлось идеей группенфюрера СС Готтлоба Бергера, простодушного шваба, который прямолинейно заявил Гиммлеру, что рассматривает ваффен СС «не только как мощь оружия, но и как идейную боевую дружину». На основании этой мысли ваффен СС должны были собрать в себе добровольцев из всех стран. С них должна была начаться «новая Европа». Остается весьма сомнительным, что многочисленные добровольцы вдохновлялись иллюзорными идеями Гиммлера и Бергера. Скорее всего, их прельщал элитарный статус этих частей.

Антон Муссерт, лидер голландского «Национал-социалистического движения», один из конкурентов Зейсс-Инкварта

Не стоило списывать со счетов антисоветские и антирусские настроения, которые среди тех же голландцев к началу войны были достаточно сильными. Уже в 1937 году во время парламентских выборов на стенах домов красовались лозунги типа: «Муссерт или Москва?» Да и называть Голландию союзником России по антигитлеровской коалиции можно лишь с определенными оговорками. В момент начала Второй мировой войны, когда Германия вторглась в Польшу 1 сентября 1939 года, а 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, Голландия не была союзником СССР. И когда Германия вторглась в Нидерланды в мае 1940 года, последние не были дружелюбны к СССР. ***Голландия не признавала СССР с 1917 года!***

Но даже антикоммунизм не играл здесь столь значительной роли, как это пытались доказать после войны некоторые из эсэсовцев. Большинство голландцев, датчан, шведов и бельгийцев, которые более-менее добровольно попали в ваффен СС, впервые столкнулись с большевиками только на Восточном фронте. Сомнительно, что немецкая пропаганда смогла убедить их в преимуществе над «унтерменшем», когда большинство из них весьма уважительно отзывались о русских как о бесстрашных солдатах. Были, конечно, и исключения, но подавляющая масса шла в ваффен СС по личным, а не политическим мотивам: из жажды приключений, славы, престижа, материальной заинтересованности — идеология почти всегда была на втором месте.

План Гиммлера привлечь германских добровольцев к своим ваффен СС датируется 1938 годом. Война еще более усилила потребность в массовых эсэсовских военизированных формированиях. Молниеносные победы Германии на западе давали Гиммлеру для этого хорошую возможность. Чтобы облегчить сей процесс, Главное управление СС, возглавляемое Бергером, 15 декабря 1940 года было реорганизовано. Бергер, хотя и потерял в результате этого часть своих полномочий, зато мог полностью отныне посвятить себя осуществлению собственных идей — прежде всего работе с германскими добровольцами. В короткий срок ему удалось сформировать эсэсовские части «Вестланд», «Нордланд», «Германия», «Викинг», которые более чем на треть состояли из жителей Северо-Западной Европы. В начале 1941 года, планируя нападение на СССР, в дивизии ваффен СС стали привлекать жителей независимой Финляндии. Управление Бергера занималось с волонтерами в специальных лагерях не только воинской, но и идеологической подготовкой. В Главном управлении СС даже было создано «Ведомство германских добровольцев», которое возглавил швейцарский военный врач Франц Ридвиг (тот тип добровольца, который стал эсэсовцем по

идеологическим соображениям). Новое ведомство должно было заниматься всеми эсэсовскими организациями в оккупированных странах. Осознавая, что германский компонент в эсэсовских частях все еще был слаб, Гиммлер пошел на то, чтобы создавать законченные национальные формирования ваффен СС. В апреле 1941 года с разрешения Гитлера он создал новый добровольческий штандарт «Нордвест», в который должны были войти 2,5 тысячи добровольцев из Фландрии и Голландии. Для того чтобы собрать необходимое количество волонтеров, руководству СС пришлось пойти на уступки лидерам фламандских и голландских националистов. Наряду с пронацистским движением Муссерта к автономии стремился и «Фламандский национальный союз» Густава де Клерка. 26 апреля 1941 года Бергер сообщал рейхсфюреру о том, что встречался с де Клерком и тот пообещал, что члены «Фламандского национального союза» войдут в штандарт «Нордвест», если будут поддержаны их автономные начинания.

Уступка означала, что новые эсэсовские формирования в ряде стран будут обладать некой властью, что выходило за рамки полномочий учреждений ваффен СС. Гиммлер был настолько одержим идеей Германской империи, что нередко сам направлялся в те страны, где планировал набрать добровольцев. Такие поездки позволяли ему приобрести новые сферы влияния: под его контроль переходили национальные полиция, культура, хозяйство и политика. Наибольшего успеха Гиммлеру удалось добиться именно в политике. К 1940 году шефу СС удалось подчинить себе все полицейские инстанции, которые тут же занялись ликвидацией групп Сопротивления (позже они стали решать «еврейский вопрос»). Укрепляя свою власть, Гиммлер придерживался принципа «разделяй и властвуй»: он сталкивал между собой праворадикальные и профашистские национальные группы, поддерживал наиболее авторитетные, а затем выступал в роли третейского судьи. В Норвегии и Голландии подобная тактика оказалась более чем эффективной. В сентябре 1940 года бывший полицейский офицер Йонас Ли был назначен не только министром полиции, но и комендантом норвежских СС, а стало быть, отныне он подчинялся только рейхсфюреру СС. Это было своеобразным оскорблением В. Квислингу, старому сопернику Ли. Аналогичная ситуация сложилась и в Голландии — Антон Муссерт оказался в СС на вторых ролях. Имперский комиссар Зейсс-Инкварт, являвшийся обергруппенфюрером СС, вопреки воле Муссерта назначил комиссаром по делам марксистских партий эсэсовского любимца М. Роста ван Тоннингена (позже этот деятель стал министром финансов и президентом Нидерландского банка). Ван Тоннинген со своей стороны постоянно пытался внушить Гиммле-

ру, что правительство Муссерта не отвечает требованиям современности. Наушничество не прошло даром, два года спустя Муссерт впал в немилость, а Рост ван Тоннинген, напротив, продолжил свою карьеру.

Гиммлер и СС находились на подъеме. Но какие цели они преследовали на самом деле? Бесспорно одно — «национальные» устремления Муссерта и Квислинга были использованы самым циничным образом. Их пожелания вовсе не собирались осуществлять. Для Гиммлера норвежцы и голландцы являлись прежде всего ***германцами***, а не ***норвежцами*** и ***голландцами***. Ни о каких автономиях не могло быть и речи — эти намерения не сочетались с идеей империи. Подобные заявления оценивались Гиммлером как сепаратизм и партикуляризм. В свете этого уступки, сделанные де Клерку, выглядели более чем подозрительными.

Гиммлер был хитрый игрок: чтобы укрепить свое положение и контролировать «беспокойные» националистические движения, он пытался представить их равноправными партнерами. Их самобытность, которая начисто отрицалась, но, тем менее, была сильным рычагом в манипулировании, должна была выразиться в усилении этнографической работы. Благодаря Аненербе рейхсфюрер был докой в этой сфере, а потому не нуждался в каком-либо логическом объяснении своих шагов. Но научные дисциплины, тем более этнографию, управлению Бергера приходилось, что называется, брать с боем. Понимая сложившиеся трудности, Гиммлер решил обратиться за помощью к «Наследию предков», которое имело связи с учеными из многих стран.

Подобный шаг означал, что отныне вопросами волонтеров занималось не только «Ведомство германских добровольцев» (VI управление Главного управления СС), но и Аненербе. Управление VI осуществляло непосредственный политический контроль за тем, как исследовательское общество проводило научную работу, которая была призвана наладить сотрудничество между местными учеными и сторонниками Германской империи. Для выполнения данной задачи Зиверс решил делегировать унтерштурмфюрера СС, сотрудника отдела германской и немецкой этнографии, австрийского германиста Ганса Шнайдера. Выполняя приказ Гиммлера, Шнайдер оказался летом 1940 года в Ден-Хааге (Нидерланды), где должен был установить контакты с местными националистическими группами. В это время Зиверс был занят в Южном Тироле, а потому Шнайдер взял на себя смелость создать здесь отделение Аненербе. Гиммлеру и его людям надо было спешить: в это время разворачивалась активная борьба за власть, и «Наследию предков» надо было успеть занять свою нишу. Оккупационные власти подчинялись, с одной сто-

роны, партийному аппарату, с другой стороны, их пытались контролировать СС. Это привело не только к трениям между местными националистами и немецкими эсэсовцами, но и к неприятию науки в стиле «фёлькише».

С 1940 года эсэсовские структуры опекали научный фонд «Дер вадерен Эрфдеель», который был близок к местным правым радикалам. Шнайдер решил упростить систему взаимоотношений с фондом и подчинил его собственной организации «Народное сообщество». Благодаря этому он планировал получить контроль над местными националистами, что облегчало бы ему проведение среди них эсэсовской пропаганды. Но это устраивало не всех. Чтобы воспрепятствовать влиянию на научные круги, оккупационные власти во главе с Зейсс-Инквартом в начале 1942 года решили создать в Ден-Хааге «Германский институт». В Аненербе это оценили как попытку украсть у СС идею пробуждения в голландцах «имперского сознания». А стало быть, инициаторы создания этого заведения автоматически попадали в разряд конкурентов.

Но тут «Наследие предков» столкнулось со старой проблемой — нужны были деньги. Гиммлер в качестве рейхсфюрера СС мог финансировать в «германских» странах только деятельность полиции, но отнюдь не мероприятия в сфере культуры и науки. В качестве имперского комиссара он тоже не мог сделать многого: едва ли требовалось укреплять авангард нордической расы, на который он возлагал большие надежды. Пришлось пойти на радикальные меры. При «помощи» Гиммлера был отправлен в отставку имперский казначей Франц Шварц. Казалось бы, перестановка в финансовых кругах не могла решить вопроса финансирования СС на оккупированных территориях Северо-Западной Европы. Однако с этого момента финансирование всех партийных мероприятий в этих странах (организация партийных учреждений, создание организаций Гитлерюгенда и т.д.) шло через «Ведомство германских добровольцев», а стало быть, Гиммлер получил прекрасную возможность контролировать эти денежные потоки. Причем здесь он выступал не в качестве рейхсфюрера СС и не в качестве имперского комиссара по укреплению немецкой народности, а как ***Уполномоченный партии по народным вопросам.*** Пока он не обладал полнотой власти, чтобы контролировать всю «германскую» работу в оккупированных странах. В этих условиях сотрудники «Ведомства германских добровольцев» и Аненербе оказали ему неоценимую услугу тем, что своими быстрыми, решительными действиям в мае 1942 года пытались положить конец попыткам создания в Ден-Хааге «Германского института». Теперь Вольфрам Зиверс и Готтлоб Бергер могли спокойно ставить собственных людей на отдельные направ-

ления этой работы: в Осло ее осуществлял профессор Швальм, в Брюсселе — немецкий историк, профессор Такенберг. Но если Швальм уже давно сотрудничал с «Наследием предков», то Такенберг вряд ли имел такие заслуги, а потому непонятно, почему выбор пал именно на него. Скорее всего, он был привлечен по одной причине: в эсэсовских ведомствах опасались, что Такенберг, ставший руководителем «Германского института» в Брюсселе, будет мешать их работе, а поэтому решили нейтрализовать его таким необычным способом. Без всякого сомнения, «Наследие предков» интересовал не столько сам Такенберг, сколько возглавляемый им институт, над которым удалось установить контроль СС. Тем временем произошли некоторые перестановки в Голландии: сначала руководство Аненербе делало ставку в этой стране на Ганса Шнайдера. С 1942 года оно начало более пристально присматриваться к фигуре временного руководителя отдела изучения сказок и саг доктора Мая, который наилучшим образом зарекомендовал себя в Польше и СССР.

Так чего же все-таки хотело достигнуть Аненербе в этих странах? Четкую цель Гиммлер сформулировал только 12 августа 1942 года. Пользуясь расположением Мартина Бормана, он был назначен уполномоченным вести переговоры со всеми народными германскими группами от лица фюрера («Рейхсфюрер СС обладает исключительными правами вести переговоры со всеми народно-германскими группами от лица НСДАП, подразделений и союзов партии»). Отныне он обладал почти политической монополией. Если раньше самодеятельные контакты между представителями этнических групп и партийными структурами (например, Гитлерюгендом) только приветствовались, то теперь для этого требовалось особое разрешение Гиммлера. Два дня спустя вышел приказ № 14/42, который сделал Аненербе ответственным за осуществление всех научно-исследовательских задач СС в «германских» странах. С октября 1942 года сотрудники Аненербе начали активную деятельность в Осло, Ден-Хааге, Брюсселе. Тогда же Шнайдер был возвращен в Берлин, где возглавил сектор Аненербе, который получил название «Германское научное действие» (Germanische Wissenschafteinsatz — ГВЕ). Новая организация работала вместе с «Ведомством германских добровольцев», где сотрудники ГВЕ возглавили отдельные структуры.

С этого времени «Наследие предков» должно было способствовать тому, чтобы скандинавы, голландцы и фламандцы подключались к созданию новой государственности. Эта деятельность опиралась на идею Гиммлера о единстве северных европейцев и немцев в рамках Великой германской империи. Если говорить о тематике предполагаемых исследований, то, перефразируя Устав «Наследия

предков», можно сказать, что теперь оно должно было заниматься изучением «пространства, духа и деятельности» северных индогерманцев. Но разве задолго до Гиммлера о голландцах и скандинавах как о «нордических индогерманцах» не говорил всеми позабытый Г. Вирт? Становится очевидно, как кажущаяся безобидной формула «индогерманства» может быть использована для политических целей захватнической войны! Записи Зиверса относительно смутных имперских идей Гиммлера и Хильшера позволяют предположить, что он не разделял ни тех, ни других. В январе 1941 года он описал собственный идеал грядущей империи. Сделал он это не менее романтично, чем Гиммлер, но более живописно и наглядно: в одном из изданий «Наследия» говорилось, что «главная цель, с точки зрения культуры, состоит в том, чтобы вновь разбудить имперское сознание. Оно утрачено и в Нидерландах, и в Швейцарии, и в Моравско-Богемском регионе. Но о его прошлом величии свидетельствуют кафедральный собор в Страсбурге, пражский замок, фламандские суконные ряды и дома на варшавском рынке. Необходимо восстановить эту никогда окончательно не обрывавшуюся связь, которая позволит устранить влияние церкви, либерализма, масонов и евреев. Именно эта связь позволит воссоединить людей германской крови в одной империи». Но как же имперский руководитель «Наследия предков» планировал пробудить имперское сознание в германских странах? Прежде всего намечалось нивелировать все различия между отдельными народами, подняв на щит только общие черты. Этнические особенности, согласно его выражению, были «тормозными колодками прошлого». А упомянутые церковь, либерализм, масоны и евреи — не чем иным, как порождением гуманизма. Под общим — тем, что должно было сплотить народы в новую империю, — подразумевалась не более и не менее, как общая борьба против большевизма. Вот что, оказывается, считалось живой исторической германской преемственностью! Во внутренней политике эсэсовские власти должны были способствовать крушению либерально-гуманистической системы образования, чье место должно было занять «великогерманское имперское мышление». Для этого требовались эффективные пропагандистские акции, облаченные в форму нейтральных научных мероприятий. В итоге все сводилось к этнографии и фольклористике. Аненербе было единственной организацией, которая была сведуща в этой области.

Распространение великогерманского сознания должно было осуществляться не только благодаря публикациям в газетах, выпуску брошюр и книг. С этой целью предполагалось проводить конференции, выставки, организовывать лектории. Большое внимание уделялось молодежи, влияние на которую оказывалось через научные и

академические программы, обмены студентами и молодыми учеными. «Наследие предков» строго следовало принципу устранения этнических различий, избавляясь в ходе исследований от малейших следов какой-либо культурной обособленности. В результате между голландскими, скандинавскими, немецкими культурными ценностями исчезли какие-либо границы — они превратились в нечто «германское», аморфное и с трудом постижимое. На практике это могло реализоваться только тогда, когда Вурцель сформулировал идею о том, что германизация среднеевропейского и североевропейского пространства должна проходить без утраты народного своеобразия, культуры и обычаев.

Сотрудники Аненербе с энтузиазмом приступили к выполнению очередной задачи. Но их оптимизм быстро улетучился после того, как они осознали, с какими трудностями им придется столкнуться. «Имперские романтики» повсеместно сталкивались с недоверием местного населения. Что касается Нидерландов, то уже в апреле 1942 года СД сообщила руководству «Наследия предков» об «отрицательной и даже враждебной позиции голландских ученых». Как исследовательское общество могло использоваться для популяризации имперской идеи в данной ситуации? С национальными объединениями дело обстояло ненамного лучше. Созданный по голландскому образцу фламандский филиал Аненербе предупреждал Шнайдера о схожих настроениях среди местной научной элиты, советуя, чтобы «политическое руководство и управление фландрийским филиалом было очень осмотрительным и осторожным». Было достаточно сложно установить прямую связь между эсэсовскими властями и национальными формированиями. Местные ученые всерьез опасались политики онемечивания. Напротив, местный филиал пытался установить контакты с теми национальными группами, входящими во Фламандский национальный союз, которые до сих пор не были готовы разорвать отношения с католической церковью. Эта тактика была крайне лицемерна, так как деятельность местных филиалов не должна была служить укреплению существовавших националистических устремлений. Аненербе пыталось хитрыми путями завоевать доверие у населения и лишь затем начинать работу по реализации великогерманских задач СС.

Мешали деятельности «Наследия предков» традиционная конкуренция и «борьба компетенций». Опасность, исходившая из кругов имперского комиссара Зейсс-Инкварта, не была ликвидирована — летом 1942 года «Германский институт» все-таки приступил к работе. Под эсэсовским влиянием один из руководителей института — кёльнский фармацевт и эксперт в области древней истории фон Штокар — выдвинул идею о присоединении института к «На-

следию предков». Он считал это единственно возможным правильным решением и предложил Зейсс-Инкварту самому выйти с этой инициативой. Но это не устраивало окружение Зейсс-Инкварта. Некоторое время спустя Виммер, отвечавший в институте за сектор культуры, предложил подорвать влияние Штокара и передать руководство некоему Плютцеру (то, что Плютцер, равно как и Виммер, являлся эсэсовским офицером, в данной ситуации ничего не значило). Впервые за много лет традиционная эсэсовская политика создания «форпостов» из своих офицеров в чужих ведомствах (политика инфильтрации) потерпела крах. Шнайдеру оставалось только горько сожалеть, что в оккупированных странах каждая имперская структура действовала на свое усмотрение. При этом люди Зейсс-Инкварта настаивали на том, что работа *их* института будет базироваться на местных исследованиях, то есть почти открыто саботировалась «имперская идея».

Препятствовали работе «Германского научного действия» и трудности, вызванные боевыми действиями в отдельных регионах. Например, Аненербе даже не пыталось закрепиться в Дании, хотя изначально планировалось открыть филиал в Копенгагене. Причина кроется в том, что в Дании СС не имели крепких позиций, без чего создание филиала «Наследия предков» было затруднительным. В свете этого обергруппенфюрер СС Вернер Бест, занявший в Копенгагене пост имперского уполномоченного, жестко заявил, что не нуждается в услугах исследовательского общества, так как оккупационные власти и без него успешно проводят германизацию страны.

Зиверс знал о том, что В. Бест безоговорочно разделял идею Гиммлера о «новой империи», а потому обратился к человеку из его окружения. Этим человеком был оберштурмфюрер Коопман, специалист по истории Скандинавии, прекрасно владевший датским языком. Он согласился с предложением Зиверса стать представителем Аненербе в Дании, но так и не смог добиться каких-либо результатов. Единственным итогом деятельности стала подготовка встречи представителей ГВЕ в декабре 1942 года в местечке Хёвельте-Гаарден близ Копенгагена. Она должна была иметь символическое значение. В итоге в марте 1943 года Аненербе начало все-таки действовать в Дании. Но функции местного филиала во главе с Карлом Керстеном были куцыми: они сводились исключительно к охране памятников.

Подобную ситуацию можно было наблюдать не только в Дании, но и в Норвегии. Если в Голландии и Фландрии местное население всего лишь ***скептически*** относилось к «имперской идее», то в Норвегии под сомнение ставилась ***любая*** форма сотрудничества с оккупантами. Попытки установить контакт с норвежскими учеными бы-

ли настолько безуспешными, что пришлось даже свернуть программу академических обменов. В результате ведомство Ганса Швальма должно было заниматься не столько охраной памятников от воздушных налетов, сколько сбором информации об оппозиционных ученых и их взглядах. Сам Швальм платил норвежцам той же монетой: в общении в ними он был холоден и высокомерен.

На деле эсэсовская политика в северо-западных европейских странах была весьма противоречивой: местные интеллектуалы, на которых пытались делать ставку СС, относились к ним с подозрением и недоверием. Так называемый идеализм, на базе которого люди вроде Швальма пытались наладить немецко-«германскую» дружбу, не давал результатов. Традиционная политика насилия, осуществляемая эсэсовскими частями, также не приносила никаких плодов. После того как «исключительно положительные» норвежцы (именно так о них отзывался до войны Швальм) начали проявлять сопротивление оккупантам, они стали подвергаться жесточайшим преследованиям со стороны СС. Первой жертвой этой политики пал ректор университета Осло, математик Петер Моэн. Другое светило норвежской науки — профессор Дидрик Аруп Зайп — в начале 1942 года был арестован и направлен в концлагерь Заксенхаузен. Не выдержав жестокого обращения, Зайп «раскаялся», «осознав бессмысленность своих действий». Гиммлер показательно «простил» профессора и на Рождество 1942 года объявил ему о помиловании, после чего ученый содержался под домашним арестом в Мюнхене.

К маю 1943 года работа Аненербе в северо-западных странах так и не вышла за рамки умозрительных планов. Незначительных результатов удалось добиться только в издательском деле. Раньше всех это удалось сделать в Голландии (не удивительно, ведь именно здесь активнее всего поддерживали нацистов). Здесь в эсэсовском издательстве «Хаммер» («Молот») с октября 1940 года издавался одноименный ежемесячный журнал. Выбор названия не был оригинальным, так как еще в 1900 году местные пангерманисты издавали антисемитский листок с тем же названием. Эсэсовцы пытались в соответствующей манере передать сведения о народном искусстве, традициях, древней истории, имперской идее. Конкуренцию журналу составлял листок «Народная вахта». Хотя в подзаголовке этого издания и значилось «Боевой листок голландского национального сознания», не стоило полагать, что его выпускали голландские автономы-шовинисты: издавший его «Кружок за народное наследие Нидерландов» трактовал слово «народный» аналогично гиммлеровскому «германский». Во Фландрии фламандский «Хаммер» печатался учрежденным Аненербе издательством «Де Бург». Издательства «Де Бург» и «Хаммер», кроме журналов, должны были выпускать

Ректор университета г. Осло Зайп (у микрофона) выступает на митинге, посвященном освобождению Норвегии от немецкой оккупации. На Нюрнбергском трибунале Хильшер свидетельствовал, что Зайп был спасен при посредничестве Зиверса

исследования, подготовленные сотрудниками «Германского научного действия» (книги германских сказок, работы о германском брачном праве, доклады из серии «Наши древние предки»). Тот факт, что большинство авторов этих работ были немецкими учеными, а не местными исследователями, ярко показывает, насколько было обманчивым впечатление о «партнерстве» немцев и остальных «германцев в судьбе Великой Германии». И это при том, что «Германское научное действие» было одной из немногих структур, где были готовы признать равноправие с «кровными родственниками»!

То, что сотрудники ГВЕ действительно верили в этот миф, демонстрировал протокол конференции по подготовке «Книги германской истории» от 7 января 1943 года. Эта работа должна была описать не только общеевропейскую историю с точки зрения германского мира, но и обосновать антагонизм отношений между континентальной Европой и Англией и Америкой. Было выбрано 15 тем, которые в соавторстве с Плассманном подготовили 18 ученых. Среди авторов были и те, кто представлял «германские» страны: доктор Рообсрюк из Фландрии и доктор Тойнисс из Голландии (они разрабатывали тему «Имперское западное пространство»). Такие темы, как «Северное пространство», «Дания», «Швеция», готовились не скандинавскими исследователями, а немцами. Этот факт вряд ли можно было утаить от местных ученых. А потому Вальтер Вюст, де-

лая в апреле 1943 года перед эсэсовскими чинами доклад «Аненербе как передача германских традиций: суть и цели научной деятельности рейхсфюрера СС», предложил вообще не переводить эту книгу на национальные языки! СС все более и более отходили от эфемерной политики попечительства, а потому сотрудничество Аненербе с местными структурами было скорее символическим. Ведь они изначально являлись продуктом эсэсовской политики и лишь сохраняли видимость самостоятельности. И действительно, сначала тщательно скрываемые намерения СС начали проявляться все явственнее.

А что же происходило с «имперскими соседями»? Отсутствие имевшегося доверия между немецкими СС и «молодыми восхищенными германцами» только усиливало контраст между полицейским террором и эсэсовской нордической идеологией. В определенной мере имперская идея Гиммлера стала жертвой «политики больших пространств», которую, начиная с 1940 года, проводил Адольф Гитлер. Осуществление подобной политики обозначало подозрение к любым потенциальным противникам вне зависимости от того, были ли они русскими или норвежцами. Определенные трения между национальными формированиями ваффен СС и их заносчивыми немецкими инструкторами существовали с самого начала. В последующем национальные части ваффен СС были почти полностью уничтожены на Восточном фронте, что никак не было оценено их «немецкими товарищами». После Сталинградской битвы «германцы» весьма неохотно шли на борьбу с большевизмом. Гиммлер и его генералы начали реагировать: вместо терпимости и понимания — беспощадность и жестокость, это еще больше заглушало в «германцах» «имперское сознание». Более того, из-за гитлеровской военной политики Гиммлер не смог сдержать своих обещаний, которые в основном касались восточных территорий. Ни норвежские, ни голландские, ни фламандские поселенцы так и не стали «боевыми крестьянами» на восточных рубежах. Также не были воплощены в жизнь обещанные уступки относительно национальных автономий (как помним, Бергер еще в 1941 году гарантировал их лидеру фламандских националистов де Клерку). В 1942 году Бергер заявил фламандцу Августу Бормсу, что Фландрия должна войти в империю, но не в Великую Германию. Фактически он полностью отвернулся от Фламандского национального союза, который еще недавно так демонстративно опекал. Его место тут же заняло «Немецко-фламандское рабочее сообщество», возглавляемое Йефом ван де Вилем. Эта организация, активно сотрудничавшая с Ведомством германских добровольцев, должна была обеспечить сближение двух народов. Благодаря «рабочему сообществу» в 1943 году был сформирован Германский легион, но руководство Германии относилось к

нему более чем скептически, так как «ни один из этих легионеров не пытался проникнуться принадлежностью к вновь созданному великому кровному единству, к германской империи. Все они чувствуют себя только представителями своего народа».

Руководство рейха не устраивали идеи Гиммлера о боевом крещении только представителей нордической расы, Германии требовались добровольцы из стран Восточной и Южной Европы. В результате доля «германцев» в числе добровольцев в ваффен СС значительно снизилась. В октябре 1943 года разочарованный генералитет ваффен СС вообще отказался от идеи призыва на основе расового отбора. По этому поводу Бергер цинично заметил: «По крайней мере павших инородцев не будут оплакивать немецкие матери». Но такое отношение разделяли далеко не все. Генерал ваффен СС Панке подчеркивал, что именно «эти инородцы, в отличие от немцев, ...жертвуют собой во имя великогерманской идеи с подлинным воодушевлением». В 1944 году мечты Гиммлера об империи рухнули, и он от всей души жаждал, чтобы «германские» страны поплатились за это.

Чем же занималось Аненербе в условиях подобной политической неразберихи? Зиверс и Ридвег в мае 1943 года созвали в Ганновере внутреннее совещание сотрудников «Германского научного действия». Собственно говоря, на нем ничего не решалось — обсуждались только личные проблемы. Обсуждалась судьба Такенберга, который в октябре 1942 года поддерживал руководство СС, но постепенно отходил от политики Гиммлера. Чтобы избежать дальнейших осложнений, он решил покинуть свой пост в Брюсселе и перейти на воинскую службу. Боясь потерять сотрудника, лица, принимавшие участие в совещании, постановили, сославшись на болезнь ученого, перевести его в центральный аппарат Аненербе.

Вопрос о Такенберге не был основным. Главным образом, в течение трех дней обсуждались проблемы, которые, казалось бы, должны уйти в прошлое. Вновь шли дебаты о главенстве притязаний СС в отношении науки и культуры «германских» стран. В сфере борьбы с конкурентами мало что изменилось. В Голландии продолжал действовать «Германский институт», оставаясь соринкой в глазу руководства Аненербе. Двухсторонний договор о сотрудничестве, заключенный в феврале 1943 года между Зиверсом и проректором института Виммером, не действовал. Оскорбленный Зиверс даже собирался вновь встретиться с сотрудниками института, чтобы поднять вопрос о совместной работе. Планировалось, что из представителей Аненербе и «Германского института» будет создан единый орган, который будет руководить «германской» работой. Но на собрании Шнайдер неожиданно для всех огласил факты, которые

ставили под вопрос любое сотрудничество. Оказывается, «Германский институт» не только не выполнял задач, возложенных на него ГВЕ, но и самостоятельно устанавливал связи с германскими этническими группами в различных странах. Зиверс решил с выгодой для себя использовать сложившееся положение. Он в директивном порядке сделал Аненербе центральной структурой. Заручившись поддержкой профессора Штокара, чей труд «Древняя история германского домашнего хлеба» пообещал издать в том же году, он заявил о необходимости выполнения приказа рейхсфюрера СС о сотрудничестве «Германского института» и «Ведомства германских добровольцев» с «Наследием предков». Оспорить приказ всемогущего Гиммлера не решились даже старые противники Штокара и Зиверса (Виммер, Плютцер и т.д.). Казалось бы, монополия Аненербе была обеспечена.

Между тем конфликтная ситуация вокруг «Германского института» в Ден-Хааге показывала несостоятельность политики обеих сторон: как Зиверса, так и окружения Зейсс-Инкварта (этногерманцы предпочитали никого не поддерживать). Зейсс-Инкварт пытался самостоятельно организовать сотрудничество с местными националистами, но при этом он не желал делать им ни малейшей уступки. Противоречивость его позиции показало одно из выступлений, когда он сделал упрек сторонникам эсэсовской имперской идеи в поддержке сепаратизма и партикуляризма!!! Но Аненербе и «Ведомство германских добровольцев» продолжали придерживаться старой имперской концепции, которая должна была воспрепятствовать росту националистических настроений. На Ганноверской конференции многим казалось, что сам факт ее проведения должен был подтвердить ошибочность методов работы «Германского научного действия». Почти каждый открыто осуждал отсутствие реальных контактов между немцами и «германцами» оккупированных стран. Швальм даже заявил, что сотрудничество между немцами и норвежцами *вообще* невозможно. О невозможности сближения с национальной молодежью говорил и Петер Паульсен, который присутствовал в Ганновере в качестве начальника сектора обучения в Главном управлении СС. Согласно его словам, исключение составляла только Фландрия, где удалось реализовать программу академических обменов, и в Германию направились 113 фламандских студентов. Именно так участники конференции хотели решить проблему недостатка подрастающих кадров для академической работы. Но их формирование шло авторитарным способом. То, что предложил на конференции Швальм, должно было стать результатом политики насилия, а не толерантности, братской дружбы и подлинного понимания: «Мы должны позаботиться прежде всего о подрастающих

поколениях. Мы должны однажды приняться за дело и оценить опыт, наработанный молодой генерацией, чтобы отыскать доныне неизвестных ученых. Где они находятся? Учились ли в рейхе? Мы должны обратиться к определенным людям, которые на месте должны ответить на этот вопрос. Это важно, так как мы должны завоевать позиции, которые сейчас находятся в еврейских руках (???), и затем привести на эти позиции молодые силы». И далее: «Мы должны подобрать из подходящей молодежи ударную группу и основательно научно подготовить ее. Эта молодежь должна была пройти этот экзамен на Восточном фронте». Получается, что симпатизирующая Третьему рейху молодежь должна была сгинуть на фронте, выступая в роли «пушечного мяса»? Эти слова Швальма показывали подлинные намерения оккупантов. Имперский миф рухнул как карточный домик.

Некоторые ученые, такие как, например, Герберт Янкун, которые могли осуществлять международные контакты так же, как и ранее, возможно, и видели положительные стороны в новом идеале имперской политики. Согласно новой идее, высказанной на Ганноверской конференции, Янкуну предложили уделять больше внимания проблемам «учебного обмена» с германскими странами, а также организовать лекционные поездки немецких ученых за границу. Предполагалось, что подобные визиты иностранных ученых в Германию будут проходить под патронажем «Наследия предков». Зиверс сам пришел к подобной мысли, ввиду явного недостатка научных сотрудников. 18 мая 1943 года он размышлял в своем дневнике о доставании новых сотрудников благодаря привлечению трудоспособных голландских академиков и об охвате студентов из германских стран. В январе 1944 года в Зальцбурге состоялось рабочее совещание «Германского научного действия», на котором, кроме начальников отделов Аненербе, присутствовал ряд нидерландских ученых. Этот обмен был продолжен летом 1944 года, когда несколько голландских и бельгийских ученых направились на юбилей немецко-норвежского общества в Осло к профессору Швальму. В августе 1944 года Зиверс сообщал Бергеру, что германская научная работа в Нидерландах уже представлена двумя структурами: учебным и исследовательским отделом генетики при Институте отцовства в Ляйдене и Службой расового и генетического здоровья. Руководство этими организациями осуществлялось соответственно голландским профессором Штроером и оберштурмбаннфюрером СС ван дер Хёвеком.

Подобное «сотрудничество» фактически остановилось на полпути, прежде чем ему положило конец поражение Германии. Авторитарный момент в этой работе оказался сильнее. Так было и с за-

планированным Фронтовым университетом в Ляйдене, который для «Германского научного действия» представлял только временный интерес. Эта учебная организация и ее руководитель Р. Краненбург стали жертвами политики унификации, проводимой Зейсс-Инквартом: после скандала, когда 18% преподавателей отказались продолжать учебную деятельность в университете, он был закрыт немцами. У этой ситуации была интересная предыстория. В конце 1942 года Штокар обратился к комиссару культуры Виммеру с идей создать Первый германский университет, Виммер рекомендовал ему связаться с Аненербе и «Германским научным действием». Так на свет появился Фронтовой университет, который должен был давать образование ветеранам вермахта и частей СС. Показательно, что об интересах местного населения никто даже не заикался. СС в очередной раз продемонстрировали свое подлинное лицо: они вели себя хозяевами, обращаясь с голландцами как с побежденными, а не как с равноправными союзниками. Даже преподавательский состав было решено набрать из немцев, для этого была сымитирована эвакуация нескольких немецких вузов в Ляйден. И хотя учебные аудитории пустовали, местное население могло попасть в них, только побывав в рядах ваффен СС. «Германское научное действие» даже решило не заниматься привлечением лояльных нидерландских доцентов. Как же в «Германском научном действии» реально относились к тем немногим голландским студентами, которые все-таки умудрились туда попасть, остается только догадываться. Но их собратья из других университетов, те кто сопротивлялся имперской доктрине, сначала бесцеремонно «одергивались» СС, а в случае дальнейшего неповиновения отправлялись в концлагеря.

Так произошло с норвежскими студентами, которые в 1944 году были взяты на «переобучение» в «Наследие предков». Этот случай в очередной раз продемонстрировал не только то, что специалистам Гиммлера не было никакого дела до судьбы «германских родственников», но и то, какими неуклюжими методами они пытались проводить свою работу. В декабре 1943 года в связи с военным положением был закрыт университет в Осло, а 63 профессора и 1500 студентов были взяты под административный контроль. Гиммлер решил воспользоваться сложившимся положением и поручил обработать студентов в необходимом духе. Тут же 650 студентов были депортированы в Германию, 289 из них были направлены на «перевоспитание» в учебный лагерь Зеннхайм близ Страсбурга. 23 января 1944 года Гиммлер отдал приказ имперскому руководителю Аненербе подобрать из учащихся Зеннхайма необходимое количество норвежцев для обращения их в имперскую идею, организации сотрудничества с СС и обработки в «Германском научном действии». Зи-

верс подключил к этому заданию почти всех сотрудников «Наследия предков», включая Вюста и Плассманна. Но уже на стадии подбора кандидатов Аненербе столкнулось с серьезными проблемами. Было решено, «чтобы не шокировать (!!!) норвежских патриотов», не освещать национал-социалистическую политику. Но перевоспитание должно было служить именно этому! По этой причине учебные доклады должны были носить сугубо научный характер и не затрагивать политических тенденций, касающихся германского сообщества. Даже минимальный мировоззренческий акцент казался сомнительным. Но в феврале 1944 года профессор Вольфрам заявил, что не представляет, как вести изучение символов и эмблем, так как оно могло вызвать отторжение, ибо рано или поздно пришлось бы говорить о свастике. Планировалось, что на норвежцев должны были оказать влияние такие нейтральные темы, как «Сила бытия в его индогерманской трактовке» (Вюст), «Дом как святыня» (Хут). Казалось бы, знаменитая маскировка «Германского научного действия» должна была себя оправдать. Но студенты оказались непреклонными, отвергая любое сотрудничество, навязываемое «Наследием предков». Это свидетельствовало о бессилии эсэсовских интеллектуалов. Они нашли выход в силовом решении проблемы, тем более что жертвы дали для этого удобный повод.

Учебник для норвежских студентов, подлежащих мировоззренческой обработке в лагере Аненербе

Швальм относил упорство студентов к их недостаточному духовному воспитанию и оценивал своих подопечных не только как проявление полнейшего неверия, но и как людей, полностью лишенных религиозного переживания. Чтобы скрыть свои ошибки и просчеты, решили всех студентов отправить из Зеннхайма в Бухенвальд. Там часть из них работала на оружейном заводе, а часть занималась земельными работами. 23 октября 1944 года их судьбу разделили другие студенты, депортированные в Германию. Выходя из скользкого положения, Швальм заявил, что это была не элита, а расово неполноценный компонент норвежской молодежи: «Нельзя ожидать, что из этих кругов вырастет новая руководящая элита нор-

вежского народа». Конец этой авантюры оказался достаточно трагичным. Мыкаясь по концентрационным лагерям, норвежские студенты оказались освобожденными лишь в апреле 1945 года войсками союзников.

К осени 1944 года сотрудники «Германского научного действия» похоронили всякие надежды на успех. Крушение рейха было не за горами, натиск сменился поражениями на всех фронтах. В Западной Европе крушение имперских планов было очевидным: 6 июня в Нормандии высадились союзники, 2 сентября ими был занят Брюссель. Накануне этого фламандская служба «Германского научного действия» получила приказ свернуть всякую культурно-политическую деятельность в Бельгии. Бельгию покидали не только эсэсовцы, но и коллаборационисты: ван де Виль и Август Бормс. Несмотря на то что Голландия была занята союзниками только в апреле 1945 года, представитель ГВЕ доктор Май уже 4 сентября 1944 года получил приказ о переезде ближе к немецким границам. Дольше всех вне Германии оставался Швальм, который работал в Норвегии: немецкие войска здесь находились до капитуляции в мае 1945 года. Сам Швальм предпочел переехать в Берлин в декабре 1944 года — свое бегство он объяснял приглашением более рационально использовать научный потенциал. Интересно, над чем он мог работать накануне 1945 года? Последним более-менее значимым делом, которым занималось «Германское научное действие», было вспомоществование тем сотрудникам, которые у себя на родине были приговорены к смерти как предатели. Чтобы дать ГВЕ хоть какую-нибудь работу, Зиверс подготовил рейхсфюреру СС проект приказа, согласно которому Аненербе должно было стать ответственным за вывоз местных ученых из германских стран. Несмотря на то что Гиммлер относился к этой проблеме с пониманием, этот проект он не подписал — дело в том, что «Наследие предков» не единственное обратилось в такой просьбой. На первом месте в списке приговоренных ученых значилось имя профессора Яна де Фриса, талантливого голландского германиста, вынужденного бежать в рейх. По настоянию Брандта Зиверс смог выбить для Фриса отдых на море, а затем ввел в состав Немецкого исследовательского общества, где он даже получил задание сплотить вокруг себя «германскую» профессуру, что в конце войны было не так уж легко. Не считая де Фриса, в лагере Аненербе Вайшенфельд (Верхняя Франкония) был собран 21 опальный ученый. Оставшиеся документы показывают фанатичную веру кучки отвергнутых в восстановление национал-социалистической идеи. В них описан весь трагизм духовного банкротства, которое постигло «Германское научное действие» в последние месяцы войны. Швальм писал 19 декабря 1944 года о дружественных

Лагерь «Наследия предков» в Вайшенфельде (Верхняя Франкония)

немцам норвежцах (это после всего того, что он высказал в адрес норвежских студентов?): «У их крестьян чувства и осознание Германии, ее фюрера и грядущего великого германского сообщества как ни у кого сердечны и глубоки». Это была лебединая песня Германской империи, которая существовала лишь в воображении ее бескомпромиссных поборников. Тот же Швальм писал тогда: «Вернувшись в Германию, я нахожусь в обществе людей, твердо уверенных в окончательном успехе, которых не отшатнули ни крайняя нужда, ни преследования».

В планах построения Великогерманской империи Аненербе играло центральную роль. Его ученые и функционеры находились меж двух огней — между открытым полицейским террором СС и культурной деятельностью. Но и культурная деятельность имела только видимость благородной работы, на деле она служила целям Генриха Гиммлера, которые, в свою очередь, были составной частью планов Гитлера о мировом господстве. Представители «Наследия предков» не могли этого не понимать, и это объясняло бесцеремонные замечания Швальма о норвежской молодежи и цинизм, с которым он отзывался об ***им же отобранных*** норвежских студентах. Конечно, Швальм не был исключением: для эсэсовских профессоров было характерно верить в предложенные рейхсфюрером СС идеалы и полагать, что если бы не удалось достигнуть результатов,

то можно прибегнуть к грубому насилию. Этот способ мышления был типичным для целого ряда функционеров Аненербе — людей, которые, увлекшись военными успехами Адольфа Гитлера и появлением «Наследия предков» вне границ старого рейха, наивно полагали, что Гиммлер на оккупированных территориях будет заинтересован в их собственных научных разработках. Поэтому после некоторых размышлений они убеждали себя, что членство в СС и сотрудничество с элитными частями СС за рубежом (и даже в прифронтовой зоне) куда более привлекательно, нежели вульгарная служба в вермахте. И черная форма, и особые миссии виделись им куда заманчивей, чем шинель простого солдата или служба в качестве мелкого клерка у полуобразованного комиссара Украины Коха. Идеалистический порыв исследователя заключал союз с обыкновенным карьеризмом.

Что же значили «германские» работы и подобная деятельность для развития Аненербе? С одной стороны, «Германское научное действие» окончательно вписало «Наследие предков» в условия войны, сделав его необходимым для подобной политики, а с другой стороны, подтвердило политическое господство СС. То, что вся эта работа была одной видимостью, Зиверс прекрасно понимал с самого начала. Он полагал, что создал военную основу для дальнейшего существования Аненербе, проявив чрезвычайное рвение в Южном Тироле. Но эта основа держалась на деятельности всего лишь нескольких фигур. В «Германском научном действии» это были Зиверс, Шнайдер, Керстен, а в 1941 году к ним прибавился Швальм. С точки зрения Зиверса, этому служили и «особые задачи», которые были поставлены перед Янкуном. Имперского руководителя исследовательского общества даже не смущал явный недостаток персонала, он хотел добиться только одного: чтобы Аненербе ассоциировалось со службой в частях СС (недаром для отдела он подобрал военное словечко «действие»). Он очень боялся, что его люди будут отправлены на фронт, и хотел их сохранить, не привлекая к себе внимания имперских служащих и даже рейхсфюрера СС. Чтобы создать из своих подчиненных «Германское научное действие», ему пришлось преодолеть далеко не одну трудность. Профессор Рихард Вольфрам, выполнявший особые поручения при частях СС, подвергался острой критике со стороны Зиверса за то, что не пожелал оставить преподавательскую деятельность в Венском университете. Зиверс не мог понять, почему Вольфрам, столь необходимый в ГВЕ, изнурял себя какой-то лекторской работой? В итоге он ультимативно заявил: «Мы не для того не посылаем его в воинские части [на фронт], чтобы он игнорировал наши задачи!»

Можно подумать, что Зиверс инсценировал гастроли на чужих подмостках только с одной целью — сохранить то положение, которого он достиг до войны. Именно поэтому в годы войны он занимал не по одному посту: в начале 1943 года, находясь на вершине своей карьеры, одновременно был руководителем Аненербе, главой комиссий в Южном Тироле, на Кавказе, «германских» странах. От его экзальтированного оптимизма, с которым он взялся за создание норвежского журнала «Хаммер», пострадали только его подчиненные. Справедливости ради скажем, что журнал увидел свет только благодаря его неимоверному упрямству. Желание завладеть все новыми и новыми сферами деятельности привело к тому, что «военные» структуры исследовательского общества обособились от Аненербе, став по сути самостоятельными организациями. Это обозначало лишь одно — СС не могли справиться с той полнотой власти, которую они получили в «германских» странах, Южном Тироле, Польше, России. Все это вызвало только раздражение у представителей вермахта и ряда имперских министерств, настраивая их против СС.

Зиверс не мог не понимать, что завоевал себе базу в Больцано, а также наилучшим образом выполнял внутрипартийные пропагандистские цели только благодаря своему легендарному упорству. Последнее в первую очередь относилось к «Германскому научному действию». Этот полуобразованный штандартенфюрер СС, еще до войны получивший в свои руки многие культурно-политические нити Третьего рейха, не собирался отпускать их во время войны. Выйдя далеко за рамки Германии, он занимал важные позиции, которые не успели достаться другим национал-социалистическим подразделениям. Можно сказать, что к 1943 году он построил потемкинские деревни, проект фасада которых был изложен на страницах предвоенного памятного издания.

Чтобы еще ярче показать, что сложившаяся структура была не более чем фикцией, приведем несколько примеров. Например, подразделение «Германского научного действия» в Швеции представлял граф Оксенштирна. Несмотря на то что этот историк находился в постоянном контакте с руководством «Наследия предков», в Швеции (нейтральной стране) он оставался всего лишь частным лицом, так как здесь не было официальных подразделений СС и Аненербе. Подобное можно было сказать и о докторе Роуффе, швейцарском националисте и специалисте в области генеалогии. В конце 1942 года он начинал сотрудничество с Аненербе, а в 1943 году Зиверс даже рассматривал его фигуру в перспективе развития нидерландского филиала. Но было решено оставить его в Цюрихе, и в 1944 году имя Роуффа фигурировало уже в качестве представителя «Германского

научного действия» в Швейцарии. Существовали мифические филиалы ГВЕ во Франции и Валлонии, которые значились только на бумаге, являясь своего рода надстройкой к бельгийскому отделению «Германского научного действия». Активная деятельность, которая изображалась «Германским научным действием», на деле оказалась более чем скромной.

Глава 7
НАУКА И ВОЙНА

Когда после войны Вальтер Вюст заявил, что в критические военные годы Аненербе фактически утеряло свой гуманитарный характер, он был не так уж далек от истины. Удивляло другое, то, что он согласился в 1940 году с предложением Зиверса заморозить на время боевых действий деятельность большей части гуманитарных отделов. Не существовало единых критериев для того, чтобы отделы продолжали свою деятельность или заморозили ее; руководители «Наследия предков» импровизировали, используя при необходимости любой удобный повод, с тем чтобы получить новое задание либо же законсервировать один из отделов. Но в свете общей неразберихи, с которой столкнулось Аненербе в начале войны, оставлять часть из них действительно было бы нелогично. Мнение о том, что необходимость обеспечивать военно-политические задачи войны вынудило Аненербе выполнять второстепенные работы, в корне неверно. Конечно, сразу же после начала войны Зиверс распорядился приостановить исследования нескольких отделов. То, что руководство общества и даже сам Гиммлер были озабочены сохранением Аненербе, давало определенные надежды главам отделов на сохранение собственных мест. Но все равно чувство неуверенности не покидало их. Так, в сентябре 1939 года один из них писал: «Издан циркуляр, в котором, с одной стороны, говорится о прекращении или ограничении, а с другой стороны, о продолжении работ отдела. Это была полностью противоречивая бумага, из которой ничего нельзя было понять».

Тогда это было не просто недоразумение, а специальная тактика, разработанная верхушкой «Наследия предков» — держать в неведении отдельных сотрудников, пока окончательно не решится судьба их подразделения. Надо сказать, что реальные поводы для жалоб имели только отдельные функционеры. Принцип, провозглашенный Гиммлером, предполагал, что естественно-научные отделы автоматически признавались «военно-значимыми», а гуманитарные — только после индивидуального отбора. Теперь перед Аненер-

бе обозначились две основные проблемы: кадровая и финансовая. Проблемы с сотрудниками были наиболее сложными. Если функционер не получал броню в «Наследии предков», то он автоматически признавался военнообязанным. Но и здесь можно было исправить ситуацию. Даже если кто-то был призван в вермахт или в части ваффен СС, то он мог быть прикомандирован к «Особой службе СС — Аненербе». Так и произошло с гуманитариями: Вольфрамом, Швайцером, Рудольфом, в услугах которых нуждались в Южном Тироле.

Даже тех, кто попадал на обыкновенную воинскую службу, пытались по возможности использовать в интересах Аненербе. Плассманн, бывший редактором «Германии» и начальником детмольдского отдела, из-за ранения, полученного в годы Первой мировой войны, был признан ограниченно годным к воинской службе. В июне 1940 года он перешел в службу постоя и переехал во Францию, где реквизировал архивы и библиотеки из замков на севере страны. В декабре 1940 года он продолжил выполнять эти задачи уже в качестве гауптштурмфюрера СС айнзатцгруппы «Вест», находившейся под командованием штурмбаннфюрера Кнохена. Позже к специалистам айнзатцгруппы присоединилось подразделение оккупационной администрации Франции, занимавшееся «защитой» архивов. Здесь Плассманн занимался реализацией нового проекта «Наследия предков». Он пытался изучать историю Вестфальского мира. Но вскоре проект был заморожен, а сам Плассманн переведен архивариусом в Люксембург. В 1941 году он возвращен в Берлин.

Единственный, кто действительно пострадал — заведующий отделом по изучению письменности и символики, штурмбаннфюрер Карл Теодор Вайгель. Он наивно полагал, что его деятельность является очень важной, а потому достойна более щедрого финансирования. К этим выводам он пришел, так как в течение долгого времени пользовался расположением рейхсфюрера (этому способствовала его успешная деятельность в Экстернштайне). Он продолжал руководить этой эсэсовской святыней даже после ее «закрытия» осенью 1939 года. Офицеры СС и вермахта продолжали посещать ее чуть ли не ежедневно. Пришлось даже ввести ставку штатного фотографа, так как почти все посетители желали сфотографироваться на фоне «сакральных» скал.

Когда проблема с кадрами была решена, можно было попробовать решить финансовый вопрос. Отдельные гуманитарные отделы без каких-либо проблем продолжили свое существование, так как им требовалось всего лишь несколько сотрудников. Профессора Вюст и Дирльмайер, как и ранее, преподавали в Мюнхенском университете, а Гармянц во Франкфурте. Учитывая скудные поступления в кассу Аненербе, подобный шаг позволял переложить исследова-

тельские расходы на плечи университетов. О том, какое скромное финансирование требовалось гуманитариям, говорил пример отдела Дирльмайера. Греческому сектору отдела классической филологии ежемесячно требовалось 10 рейхсмарок и ставка переводчика с греческого языка!

Что же происходило с другими функционерами Аненербе? В марте 1940 года Отто Хут для проформы был призван в армию и тут же комиссован. Похоже, он был приписан к ваффен СС, расквартированным в Тюбингене, где он, получив степень доцента всеобщей религиозной истории, занимался преподавательской деятельностью (зарплата в «Наследии предков» была гораздо меньше преподавательского оклада). После завершения своей миссии в Тироле Вольфрам, Швайцер и Рудольф вернулись в Германию, где продолжали получать зарплату как сотрудники аппарата имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Чтобы не оказаться призванными в армию, они обрабатывали тирольские материалы (Вольфрам занимался этим в Вене, Швайцер — в Диссе, Рудольф — в Брауншвейге). До конца войны не возобновили свою деятельность только три отдела: отдел геральдики и родовых эмблем (Карл Руппель), отдел по изучению народных легенд, сказок и саг и отдел индогерманских и финских культурных связей (Ирье фон Грёнхаген). Причем отделы Руппеля и Грёнхагена были закрыты вовсе не по хозяйственным соображениям, а по причине того, что их руководители не имели академического образования. Отдел изучения сказок был закрыт, потому что его новый начальник, доктор Май, был призван на воинскую службу.

В 1941 году «Наследие предков» смогло извлечь максимальную пользу из провозглашенной правоведом Паулем Риттербаумом программы «Военного использования гуманитарных наук». Идею подобной программы Риттербауму подбросил руководитель управления W (наука) Имперского министерства воспитания Ментцель, который заявил, что единственной и первоочередной задачей того момента должен был являться разрыв с миром духовных ценностей противника. Но даже подобная постановка задачи не дала возможности гуманитарным наукам занять достойное место. Нельзя отрицать, что эта идея была восторженно встречена в немецких университетах и академиях, так как она была удобным предлогом, чтобы продолжить гуманитарные исследования. Аненербе не было исключением — ведь многие гуманитарии были вынуждены заниматься прикладными исследованиями, а некоторые вообще оказались непригодными в условиях войны — в подобной ситуации на достойное финансирование гуманитарных проектов рассчитывать не приходилось. К первой группе можно отнести таких ученых, как Квель-

мальц, Вессели, Шмидт-Рор — их работа в октябре 1939 года (какая оперативность!) была признана важной для военной политики.

Бруно Швайцер, призванный на фронт. Фото из военного паспорта

Музыковед Антон Квельмальц в качестве сотрудника Берлинского государственного института немецких музыкальных исследований в начале 1940 года был прикомандирован к южнотирольской комиссии Аненербе, чтобы на месте заниматься изучением тирольской народной музыки. После того как он был назначен сотрудником аппарата имперского комиссара по укреплению немецкой народности, Вюст сделал ему предложение стать сотрудником «Наследия предков». Вюст планировал, что после войны в Аненербе будет создан отдел по изучению индогерманской музыки. После того как вступила в действие программа «военного использования гуманитарных наук», Зиверс в 1942 году начал зондировать почву, чтобы сделать музыкальные исследования задачей, пригодной для военной политики. В ответ отзывчивый Риттербаум наивно порекомендовал использовать Квельмальца, который в 1941 году попал в справочник наиболее влиятельных членов НСДАП («Книга лидеров»). Планировалось, что он станет заниматься германистикой с точки зрения музыки. В июне 1943 года имперский руководитель общества Зиверс еще раз подчеркнул значимость музыкальных исследований Квельмальца — отдел народной музыки (так он именовал структуру, которую надо было создать) должен был решить ряд задач, поставленных Гиммлером в роли имперского комиссара. Среди них Зиверс особо выделял следующие: обработка материалов, привезенных из Южного Тироля и Готтшее; формирование фонотеки народной музыки всех германских и немецких народностей, в которой особый акцент делался на немцах, находившихся за пределами Германии. В том же 1943 году Квельмальц был формально провозглашен начальником нового отдела Аненербе, а его группа по изучению индогерманской культурной истории была включена в деятельность программы «военного использования гуманитарных наук». Годовой бюджет нового отдела составлял 20 тысяч рейхсмарок, которые выделялись Немецким исследовательским обществом и аппаратом имперского комиссара. Поначалу Квельмальц совмещал работу в «Наследии предков» и преподавание в Берлинском университете, но это длилось недолго — он был переселен в лагерь

Вайшенфельд, где жил до 1945 года, занимаясь обработкой тирольских материалов «культурной комиссии».

Решением политических задач занимался обершарфюрер, а позже унтерштурмфюрер СС Курт Вессели, который в феврале 1942 года возглавил в Аненербе сектор по изучению «военных границ». Эти работы были обусловлены идеей Гиммлера о военных крестьянских поселениях, которые должны были с востока защищать «среднеевропейское немецкое жизненное пространство». Вессели как знаток пограничной политики должен был подобрать необходимые исторические параллели. В качестве объекта для изучения он взял два русских примера: казачьи поселения и идею Аракчеева о военных поселениях, где бы жители занимались и военным обучением, и сельскохозяйственными работами. Это был ярчайший пример того, как в СС понимали прикладные исторические исследования. На свои исследования Вессели ежемесячно получал 150 рейхсмарок (скажем честно, сумма весьма небольшая).

Осенью 1942 года Вальтер Вюст с определенной опаской назначил руководителем только что созданного отдела прикладной лингвистической социологии Георга Шмидт-Рора. Последний получил от Гиммлера личное задание, которое должен был выполнять, работая в рамках Аненербе. Оно не носило научного характера, так как ему вменялось в обязанность разработать практические мероприятия в сфере «новой народной политики». До сих пор неясно, что конкретно предлагал Шмидт-Рор. Видимо, под лингвистической социологией он понимал непосредственную функциональную связь между языком, народом и политикой. Итогом его псевдонаучной работы стала идея создания под патронажем Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности «тайных политико-лингвистических управлений». Но уже тогда ни у кого не вызывала сомнений подозрительность новой «научной» дисциплины. Зиверс в узком кругу не раз сетовал на псевдонаучность лингвистической социологии, но на людях он изображал из себя ярого приверженца расовой идеи. Хотя от Гиммлера вряд ли могло укрыться, что имперский руководитель общества еще в 1932 году в своей работе поставил под сомнение научность термина «раса».

Начальником нового отдела был назначен человек, известный в определенных кругах под несколькими именами. Сам он с 1930 года именовал себя Георгом Шмидт-Рором. Эта фамилия в 1937 году стала его официальным именем. Этот человек родился в 1890 году. Его отец носил имя Рихарда Шмидта. Вторую часть фамилии Георг позаимствовал у своей жены, Рут Рор, с которой сочетался браком в 1919 году. Сам Георг с юности проявлял интерес к общественной жизни. В 1907 году он становится активным участником молодеж-

ного почвеннического движения «Перелетные птицы» («Вандерфогель»). В этой организации он даже стал руководителем среднего звена. Его опыт работы с молодежью пригодился в годы Веймарской республики, когда Георг Шмидт был приглашен в правительство в качестве консультанта по вопросам молодежных организаций. Но известностью и своей карьере он был обязан совершенно другим обстоятельствам. Один из молодых ветеранов мировой войны, он был одержим идеями переустройства мира. Вместе со своим однополчанином Георг пишет в 1917 году научно-пропагандистскую работу, предназначенную для русских оккупированных территорий. Эта работа носила весьма пророческое название: «Что надо делать, чтобы предотвратить наступающую революцию?» В ней молодой автор предполагал использовать лингвистику в практических политических целях. Общественная активность и новаторские наработки не позволили ему сгинуть в круговороте событий Веймарской республики. В начале 20-х годов Георг Шмидт-Рор принимал активное участие в деятельности Прусского министерства по делам образования и религии. В 1926 году он внес свой вклад в учреждение Немецкой педагогической академии. В 1932 году он опубликовал свою монографию «Язык как изобразительное средство нации». Но после прихода нацистов к власти тон и акценты в этой работе пришлось очень сильно изменить. Теперь эта работа называлась просто «Родной язык». Но подобный оппортунизм не принес Георгу Шмидт-Рору успеха. Книга подверглась ожесточенной критике со стороны нацистов. Не спасло Георга даже заступничество Карла Хаусхофера и Гуго Брукманна, людей, которые во многом содействовали нацизму на стадии его зарождения. Почти десять лет Георг жил в безвестности. В этой связи шаг, который предпринял Гиммлер, назначив в 1943 году Шмидт-Рора начальником одного из отделов «Наследия предков», более чем удивителен. Жизнь его оборвалась в 1945 году во время уличных боев, в которых Шмидт-Рор принимал участие в качестве начальника одного из подразделений фольксштурма — народного ополчения, создаваемого в последние дни Третьего рейха.

До нас дошло несколько документов, посвященных деятельности отдела прикладной лингвистической социологии. В чем же состояла идея этой новой науки? Какие задачи надлежало выполнить Шмидт-Рору в рамках эсэсовского «Наследия предков»?

Сам этот исследователь предполагал, что язык и письменность являлись не менее эффективным оружием, чем танки и пушки. Просто воздействие этих лингвистических факторов было более опосредованным, неявным. Немецкий язык представлялся ему важным средством для укрепления «Новой Европейской империи». Для

него немецкий язык являлся средством коммуникации между представителями различных национальностей, которые встали под знамена Гитлера. Именно немецкий язык должен был связать воедино добровольцев из Голландии, Украины, Латвии, способствуя формированию нового европейского пространства. Использование немецкого языка на оккупированных территориях как основного средства общения должно было подорвать сопротивление недовольных. Более того, в «германских» странах (Фландрии, Норвегии, Бельгии, Голландии) он должен был спаять воедино народы этих местностей. Постепенно положение немецкого языка как главенствующего должно было автоматически привести к складыванию новой народной общности.

Если обратиться к примеру, близкому для нас — лингвистической политике на оккупированных российских территориях, — то Шмидт-Рор предлагал целый ряд мер, начиная от выработки специального германизированного шрифта и алфавита, заканчивая установлением специфической языковой морфологии. Или другой пример. Английскому языку, как всемирному политическому фактору, предполагалось объявить форменную войну. Победа в этой лингвистической войне должна способствовать закату и крушению Британской империи.

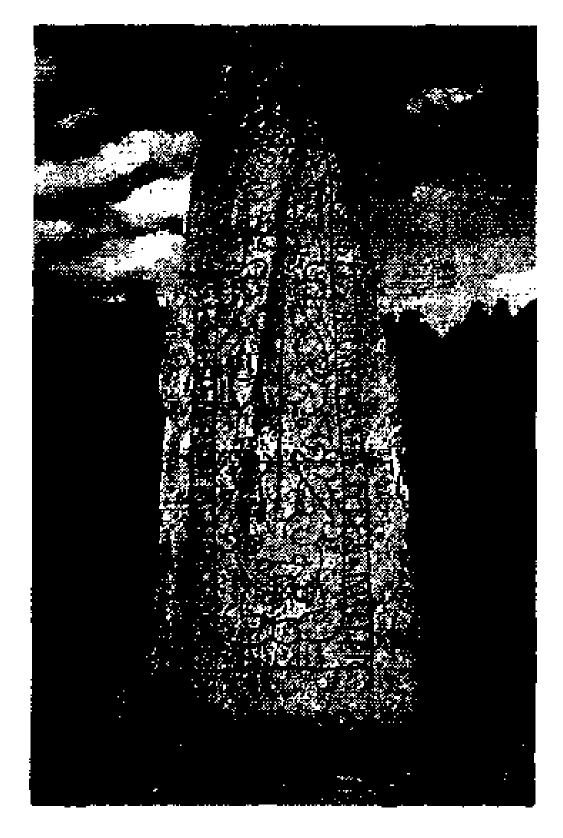
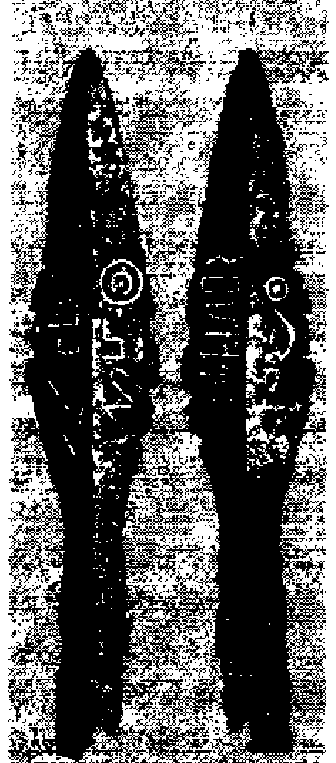
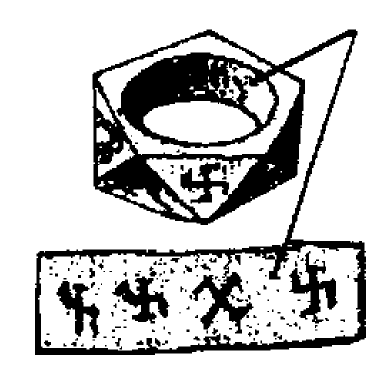
Руководство этим глобальным процессом должны были осуществлять уже упоминавшихся «тайные политическо-лингвистические управления». В недрах этих учреждений должна была разрабатываться тактика «лингвистических боев». Но если кому-то из читателей показалось, что вся деятельность отдела прикладной лингвистической социологии сводилась исключительно к языковедческим задачам, то это неверно. Утверждение немецкого языка на просторах Европы было всего лишь средством для изменения менталитета, сущности европейских народов. Если выражаться современным языком, то отдел Георга Шмидт-Рора должен был осуществлять некое подобие политического нейролингвистического программирования (НЛП), обращенного на территорию всей Европы.

Очевидно, что необходимость проведения вышеупомянутых исследований определял лично рейхсфюрер СС, а стало быть, от них нельзя было просто отмахнуться. Также очевидно, что научная ценность этих работ падала прямо пропорционально тому, насколько они были важны для военной политики. Но для «Наследия предков» это не было новшеством. В годы войны стала господствовать тенденция, которая проявилась еще до 1939 года — отдавать предпочтение практическим исследованиям, отодвигая на второй план их чисто научный аспект. Но с другой стороны, как ни парадоксально, именно после 1941 года к Аненербе присоединился целый ряд

выдающихся ученых. Этот факт очень просто объяснить: ученые мужи не горели желанием оказаться на фронте, а потому рассматривали исследовательское общество Генриха Гиммлера как своего рода броню, которая не только спасала от военной службы, но и давала возможность продолжить свои изыскания. Парадокс исчезает, когда становится видно, как работа корифеев служила политическим целям СС. Вюст и Зиверс же видели в этих ученых, которых не спасли их кафедры от призыва в армию, залог того, что после войны «Наследие предков» смогло бы стать подлинно ученым обществом с высоким академическим статусом.

В 1942 году начальником отдела индогерманской и немецкой истории права был назначен гёттингенский правовед Вольфганг Эбель. В принципе, он занял место, на которое давно претендовал его коллега Карл Август Экхардт. В годы войны этот пост ему и не мог достаться, так как еще в 1937 году между ним и Гиммлером возникло недопонимание, а в последующем их отношения серьезно испортились. Тем не менее с октября 1939 года Гиммлер пытался настоять на том, чтобы Экхардту был передан отдел Руппеля (геральдика). Но не всегда мнение Гиммлера было решающим. В одном разговоре в марте 1940 года Зиверс открыто заявил, что о передаче закрытого тогда отдела не могло быть и речи. Вюст тоже не испытывал вострога от личности Экхардта. В 1944 году он подверг жесткой критике изданные им в Институте немецкого права книги юриста Рудольфа Мейснера. Вюст заявил, что отвратительный язык этих работ только подрывает авторитет Аненербе. В результате этого Гиммлер принял компромиссное решение освободить «Наследие предков» от неугодного юриста и поручить ему изучение германского семейного права в рамках подготовки «военных крестьянских поселений».

Не повысило престиж Аненербе и создание отдела средневековой латинистики, главой которого был назначен именитый мюнхенский ученый Пауль Леманн. Это назначение удивило многих, так как этот исследователь был известен как старый недруг Й. Плассманна. Леманн начал свое сотрудничество с Аненербе в феврале 1942 года, а уже в мае того же года стал «действительным членом» исследовательского общества. Почти тогда же Гиммлер предложил гамбургскому профессору Рихарду фон Кинле возглавить отдел индогерманской лингвистики и культурологии. Политическую подоплеку имело и другое назначение. Берлинский исследователь Людвиг Мюльхаузен стал начальником отдела этнических исследований кельтов (в свое время Вюст планировал слить Институт кельтологии с Имперским университетом в Страсбурге). Политический аспект подобного шага заключался в том, что руководство СС планировало

Древние ритуальные символы и руны

выработать имперское мышление не только у германских народов, но и у других наций Запада. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кельтский отдел Мюльхаузена финансировался Имперским комиссариатом по укреплению немецкой народности. Кстати, из этих же средств финансировался и отдел Эбеля.

Что двигало этими людьми, когда они решили вступить в Аненербе, однозначно сказать нельзя. Можно выделить два основных мотива: во-первых, желание получить эсэсовскую «крышу», что было актуально и до войны, а после 1939 года стало для многих задачей № 1; во-вторых, чисто меркантильные соображения. Последнее было весьма злободневным, так как в годы войны гражданское население Германии бедствовало. Примеров можно было бы привести множество, но наиболее ярким является случай Вольфганга Краузе.

Всемирно известный специалист по изучению рунической письменности был принципиальным противником дилетантизма в изучении этого вопроса (в то время дилетантов в этой сфере было предостаточно). Финансовые обстоятельства заставили его закрыть собственный Институт рунических исследований. В январе 1940 года он предложил Вюсту влить структуру своего института в состав «Наследия предков». Ответ Вюста был более чем обнадеживающим. С этого времени детище Краузе фигурировало в документах как Центральное ведомство рунических исследований при исследова-

Элита СС пыталась создать не только грамотных национал-социалистов, но и сформировать «новое дворянство», для которого знание древних символов должно было стать как теоретической, так и практической базой для воплощения своей власти над миром

тельском обществе «Наследие предков». В начале 1943 года Краузе возглавил отдел изучения рун. Показательно, что одновременно с ним действовал отдел по изучению письменности и символики, возглавляемый Вайгелем. Эти два отдела были схожи только внешне. На самом деле Краузе пытался проводить свои исследования в строго научном стиле, опираясь на силы собственного института.

То, что Краузе, ученый с мировым именем, согласился сотрудничать с представителями «дилетантской» науки, с которыми он еще недавно боролся, казалось на первый взгляд изумительным. Но это сотрудничество началось гораздо раньше, когда Краузе работал фотографом в «Историческом журнале» и смирился с непрофессионализмом работы Вайгеля «Руны и символы», опубликованной на страницах журнала. Позже он был вынужден согласиться со спорной теорией о том, что символика Экстернштайна носила рунический характер. Когда он стал зависим от Аненербе, он не решался спорить с Вайгелем, так как последний пользовался личным покровительством Гиммлера. Свидетели говорили, что он не раз пытался разорвать отношения с любимцем рейхсфюрера, который в Гёттингене имел репутацию бабника и выпивохи. Но Краузе не бездействовал. Он всячески препятствовал намерениям Вайгеля получить ученую степень. В этом деле ему помогал весьма ревностно относившийся к академическим званиям куратор Вюст. Но попытки

нейтрализовать Вайгеля не всегда были успешными, в конце концов Краузе находился у него в подчинении. Их тандем был более чем странным: с одной стороны — чрезмерное тщеславие и параноидальная склонность к аферам, с другой стороны — высокая эрудированность и тихая скромность подлинного ученого. Вюст и Зиверс понимали абсурдность сложившейся ситуации, но они хотели убить двух зайцев одним выстрелом: обуздать вздорного Вайгеля и приобрести «по бросовой цене» талантливого Краузе.

В настоящее время очень сложно оценить качественный уровень гуманитарных исследований, проводимых Аненербе. Изобилие названий научных работ, которыми оперировал после 1945 года Вальтер Вюст, говорило скорее не о достижениях, во что верил куратор «Наследия предков», а о крушении понятия научной порядочности. Научность отдельных публикаций в калейдоскопе этих работ не вызывала никаких сомнений, например исследование Герберта Янкуна о раскопках в Хайтхабу, которое было издано в 1943 году берлинским издательством Аненербе. Показательно, что Вольфганг Краузе ссылался именно на эту работу, когда объяснял после войны мотивы своего вступления в исследовательское общество рейхсфюрера СС. В 1948 году Краузе заявил, что Вальтер Вюст выбрал такое направление работы, которое ориентировалось прежде всего на ***научные*** исследования, и лишь затем принимало в учет ***политические*** обстоятельства. Во многом этому способствовали постоянные конфликты между Генрихом Гиммлером и Альфредом Розенбергом, что приводило к тому, что «мозговой центр» СС был просто вынужден развивать историческую науку.

На пике войны Розенберг всерьез опасался «титанической» издательской деятельности «Наследия предков». Карл Хайдинг писал в этот период в Институт немецкой фольклористики об ожидаемых у Аненербе двадцати двух книгах. Четыре месяца спустя он снова предупреждал Розенберга о серии этнографических публикаций, в том числе посвященных германскому крестьянскому дому — явный намек на южнотирольский проект Мартина Рудольфа. Несомненно, эксперты Розенберга переоценивали производительность Аненербе. Запланированная тирольская монография, бурно обсуждаемая в исторических кругах, оказалась 47-страничной брошюрой тирольца Георга Иннерэбнера «Солнечный путь и определение времени в жизни древних народов», которая вышла в 1945 году в качестве приложения к журналу «Германия». И хотя эта работа носила сугубо научный, а не политический характер, она явно не соответствовала тем надеждам, которые возлагались на многолетнюю исследовательскую работу в Южном Тироле.

При оценке издательской деятельности сложно использовать количественный критерий. После 1943 года постоянно ухудшающееся положение на фронтах не позволяло издать многие запланированные книги. Это коснулось и исследования подающего надежды химика и историка Вальтера фон Штокара «Древняя история германского домашнего хлеба» (эта работа всеми оценивалась как выдающаяся). Из многочисленных авторов, которые работали в проекте «Наследия предков» «Лес и дерево в арийско-германской духовной и культурной истории», к 1945 году была издана только работа 80-летнего профессора Отто Шлютера «Карта лесов». Да и произошло это только потому, что проект «Лес и дерево» был воскрешен в рамках «Германского научного действия». Не удивительно, что многим авторам приходилось самим искать средства на издание своих исследований.

Период с 1939 по 1945 год в истории Аненербе нельзя назвать ни собственно научным, ни тем более гуманитарным. Раздел «культурной политики» в издательской программе «Наследия предков» являлся заложником политики. Научные «потери» с каждым годом войны становились все более и более существенными. Такие серии, как «Народная культурная политика», «Политические работы» и «Военная наука», ясно говорили о преобладании в них национал-социалистического мировоззрения.

Это относилось также к тем авторам, которые хотя и не имели отношения к «Наследию предков», но публиковались в его издательстве. В самом начале войны Аненербе издало не имевшее никакого отношения к исследовательскому обществу подготовленное Вильгельмом Дайманном «Солдатское завещание Германа Лёнса»[1] (единственная привязка к Аненербе заключалась в том, что книга открывалась предисловием, написанным заместителем Зиверса Фридгельмом Кайзером). В ходе успешной Польской кампании актуальность этой книги была несомненна, так как Дайманн воспевал боевые и героические качества Лёнса, его патриотизм. Политические цели преследовала и книга Эрнста Бергдольца «Карл фон Гебель[2]. Жизнь немецкого исследователя на протяжении 60 лет в письмах 1870—1932 гг.». Примечателен звериный антисемитизм, которым пропитано введение к этой книге: письма Гебеля должны были служить исключительно нордической расовой политике. Были и «остроумные» изыски на политические темы. К таковым можно отнести книги Альберта Бракманна и Карла Александра фон Мюллера. Бракманновская книга «Кризис и восстановление Вос-

[1] Немецкий поэт, автор множества популярных песен.
[2] Известный немецкий биолог.

точной Европы». Всемирная историческая картина» повторяла не только пошлые расистские идеи из «Майн кампф», но выдвигала мысль о ***совместной деятельности России и Германии во имя будущего Восточной Европы*** (идея в духе тайного протокола по разделу Польши). Книга фон Мюллера «Германия и Англия» должна была опровергнуть притязания «атлантической империи».

На фоне этого такие работы, как «Шлезвигский собор и его фрески» Альфреда Штанге, выглядели забавным научным курьезом, а не уродливым порождением военной пропаганды. В этой книге автор ошибочно отнес фрески собора к древнегерманскому периоду, хотя многие из них были написаны гораздо позже.

Но идеологические работы никак не могут снизить ценности чисто научных исследований, которые вышли до 1945 года из-под крыла Аненербе. Большинство из них не печаталось в качестве самостоятельных книг, а размещалось в научных журналах. К таковым можно отнести статьи «Кимвры и руны. Изучение вопроса происхождения рун» Эрики Траутманн-Неринг, «Германские общественные формы» фон Кинле, «Германские ценности и цеховые традиции» Сименса, «Веста. Изучение индогерманского культа огня» Отто Хута. Конечно, в выборе тем и постановке вопроса эти авторы были вынуждены ориентироваться на пангерманизм. Тот факт, что Гиммлер лично подарил автору работы «Словарное исследование «Германии» Тацита Агриколы» Рудольфу Тиллю оригинал книги из имения итальянского графа Баллени, вовсе не снижал ценности этой работы. В этом случае рейхсфюрер СС показал себя с неплохой стороны, выступив своего рода «меценатом», а работа Тилля и после войны оценивалась как выдающееся филологическое исследование. Косвенным результатом покровительства Аненербе стало появление филологической работы Юлии Кершенштайнер «Платон и Восток», которая хотя и не была издана ни в одной книжной серии «Наследия предков», но увидела свет после войны в Штутгарте. В 50-х годах Франц Дирльмайер утверждал, что она была написана только благодаря щедрости Аненербе. В годы войны Кершенштайнер была аспиранткой Дирльмайера и по его совету, подобно Тиллю, Краузе и Янкуну, продолжила свою «тихую» работу в исследовательском обществе Гиммлера. Эта «тихая» работа не раз приводится в качестве аргумента начала активного сотрудничества с Аненербе. Генрих Гиммлер смотрел сквозь пальцы на такие вольнодумные работы Альтхейма, как «Внеримский мир», «Италия и Рим», которые печатались еще до начала войны в Голландии.

Полную противоположность ученым, свободным от предрассудков, представляли такие исследователи, как Плассманн, которые наложили на Аненербе отпечаток не только «мозгового центра» СС,

но «колдовской лаборатории» нацизма. Редактор «Германии» всегда придерживался расовой и завоевательной политики. При этом если вначале он пытался придать своему журналу анахроничный германский вид, то в годы войны он напрочь «забыл» о своих позициях. Он стал обнаруживать в себе склонность к народной истории, постепенно превратившись в одного из ведущих нацистских пропагандистов истории (естественно, в соответствующем понимании этой науки). В октябре 1940 года он опубликовал передовицу в «Германии» — «Германская миссия и пути ее выполнения», в которой строил свои выводы на примерах германцев и римлян, не забывая критиковать маршала Геринга, который постоянно бомбил Англию. Постепенно этот, с позволения сказать, исследователь отошел от тем «завершения войны против Англии» и «большевизма в Балтии», пытаясь заняться вопросами религиозного и мифологического характера. Его книга «Годовой цикл», посвященная борьбе, смерти и вопросам крови, по мнению Зиверса, могла бы способствовать переходу от христианских позиций к нацистскому мировоззренческому мышлению и должна быть рекомендована для фольксдойче, перемещенных Имперским комиссариатом по укреплению немецкой народности. Далее Плассманн разработал антологию германских исторических тем, которые он предложил всем издателям для опубликования. В них освещались события в жизни немецкого народа за последние 300 лет. После войны Плассманн утверждал, что никогда не был антисемитом и даже позволял себе делать критические замечания по поводу антисемитизма нацистов, а в свастике, по его словам, он видел всего лишь древний германский символ. Вершиной абсурдной деятельности гауптштурмфюрера Плассманна стала работа «Честь как обязанность, выдвигаемая историей». Само название хитро обыгрывало девиз СС «Моя честь — моя верность», но после войны Плассманн наотрез отрицал это. В предисловии он говорил о «традициях и народе», «германском имперском мифе», жившем в немецкой душе, об «освоении восточного пространства» и «фюрере немецкого народа», который железной рукой решил судетский вопрос. Гиммлер, прочитавший эту книгу, изрек, что автор пошел по пути излишне сложных параллелей. После крушения рейха Плассманн так и не смог стать историком и реализовать свое пристрастие к Средневековью. Его работа «Принцип и популис: свита в структуре государства Оттона», появившаяся в 1954 году, была подвергнута жесткой критике, так как она повторяла нацистские идеи о «вожде и свите». Нацистское прошлое ему не смогли простить, а потому даже в конце 50-х годов он не вернулся к преподавательской деятельности, хотя такие талантливые медиевисты, как Гульт Бойман и Вальтер Штах, частенько цитировали его.

Большей загадкой, чем Й. Плассманн, чей тернистый путь в начале 30-х годов вряд ли кто мог предсказать, был Вальтер Вюст. Мюнхенский ученый, который, пытаясь спасти Аненербе от засилья дилетантов, взял на себя ответственность руководить исследовательским обществом, не смог проявить себя в годы войны как исследователь. Он был профессором, а когда в 1941 году стал ректором, то читал в университете более чем консервативные лекции, которые больше напоминали старый академический стиль. Сам Вюст не был профессором типа Эрнста Крика, чьи сентенции обильно использовались в нацистской идеологии и пропаганде. С Вюстом все было гораздо сложнее, его поведение было крайне противоречивым. С одной стороны, мы видим молодого талантливого ученого, который рано добился научного признания. Его первым научным вкладом стал всеобъемлющий этимологический словарь, в котором Вюст весьма критично подошел к отбору источников и литературы. С другой стороны, мы видим эсэсовского функционера, который быстро поднялся по служебной лестнице и даже почти порвал со своей академической деятельностью. Он был беззаветно предан режиму, в котором играл далеко не последнюю роль. С одной стороны, Вюст был инициатором очистки «Наследия предков» от дилетантов (Вирт, Руппель, Грёнхаген). Он установил тесные связи с такими талантливыми консервативными учеными, как Дирльмайер, Альтхейм, Тилль, Леманн, Эбель, Краузе. С другой стороны, Вюст был офицером СС, который самоотверженно служил рейхсфюреру и сожалел в 1941 году, что перестали печататься важные мировоззренческие манускрипты. Многие его коллеги, например тот же Краузе, с готовностью защищали его после войны, заявляя, что он пытался не допустить до печати работы, вышедшие из-под пера сомнительных авторов (тем более что сам Краузе в годы войны не издал ни одной работы). В свете этого более чем удивительно, что имя Вюста оказалось рядом с именем Плассманна в списке тех, кто должен был заниматься мировоззренческим и пропагандистским обеспечением военной политики. Пожалуй, решающее значение здесь имел тот факт, что Вюсту было поручено подготовить памятное издание, посвященное Рейнхарду Гейдриху.

Во время похорон Гейдриха, который погиб от рук чешских партизан, Гиммлер произнес на его могиле помпезную речь. В личном разговоре с Вюстом референт рейхсфюрера Рудольф Брандт заявил, что это была лучшая речь, которую мог дать такой повод. Вюст пошел еще дальше, решив увековечить ее как пример блестящей похоронной речи с точки зрения литературы и стилистики. Его задумка состояла в том, чтобы «ликвидировать несправедливость в отношении светлого образа убиенного, который обладал редкостным ин-

стинктом находить и ликвидировать врагов партии и государства». Как видим, Вюст сам не брезговал национал-социалистической публицистикой. Он тут же подобрал шесть речей (в 1943 году он расширил их число до семи), в которые входили пресловутая речь Гиммлера и высказывания Гейдриха. В послесловии к памятному изданию Вюст патетично писал, что он пытался «постигнуть вечность» с помощью научно выверенной веры (!!!) в немцев, германцев, арийцев, индогерманцев как источника жизненной энергии (типичная стилистика «Германского научного действия»). Рейхсфюрер СС, с которым Вюст обсуждал идею памятного издания, посоветовал профессору издать серию произведений индогерманских мыслителей, которая открывалась бы Заратустрой, Буддой и Периклом, а заканчивалась Фридрихом Великим, Фихте и Ницше. Все это должно было обильно приправляться антисемитскими и расистскими цитатами из Гитлера. Подобную сомнительную научность продемонстрировала брошюра «Япония и мы», которая представляла собой речь штандартенфюрера Вюста на открытии 30 апреля 1942 года в Мюнхене немецко-японского общества. Она не имела ничего общего с наукой и пестрила мировоззренческими и политическими фразами.

Рейнхард Гейдрих, шеф РСХА, имперский протектор Богемии и Моравии, погиб от рук чешских партизан

После войны, в 1964 году, Вюст сообщил, что такие дисциплины, как исследование символики, при его кураторстве развивались в строго научном направлении (в чем исследователи сейчас очень сильно сомневаются). Он напоминал некие взаимосообщающиеся сосуды: приобретя научную известность в молодости, он ударился в политику; став эсэсовским функционером, он пытался придать Аненербе академический статус. Причем он ясно осознавал, что статус академической структуры давал гораздо больше, нежели ее академическое содержание.

Небесспорна и «защитная» функция «Наследия предков», которой якобы воспользовалась Юлия Кершенштайнер. В этом случае можно согласиться с выводом комиссии Гельмута Леманна, что эсэсовские эксперты всегда выдавали желаемое за действительное. Научная деятельность *всегда* смешивалась с политикой. Также бесспо-

рен тот факт, что в годы войны за фасадом гуманитарных исследований скрывались расовые и медицинские изыскания, которые базировались на естественно-научных дисциплинах.

В годы Второй мировой войны большое политическое значение уделялось именно расовым исследованиям, которые в рамках СС были обозначены как отдельная наука — «расоведение». Гиммлер давно увлекался вопросами расовой политики — теперь такую необходимость ему диктовал пост имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Поэтому нет ничего удивительного, что подобные задачи нередко ставились перед «Наследием предков»: интерес рейхсфюрера СС к биологической антропологии рос от года к году. Бывший птицевод пытался разработать и внедрить новые формы сохранения и селекции немецкой расы. Его мысли об очистке расы восходили корнями к идее об «избавлении от неарийской» (изначально еврейской) крови. Селекционное объединение «Лебенсборн» было обратной стороной медали лагерей уничтожения типа Освенцима. Изначально «Лебенсборн» должен был помогать незамужним женщинам рожать и выращивать детей. Личный врач Гиммлера Керстен привел его к мысли, что «отцами-производителями» этих детей должны были быть исключительно выдающиеся и расово полноценные мужчины. Эти функции предполагалось вменить им в обязанность после окончания войны. Размножение германского человека выходило за все мыслимые рамки — моральный аспект напрочь отсутствовал в этой идее, в ней господствовал чистый биологизм. Гиммлер, сам отец двух незаконнорожденных детей, поручил разработку этого селекционно-политического проекта Аненербе. Многие обращали внимание на его порнографический акцент, который, несмотря на ханжество обывателя в Третьем рейхе, был присущ Генриху Гиммлеру. Глава СС, опираясь на генетику, даже пытался выступить теоретиком сексуальных отношений. Его вдохновляли не только слухи о якобы проводившемся в СССР искусственном оплодотворении женщин. Наиболее яркой фантазией на эту тему, которую нельзя считать нормальной, было его представление о том, что в древности у германских народов существовал обряд отдавать девочек на выданье в село, где они проходили инициацию, совокупляясь с сельскими юношами на могилах предков.

Задачи, которые ставил Гиммлер в этой связи, были не столько абсурдными, сколько извращенными. Он лично распорядился, чтобы Аненербе сотрудничало с «Лебенсборном» в рамках изучения темы «Правовые аспекты древнегерманских обрядов в области брака». Эта внешне безобидная тема должна была содействовать появлению незаконнорожденных детей. Сам Гиммлер наотрез отрицал тради-

ционный взгляд, что среди незаконнорожденных равное количество талантливых и бездарных детей. Желая внедрить свой тезис в массы, он распорядился, чтобы в «Наследии предков» было подготовлено исследование с длинным и странным названием «Жизнеописание великих людей, которым обязана Германия и Европа, которые имели внебрачное происхождение, либо были поздними детьми в многодетных семьях». Следуя за своими бредовыми идеями и субъективными симпатиями, он пытался вырастить в «Лебенсборне» тип человека, обладавшего греческим носом, а Аненербе должно было объяснить, почему у этого типа именно греческий нос и откуда он появился в Германии. Он даже предлагал рекрутировать в ваффен СС людей именно с таким профилем, что должно было упростить задачу изучения их физических и умственных характеристик.

Поначалу Аненербе должно было заниматься изучением этой проблематики совместно с Главным управлением СС по вопросам расы и поселений. Несмотря на то что Аненербе имело неплохой потенциал, ее расовые разработки не приобрели широкой известности. Этому способствовало то, что в тот момент в СС было уже достаточное количество специалистов, занимавшихся подобной работой. Сложные взаимоотношения РуСХА и «Наследия предков» мы рассматривали в начале нашей книги. Результатом многочисленных организационных перестановок стало то, что к 1939 году Аненербе смогло приобрести уже существовавший отдел биологии во главе с австрийцем Вальтером Грайте. Но эта структура не смогла стать центром воплощения селекционных идей рейхсфюрера СС. Причина этого крылась вовсе не в том, что он не понимал поставленных перед ним задач — их он определял вполне в эсэсовском стиле: «борьба за существование, связанная с вопросами отбора, взаимодействия наследственности и окружающей среды». Грайте выпал из поля зрения Гиммлера после того, как он провел удачную унификацию немецких биологов в «Имперский союз биологии». По мнению его коллег из Аненербе, Грайте не хватало многих человеческих качеств (каких конкретно, они не уточняли), а потому в 1942 году он был снят со своего поста. С этого времени отдел биологии, который с первых дней существования был признан «военно-значимым», оставался без начальника. В качестве замены Грайте рассматривали профессора биологии Роланда Вебера, занимавшего пост руководителя «Имперского союза биологии». Но реальная судьба этого поста начала обсуждаться только в конце февраля 1944 года, а затем было решено отложить этот вопрос до окончания войны.

Чтобы как-то выйти из тупика, в 1941 году Аненербе сближается с Институтом генеалогии и демографии им. кайзера Вильгельма, действовавшем при исследовательском психиатрическом мюнхен-

ском обществе. Директор института профессор Эрнст Рюдин, один из инициаторов и разработчиков закона о предотвращении наследственно больных поколений, казался Гейдриху недостойным для принятия в СС, а потому отношения между этими персонажами не сложились. Отсутствие у Аненербе опыта проведения каких-либо расовых исследований привело к тому, что в соответствующих отделах преобладали популяризаторы, а не научно подготовленные кадры. Доктор Отто Рёсслер, с ранней юности являвшийся фанатичным нацистом, до войны работал ассистентом у Отто Хута в отделе индогерманской религии. Постепенно он заинтересовался расовыми проблемами. В 1943 году он возглавил отдел североафриканской культуры. Но поскольку эта структура существовала только на бумаге, единственное, что он сделал, — это подготовил сборник «Раса и религия канарцев», который так и не увидел свет.

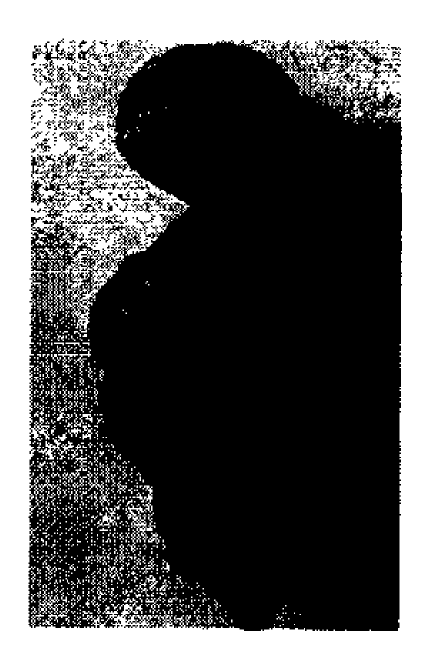
Между тем еще в сентябре 1942 года Гиммлер распорядился, чтобы «Наследие предков» установило тесные связи с ***цыганами***! Да-да, с цыганами, которых загоняли тысячами в концентрационные лагеря. Тогда Гиммлера осенила новая «гениальная» мысль — цыгане являлись прямыми потомками древнего индогерманского этноса (эту мысль как-то высказал Вюст!). Но тут рейхсфюрер делил цыган на индогерманских потомков и асоциальных цыганских гибридов, которые подлежали, согласно его воззрениям, полнейшему искоренению в немецкой среде. Он полагал, что положительные, «арийские» цыгане, должны были быть оседлыми. Чтобы подтвердить это более чем сомнительное предположение, востоковед из «Наследия предков» должен был изучить язык и обычаи цыган. Но Кристиан тогда упорно работал над своей диссертацией, а потому поручил провести все необходимые работы своему ассистенту Кноблоху. В лагерях в беседах с цыганами Кноблох столкнулся с непреодолимыми трудностями (самой легкой из них было нежелание оных общаться с эсэсовцами по поводу своих религиозных представлений). В итоге работа застопорилась и потихоньку сошла на нет.

Так же обстояло дело с изучением фигурок «полных Венер» из Вистерница и Виллендорфа[1]. Осенью 1941 года Гиммлер обнаружил в одном из итальянских изданий изображения этих фигур. Симво-

---

[1] «Виллендорфская Венера» — женская статуэтка из плотного тонкозернистого известняка. 11 см, ориньяк. Найдена в Австрии, в местечке Виллендорф на левом берегу Дуная в 1908 году. Хранится в Венском музее естественной истории. Эта фигурка еще очень далека от реального сходства с человеческим телом. Всем «палеолитическим Венерам» присущи общие черты: увеличенные бедра, живот и груди, отсутствие ступней ног. Первобытных скульпторов не интересовали даже черты лица. Задача первых скульпторов заключалась в создании обобщенного образа женщины-матери, символа плодородия и хранительницы домашнего очага, чего они с успехом и добивались.

Доисторические скульптуры, такие как Венера из Виллендорфа и Венера из Лоссель, весьма интересовали Генриха Гиммлера с расовой точки зрения. На основании схожести идеалов первобытной женщины Гиммлер предположил существование тесной связи между многими племенами древности

лизируя женскую сущность, они были изображены с крупными бедрами и ягодицами, явными признаками беременности. Ознакомившись с изображением первобытных Венер, рейхсфюрер СС тут же предположил, что поскольку у различных народов существовал схожий идеал женщины, то наверняка между первобытными племенами существовала определенная связь. Он поручил Аненербе создать карту, где были бы обозначены места находок палеолитических Венер. Здесь им двигал вовсе не археологический интерес. Обнаружив схожие изделия у ряда африканских племен, он хотел доказать, что они не всегда обитали на Черном континенте, а были вытеснены из Европы какими-либо обстоятельствами. В качестве таковых он предполагал изменение климата, натиск «арийских» кроманьонцев (!!!) либо других северных племен. Идея Гиммлера была проста: он надеялся получить доказательства того, что негроидная раса в древности жила на более северных широтах, но в ходе «борьбы за существование» была оттеснена на юг нордической расой. Это должно было показать явное превосходство расы северных господ над темнокожими племенами. Он настолько увлекся этой мыслью, что даже полагал, что появление его идеи станет исторической вехой в деле расовых исследований. Комментарии функционеров Аненербе оказались более сдержанными и менее оптимистичными. Отто Хут почти сразу же сообщил, что фигуры Венер являются идеалами, а вовсе не отражением натуралистичных представлений о человеке, а стало быть, не могли указывать на пышнотелость североафрикан-

ских женщин. Но чтобы как-то поддержать идею Гиммлера, он сообщил, что согласно выводам, сделанным в 1937 году Леонардом Францем, в период неолита могло существовать некое культурное родство между племенами Юго-Восточной Европы и племенами Передней Азии. Ответ доктора А. Бомерса, который лично раскапывал стоянку Нижний Вистерниц, был еще более сдержанным. Он подчеркнул, что не видел между фигурками из Вистерница и остальными первобытными Венерами никакой обусловленной связи. Вюст в январе 1942 года решил сделать банальную отписку, в которой сообщал, что поскольку в годы войны полевые работы в Африке провести невозможно, то он бы предпочел заняться этим вопросом после ее окончания. В качестве альтернативы он предлагал проводить в лагерях для военнопленных антропологические исследования, которые могли бы подтвердить подлинность тезиса Гиммлера.

Только одному человеку своим отзывом удалось вселить надежду в рейхсфюрера СС. Им оказался этнограф Бруно Бегер, который не только согласился с тем, что фигурки Венер необходимо использовать для воссоздания подлинной картины Древнего мира, но даже установил на основании их «изучения» родственные связи между евреями и африканскими племенами! Этот вывод затмил собственно самих Венер. «Связь между готтентотами, североафриканскими и ближневосточными племенами несомненна, — писал Бегер с своем отзыве. — Среди евреек часто встречается сильное развитие ягодичной мышцы, что напоминает нам телесную конституцию готтентотов и бушменов. Можно предположить, что кроме восточной и переднеазиатской расы в евреях отразились и негроиды». Бегер не ограничивался просто «научными» выводами, он полагал, что было бы целесообразно изучать телесное сложение евреек, которые находились в концентрационных лагерях и гетто.

Именно энергичный Бегер продвинул вперед расовые исследования, которые никак не могли начать в «Наследии предков». Свою деятельность этот исследователь начал в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений, где он развивал идеи, которые затем изложил в отзыве Гиммлеру. В ходе реорганизации РуСХА, которая прошла в 1937 году, он был переведен в личный штаб рейхсфюрера. В 1938—1939 годах он участвовал в тибетской экспедиции Эрнста Шефера. В качестве студента-антрополога он отвечал в ходе ее за сбор и обработку этнографического материала. Подобно Шеферу, в 1940 году он окончательно перешел в Аненербе. Здесь, в отличие от многих сотрудников естественно-научных отделов, его выгодно выделяло давнишнее знакомство с Генрихом Гиммлером. Работая в отделе Центральной Азии и экспедиций, созданном лично Шефером, он занимался обработкой тибетских находок, за что был при-

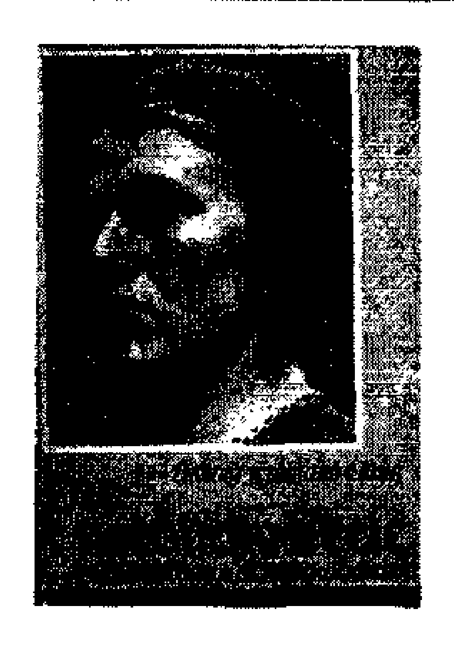
писан к ваффен СС и получил бронь, спасавшую его от фронта. Параллельно с этим он защитил в Берлине этнографическую диссертацию, которую написал под руководством видного ученого Людвига Фердинанда Клаусса.

Бруно Бегер, принимавший участие в тибетской экспедиции Шефера

Но в Аненербе реализовал себя не как этнограф, а как антрополог. Еще в 1942 году в Штабе Верховного командования берлинским профессором Вольфгангом Абелем был разработан «Поступательный план нейтрализации русской расы». Согласно этому плану, население Северной России было необходимо германизировать, а остальных выселить в Сибирь. В 1943 году после обследования 7 тысяч советских военнопленных по просьбе Шефера его доработкой должен был заняться Бруно Бегер. Имперский руководитель исследовательского общества Зиверс поддержал это предложение (по-видимому, он надеялся перевести в состав Аненербе исследовательский комплекс Абеля). Сам он был свято убежден, что большинство русских были результатом воздействия европейского компонента на монголоидов, но с другой стороны, он соглашался, что отдельные из русских сохранили несомненное родство со староевропейской группой. Подобные разъяснения были нужны не только для того, чтобы придать им наукоемкость, но для того, чтобы после победы Германии использовать часть населения России в качестве рабочей силы.

Но прежде чем приступить к реализации «русского» проекта, он нуждался во множестве исследований, прежде всего медицинских. В то время на Аненербе работал страсбургский профессор анатомии Август Хирт (именно по его просьбе с анатомическими целями в Освенциме было уничтожено 150 евреев). В мае 1943 года Зиверс писал референту Гиммлера Брандту, что, по сообщению оберштурмбаннфюрера Эйхмана, в Освенциме имелся «подходящий материал, который позволял провести соответствующие антропологические исследования». 6 июня 1943 года Бруно Бегер отправился в концлагерь, чтобы осуществить антропологические замеры. Одновременно он использовал свое присутствие в лагере, чтобы заняться другим делом: изучением советских азиатов, как он назвал их, «монголов» (в Освенциме он нашел только четверых). После войны он показал,

Обложка книги Людвига Клаусса «Северная душа. Введение в расовую психологию»

что его как одного из немногих эсэсовских специалистов «поразило антропологическое разнообразие евреев», с которым он впервые столкнулся в Освенциме.

Бегеру удалось совершить прорыв — он стал основным экспертом Аненербе по вопросам расовых и антропологических исследований. Осенью 1943 года он пытался вновь осуществить свой старый проект — исследовать «чуждые» расы в военных условиях. Он сам предложил Гиммлеру послать своего бывшего научного руководителя Л.Ф. Клаусса на фронт, чтобы он изучил, как различные расы проявляли себя в боевых условиях. В перспективе эти выводы учитывали бы при разработке военных операций.

То, что ученик собирался послать своего учителя на Восточный фронт, было следствием одной щекотливой ситуации, из которой пытался выкрутиться Бегер. Участь Клаусса была уготована всем общественным деятелям, которые наивно полагали, что в одиночку, без поддержки и согласования с партией, могли бы подправить господствующую идеологию. Клаусс, затравленный догматиком Розенбергом за свои неортодоксальные взгляды в вопросах антропологии, был вынужден покинуть Берлинский университет; его сочинения больше не издавались — более того, он даже был исключен из НСДАП. Не надо забывать, что он при этом оставался весьма известным человеком, который продолжал придерживаться расовой идеологии. В 1921 году, в возрасте 29 лет, он опубликовал перевод Эдды, который затем часто цитировался в многочисленных националистических и нацистских произведениях. В 1932 году он обратил на себя внимание, издав книгу «Северная душа. Введение в расовую психологию».

Внешне казалось, что эта книга тиражировала общепринятые для нацистов воззрения о «нордическом превосходстве». Действительно, в ней можно было прочитать о «северном сверхчеловеке», но идеи, изложенные в ней, оказались несколько иными, нежели те, которые были заложены в основу идеологии национал-социализма. Во-первых, автор приписывал малопонятному термину «душа» гораздо большее биологическое значение, чем это позволяли себе нацисты. Во-вторых, он трактовал понятие «нордическое» весьма фигурально. «Нордическое» было для него синонимом пре-

красного, возвышенного и благородного: он даже не исключал возможности встречи «нордического типа» на южных широтах. В своей книге он делал еретический для нацистов вывод — он причислил к «нордическому типу» не только арабов, но и вообще всю семитскую группу. В следующей книге «Раса и душа», увидевшей свет в 1934 году, он исследовал национальную и интернациональную психологию. Клаусс повторял свою манихейскую игру тени и света. Он вновь не распространял пресловутый нордизм исключительно на германский мир. Проживший долгое время на Востоке среди бедуинов, Клаусс описывал свою встречу с марокканскими евреями, которые, по его мнению, «путешествуя к вечности, приобрели нордический стиль».

Не удивительно, что подобные взгляды были наотрез отвергнуты руководством НСДАП и «пророками нордической расы». За несоответствие его личных взглядов партийной доктрине Клаусс был исключен из партии. Произошло это 28 марта 1941 года во время диспута с Розенбергом во Франкфурте. С этого времени жизнь Клаусса была в опасности, обычно Розенберг не прощал подобных вольностей в сфере идеологии. У Клаусса был только один видимый выход: раскаяться и перейти на сторону рейхсляйтера-догматика.

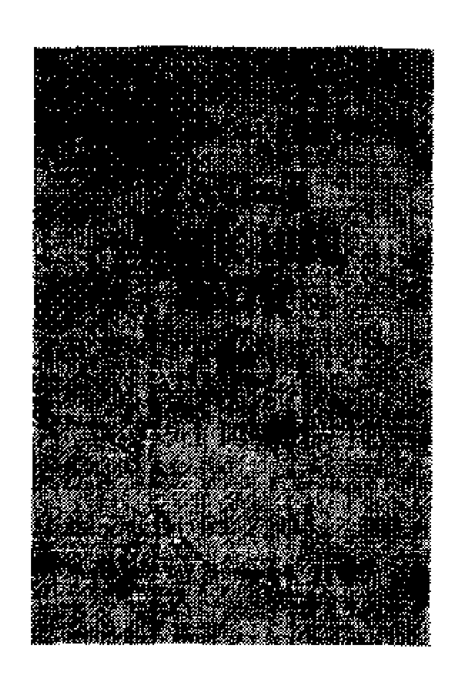
Rasse und Seele

Eine Einführung
in den Sinn der leiblichen Gestalt

Von
Dr. Ludwig Ferdinand Clauß

J. F. Lehmanns Verlag / München 1933

Обложка и форзац книги Л. Клаусса «Раса и душа»

В этой ситуации Гиммлер пошел на рискованный шаг. Он написал письмо Мартину Борману, в котором встал на сторону Клаусса и обрушился с критикой на партийных плебеев. Его основной аргумент заключался в том, что, несмотря на некие расхождения воззрений Клаусса с доктриной НСДАП, его, как научно состоявшегося человека, никак нельзя зачислять в стан врагов партии. Оказавшемуся между молотом и наковальней Клауссу было лучше отправиться на фронт, где Бегер предлагал ему заняться изучением боевых качеств различных рас. В конце 1944 года оба — и учитель и ученик — поступили в распоряжение штандартенфюрера СС Курта Эггера. Но оказалось, что в условиях, когда Красная Ар-

мия развивала победоносное наступление на Запад, изучение русских солдат более чем проблематично и небезопасно. Поэтому было принято решение отправить исследователей на Юго-Восточный фронт, чтобы на Балканах изучать партизан Тито. Итогом этих разработок должны были стать «Правила эксплуатации чуждых народов». В них планировалось ответить на несколько принципиальных вопросов: как видят чужеземцы немцев и что они думают о них? как видят сами немцы чужеземцев?

Можно смело сказать, что расовая психология не была какой-то новой отраслью науки. Скорее, это было повторение старых нацистских предрассудков. Об этом хотя бы говорили сделанные выводы. Жителей Балкан Бегер и Клаусс отнесли к типу людей, которые несли на себе восточный отпечаток. Поэтому, утверждали они, власть в этом регионе надо устанавливать твердо и даже жестко, как это раньше делали турки.

Вернувшись с Балкан, Бегер вновь занялся изучением советских военнопленных из Средней Азии, в данном случае антропологические замеры осуществлял уже не он сам — это было поручено антропологу Рудольфу Трояну. В июне 1944 года эта деятельность была продолжена в женском концлагере Хефтлинг и азиатских формированиях СС. Подводя итог расовым исследованиям Аненербе, необходимо сказать, что они не имели не только никакого научного значения, но и не дали никаких практических результатов.

Этнографы сегодня утверждают, что прикладные расовые исследования Бегера, Клаусса и Трояна никогда не могли дать ценных результатов, так как сами по себе являлись нацистской псевдонаукой. Постоянное использование заимствованных из идеологии понятий «раса», «еврейский», «арийский», «народный», «расовая душа» в известной мере приводили к ослеплению, жертвами которого пали антропологи и этнографы Аненербе. Их исследования были тесно связаны с деятельностью Эрнста Шефера. Вернувшись с Тибета, он начал получать в «Наследии предков» все больший и больший контроль над естественно-научными исследованиями. До сих пор среди историков идут дискуссии по вопросу: находились ли «точные науки» в вакууме расовых заблуждений и предрассудков или же ученым Аненербе удалось достичь в этой сфере достаточно интересных результатов? Вряд ли можно ответить на этот вопрос, не познакомившись поближе с личностью Эрнста Шефера.

В августе 1939 года, вернувшись из Азии, Э. Шефер благодаря своему членству в СС был назначен ответственным за выполнение особых поручений. Он должен был вместе со своей командой проникнуть через СССР в Афганистан и сделать все возможное, чтобы

вытеснить англичан из их традиционного «бастиона»! Замысел этого сумасбродного предприятия можно понять только тогда, когда ближе познакомишься со всем комплексом нацистской дипломатии. Чтобы не утомлять читателя длительными изложениями, имеющими к теме книги лишь косвенное отношение, обозначим схематично те обстоятельства, которые приводили к подобным авантюрам.

Нацистское руководство придавало большое значение этой стране, так как, во-первых, Афганистан имел выгодное стратегическое положение. Он являлся удобным плацдармом для вторжения в «жемчужину Британской империи» — Индию. А во-вторых, Германия испытывала недостаток в стратегическом сырье и рассчитывала использовать Афганистан в качестве источника поставок оного для немецкой военной промышленности.

Германский капитал активно стремился к укреплению своих позиций в странах Среднего Востока. Начав активную перестройку на военный лад германской экономики, лидеры Третьего рейха уделяли большое внимание созданию стратегических запасов. Но в первые годы после прихода Гитлера к власти германо-афганские отношения были довольно холодными. Перелом наступил в 1936 году, когда целый ряд крупных руководителей Афганистана посетил Берлин, а в Германии был принят четырехлетний план развития военной промышленности. С этого времени правительство Третьего рейха стало требовать от германских монополий активного проникновения в Афганистан. В афганском правительстве образовались три группировки: изоляционистская, проанглийская и так называемая «группа молодых», предпочитающая ориентироваться на Германию. К началу Второй мировой войны эта группировка стала доминирующей в афганском руководстве, что также содействовало укреплению позиций Третьего рейха в Афганистане. Во главе «молодых» стоял президент Афганского национального банка Абдул Меджид.

Экономические отношения Германии с Афганистаном в этот период тесно переплетались с политическими целями, и Германия в ряде случаев сознательно шла на экономические издержки. Фактически она платила за все афганское сырье по ценам, на 30—40% превышавшим мировые. Тем самым в Берлине надеялись превратить Афганистан в своего главного союзника на Востоке. Немецкие фирмы открыли в Афганистане представительства, Германия поставляла оборудование для афганской промышленности, посылала в страну высококвалифицированных специалистов. Инженеры из Организации Тодта строили дороги, реконструировали дамбы и мосты в Афганистане. Германское руководство разработало грандиозный проект создания авиалинии Берлин—Кабул, открытие кото-

рой состоялось в 1938 году. Большое внимание Берлин уделял получению концессий на право разработки полезных ископаемых Афганистана. Успехом германских промышленников было получение концессий на разработку месторождений железной руды, меди, олова, свинца, никеля, серебра, золота, угля и ляпис-лазури. Усилению позиций Германии в Афганистане способствовала пассивная позиция Лондона. Более активное противодействие германскому проникновению оказывал Советский Союз. 4 августа 1939 года между Германией и Афганистаном было подписано «Соглашение об урегулировании торговли и платежных отношений», которое открыло перед германскими уполномоченными широкие возможности для влияния на самые разные стороны социально-экономического развития страны. Таким образом, германским фашистам удалось завоевать прочные позиции в Афганистане, а афганское руководство предпочитало ориентироваться на страны «оси».

Большое внимание Германия уделяла идеологической обработке общественного мнения в Афганистане. Существенное место в гитлеровской пропаганде занимали теории об общем арийском происхождении немцев и афганцев. Одним из факторов, обеспечившим успех нацистской пропаганды, было обращение к религиозным чувствам афганцев. Германия принимала активное участие в открытии учебных заведений в Афганистане. Пропагандистским центром стала кабульская средняя школа «Неджат». Немцы активно пропагандировали германский образ жизни в Афганистане. Серьезное внимание уделялось и радиопропаганде. Афганское правительство терпимо относилось к деятельности немецких пропагандистов. Это объяснялось тем, что оно возлагало надежды на Германию в деле модернизации афганской армии и восстановления экономики.

Во второй половине 30-х годов германская агентура стремилась превратить территорию Афганистана в базу для проведения шпионско-подрывной деятельности, направленной против Британской империи.

Афганская армия в отношении снаряжения и боевой подготовки стояла на низком уровне и не являлась прочной опорой государства. Такое положение вынуждало афганских правителей обращаться за помощью к иностранным державам, в первую очередь к Германии. Во второй половине 30-х годов в высшем военном руководстве Афганистана сформировалась группировка, ориентирующаяся на Германию. Третий рейх предоставлял Афганистану военные кредиты, имевшие важное значение для перевооружения афганской армии. С помощью немецких офицеров, работавших в Главном штабе, была начата реформа афганской армии. Германские военные советники проникли на афганскую почту, телеграф, телефон, проводили

аэрофотосъемку местности, принимали активное участие в модернизации дорог, особенно в северных провинциях, граничащих с СССР.

Для того чтобы добиться хотя бы частичного выполнения торгово-кредитного соглашения 1939 года, немцы обратились к правительству СССР с предложением организовать транзит товаров через советскую территорию. В связи с тем, что вопрос был решен только в середине 1940 года, германо-афганский товарооборот был незначительным. Германия поставляла Афганистану в основном радиоаппаратуру, стеклянные изделия и товары химической промышленности, а Афганистан — хлопок, шерсть, кишмиш и слюду. Немцы в основном ввозили незначительные по стоимости товары. Среди них отсутствовало оружие, которое до войны составляло главную статью афганского импорта. По-прежнему немцы шли на значительное повышение цен на афганское сырье. Воюющей Германии не хватало многих стратегически важных материалов. Поэтому германские фашисты стремились закупить у Афганистана максимальное количество сырья и пытались добиться от афганского правительства новых концессий. Осенью 1940 года немцы вновь поставили перед афганским правительством вопрос о восстановлении авиалинии Берлин—Кабул, но афганские власти отказали в организации авиасообщения. После окончательного решения Гитлера начать войну с СССР Германия стала постепенно сворачивать свои экономические связи с Афганистаном. Германо-афганская торговля фактически была сведена к нулю.

Цель операции «Аманулла» заключалась в том, чтобы привести к власти в Афганистане полностью послушное странам «оси» правительство, которое оказало бы необходимое содействие вторжению в Британскую Индию. Автором плана операции был В. Гентиг, который надеялся, что сотрудничество с СССР позволило бы Германии развернуть подрывные операции против Индии. Еще летом 1938 года в Южный Вазиристан прибыл последователь суфийского братства ал-Кадирийя Шами Пир, который по заданию Гентига попытался организовать поход восточных пуштунов на Кабул и свергнуть короля Захир-шаха. Хотя достичь этой цели не удалось, выступление Шами Пира привело к обострению англо-афганских отношений, так как в Кабуле считали, что англичане инспирировали выступление племен.

Победы немцев в начавшейся войне еще более подняли престиж Германии в Афганистане. Между тем наметившееся германо-советское сотрудничество вызывало тревогу в афганских правящих кругах. Серьезное беспокойство вызвала поездка в Берлин министра иностранных дел В. Молотова, так как правительство Афганистана

всерьез опасалось, что Советский Союз и Германия могут договориться в вопросе о восстановлении на афганском троне Амануллы-хана. Афганское правительство стало даже принимать энергичные меры по укреплению своих стратегических позиций на севере страны. С целью привлечения афганского правительства на свою сторону Германия с первых месяцев войны стала энергично укреплять связи с лицами из германофильской группировки. В конце июня 1940 года германские представители вели переговоры с Абдулом Меджидом, который рассчитывал с помощью Третьего рейха расширить территорию страны и снабдить афганскую армию современным оружием.

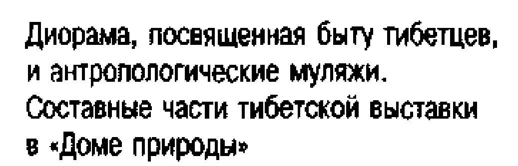
С началом Второй мировой войны в план «Аманулла» были внесены изменения. Основной расчет теперь делался на силы вторжения. Предлагалось забросить в Афганистан с территории советского Туркестана специальный корпус, что можно было сделать только с согласия СССР. Риббентропу представлялось, что подписание между СССР и Германией договора о ненападении создаст основы для советско-германского сотрудничества и в вопросе о возвращении Amануллы на афганский трон. Но этим планам не суждено было сбыться. Правительство СССР не только не оказало содействия Германии, но и сообщило о немецких замыслах афганскому правительству.

Как продолжение плана «Аманулла» германские спецслужбы рассматривали операцию «Тибет». Эта операция имела цель создать на афгано-индийской границе «крупный очаг беспокойства». Как и в случае с планом «Аманулла», в Берлине надеялись на содействие со стороны Советского Союза. Только неудачное завершение переговоров В. Молотова с германскими лидерами осенью 1940 года заставило чиновников германского МИДа пересмотреть свои планы. Такова была подоплека авантюры, в которой должен был принять участие Эрнст Шефер.

Итак, вернемся к Аненербе. Ударной группе из 30 человек, которая должна была сформироваться в недрах «Наследия предков», отводилась в этой операции самая значительная роль: здесь они должны были вооружить несколько тысяч человек и поднять тибетскую армию против английского владычества в Индии. Без военной поддержки освобождение Тибета и Афганистана от английского господства было вряд ли возможно. Шефер, Бегер, представитель немецкой фирмы AGFA в Калькутте Йозеф Гёслинг должны были пройти двухмесячную подготовку в военных лагерях СС. В курс их подготовки входило знакомство не только с легким стрелковым оружием, но и гранатометами и тяжелыми пулеметами.

Диорама, посвященная быту тибетцев, и антропологические муляжи. Составные части тибетской выставки в «Доме природы»

Но перед тем как молодой специалист по Тибету начал проходить подготовку, он получил изрядную головомойку от Гиммлера: болтливый Шефер случайно рассказал о тайных планах СС шефу армейской разведки адмиралу Канарису. Гиммлер был вне себя от бешенства. Шефера от неминуемой расправы спасло только то, что он был любимчиком рейхсфюрера. Все закончилось строгим выговором и намеком, что своей безответственностью Шефер чуть не поставил на грань провала важнейшие политические задачи.

Между тем в Москве вопрос об экспедиции Шефера и его людях никак не решался. В январе 1940 года Шефер смело заявлял, что его группа при изобилии денег и его интуиции могла бы выступить уже в сентябре, чтобы к декабрю указанного года пересечь степи и пустыни Северного Тибета. Тогда, по его словам, в начале 1941 года он смог бы начать военные действия против англичан. Но тут планы полностью изменились (о чем мы писали выше). Не исключено, что

поводом для этого послужила болтливость Шефера, и слухи о тайной эсэсовской экспедиции дошли до Розенберга, который сделал все возможное, чтобы сорвать ее. В апреле 1940 года, когда тренировки затянулись, а саму группу перевели в Дахау, Шефер понял, что его планам не суждено сбыться.

Но неистовый исследователь не хотел уходить несолоно хлебавши. Одновременно с организацией тибетско-афганской операции Шефер получил пост руководителя отдела Центральной Азии и экспедиций в «Наследии предков». Новая структура занимала весь третий этаж мюнхенской резиденции Аненербе на Видмемайер-штрассе. Шефер был доволен, так как несколько месяцев до этого он безуспешно пытался организовать в каком-нибудь музее или университете выставку, посвященную его экспедиции на Тибет. Со временем он привлек в свой отдел старых товарищей по экспедиции: Бегера, географа Карла Винерта, кинооператора Краузе и многих других. После войны они вспоминали, что в Аненербе их привлекали не только высокие оклады или бронь от призыва на фронт, но и атмосфера сердечного товарищества, которую смог создать в отделе экспедиций сорвиголова Шефер. Собственно, научная работа Шефера началась только тогда, когда он смог установить тесные связи с профессором Тратцем, который ловко представил свой зальцбургский «Дом природы» как военно-значимую структуру.

С 1943 года честолюбивый Шефер безуспешно стремился расширить свои полномочия и сферу деятельности. Для этого он пытался привлечь на свою сторону именитых ученых: лейпцигского тибетолога Йоханеса Шуберта и специалиста по лесной зоологии Германа Эйдманна. Настоящий успех его ждал, когда он смог благодаря сотрудничеству со всемирно известным исследователем Свеном Хедином выйти за узкие рамки отдела и создать собственный имперский институт. Институт Центральной Азии и экспедиций был открыт с большой помпой в день 470-летия Мюнхенского университета, 16 января 1943 года. Свен Хедин[1] стал не только одним из учредителей новой структуры, но и получил в нем должность почетного доктора. Новый имперский институт стоял как бы на трех основах: во-первых, Аненербе, из отдела которого он вырос, во-вторых, Мюнхенский университет, в-третьих, Имперское министерство воспитания, которое снабжало институт бюджетными средствами. Институт стал единственной за всю историю «Наследия предков» организацией-аномалией, которая настолько запутала Шефера, что

[1] *Свен Хедин* — шведский археолог, специалист по Азии, бывший большим поклонником Гитлера.

после войны он даже заявил, что она не имела никакого отношения к Аненербе!

Желая подчеркнуть свою значимость, в феврале 1943 года Шефер совместно с Тратцем открыл в «Доме природы» тибетскую экспозицию, часть которой он представил как результаты собственных экспедиций. В августе 1943 года Шефер получил под свой институт средневековый замок Миттерзиль в Пинцгау, который был восстановлен после пожара 1938 года. Хедин был принципиально против переезда в отдаленный замок, а потому решил формально не присоединяться к эсэсовский научной империи, хотя и остался в числе сотрудников имперского института. Тем временем в нем появились талантливые новички: тибетолог Гельмут Хоффманн, зоолог Баманн, ботаник Фолькмер Вареши. Примечательно, что в институте работали «Свидетели Иеговы» (в Германии они назывались «Толкователи Библии»), которых Шефер набрал в каторжной тюрьме Бернау и в близлежащих концентрационных лагерях. Удивительно, но, несмотря на свои убеждения, представители этой религиозной группы без всяких колебаний согласились перейти на службу в СС. Благодаря бюджетной подпитке, поддержке множества академических организаций Имперский институт Центральной Азии стал воистину крупнейшей структурой Аненербе.

Свен Хедин, путешественник и ученый. Один из членов правления Института Центральной Азии, созданного силами «Наследия предков»

Когда Шефер пытался по-домашнему устроиться в Миттерзиле, его вновь побеспокоили. Инициатива опять обратиться к молодому специалисту была продиктована на этот раз отнюдь не личными симпатиями Гиммлера, а военной обстановкой на фронтах. На вершине военного успеха нацистов, в начале 1942 года, Шеферу было поручено новое «специальное задание». Сразу же после того как немецкие войска захватили нефтяные месторождения под Майкопом, Гиммлер отдал «Наследию предков» приказ об «основательном исследовании Кавказа». Специальная эсэсовская экспедиция, созданная по образцу тибетской, должна была изучить кавказский регион с самых различных точек зрения: антропологической, геофизической, зоологической, сельскохозяйственной. Поскольку в это время на знамя был поднят лозунг «военного использования гуманитарных наук», планировалось также, что в экспедиции примут участие этнографы и лингвисты.

Замок Миттерзиль

Вся вторая половина августа 1942 года прошла в Аненербе под знаком подготовки военно-научной экспедиции на Кавказ. Проработка «Операции К» превосходила в то время по своим масштабам все планируемые мероприятия. 18 августа Шефер направил запрос Зиверсу относительно научного снаряжения экспедиции, количества фото- и кинокамер, боеприпасов и многого другого. Список только одних транспортных средств, которые он запрашивал, был более чем внушительным: для 150 человек (преимущественно сопровождающего персонала) он просил 17 грузовиков и 14 «Фольксвагенов» PKW.

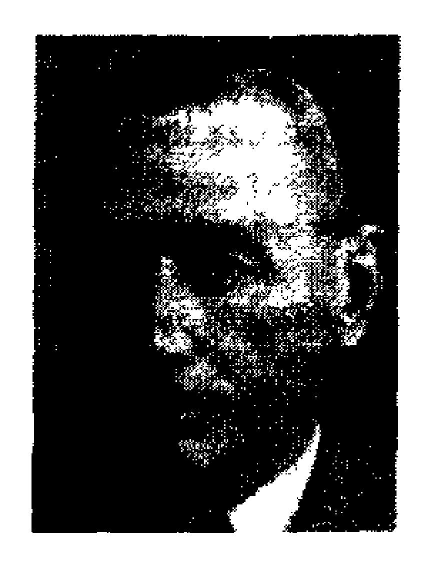
Силы, привлеченные к этому титаническому проекту, были, несомненно, проявлением научного честолюбия Гиммлера; он хотел извлечь личную выгоду из военных успехов, а потому посылал в этот регион своего любимца. Сам Шефер, изучавший биологию Кавказа, хотел доказать, что она является мостом между европейской и азиатской флорой и фауной. Приказ рейхсфюрера отвечал его личным интересам — он рвался побыстрее начать экспедицию.

Зиверса и Шефера не смущало постоянно ухудшавшееся положение немецкой группировки войск на Кавказе. Они использовали любой повод, чтобы приблизить начало работы «Зондеркоманды К» (так в документах обозначалась планируемая экспедиция). Но Сталинградская битва разрушила их надежды. После капитуляции генерал-фельдмаршала Паулюса Гиммлер отдал приказ прекратить подготовку экспедиции. В качестве утешения он сообщил Шеферу, что списочный состав «Зондеркоманды К» будет иметься в виду для

будущих предприятий. Шефер отнесся к этим словам серьезно, и только в конце 1944 года ему стало окончательно ясно, что его зондеркоманда никогда не приступит к деятельности.

В это время Шефер занимался не только подготовкой кавказской экспедиции. В целом он и его люди были ответственны за реализацию в рамках «Наследия предков» трех следующих задач. Во-первых, планировалось завершить создание Имперского института Центральной Азии в Миттерзиле, где они должны были сосредоточиться на обработке тибетских материалов. Во-вторых, перед Шефером стояла задача сделать институт единственным центром по организации экспедиций в Азию (подобная позиция была официально обозначена Гиммлером). В эсэсовских кругах все чаще и чаще начали говорить о замке Миттерзиль как об учебном центре, где проходила подготовка участников всевозможных экспедиций. Планировалось даже выкупить земли, окружающие замок, чтобы создать на них специальный учебный лагерь. И наконец, на Шефера была возложена функция общего контроля за ходом всех естественно-научных исследований Аненербе, так как Вальтер Вюст был не только перегружен работой, но и мало разбирался в этой области знаний. 16 мая 1943 года было решено, что Вюст, оставаясь куратором Аненербе, будет заниматься только гуманитарной сферой, а Шефер, формально являясь подчиненным Вюста, — контролировать свой сектор. Но фактически Шефер был независим и вел всю работу самостоятельно. Этому способствовал тот момент, что его институт был тесно связан почти со всеми естественно-научными отделами. Только над тремя отделами он не имел никакой власти. Это были геофизический отдел Скультетуса, отдел лозоходства профессора Виммера и отдел спелеологии, который возглавлял професср Бранд. Последняя структура по постановке задач была ближе к гуманитарным отделам Шляйфа и Янкуна, нежели к институту Шефера.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в последние годы Третьего рейха общие задачи перед Аненербе ставил лично Гиммлер. Он исходил из того, что в борьбе за выживание немецкого народа надо придерживаться автаркичной (самодостаточной) политики, а потому всеми средствами надо было преодолеть слабость сельского хозяйства и текстильной промышленности. И вновь в нем заговорил бывший фермер: Шеферу предлагалось создать отдел, который бы занимался комплексом во-

Эрнст Шефер после войны

просов использования животных и растительных ресурсов. Одна идея давно не давала покоя главе СС — он хотел во что бы то ни стало восстановить древнегерманский обычай медоварения. В 1941 году он поставил задачу перед Освальдом Полем — изготовить «новогерманский мед». Тот почти сразу же заметил, что медоварение в годы войны может столкнуться с рядом серьезных трудностей (мед был остро необходим для больных и раненых). Взамен он предложил идею «хрустящих хлебцев», которая была несправедливо забыта. Но Гиммлер пропустил это замечание мимо ушей (судя по тому, что говорят нынешние диетологи, совершенно зря). Его привлекла другая мысль: он решил превратить лошадь не только в транспортное средство, но и в пропитание. Увлекшись личностью Чингисхана, Гиммлер обнаружил, что монголы использовали в качестве пищи не только лошадиное молоко, которое они консервировали и возили в седельных сумках, но и употребляли в качестве провианта вяленую конину.

На этом поток «гениальных» идей рейхсфюрера СС не иссяк. Памятуя о печальных последствиях русских морозов, он распорядился организовать при концлагерях фермы ангорских кроликов, из шерсти которых должно было производиться теплое белье для солдат (в 1943 году таких ферм было аж 31!). Как большой поклонник здорового образа жизни, он приказал выделить в Дахау 10 гектаров, где заключенные священники могли разводить разного рода пряности: тмин, базилик и т.д.

Весь этот комплекс вопросов являлся предметом исследований Эрнста Шефера. Но тогда его больше интересовало только одно — разобрать и систематизировать свои тибетские материалы. Чтобы освободить себе руки, 1 ноября он убедил руководство Аненербе создать в Ланнахе (близ Граза) отдел, который бы занимался генетикой растений. Возглавил его Хайнц Брюхер. Здесь занимались не только растительным ассортиментом Тибета, но и выведением новых сортов злаковых, которые бы могли насытить Германию и обеспечить ей автаркию. Но, пожалуй, самым стратегическим намерением этого отдела были исследования растительного масла. Тогда же возник отдел препарирования растений во главе с ботаником профессором Пфолем, созданный в феврале 1942 года. В тесном контакте с медиками, которые проводили эксперименты над людьми, находился отдел ботаники. Совместными усилиями глава этой структуры штандартенфюрер Фрайер и доктора Рашер, Бломе, Хольц пытались найти лекарство от рака. Основным направлением этих работ было изучение воздействия растительных ядов на процесс роста раковых опухолей.

А что же Шефер? После провала кавказских планов он всецело посвятил себя селекции животных. Гиммлера в первую очередь интересовали тибетские псы. Он хотел, чтобы проводились эксперименты по скрещиванию старых кобелей и молодых сук и наоборот. Подобные опыты мало привлекали Шефера, и он поручил их проведение своему помощнику доктору Петерсу из Штутгарта. Сам же Шефер предпочел заняться лошадьми. Еще в 1940 году Гиммлер отзывался о Шефере как о лучшем эсэсовском специалисте в этой области. В мае 1940 года Гиммлер писал из личного поезда своему любимцу о том, что в северных сказках он читал о красном коне с белой гривой, который обладал невиданной силой. В Польше, где тогда пребывал рейхсфюрер, его поразил каурый конь с белой гривой. Он просил выяснить Шефера, могла ли существовать связь между сказками и реальностью. Шефер вряд ли мог помочь в этом своему шефу, так как во время экспедиций не видел ничего подобного.

Исландские пони. Одна из составляющих частей новой породы «чудо-лошадей», которые планировал вывести Гиммлер

Но Гиммлер не успокоился, впоследствии он пришел к выводу, что для военных и гражданских целей могла бы пригодиться степная лошадь. Осенью 1943 года он поручил Шеферу создать на широкой генетической базе восточных и западноазиатских лошадей «суперконя», который был бы не только морозоустойчивым и неприхотливым, но и идеально подходил для солдат и поселенцев.

Затем он советовал скрестить лошадь Пржевальского с дикой лесной лошадью-тарпаном. Как заметил штурмбаннфюрер РСХА Вильгельм Хёттль, рейхсфюрер планировал вывести не только ездовую и вьючную лошадь, но и забойный скот. Но это дело, даже несмотря на энергичность Шефера, затянулось не на один месяц. Лошадей, которые были пригодны для селекции, нашли только в сентябре 1944 года, и то в Норвегии. Тратц и Шефер тут же начали готовиться к весьма неуместной в то время поездке в Скандинавию, чтобы получить необходимых лошадей. В то же время в Познань прибыл эшелон с восточноевропейскими лошадьми. Но селекции не суждено было совершиться — конвой транспорта был перебит партизанами, и лошади разбежались.

То, что Шефер был любимцем Гиммлера, позволило ему занять позицию в Аненербе, фактически равную по статусу Зиверсу и Вюсту. Благодаря живой предприимчивости и несомненной интеллигентности Шеферу удалось сплотить под своим началом большинство естественно-научных отделов. При этом он занимался самыми различными задачами, начиная от селекции злаков и скрещивания собак, заканчивая орнитологией и подготовкой экспедиций. Но собственно военные исследования обошли его стороной, в них он не смог себя никак проявить.

Гиммлер всегда проявлял интерес к политике вооружений, и это в определенный момент отразилось на деятельности Аненербе. Если говорить о военной политике Третьего рейха в целом, то складывается впечатление, что у Гитлера не было никакого четкого плана, которого бы он придерживался. На стадии блицкрига, которая длилась с сентября 1939 года по декабрь 1942 года, сельское хозяйство и немецкая промышленность оказались не готовыми к затяжным военным действиям. Это, конечно, не значило, что экономические ресурсы были исчерпаны, но тогда в Германии жили под лозунгом «и пушки, и масло». Изменения наступили только в феврале 1942 года, когда имперским министром вооружений стал Альберт Шпеер. Он попытался поставить немецкую промышленность на рациональную основу и создать наконец-то «военное хозяйство». Отныне вся добывающая и тяжелая промышленность работали только на военные цели: Германия готовилась к затяжной войне. Осенью 1942 года в Берлине решили воспользоваться концепцией «качественного превосходства»: если советская сторона ставила на количество, то нацисты планировали восполнить урон качественной военно-промышленной программой. Этот принцип был вновь введен, когда осенью 1944 года наметилось крушение немецкого хозяйства.

Какую же роль играл Генрих Гиммлер в экономическом и хозяйственном планировании? Рейхсфюреру СС, как и многим партийным и государственным функционерам, потребовалось много времени, чтобы понять, что после первых неудач на Восточном фронте необходимы серьезные структурные преобразования в немецкой экономике. А потому не удивительно, что до 1942 года естественно-научные отделы «Наследия предков» почти не использовались в интересах военной индустрии. Гиммлер, ловивший каждое слово фюрера, решил сам совершить хозяйственный переворот, когда Гитлер заикнулся об этом. В июле 1942 года он с энтузиазмом заявил своему личному врачу, что принцип «качественного превосходства» имеет огромную ценность и позволяет накопить новые производственные мощности. С этого времени он все больше и больше

использовал эсэсовские структуры в военном хозяйстве, особенно в сфере вооружений. Наиболее яркой ошибкой периода блицкрига был недостаток рабочей силы. Гиммлер решил исправить это, используя заключенных концлагерей на военном производстве, причем не только на собственных эсэсовских, но и на государственных и даже частных предприятиях. Концерн «ИГ-Фарбен» смог договориться с главой СС, чтобы использовать Освенцим. Количество заключенных, работавших на предприятиях концерна, колебалось в зависимости от хозяйственных потребностей. По словам коменданта лагеря Гёсса, в 1944 году на предприятиях различной формы собственности работало около 400 тысяч человек.

Гитлеровский лозунг о «качественном превосходстве» относился в первую очередь к производству отдельных видов оружия. Только это объясняло, почему Гиммлер включился в эту сферу деятельности. Немецкий атомный проект не привлекал рейхсфюрера СС. Принимая участие в конференции Имперского исследовательского совета, которая проходила 26 февраля 1942 года в Берлинском Доме немецкой науки, он язвительно заметил в адрес физика Эриха Шумана, что его выводы о ядерной физике как оружии являются чистой теорией, не имеющей никакого отношения к практике. Его больше привлекали самолеты. Постепенно СС оказались втянутыми в организацию производства этого вида оружия, а летом 1943 года даже получили под свой контроль разработку «тайного оружия». Здесь Гиммлер применил свою старую тактику постепенного проникновения во все сферы жизни — теперь дело дошло до военной индустрии. Но процесс средоточивания власти в руках рейхсфюрера проходил не так легко, как он надеялся. Вермахт все еще продолжал контролировать ракетостроение, а ключевая фигура в этой области, профессор фон Браун, хотя и стал эсэсовцем, но сохранил верность армии. Окончательный контроль над ракетостроением Гиммлер смог получить лишь после провала покушения на Гитлера, которое было организовано армейскими чинами 20 июля 1944 года. В сентябре того же года техническое и военное руководство ракетными группами «Юг» и «Север» получил обергруппенфюрер Каммлер.

«Чудо-оружие» должно было вселить надежды в весь немецкий народ. После того как норвежские саботажники в феврале 1943 года повредили котел тяжелой воды, а год спустя был потоплен транспорт «Гидра», который вез оборудование для ядерных исследований, полагаться на немецкую атомную бомбу не приходилось. Выход пытались найти в ракетах. «Фау-1» была применена против Англии 13 июня 1944 года, более сложная и эффективная «Фау-2» стартовала в сентябре. Но ракеты опоздали: после того как на немецких железных дорогах было потеряно 10 тысяч летающих снаря-

дов, стало ясно — война проиграна. Немецкое супероружие не справилось со своей задачей устроить воздушный террор. Оно не толкнуло союзников к роковому, возможно, вторжению в Европу через пролив Па-де-Кале. Но тем не менее даже в некоторых кругах все еще надеялись, что «добрый дядя Генрих еще устроит фейерверк». 2 апреля 1945 года Мартин Борман писал своей жене, что он надеется, что проект Каммлера (производство реактивных истребителей) будет иметь необходимый эффект.

Возможно, потому, что до 1944 года Гиммлеру не удавалось получить полный контроль над ракетостроением, он начал разрабатывать в недрах СС свое «чудо-оружие». Показательно, что он опять попался на удочку шарлатана: полковник Люфтваффе Шрёдер-Штранц безуспешно пытался внедрить в немецкой авиации свой «радиоактивный аппарат». Теперь он пробовал заручиться помощью рейхсфюрера СС. Гиммлер не мог не знать, что Гитлер с подачи Шпеера запретил в мае 1944 года разработку любых новых видов оружия. Гиммлер решил подать «радиоактивный аппарат» не как оружие, а как средство возможного боевого воздействия. В те времена для многих слово «радиация» было понятием скорее священным, убивающим, парализующим, нежели физическим. Более того, этот чудо-прибор должен был позволить проводить поиск месторождений полезных ископаемых (Гиммлер планировал применить его для поиска нефти). Он не мог отказаться от заманчивой идеи самому добыть нефть, тем более когда после 1943 года ее катастрофически не хватало! В июне 1944 года полковник Шрёдер-Штранц перешел в СС и стал разрабатывать свой аппарат в недрах «Наследия предков». Порученный ему поиск горячих сланцев при помощи его изобретения, естественно, не увенчался успехом. Повторные испытания аппарата были проведены в Штапельбурге. Вольфрам Зиверс, изначально не доверявший полковнику, привлек к себе компетентных специалистов, которые считали, что «радиация Шрёдер-Штранца» является мистификацией. Сам же имперский руководитель «Наследия предков» решил от греха подальше не убеждать Гиммлера в сомнительности данного предприятия. Лишь 21 февраля 1945 года он дал понять, что пора прекращать эту комедию. Но сделал так вовсе не потому, что не доверял Шрёдер-Штранцу, а потому, что катастрофическое положение на фронтах делало испытания совершенно бессмысленными.

Этот эпизод ярко показывает, насколько глубока была пропасть между взглядами функционеров Аненербе, которые работали в естественно-научной сфере и пытались взвесить все «за» и «против», и представлениями Генриха Гиммлера, базировавшимися на непоколебимой вере в чудодейственное оружие.

Но не только оружие и нефть интересовали в те дни шефа «черного ордена». Его привлекало золото, которое с началом «эры Шпеера», как и все цветные металлы, было отнесено к разряду стратегического сырья. В «золотом проекте» Гиммлера смешались воедино и фанатизм алхимиков, и безумие «золотой лихорадки», и цинизм эсэсовских дантистов, орудовавших над убитыми. 14 апреля 1942 года Гиммлер тайно информировал руководство Аненербе: «Фюрер недавно снова заговорил о том, что в Германии должны иметься большие запасы золота, например в районе реки Инн, которые он выводил от «золота Рейна». Я также добавляю к сказанному, что мы должны изучить возможность наличия золотых запасов у реки Изар». Теперь эксперты Аненербе должны были стать старателями. Зиверс распорядился, чтобы этим вопросом непосредственно занялся Карл Винерт. С научной точки зрения подобное задание было просто нелепым, но Винерт подошел к нему со всей серьезностью. Проведя разведку, он ответил Гиммлеру, что добыча золота в этих местах будет окупаться в случае, если будет вырабатываться от 0,5 до 0,75 грамм на тонну грунта. Воодушевленный этим ответом рейхсфюрер обратился в Баварское горное управление, где ему сообщили, что добыча золота в Баварии не велась уже около века. Последняя попытка вести разработку была неудачно предпринята накануне Первой мировой войны. К этому времени метод намывания золота был неэффективным, в имеющихся в рейхе золотодобывающих предприятиях (одно в Шлезвиге и пять в Австрии) добыча золота происходила в штольнях и шахтах. Когда Винерт понял, что чересчур затянул выполнение стратегического задания, он сообщил, что необходимых залежей золота нет.

В поисках золота принимал участие и профессор Йозеф Виммер, руководитель отдела прикладной геологии. Одновременно с этим он занимался в СС разработкой методики поиска воды под землей. Эти работы привлекли внимание Гиммлера, который в 1942 году решил, что тот при помощи лозы должен отыскать взрывчатку, заложенную в краковской синагоге. До 1942 года Виммер сотрудничал главным образом с Баварским министерством по делам культов. Рейхсфюрер приложил все усилия, чтобы использовать эту неординарную личность в собственных интересах. Когда Гиммлер принял решение создать эсэсовскую бригаду лозоискателей, он думал не о воде, а о золоте. Члены этой бригады после учебы и проверки способностей должны были исследовать недра. Пока Винерт искал золото в речушках Баварии, Виммер готовил на территории сада лечебных трав в Дахау лозоискателей, набранных из состава ваффен СС. Первый учебный курс был закончен 13 октября 1942 года. Надо полагать, что выпускники произвели должное впечатление, так как

посетивший Дахау куратор Вюст высказался за то, чтобы продолжить дальнейшее обучение. Это высказывание интересно уже тем, что он не одобрял подобных ненаучных вещей. В декабре 1942 года было решено — каждая военно-геологическая группа СС должна иметь в своем составе лозоискателя. В дивизию ваффен СС, которая находилась в Белграде, сразу же были высланы трое из выпускников. В марте 1943 года в Дахау были организованы двойные курсы: на одних готовили собственно лозоискателей, на вторых — инструкторов по обучению лозоискательству. Удовлетворенный результатами Гиммлер решил обратиться к Виммеру с одной из своих многочисленных идей. Ему предлагалось заняться поисками легендарных сокровищ горы Хохенгёвен. В течение ноября 1943 года Виммер облазил всю гору с лозой, но поиски не дали никаких результатов.

То, что не удалось сделать Виммеру и Винерту поодиночке, они не смогли сделать и в союзе — золота не было. В 1945 году они решили больше не подогревать интерес Гиммлера к этой теме, тем более что его в это время интересовали совершенно другие проблемы — после крушения рейха ему вряд ли требовалось золото.

Во время войны не любая естественно-научная структура Аненербе была полезной. Это показывает пример отдела геофизики, который возглавлял уже знакомый нам Ганс Роберт Скультетус.

С началом войны исследования Скультетуса относительно долгосрочных прогнозов погоды были прекращены. Ученый перешел на службу в метеослужбу Люфтваффе. Там он фактически воссоздал свой старый отдел, переманив сотрудников в ведомство Германа Геринга. Но подобное сотрудничество не могло длиться долго — специалисты Геринга не доверяли последователям «теории мирового льда». Он до 1945 года поддерживал контакты с Аненербе, но о восстановлении в правах псевдонаучной теории не могло быть и речи — в лучшем случае он мог рассчитывать на создание в рамках «Наследия предков» отдела метеорологии. Во время войны руководство общества исходило из чисто утилитарных соображений, а «мировой лед» не имел никакой практической ценности для ведения войны.

С началом «тотальной войны» эсэсовские ученые ощутили явный недостаток высокообразованных специалистов в области математики, физики и химии. Кадры, подготовленные до войны, оказались на фронтах. Увидев такую проблему, Гиммлер 25 мая 1944 года издал приказ о сотрудничестве Аненербе и РСХА по созданию в концентрационных лагерях исследовательских структур, в которые должны были привлекаться еврейские и неблагонадежные ученые, находившиеся там. Эта структура получила название «Отдел М[атематики]» и занималась в основном расчетом формул, необходимых

для ракетостроения. Странно, но непосредственно курировало его не Аненербе, а Институт прикладной математики при Политехническом университете Дортмунда. В декабре 1944 года в Заксенхаузене были собраны 18 ученых. Но к этому времени техническая война была проиграна: 935 союзных бомбардировщиков уничтожили почти все запасы сырья. Планам «качественного превосходства» был положен конец.

Аненербе в сфере естественных наук оказалось несостоятельным по целому ряду причин. Ученые, работавшие в обществе, страдали от изоляции, которая была предопределена секретностью работ, проводимых в СС. К тому же в «Наследии предков» никогда не практиковалась коллективная работа, да и вообще, ученые редко имели каких-либо помощников. Каждый из сотрудников Аненербе пытался избегать контактов с другими функционерами, педантично занимаясь собственным заданием, большинство из которых давал лично Гиммлер. Строгая иерархия и эсэсовские принципы не способствовали творческому обмену мнениями между начальником и подчиненным, хотя часто это было просто необходимо. В итоге пропасть между сотрудниками и руководителями, учеными и функционерами СС постоянно увеличивалась, вызывая отчуждение первых и непонимание сложившейся обстановки у вторых. Подобная обстановка не могла способствовать творческой мыслительной деятельности.

Нельзя забывать, что на результатах работы сказывалась научная подготовка сотрудников естественно-научного сектора. Из видных функционеров в этой области научную степень имел только Эрнст Шефер, но и он не смог добиться признания в академических кругах. К тому же не всегда полученное образование соответствовало профилю работ, которым занимались сотрудники «Наследия предков». Взять того же Шефера. Орнитолог по образованию, он был известен в рейхе как специалист по Тибету, который был вынужден заниматься антропологией. Позже ему приходилось заниматься селекцией морозоустойчивых злаков и многофункциональных лошадей. Мог ли один человек иметь такой широкий кругозор, чтобы заниматься ***всеми делами сразу с одинаковым успехом?*** Очень сомнительно.

И здесь мы сталкиваемся с третьей причиной неудач «Наследия предков» — системой подбора кадров. Тщательно выверенная Вюстом и Зиверсом кадровая политика, закрывшая двери исследовательского общества для дилетантов, была напрочь разрушена войной. В этом преимущественно виноват сам Гиммлер. После того как сумасбродный полковник Шрёдер-Штранц оказался в ближайшем окружении рейхсфюрера, Шефер стал рассматривать Аненербе как

«пристанище неудачников» (об этом он наиболее охотно распространялся после войны). В «Наследие предков» под видом изобретателей и ученых хлынули шарлатаны и халтурщики. Они с восторгом занимались проблемой красных лошадей и радиации, в то время как серьезные ученые брезговали такими заданиями. Гиммлер выдавал желаемое за действительное — он свято верил, что Аненербе, берясь за такие бредни, способствовало победе Германии. Сами прикладные задания были нередко просто бессмысленными, что показал случай с Виммером и Винертом. Или, допустим, доставил бы Шефер пресловутых лошадей в район Миттерзиля. Сколько бы лет потребовалось, прежде чем появилось поголовье необходимых морозоустойчивых многофункциональных жеребят? Нацистский лозунг о том, что «Немецкий ученый одновременно является солдатом», не имел никакой практической ценности.

Но на самом деле удивительно то, какая роль должна была достаться Аненербе в годы войны. Не стоит думать, что это была какая-то хозяйственно-производственная структура, как может показаться после описания событий 1939—1945 годов. Аненербе стало неким центром развития СС. Именно благодаря «Наследию предков» СС превратились не просто в карликовую армию человека, который был по совместительству шефом полиции. «Черный корпус» Генриха Гиммлера стал «государством в государстве». В эсэсовском государстве была своя экономика, своя армия, свои ученые: словом, все для того, чтобы существовать обособленно не только от всего мира, но даже и от Германии.

Как же Аненербе — структура, к которой еще недавно презрительно относились сами люди в черной форме, — стало незримым центром СС? Ответ на эту головоломку кроется в самой личности Гиммлера. Он давал ход своим безграничным фантазиям, а потому его задания были хаотичны и непоследовательны. Иррациональность имела для него всегда большее значение, нежели взвешенные практические моменты. Когда речь зашла о создании «чудо-оружия», он либо «купился» на дешевые спекуляции проходимцев, либо предался своим мечтам, заблудившись в их лабиринте. Он не собирался придерживаться трезвой сдержанности и продолжал, например, требовать от Винерта результатов даже после его неутешительных отчетов. Этим можно объяснить личную антипатию Гиммлера к атомному проекту, которому он не придавал никакой ценности: атомщики работали в сплоченном, единодушном коллективе. Они придерживались своего кодекса чести и своих законов, и рейхсфюрер СС для них не являлся авторитетом, так же как не имели никакой ценности моральные установки СС. К тому же Гиммлер не мог себе представить «атом», так как не мог понять теоретически, что

это такое (все отмечали у него слаборазвитое абстрактное мышление).

Сделав Аненербе центром развития СС, Гиммлер по сути преследовал только одну цель: во всех проектах общества должен был отразиться его псевдогений. Естественно-научные и военные исследования были совершенно безрассудными, но отнюдь не несли в себе кошмарного оттенка. Они просто не имели никакой ценности. Было бы трагично, если бы курьезная игра мысли искалечила жизни конкретных людей. Именно это произошло в сфере экспериментальной медицины. Благодаря ей сотрудники Аненербе приобрели печальную славу хладнокровных убийц в белых халатах.

Глава 8
НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕЛЕВЫХ ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вечером 2 января 1942 года имперский руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверс имел десятиминутный телефонный разговор с Генрихом Гиммлером, который звонил из личного поезда «Генрих». Гиммлер поставил перед Зиверсом задачу создать как можно быстрее Институт по изучению и борьбе с вредными для людей насекомыми. На сугубо научной основе требовалось изучить условия обитания отдельных насекомых, болезни, которые они могут переносить, и методы борьбы с паразитами. (Гиммлер: «Почему одним людям передаются вши, а другим нет?») Будущий институт должен был определить возможности предотвращения роста численности насекомых и перспективы их полного уничтожения. В перспективе Гиммлер предусматривал государственное финансирование (чего не было почти никогда) и предварительное обсуждение с верхушкой Аненербе личности будущего руководителя этой организации. «Необходимые результаты, — подчеркнул глава СС, — должны быть предоставлены уже к началу лета».

Откуда взялась такая спешка? Сейчас можно только догадываться о подлинных мотивах этого телефонного звонка. Возможно, Гиммлера беспокоила проблема массовых эпидемий, которые свирепствовали в концентрационных лагерях. Когда он 1 марта 1941 года посещал только что построенный лагерь Освенцим, то, согласно официальному протоколу, проблема эпидемий в нем не была актуальной. Тогда Гиммлер приказал коменданту Гёссу при первых же признаках появления эпидемии локализовать ее и беспощадно подавить. Легче сказать, чем сделать! Некоторое время спустя Гёсс имел все основания бить тревогу: эпидемия охватила почти весь лагерь — не помогли ни карантины, ни дезинфекции. Но Гиммлер

ничего не мог придумать, кроме ликвидации больных заключенных. Однако этот вариант не устраивал рейхсфюрера — он не мог пойти на ликвидацию всех заключенных, так как в тот момент остро нуждался в бесплатной рабочей силе. Более того, он опасался, что во время казней эпидемия могла перекинуться на эсэсовский корпус.

Судя по всему, непосредственным толчком к сумбурному разговору по телефону стала эпидемия сыпного тифа в лагере Нойенгамме близ Гамбурга, которая охватила большинство заключенных в конце 1941 года. Сыпной тиф был в Германии редкой болезнью. Переносчиками его стали платяные вши, которыми кишела плохо продезинфицированная одежда заключенных. Тогда советник по гигиене местного управления здравоохранения профессор Мюлене обратился в эсэсовские ведомства с просьбой провести дезинсекцию вшей в лагере.

В начале 1942 года в Бухенвальде по инициативе Гиммлера и имперского руководителя врачей Леонардо Гонти врач-эсэсовец Эрнст Гравитц начал серию опытов над заключенными, больными тифом. Суть экспериментов заключалась в том, чтобы испробовать на больных разработанные в «ИГ-Фарбен» медикаменты. Местом проведения опытов был блок № 46, который позже стал местом хранения культуры бактерий. До 1945 года через это унылое место прошло около 600 заключенных.

Между тем Аненербе было уже вовлечено в сферу биологических исследований. Пытаясь найти руководителя для новой структуры «Наследия предков», Зиверс столкнулся с Герхардом Петерсом, начальником филиала «ИГ-Фарбен» во Франкфурте-на-Майне. Сначала заинтересовавшись заманчивым предложением, последний был вынужден остаться в стороне. В феврале 1942 года рейхсфюрер СС еще раз напомнил Зиверсу об институте, и тот решил не откладывать дело в долгий ящик и остановился на Эдварде Мае, внештатном индустриальном советнике, который собирался получить ученую степень в Мюнхенском университете. Он не был членом СС и даже не состоял в НСДАП. То, что этот специалист по борьбе с сельскохозяйственными паразитами согласился сотрудничать с Аненербе, было заслугой Вюста, который пообещал сохранить ему аспирантуру в университете. Ему не пришлось кривить душой, сотрудничая с эсэсовцами — задолго до этого он клеймил Эйнштейна, призывая очистить немецкую науку. В личных разговорах с руководством «Наследия предков» Май пришел к выводу, что логичнее было бы организовать энтомологический институт в концентрационном лагере Дахау. Свой выбор он объяснял тем, что здесь имелось необходимое оборудование (когда-то тут исследовал малярию профессор Клаус Шиллинг), к тому же это облегчало осмотр больных

заключенных. К этому времени Шиллинг отбыл в Грецию, где среди немецких солдат свирепствовала эпидемия малярии, и Май без всякого стеснения занял его место. После войны Май утверждал, что непосредственный ход экспериментов определялся лично Гиммлером, но ни документы, ни дневники Зиверса этого не подтверждали. Надо заметить, что Май сопротивлялся вовлечению в опыты заключенных, так же как отверг дальнейшее сотрудничество с Шиллингом, когда узнал, что он специально заражал подопытных малярией. Собственно, Май и не занимался медицинскими экспериментами, он решил сосредоточиться на насекомых. Его работа сводилась не к разработке сыворотки против эпидемий, а к получению химикатов по уничтожению насекомых и их личинок. В случае с малярией он работал над средствами поражения личинок комаров, а местом его опытов были лужи и водоемы с этими личинками. Медицинскую сторону опытов он предпочитал оставлять врачам.

По техническим причинам возведение здания института, которое должно было стоять за пределами Дахау, затянулось не на один месяц. Тем временем Гиммлер вновь оказался в Освенциме, где увидел опустошительные последствия все еще бушевавшей эпидемии. Опасаясь, что эпидемия все-таки перекинется на эсэсовцев, он сделал ответственным за борьбу с насекомыми и кровососущими продовольственного инспектора ваффен СС штурмбаннфюрера Гюнтера Шенка. Но Шенк понятия не имел, что делать. Когда же Май заявил, что исследовательский проект заработает только тогда, когда будут для этого необходимые условия, Гиммлер, находясь не в настроении, оценил его усилия как ничтожные. Но Шенк продолжал настаивать на том, чтобы эпидемиологическая работа проходила в тесной связке с Маем и Вюстом. Последний заверил рейхсфюрера, что сделает все возможное, чтобы структуры Аненербе помогли в решении этого вопроса. Желая продемонстрировать продуктивное сотрудничество Аненербе и ваффен СС в деле создания института, Вюст обратился к рейхсфюреру с просьбой назначить обергруппенфюрера Освальда Поля главным инспектором всех концентрационных лагерей и ввести его в состав энтомологического совета. Чтобы больше не раздражать нетерпеливого Гиммлера, Поль принял решение разместить институт в лекарственном саду Дахау. Май тут же поставил условие Зиверсу, что ему необходим в качестве помощника известный специалист по цветочной пыльце Эрнст Шутрумпф. Он был тут же введен в состав «Наследия предков», но поскольку в тот момент необходимой аппаратуры для проведения опытов было недостаточно, ему поручили изучить всю литературу, касающуюся комаров и кровососущих. Вскоре Гиммлер вновь дал о себе знать: он просил изучить, можно ли воздействовать на комаров коротко-

волновым излучением. В итоге Шутрумпф не вылезал из берлинских библиотек, чтобы получше понять, что же все-таки требовал от него рейхсфюрер.

Тем временем строительство здания института и бараков для опытов затягивалось. Причина этого была банальна — не хватало охранников-эсэсовцев, которые должны были следить за заключенными, силами которых велось строительство. Но Генриха Гиммлера подобные мелочи не интересовали. В итоге Шенк лишился своего поста, а руководство СС начало искать другого, более энергичного и квалифицированного офицера, который мог бы возглавить борьбу с насекомыми. Но что могла здесь сделать воля эсэсовца, если исследовательский центр Аненербе не был пока в состоянии экспериментировать с применяемыми препаратами? Это еще раз показывает, что для полной хозяйственной независимости, на которую претендовали СС, у «черного ордена» явно не хватало собственных сил. Производственные процессы в СС происходили хаотично, не имея нередко никакой хозяйственной логики.

Бараки в Дахау для Мая и его маленького штата сотрудников были построены осенью 1943 года. «Заселили» их в начале 1944 года. К этому времени Энтомологический институт вошел в состав Научного института целевых военных исследований, но задачи у него остались прежними. После того как в Освенциме в январе 1944 года начала распространяться малярия, особым уполномоченным рейхсфюрера СС по борьбе с паразитами был назначен штурмбаннфюрер Гунтрам Флаум, который, даже по мнению заключенных, обладал не только энергичностью, но и высокой образованностью. Его штаб базировался в том же Освенциме. Борьба с комарами и паразитами стала для Гиммлера своего рода манией, которой он был просто одержим. К тому времени, когда Май только приступил к предварительным опытам, Флаум на свой страх и риск закупил какое-то средство от паразитов и начал проводить дезинсекцию бараков. Осознавая шаткость своего положения, Май решил ускорить темпы работ: он предложил обработать химикатами с самолетов все окружающие пруды и водоемы вокруг Освенцима. Для выполнения этого задания был приписан полковник Люфтваффе фон Борштель, который должен был опробовать свой новый метод распыления химикатов. Но все эти меры вряд ли имели какое-то воздействие на главных переносчиков сыпного тифа — платяных вшей. Согласно дневнику одного еврейского врача-заключенного, в карантинном лагере Освенцима было неимоверное количество больных тифом, чья одежда просто кишела вшами. Но ни Май, ни Флаум, ни Борштель с этим ничего не могли поделать. Задание Гиммлера осталось фактически невыполненным. Для Аненербе в начале 1945 года

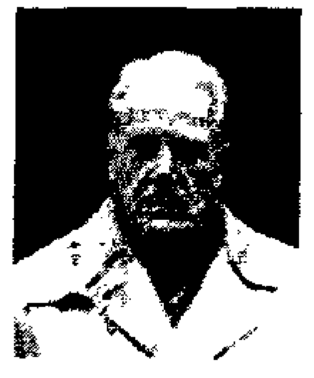
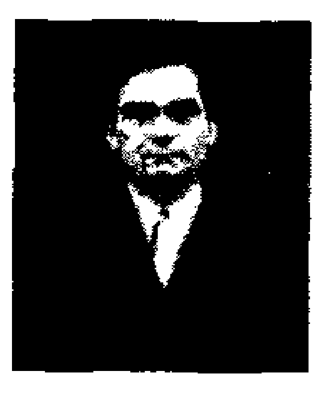
практическая энтомология не имела никакого смысла. Поскольку лаборатория в Дахау оставляла желать лучшего, а война шла к концу, Май принял предложение одной химической компании работать в отделе с энтомологическим уклоном.

Как бы ни оценивали деятельность Эдварда Мая, ему удалось избежать обвинений в нарушении медицинской этики и проведении опытов над людьми. В случае с доктором Рашером, вторым по значимости человеком в Научном институте целевых военных исследований, все обстояло с точностью до наоборот: он пытался использовать любой удобный повод, чтобы проводить эксперименты над заключенными. Он смог проделать за короткое время длинный путь: от малоизвестного мюнхенского хирурга до видного функционера «Наследия предков». Он прекратил свои исследования злокачественных опухолей, когда в мае 1939 года перешел в Люфтваффе, а в сентябре 1939 года оказался в составе действующей армии. Основанием для этого послужила политика экономии, проводимая в Аненербе: тогда было решено, что ежемесячное содержание доктора Рашера (650 рейхсмарок) будет сокращено, и исследовательскому обществу, видимо, придется отказаться от исследования раковых клеток. Рашер убедительно просил сохранить эту ставку, так как его гражданская жена Нини Диль была готова продолжить в его лаборатории начатые исследования. Вальтер Вюст сам присоединился к этой просьбе и передал ее лично Гиммлеру. В начале октября 1939 года Рашер формально получил звание унтерштурмфюрера СС и даже стал адъютантом Гиммлера в Мюнхене, оставаясь офицером Люфтваффе. При этом он продолжил свое сотрудничество с Аненербе. В 1940 году он начал, прикрываясь именем Гиммлера, собирать в Дахау кровь раковых больных. Параллельно он сам неоднократно появлялся в Мюнхене, чтобы проследить за порядком в лаборатории.

Являясь старшим врачом Люфтваффе, в начале 1941 года он был откомандирован в воздушную команду VII, которая базировалась в Мюнхене, где он должен был пройти врачебные курсы. Там Рашер заинтересовался проблематикой высотных полетов. Тогда в Третьем рейхе хотели изобрести ракету-истребитель, которая могла бы подниматься на высоту свыше 18 километров. Ее предполагалось противопоставить высотным английским истребителям, которые весьма досаждали Герингу. Опыты, которые проводили другие врачи Люфтваффе, и эксперименты над обезьянами принципиально не устраивали изобретательного Рашера. В середине мая 1941 года Рашер обращается к Гиммлеру с просьбой: «Я с сожалением вынужден констатировать, что у нас не было проведено никаких опытов на че-

ловеческом материале из-за их опасности и отсутствия добровольцев. В связи с этим я ставлю вопрос, который представляется мне очень серьезным: есть ли возможность получить от вас в наше распоряжение двух или трех профессиональных преступников? ...в ходе этих опытов, которые будут проводиться с моим участием, не исключена, разумеется, гибель подопытных лиц. Но они нам совершенно необходимы для проведения испытаний при полетах на больших высотах и не могут быть заменены, как это было раньше, обезьянами, реакции которых могут значительно отличаться от человеческих». Гиммлер ответил, что готов дать любое количество заключенных, какое только потребуется для экспериментов. Поздней осенью, получив принципиальное согласие санитарного инспектора Люфтваффе профессора Э. Хиппке, Рашер начал готовить свои эксперименты в концентрационном лагере Штрефлинген. В ноябре Рашер сотрудничал с профессором Георгом Августом Вельтцем из Мюнхенского института летной медицины. У него Рашер ознакомился с результатами работ по программе «Спасение с больших высот», которая разрабатывалась Зигфридом Руффом в Берлинском институте летной медицины при Немецком обществе испытательных полетов. В Берлине эта программа была свернута, так как не смогла найти добровольцев для ее осуществления.

И Вельтц, шеф института Люфтваффе, и Руфф, директор гражданской структуры, приняли предложение Рашера воспользоваться возможностью проведения опытов в концентрационных лагерях. Малоизвестный доктор хотя и был инициатором этого предприятия, но играл пока только роль ассистента Г. Вельтца (у Руффа таковым являлся другой молодой доктор — Ганс Вольфганг Ромберг). При этом Вельтц и Руфф лицемерно закрывали глаза на возможный риск в подобных опытах, в то время как Рашер настаивал на серийности опытов, а отнюдь не единичности (этот цинизм позволил ему стать фаворитом у Гиммлера). Он с самого начала не очень уютно чувствовал себя в авиации и всеми силами рвался в СС. В Дахау он пытался дистанцироваться от армейских врачей. Подобная позиция импонировала Гиммлеру. 1 февраля 1942 года он порекомендовал Нини Диль-Рашер везде распространяться, что опыты в лагере Дахау проводит старший врач Рашер с разрешения и в тесном сотрудничестве лично с рейхсфюрером СС. Для Гиммлера, который планировал использовать оригинальные наработки врача из Люфтваффе для повышения научного престижа СС, такая позиция была само собой разумеющейся. Рашера же он убедил, что тот как офицер СС должен сообщать в случае необходимости о всех результатах лично ему, и тот с удовольствием пользовался этим правом.

Карл Гебхардт, Георг Август Вельтц, Ганс Вольфганг Ромберг, Зигфрид Руфф, представшие перед Нюрнбергским трибуналом

Если до середины февраля 1942 года Рашер готовил свои высотные опыты под руководством Вельтца, то затем стал действовать как полноценный руководитель экспериментальной станции в Дахау. Эксперименты, проводимые в специальной барокамере, с самого начала приводили к смерти большинства заключенных.

Результаты были ужасны. О них рассказывал узник Дахау, медик по образованию, доктор Антон Пашолегг, которого Рашер использовал в качестве своего помощника: «Я лично видел через имевшееся в камере окошечко для наблюдения, как один из заключенных внутри камеры подвергался воздействию снижающегося давления. Он мучился до тех пор, пока его легкие не взорвались. При некоторых опытах в головах людей возникало такое давление, что они сходили с ума и вырывали волосы, чтобы облегчить страдания. Они раздирали ногтями лица, уродуя себя в припадке безумия. Они били в стену кулаками, колотились о нее головой и громко кричали, чтобы ослабить давление на барабанные перепонки. Опыты по доведению давления до нуля обычно заканчивались смертью подопытных. Причем исход был настолько неизбежен, что во многих случаях пребывание в камере представляло скорее мучительный метод казни, нежели форму опыта».

В марте—апреле 1942 года, когда начались эти бесчеловечные эксперименты, к ним подключилось Аненербе. Рашер, который всеми силами пытался попасть в СС, охотно вступил в исследовательское общество Гиммлера, тем более что уже сотрудничал с ним раньше. В середине марта Зиверс лично встретился в Мюнхене с Рашером и его спутницей жизни, которая уже давно была его ассистенткой, чтобы обсудить отдельные аспекты их дальнейшего сотрудничества.

4 апреля Рашер сообщил Гиммлеру, что ему удалось достичь определенного успеха. Под успехом Рашер подразумевал вывод о том, что при имитации в барокамере высоты 10,5 километра заключенные умирали. Следуя любимой привычке, Гиммлер сделал встреч-

ное предложение: изучить возможности реанимации подопытных. В окончании своего послания к Гиммлеру Рашер сделал несколько язвительных выпадов в адрес своего коллеги, доктора Ромберга. Он заметил, что мог бы лично осуществлять опыты, которым препятствовал Ромберг. Рашер пустил в ход свое коварство, которое направил против Люфтваффе. В течение следующих нескольких недель Рашеру удалось настроить Зиверса против верхушки военной авиации и ее врачей. Результатом этих манипуляций стало решение имперского руководителя «Наследия предков» во что бы то ни стало извлечь врача из Люфтваффе, чтобы тот проводил свои опыты исключительно под патронажем рейхсфюрера СС. Но это было не так просто, как казалось. Какой бы ни виделась сомнительной связь между авиационным доктором и шефом СС, Геринг прекрасно понимал, что результаты, полученные в ходе не менее сомнительных экспериментов, были ему на руку. А потому предпринимались все меры, чтобы удержать в узде пылкого врача, который намеревался перейти в эсэсовское подчинение. Подобная неопределенность стала судьбой Рашера. Но его чутье подсказывало, что в запутанной системе национал-социалистического государства было очень трудно сидеть сразу на двух стульях. Конфликт обострялся еще и тем, что Люфтваффе не было морально готово к подобным экспериментам, в то время как Рашер уже давно отбросил в сторону любые этические нормы.

Однажды Гиммлер написал фельдмаршалу Мильху: «Исследования доктора Рашера построены на опытах, имеющих огромное значение; я лично беру на себя ответственность поставлять для них преступников и социально опасных лиц; эти люди, заслуживающие только смерти, набираются в концентрационных лагерях. Следовало бы устранить трудности, связанные главным образом с возраже-

Жертвы высотных экспериментов

ниями религиозного порядка, сдерживающими развитие опытов, ответственность за которые я беру на себя. Я лично присутствовал на опытах и могу без преувеличения сказать, что участвовал на всех этапах научной работы, оказывая ей помощь и стимулируя ее. Нам потребуется по меньшей мере десяток лет, чтобы выкорчевать узость мысли, свойственную нашим людям. Я хочу напомнить, что осуществление связей между Люфтваффе и СС поручено медику, не являющемуся христианином, имеющему хорошую научную репутацию и не склонному к интеллигентским вывертам».

Это прекрасно объясняло личную неприязнь между Рашером и Ромбергом. Последний впал в шок, став очевидцем смерти в барокамере, которую, как свидетельствовал на Нюрнбергском суде, мог легко предотвратить. Ромберг заявил Рашеру свой решительный протест и информировал об этом своего начальника, Руффа — поступок скорее нехарактерный для того времени. Месяц спустя Ромберг наблюдал еще два случая смерти. В тех экспериментах, которые проводил он сам, Ромберг не заходил так далеко, пытаясь сохранить жизнь заключенным. Именно по этой причине Гиммлер и Зиверс решили, что Рашер должен проводить свои собственные, независимые от Ромберга эксперименты. В результате Ромберг и Руфф пришли к выводу, что им нужна собственная барокамера.

Отчеты Рашера, адресованные Гиммлеру, показывали, что доктор с самого начала отбирал подопытных без всякого принципа, обрекая почти всех на мучительную смерть от воздушной эмболии (закупорки) сосудов. Чтобы произвести еще большее впечатление на Гиммлера, он предложил фиксировать ход экспериментов на кинопленку. Эти отвратительные фильмы должна была монтировать его супруга, которая была еще большей садисткой, чем ее муж. Предыстория возникновения подобного кино была весьма показательной, поскольку наилучшим образом характеризовала некоторых функционеров Аненербе. Однажды Зиверс и Шефер оказались в Дахау, чтобы посмотреть на ход программы, которой руководил Рашер (как помним, Шефер в то время курировал все естественно-научные проекты). Видимо, врач-садист решил не шокировать гостей видом умирающих заключенных и потому не довел опыты до этой стадии. После того как жертвы экспериментов, находясь в полусознательном состоянии, ступали на землю, Рашер сказал Шеферу: «Вы видите потерю равновесия. Это надо бы запечатлеть на пленку». Зиверс распорядился, чтобы Шефер поручил проводить съемки своему товарищу по Тибету, кинооператору Краузе. Но увиденное настолько потрясло Шефера, что тот стал презирать Рашера и сделал все возможное, чтобы не выполнить приказ начальства. Он сослался на то, что Краузе был болен, и потому съемки стала прово-

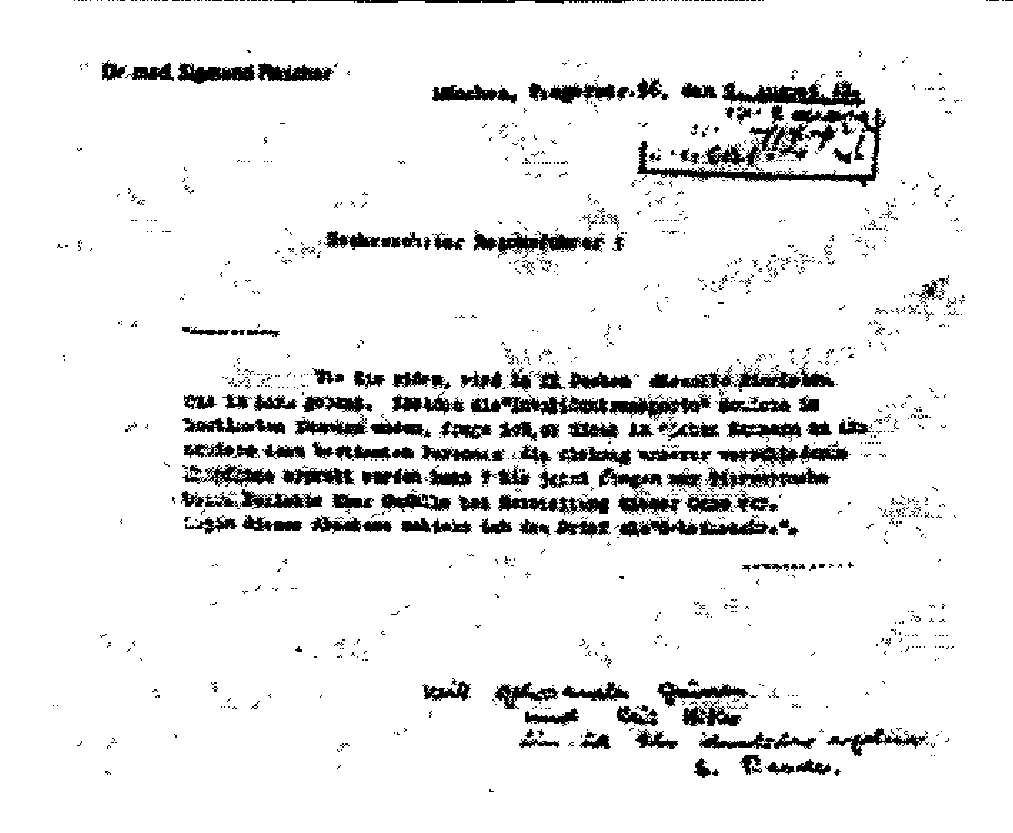
дить Нини Диль-Рашер. Несмотря на саботаж Шефера, фильм был все-таки закончен, в монтаже его помогал кинооператор Аненербе гауптштурмфюрер Гельмут Боуссет. Доподлинно неизвестно, видел ли это «кинотворение» сам Гиммлер, но 11 сентября 1942 года фильм был показан в Министерстве авиации. Можно только догадываться, какие чувства он вызвал у летчиков, считавшихся элитой армии и придерживавшихся своих неписаных законов.

О размахе проводимых опытов говорила только одна цифра — лишь за май 1942 года через барокамеру прошли около 200 человек: немцев, русских, евреев, поляков. Десяток из них согласились идти на эти истязания добровольно (выжившим обещалось помилование и освобождение из лагеря). Большая часть из них так и не вышла из чудовищного аппарата. Даже тех, кто выжил, эсэсовское руководство обмануло: освобождение на деле оказалось попаданием в подразделения Дирлевангера[1], что было равнозначно смертному приговору. Число жертв неуклонно росло, что давало Рашеру удобный повод продлить эксперименты. Но его коллеги по Люфтваффе, всегда считавшие его жутким типом, смогли, хотя и с большим трудом, вернуть себе аппарат. К великому сожалению Гиммлера, высшее руководство немецких ВВС даже и не думало вернуть аппарат обратно в концлагерь, у СС же не было собственных возможностей сделать подобный.

То, что рейхсфюрер лично хлопотал по поводу барокамеры, демонстрировало, что он с большой симпатией относился к своему подопечному и его «исследованиям», будучи готовым поддержать его во всех начинаниях. Рашер понимал это и потому пытался, ссылаясь на свой разрыв с авиацией, использовать возможности Аненербе. К этому времени Зиверс делал все возможное, чтобы взять его к себе на службу. Но руководство Люфтваффе не собиралось отдавать врача, несмотря на то, что он постоянно пропадал в концентрационных лагерях и рвался служить в СС.

Почему же? Поначалу казалось, что в этом деле СС зависело от авиации, так как барокамера являлась собственностью Люфтваффе. Но на деле оказалось все наоборот. Очевидно, что только эсэсовские специалисты решались проводить подобные эксперименты. Рашер, который, с одной стороны, был эсэсовцем, а с другой стороны-

[1] *Оскар Дирлевангер* (26 сентября 1895 — 5 июня 1945) — командир дивизии «Дирлевангер», сформированной из Браконьерской команды Ораниенбург (Wilddiebkommando Oranienburg). На 1 сентября 1940 года численность команды составляла 300 человек, пополняясь главным образом за счет заключенных концлагерей, променявших жизнь за колючей проволокой на военную службу. Отличалась неимоверной жестокостью в подавлении антифашистских восстаний и партизанского движения.

Письмо Зигмунда Рашера, в котором он предлагает проводить опыты на людях

ны, офицером авиации, был очень нужен немецким ВВС. Гиммлер, всегда четко осознававший, что он делал, брал на себя всю моральную ответственность за эти бесчеловечные действия, Люфтваффе же, оставаясь в стороне, получало практические результаты. Отвергнув нормы традиционной морали, эсэсовские специалисты хотели продемонстрировать офицерам Люфтваффе свою аморальность, точнее, надморальность, свои претензии на грядущее могущество и всевластие. Офицеры ВВС и их руководство в этом отношении показали себя полными ничтожествами: негласно одобряя эксперименты, они умывали руки, перекладывая всю вину за них на Гиммлера и СС (после войны они очень часто говорили об «извращенце Рашере»).

Подобная двуличная позиция, которая на Нюрнбергском процессе с формальной точки зрения не осуждалась, в 1942 году была более чем отчетливой. Когда обергруппенфюрер Вольф заявил об окончании «высотных экспериментов», генерал-фельдмаршал Мильх направил письмо, в котором заявил, что не возражал против дальнейшего использования Рашера при осуществлении «опытов другого рода». Речь шла прежде всего о так называемых аварийных вопросах, то есть решении проблемы переохлаждения сбитых летчиков в морских водах. Было необходимо выяснить, как долго могли находиться люди в подобных условиях, чтобы выжить?

24 февраля 1942 года профессор Хольцлёнер, психолог из Киля, получил задание от главного санитарного инспектора Хиппке изучить воздействие переохлаждения на теплокровных. Рашер тогда должен был подбирать людей для подобных экспериментов. Рашер писал Гиммлеру, что опыты по переохлаждению можно было бы начать в июле. Но этот план приобрел конкретные очертания только после того, как Рашер лично переговорил с Генрихом Гиммлером. Как рассказывал после войны Ромберг, который присутствовал при этом разговоре, Гиммлер подчеркнул, что эти опыты имеют большое значение не только для СС, но и для Люфтваффе и военно-морского флота. «Он тогда долго развивал мысли об опытах и путях их осуществления. Он дал, например, Рашеру задание изучить опыт акций спасения кораблей, тонувших в Северном море, и то, как население прибрежных районов возвращало к жизни замерзших жертв кораблекрушений. Далее он заметил, что для этого нередко имеются очень хорошие опробованные народные средства — такие, как, например, чай из лекарственных трав, грог или кофе. Он [Гиммлер] полагал, что эти средства нельзя обходить стороной». Предвидя то, как будут осуществляться эти опыты, Ромберг хотел отказаться от выполнения этого задания, о чем официально заявил всем присутствующим (к этому времени он решил, что больше не будет иметь никаких дел с Рашером).

Когда в Аненербе в качестве одного из подразделений исследовательского общества был создан Научный институт целевых военных исследований, Рашер пытался сделать все возможное, чтобы работать в нем; таким образом он пытался ускорить свой переход в ваффен СС. 15 августа 1942 года в Дахау началось проведение опытов по переохлаждению человека (они вновь осуществлялись при тесном сотрудничестве СС и Люфтваффе). Со стороны военно-воздушных сил в них принимали участие доктора Финке и Хольцлёнер. Общее же руководство над ними было поручено Рашеру. В своем первом отчете от 10 сентября 1942 года Рашер описывал рейхсфюреру СС процесс пребывания заключенных, облаченных в полную летную форму, в ледяной воде. Как только температура тела достигала 28 °С, наступала смерть подопытного, несмотря на все попытки реанимировать его.

В опытах по воздействию влажного холода подопытных погружали в ледяную воду либо обнаженными, либо одетыми в летные комбинезоны, спасательный круг не давал им утонуть. Доктор Пашелогг рассказывал об одном из таких опытов: «Для самых страшных из экспериментов, проводимых в Дахау, были использованы два русских офицера. Они были доставлены из бункера. Говорить с ними запрещалось... Рашер заставил их раздеться и войти в бассейн.

Два часа спустя они были еще в сознании. Наши обращения к Рашеру с просьбой сделать им инъекцию не дали результатов. На третьем часу один из русских сказал другому: «Товарищ, скажи этому офицеру, чтобы он пристрелил нас». На что другой ответил: «Ничего хорошего от этой собаки не дождешься!» После этих слов, переведенных на немецкий молодым поляком, который несколько смягчил их форму, Рашер ушел в свой кабинет. Поляк попытался усыпить их хлороформом, но Рашер тут же вернулся и, угрожая револьвером, сказал: «Не лезьте не в свое дело и не приближайтесь к ним». Опыт продолжался по меньшей мере пять часов и закончился смертью обоих. Их трупы были переправлены в Мюнхен для вскрытия».

Врачи изучают тело жертвы экспериментов по переохлаждению, которые доктор Зигмунд Рашер (справа, в форме Люфтваффе) проводил в лагере Дахау

Один из отчетов, который с точки зрения ясности оставлял желать лучшего, заканчивался словами: «Исследования по обогреву животным теплом продвигаются вперед очень медленно. Для предотвращения переохлаждения принимается во внимание улучшение летной формы». Но Гиммлер принципиально настаивал на продолжении изучения «животного тепла». В одном из личных разговоров он как-то заметил, что «рыбачки, спасая своих замерзших мужей, согревали их своим телом в постели». Он полагал, что каждый должен был знать, что животное тепло действует так же, как и искусственное, а потому Рашер должен был дальше заниматься этим направлением.

Этой идеей Гиммлер переплюнул по своей извращенности даже Рашера. Есть все основания полагать, что, настаивая на проведении этих опытов, рейхсфюрер руководствовался не только научными интересами — он не был таким уж педантичным экспериментатором, как его любят изображать в литературе последнего времени. Парадокс личности Гиммлера заключался в том, что он сочетал в себе черты извращенного порнографа и рассудительного бюрократа. Некоторые психоаналитики видели в этом явный намек на его бурные сексуальные переживания юности. В литературе о Гиммлере широко растиражировано клише о «скрупулезном педанте», скры-

вавшемся под маской «мелкого бюргера». Очень поверхностное суждение. После 1939 года в нем проявились наклонности, мало сочетаемые с такой характеристикой: он лично присутствовал при наказаниях и казнях женщин-заключенных, а позже начал проецировать медицинские эксперименты в область сексуальных отношений. То, что для многих извращенных личностей было только недосягаемой мечтой, Гиммлер смог превратить в действительность при помощи имевшихся у него средств. Накануне конференции «Врачебные проблемы кораблекрушений и переохлаждения» Гиммлер поторапливал Рашера и Хольцлёнера: «Мне очень любопытны опыты с животным теплом. Я полагаю, что они могут принести блестящие и значительные результаты».

И опять Рашер столкнулся со старой ситуацией — врачи Люфтваффе не одобряли подобных опытов. 9 октября Рашер заявил Гиммлеру, что Хольцлёнер являлся принципиальным противником опытов над людьми, на что рейхсфюрер ответил: «Людей, которые даже сегодня отвергают опыты над человеческим материалом, предпочитая допустить гибель храбрых германских солдат, нежели пустить в ход результаты своих экспериментов, я считаю настоящими изменниками родины. И я не колеблясь сообщу их имена соответствующим властям, а вам разрешаю сообщить этим властям о моей позиции». Чуть позже Рашер получил личное распоряжение Гиммлера организовать в одном из женских концлагерей серию опытов с «животным теплом». Хольцлёнер и Финке в них не участвовали, но оказывали методологическую помощь. Сложившуюся ситуацию можно было объяснить следующим образом: врачи Люфтваффе не возражали против опытов с женщинами, так как их результаты могли помочь спасти летчиков, но не хотели лично марать руки, предоставляя эту возможность СС.

Опыты все же решили проводить в Дахау, куда из лагеря Равенсбрюк были доставлены четыре «публичные женщины» (были ли они на самом деле проститутками или такую роль им определил Гиммлер, сейчас установить трудно). Теперь опыты с «животным теплом», вышедшие далеко за чисто медицинские рамки, превратились в форменные оргии. Рашер приказывал двум женщинам обогревать заключенного, который от переохлаждения терял сознание. Когда подопытный приходил в себя, они должны были вступить с ним в сексуальную связь, что, по мнению Рашера, должно было заменить обогревание в горячей ванне. На эти развратные опыты в Дахау не раз приезжал посмотреть сам Гиммлер; вряд ли он это делал из деловых соображений. Позже, находясь в камере смертников, Зиверс показал, что Дахау со временем превратилось в своего

рода «сексуальное предприятие», в котором «работали» красивые женщины-заключенные.

Находясь в эротическом опьянении, Рашер перешел все мыслимые границы физической и психической жестокости: в феврале 1943 года он начал эксперименты по сухому замораживанию людей. 17 февраля он держал на открытом воздухе 30 заключенных, пока их температура тела не упала до 28 °С, а затем начинал их обогрев в горячей ванне. Летальных исходов при этих экспериментах фактически не было, но мучения людей были неимоверными. После первых опытов Рашер решил, что Освенцим гораздо лучше подходит для таких целей, нежели Дахау. Во-первых, он находился в районе с более холодным климатом. А во-вторых, его гигантская площадь позволяла проводить эксперименты, не привлекая к этому внимание заключенных (после нескольких часов пребывания на лютом морозе несчастные издавали самые жуткие крики). Но переезд в Освенцим не потребовался — Рашер решил давать подопытным наркоз, что позволяло избежать паники и суматохи среди них во время проведения опытов.

К концу опытов по заморозке в них принимало участие несколько десятков узников, причем некоторые из них проходили через эту пытку не один раз. Как рапортовал Рашер, он провел серию экспериментов, которая состояла из 400 (!!!) опытов, в ходе которых погибло 80 человек. Как показали документы, 65 случаев смерти пришлись на период, когда Рашер проводил эксперименты один, без помощи Хольцлёнера и Финке. Официальная причина того, почему он продолжил эти изуверства и после 1942 года, состояла в том, что «хотел подвести под свои опыты научный фундамент и написать диссертацию».

Действительно, с 1941 года Рашер вынашивал идею получить ученую степень. То, что эсэсовские врачи тогда использовали концентрационные лагеря для своих собственных научных разработок, никого не удивляло. Например, врач лагеря Бухенвальд Карл Эрих Вагнер, занимавшийся анатомией, написал диссертацию по татуировкам. В Рашере поражало то, с какой настойчивостью, несмотря на все неудачи, он хотел приобрести научный авторитет. Он, бывший по сути интриганом, не раз менял темы и области исследований. Идея написания диссертации принадлежала изначально Зиверсу, который по старой довоенной привычке хотел, чтобы все сотрудники Аненербе имели не только академическое образование, но и обладали научной степенью. «Я полагаю, — писал Зиверс референту Гиммлера Брандту, — Рашер должен получить ученую степень, так как это позволило бы продвинуть его вперед». Несмотря на поддержку и заступничество Вальтера Вюста, Рашер так и не

смог взять академический барьер ни у мюнхенских профессоров, ни у марбургского ординатора здравоохранения Вильгельма Пфанненштиля (последний, кстати, был оберштурмбаннфюрером СС, что является ярчайшим показателем реальных способностей Рашера). В итоге врач-садист решил защищать свою диссертацию при Комитете курортной гигиены. Его тема была более чем специфична: «Расовая и биологическая генетика в контексте исследования раковых опухолей». Но и здесь Рашеру отказали, сославшись на секретность эсэсовских разработок. По этой же самой причине ему было отказано и во Франкфуртском университете. Когда в 1944 году Рашер начал работать с руководителем одного из отделов «Наследия предков», страсбургским анатомом Августом Хиртом, он уже разорвал свои и без того натянутые связи с Люфтваффе. В то время он полагал, что перед ним открывалось великое будущее, однако перед ним открылись двери эсэсовских казематов, куда он попал на этот раз не как врач-экспериментатор, а как заключенный.

Что же произошло? Рашер пал жертвой собственного тщеславия. Но эту историю лучше рассказать подробнее. Утром 23 марта 1944 года мюнхенский выпуск партийной газеты «Фёлькише беобахтер» («Народный обозреватель») опубликовал объявление, в котором говорилось о пропаже маленького ребенка. Несколько часов спустя мюнхенская полиция начала искать свидетелей, которые могли видеть в районе Хольцкирхенского вокзала женщину с грудным ребенком в сопровождении мужчины. Описание женщины было тут же опубликовано во всей мюнхенской прессе. Следы привели к квартире фрау Каролины Рашер (Нини Диль). 28 марта туда отправилась полиция, но ее, видимо, предупредили о визите, так как в квартире был задержан только ее супруг, Зигмунд Рашер. Вначале Рашер наотрез отказывался называть местопребывание супруги. Это он мотивировал своим эсэсовским званием и секретными разработками. Несмотря на угрозы и ссылки на рейхсфюрера СС, Рашер был доставлен в президиум мюнхенской полиции. В протоколе от 28 марта значилось следующее: «На основании имеющихся сведений существует подозрение, что фрау Рашер завладела чужим ребенком с целью выдать его за собственного. Цели ее поступка непонятны, их планируется выяснить после допроса».

Когда выяснявший обстоятельства похищения президент мюнхенский полиции барон фон Эберштейн доложил подробности дела Гиммлеру, тот был вне себя от ярости. Нет, ярость была обращена не против Эберштейна, начавшего дело против любимца рейхсфюрера, а выплеснута на самого Рашера и его супругу. Это уголовное

дело вскрыло всю порочность и мелочность Зигмунда Рашера и его жены. Так что же произошло на самом деле?

В 1936 году 43-летняя вдова мюнхенского театрального режиссера Оскара Диля Каролина (сценический псевдоним Нини) познакомилась в одной из клиник с молодым ассистентом хирурга, 27-летним Зигмундом Рашером. Между ними сразу завязались любовные отношения. По мнению их друзей, эта странная пара подходила друг другу не только физически, но и душевно, так как они давали друг другу чувство полной защищенности. Стесняясь того, что ее любовник был значительно моложе ее, а она сама уже не могла иметь детей, в 1939 году Нини симулировала беременность. Чтобы маскарад был более убедительным, она решила похитить чужого ребенка, чтобы выдать его за собственного. Она поехала в Прагу, где нашла сговорчивую акушерку, которая оформила ей документы на ребенка по имени Петер Генрих Диль, который якобы родился 25 ноября 1939 года. С этим ребенком она возвратилась в Мюнхен. Несмотря на все ее ухищрения, Рашер вскоре узнал, что ребенок не принадлежал ни ему, ни его подруге. Что делать? Одобрить заговор Нини? В пользу этого решения говорили несколько обстоятельств. Во-первых, Рашер был более чем зависим от бывшей певицы, а потому не мог проявить сколько-нибудь серьезного сопротивления. Во-вторых, Рашер прекрасно знал, что Гиммлер любил многодетные семьи, а потому он мог использовать Нини в своих собственных целях, пытаясь приблизиться к рейхсфюреру СС.

Нини, знакомая с Гиммлером еще с двадцатых годов, хитро использовала свои старые связи, чтобы выгодно подать себя, своего мужа и свою семью. Она хитроумно использовала мелкобуржуазные представления о семейном счастье, которые охотно тиражировались нацистской пропагандой. С одной стороны, она еженедельно писала Гиммлеру письма, полные пустоватой женской трепотни. С другой стороны, хладнокровно и расчетливо выискивала будущих матерей, которые были готовы отдать ей ребенка на попечение. В то время как Рашер ненадолго оказался в 1941 году на североафриканском фронте, Нини решилась на еще одно похищение. Так у нее 19 апреля появился второй сын. Восхищенный Гиммлер тут же прислал «счастливой матери» букет цветов, а она кротко написала в записке, что ее сын родился здоровым, хотя роды и были преждевременными. Вернувшись с фронта, Рашер «сердечно благодарил» рейхсфюрера СС за щедрое и постоянное снабжение его семьи фруктами, которые «были столь необходимы для мамы и ребенка», и как бы невзначай прислал ему фото обоих детишек.

То, что Рашер пошел на риск со вторым ребенком, подчинившись женщине, с которой он даже не состоял в законном браке, де-

монстрировало его алчность: сожительствуя с Нини, он мог рассчитывать на ее пособие, которое она получала как вдова. Он мог разорвать любовную интригу с увядающей певицей, но ее авантюры и махинации настолько затянули его, что бросить ее было более чем затруднительно. Однажды Гиммлер намекнул ему, что неплохо было бы подумать о супружестве, и обещал, что в случае заключения законного брака его возлюбленная не потеряет пособия вдовы.

Но и на этом хитроумный спектакль не подошел к концу. В начале 1942 года, когда Рашер начал высотные эксперименты в Дахау, его жена продолжала пресмыкаться перед Гиммлером, Брандтом и Зиверсом. Он смогла добраться до Гиммлера, которому пожаловалась, что очень боится предстоящей операции. «Я знаю, что во время войны человеческая жизнь не так уж много значит, — говорила она, — но я важна для нашего маленького кружка [имелась в виду семья Рашеров]... Мой муж, который как хирург может предпринимать хладнокровные меры, становится нерешительным, когда речь идет о его жене». После таких слезливых тирад Гиммлер сделал все возможное, чтобы его старую подругу со «времени борьбы», к которой он относился с большой симпатией, прооперировали лучшие врачи Германии. 20 марта 1942 года он прибыл в дом Рашеров, естественно, захватив с собой «скромный» подарочек. В гостях он пообещал супружеской чете прислать из Больцано четыре ящика с яблоками и инжиром. В каждый из своих визитов глава СС заносил Рашерам такие презенты, как шоколад и кофе в зернах (в годы войны эти продукты были более чем дефицитными). Не обошлось и без ответных показательных благодарностей в адрес «многоуважаемого любимого рейхсфюрера». В одной из открыток прожженная авантюристка писала: «Что Вы сделали для нас, Ваших друзей! Так много хороших дел! Это дало нам возможность долгое время готовить для детей вечернее пюре. Петер всегда так беспокойно дергает ножками, когда приходит пакет, словно отгадывая, от кого он пришел и есть ли в нем шоколад. Ваш шоколад полезен и моему мужу, который работает в Дахау». Поразительная смесь наивных строчек с конкретными просьбами о дальнейшей поддержке супруга и даже обвинениями в адрес Люфтваффе и комментариями к садистским опытам.

Рашер тем временем поднимался по служебной лестнице. В конце 1942 года за заслуги ему было вручено эсэсовское кольцо с «мертвой головой». В 1944 году он рассчитывал на крест «За боевые заслуги», который был введен в СС в сентябре 1943 года.

Между тем в доме Рашеров справляли новое «рождение». Третий ребенок, опять же сын (Гиммлер любил семьи, где были мальчики), был записан 25 ноября 1942 года в отделе регистрации актов

гражданского состояния как Дитер Герхардт. На самом деле его звали Кнабе Уто и родился он в семье бедной швеи. Гиммлер, узнав о появлении у его изобретательного врача третьего ребенка, был настолько восхищен, что передал фото трех детей Рашера шефу Главного управления СС, чтобы тот опубликовал его во внутренних эсэсовских изданиях. И тут Рашер решил замести следы.

Зигмунд Рашер со «своим» сыном. Именно похищение детей положило конец карьере врача-садиста

В середине декабря 1943 года пропала кузина Нини Диль, которая не только страдала от неверно назначенного Рашером комплекса лечения, но и была замешана во всех трех похищениях. Ее тело было обнаружено лишь в апреле 1944 года. До сих пор неясно, что с ней произошло. То ли супруги Рашер решили избавиться от нежелательной свидетельницы, которая слишком много знала, то ли она сама покончила с собой, не вынеся тяжкого заболевания, как предположили тогда в мюнхенской полиции. Так или иначе, но смерть Юлии Мушер стала косвенной причиной окончания «эры Рашера» (так называли этот период в Дахау). Даже лишившись помощницы, Нини Диль не отказалась от мысли совершить четвертое похищение. Она начала знакомиться с матерями, которые родили детей 13 февраля 1944 года (среди них была даже незамужняя цыганка). Почему-то ее выбор пал на фрау Тайсс, которая сразу после пропажи ребенка заявила об этом полиции. Увидев объявления в газетах, Нини впала в панику — впервые ее план дал трещину. Она подкинула Раймонда Тайсса, так звали похищенного ребенка, в больницу, решив проработать вариант с цыганенком. Но тут в дело вмешалась полиция.

Позже во время следствия было установлено, что Нини похитила не четырех, а восьмерых детей! В мае 1944 года в мюнхенской тюрьме вслед за своим мужем оказалась и сама Нини. Даже здесь она не теряла надежду: она смогла заманить к себе в камеру санитарку, где напала на нее, пытаясь бежать. 20 ноября было принято решение препроводить ее в концентрационный лагерь Равенсбрюк. На транспорте, следовавшем в лагерь, разыгралась новая сцена. Закованная Нини Рашер представилась фрау Дёрфлер, заявив, что якобы Рашер поменялась в Мюнхене с ней одеждой, а сама бежала на свободу. Но трюк не сработал, и она была доставлена в Равенс-

брюк, где ее поместили в отдельную камеру. Тут она разыграла новый спектакль. «Жизнь больше ничего не значит. Прошу Вас не оставлять моего мужа, который ни в чем не виноват, — начеркала она на клочке бумаге, адресованном перед ее «самоубийством» лично Гиммлеру. — Позвольте ему заниматься наукой. Виноватая, я покидаю жизнь. Я умоляю Вас позаботиться о Петере. Я больше не смогу увидеть моих любимых детишек! Мне очень трудно уходить из жизни, так как я люблю своего мужа и детей». Все эти сентиментальные строки предназначались только для того, чтобы рейхсфюрер обеспечил ей особые условия пребывания в концлагере. Гиммлер в ответ распорядился обходиться с ней «корректно», не дав никаких привилегий за исключением того, что она могла читать и работать швеей, она могла не носить робу заключенной и не брить волосы наголо. И никто, кроме самого коменданта лагеря, не знал, кто эта заключенная. Несколько месяцев Гиммлер решал, что сделать с супругами. Их дети были направлены в один из филиалов «Лебенсборна». В начале 1945 года он подписал Нини Диль смертный приговор — она закончила свои дни на виселице.

Зигмунду Рашеру повезло не намного больше. Несмотря на то что он никогда не принимал активного участия в похищении детей, Гиммлер решил держать его под арестом в мюнхенских казармах СС. В конце февраля 1945 года он оказался в Бухенвальде, где был посажен в подвальную камеру вместе с английским капитаном Пейном Бестом. Последний был в курсе многих эсэсовских дел, в том числе знал подробности проведения экспериментов над людьми. Он предложил Рашеру бежать, а результаты его экспериментов опубликовать в швейцарской прессе, что могло стать своего рода индульгенцией для доктора-садиста. Гиммлер, предчувствовавший бесславный конец войны, очень опасался чересчур много знавшего Рашера. Но он пока не решался ликвидировать ненужных свидетелей. Было решено перевести их на юг. 3 апреля Рашер и еще несколько особых заключенных были эвакуированы на юг страны. По пути следования Рашер пытался развлекать своих спутников практическими медицинскими советами. Неурядицы войны привели эвакуационную команду на старое «место работы» Рашера в лагерь Дахау. 17 апреля их разместили в специальных бараках, с отдельными камерами. 26 апреля, за несколько дней до окончания войны, гауптштурмфюрер Бонгартц принял решение ликвидировать всех «особых заключенных». По иронии судьбы Рашер погиб там, где обрекал на мучительную смерть сотни людей.

Была ли подобная история типичной для эсэсовских чинов? Надо заметить, что Рашер представлял особый тип эсэсовца, к которому принадлежала дюжина жесточайших офицеров «черного корпу-

са», взять хотя бы коменданта Бухенвальда Коха. Нини Диль-Ращер была тоже характерным типом эсэсовских женщин, к которым относились жена коменданта Коха и санитарка из Освенцима Ирма Грезе. Этот случай представлял скорее интерес для психологов, нежели историков. У всех них была одна общая черта: презрение к традиционным нормам морали и ощущение себя эсэсовской элитой — все это приводило к развитию в них криминальных наклонностей, а имеющиеся возможности и фактическая неподконтрольность превратили их в омерзительных преступников. Почему Гиммлер решил ликвидировать супругов Рашеров? Потому, что они нарушили строгий кодекс «черного ордена» или потому, что видел в них опасных свидетелей?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Известно, что оба супруга рано разочаровались в жизни, а потому использовали свое положение в Дахау, чтобы играть чужими жизнями. Фрау Ращер считала, что все, с кем она вступала в контакт, должны были ей подчиниться. Это относилось и к ее мужу, и к заключенным, которых она использовала в качестве уборщиков и ассистентов. Во время следствия было установлено, что она давала заключенным далеко идущие намеки на то, что она «могла бы взять их под свое покровительство». Рашер же, являясь по своей сути нигилистом, устроил заключенным настоящий ад; как-то он цинично заметил Зиверсу, что не собирался помогать этим людям.

Его политические убеждения стали причиной бурных разногласий с отцом, доктором Гансом Августом Рашером. И он по совету своей жены, не колеблясь, донес на отца в гестапо, которое дважды арестовывало старого врача (первый раз на пять дней, второй — на девять). Его дядя, гамбургский врач, упрекнул его однажды за проведение опытов над людьми. Спор длился целую ночь. Рашер защищал нацистские принципы, ссылаясь на доктора Гуэтта, который одним из первых обрушился на «неразумную любовь к низшим и асоциальным существам», а дядя пытался раскрыть перед племянником значение верности принципам Гиппократа. В конце концов Рашер признался своему дяде, что он умеет задумываться и понимает, что вступил на неправедный путь, но не видит, как с него свернуть.

В нем извращенным образом переплелись жажда знаний и понимание неизбежности смерти. В любой деятельности он проявлял себя как садист: не важно, шла речь об исследовании рака, хирургии или опытах по заморозке — главным для него была власть над жизнью других. Показательна одна из его инициатив: прекратив высотные опыты, он предложил Гиммлеру свои услуги в разработке отравляющих газов, которые планировал испытывать на заключенных.

Что же происходило в отделе Рашера после его внезапного исчезновения? Перед своим арестом он начал три небольших проекта: развитие кровоостанавливающих средств, исследование антикоррозийных препаратов и исследование порошка из картофельного пюре. Исследования по первому проекту он планировал опять проводить в концлагерях. Все они должны были принести немалую коммерческую выгоду «Наследию предков». Рашер открыл чудодейственное, по его словам, средство для остановки кровотечений, которое он назвал «Полигал», и произвел с ним многочисленные испытания.

Наследниками Рашера на станции в Дахау стали преимущественно полевые врачи из ваффен СС, руководство которыми было поручено бывшему ассистенту Рашера, профессору Клаусу Шиллингу и гауптштурмфюреру СС Курту Плётнеру. Последним как специлистом в области малярии Аненербе заинтересовалось уже в 1943 году. В январе 1944 года он был зачислен в штат «Наследия предков», а в мае занял место Рашера. Он с самого начала стал сопротивляться привлечению заключенных к проведению опытов, но его мнение тогда уже ничего не значило. Зиверс не хотел слушать никаких возражений, так как был намерен далее экспериментировать с «животным теплом» и развивать кровоостанавливающий препарат «Полигал». Но «животному теплу» не было суждено быть изученным, так как Плётнер до самого конца войны занимался вопросами остановки крови. Чтобы избавиться от зловещей ауры Рашера, он решил переименовать препарат, который предполагалось применять на фронте, из «Полигала» в «Стиптамин».

Полностью другой тип человека представлял собой шеф третьего направления Научного института целевых военных исследований. 10 декабря 1941 года во время визита в Мюнхенский университет внимание Зиверса привлек Институт целевых исследований, который возглавлял Бруно Бегер. Зиверс тогда ему сделал предложение заняться «заготовкой еврейских черепов для проведения антропологических исследований» (сухой казенный язык, которым эсэсовские функционеры описывали свои жестокости, просто поражал). Для реализации этого зловещего проекта к Бегеру был приписан анатом из Страсбургского имперского университета Август Хирт. Почти сразу же Бегер подал в Аненербе записку, в которой говорилось следующее[1]: «Имеются богатые коллекции черепов всех рас и

[1] Автор приносит извинения за стилистику и лексические обороты приводимых документов. Но их цитирование необходимо для воссоздания точной картины деятельности Аненербе в период Второй мировой войны.

народов. Однако в распоряжении науки имеется так мало черепов евреев, что работа с ними не может дать достаточно надежных результатов. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел. Получив черепа еврейско-большевистских комиссаров, которые представляют собой прототипы отвратительных, но типичных недочеловеков, мы сможем сделать ряд существенных научных выводов». Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов предполагалась передача полевой полиции всех захваченных живых комиссаров. В свою очередь, полевая полиция должна была тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного (молодого военного врача или полицейского врача, либо студента-медика), которому был поручен сбор материала. Он должен предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем. «В случае, если они погибнут, — при этом голова не должна быть повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и отошлет ее в специально созданном для этой цели, закрывающемся жестяном ящике, заполненном жидкостью для консервации, по месту назначения. На основании фотоснимков и других данных о голове, а затем о самом черепе, можно приступить к сравнительным анатомическим исследованиям расовой принадлежности, патологических явлений, связанных с формой черепа, формой и размером мозга и другими данными. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных таким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач». Очевидно, что автор записки был готов использовать так называемый «приказ о комиссарах», который был издан летом 1941 года Верховным командованием Германии после категорического распоряжения Гитлера. Он гласил: «Политические комиссары являются инициаторами варварских азиатских методов борьбы. Поэтому отныне и впредь к ним необходимо относиться со всей строгостью. Если они будут застигнуты в момент оказания сопротивления, тем более с оружием в руках, они подлежат немедленной ликвидации».

Кто являлся автором записки, до сих пор непонятно. Можно предположить, что этот текст составил сам Бегер. Во-первых, стиль письма напоминал составленные Бегером документы: объемно, брутально, псевдонаучно и в строгом соответствии канонам эсэсовской идеологии. Во-вторых, на авторство Бегера указывало само содержание записки: все время, пока этот антрополог делал карьеру в СС, он интересовался исключительно человеческими черепами. В-третьих, главный обвиняемый на «процессе врачей» в Нюрнберге,

Бруно Бегер всегда проявлял повышенный интерес к антропологии азиатов (кадры из фильма «Тайны Тибета»)

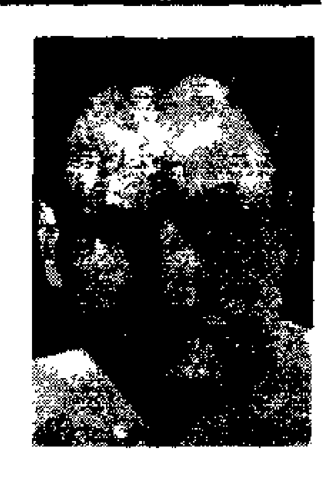
Вольфрам Зиверс, заявил, что Бегер высказывал подобные идеи, еще находясь в составе РуСХА. В-четвертых, в 1941 году, когда появилась эта записка, Бегер продолжал тесно сотрудничать с РуСХА, в недрах которого родился обязательный для вермахта «приказ о комиссарах». Но после войны графологи установили, что Бегер не мог быть автором этого документа!

Кто же мог, минуя Бегера, высказать подобные идеи? Не Август ли Хирт, который просил в начале 1942 года предоставить в распоряжение Страсбургского имперского университета «коллекцию» еврейских черепов? Вполне можно допустить, что подобную идею родил именно он.

Хирт родился в 1898 году в Маннхейме, участвовал в Первой мировой войне, получив за боевые заслуги Железный крест второй степени и Серебряный крест фронтовика. В 20-е годы он примкнул к НСДАП, а 1 апреля 1933 года вступил в СС, 1 июля 1937 года он получил звание унтерштурмфюрера СС. Зиверс свидетельствовал в Нюрнберге, что Хирт проявил интерес к человеческим черепам уже в 1936 году, когда лично для Гиммлера проводил в Кведлинбурге освидетельствование «останков» Генриха I. До 1941 года Хирт больше не имел ни одной возможности проявить себя. На судебном процессе Зиверс предположил, что Хирт сам искал выход на Главное управление СС по вопросам расы и поселений. Поэтому он и вдохновился шансом использовать «приказ о комиссарах» для собственных научных изысканий. 23 ноября 1941 года имперский руководитель исследовательского общества встретился с Хиртом по поводу открытия в Страсбурге нового имперского университета. Тогда они в основном обсуждали проблемы ядерной физики и исследований в области микроскопии живых органов.

Известно, что уже в декабре 1941 года Брандт и Зиверс обратили внимание Гиммлера на Хирта как на серьезного ученого. Действительно, Август Хирт, как и его коллега Зигмунд Рашер, производили впечатление солидных специалистов, не являвшихся проходимцами и шарлатанами. Это впечатление было взаимным, сам Зиверс произвел на профессора Хирта самое благоприятное впечатление. «Я принял его за очень основательного ученого, который всю жизнь посвятил науке», — заявил Зиверс в 1947 году. При этом Хирт имел

на редкость отталкивающую внешность: голова коршуна с раздробленным подбородком (последствия мировой войны). За глаза Вюст называл его не иначе как «мертвая голова» (символ СС).

Доктора Хирта в Аненербе за глаза звали «мертвой головой»

Итак, скорее всего, автором записки о еврейских черепах являлся именно он. В конце декабря 1941 года было решено, что профессор анатомии будет подчиняться Аненербе (о черепах пока не знали ни Зиверс, ни Брандт, ни даже сам рейхсфюрер СС). Но уже тогда Брандт предлагал Зиверсу, чтобы Хирт «проводил анатомические эксперименты над заключенными и преступниками, которым все равно уже не было суждено выйти на свободу».

Поначалу рейхсфюрер СС решил использовать профессора в энтомологических экспериментах. Это было время, когда Гиммлер, опасаясь эпидемий, распорядился создать в Аненербе центр по борьбе с насекомыми. Зиверс даже рассматривал Хирта как потенциального кандидата на место руководителя этой структуры. В медицине он ценился прежде всего за новаторство в исследовании симпатической нервной системы, где он сделал несколько интересных открытий. Но вопреки всему он был вынужден подчиниться Гиммлеру и занялся насекомыми. 3 января 1942 года Зиверс написал рейхсфюреру письмо, в котором настаивал на том, что Хирта можно использовать в нескольких сферах, в том числе в антропологических исследованиях. В итоге было решено, что Хирт получит в свое распоряжение заключенных-смертников. Говорил ли Хирт с Зиверсом о черепах? Или «антропологические опыты» не сводились к их изучению? 9 февраля, когда Зиверс готовил перевод Хирта в личный штаб рейхсфюрера СС, последний сочинил служебную записку. Этот документ состоял из двух частей: основного текста и приложения. Основной текст был посвящен двум проблемам: 1) симпатической нервной системе и ее влиянию на жизнедеятельность внутренних органов, 2) изучению новых методов исследования и конструкции нового микроскопа. Приложение же повторяло текст пресловутой записки о черепах, за тем исключением, что оно имело заголовок «Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью научного исследования в Имперском университете в Страсбурге». Именно эта деятельность, согласно настоящей записке, была основной задачей Имперского университета в Страсбурге. Как показала секретарша Зиверса, этот пункт был вставлен в последний момент лично Хиртом.

О значимости этого направления деятельности говорил уже тот факт, что Хирт не сделал его третьим пунктом основного текста записки, а вынес в приложение. Интересен анализ этого документа. Основной текст был отпечатан на официальных бланках «Наследия предков», написан от первого лица, пронумерован и подписан Хиртом. Приложение же было написано на обычных листах, не было пронумеровано и было по сути анонимным, так как не имело подписи. Интересно, если проблема исследования черепов была столь важна для Хирта, то почему в пресловутой записке он не поставил ее на первое место?

Несмотря на то что 23 февраля 1942 года руководство СС дало разрешение на создание коллекции скелетов, Гиммлера в то время волновали прежде всего проблемы, поставленные под номерами «один» и «два». Именно поэтому Хирт, 1 марта переведенный в штаб Гиммлера, был должен посвятить себя борьбе с насекомыми и крысами. После того как состоялся разговор с Хиртом о том, что «горчичный газ» можно использовать для уничтожения крыс, Зиверс решил, что опыты с этим отравляющим веществом можно проводить в том же Дахау над заключенными. Он полагал, что «насколько важными и необходимыми являются опыты над животными, настолько же решающее значение сейчас играют опыты над людьми». Гиммлер считал, что профессор должен проводить свои опыты не в Дахау, а в расположенном близ Страсбурга концлагере Нетцвайлер—Штрутхоф. После длительной технической подготовки в ноябре 1942 года Хирт, уже являвшийся руководителем сектора «X» в Научном институте целевых военных исследований, совместно со своими ассистентами, старшим врачом Люфтваффе Карлом Виммером и анатомом, врачом запаса Антоном Киссельбахом начал проводить свои чудовищные опыты.

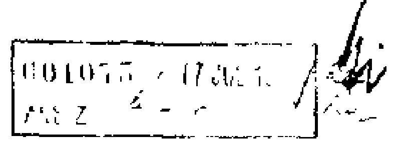
О том, как проходили эти истязательства, можно судить как по служебным документам, так и по свидетельствам переживших войну заключенных, которые были насильственно приписаны в качестве помощников. Уже в октябре 1942 года были определены будущие жертвы. 14 дней они снабжались усиленным эсэсовским пайком, после чего переводились в патолого-анатомическое отделение Нетцвайлера. После войны капо из этого лагеря Ф. Холь указывал, что голых заключенных обрабатывали жидким горчичным газом, доставляя им жуткие страдания — многие из них перед смертью слепли. Затем мертвых вскрывали, а выживших, коих было весьма немного, отправляли в восточные лагеря, чтобы избавиться от нежелательных свидетелей.

Вполне очевидно, что подобные эксперименты, через которые к лету 1944 года прошло около 150 человек, не имели ничего общего

Institut für wehrwissenschaftl. Zweckforschung

Straßburg, 14.7.43
Anat. Institut

An das Ahnenerbe
Berlin-Dahlem
Pücklerstr. 16

Betr.: Ihr Schreiben v. 9.7.43 bzw. Abschrift des Schreibens des SD v. 25.6
Aufbau einer Sammlung

Vom Inhalt des Schreibens Kenntnis genommen, teile ich mit, dass nach Mitteilung des Lagerkommandanten insofern eine Schwierigkeit aufgetaucht ist als das Material zur Vergasung nicht vorhanden ist. Ich bitte Sie bei den diesbezüglichen Stellen zu veranlassen, dass die entsprechenden Stoffe zur Verfügung gestellt werden, da sonst die Sache nicht durchgeführt werden kann.
Weiterhin bitte ich um Übersendung eines Bezugsscheines für 150 Röntgenfilme, Format 24 x 30. Die Röntgenfilme könnte ich wohl hier von der Krankenhausverwaltung bekommen.

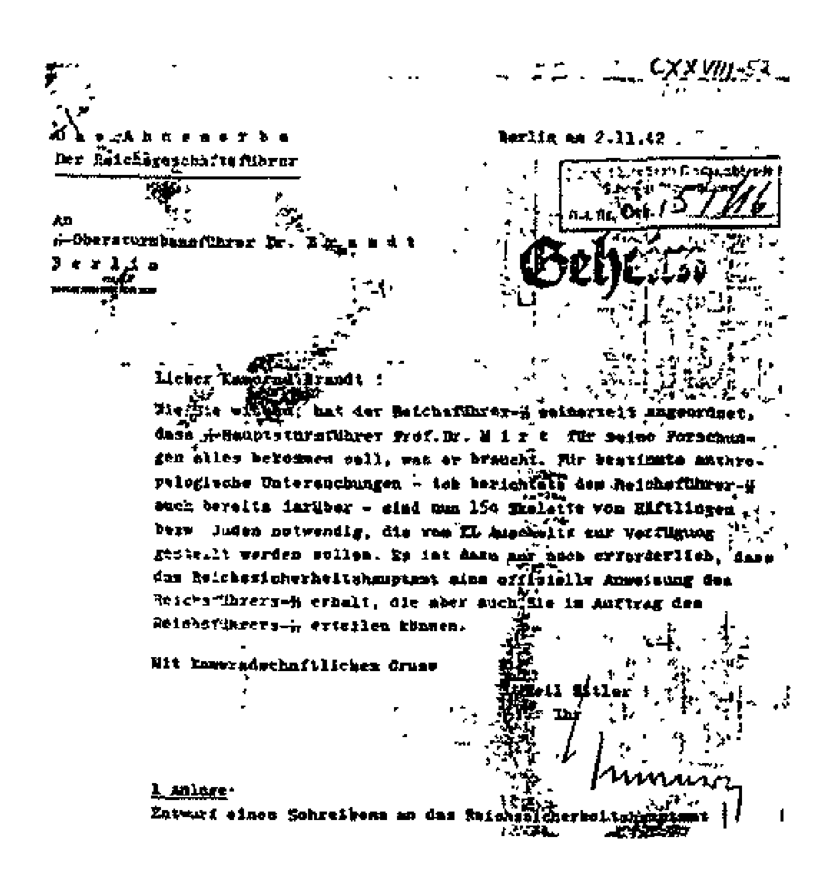
Heil Hitler!

(Prof. Hirt)

Письмо профессора Хирта, в котором он жалуется на недостаток «человеческого материала»

с дератизацией. Изначально, еще в июле 1942 года, предполагалось, что жидкий газ в концентрации 1:100 будет наноситься на спины грызунов. Гиммлер, воспринявший этот план с определенным энтузиазмом, вместе с тем высказал пожелание (читай — приказ) проверить, «как реагируют люди на горчичный газ в той же концентрации». Но это означало абсолютно новую постановку проблемы — горчичный газ испытывался как боевое средство (подобные исследования уже проводились с 1939 года в Заксенхаузене). Отныне в переписке сектора «Х» речь чаще шла не о дератизации, а об «опытах с боевым веществом». Аненербе вновь продемонстрировало, что занимается военными разработками.

Но что же с черепами? 5 сентября 1942 года Хирт пригласил «доброго товарища Бегера» к себе в Страсбург, чтобы обсудить планы. Эта встреча была необходима для ликвидации незначительных расхождений во мнениях. Тем временем стало ясно, что на «приказ о комиссарах» в деле заготовки черепов полагаться не приходилось. Этот приказ никогда не выполнялся, тем более в условиях суровой зимы 1942 года. К тому же части вермахта его просто игнорировали, полагая, что он отпугивает потенциальных советских дезертиров. Тогда Зиверс, Бегер и Хирт решили, что если нельзя достать черепа с фронта, то «необходимый материал» должен иметься в концентрационных лагерях. Позже, 5 октября 1942 года, эти предложения были оформлены в «Наследии предков» и представлены рейхсфюреру СС. Он тут же решил, что Хирту должна быть предоставлена аппаратура для обезжиривания и вымачивания тел, которая была необ-

CXXVIII-53

Ahnenerbe
Der Reichsgeschäftsführer

Berlin am 2.11.42

An
SS-Obersturmbannführer Dr. Brandt
Berlin

Geheim

Lieber Kamerad Brandt!
Wie Sie wissen, hat der Reichsführer-SS seinerzeit angeordnet, dass SS-Hauptsturmführer Prof. Dr. Hirt für seine Forschungen alles bekommen soll, was er braucht. Für bestimmte anthropologische Untersuchungen – ich berichtete dem Reichsführer-SS auch bereits darüber – sind nun 150 Skelette von Häftlingen bzw. Juden notwendig, die vom KL Auschwitz zur Verfügung gestellt werden sollen. Es ist dazu nur noch erforderlich, dass das Reichssicherheitshauptamt eine offizielle Anweisung des Reichsführers-SS erhält, die aber auch Sie im Auftrag des Reichsführers-SS erteilen können.

Mit kameradschaftlichem Gruss

Heil Hitler!
Ihr

1 Anlage:
Entwurf eines Schreibens an das Reichssicherheitshauptamt

Тайное письмо из недр Аненербе, в котором поддерживаются начинания Хирта

ходима для заготовки скелетов. Эта ужасная фраза заслуживала внимания хотя бы потому, что в ней речь идет уже не о ***черепах***, как в докладной записке, а о ***скелетах***. Значит, изначальная установка существенно расширялась?

2 ноября 1942 года Зиверс в тайном письме просил Брандта предоставить из Освенцима 150 скелетов заключенных-евреев, которые были необходимы для антропологических исследований Хирта. Рейхсфюрер уже одобрил этот план и дал необходимые распоряжения. Брандт переадресовал эту просьбу Адольфу Эйхману — шефу еврейского сектора РСХА (управление IV B4). Обстоятельства позволили Бегеру впервые совершить визит в Освенцим только в июне 1943 года. В течение пяти дней, с 10 по 15 июня, Бегер разыскивал в лагере евреев, а его помощник Вилли Габель совершал необходимые измерения. 16 июня он доложил имперскому руководителю исследовательского общества о своем возвращении. В докладе он излагал, что за время визита успел «обработать» 115 человек: 79 евреев, 30 евреек, 2 поляков и 4 азиатов. Потрясающа та циничная «заботливость», с которой он просил перевести их в Нетцвайлер, «так как в Освенциме им угрожали эпидемии». В конце июня Бегер, находившийся тогда в замке Миттерзиль, получил из Берлина телеграмму: «Транспорт из Освенцима 30 июня. Для начала работ свя-

житесь с Хиртом. Прибытие в Нетцвайлер предположительно 2 августа».

Первый транспорт с 80 заключенными комендант лагеря Нетцвайлер, гауптштурмфюрер Йозеф Крамер, прозванный «бельзенским зверем», встретил в первых числах августа. Они тут же были отравлены специально подготовленными Хиртом для этого гнусного дела химикатами. После смерти их тела были отправлены в Страсбург. В последующие дни Крамер выискивал уже в своем лагере несчастных, которых собирался отправить в газовую камеру. Жертвами его зверства пали 122 человека. Их тела были частично законсервированы, частично препарированы. В этих бесчеловечных действиях Хирту помогал врач-заключенный, француз Петер Генрипирри. После того как он отказался препарировать партию женских тел, Хирт бросил ему: «Петер, если ты будешь отворачивать рыло — то последуешь за ними».

Что же происходило с этой ужасной коллекцией? Часть скелетов отправлялась в замок Миттерзиль, где Бегер был зачислен в штат. Но фактически в замке оказались только мужские черепа, бывшие давним «увлечением» Бегера. 23 июня 1944 года антрополог из отдела Эрнста Шефера Рудольф Троян письменно запрашивал у Бегера, который тогда занимался исследованием «боевого потенциала различных рас»: «Что мы, собственно, должны делать с еврейскими черепами? Они валяются в беспорядке, занимая только место. Что изначально планировалось с ними делать? Я полагаю, что было бы логично отправить их в Страсбург, откуда они и прибыли». Действительно, что делали останки несчастных жертв в замке? Есть только одно логичное объяснение. Когда союзники высадились в Нормандии, между Бегером и Зиверсом состоялся разговор о том, что было бы целесообразно эвакуировать коллекцию скелетов в глубь страны, чтобы избежать возможности ее попадания в чужие руки. О том, что существовала специальная транспортная линия Страсбург—Миттерзиль, говорят некоторые сохранившиеся документы.

Профессор Хирт препарирует свою очередную жертву

Имелось множество косвенных признаков того, что антрополог Бе-

гер был гораздо меньше заинтересован в человеческих костяках, нежели медик Хирт. Это справедливо за исключением пристрастия первого к человеческих черепам. Ведь первоначально речь шла именно о черепах, и именно черепа Троян увидел ранним летом 1944 года в замке Миттерзиль. После войны некоторые очевидцы указывали на то, что Бегер хотел работать с черепами именно в этом замке, и ни в каком другом месте. Подозрительно еще то, как и с кем работал Бегер в Освенциме. Вряд ли он работал там в качестве ассистента Хирта, хотя он и учитывал его специфические требования.

Так что же интересовало Бегера в Освенциме, что выходило за рамки «увлечений» Хирта? Пожалуй, на этот вопрос ответить не сложно: черепа азиатов. В сообщении Габеля мы можем прочитать: «В рамках деятельности доктора Шефера говорил с Бегером о том, что было бы интересно при удобном случае сделать антропологические измерения монголоидов и изучить сложение их лиц. Однажды — когда мы еще не знали о поражении под Сталинградом — Бегер мне сказал: «Сейчас мы получили удобный случай изучить азиатов». Он заявил, что собирается взять меня в Освенцим. В это время я и понятия не имел об этом лагере. Приглашение на эту поездку я получил исключительно от доктора Бегера... я отправился с Бегером только затем, чтобы отыскать там представителей монголоидного типа. Но мы нашли их очень мало. По моим воспоминаниям, их было шесть или восемь. Зато Бегер нашел там гигантское количество евреев. Тогда он решил заняться их изучением. Он сам сообщал о своей частной научной миссии в Освенциме. В своем письме от 23 июня 1943 года он писал моему начальнику Э. Шеферу следующее: «С воскресенья я вспоминаю прошедшую неделю. Мое впечатление об Освенциме я хотел рассказать в подробностях тебе лично... Габель возвращается к ним [воспоминаниям] каждый день. Мне интересно, сможет ли он в кратчайшие сроки обработать замеры 26 голов. Кроме того, мы изучили двух узбеков, одного метиса узбека с таджиком и одного чуваша из района Казани. Речь идет о четком типе переходного звена от Средней Азии к Дальнему Востоку. Узбек, большое и здоровое дитя природы, мог бы быть тибетцем. Его манера речи, его движения, его внешность вызывают исключительный восторг — одним словом, житель Внутренней Азии. Чуваш, по моему мнению, вообще принадлежит к китайскому типу».

Это письмо проясняло многое. После войны и Габель и Бегер ссылались на Шефера: как видим, основания для этого были. Можно также вспомнить, что Бегер единственный в рамках своей деятельности в Институте Тибета проявлял интерес к «внутренним

азиатам», или «монголам». Этот интерес был исторически связан с участием Бегера в тибетских экспедициях Шефера. С этого времени «монгольская тема» с точки зрения сравнительной антропологии стала центральным аспектом деятельности института Шефера. Параллельные эсэсовские исследования в расовом секторе не были новшеством, вспомним хотя бы планируемые исследования цыганской и еврейской крови, которые должны были выявить принципиальные отличия от «арийской».

События 1942 года показали, что цепочка ***Институт Тибета — собрания черепов — Освенцим*** не была надуманной. Достаточно вспомнить подготовку к кавказской экспедиции «Наследия предков». В августе 1942 года Шефер сделал своим заместителем в планируемой «Операции К» не кого иного, как Бруно Бегера. Цель антропологического сектора, который должен был возглавить Бегер в экспедиции, состояла в изучении кавказских племен. Необходимо было изучить как минимум 12 этнических групп. Среди них были и такие крупные, как грузины и армяне, и совсем малочисленные, как кавказские евреи.

Евреи, обитавшие в этом районе, жили обособленной жизнью. С этнографической точки зрения так называемые «горные евреи» едва ли отличались от других народностей Кавказа, хотя и тщательно сохраняли свою иудейскую веру (сами себя они считали одним из сохранившихся колен Израилевых). Не исключено, что они даже сохранили родство с хазарами, азиатскими кочевниками, принявшими в VIII веке иудаизм. Гиммлер считал, что в этот этнографический хаос надо было внести политическую ясность: со временем уничтожить всех евреев, а остальные народы использовать как рабочую силу. Но о тех же самых кавказских евреях в СС существовали весьма смутные представления. В «Кавказской хрестоматии», выпущенной в 1942 году для внутреннего эсэсовского пользования, они характеризовались «как чуждый кавказцам этнический элемент, подлежащий искоренению». С другой стороны, руководитель местной группы СД в общении с местными жителями установил, что, кроме религии, кавказские евреи не имели ничего общего со своими азиатскими и европейскими собратьями. В Крыму эсэсовские специалисты столкнулись еще с одни феноменом, который не могли четко объяснить. Это были караимы, которые по этнической принадлежности являлись евреями, но уже давно отказались от иудаизма.

В задачи «Зондеркоманды К» входили и исследования подобной проблематики. После войны Шефер утверждал, что Бегер вызвался участвовать в экспедиции только для того, чтобы изучить «горных евреев». В высшей мере удивительно, но после войны Шефер утвер-

ждал, что провал экспедиции был обязан именно этой этнической группе. Он утверждал, что когда у знал о том, что лейтмотивом экспедиции являются именно так называемые «горные евреи», то он решил ее отсрочить по возможности на максимальное время, так как он знал о зверствах эсэсовских частей на Юге России. Почему он ассоциировал свою экспедицию с жестокостями, которые творили ваффен СС? Не имел ли он задания убивать «горных евреев» с «исследовательскими» целями? Возможно ли, что именно по этой причине он решил сорвать эту экспедицию? Если да, то зачем ему это было нужно? А может быть, он ожидал, что его подразделение будет использовано для борьбы с партизанами в горах? В свете этих вопросов в высшей мере сомнительно выглядел список принадлежностей, которые хотел взять с собой в экспедицию Шефер. В какой мере сочетались между собой замеры живых людей и «контейнеры для хранения скальпов различных размеров»? Почему в списке значились пять «больших механических мясорубок»? Не шла ли речь о «разделочной машинке», которую изобрел в Страсбурге Август Хирт?

Так или иначе, поскольку кавказская экспедиция Аненербе не состоялась, Бегер был вынужден отказаться от проекта по изучению «горных евреев». Но это отнюдь не значило, что он отверг идею дальнейшего изучения монголоидной расы. Существовало множество признаков того, что Хирт в отличие от Бегера не был заинтересован в расовом многообразии своей «коллекции». Это было предрешено тем, что он был анатомом, а не антропологом. То, что Хирт интересовался расовым вопросом гораздо меньше, чем самими костями, показывал тот факт, что он был ответственным за составление «Директивы по сбору материала». В ней Хирт исходил прежде всего из того, что все анатомы Германии, а не только Имперский университет в Страсбурге, «должны были извлечь пользу из этого ценного материала» (под «материалом» он со свойственной эсэсовцам циничной жестокостью подразумевал заключенных лагерей). В другой раз он говорил о трупах погибших русских солдат: то, что они были русскими, а не евреями, его нисколько не волновало.

Подобные факты указывали, что именно Бегер, а не Хирт был фанатичным сторонником нацистской антропологии. Это предопределило позже несколько скептическое отношение к нему со стороны Зиверса. В узких кругах он высказывался, что экспертиза черепа Генриха I, проведенная А. Хиртом в 1936 году, была фикцией чистой воды. Это имперский руководитель говорил для того, чтобы в определенной мере повысить престиж Бегера среди своих эсэсовских друзей. Это была невольная ложь. Во-первых, в документах того времени нигде не значилось, что Хирт в 1936 году посещал Ане-

Гиммлер и Освальд Поль (слева)

нербе или замок Кведлинбург. Во-вторых, останки Генриха I были изъяты для экспертизы в 1937, а не 1936 году.

Бегер в то время был «на коне». В 1943 году он настолько удачно закончил свой проект с черепами, что Гиммлер распорядился передать университету Тюбингена анатомическую коллекцию парижского медика Франца Йозефа Галля (354 черепа и копии мозга). А самому Бегеру вручил ценную книгу по анатомии. Для мелкого гауптштурмфюрера этот подарок, который сопровождался вручением эсэсовской шпаги, был высочайшей наградой.

К сожалению, сейчас утеряны все важнейшие источники, которые могли бы подробно осветить преступления Хирта и Бегера — перед вступлением союзников в Страсбург Зиверс сделал все возможное, чтобы уничтожить документы, уличающие его. 19 февраля 1945 года имперский руководитель исследовательского общества писал Бегеру: «Полное уничтожение всей служебной переписки и остальных материалов (фотографий и т.д), которые касаются деятельности Хирта в Освенциме, является сейчас важнейшей задачей». После этого Бегер распорядился избавиться не только от черепов, находящихся в Миттерзиле, но и от всех документов, имевших отношение к этому изуверскому проекту. Судьба Хирта и Бегера была разной. Август Хирт 2 июня 1945 года в Шёненбахе покончил жизнь самоубийством. Бегер оказался в плену у американцев, но он не предстал перед трибуналом — как сотрудник ваффен СС прошел денацификацию и в 1948 году оказался на свободе.

Как уже говорилось выше, опыты Мая, Рашера, Плётнера и Хирта проходили в рамках деятельности Научного института целевых военных исследований. Их деятельность не вписывалась в традиционные рамки исследовательского общества «Наследие предков» и требовала не только существенного финансирования, но и соблюдения секретности. По этой причине Гиммлер пришел к мысли, что для этих ученых надо создать внутри Аненербе особые организационные условия. Историю возникновения Научного института военных целевых исследований невозможно отследить во всех подробностях, так как сохранившиеся документы и свидетельства очевидцев достаточно скудны и нередко противоречат друг другу. Можно предположить, что идея создания института принадлежала лично рейхсфюреру СС. Во время разговора Гиммлера с имперским руководителем исследовательского общества, который состоялся 4 апреля 1942 года, рейхсфюрер поручил Зиверсу позаботиться о деталях этого проекта. 26 июня 1942 года Зиверс предоставил свои соображения Гиммлеру в виде тайной докладной записки: он предлагал создать в рамках Аненербе Научный институт целевых военных исследований, в котором бы работали и Рашер, и Май, и Хирт. 7 июля Гиммлер вновь возвратился к этой проблеме: он решил взять за образец идею, которую предложил Зиверс.

Институт, подобно Институту Центральной Азии, возглавляемому Э. Шефером, был выведен за формальные рамки аппарата «Наследия предков». Он был таким же организационным гибридом: зависел одновременно и от Аненербе, и от ваффен СС, и от Имперского исследовательского совета. А это значило, что деятельность института финансировалась как из государственных, так и из эсэсовских средств. Материально-техническое обеспечение деятельности института было возложено на управление ресурсов СС. Заключенные, как и территория концлагерей, предоставлялись в распоряжение института по линии управления Освальда Поля: именно он направил из лагеря Равенсбрюк транспорт с женщинами для проведения опытов с «животным теплом».

Связь института с Аненербе определялась рядом факторов. После войны определенные круги пытались представить создание института военных целевых исследований и проведение опытов над людьми сутью «Наследия предков», причем институт, по их мнению, являлся ядром исследовательского общества. На самом деле все было не так: появление Научного института целевых военных исследований было результатом последовательного развития интереса руководства исследовательского общества к естественным наукам в целом, и медицинским изысканиям, в частности. В определенной степени этот интерес был удовлетворен Зигмундом Раше-

ром. Уже в 1939 году он выступал в качестве сотрудника Аненербе, когда проводил на своей квартире опыты с раковыми клетками. Позже он смог проводить свои исследования в лагере Дахау. Свои «высотные эксперименты» он, хотя и проводил по заказу Люфтваффе, в то же время получал штатный оклад именно в «Наследии предков» и даже был введен в ранг постоянного сотрудника общества. Документы показали, что пока разрабатывался институт, и Зиверс, и Вюст видели в Рашере наиболее подходящую кандидатуру, которая должна была встать во главе новой структуры. Но этому препятствовала его служба в Люфтваффе, в тот период он не был не только начальником отдела в Аненербе, но даже формально не состоял в нем (эта ситуация была исправлена, как мы помним, только в 1943 году). Это относилось и к остальным руководителям института: начальники научных секторов обязаны были быть членами Аненербе. Так, например, Август Хирт должен был как начальник сектора «Х» состоять в переписке не только с Вольфрамом Зиверсом (именно он был назначен главой института), но и подчиняться как сотрудник «Наследия предков» куратору Вюсту. Хотя он и не был компетентен в сфере «тайных опытов», именно с его подачи Хирт был представлен «за рвение» к званию оберштурмбаннфюрера СС. Несмотря на сложное организационное подчинение, институт функционировал как отдел Аненербе № 34, а его научные сектора обозначались следующими литерами: «Р» — Рашер, «М» — Май, «Х» — Хирт, «П» — Плётнер.

Связь института с Имперским исследовательским советом определялась необходимостью продемонстрировать «военную значимость» проводимых исследований. Со временем для удобства осуществления финансирования института все проекты, реализуемые им, был включены в исследовательскую программу совета: предоставлялись ли средства государством или ваффен СС, было не важно — все они должны были запрашиваться у Имперского исследовательского совета, который регулировал объем предоставляемых средств. После предоставления необходимых средств руководители института должны были отчитываться об их расходовании и ходе проводимых экспериментов. Так, например, в октябре 1943 года Маю было предложено поквартально отчитаться по трем направлениям его работ. Выигрышность подобной ненавязчивой зависимости поначалу была несомненна. Но в 1944 году Зиверс как административный директор института, входивший в состав «Военно-исследовательского общества» при совете, столкнулся с негативной оценкой советом самостоятельности научных секторов.

Изначально институт задумывался исключительно для медицинских исследований Хирта и Рашера; но позднее его пришлось

связать с другими проектами «Наследия предков». Для того чтобы тот или иной проект реализовывался в рамках института, устанавливались следующие критерии: необходимость соблюдения повышенной секретности, прикладное значение для военной политики, потребность в повышенной концентрации финансовых средств. По мере того как подобные критерии стали предъявляться к некоторым проектам Аненербе, институт стал терять свой чисто медицинский характер: осенью 1943 года в нем оказался энтомолог Эдвард Май, а в 1944 году в состав института вошло «особое подразделение М» (математический отдел, находившийся в лагере Равенсбрюк). В 1945 году институт пополнился сектором растительной генетики во главе с Хайнцем Брюхером, отделом карстовых исследований и спелеологии профессора Ганса Брандта и проектом Эрнста Шефера по выведению «специальных» лошадей. Как мы видим, институт в годы войны выполнял абсолютно разные задачи. Подобно СС, этот институт стал «государством в государстве» «Наследия предков»; это придавало отдельным структурам чрезвычайную значимость, что привело к непропорциональному развитию исследовательского общества.

Но несмотря на все это, медицинские эксперименты существенно отразились на характере института. Особое значение придавалось тем проектам, которые повышали статус СС. Не суть важно, что опыты Рашера проводились по заказу Люфтваффе: Гиммлер исходил из того, что развитие средств защиты пилотов было на руку СС, так как Аненербе работало исключительно на «черный орден». В начале 1944 года Зиверс поддался традиционному искушению выйти за исследовательские рамки «Наследия предков» и превратить медико-технические структуры в своеобразный производственный центр. В марте 1944 года Зиверс собирался запустить в общегерманское производство кровоостанавливающий препарат «Полигал», который был разработан Рашером. Но фактическая задача, поставленная Имперским исследовательским советом перед «Наследием предков» состояла не в том, чтобы запустить в ***производство*** «Полигал», а в том, чтобы ***разработать фабричные способы*** производства — различие было очень тонким, почти незаметным. Когда это вскрылось, Освальд Поль писал возмущенно: «Задание Научному институту военно-целевых исследований было не производство лекарства, а его исследование. Перед нами типичный пример мешанины из исследований, развития методов и собственно подготовки производства». Возмущение Поля было вызвано не столько незначительным искажением поставленных перед обществом задач, сколько тем, что Зиверс влез в компетенцию общества с ограниченной ответственностью «Немецкие лекарства», которое возглавля-

лось именно Освальдом Полем! В ответ на это Поль отказался предоставить заключенных для дальнейшего исследования «Полигала» и его производства. Производство нового средства пришлось начинать вместе с коммерческой структурой, возглавляемой шефом Главного административно-хозяйственного управления СС. В годы войны взаимное пересечение компетенций внутри СС было настолько распространено, что на это уже никто не обращал внимания.

В определенной мере решение Зиверса заняться производством медикаментов было логическим результатом хаоса, который тогда царил в «империи» Генриха Гиммлера. Почему вообще Аненербе стало ответственным за проведение медицинских исследований, когда уже в 1942 году было прекрасно известно, что специалисты других структур, например профессор Гебхардт, уже занимались этой проблематикой? Хаос внутри СС делал подобные накладки не только возможными, а скорее, неизбежными. Но почему-то опыты над людьми стали отдельной прерогативой «Наследия предков». Это не было случайностью, для этого существовало множество причин.

Уже в 1938 году Гиммлер старался включить с состав Аненербе отдел народной медицины во главе с оберштурмфюрером СС Александром Бергом, автором расистского медико-исторического «Букваря». Отдел Берга так и не приступил к работе, хотя в 1944 году был даже составлен план деятельности этой структуры — плод многолетних стараний. Но сам Берг тогда находился на воинской службе в частях ваффен СС. В годы войны Гиммлер проявлял интерес к медицинской сфере только в контексте опытов над людьми. Этому способствовали не только опыты Рашера с раковыми клеткам, которые рейхсфюрер считал вполне успешными, но и необходимость появления новых военных технологий. Рашер стал своего рода прецедентом для Аненербе. Позже «фактор Рашера» позволил появиться в исследовательском обществе и Хирту, и Маю.

С другой стороны, есть основания полагать, что начиная с 1942 года Гиммлер использовал Аненербе в этой сфере исключительно для собственного удобства. Печально известные Йозеф Менгеле, Вальдемар Ховен и другие эсэсовские врачи, работавшие под началом имперского врача СС Гравитца, проводили эксперименты над людьми только для собственных «приватных» проектов. По сравнению с ними Рашер и Хирт находились в более выгодном положении, так как получили на свои зверства санкцию от шефа СС. Кроме того, врачам, приписанным к ваффен СС, вменялось в обязанность посещение медицинской академии ваффен СС в Граце. Имеются достоверные сведения, что ни один из врачей Аненербе не посещал

занятия в этой академии. Это было вовсе не своеволие подопечных Зиверса: дело в том, что формально «Наследие предков» относилось к альгемайне СС, а не к военизированным подразделениям ведомства Гиммлера (до 1943 года Рашер вообще являлся офицером авиации). И хотя Научный институт военных целевых исследований находился под патронажем ваффен СС, большинство его сотрудников относились к общим частям охранных отрядов.

Можно возразить, что существовало множество ученых, которые, не работая в штате лагерей или «Наследия предков», оказывались втянутыми в сферу бесчеловечных опытов (достаточно вспомнить гинеколога Клауберга, который в 1942—1943 годах провел стерилизацию тысяч евреек в Равенсбрюке и Освенциме). Есть одна причина, почему Гиммлер не приписал Рашера и Хирта к подразделениям ваффен СС: он был настолько заинтересован в результатах экспериментов, что не собирался терпеть промежуточные звенья, предпочитая личную, непосредственную связь. Можно привести пример: рейхсфюрер сам читал сообщения Рашера и Хирта, адресованные его секретарю Брандту. После прочтения он предпочитал давать личные рекомендации и комментарии (подобное отношение Гиммлера к проектам Аненербе было более чем характерным). В остальном Рашер и Хирт предпочитали работать в полной свободе, не подчиняясь какому-то Гравитцу, которого они считали «глупцом» и «старым павлином». В 1942 году Гиммлер был солидарен с их мнением — отношения между рейхсфюрером и этим эсэсовским врачом оставляли желать лучшего. Звучит невероятно, но Генрих Гиммлер больше не доверял своему старшему эсэсовскому медику! В последующем отношения так и не наладились, но Гиммлер не решился отдалять от себя старого боевого товарища. Так или иначе, но в сентябре 1942 года шеф СС пришел к выводу, что Гравитц мало подходил для контроля над предстоящими опытами.

Вопреки ожиданиям многих, отношения между Рашером и Хиртом, с одной стороны, и Гебхардтом, с другой, были весьма напряженными. Последний пытался играть на том, что Рашер не имел научной степени, пытаясь привлечь его на свою сторону. В январе 1943 года Гравитц подвергал острой критике эксперименты Рашера по переохлаждению. В мае того же года он послал мюнхенскому врачу сообщение, в котором резко заявлял, что «его работа является ненаучной, и с ней справился бы любой студент-медик». В данной ситуации Рашер попал из огня да в полымя; Гебхардт хотя и являлся школьным другом Гиммлера, но по сути был дилетантом, собственно, как и многие врачи, оказавшиеся на скамье подсудимых в Нюрнберге.

Надо заметить, что сам Зиверс не возражал против связей собственных подчиненных с врачами из других, даже не эсэсовских структур — так он надеялся расширить базу своего института. Во многих случаях он даже поощрял обмен опытом с другими специалистами. В частности, с домашним врачом семейства Гиммлера доктором Фаренкампом. Эдвард Май состоял в переписке с заместителем имперского руководителя здравоохранения, профессором Куртом Бломе, который был также ответственным в Имперском исследовательском совете за изучение злокачественных опухолей. Последний проявлял постоянный интерес к работе Рашера в области раковых клеток. *В обоих случаях контакты были санкционированы* лично Вольфрамом Зиверсом.

Но Зиверсу этого не было достаточно. Он пытался превратить Научный институт военных целевых исследований не просто в эсэсовский центр медицинских изысканий, но в единственный орган в Третьем рейхе, который занимался бы подобной проблематикой. Для Зиверса не существовало никаких сомнений, что опыты над людьми должны были играть центральную роль, а поэтому ему требовались новые люди. Планируя «расширение задач Аненербе, особенно в медицинской сфере», он хотел создать в исследовательском обществе некий «внутренний круг», в который должны были войти Хирт, Рашер и Май. Целью «внутреннего круга» должно было быть налаживание контактов с исследователями, которые не состояли в Аненербе. В число таковых были записаны: фармаколог из Ростока, профессор Хольтц, страсбургский психолог Даллес, вирусолог Хааген, химики-экспериментаторы Бикенбах и Дикерхофф. Зиверс даже подумывал о венском профессоре Кирше, который занимался лечебными свойствами минеральной воды (он планировал испытать ее воздействие на обмороженных).

Но единственное, что удалось имперскому руководителю Аненербе, — собрать этих ученых на общее совещание. Высказав заинтересованность в сотрудничестве, они, тем не менее, отказались работать в институте при «Наследии предков». Не успокоившись, Зиверс, желавший во что бы то ни стало получить контроль над всей военной экспериментальной медициной, решил завлечь их аппаратурой, имевшейся в распоряжении СС. Подобные «наполеоновские» планы были откровенным вызовом Гравитцу. Когда вирусолог Ойген Хааген получил от Люфтваффе задание создать новую вакцину от сыпного тифа, Зиверс через Освальда Поля предоставил ему подопытных из числа заключенных. Венский доцент Байглбек, занимавшийся опреснением морской воды, получил в свое распоряжение станцию Мая и Плётнера в Дахау. Но вопреки всему оба ученых так и не вошли в состав института. А в последнем случае Зи-

верс даже был вынужден отчитываться перед Гравитцем о ходе работы по опреснению.

Как ни странно это прозвучит, но Вольфрам Зиверс был одним из немногих эсэсовских функционеров, который задавался вопросом об этической стороне опытов, через которые должны были пройти тысячи людей. В целом дух медицины в Германии в период 1933—1945 годов испытал на себе три существенных воздействия. Во-первых, это было исключительно биологический взгляд на медицину. Во-вторых, воздействие социал-дарвинистского мировоззрения, заимствованного из прошлого века. В-третьих, на медицинской этике существенно сказалась тоталитарная идеология: отдельный индивидуум не значил ничего, ценность имел только народ в целом. Отныне козырем стала коллективная гигиена, врачам вменялось в обязанность сохранять и формировать полноценный наследственный материал, а также расовую чистоту немецкого народа, которые с теоретической и практической точки зрения являлись основополагающими условиями исключительного здоровья последующих поколений. Все это делало клятву Гиппократа абсурдной и бессмысленной: врач в первую очередь должен был заботиться о народе в целом и лишь затем об отдельном больном. Нацисты сознательно придали этой формуле радикальные формы. Заместитель имперского руководителя здравоохранения, профессор К. Блом в своем торжественном выступлении в университете г. Мекленбург, посвященном вручению дипломов студентам-медикам, заявил, что медики в гитлеровской Германии должны в первую очередь быть ***немецкими*** учеными и «само собой разумеется, должны демонстрировать волю к работе над великими проблемами ***собственного*** народа». Благодаря таким установкам немецкие врачи пребывали в убежденности, что любые не-немцы как наименее ценные представители человечества могут быть всего лишь «материалом для опытов», которые должны служить благу нордической расы. Объясняло ли это, почему Рашер и его коллеги откликнулись на предложение Гиммлера и Брандта ставить «высотные эксперименты» над евреями, русскими и поляками? Объясняло ли это, почему Рашер в 1944 году во многих авторитетных медицинских газетах сообщал об опытах с «Полигалом», и международная общественность уже тогда могла заподозрить нацистов в проводимых опытах над людьми? Объясняло ли это позицию врачей, которые даже и не думали возмущаться, когда Рашер в 1942 году в Нюрнберге открыто заявил о подопытных заключенных? Очевидно, что подобная философия врачевания рано или поздно должна была вылиться в бесчеловечные эксперименты. Попытки слияния расового мировоззрения и медицины привели к появлению и Рашеров и Хиртов.

Если говорить о квалификации этих врачей, то она, пожалуй, была только у Хирта. Рашер же по сути оставался дилетантом. Это и определило существенную разницу между двумя врачами-преступниками: страсбургский анатом был именитым ученым с богатым практическим опытом. Рашер же был психопатом, который хотел, не обладая глубокими знаниями, любой ценой приобрести авторитет — для этого он лгал и устраивал неимоверные «спектакли». В отношении же оценки человеческой жизни и здоровья подопытных они были одинаковы. Но Рашер не скрывал, что при проведении его экспериментов заключенные фактически были обречены.

И пару слов о ценности самих экспериментов. После Нюрнберга уже никто не говорил, что в экспериментальной медицине цель оправдывала средства. Рашер и Хирт, следуя тоталитарным установкам «народного сообщества», думали совсем по-другому. «Старомодная сентиментальность» (так Гиммлер отзывался о клятве Гиппократа) была решительно отброшена в деле разработки отравляющих газов и т.д. На процессе в 1946 году было установлено, что эксперименты Рашера едва ли могли принести какие-либо результаты, которые могли помочь Люфтваффе в конце войны. До сих пор непонятно, относилось ли это к экспериментам Ганса Вольфганда Ромберга, которые осуществлялись под эгидой доктора Руффа. В январе 1944 года в обществе авиационных исследований считали, что Руфф достиг выдающихся результатов». После войны он заявлял, что полученными тогда плодами его исследований пользуются все ВВС мира. С этой точки зрения примечательно, что в 1957 году была в третий раз переиздана его работа «Основы авиационной медицины», которая была написана в годы войны. Когда Рашер вместе с Финке и Хольцлёнером начинал эксперименты по переохлаждению, в Люфтваффе уже ходило «Служебно-санитарное предписание для военных врачей по отогреву [переохлажденных]». Этот документ, содержавший в себе множество способов терапии, был подписан Вельтцем и Хольцлёнером. То, что в нем отсутствовало имя Рашера, говорило о том, что его подчиненные самостоятельно смогли достигнуть результатов, работая в рамках военной авиации.

Подводя некоторые итоги, можно утверждать следующее. Создав Научный институт военных целевых исследований, «Наследие предков» не только «повысило свой престиж», но и подписало себе приговор, поставив своих сотрудников в один ряд с палачами типа Йозефа Менгеле. При этом нельзя не отметить, что руководство Аненербе так и не смогло удовлетворить своих давнишних академических амбиций. Возникал вопрос, осознавала ли себя верхушка Аненербе хранителями каких-то академических традиций?

Глава 9
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА АНЕНЕРБЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Как говорилось выше, «Наследие предков» уже до войны было некой полицейской организацией, которая осуществляла свою деятельность в сфере культуры. Это позволяло исследовательскому обществу присваивать научные материалы и культурные ценности, успешно бороться с действительными и мнимыми противниками, эффективно унифицировать различные научные и культурные организации. Более того, Аненербе даже пыталось заниматься научной политикой.

Вторая мировая война не положила конец подобным притязаниям исследовательского общества. Технические трудности, обусловленные, прежде всего, неопределенным организационным статусом Аненербе, приводившим к финансовым проблемам, были ликвидированы только в начале 1940 года, когда «динамика судьбоносной борьбы немецкого народа» увлекла за собой руководство «Наследия предков». Используя любой повод (война дала их более чем предостаточно), в том числе и пропагандистскую речь фюрера о национальном единстве и сплоченности, Аненербе пыталось расправиться со своими конкурентами. Но наибольшие успехи принесли вовсе не новые военные условия, а реорганизация культурной и научной жизни страны, начатая Аненербе в 1938 году. Это касалось прежде всего спелеологии и карстовых исследований.

В сентябре 1939 года по понятным причинам пришлось отложить воссоздание «Имперского союза немецких спелеологов». В январе 1940 года руководителю отдела спелеологии и спелеоисследований Гансу Брандту было поручено проверить состояние этой сферы деятельности в Австрии, где «велась тяжелая борьба за смещение проеврейского и расово неполноценного руководства». На самом деле, это был лишь повод для обработки австрийских спелеологов в имперском духе. Зиверс принял это решение, учитывая, что создание «Имперского союза немецких спелеологов» в ближайшем будущем не предвиделось. Но как же планировалось устранить «Главный союз немецких спелеологов»? Можно было это сделать, манипулируя законами, но эсэсовский путь был предпочтительнее, так как он предполагал минимальное сопротивление. В свое время Брандт создавал свой «Имперский союз», несмотря на существование «Главного союза». Этим шагом он пытался расколоть своих конкурентов и ликвидировать их печатный орган («Имперский союз» тогда как раз намеревался издавать собственную газету). Зиверс предпочитал действовать методами, которые он назвал «силовой атакой». Он привлек к этой проблеме юриста Аненербе Карла Дойчманна.

Тот определил, что, как и во всех случаях, когда добровольная унификация невозможна, имелось два варианта: 1) исходя из государственно-политических соображений закрыть это объединение в судебном порядке, 2) либо общее собрание членов объединения меняет свое правление, но для этого необходимо иметь значительное влияние на членов организации. Первый путь напоминал скорее запреты февраля 1933 года, когда нацисты только пришли к власти. Второй путь Зиверсу виделся более перспективным, к тому же найти политическую причину для закрытия организации, которая просуществовала до 1940 года, было более чем сложно.

В Аненербе решили прибегнуть к тактике переговоров. Поначалу руководство исследовательского общества предлагало исполняющему обязанности председателя «Главного союза» Юлиусу Римеру присоединиться к «Наследию предков» в обмен на создание нового научного печатного органа спелеологов, который он должен был возглавить. Но в сложившихся условиях это предложение мало заинтересовало Римера. Тогда Зиверс решился на смелый шаг, он запланировал повторно создать «Имперский союз немецких спелеологов», но уже не под руководством крикливого Брандта, а под председательством авторитетного профессора Тратца. В последнем Зиверс видел фигуру, которая могла бы преодолеть разобщенность спелеологов и одновременно строго руководить ими. Подобную убежденность подкреплял не только научный авторитет Тратца, но и то, что в отличие от Брандта он был австрийцем, а стало быть, мог более убедительно воздействовать на своих несговорчивых соотечественников. 11 мая 1941 года в Зальцбурге в присутствии куратора Вюста Тратц торжественно заявил о создании «Имперского союза спелеологии и карстовых исследований». Об этом были тут же уведомлены все члены «Главного союза». И хотя организация Тратца существовала только на бумаге, этот ход возымел действие — в ряды австрийских спелеологов был внесен раскол. С этого момента большинство спелеологов Германии и Австрии начали вступать в новое объединение.

Один из руководителей «Главного союза» геолог Флориан Хеллер в 1964 году удивлялся, что унификация этого объединения затянулась настолько долго. Объяснение этому факту можно найти в скрытной манере поведения Генриха Гиммлера. Здесь рейхсфюрер проявил еще большую затаенность, чем его паладины из «Наследия предков». Если Зиверс сдерживал вспыльчивого Ганса Брандта, то Гиммлер постоянно взнуздывал имперского руководителя общества. Тогда Брандт в своем дневнике жаловался на бюрократов нацистского режима, которые раздражали его своей неповоротливостью (особенно досталось чиновникам из Министерства сельского хо-

зяйства и ведомства Тодта[1]). Но Гиммлер больше не хотел выслушивать сетования партийцев, которые обвиняли его в нарушении компетенции, вмешательстве в чужие дела. Несмотря на то что в 1941 году «монолитное фюрерское государство» оказалось по сути разорванным между несколькими бонзами, оно еще не дошло до той стадии борьбы всех против всех, которую простые люди в конце войны шутливо называли «национал-социалистическими спортивными играми». Гиммлеру, который полностью увяз в своих военных задачах, не хотелось связывать себе руки новыми внутрипартийными интригами. Вместе с тем он не мог позволить себе роскошь скомпрометировать себя и своих сотрудников чересчур уж сконцентрированной властью. Путь минимального сопротивления, который был выбран в случае со спелеологией, был узкой и длинной тропой, на которой, чтобы достигнуть желанной цели, надо было соблюдать множество предосторожностей. Именно поэтому планы Ганса Брандта столкнулись с непониманием со стороны Гиммлера: директивные меры могли не дать нужного результата.

Следующий шаг на пути унификации был сделан в мае 1941 года в Страсбурге. Новый «Имперский союз», согласно принципам СС, которые инспирировали его создание, был строго организованным объединением. Его руководитель профессор Тратц на самом деле был не более чем вывеской, за которой скрывался Ганс Брандт. Последнему как начальнику одного из отделов Аненербе удалось покрыть всю Германию сетью «местных групп». К этому времени сопротивление Юлиуса Римера было сломлено — теперь он был не просто членом «Имперского союза», но и его казначеем и даже редактором «Журнала спелеологии и карстовых исследований», который стал наследником печатного органа «Главного объединения». Но не стоит думать, что эти должности давали Римеру какие-то полномочия или реальную власть — он даже не имел фактического доступа к финансовым средствам, хотя и был казначеем организации. В 1942 году до сведения членов «Имперского союза спелеологии и карстовых исследований» было доведено, что Ример покинул свой пост по состоянию здоровья. Подлинная причина его ухода была совсем другая. Ример долгое время был поверенным в делах Бруно Вольфа, первопроходца немецкой спелеологии. Того самого Вольфа, который фактически в течение долгого времени стоял за

[1] Полувоенная правительственная организация, созданная в 1933-м, занимавшаяся разработкой и строительством автомобильной и железнодорожной сети в целях улучшения возможностей переброски войск в случае войны. Также осуществляла проектирование и возведение оборонительных сооружений, в том числе «Западного вала», подземных командных пунктов, ставок и др. Возглавлял организацию Фриц Тодт (до его смерти в 1942 году).

кулисами «Главного союза». В 1942 году он был арестован, а его материалы были отправлены в Мюнхен Брандту.

После войны Вюст выражал свое недоумение по поводу того, что Вольф оказался в застенках гестапо, несмотря на его заступничество. Ему вторил Брандт, который заявлял, что сыграл значительную роль в защите Вольфа от тайной полиции. Ример придерживался другой точки зрения, считая, что именно Брандт был главным виновником ареста профессора Вольфа — он хотел завладеть его богатыми научными материалами. Эта версия кажется наиболее правдоподобной. Брандт уже в декабре 1940 года писал, что форсированное сближение Римера и Аненербе позволило бы завладеть архивами Вольфа. В октябре 1941 года, месяц спустя после того, как евреи в Германии потеряли вообще все права, Зиверс писал Адольфу Эйхману, что после депортации Вольфа необходимо сохранить его документы и передать их «Наследию предков». В феврале 1942 года Зиверс предлагал помощь в вывозе конфискованной библиотеки Вольфа. Вопрос об аресте ученого, который произошел летом 1942 года, был поднят где-то в апреле. Зиверс тут же оказался вместе с офицерами СС в берлинской квартире Вольфа (Хорн-штрассе, 6). Их сообщение о проведении ареста — поражающий по своей жестокости документ. «Профессор Вольф появился в своей квартире в 13 часов 30 минут. Перед присутствующими он не делал никаких заявлений и не упоминал о возможных связях с руководством СС. О своем личном знакомстве с Римером заметил, что проводил рядом с ним почти каждый день. Он был очень удивлен необходимостью срочной эвакуации, так как господин Ример заверил, что она его не коснется. Ример как член правления «Имперского союза спелеологии» получил в свое время подтверждение этому у рейхсфюрера СС. На основании этого заявления Ример порекомендовал Вольфу не носить на одежде еврейскую звезду». Зиверс, который после войны пытался изобразить себя бойцом Сопротивления, в тот момент решительно отверг всякие намеки на связи между Вольфом и Аненербе. Так и не поняв, куда его направляют, берлинский ученый наивно попросил разрешения взять с собой пальто и зонтик для экономки. Жизнь этого талантливого исследователя оборвалась в 1944 году в концентрационном лагере Терезенштадт.

Тем временем штандартенфюрер СС Ганс Брандт, который, подобно Зиверсу, после войны пытался доказать свою причастность к Сопротивлению, в 1942 году находился на вершине своей карьеры. В это время он был командиром «спелео-военной группы», которая существовала при ваффен СС. Внимание Гиммлера к этой группе было обосновано его повышенным интересом к геологии и оружию. Он говорил о необходимости ее создания еще в 1937 году, когда

многие офицеры заявляли о значении пещер в ходе ведения боевых действий. В начале 1942 года Гиммлер совместно с Гансом Брандтом детально разработали план создания этого подразделения. В начале 1944 года «спелео-военная группа» СС приняла активное участие в борьбе с югославскими партизанами.

То, что Аненербе попыталось реорганизовать спелеологическую работу в протекторатах, было вполне логично. Здесь функционеров «Наследия предков» интересовали не только богатые моравские карстовые области, но и памятники природы, над которыми исследовательское общество хотело получить полный контроль. До войны почву для этого готовили такие ученые, как Курт Вильфонзендер и Асин Бомерс, работавшие тогда в Австрии. Аненербе проявляло повышенный интерес к протекторатам хотя бы потому, что люди Розенберга здесь так и не смогли закрепиться. Карл Франк, статс-секретарь имперского протектората Богемии и Моравии, был человеком из окружения рейхсфюрера. Но почти сразу стало понятно, что это обстоятельство не было гарантией беспрепятственной деятельности Аненербе на территории оккупированной Чехословакии.

Что касается моравских карстов, то уже в конце сентября 1939 года Зиверс указал гестапо на грабительские раскопки знаменитых пещер севернее Брюнна. Эта трогательная забота была всего лишь удобным поводом для проникновения сюда «Наследия предков». В Мюнхене Зиверс продумывал план, как ему раз и навсегда заполучить эту карстовую область. В то время моравские пещеры не относились к сфере деятельности «Общества моравских карстов», кое Зиверс планировал ликвидировать и заменить его новым объединением, которому якобы организация-предшественница поручила бы вести их исследование. В середине мая 1941 года Зиверс и Вильфонзендер получили принципиальное согласие на начало работ от земельного президента Моравии доктора Швабе, находившегося в чине штандартенфюрера СС. В течение последующих трех месяцев нетерпеливый Зиверс досаждал Швабе просьбами ликвидировать конкурирующую организацию. Заглядывая в будущее, скажем, что этого так и не произошло.

Неудача имперского руководителя исследовательского общества объяснялась тем, что при проведении реорганизации и унификации он не мог действовать другими методами, кроме как силовыми. Судьба моравских карстов была десятилетиями связана с деятельностью местных, так сказать, глубоко пустивших корни в племенные земли ученых, которые под руководством отдельных «упрямцев» не собирались расставаться со старыми традициями и своим имуществом. Подобная позиция, фактически граничившая с сопротивлени-

ем режиму, по мнению нынешних исследователей, была связана с людьми, которые всерьез пытались сохранить национальное единство чехов и защитить их самобытность. В определенной мере, как ни парадоксально это звучит, это относится и к самому имперскому протектору барону фон Нойрату. Наиболее яркой фигурой в этом отношении был работавший в Немецком университете Праги профессор истории Лотар Зотц. Исключенный в 1936 году из «Имперского союза немецкой древней истории», во главе которого стоял знакомый нам Рейнерт, он по личному распоряжению Гиммлера был назначен в 1938 году директором земельного управления древней истории провинции Бранденбург. В обмен на это ученый должен был передать Аненербе «на хранение» свои ценные научные материалы. Это и стало поводом для негативного отношения профессора к эсэсовскому исследовательскому обществу. То, что в 1939 году он занял кафедру в Пражском университете, не являлось заслугой «Наследия предков», как позже пытался представить это Зиверс. С трудом верится, что Гиммлер не был причастен к этому, но факт остается фактом: Зотц получил приглашение на эту работу от чешского правительства Бенеша, когда протектората еще не было и в помине. Можно смело утверждать, и это подтверждается свидетельствами, что Зотц постоянно заботился о своих чешских коллегах по университету. Но необходимо подчеркнуть, что, когда в своих статьях он опускал идеологические и политические аспекты, «забывая» даже упомянуть о новой империи, он делал это скорее из соображений такта, а не из личных политических убеждений.

То, что Зиверс, несмотря на натянутые отношения, привлекал Зотца для унификации чешских исследователей, было продиктовано личным решением рейхсфюрера СС. Но именно его же в борьбе с притязаниями Аненербе собирались использовать чешские ученые и исследователи! Ключевую роль в этом «тихом сопротивлении» сыграл профессор Абсолон, который, являясь хранителем Моравского земельного музея и инициатором создания Антропологического музея в Брюнне, оберегал результаты и материалы многочисленных раскопок. Когда в сентябре 1939 года представитель Зиверса Вильфонзендер рекомендовал поставить во главе этих музеев немцев, он не знал, что не мог положиться в осуществлении этого начинания на Зотца.

Аненербе начало свою деятельность в протекторате с того, что стало настаивать на передаче всех материалов, которые хранились у Абсолона (прежде всего речь шла о результатах раскопок стоянки Унтервистерниц). Руководство «Наследия предков», прекрасно знавшее позицию Зотца, решило столкнуть его с Асином Бомерсом, который как гражданин Голландии не подлежал призыву на воинскую

службу и обладал достаточными средствами, чтобы продолжить раскопки этой стоянки. В конце концов Зиверсу удалось принудить ученицу Абсолона Гизелу Фройнд передать Бомерсу имевшиеся у нее материалы. В обмен на это она могла не только продолжить свое обучение в докторантуре, но ее диссертация, посвященная археологическим находкам стоянки Предмост, должна была быть опубликована в издательстве Аненербе. Но ее обманули. Вместо этого Бомерс сам начал раскопки в Унтервистернице, которые позволили ему написать работу «Изучение ледниковой стоянки Унтервистерниц». Но справедливость восторжествовала, и эта работа так и не увидела свет.

Лотар Зотц с самого начала возражал против этой аферы. В конце концов недоверие между этим ученым и Зиверсом было продиктовано недостаточным сотрудничеством между исследовательским обществом и Министерством науки. Цели деятельности Аненербе на территории протектората не были даже согласованы с ведомством Б. Руста, да и сам Зиверс не мог четко сформулировать Гиммлеру, чем он должен заниматься в Моравии и Богемии. Но это не помешало рейхсфюреру в марте 1939 года издать указ, который делал «Наследие предков» ответственным за охрану всех природных памятников в этом регионе. Как мы видим, унификация культурной и научной жизни под эгидой Аненербе шла не только не последовательно, но иногда даже асинхронно. Вместо внутреннего строгого единства исследовательское общество представляло собой хаотический набор различных фрагментов, нередко никак не связанных между собой. Но не стоит удивляться — это было всего лишь отражением якобы «монолитного фюрерского государства», на самом деле раздробленного между отдельными функционерами.

Но в то время ни Зиверс, ни Зотц не могли подозревать это. В качестве повода для травли Зотца Зиверс использовал обвинение, что тот потакал чешским ученым, предоставляя им значительную свободу действий, и ограничивал в таковой немецких специалистов. Оба обвинения имели под собой основу: Зотц открыто протежировал Абсолону и его Антропологическому музею, а Камилле Штрайт, руководительнице Пражского археологического музея, которая всегда пренебрегала эсэсовскими нормами, он предоставил полную свободу. Цель Зиверса состояла не только в том, чтобы забрать у Зотца рычаги власти, но и поставить везде своих людей — для этого он уже присматривал специалистов в Берлине. Здесь имперскому руководителю исследовательского общества приходилось вести сложную двойную игру. С одной стороны, он писал Гейдриху, что для обработки местных находок надо привлекать чешских ученых, с другой стороны, он сообщал Гиммлеру, что необходимо оконча-

тельно обезвредить их. Если в феврале 1942 года он приветливо заверял пражского профессора, что при изучении моравских карстов с ним, «самой собой разумеется», будут сотрудничать, то несколько месяцев спустя он даже не удосужился побеседовать с ним.

В своей деятельности против Зотца Зиверс мог положиться только на собственных людей. В качестве таковых выступали назначенный директором Моравского земельного музея ученик Г. Янкуна Карл Хуке и венский историк Курт Вильфонзендер. Последний, прозванный «соглядатаем Аненербе», быстро смог утвердиться в австрийской исторической науке. 1 апреля 1940 года он стал начальником отдела древностей при Венском институте охраны памятников, в 1941 году его уже назначили главой ведомства по охране памятников в двух гау — Нижний Дунай и Вена.

Если посмотреть на карту, то видно, что гау Нижний Дунай граничила с Моравией. Это предопределило то, что Вильфонзендер уже тогда проявлял интерес к историческим памятникам протектората. В тот момент Зиверс и решил использовать австрийского ученого, старого друга Зотца, для наблюдения за «неудобным» профессором.

Когда в начале 1942 года Зотца убедили ввести Вильфонзендера в исследовательский совет протектората, Зиверс получил новый плацдарм для реализации своих далеко идущих поползновений. Он решил при помощи австрийца нейтрализовать Зотца и под удобным поводом отослать его подальше от Моравии. В 1940 году Вильфонзендер вместе с Зотцем отправились в Словакию, чтобы проводить там археологические раскопки. Поводом для этой экспедиции стало соглашение между СС и словацким марионеточным правительством, кое позволяло проводить в стране раскопки, задуманные для нахождения здесь остатков германского присутствия. Почему для экспедиции был выбран Зотц? Дело в том, что он уже в 1935 году проводил здесь раскопки стоянки Пистян. В ноябре 1940 года профессор сообщал рейхсфюреру, что они уже достигли культурного слоя охотников на мамонтов. Более детально оба ученых изучили археологические памятники близ г. Штразе. После раскопок 1941 года их надежды оправдались — был обнаружен безупречный срез дома или, точнее говоря, жилища каменного века. Это доказывало, что даже на этой ранней стадии первобытный человек, бывший охотником и собирателем, вел оседлый образ жизни. Когда Зотц справился с этой миссией, ему была предложена другая «ответственная» работа — составление инструкций по вопросам охраны памятников для братиславского правительства. Это делалось только для того, чтобы не возвращать его в Прагу. Он даже не знал, что месяц спустя Зиверс сообщал Вильфонзендеру, что реорганизация

системы охраны памятников в Словакии будет проходить в ***любом случае*** без участия Зотца.

Изоляция, в которой Зиверс собирался оставить Зотца в Братиславе, не приносила желаемых результатов — профессор до сих пор оставался преподавателем Пражского университета. И тут Зиверс предпринял новую атаку — он вновь попробовал поставить на ключевые посты своих людей. После формального ухода на пенсию профессора Абсолона директором Антропологического музея был назначен один из учеников Г. Янкуна — Генрих Швабедиссен. Зиверс планировал использовать его для «обезвреживания» окружения Зотца. В последующем Швабедиссен даже писал доносы Зиверсу на Зотца, хотя и не подозревал, что являлся агентом Аненербе.

В своей интриге Зиверс зашел так далеко, что решил оклеветать Зотца, который, покинув пражскую кафедру, перешел в Министерство воспитания. В мае 1943 года Зиверс, Бомерс, Швабедиссен и другие адепты Аненербе составили «заговор», целью которого было получить в свои руки газету, учрежденную Зотцем, «Четвертичное измерение — Квартер». В этих условиях профессор Зотц осознал, что на своей научной карьере может поставить крест. Несмотря на многочисленные болезни, он ушел на воинскую службу. История все поставила на свои места. После войны Зотц вновь вернулся на свою кафедру. Чехи запомнили его гражданскую позицию и потому уже в 1945 году предложили возглавить Институт древней истории Чехии. Имя этого ученого оказалось вписанным золотыми буквами в историю чешской науки.

Интрига вокруг профессора Зотца показала, что Аненербе, как и ранее, пыталось наладить взаимодействие с Имперским министерством воспитания, во главе которого стоял Бернхардт Руст. Действительно, функционеры исследовательского общества весьма нуждались в союзниках из этого ведомства. К 1943 году стало понятно, что контроль высшей школы посредством эсэсовский профессуры становится затруднительным. Большинство преподавателей, придерживавшихся прежней гуманистической традиции, было нелегко запугать черной формой СС. Профессора высшей школы делали весьма незначительные уступки, и то только там, где это было необходимо для дальнейшего существования университетов. Нельзя отрицать того, что начальники отделов Аненербе, имевшие научную степень, выступали на лекциях и семинарах с эсэсовских позиций. Но реальный симбиоз «точной науки» и эсэсовского мировоззрения ограничивался страницами изданий «Наследия предков» и внутренними мероприятиями исследовательского общества. В учебных аудиториях его не было. Здесь корпоративные интересы были

сильны, как нигде в нацистской Германии. Как подобный феномен отразился на деятельности отдельных университетов, можно проследить на примере Вены, где представителем Аненербе был востоковед и оберштурмфюрер СС Виктор Христиан. Когда этот ученый, являвшийся деканом философского факультета, вступил в «Наследие предков», он справедливо надеялся на продвижение по иерархической лестнице. Но насколько он устраивал СС и их шефа?

6 января 1943 года штандартенфюрер СС, профессор Фридрих Плетнер распространил среди венских коллег копию циркуляра Генриха Гиммлера, в котором говорилось о том, что на ближайших выборах декана философского факультета необходимо отстранить В. Христиана от его должности. Реакция оказалась несколько иной, нежели та, на которую рассчитывал рейхсфюрер. Большинство преподавателей отказались поддержать подобное решение! Глава «черного корпуса» уже давно сожалел, что в Аненербе вступил и возглавил учебно-исследовательский отдел истории Ближнего Востока именно Христиан, а не более честолюбивый Плетнер. Гиммлера не устраивала не только его научная позиция. В 1942 году Христиан пытался заступиться за тещу своего коллеги, которая была еврейкой и подлежала депортации из Вены. Шаг для гауптштурмфюрера СС более чем непростительный. В марте того же года он получил строгое взыскание от Зиверса за действия, несовместимые с членством в СС. Тогда за своего венского коллегу хотел вступиться куратор «Наследия предков» Вальтер Вюст. В свете того, что мы знаем сейчас об этом мюнхенском индогерманисте, это кажется вполне правдоподобным. Показательно, что в своем университете он вовсе не играл роль «апостола СС», хотя в июле 1941 года стал ректором этого высшего учебного заведения. Очевидно, что эта должность была сильным козырем в руках Генриха Гиммлера. Фактическому назначению Вюста на этот пост предшествовали долгие переговоры между Аненербе и Имперским министерством воспитания, в которых центральную роль сыграл Генрих Гармянц. До сих пор неизвестно, что точно обсуждалось и что происходило на этих встречах. Документы показывают только то, что после смерти ректора Брёльцера инициатива выдвинуть Вюста на этот пост исходила от преподавательского коллектива и она даже не была согласована ни с партийными, ни с эсэсовскими инстанциями.

И хотя торжественная речь Вюста при вступлении в эту должность содержала традиционные обороты о том, что Мюнхенский университет поднял изучение индогерманской истории на высочайший уровень (от чего, по его словам, образование отказывалось в прежние годы), он даже не обмолвился ни словом о научной деятельности Аненербе и перспективах сотрудничества с СС! В после-

дующем он также старался не поднимать эту тему, пытаясь сохранять солидарность со своими коллегами подчиненными. Это можно объяснить тем, что он терял свой вес в «Наследии предков», ведь к 1945 году Зиверс открыто заявлял о том, что по всем показателям обошел куратора общества. Хотя на праздничных общеуниверситетских мероприятиях новый ректор показывался в эсэсовский униформе, его никто не воспринимал как эсэсовца, тем более никто не относил к элите «черного корпуса». Так какую же позицию Вюст занял в вопросе взаимодействия эсэсовских структур и высшей школы? Надо подчеркнуть, что как бы он ни пытался уйти от этой проблемы, это было не так просто, как казалось.

В отдельных случаях, как, например, с братом и сестрой Шолль[1], Вюст уступил свои суверенные права главы университета представителям карательных органов (позже его терзали угрызения совести за этот шаг). По свидетельству университетского сторожа Якоба Шмидта, арестовавшего 19 февраля 1943 года Шоллей, он передал их в юрисдикцию университета — Вюст же превратил этот случай в громкий политический процесс. Более того, Вюст как председатель университетского комитета отстранил Курта Хубера от защиты докторской диссертации (большинство студентов из «Белой розы» учились именно в его группе). Поводом для этого, естественно, стала «антиправительственная деятельность». И здесь Вюст проявил себя не только как истинный нацист, но и как эсэсовец, стоящий на страже режима.

Но за исключением этого печального случая куратор Аненербе был защитником старых университетских традиций. Хотя не надо

---

[1] Члены подпольной антигитлеровской организации «Белая роза», созданной в Мюнхенском университете во время нацистского режима. Печатала и распространяла тексты мужественных проповедей мюнстерского епископа фон Галена, а начиная с лета 1942 года размножала и распространяла выдержки из законов Ликурга и Солона. В начале 1943 года члены организации стали выступать более открыто, осмеливаясь даже делать на городских стенах надписи «Долой Гитлера!», подвергая себя смертельной опасности. После Сталинградской битвы, 18 февраля 1943 года, ими были напечатаны листовки с призывом к восстанию и пачками разбросаны в университетских аудиториях. В листовках также содержался призыв к чести и разуму офицерства вермахта. 19 февраля члены организации возглавили в Мюнхене студенческую манифестацию — неслыханное дело в мире нацизма. В тот же день гестапо арестовало трех студентов: Кристофа Пробста, 24 лет, Ханса Шолля, 25 лет, обучавшихся на медицинском факультете, и Софию Шолль, 22 лет, студентку философского факультета. 22 февраля после трех дней допросов и пыток все трое были приговорены к смертной казни и вечером того же дня казнены. 13 июля настал черед профессора философии Курта Хубера и студента-медика Александра Шмореля. Наконец, 12 октября был взят студент-медик Вилли Граф. Осужденные на смерть Народным трибуналом, все они были обезглавлены.

забывать, что именно он был инициатором закрытия католических кафедр в университете. Этот эпизод возвращает нас во время, когда он еще не был ректором университета.

В 1939 году, еще находясь на должности декана философского факультета, Вюст добился закрытия католического факультета в Мюнхенском университете. Это было частью заранее задуманного плана, который определенные круги НСДАП хотели осуществить чужими руками. Именно тогда режим пошел на существенное обострение отношений с католической церковью. Здесь необходимо обратить внимание на такие фигуры, как Альфред Розенберг и Мартин Борман, которые являлись фанатичными поборниками так называемой деклерикализации. Они настаивали на борьбе с христианством, несмотря на заключение конкордата с Ватиканом. Оба рейхсляйтера считали, что сократить количество католических священников можно было, «придушив» католические факультеты. Тогда они решили обратиться к министру воспитания Б. Русту, которому формально подчинялись все учебные заведения. 24 января 1939 года Борман изложил в своем письме Русту официальную позицию партии в этом вопросе. «Теология — это не наука, а прикладные конфессиональные исследования, — писал он, — партия только приветствовала, если бы теологические факультеты в немецких университетах были существенно сокращены». На самом деле Борман предполагал их полную ликвидацию. Первым эту инициативу должен был проявить Мюнхен, родина нацистского движения.

Слабовольный Руст, чье министерство использовалось самыми различными партийными функционерами, на этот раз проявил редкостную изворотливость и хитрость. Дело в том, что на него давили не только Розенберг и Борман. В феврале 1939 года о своих претензиях заявил сам Гейдрих. 21 февраля, минуя Руста, он дал указание начальнику одного из управлений Министерства воспитания, Вакеру, планомерно сокращать количество государственных теологических факультетов. Он полагал, что без проблем их число можно было бы уменьшить наполовину. Памятуя о хороших связях некоторых функционеров своего министерства с СС, Руст очень рисковал, подыгрывая Розенбергу. Теперь министр образования, который шесть лет назад в разговоре с оснабрюкским епископом Бернингом выступал великодушным покровителем дела католического воспитания, сочинял план, который предусматривал закрытие отдельных католических факультетов и университетов. В Баварии, после упразднения мюнхенского факультета, оставшиеся пять католических кафедр должны были объединиться в две. В июне 1939 года Борман вновь настоял на закрытии всех факультетов, но Руст, сославшись на начало войны, предложил отложить решение этого вопроса.

Но война не помешала деклерикализации. Гестаповские эксперты в то время рекомендовали использовать освободившихся после упразднения факультетов специалистов в другой сфере преподавательской деятельности, которая бы «представляла жизненную необходимость и фундаментальное значение для немецкого народа». Подобные взгляды высказывала не только тайная политическая полиция. Розенберг планировал увязать уничтожение католического образования со своими собственными целями. В частности, в разговоре с гауляйтером Адольфом Вагнером он озвучил идею использовать этих преподавателей в своей собственной высшей партийной школе. Именно осенью 1939 года после ликвидации католического факультета в Мюнхене началась возня вокруг ректората университета. Это было связано с попытками Розенберга использовать освободившиеся кафедры для создания при своей «высшей школе» Института по изучению арийской духовной истории, во главе которого он планировал поставить филолога из г. Киль Рихарда Хардера. Предвидя возможные последствия такого новшества, Вюст как декан философского факультета направил Зиверса в Министерство воспитания к Ментцелю. Таким образом, союз между министерством, университетами и СС в лице Аненербе носил вполне естественный характер. Хардер, против которого мюнхенская профессура ничего не имела, за спиной Розенберга договорился с Вюстом. В январе 1941 года он возглавил в Мюнхене кафедру классической филологии. Как ни пытался Розенберг придать своей «высшей школе» хотя бы подобие академичности, это ему не удалось. Да и обещания устроить своих адептов на работу так и остались только обещаниями.

Несколько позже Розенберг все-таки разгадал игру своих соперников. Вальтер Вюст, только-только ставший ректором университета, дал ему возможность отвести душу в письме, которое было адресовано М. Борману: «Эта клика старых ученых сейчас возмущается, что НСДАП пытается заниматься систематической исследовательской деятельностью. Нам предстоит позднее испытать, что эта клика совместно с отдельными дилетантами будет подрывать деятельность высшей школы (речь идет о Высшей партийной школе Розенберга) бюрократическими препонами, не решаясь открыто противодействовать ее деятельности». Вот уж воистину пророческие слова! Письмо не оставляло никаких сомнений в том, кто являлся врагами. «Я почти уверен, что среди них окажется и профессор Вюст. Это показательно, что свою торжественную речь при вступлении на должность ректора он посвятил индогерманской духовной истории... Вывод очевиден, он с самого начала собирался паразитировать на идее института при моей высшей школе».

Как видим, точкой преткновения между партией и университетами был именно Розенберг, причем позиция обеих сторон была более чем принципиальной. Розенберг уже с 1938 года претендовал на полный контроль над «мировоззренческими» (читай — гуманитарными) науками, с исключительным правом прекращать существование любых объективных исследований «старого типа». Но многие другие деятели Третьего рейха (в их числе и Гиммлер) не собирались давать ему такую власть. Они видели в нем человека, который, являясь олицетворением антиинтеллектуальности нацистского режима, собирался раздавить традиционные университеты, так как они составляли конкуренцию его собственным структурам. Розенберг куда больше, чем рейхсфюрер СС, собирался подчинить науку идеологическим установкам, ограничив даже ее тематику. Перечень дисциплин, которые Розенберг намеревался оставить для дальнейшего преподавания, был крайне скудным. Для того чтобы понять, какими проблемами должен был заниматься научный мир, достаточно посмотреть на тематику исследований институтов, действовавших при Розенберге: вопросы расы (Штутгарт), еврейство и масонство (Франкфурт-на-Майне), вопросы жизненного пространства за океаном (Гамбург), религиоведение (Халль), германоведение (Киль), немецкая этнография (Мюнстер). И вдобавок к этому он планировал создать в Мюнхене Институт арийской духовной культуры! Не стоит и говорить, что образовательные планы этого, с позволения сказать, учебного заведения радикально отличались бы от классических университетских. Ведь главной целью его было исключительно мировоззренческое обучение в духе НСДАП.

Розенберг никогда открыто не говорил, что целью его работы являлась борьба с университетами, а стало быть, искать подтверждение в документах — напрасный труд. Хотя подобные намерения можно прочитать между строк. Например, в циркуляре 1938 года «О создании «высшей школы» говорилось следующее: «Формируя собственную теорию обучения, национал-социализм ограничен хотя бы тем, что вынужден обсуждать ее не только с собственными структурами, но и соотносить с исследованиями, которые проводятся в университетах и академиях. Таким образом, чтобы наше партийное обучение осталось на высоте, оно должно «брать взаймы» у науки, коя не принимает национал-социализм в расчет как эпохальное событие. А это приводит к многочисленным затруднениям». В этих строках сквозило традиционное недоверие НСДАП к университетам, которые были в определенной мере свободны от политических предрассудков. Из документов следовало, что Розенберг получил приказ открыть собственную «высшую школу» лично от Гитлера 29 января 1940 года. Именно с этого времени началось

ожесточенное сопротивление Мюнхенского университета попыткам Розенберга оказать влияние на академические структуры.

Руководство СС со своей стороны пробовало всячески защитить немецкие университеты от натиска этого догматика. Тем не менее Розенберг делал все возможное, чтобы подорвать традиционную структуру немецкой высшей школы. Он снова и снова поднимал вопрос о придании сотрудникам «высшей школы» НСДАП статуса университетских преподавателей. Причем руководитель «Управления по созданию «высшей школы» в ведомстве рейхсляйтера Альфред Боймлер видел в этом шаге несомненные плюсы и очевидные минусы. Последние, по его мнению, состояли в том, что учебный процесс в партийной «высшей школе» был бы предельно бюрократизирован «старыми» преподавательскими кадрами, и само образование потеряло бы национал-социалистическую динамику. Он понимал, что «оккупация» «высшей школы» старой профессурой может подорвать влияние Розенберга в этом учебном заведении. В июле 1941 года он вновь толкнул своего шефа на путь открытой конфронтации между традиционными университетами и институтами «высшей школы», которые он назвал филиалами. Он писал: «Высшая школа» и ее филиалы созданы для того, чтобы двигать науку, которая с идеологической точки зрения долгое время не шла вперед, придерживаясь своих застывших университетских традиций. Филиалы «высшей школы» должны развеять ложное представление о том, что национал-социализм и наука якобы противопоставлены друг другу... Многие университетские преподаватели носят партийные значки, но только единицы из них являются истинными национал-социалистами. Задача «высшей школы» состоит в том, чтобы дать ход новым начинаниям в этой сфере и под руководством А. Розенберга организовать общественную научную работу, которая бы имела четкую идеологическую ориентацию». Оценивая результаты послевоенных дискуссий, в ходе которых высказывалось мнение, что профессура безоговорочно поддержала гитлеровский режим, можно заметить, что сотрудники ведомства Розенберга считали университетские кадры недостаточно «коричневыми». В итоге, исповедуя подобные взгляды и предъявляя столь обширные претензии, Розенберг не смог закрепиться ни в одном университете. Его амбиции так и остались неудовлетворенными, чему способствовал союз между университетами, «Наследием предков» и Министерством воспитания.

Что касается Аненербе, то исследовательское общество без каких-либо опасений могло стоять в оппозиции к «высшей школе» Розенберга. Конфликты между «высшей школой» и «Наследием предков» были следствием противоречий между Розенбергом и Гиммле-

ром. Всецело поддерживая своего шефа, эсэсовские специалисты считали делом своей чести насолить партийцам из «высшей школы». «Эта структура не имеет права на дальнейшее существование ни на задворках науки, ни где-либо еще», — печаталось на страницах одного из ***общедоступных*** (!!!) изданий Аненербе. Отдельным направлением деятельности в этой сфере стало переманивание в «Наследие предков» сотрудников Розенберга. В верхушке рейха весьма косо смотрели на эту нездоровую конкуренцию, которая отнюдь не способствовала сплочению общества в условиях войны. В конце 1942 года группенфюрер СС Бергер писал следующие строки: «После некоторых «детских болезней»[1] Аненербе начинает, хоть и медленно, но верно приобретать научный авторитет. Это должно в ближайшее время привести к тому, что это исследовательское общество обойдет «высшую школу» рейхсляйтера Розенберга и станет единственной национал-социалистической исследовательской структурой». Раздосадованный Розенберг просил Бормана в то время хоть как-нибудь посодействовать ограничению деятельности «Наследия предков».

После аферы с Рихардом Хардером в Мюнхенском университете Вальтеру Вюсту была навязана роль защитника университетов; хотел ли он того или нет, но преподаватели видели в нем представителя старого порядка, который собирался разрушить А. Розенберг. Тем временем рейхсляйтер все более активно использовал организацию, которую до начала войны явно недооценивал. Это был ***Национал-социалистический союз немецких преподавателей высшей школы*** (доцентенбунд), которую он подчинил себе 2 декабря 1941 года. Доцентенбунд объединял в себе партийные ячейки высших учебных заведений, а самое важное (в особенности для Розенберга), он участвовал в выборах деканов факультетов и заведующих учебных кафедр. Теперь Розенберг пытался использовать эту привилегию, которая под его патронажем приобрела деструктивный характер. С этой точки зрения доцентенбунд был хорошим оружием в борьбе со старыми врагами Розенберга, прежде всего консервативной профессурой. Первым на себе это испытал Вальтер Вюст. Он вместе со своими коллегами начал издавать в Штутгарте журнал «Немецкая научная служба». Проходило это, естественно, без согласования с доцентенбундом. Розенберг инициировал запрет на сотрудничество членов доцентенбунда с этим издательством. Это, конечно, не помешало выходу в свет журнала, но отношения между Вюстом и главой организаций немецких преподавателей, Вальтером Шультце, оказались окончательно испорченными.

---

[1] Имеются в виду дилетанты из окружения Г. Вирта.

К этому времени Вюст окончательно запутался в хитросплетениях закулисных интриг. С одной стороны, он выступал как защитник «старой» науки, с другой стороны — должен был реформировать ее в эсэсовском духе. Он явно не справлялся с этой сложной ролью, так как уже не вел и речи о преобразовании Аненербе в «эсэсовский университет».

Но вернемся к сложным интригам в сфере образования. В годы войны можно было смело говорить о том, что союз, заключенный в 1936 году между «Наследием предков» и Министерством воспитания, был не только взаимовыгодным, но и приносил плоды. СС использовали его для расширения своей компетенции и получения новых задач, а министр Руст не брезговал прибегнуть к помощи эсэсовских структур для защиты своих сравнительно консервативных позиций. Как мы видим, у Аненербе не было выбора: вступать ему в борьбу за контроль над этим министерством или нет. Именно сильные позиции «Наследия предков» в ведомстве Руста позволили без лишних проблем открыть Тибетский институт при Мюнхенском университете, а рейхсфюрера СС сделать почетным сенатором этого учебного заведения. Это, конечно, сильно воздействовало на публику (этакий PR по-нацистски), но не удовлетворяло самого Гиммлера. Его СС и полиция и без этого могли эффективно действовать за кулисами рейха. Гиммлер и Розенберг тем и отличались друг от друга, что последний не имел никакой фактической власти. Гиммлера интересовало не создание новых структур, а подчинение старых, уже существовующих организаций. К примеру сказать, с этой целью в 1936 году он оказал открытую поддержку Немецкой академии, которую в качестве исполняющего обязанности директора в тот момент представлял В. Вюст.

Именно тогда Вюст был втянут в борьбу за влияние в научно-культурной сфере. В середине 30-х годов за «Академию научных исследований и защиты научного мира — Немецкую академию» развернулась нешуточная борьба. Академия была открыта еще в 1925 году по инициативе Карла Хаусхофера[1]. Долгое время она была частным заведением, которое занималась разработкой идей геополитики и «фёлькише» идеологии. То, что эта организация не была унифицирована нацистским режимом, объяснялось личным покровительством Рудольфа Гесса, близкого друга Хаусхофера. В 1936 го-

---

[1] *Хаусхофер, Карл* (1869—1946), немецкий политический деятель и ученый, глава германской геополитической школы. С 1887 года выполнял различные дипломатические поручения в Юго-Восточной Азии, в 1908—1910 годах — в Японии. Во время Первой мировой войны был бригадным генералом. В 1921 году стал профессором географии Мюнхенского университета, был учителем и другом Рудольфа Гесса, впоследствии познакомившего его с Гитлером.

ду, когда академия испытывала чрезвычайные финансовые трудности, стало ясно, что она потеряет свой независимый характер, перейдя под контроль либо партии, либо государства. Первыми претендентами на владение выступили Министерство иностранных дел и зарубежное управление НСДАП (академия одно время делала акцент на защите немецкой культуры за пределами Германии). Не являясь специалистом в закулисной борьбе, Хаусхофер в апреле 1937 года назначил перевыборы руководства этого учреждения, что и предрешило судьбу академии. Почему пост директора академии был предложен именно В, Вюсту, до сих пор непонятно, но, так или иначе, это было на руку Аненербе и научным амбициям Гиммлера. Зиверс писал в то время Гиммлеру, что, как только Вюст станет президентом, влияние СС в академии будет более чем существенным. Куратор Аненербе не смог стать полновластным директром академии, так как разделил этот пост с баварским министром науки Людвигом Зибертом.

Вопреки ожиданиям Зиверса, Вюст так и не превратил «Немецкую академию» в оплот СС. Но рейхсфюреру было все равно — он прекрасно понимал, что «Немецкая академия» не имела столь большого значения, как созданный в 1932 году «Институт Гёте», который контролировал все культурные и образовательные программы за рубежом. Однако пост одного из директоров академии придавал Вюсту большой вес в обществе. Именно по этой причине в 1940 году Розенберг пытался сместить его с этой должности. Показательно, что Гиммлер готов был пожертвовать своим сотрудником, даже не посоветовавшись с ним. Крайне заинтересованный в сотрудничестве своей «высшей школы» и «Немецкой академии» Розенберг обратился к Р. Гессу, предлагая ввести с состав правления Р. Хардера (он тогда еще не знал, что этот ученый уже решил перейти в стан рейхсфюрера СС). «Здесь вызывает сомнение личность профессора Вюста, — писал рейхсляйтер в письме к Гессу, — который, как и ранее, не имеет веса в партии». Розенберг предложил разделить контроль над академией (после того как туда был бы введен Хардер) между «высшей школой», Министерством воспитания и зарубежным отделом партии. Узнав о таком предложении, Гиммлер решил не бороться далее за структуру, которая не давала СС никаких преимуществ. И настоял на том, чтобы Вюст ушел со своего поста и не втягивался в «междоусобную войну». Он направил профессору текст, который тот должен был озвучить на заседании правления академии: «Поскольку моя фигура осложняет сотрудничество между «высшей школой» и «Немецкой академией», я решил сложить с себя полномочия исполняющего обязанности директора академии». Некоторое время спустя Вюст выполнил приказ Гиммлера. Но тут

его ждали сюрпризы. Правление во главе с Зибертом не приняло отставки! Не подействовали даже аргументы, которые приводил Розенберг! В последующем А. Боймлер, представитель Розенберга, пытался внушить Зиберту, что в академии давно уже укоренились либеральные силы, намекая на консервативную позицию Вюста. Изменение руководства произошло только в 1942 году после смерти Зиберта. Тогда и Розенберг, и Гиммлер потеряли всяческий интерес к академии. В то же время ею заинтересовался Й. Геббельс, собиравшийся использовать ее для пропагандистских целей. Он не имел ничего против Вюста, а потому оставил его на посту директора, поставив на место Зиберта своего человека.

Как показал этот случай, Вюст был всего лишь слепым орудием в руках Гиммлера. Он не мог самостоятельно реализовывать эсэсовскую научную политику и лишь выполнял предписания рейхсфюрера СС. Да и каких научных принципов он должен был придерживаться, если руководство охранных отрядов к этому времени так и не выработало собственной четкой научной доктрины? Она была туманна и расплывчата. Известно, что главным вопросом в этот период была проблема пополнения научных кадров СС, которые в будущем должны были «оккупировать» большинство университетских кафедр. Подобные идеи могли осуществиться только в одном случае: если бы происходила ротация преподавателей и СС обеспечили себе постоянный приток молодых специалистов. Но именно их — тех, кто должен был получить классическое образование, в «черном корпусе» и не хватало. Да и откуда они могли взяться, если СС не имели собственных учебных заведений? Эксперты Аненербе не могли дать четкого ответа. В годы войны эту проблему пробовали решить за счет специалистов из «германских» стран, но, как мы помним, идея потерпела крах. Тем не менее для Зиверса данная проблема была одной из центральных; в годы войны приток молодежи существенно сократился, так как большинство ее оказалось на фронтах Второй мировой. При этом он должен был учитывать послевоенные планы Гиммлера, который намеревался превратить Аненербе в элитарное учебное заведение. Нельзя было забывать, что каждая элита, чтобы сохранить свое господствующее положение, должна была привлекать к себе свежие молодые силы. Где же их можно было взять в годы войны? Прослойка молодых интеллектуалов, воспитанных до прихода к власти нацистов, давно уже истощилась. Если молодые выходцы из буржуазных семей из отвращения к затхлому миру своих родителей выбирали черную униформу СС, то в годы войны они предпочитали карьеру офицеров вермахта или Люфтваффе. В ваффен СС приходилось рекрутировать моло-

дежь из сельских районов, которая по уровню своей интеллектуальной подготовки не подходила на роль будущих профессоров.

Тогда было решено попытаться найти выход в Национально-политических учебных заведениях (Наполас)[1]. Эти элитарные школы для детей были созданы Б. Рустом в 1933 году на базе бывших государственных интернатов и юнкерских училищ. Почти сразу же эти школы попали под патронаж СС. В 1937 году обергруппенфюрер Август Хайсмайер, руководитель одного из Главных управлений СС, был назначен инспектором Национально-политических учебных заведений. С этого времени они рассматривались в СС как собственные учебные заведения (Гиммлер впредь даже не пытался оказывать влияние в каком-либо другом секторе школьной политики). В 1938 году, накануне войны, в Германии существовал 21 Наполас, в годы войны Хайсмайер создавал их уже по собственному усмотрению. В начале 1942 года Зиверс обратился к Хайсмайеру с просьбой, которая напрашивалась сама собой — наладить взаимодействие между Аненербе и Наполас. Вюст, в свою очередь, предложил сразу же зачислять выпускников в университеты. В одной из своих речей он заявил: «Университету должны предшествовать не гуманистические гимназии периода Ренессанса или Романтизма, а индогерманская национал-социалистическая гимназия народного типа». Эта фраза показывала, что нередко «голова» СС не знала, что делали их «руки». Вюст, оказывается, не знал, что нет никаких индогерманских национал-социалистических гимназий и что Наполас вовсе не являлись таковыми. Примечательно, что эти учебные заведения вовсе не собирались избавляться от «оков старых традиций», тем более что их руководство не воспринимало таковые как оковы. Если штандартенфюрер СС Вальтер Вюст не знал, что в Наполас ***как раз господствовала гуманистическая схема*** обучения, то профессор Вюст должен был знать, что в Наполас преподавалась не только латынь, но и греческий язык. Вюст также должен был знать, что Хайсмайер именно по этому поводу связывался в ноябре 1941 года с Гиммлером, и рейхсфюрер решил, что новые заведения, создаваемые за пределами Германии, должны иметь такой же характер. Как же была построена система обмена информацией внутри СС, если функционеры, занимавшиеся схожими проблемами, не знали ничего друг о друге?

---

[1] Убедительная просьба не путать систему Наполас со Школами Адольфа Гитлера, партийными учебными заведениями для детей. В Наполас, подчинявшихся государству, упор делался на академическом и прикладном образовании, в то время как в Школах Адольфа Гитлера обучение носило исключительно идеологический характер.

При таких обстоятельствах вовсе не удивительно, что сотрудничество между Наполас и «Наследием предков» так и не началось, тем более что Аненербе стало постепенно отказываться от опоры на старые университеты. Теперь внутри исследовательского общества витали идеи создания своего собственного «кадрового эсэсовского университета». Об этом в руководстве общества начали говорить в начале 1941 года. Этому поспособствовал зальцбургский гауляйтер Райнер, который, воодушевившись «Зальцбургскими научными неделями», решил превратить местный университет в высшее учебное заведение СС. С этого времени Аненербе стало фактическим опекуном этого зальцбургского университета. В отличие от многих других идей, эта не попала в долгий ящик. Впервые подобная мысль была высказана в приватной беседе Райнера с Вюстом, Зиверсом и Шефером в начале 1941 года. А летом того же года она уже официально обсуждалась в Министерстве воспитания. Шефер заинтересовался этим проектом, так как после создания Тибетского института в Миттерзиле он планировал занять место Вюста, который потихоньку сдавал свои позиции. Но этим задумкам не было суждено сбыться. Идея эсэсовского университета оказалась неосуществимой. Может быть, этому поспособствовало то, что Гейдрих решил создать его не в Зальцбурге, а в Праге (известно, что Зиверс уже подбирал необходимых сотрудников). Убийство Гейдриха чешскими партизанами поставило крест на пражских наработках — о Зальцбурге к этому времени уже никто не вспоминал.

Возможно, Аненербе отказалось от этой идеи по причине того, что у исследовательского общества не было сил. Оно уже пыталось активно сотрудничать с имперскими университетами в Познани и Страсбурге. Это сотрудничество дало Аненербе новый импульс. Об этом говорило хотя бы то, что в 1941 году Зиверс писал на фронт одному из своих бывших сотрудников, чтобы тот не волновался по поводу своей работы в высшей школе, так как в ближайшее время в вышеупомянутые университеты потребовались бы грамотные преподаватели. Некоторое время спустя эти надежды оправдались.

С деятельностью этих имперских университетов связан ряд интересных обстоятельств. Именно они должны были стать элитными нацистскими высшими учебными заведениями. Более того, они рассматривались как научные бастионы немецкого мира на Западе и Востоке. Но, несмотря на подобную политизированность их целей, они занимались весьма практической деятельностью: в Страсбурге это была военная медицина, а в Познани — сельское хозяйство.

Уверенность начальства Аненербе в том, что, получив новую сферу деятельности в Познани и Страсбурге, оно смогло бы существенно влиять на научную политику в рейхе, сменилась разочарова-

нием. Новые учебные заведения вовсе не собирались попадать под контроль «Наследия предков».

Раньше всех эсэсовскую униформу надели в Познани: ректор тамошнего имперского университета был штандартенфюрером СС. Но он наотрез отказывался сотрудничать с Аненербе, равно как и с издательством Рейнхарда Гейдриха, базировавшимся в Праге. В апреле 1941 года Зиверс достоверно сообщил своим начальникам отделов, что Гиммлер собирался создать при этом учебном заведении Институт народных исследований. Планировалось, что эту структуру должны были возглавить Генрих Гармянц и Герберт Вайнельт. Но этот план провалился.

Не меньшие разочарования Зиверсу принес и Страсбургский университет. Хотя в нем работало очень большое количество эсэсовцев, его руководство предпочитало напрямую связываться с руководством СС, минуя Министерство воспитания и Аненербе. Когда Зиверс узнал об этом, то пришел в дикое негодование — это противоречило многолетней практике, но поделать он ничего не мог. Не увенчались успехом и попытки создать здесь кафедру кельтологии. Ее планировалось открыть специально для берлинского ученого Людвига Мюльхаузена. Но она так и не появилась на свет, несмотря на убедительные просьбы Зиверса, Ментцеля и многих старших офицеров СС. Не было никаких сомнений: в эсэсовском «государстве» личные интересы в сфере науки были гораздо весомее, нежели общие задачи. К тому моменту профессоров-эсэсовцев было более чем предостаточно, но далеко не все они горели желанием координировать свою деятельность с исследовательским обществом. К тому же было сомнительно, что Аненербе собственными силами могло ликвидировать все остальные, независимые от него, научно-исследовательские центры. Аненербе проглотило горькую пилюлю в виде Познани и Страсбурга и решило вернуться к своей изначальной тактике.

В апреле 1941 года Зиверс перед мюнхенскими сотрудниками подчеркнул, что приказ рейхсфюрера СС 1938 года «О введении научных сотрудников в состав университетов» в годы войны имел как никогда большое значение. Но эта тактика «троянского коня» требовала от функционеров как минимум обширных знаний и больших навыков, как максимум научной степени. К этому времени изменилось очень многое — все, не имеющие академического образования, выводились за штат Аненербе (исключение составлял только К. Вайгель). В отношении Руппеля и Грёнхагена это было только поводом, чтобы избавиться от дилетантов, которые скорее дискредитировали «Наследие предков», нежели приносили ему пользу. Так же дело обстояло и с защитой диссертаций. Для большинства

молодых специалистов это было едва ли не обязательным условием, но с этим требованием смогли справиться только Шефер, Плассманн и Бомерс. То, что Аненербе весьма трепетно относилось к соискателям научной степени, показывал пример Гёггингера. Фольксдойче из Прибалтики, евангелический священник Вольф Гёггингер в начале 1940 года вступил в СС, отрекся от своей веры и профессии. Гиммлер, обративший внимание на этого прибалта, решил использовать его в Аненербе. Он получил на средства СС образование в Мюнхенском университете (в этом, как сами понимаете, поспособствовал В. Вюст). Новый сотрудник подавал настолько большие надежды, что куратор даже предложил написать ему диссертацию по истории религии. Планировалось, что после этого он подготовит «Доклад для офицеров СС по научно-религиозным вопросам». Фактически ему поручалось разработать научную трактовку эсэсовской эрзац-религии. Вольфа Гёггингера ждала блестящая карьера, но вмешался случай — он впал в немилость у рейхсфюрера из-за своего редкостного хвастовства (при каждом удобном случае козырял перед знакомыми личным знакомством с Гиммлером).

Даже тем, кто получил достойное образование и защитил диссертацию, не всегда удавалось найти работу в высшей школе, и они по сути становились заложниками Министерства воспитания. Потерпели неудачу попытки Зиверса устроить Мартина Рудольфа на кафедру германских строительных исследований. Отто Хута удалось устроить всего лишь внештатным преподавателем истории в Страсбургский университет (даже этот ничтожный результат стоил Зиверсу многих нервов). Но и здесь не обошлось без неприятных сюрпризов: в декабре 1941 года Министерство финансов отказалось выделить деньги на эту ставку.

Несколько больше повезло Плассманну, который в 1944 году стал штатным преподавателем Боннского университета. Он даже занял должность заведующего кафедрой немецкой этнографии. Аненербе имело виды на нее еще с 1940 года и пыталось поставить туда одного из учеников Гармянца, Эриха Рёра. Как ни странно, «Наследию предков» все-таки удалось осуществить эту идею в 1942 году. И опять воля случая — Рёр погиб во время бомбардировки, и место вновь стало вакантным. Тогда Зиверс предложил эту должность Плассманну. Тот, не долго раздумывая, согласился, тем более что он с 1941 года уже читал лекционный курс в Бонне.

Более-менее значительных результатов удалось добиться в области древней истории. Но это было предопределено отнюдь не тем, что Аненербе имело великолепные наработки в этой сфере: под широкой кровлей «Наследия предков» оказались все, кто имел хоть какие-нибудь научные работы по древней истории. Розенберг и Рей-

нерт тем временем связывались с дилетантами, которые вообще не были известны науке. Принимая во внимание натянутые отношения Б. Руста и А. Розенберга, не удивительно, что Министерство воспитания предпочитало предлагать работу кандидатам, которых порекомендовало Аненербе, а не подопечным рейхсляйтера. Без всякого сомнения, исследовательское общество только выигрывало, имея таких специалистов, как Янкун, Шляйф и Швантес, к которым с симпатией относились в Министерстве воспитания. Союз министерских чиновников и функционеров Аненербе базировался на эффективной борьбе против дилетантского направления в исторической науке. Зиверс, Янкун и Ментцель не раз обсуждали между собой перспективу поставить на все исторические кафедры своих людей. В начале 1941 года состоялось расширенное совещание, в котором приняли участие руководство «Наследия предков» и Ментцель. На нем обсуждался каждый конкретный случай будущего «вторжения» на учебные кафедры и в органы охраны исторических памятников. Особое рвение Аненербе проявляло, выгораживая трех историков: Вильфонзендера, Янкуна и Бомерса.

Австриец Вильфонзендер, до 1941 года работавший в Иннсбрюке, получил по протекции «Наследия предков» предложение возглавить одну из кафедр в Венском университете, которое он, естественно, с удовольствием принял. Достоин упоминания также случай Асина Бомерса. Голландец, чья профессиональная деятельность вызывала разногласия как тогда, так и сейчас, после оккупации Нидерландов был назначен советником, который должен был поддерживать связи с местными националистами. Это не давало ему реальной власти, но позволяло проявить себя как центральную политическую фигуру в местных научных кругах, что было тут же замечено Зиверсом. Осенью 1941 года Бомерс оказался в Гроннингском университете, где проявил себя внутри фризского национального движения, претендующего на культурную самобытность, ярым протагонистом СС. Третий историк, хорошо знакомый нам Герберт Янкун, все еще играл ведущую роль в лагере противников Ганса Рейнерта. В начале 1941 года он как директор музея в Киле получил приглашение преподавать в Ростокском университете. Поскольку планы Аненербе создать в Киле под его началом кафедру истории раннего Средневековья столкнулись с финансовыми трудностями, то он провел весь остаток войны в Ростоке, где фактически не занимался никакой общественно-политической деятельностью.

Приведенные выше факты показывают, что союз между «Наследием предков» и Министерством воспитания был не таким уж плодотворным: устроить на работу в университеты удавалось только отдельных ученых. Вильфонзендер хотя и оказался в Венском универ-

ситете, но это предложение было сделано ему только год спустя после его разговора с Зиверсом. К случаю Бомерса ведомство Руста вообще не было причастно — его назначение в университет Гронингена решалось Имперским комиссариатом Голландии. В ситуации с Янкуном бросалось в глаза, что министерство было просто не способно ввести новую ставку ординарного профессора в Киле.

Многие признаки говорили о том, что после 1940 года традиционный союз между Аненербе и министерством Руста дал трещину. Скандал вокруг Лотара Зотца показал, что между этими двумя структурами постоянно росло взаимное недоверие: Зотц был направлен министерством осенью 1939 года в Прагу, о чем «Наследие предков» не было даже поставлено в известность. Кризис достиг своего пика в 1943 году, когда функционеры Аненербе обвиняли во всех неудачах чиновников министерства. «Вина лежит на Имперском министерстве воспитания, а не на нас», — сердился Зиверс в феврале 1943 года, когда обдумывал перевод Зотца. Возможно, тогда ситуация решилась потому, что на Руста надавило РСХА. После войны Г. Гармянц считал, что подобное давление вовсе не мешало сотрудничеству исследовательского общества и министерства. Но он скорее приукрасил ситуацию, не слишком хорошие связи между СС и Министерством воспитания к лету 1943 года испортились настолько, что даже обсуждался вариант смещения Руста с его поста. В качестве нового министра рассматривали кандидатуры гауляйтера Унберайтера, лидера нацистских студентов Шееля и бывшего лидера Гитлерюгенда Бальдура фон Шираха. Это неизбежно вело к падению авторитета Гиммлера в глазах работников сферы образования. Он был окончательно подорван скандалом вокруг Гармянца. Генрих Гармянц, ординарный профессор Франкфуртского университета, начальник одного из отделов Аненербе, генеральный попечитель ведомства «Ост», руководитель одного из управлений Министерства воспитания, оберштурмбаннфюрер СС в начале 1943 года предстал перед эсэсовским «судом чести» по обвинению в плагиате. В 1944 году он был вынужден оставить все свои посты в СС и работать только в Министерстве воспитания. После войны он распространял версию, что это произошло из-за несогласия с политическими установками СС. После конфликта с этим ученым «Наследие предков» могло положиться в министерстве Руста только на Рудольфа Ментцеля. Именно ему представился шанс запустить механизм немецкой научной машины, которая в годы войны давала все больше и больше «сбоев». 18 мая 1943 года Ментцель просил рейхсфюрера предоставить в распоряжение ему как руководителю общественного президиума при Имперском исследовательском совете В. Зиверса, с которым он уже давно поддерживал товарищеские связи.

После 1942 года Имперский исследовательский совет финансировал и контролировал осуществление большинства естественнонаучных проектов, в том числе и военную медицину. Приглашение Зиверса занять далеко не последнюю должность не было случайным. Нельзя сказать, что Гиммлер от этого назначения получал непосредственную выгоду. Самому Зиверсу в совете не дали ни власти, ни права принимать собственные решения — он должен был во всем получать одобрение Ментцеля. С другой стороны, руководству Аненербе, увязшему в опытах Хирта, Мая и Рашера, членство в этой организации помогало с отчетами, которые оно должно было предоставлять в совет. Кроме того, Зиверс, вращаясь в научной среде, находил те ниши, в которых «Наследие предков» могло себя проявить наилучшим образом. Однако не могло быть и речи, чтобы он определял научную политику или имел влияние в университетах.

То, что Ментцель пригласил Зиверса, а не Вюста, было связано не только с его исключительным административным опытом. Этот шаг был прежде всего отражением реальной власти, которую имели в то время в Аненербе Зиверс и Вюст (Гиммлер полагал, что мюнхенский профессор не очень удачно реализовывал научную политику СС). Весной 1944 года Ментцель предложил Зиверсу стать куратором высших школ. Для бывшего вольнослушателя технического института это назначение было вершиной его карьеры в сфере образования. Так или иначе, но после 1939 года «Наследие предков» ни на йоту не продвинулось к своей заветной цели стать академической структурой: оно так и не смогло оказывать реального влияния на высшую школу.

Неудачи в сфере высшего образования были очень болезненными для исследовательского общества Генриха Гиммлера. Но куда больше удручал тот факт, что оно к 1945 году так и не смогло получить первенство в древней истории и культуре. Сфере, за которую Аненербе считало себя традиционно ответственным. После начала войны археологи «Наследия предков» были полны надежд, что они смогут проводить собственные раскопки за пределами Германии. Но этим надеждам не было суждено сбыться — за исключением раскопок Унтервистернитца в Южной Моравии, не удалось реализовать ни одного крупного археологического проекта. Несколько по-иному дело обстояло с Хайтхабу, где работал Янкун. Меры, значительно ограничившие гуманитарную деятельность Аненербе в начале сентября 1939 года, никак не отразились на Янкуне. В это время он не вел раскопок, а занимался исключительно изготовлением схем и рисунков этой стоянки. Но уже в следующем году Зиверс направил письмо Гиммлеру, в котором высказывал мнение, что про-

должение раскопок Хайтхабу во время войны необходимо хотя бы в незначительных объемах, так как речь идет не только об изучении, но и о спасении памятника, которому угрожает опасность. В марте 1940 года имперский руководитель исследовательского общества заверил Янкуна, что на раскопки Хайтхабу в 1940—1941 годах ему будет выделено финансирование даже более существенное, чем было запланировано в 1939 году. Но фактически работы в Хайтхабу стояли. Янкун, поглощенный своими научными задачами в Киле (директор музея, доцент университета, издатель «Кильского вестника»), не мог уделить достаточно времени для своего любимого археологического проекта. И хотя Зиверс говорил о Хайтхабу как о «сокровище, кое было обнаружено и сохранилось только благодаря Янкуну», он не упускал случая дать ученому «особое задание» за рубежами Германии, что и вовсе не позволяло ему появляться в Шлезвиг-Гольштейне. Ученому-археологу удалось только издать свою монографию, посвященную Хайтхабу. Реальные же раскопки продолжились только после окончания войны.

Чтобы продолжить работы, начатые до войны, исследовательское общество «Наследие предков» всячески пыталось доказать их значимость для военной политики. Особый упор Зиверс делал на охрану памятников, которые подвергались опасностям. В ситуации с Янкуном речь шла о создании аэродрома в непосредственной близости от Хайтхабу. В ноябре 1942 года Зиверсу совместно с Янкуном и Швантесом удалось через рейхсфюрера СС убедить фельдмаршала Мильха[1] пощадить этот археологический заповедник. В это время вся деятельность Аненербе в сфере древней истории сводилась исключительно к защите памятников от бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Это занятие приобрело особое значение только в 1944 году, когда войска союзников были готовы вступить на территорию Германии. Тогда в Хайтхабу, граничивший с Данией, были направлены 9 тысяч человек, находившихся под руководством историков Керстена и Теллинга. Здесь они в основном сооружали противотанковые рвы и ловушки — о спасении памятника речи уже не шло. В ноябре того же года Аненербе поручили охрану исторических памятников на западных рубежах Германии. Эта работа облегчалась хотя бы тем, что в декабре 1944 года Гиммлер был назначен командующим армейской группой «Верхний Рейн» на Западном

---

[1] *Мильх, Эрхард* (1892—1972), генерал-фельдмаршал Люфтваффе, заместитель Германа Геринга. В 1941—1944 годах Мильх являлся Главным авиационным инспектором. В постоянно происходивших в окружении фюрера интригах Мильх поддерживал группировку Геббельса—Шпеера, выступавшую против Мартина Бормана. В 1942 году Гитлер временно назначил Шпеера и Мильха ответственными за пути сообщения Третьего рейха.

фронте. Это вполне устраивало и самого рейхсфюрера, который уже давно мечтал почувствовать себя не только полководцем, но и защитником исторических памятников.

Но для Зиверса подобные поручения вовсе не были признаками краха в том секторе, где еще недавно он мог похвастаться значительными достижениями. Несмотря на то что раскопки за пределами Германии были незначительными, он полагал, что, действуя в Чехии, Польше, Словакии и Сербии, «Наследие предков» укрепляло свои позиции, так как спасало консервативных историков от дилетантов Розенберга. Хотя нельзя забывать, что подобная «защита» была всего лишь прикрытием для грабежа и обогащения за счет покоренных народов.

Так было в случае с эсэсовскими раскопками в Урштатте (нынешний Бискупин) в провинции Познань. Принимая в расчет то, что присоединение Вартегау[1] к нацистскому рейху попадало под действие международного права, любые археологические экспедиции на ее территории и тем более вывоз находок из Урштатта в Германию были преступлениями. Эсэсовские археологи работали там под началом заместителя начальника отдела раскопок Ганса Шляйфа, который интересовался польскими стоянками еще в начале 30-х годов. Он не сомневался, что жители этой стоянки, насчитывающей 2,5 тысячи лет, были представителями оседлой культуры, и, несомненно, являлись славянами, которые были предшественниками поляков. Но свои научные выводы он по политическим мотивам предпочел представить в весьма специфическом виде. Местные жители, по его мнению, ставили своей главной задачей не обуздать силы природы, а сдержать натиск германских племен. Так он предопределял господствующее положение германской расы, которая еще в древности пыталась завоевать славянские земли. Пропагандистские выводы Шляйфа вовсе не были характерны для всех экспертов Аненербе, занимавшихся древностью и археологией. Шляйф специализировался по конъюнктурным, «мировоззренческим» раскопкам. К таковым относились и раскопки греческой Олимпии, которые он вел в 1940 году. Это был очевидный заказ, который поступил в Аненербе от имперского спортивного руководителя. Участие в раскопках Олимпии освободило Г. Шляйфа от всех поручений в «Наследии предков». Это вовсе не мешало ему держать руку на пульсе и стать вскоре заместителем Г. Янкуна в отделе раскопок.

На территорию Балкан Аненербе предпочитало проникать со старыми, авторитетными учеными. Среди них оказался профессор

[1] *Вартегау* — название Западной Польши после ее аннексии Третьим рейхом. Эта территория стала одной из гау нацистского государства.

Р. Шмидт, учитель Ганса Рейнерта. Еще до войны он крайне негативно относился к амбициям и популизму своего ученика. Это не только сделало его противником Розенберга, но и привело в лагерь Гиммлера. Но и здесь он не ужился — его не устраивали эсэсовские требования. Тогда он решил уехать в Хорватию, где вместе с местными учеными начал раскапывать замок Вуцедол. Он не прервал свою «научную эмиграцию» даже тогда, когда немецкие войска в апреле 1941 года принесли на своих штыках усташское государство гитлеровской марионетки «поглавника» Анте Павелича[1]. Независимым исследованиям Шмидта рано или поздно должен был прийти конец. Аненербе решило воспользоваться им и направило историка на раскопки замка Сарвас (Хиршфельд). Там он пребывал до 1944 года, после чего предпочел вернуться в Германию, прихватив с собой результаты раскопок и собственных исследований.

Вполне очевидно, на что надеялось «Наследие предков», проникая на территорию Хорватии. Исследовательское общество хотело получить контроль над хорватскими историками, с которыми оно рассчитывало установить научные контакты. Остается непонятным, разделял ли эту идею Зиверса добродушный Шмидт. Но очевидно одно: Зиверс поддержал этого немецкого ученого далеко не из бескорыстных соображений: об этом говорила фраза в письме Вильфонзендеру о том, что «Шмидт слишком долго возвращается в Германию». Здесь, в Хорватии, СС вновь захотели получить полный и неограниченный контроль. Аненербе было готово защищать только тех, кто мог помочь его политическим амбициям. В данном случае Зиверса интересовали не научные заслуги Шмидта, а его отличные связи с хорватскими учеными. По иронии судьбы именно Шмидт заступился на Нюрнбергском процессе за Зиверса, оказавшегося на скамье подсудимых, заявив, что имперский руководитель общества был альтруистом, заботившимся только о науке. Видимо, наивный ученый так и не понял, что был всего лишь козырем в политической игре.

Подобные цели Аненербе преследовало и в Сербии. Прикрытием, как и в Хорватии, стала «охрана» исторических памятников. Осенью 1942 года в Белград по заданию Аненербе направился директор Берлинского государственного музея ранней и древней истории, профессор Унферзагт. Этот ученый еще в 1931 году с согласия Белградского правительства пытался найти останки иллирий-

---

[1] *Павелич, Анте* (1889—1959) — глава хорватской террористической фашистской организации усташей. В 1941—1945 годах глава марионеточного Независимого хорватского государства, созданного в апреле 1941 года при поддержке нацистов и итальянских фашистов.

ских князей близ замка Сан-Эразмо на Охридском озере. Десять лет спустя марионеточное правительство Сербии согласилось на продолжение этих исследований, что развязало «Наследию предков» руки в отношении всех исторических памятников. Зиверс спал и видел, как получит под свой контроль все сербские научные начинания. Учитывая то, что в это время подобная работа велась в Словакии и Хорватии, Зиверс стоял на пороге того, чтобы получить контроль над историческими изысканиями во всей Юго-Восточной Европе. 14 февраля 1942 года сербское правительство передало Гиммлеру (а стало быть, и Аненербе) неограниченную власть в сфере изучения всех неславянских памятников культуры и истории. Интересно, что оплачивать эти работы должно было не Аненербе, а само сербское правительство.

Работы, начатые Унферзагтом, с научной точки зрения не имели большого успеха. Он организовал раскопки под Белградом, все находки он укрывал от бомбежек в подвале городской сберегательной кассы. Наиболее ценные материалы фотографировались, но осенью обстановка на фронтах поставила крест на археологических раскопках, и Унферзагт был вынужден вернуться в Германию.

Сотрудником сербского проекта был некий граф Адам Орзич, которого Аненербе патронировало еще в Вене. Он заинтересовал «Наследие предков» хотя бы тем, что поддерживал хорошие отношения с царем Борисом, который в 1939 году предложил куратору Вюсту провести серию раскопок в Болгарии. В 1942 году во время разговора Зиверса и Гиммлера, в ходе которого решалась судьба военно-медицинских опытов Аненербе, рейхсфюрер выразил согласие с тем, чтобы его исследовательское общество начало деятельность в Болгарии. И хотя этот проект так и не был реализован, но он ярко показывал, как Аненербе организовывало свою «научную экспансию» за пределами Германии. Это становится еще нагляднее, когда знаешь, что исторические изыскания для ряда подразделений НСДАП были не только вопросом престижа, но имели большое идеологическое значение. И здесь методы работы Гиммлера ничем не отличались от манер Розенберга. Оба словно соревновались, кто из них быстрее займет неподконтрольные никому сферы деятельности. Гиммлеру удалось обойти Розенберга в протекторатах, Словакии и на Балканах. Но это не помешало управлению рейхсляйтера Розенберга создать в Будапеште и Загребе из подопечных Г. Рейнерта так называемый «Немецкий институт». То, что праздновать победу над своими конкурентами было рано, Зиверс понял в 1942 году, когда Рейнерт стал мешать действовавшей на юге России зондеркоманде Янкуна.

17 июля 1942 года Гитлер наконец-то удовлетворил амбиции партийного философа, который оставался «министром без портфеля». Он назначил Розенберга имперским министром восточных оккупированных территорий. Но даже после этого Розенберг не успокоился — пост был скорее номинальный, тем более что формально подчиненный ему имперский комиссар Украины Эрих Кох правил в своей резиденции в Ровно, даже не советуясь с ним как со своим начальством.

Розенберг использовал любой повод, чтобы сделать себя более значимой фигурой на востоке. В том числе он рассчитывал на единовластный контроль в деле «охраны» памятников культуры и истории. Вообще-то понятие «охрана культурных ценностей» никогда не было популярным в партийном обиходе. Современники трактовали его каждый по-своему, и лишь Розенберг четко определил, что «охрана» означала ***грабеж***. В 1940 году он создал так называемый «Рабочий штаб рейхсляйтера Розенберга», который присваивал предметы искусства и библиотеки оккупированной Франции (позднее их планировалось использовать для деятельности «высшей партийной школы»). В этой структуре существовал «Особый штаб», которым руководил лично Ганс Рейнерт. Именно ему было поручено, после соответствующего приказа фюрера, организовать «культурно-историческую» работу на восточных оккупированных территориях (*читай, на захваченной территории СССР*).

Когда в конце 1941 года планировалась «особая миссия» Янкуна на юге России, сотрудники Аненербе даже не догадывались, какие препоны будут им поставлены в Министерстве восточных территорий. 12 декабря 1941 года Зиверс просил секретаря Гиммлера Брандта уточнить, надо ли ему согласовывать планы с новым имперским министром и его подчиненными. Гиммлер полагал, что было бы целесообразно, если бы Аненербе на восточных территориях в определенной мере подчинялось тамошнему министерству. Но работая там, оно должно было делать приготовления для освоения Ближнего Востока и индогерманского пространства. В данном случае рейхсфюрер подразумевал Персию и Индию. Но в указанные регионы Аненербе, несмотря на все усилия, так и не попало, но зато эсэсовским ученым приходилось подчиняться Розенбергу, действуя в созданных им комиссариатах «Остланд» и «Украина». Во многом Аненербе повезло, что области, к которым оно проявляло повышенный интерес, лежали за границами власти Розенберга. Кавказ, куда планировалась экспедиция Шефера, находился под контролем имперского комиссара А. Шикенданца. Харьков управлялся военными и лежал за пределами комиссариата «Украина». Сложнее было работать в районе Днепра, где «Наследие предков» хотело заняться

изучением готов. Округ Днепропетровск находился в ведении комиссара Коха. Крым, где планировалось продолжить те же исследования, был вообще закрытой военной зоной. Со временем он должен был управляться гауляйтером А. Фрауэнфельдом, человеком Розенберга. Видя такой расклад, Зиверс всерьез беспокоился, что министерство Розенберга и штаб Рейнерта будут совать палки в колеса зондеркоманды Янкуна.

Янкун на все запросы о планируемой деятельности отвечал в Министерство восточных территорий по меньшей мере неуслужливо. Ситуация была критической. Тогда было решено, что зондеркоманда Аненербе активно проявит себя в «нейтральных» областях оккупированной России, то есть там, где не был установлен четкий административный контроль. По логике вещей, Янкун должен был передавать все находки и материалы Розенбергу, но на деле все было наоборот — он вывозил их в Германию и из «нейтральных зон», и из Восточной Украины. Столкновение между соперничающими группировками было неизбежно. Они разминулись в Харькове и Крыму, но столкнулись на Днепре. Как помним, Янкун уже давно интересовался памятниками готов на территории Южной России. И здесь он проявил редкостное чутье. В ноябре 1942 года в своей докладной записке он писал следующее: «Реализация большого археологического проекта неизбежно приведет к распрям с рабочим штабом Восточного министерства. Тем временем в Крыму еще не введено гражданское управление. Поэтому было целесообразно, чтобы рейхсфюрер СС закрепил за собой право на раскопки в этой местности, пока они еще не начались». Здесь Янкун ловко решил использовать Гиммлера как имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Ведь именно в его ведении находился вопрос переселения тирольцев в Крым! Но ни Зиверс, ни профессор Янкун, ни сам рейхсфюрер не осознавали, что смутные полномочия, которые в свое время Гитлер возложил на Гиммлера, не позволяли разрешить противоречия между Розенбергом и эсэсовскими специалистами.

Обострение отношений между Гиммлером и Розенбергом, получившим пост министра, отразилось в первую очередь на исследовательской работе. Розенберг получил эту должность благодаря М. Борману, который собирался разрушить мечты шефа СС о неограниченной власти на востоке. С этого времени Гиммлер не был намерен прощать что-либо партийному теоретику. Он стал использовать охранные отряды и полицию как инструмент борьбы с бюрократией Министерства восточных территорий. Это было несложно, ведь полноту полицейской власти в этом регионе Гиммлеру вручил сам фюрер. Казалось, что, по мере того как Гиммлер приобретал,

кроме своих изначальных полицейских функций, такие задачи, как борьба с партизанами, «решение еврейского вопроса», организация переселенческой политики, формирование дивизий ваффен СС, его отношения с рейхсляйтером Розенбергом должны были обостряться. Но именно в это время началось сближение двух нацистских бонз. Розенберг нуждался в сильном союзнике в борьбе против недавнего друга Мартина Бормана. Посредником в переговорах между ними в июле 1942 года стал шеф Главного управления СС, группенфюрер Готтлоб Бергер, который с 1941 года занимался в ведомстве Альфреда Розенберга делами оккупированной России. Но союзу не было суждено долго длиться. Рейхсфюрер поставил своего паладина на пост секретаря Министерства восточных территорий и вновь стал вмешиваться в планы старого соперника. В условиях, когда Розенберг даже не мог прорваться к Гитлеру, он оказался в изоляции, лишенный каких-либо союзников. Между тем Бергер использовал свой язвительный ум против растоптанного рейхсляйтера — после 1944 года в разговорах он нередко именовал его ведомство «имперским министерством недолго оккупированных территорий».

Нет сомнений, что сейчас все эти противоречия можно объяснить только недостаточно четко обозначенными полномочиями тех или иных бонз и функционеров. Показательно, что фюрер нередко запрещал своим паладинам ту деятельность, где они смогли добиться наибольшего успеха. Этим он запутывал и без того не простую нацистскую иерархию, что, на его взгляд, должно было идеально отражать суть фюрерского государства. Поскольку в Третьем рейхе, по словам одного историка, «царил хаос неясных компетенций», нет смысла выяснять, кто был «прав» или «виноват» в этой борьбе.

Видя неизбежность противоречий, Гиммлер в борьбе с Розенбергом пытался идти по пути минимальных потерь. На практике Аненербе должно было избегать открытых конфликтов с ведомством «партийного догматика». Они могли выйти боком для СС. Гиммлер хотел показать всей Германии, что не он начал эту возню. Так, например, в 1940 году он демонстративно отказался в пользу Розенберга от научного проекта, касавшегося Вестфальского мира. Когда осенью 1941 года рейхсляйтер заметил, что солдатам на фронте нечего читать (!!!), Гиммлер тут же заявил, что СС примут самое активное участие в акции по сбору книг.

Но это была только видимость — на самом деле борьба за древнюю историю продолжалась до самого 1945 года. И ни одной стороне не удалось здесь одержать верх. Поводы для взаимных обид и трений были далеко не шуточными. Вспомним хотя бы случай с перевербовкой сотрудников Розенберга (в «Наследии предков» к этому относились очень серьезно и даже разрабатывали специальные планы). Только в течение 1943 года эсэсовскому исследовательско-

му обществу удалось заманить к себе три значимые фигуры: фольксдойче из Ростокского университета, профессора Миллера; украинского историка Пастернана из Лимберга и шведского графа, профессора Эрика Оксенштирну, который только благодаря Рейнерту получил в Берлине научную степень. Во всех случаях «перебежчики» из лагеря Рейнерта получали значительные льготы и привилегии. Летом 1944 года один из сотрудников Розенберга возмущенно писал, что Аненербе сманивало всех перспективных специалистов. Но на самом деле «сманивание», которое столь эффективно использовалось «Наследием предков», в Третьем рейхе было общераспространенной практикой. Розенберг и сам не раз применял этот прием. Его сотрудники даже пытались «похитить» такую фигуру, как Герберт Янкун! Предыстория этой авантюры была такова. Летом 1940 года Розенберг договорился с гауляйтером Киля (как помним, именно там работал Янкун) о создании в этом городе Института германских исследований, который должен был стать филиалом «высшей школы». И тогда же Янкуну сделали заманчивое предложение возглавить эту структуру. Янкун долго не давал ясного ответа. 31 октября 1941 года состоялся «последний раунд переговоров» между Янкуном и представителями Розенберга, в ходе которых профессор подчеркнул, что он по-прежнему предан рейхсфюреру СС и «Наследию предков». Договоренность не была достигнута. Более того, Янкун записал этот разговор и передал его в руки Зиверсу. Этот документ тут же оказался у Ментцеля как доказательство того, что в своей борьбе с Гиммлером Розенберг метил прежде всего в Аненербе. В феврале и марте 1942 года представители рейхсляйтера вновь вышли со старым предложением к Янкуну, но тот вновь ответил отказом. В этих беседах он жестко подчеркнул, что главным препятствием для подобного сотрудничества являлся Рейнерт. Думается, что такая твердость была подсказана Зиверсом, который опасался потерять ценного специалиста. Он тут же начал рассматривать варианты для удовлетворения нужд именитого археолога: тут и упоминавшееся нами щедрое финансирование раскопок Хайтхабу, и активная академическая деятельность, и «особые поручения» рейхсфюрера. Интерес к этому ученому Розенберг потерял только в 1944 году, после четырех лет неудачных попыток перетащить его в свой лагерь.

Почему же Розенберг решил «завербовать» именно Янкуна? Ведь в Аненербе работали и другие не менее талантливые историки. На это у него имелись свои корыстные соображения. Связано это было прежде всего с тем, что старые противники дилетантов от истории вновь обратились к идее создания Имперского института древней и ранней истории. Нетрудно догадаться, что во главе этой организации должен был встать именно Янкун. Переговоры между

Министерством воспитания и Аненербе по этому поводу велись еще до войны, но консенсуса удалось достигнуть только в мае 1940 года. Именно тогда Ментцель и Зиверс, встревоженные планами Рейнерта создать аналогичное заведение, решили пресечь их. Им надо было поторапливаться: Розенберг уже планировал создание Института древней и ранней истории восточного пространства в Будапеште; а с июня 1941 года в Вене начали ходить слухи, что рейхсляйтер собирался учредить Европейский исследовательский институт, который должен был составить серьезную конкуренцию Аненербе.

Тогда Ментцель, с согласия рейхсфюрера СС и руководства Аненербе, решил использовать фигуру Янкуна для того, чтобы помешать замыслам Розенберга и Рейнерта. На самом деле в лагере противников Розенберга никто не верил, что эти планы осуществимы в условиях войны. Но Ментцель должен был использовать Янкуна, чтобы окончательно задвинуть в тень Г. Рейнерта. В своем письме Борману Ментцель, как сотрудник Министерства воспитания, курировавший науку, подчеркивал, что если в 1933—1934 годах Рейнерт объединял где-то половину немецких историков, то на тот момент он контролировал только 5—7% из них (статистика должна была подчеркнуть тщетность его «наполеоновских» планов). На этот раз — несмотря на резкие протесты Розенберга — партийная канцелярия решила приостановить создание новых институтов до окончательного выяснения обстоятельств «дела Рейнерта». В итоге под сукно были положены и проекты Аненербе, и проекты Рейнерта. В данном контексте можно считать, что это было тактической победой «Наследия предков». К концу войны Рейнерт, подобно своему шефу Розенбергу, оказался всеми покинутым. Жалкие остатки некогда мощного «Имперского союза древней немецкой истории» вряд ли могли претендовать на роль научного центра Германии. К Аненербе примкнули даже «ветераны» этого союза: в 1943 году в «Германии» публикуется Болько фон Рихтхоффен (этот шаг однозначно говорил о его союзе с СС).

В числе сторонников Аненербе оказался подающий надежды молодой историк Альфред Руст. Его случай примечателен тем, что в 1942 году он активно критиковал тезис розенберговского сотрудника Юлиуса Андре, который в качестве постулата заявил о существовании в Германии более 250 тысяч лет назад высокоразвитой культуры, которая, по его мнению, начала распространяться по всему земному шару. Это автоматически отнесло его к числу врагов Рейнерта. Среди них оказался и профессор Штокар, который в 1943 году был изгнан из «Имперского союза древней немецкой истории». Не просто изгнан, а осужден «судом чести» этой организации.

То, что Штокар оказался в Аненербе, подтверждало тезис о том, что в рамках этого исследовательского общества все-таки осуществлялись сугубо научные и объективные исследования. Так что же произошло с этим тихим кёльнским профессором? Чем он не угодил Рейнерту? В 1937 году печатный орган Имперского союза Рейнерта «Германское наследие» опубликовал статью, которая превозносила найденную в Чехословакии «орлиную фибулу» готтского происхождения. Автором материала был близкий к Розенбергу Фредерик Адам ван Шельтем. Согласно этой статье, он приобрел фибулу у мюнхенского искусствоведа Герберта Марвитца, который изложил ему детали этой находки. В 1938 году по просьбе Шельтема Марвитц продал фибулу Нюрнбергскому германскому музею. Тем временем этой находкой заинтересовались в Кёльне и поручили провести ее экспертизу профессору Штокару. Выводы последнего оказались шокирующими — находка была искусной фальшивкой! До сих пор непонятно, почему в союзе Рейнерта поверили продавцу, который уже не раз был замечен в мошенничестве — видимо, сказались связи с Розенбергом (после войны повторная экспертиза подтвердила выводы Штокара). Тогда Штокар и его коллега из Мюнхена Ганс Зейсс вынесли эту историю на страницы печати. Разгорелся скандал. Гиммлер решил использовать опального ученого в своих политических целях.

Так или иначе, но надо констатировать, что Аненербе не смогло извлечь существенной пользы из научных авторитетов, которых оно смогло привлечь на свою сторону. К тому же к 1943 году противоречия явно утихали — Рейнерт проигрывал затяжную баталию. Но и Аненербе не удалось получить под свой контроль все исторические исследования — это показал пример Чехии. Неудачи преследовали «Наследие предков» почти во всех сферах деятельности: в культуре, в системе образования, в политике. Ниже нам предстоит разобраться, в чем же крылась причина этих осечек.

Глава 10
КРИЗИС «НАСЛЕДИЯ ПРЕДКОВ»

В 1943 году Аненербе находилось на вершине власти. Стороннему наблюдателю могло показаться, что это была сплоченная, единая, монолитная организация. Казалось, если судить по публикациям того времени, она была просто пропитана флюидами активности. Но фасад исследовательского общества, который должен был соответствовать притязаниям, предъявляемым режимом, скрывал достаточно шаткую структуру — эдакого «колосса на глиняных но-

гах». Противоречия внутри Аненербе еле-еле удавалось скрывать. Оно было децентрализовано, верхушка общества пребывала в глубочайшем кризисе, к этому времени «Наследию предков» так и не удалось органично врасти в эсэсовский аппарат. Осознание того, что война проиграна, еще больше разлагало исследовательское общество. Можно было даже подумать, что оно само заблаговременно распускало свои отдельные подразделения, словно предвидя бесславный конец Третьего рейха.

В апреле 1942 года Аненербе наконец-то ощутило на себе прелесть давно ожидаемого повышения по служебной лестнице — «Наследие предков» было возведено в ранг Главного управления в личном штабе рейхсфюрера СС. Шефом нового управления (оно получило название Управление А) был назначен куратор Аненербе Вальтер Вюст, а его заместителем — имперский руководитель общества Вольфрам Зиверс. Это новшество было одним из шагов на пути реорганизации множества давно существовавших, но никак не связанных между собой эсэсовских организаций. Но в их повседневной жизни практически ничего не изменилось. Аненербе так и не смогло изжить характер своеобразной общественной организации — даже многие «действительные сотрудники» не состояли в СС.

Кроме морального удовлетворения, подобные перестановки внутри структуры «черного ордена» принесли Аненербе несомненную финансовую выгоду. Экономия, вызванная войной, оттолкнула научное общество, слабо поддерживаемое партией и государством, к своим старым «спонсорам», таким как Немецкое исследовательское общество. Политические заказы (Южный Тироль, «Немецкое научное действие» и т.д.), конечно, приносили определенные средства, но они носили временный характер. Теперь же Управление А могло претендовать на партийный бюджет. Результат не заставил себя ждать — летом 1943 года 197 из существовавших 281 подразделения Аненербе стали получать постоянное финансирование. Эти средства в основном шли на зарплату сотрудников. Остальные средства Аненербе получало, как и ранее, из различных источников, главным образом, они проводились через давно уже созданный фонд «Наследие предков». Ежегодное поступление и расходование средств сейчас сложно установить: во многом подсчеты затруднены тем, что нередко средства предоставлялись самыми различными организациями: Имперским комиссариатом по укреплению немецкой народности, Имперским министерством финансов, Имперским исследовательским советом и многими другими. Можно говорить только о приблизительных цифрах. В 1938—1939 годах Аненербе смогло привлечь 700 тысяч рейхсмарок, в 1939—1940 годах — 850 тысяч (и это несмотря на мероприятия по экономии, которые были

вызваны началом войны). Часть этих средств Аненербе получало через одноименный фонд, часть — через Дрезденский банк. Вносило свою долю и Главное административно-хозяйственное управление СС Освальда Поля. Значительные ресурсы предоставлялись по линии укрепления немецкого народа — работа, осуществляемая сотрудниками «Наследия предков» за рубежом, оплачивалась очень щедро. С 1942 года к этим средствам добавились деньги, которые Аненербе получало через Научный институт целевых военных исследований. По словам Зиверса, только институт приносил ежегодно около 100 тысяч рейхсмарок. Во время Нюрнбергского трибунала он показал, что в целом за год исследовательское общество получало от 700 тысяч до 1 миллиона рейхсмарок. Причем сюда не входили средства, которые предоставлялись на «Немецкое научное действие». Только в 1943—1944 хозяйственном году Аненербе получило под эти задачи 1,4 миллиона, и далеко не все из них были потрачены в «германских» странах! Кроме всего прочего, существовали «дружественные» Гиммлеру круги, которые всегда охотно спонсировали его научную деятельность.

Если сравнивать ежегодный бюджет Аненербе, который в конце войны составлял в среднем 2 миллиона рейхсмарок, с бюджетами других организаций, можно сказать, что «Наследие предков» добилось определенного успеха. Но именно определенного, а далеко не блестящего! Например, в свои лучшие годы Институт новой истории Германии Вальтера Франка получал 255 450 рейхсмарок, что не шло ни в какое сравнение с финансированием Аненербе. Но с другой стороны, до войны ведомство Розенберга получало почти вдвое больше (в 1939 году — 3,8 миллиона рейхсмарок), что было предопределено поддержкой партии и имперского казначея Шварца. И уж вовсе нищим Аненербе выглядело по сравнению с Министерством пропаганды: Йозеф Геббельс только в 1939 году потратил 97 миллионов! Как известно, он очень щедро распоряжался этими деньгами. Такое сравнение обнаруживало, что Зиверс, несмотря на нерентабельность своей организации, очень умело вел дела. «Пуританин» Гиммлер вообще не поощрял растрату денег, чего нельзя было сказать о других нацистских главарях.

Другим финансовым показателем является тот факт, что при достаточно скромном финансировании число сотрудников Аненербе постоянно росло, а стало быть, их финансовое положение не улучшалось (особенно это заметно стало в 1944—1945 годах). В этот период Зиверс имел в своем распоряжении около 300 научных сотрудников и несколько сотен людей из технического персонала и секретариата. По сравнению с 1940 годом, эта цифра выросла где-то на 30% — рост, который мог сделать честь любому военному пред-

приятию. Согласно спискам Управления А, в нем работало 289 человек, причем 102 из них были женщинами. До 1939 года их число было весьма незначительно — но в условиях войны женский труд начал использоваться гораздо шире. Большая часть мужчин (143 человека) состояли в СС, остальные же были приписаны к воинским частям вермахта.

Видно, что контингент эсэсовцев в составе Аненербе был преобладающим, но не абсолютным. Большинство из них в годы войны числилось уже не в альгемайне СС, а в ваффен СС. Иметь чин офицера ваффен СС было куда престижнее, чем быть рядовым армии. Это было общей тенденцией развития «черного ордена» в военные годы: альгемайне СС все более и более поглощались полевыми частями охранных отрядов, пока в их общих подразделениях вообще не осталось всего лишь 40 тысяч человек. Но что же влекло ученых в эти военизированные части? Зиверс с самого начала выступал за то, чтобы все новые сотрудники «Наследия предков», равно как и старые «действительные члены», состояли в СС. Особенно строг он был в этом вопросе с начальниками отделов. Но в условиях, когда Аненербе играло некую роль защитника консервативных исследователей, этот вопрос не форсировался, и к концу войну некоторые из ведущих сотрудников исследовательского общества так и не имели эсэсовского звания. К числу их относился, например, Дирльмайер, который уже не один год тактично отказывался от подобных предложений. Остальных, таких как Вольфганг Краузе, было решено просто оставить в покое. В 1945 году в Аненербе насчитывалось 34 «гражданских» сотрудника, что составляло почти пятую часть общего мужского состава — для Главного управления СС это был непростительно высокий процент.

По «общественному» характеру исследовательского общества сильно ударил гриф секретности, который был спущен сверху, когда оно превратилось в Управление А. Теперь многие сотрудники, в частности Эрнст Шефер, прежде чем опубликовать какую-либо из своих работ, даже короткую заметку, должны были получить на это личное одобрение рейхсфюрера СС. Если публикация носила научный характер, то для этого необходимо было подать особое заявление (так делал, например Шмидт-Рор). Поднявшись до уровня эсэсовской элиты, Аненербе окончательно потеряло любые намеки на интеллектуальную свободу, ростки которой сохранялись даже в начале войны. После того как 17 июля 1941 года Гиммлер постановил, что в подчинении СС будут находиться все вспомогательные (в том числе и женские) силы, машинистки Аненербе должны были дать подписку, что они отныне будут находиться под юрисдикцией эсэсовского суда, отвечая в нем как за военные, так и за гражданские

преступления. В подобный суд служащие «Наследия предков» могли попасть даже за незначительную провинность: это могла быть украденная лампочка или материалы, случайно вынесенные с работы.

Став важной составной частью эсэсовского аппарата, все сотрудники должны были быть весьма осторожны в своей частной жизни. Особое внимание они должны были обратить на свои семьи и любовные связи. С этого времени все они должны были придерживаться воззрений рейхсфюрера и проявлять особую заинтересованность в приумножении своего потомства. Гиммлер не делал никакого снисхождения своим эсэсовским ученым. Теперь продвижение по службе зависело не только от преданности режиму и личных талантов, но и наличия семьи и детей. Именно на этом пытался сыграть Зигмунд Рашер. Примеров подобной «карьеры» можно привести множество. Один из бывших ассистентов Г. Вирта Августин Аларих, с 1943 года представлявший Аненербе в Брюсселе, получил звание унтерштурмфюрера СС только за то, что женился. Гиммлер, испытывавший явный недостаток «человеческого материала» для своих ваффен СС, превратил свою симпатию к светловолосым и голубоглазым детям в некую манию. После одного из дней рождения фюрера Гиммлер выступил по радио с обращением по этому поводу. Изначально текст должен был готовить Вальтер Вюст, но куратор Аненербе решил перевести стрелки на Зиверса. Так о чем же говорил Гиммлер? Он требовал, чтобы все офицеры и низшие чины СС срочно вступили в брак, а уже женатые завели детей. Естественно, все это касалось и сотрудников «Наследия предков».

Но с другой стороны, в раскиданных по всей Германии отделах Аненербе было очень сложно проследить за осуществлением предписаний Гиммлера. И чем дальше от «нервного центра» Аненербе находился тот или иной отдел, тем больше его сотрудники пытались избавиться от специфических эсэсовских обязанностей. Это стало заметно, когда процесс децентрализации исследовательского общества, начатый еще до войны, приобрел в 1943 году катастрофические формы. Этому способствовало то, что 12 июля 1943 года Зиверс распорядился вывести из Берлина все материалы, которые могли пострадать от бомбардировок. Наиболее безопасным местом оказался Вайшенфельд в Верхней Франконии, где располагался эсэсовский вспомогательный лагерь. 16 августа из Берлина туда были доставлены 8 вагонов документов и оборудования. Затруднительная связь с этим удаленным местечком фактически обособила все существовавшие отделы. Центральные фигуры «Наследия предков» тоже оказались раскиданными по всему рейху: Плассманн оказался в Тюбингене, Шефер — в Миттерзиле, Вюст остался в Мюнхене, а профессор Вольфрам и Отто Хут переехали в сельскую местность.

В Берлине остались только издательство Аненербе и руководство «Германского научного действия» во главе со Шнайдером.

После войны Вальтер Вюст заявлял, что руководство Аненербе всячески способствовало подобной децентрализации. Это заявление кажется весьма сомнительным. Зиверс должен был понимать, что его власть в Аненербе только страдала от того, что организм исследовательского общества был раздроблен, а связь между отдельными подразделениями рисковала и вовсе оборваться. Он был единственным, кто пытался сдерживать центробежные силы в «Наследии предков». Но множественные примеры показывали, что это ему удавалось очень плохо (вспомним хотя бы неудачи в Богемии и Моравии). В итоге оказалось, что всемогущий имперский руководитель Аненербе еле-еле справлялся с грузом возложенных на него задач. У него просто не было возможностей разобраться со всеми делами одновременно.

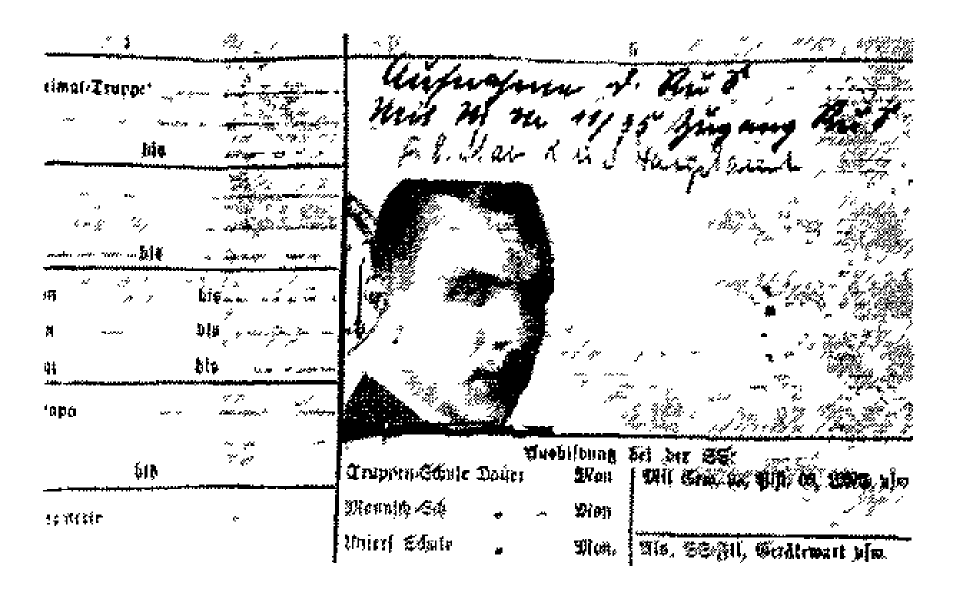
Но, тем не менее, не было никаких сомнений в том, что Аненербе стало огромной организацией, насчитывавшей несколько десятков отделов, только благодаря имперскому руководителю. Вольфрам Зиверс был тем интеллигентным технократом из СС, для которого организационная работа стала второй натурой. Именно его управленческие способности были причиной того, что он за короткий срок дослужился до чина штурмбаннфюрера СС, хотя это и не стало вершиной его карьеры. Он не раз подчеркивал, что не являлся ученым. Когда его однажды пригласили в Рим сделать научный доклад, он тактично отверг это предложение: «Я не историк, поэтому вряд ли могу рассказать об исторических предпосылках создания новой Европы». Он был своего рода повивальной бабкой всех научных исследований «Наследия предков». «Моя задача состоит в том, чтобы как можно быстрее организовать подготовку работ, необходимых рейхсфюреру СС. И здесь я выбираю того, кто с этим справится быстрее», — писал он в январе 1943 года.

То, какое положение Зиверс занимал в Управлении А, не имело аналогов в СС — оно было по-своему уникально. Именно ему доставались все почести и награды. В 1941 году он неожиданно вступил в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»[1], желая как можно быстрее перейти в состав ваффен СС. И хотя там он занимал всего лишь пост стрелка ваффен СС, ему разрешалось в качестве исключения носить мундир штандартенфюрера (звания офицеров альгемайне СС и ваффен СС не совпадали между собой). Когда в 1942 году

[1] *«Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»* — полк личной охраны Гитлера. После начала Второй мировой войны полк участвовал во многих боевых действиях на Западном и Восточном фронтах.

Гиммлер предложил занять ему должность заместителя начальника Управления А, он тут же согласился, хотя она не была ключевой и, скорее всего, не соответствовала его амбициям. Но она открывала ему путь в «круг друзей» Гиммлера. А это было уже немало — там он мог завязать серьезные связи. На закрытых встречах в Берлинском «Доме авиации» он познакомился с представителями индустрии и мира финансов. Он собирался использовать их в личных целях. Весной 1943 года он при помощи Янкуна провел перед этими людьми «презентацию» Аненербе, на которой рассказал о целях и программе общества. В феврале 1944 года он учтиво распространил среди друзей рейхсфюрера «Ежегодный календарь Аненербе», приложив к нему календарик СС.

Его пост в Управлении А открывал ему двери и в другие подразделения СС. Теперь он часто появлялся в РСХА и не пропускал ни одного вечера, организованного в СД. Эти мероприятия давали ему повод еще раз заявить о своей деятельности. В марте 1943 года он организовал на одном из вечеров доклад Отто Хёфлера о «скандинавском духе», а месяц спустя показал документальный фильм о деятельности СД и спецчастей СС в Крыму. В это время Зиверс, являясь одним из самых незначительных руководителей в личном штабе рейхсфюрера, в отличие от многих имел прямой доступ к шефу СС. Он почти постоянно обедал с ним, используя эту трапезу как повод для решения личных дел и плетения своих интриг. При этом он никогда не афишировал своих приятельских отношений с Гиммлером, что последний особо ценил. От самого рейхсфюрера он узнавал о доносах и наветах, которые поступали на него. Эти сведения помогали ему лучше ориентироваться в поисках союзников и нейтрализации соперников.

Удостоверение Аненербе, выданное на имя Вольфрама Зиверса

В отношениях с подчиненным Зиверс был холоден и всегда держал дистанцию, хотя и был готов помочь им в решении любой проблемы. Да и для большинства из них он оставался загадкой. Его секретарша вспоминала, что ее шеф был ярко выраженным типом начальника, которому были присущи некоторые слабости и который позволял себе проявлять снисходительную приветливость в отношении подчиненных. Зотц описал его «скользким как угорь и холодным как лед». Плассманн говорил, что из-за частых приступов меланхолии Зиверса за глаза звали «Вольфрамом Сумеречным». Но едва ли его коллеги знали, что он любил немецкую лирику, хорошо знал Баха и вдохновлялся игрой на клавесине. Внешне бесчувственный, он никогда не давал даже поводов для подобных сентиментальных подозрений. Он не сдерживался, делая резкие замечания. Особо резки они были тогда, когда он не мог повлиять на ситуацию, сложившуюся благодаря чьей-то ошибке. Многие отмечали, что подобной манерой поведения он напоминал шефа РСХА Рейнхардта Гейдриха. Когда в издательстве Аненербе допустили ошибку и вместо «протектораты» напечатали «Чешская республика», он сорвался: «Я не знаю, чего здесь больше: рассеянности или сонливости? Во всяком случае это возмутительно — служба рейхсфюрера СС в 1943 году все еще не знает об исчезновении Чешской республики. Этот случай вполне достоин «Черного корпуса»[1].

Еще более саркастичным было его письмо к спелеологу Брандту. Когда тот написал Зиверсу о хищениях, он разразился ироничным гневом: «Это письмо [которое написал Брандт] больше подобает обществу кролиководов, а не структуре СС. Вы пишете в полицейскую структуру, что сами по возможности попытаетесь задержать виновника. Но ведь этим должен заниматься соответствующий жандармский чин! Так, может, Вы задержите преступника без помощи полиции?» То, что Зиверсу был присущ «черный юмор», подчеркивал и генетик Брюхер, который помогал уполномоченным Розенберга на Восточном фронте. Как можно предположить, имперский руководитель общества не питал к этому ученому особых симпатий. В одном письме на фронт он писал следующее: «Мой дорогой Брюхер! Вы ведь в прошлом артиллерист. Вы сорвиголова. Я желаю Вам разобраться с делами так, чтобы Вы больше не возвращались. Надеюсь, это будет наисовременнейшее оружие. Но для прямого обстрела иногда подходят и безоткатные орудия. Ведь не исключается, что Вас обстреляют?.. Для нас это было бы очень удачное несчастье».

---

[1] Официальный печатный орган СС.

Фактически Зиверс занимал такое положение, что, несмотря на свой пост, обладал куда большей властью, чем его начальник Вальтер Вюст. С 1939 года в Аненербе Зиверс узурпировал по сути все полномочия Вюста. Самого Вюста это вообще не волновало. Перемещение центра власти внутри Аненербе, хотя и было значительным событием, но его трудно отследить, так как оно не приводило к открытым конфликтам.

На Нюрнбергском трибунале Зиверс говорил о напряженных отношениях с куратором, но никто из его коллег не смог припомнить даже намека не это. Некоторые говорили о несколько раздражающей скрупулезности Вюста в научных делах, но это вряд ли могло стать поводом для серьезных конфликтов. Устав Аненербе четко не прописывал субординацию отношений Вюст—Зиверс. Зиверс в свой деятельности был полностью независим от куратора общества. То, что с началом войны он начал вторгаться в компетенцию деятельности Вюста (научная работа и прием новых сотрудников), объяснялось тем, что он в последующем пытался использовать научные разработки в своих политических целях. Как видим, Зиверс шел на это вполне осознанно. Неких противоречий при этом, естественно, избежать не удалось. Когда в сентябре 1939 года Зиверс распорядился закрыть только что открытые новые отделы, Вюст выразил свое несогласие, считая, что это его прерогатива. Тем временем до куратора дошли слухи, что имперский руководитель общества самолично собирался вести переговоры с отдельными начальниками отделов о продолжении или прекращении их деятельности. Вюст, ссылаясь на седьмой параграф Устава, пытался помешать этому. Но все было бесполезно, так как этот пункт гарантировал ему лишь «научное руководство обществом в рамках распоряжений, отдаваемых Президентом [Гиммлером]». Зиверс тут же возразил ему, что не предпринимал ничего без ведома рейхсфюрера СС. Но в одном Вюст был все же прав. Правда, он не сделал акцента на этом. Зиверс должен был проконсультироваться с ним как со старшим по званию. Но на это тогда никто не обратил внимания, так как Вюста, несмотря на его эсэсовский чин, никто не воспринимал как начальника. Хотя внутри Управления А их взаимоотношения как начальника и его заместителя были четко прописаны. Но и здесь Зиверс не собирался подчиняться человеку, в котором все видели университетского профессора, а не офицера СС. Оба они подчинялись Гиммлеру и как шефу СС, и как Президенту Аненербе, а созданное в 1942 году Управление А еще больше запутало систему взаимоотношений этих двух функционеров. Должность начальника Главного управления СС еще глубже втянула профессора в аппарат СС, и он

должен был хотя бы формально отвечать за свой профиль работы в штабе Гиммлера. В том, что Зиверс был назначен всего лишь заместителем, не было ничего удивительного — в их равноправные отношения давно уже было пора внести поправки. Почему на место начальника был поставлен именно Вюст, до сих пор непонятно. Возможно, Гиммлер видел, что Зиверс и так был перегружен работой, чтобы взяться за еще одно направление.

Но так или иначе, Зиверс уже планировал начать действовать против Вюста. Сведения об этом можно найти в его дневнике. «27 февраля 1941 года. Штурмбаннфюрер Брандт установил дату для переговоров с куратором. Куратор не появился, сообщив, чтобы Брандт вел все дела, касающиеся Аненербе, только со мной». Эти строки Зиверс писал явно не без удовольствия. И на следующий год куратор был фактически оттеснен имперским руководителем от решения любых вопросов. Не то чтобы Гиммлер утратил доверие к «отцу-исповеднику» (так прозвали Вюста сотрудники «Наследия предков»), эпизод на похоронах Гейдриха показал как раз обратное. Вюст прекрасно понимал, что Зиверс рассматривал Аненербе как собственную вотчину. Не собираясь противиться этому, он стал интересоваться только делами Мюнхенского университета, где являлся ректором.

Но не надо полагать, что куратор потерял всяческое влияние. Он продолжал контролировать «Германское научное действие». В Нюрнберге Зиверс справедливо отметил, что ученые этого отдела подчинялись только Вюсту. Здесь он сплотил в своих руках и научное, и административное руководство. Но это не могло относиться к работе в Польше, Южном Тироле. Специалисты, работавшие там, подчинялись «Германскому научному действию» только формально, что было подтверждено устной договоренностью между Вюстом и Зиверсом. Зиверс не собирался пускать своего начальника в те сферы, которые он считал политически выигрышными. Куратору иногда приходилось просто выпрашивать документы, касавшиеся этой деятельности, — имперский руководитель не всегда считал необходимым показывать их Вюсту! Были и другие показательные случаи. Когда Вюст по ряду причин не смог выступить на Ганноверской конференции, Зиверс, не согласуя с ним свое решение, сделал его «больным». Но подобные противоречия в руководстве Аненербе были очевидны далеко не для всех. О выкрутасах Зиверса не знали даже начальники отделов.

В отношении Вюста как начальника Управления А Зиверс действовал осторожно. Он поселил своего шефа в шикарной мюнхенской квартире на Видмайер-штрассе на берегу Изара, предоставил ему дорогой автомобиль и надеялся, что Вюст на этом успокоится.

Видя такую политику, Вюст предложил 12 ноября 1943 года Гиммлеру принять его отставку с поста куратора. Гиммлеру удалось переубедить его. Возможно, рейхсфюрер СС был заинтересован в ученом и надеялся, что тот отбросит свою сдержанность и займет более жесткую позицию.

Вюста не могло не раздражать также и то, что выгоду от работы Научного института целевых военных исследований извлекал только его директор — Зиверс. Его удручало, что он даже не мог вмешаться в его деятельность. Это, возможно, толкнуло его на более решительные действия. 8 марта 1944 года он неожиданно появился на закрытом заседании правления института, хотя его туда никто не приглашал. На этом мероприятии Вюст проявил интерес к докладу Хирта о так называемой «Л-терапии». Месяц спустя он заявил Зиверсу, что будет ходатайствовать перед руководством СС о присвоении Августу Хирту звания оберштурмбаннфюрера СС. Все это говорило об одном: Вюст снова хотел быть в центре событий. О том, что отныне он не хотел терять ни грамма своего авторитета, говорило письмо, которое он 16 марта 1944 года направил Зиверсу. В нем объявил, что *все* научные разработки, проводимые в Аненербе, должны находиться под его личным контролем. «Поскольку я как куратор общества несу личную ответственность за результативность всех исследований, я должен следить за ходом работ». Чтобы эти притязания не остались пустым звуком, Вюст настоял на проведении расширенного заседания руководства «Наследия предков» с приглашением начальников всех существующих отделов. Подобное мероприятие, на котором обсуждались исключительно научные дела, проводилось последний раз три года назад. О нем уже успели позабыть, когда Вюст решил воспользоваться своим правом влиять на кадровую политику исследовательского общества. На самом деле это было только попыткой одернуть зарвавшегося Зиверса. К кадровой политике Вюст обратился всего лишь один раз — 14 апреля 1944 года. Тогда разбиралось личное дело Рашера. Но в данном случае Вюст выступал не как куратор общества, а как шеф Управления А. Он лично проводил беседы с президентом мюнхенской полиции Эберштейном, выясняя подробности этого уголовного дела. Когда скандал вышел за узкие рамки Аненербе, Рашер был снят со всех постов, а Вюст, нарушая все предписания, лично назначил его преемника (этим правом, согласно Уставу, обладал только Президент общества). Назначая на этот пост Плётнера, Вюст проявил жесткую политическую волю, дав понять, что не только ввел его в Аненербе, но и предоставил ему место профессора в Мюнхенском университете.

Но этот всплеск активности и амбиций не мог спасти репутацию куратора. И он, осознав это, очень переживал. Теперь его отно-

шения с Зиверсом портились на глазах. Как и в случае со своим назначением на пост ректора университета, он пытался найти поддержку в Министерстве воспитания, но там ему было в этом отказано. Интриганство Зиверса сделало свое дело: слухи о «перегруженности» Вальтера Вюста и потере им интереса к деятельности Аненербе нашли в ведомстве Руста благоприятную почву. Имя Вюста не имело никакого веса и в аппарате СС. Это было замечено даже в «Германском научном действии». Начальник этого отдела доктор Шнайдер в начале 1945 года считал, что потеря Вюстом авторитета была доказательством беспомощности Аненербе. Но в этом виноват только Зиверс и никто иной. Именно он сделал все возможное, чтобы оттеснить мюнхенского профессора. Но Шнайдер об этом не знал и потому наивно писал имперскому руководителю общества: «Для него само собой разумеется, что задачи должны выполняться сами собой, а потому он, видимо, решил сложить с себя функции руководителя. Но это еще не самое страшное. Гораздо ужаснее, что куратор теряет свой авторитет внутри СС: там многие несправедливо ассоциируют его фигуру с нашим обществом, а стало быть, с нашими успехами, приписывая *его* неудачи на *наш* счет. Так дальше продолжаться не может». Это было очевидное заблуждение, и Шнайдер не видел подлинных причин «импотенции» куратора. Но, так или иначе, в конце 1944 года начальство большинства Главных управлений в штабе рейхсфюрера считало, что сотрудничество с Вюстом — это пустая трата времени. С этого момента его пытались изолировать от принятия любых решений, в том числе связанных с «Германским научным действием».

Все эти обстоятельства предопределили, что последние месяцы существования Аненербе были связаны исключительно с фигурой Зиверса. Но он, постоянно проводивший свое время в разъездах между Берлином и Вайшенфельдом, уже не был человеком, который мог бы собрать воедино бесформенное строение «Наследия предков» и обеспечить обществу необходимую поддержку со стороны других эсэсовских структур. Зиверс был полностью физически и психически измотанным человеком, который поставил крест на личной жизни. В конце 1944 года он серьезно заболел, но даже и не думал лечиться. Его поездки привели к тому, что даже ближайшие сотрудники могли поймать его с превеликим трудом. Его адъютант Вольф-Дитрих Вольф писал: «В своем рвении к работе, которое мы уважали в имперском руководителе общества, он брал на себя слишком много задач. Наряду с этим он выполнял множество чрезвычайных поручений, для чего ему приходилось колесить не только по Германии, но и по всей Европе. Чтобы сэкономить время, он ночевал прямо в машине». По мере того как Зиверс получал все боль-

ше и больше заданий, он терял контроль над своими подчиненными. Именно это объясняло то, что Аненербе так и не было влито в эсэсовский аппарат. Даже став Управлением А, оно не получило ни признания, ни уважения со стороны других эсэсовцев, оставаясь до конца войны «гадким утенком» «черного ордена». Чтобы понять, почему же это произошло, повнимательнее посмотрим на те структурные пертурбации, которые проходили в СС в 1943—1944 годах. Как сам рейх, так и охранные отряды не были монолитом. Подобно государству, отражением которого они являлись, в них шла жесткая закулисная борьба.

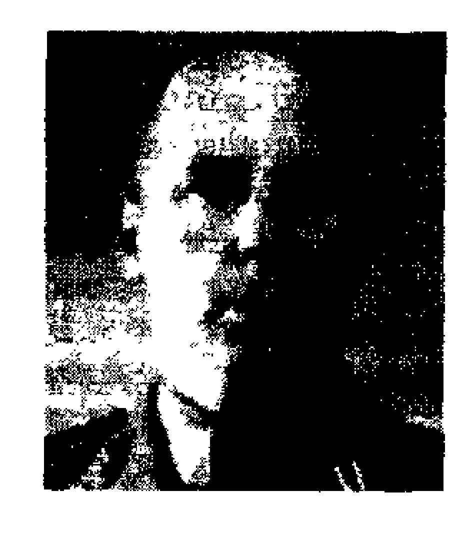
«Наследие предков» с самого момента своего возникновения оказалось в центре этой борьбы, незримой для обывателя. Поначалу это было связно с неясным статусом исследовательского общества. Позже, в 1938 году, противоречия были продиктованы тем, что даже в СС культурной политикой занималось несколько структур. С началом войны эти противоречия настолько усилились, что перешли всякие мыслимые границы. Напряженность вокруг Аненербе возникала прежде всего не из-за профиля работ, которыми оно занималось, а по причине его попыток установить монополию в этой сфере. От подобных несогласованностей страдало не только «Наследие предков», но и другие управления СС. Например, функции высшего полицейского руководства не были четко определены, что автоматически приводило к обострению отношений между отдельными эсэсовскими функционерами. Деятельность Аненербе, носившая общегерманский характер, не была согласована с местными эсэсовскими чиновниками, что тоже добавляло хлопот исследовательскому обществу. Так, обергруппенфюрер Мартин, осуществлявший свою деятельность в округе Майн, отказывался сотрудничать с представителями Управления А, полагая, что они должны работать только в Берлине и Вайшенфельде. В бессильной злобе он писал Зиверсу: «Я подчеркиваю, что за мою многолетнюю службу это единственный случай в своем роде. Вы в оскорбительной манере в течение двух лет приезжали в мои края, даже не ставя меня об этом в известность или сообщая об этом письменно. Это является не только нарушением эсэсовской дисциплины и товарищества, но и элементарных норм такта». Пораженный Зиверс даже не нашел, что ответить на это послание.

Аненербе постоянно претендовало на монополию в научно-культурной сфере не только потому, что Гиммлер смотрел на это сквозь пальцы, но и потому, что остальные эсэсовские функционеры проявляли редкостную халатность. Сотрудники Аненербе узурпировали не только исторические исследования, но и функции других управлений, как то: мировоззренческое обучение, осуществление

научной политики. Естественно, «пострадавшие» пытались вернуть все обратно. Но с Аненербе было не так просто тягаться: получив какой-либо комплекс работ, оно делало все, чтобы помешать своим конкурентам. И это удавалось ему весьма успешно. Подобной политике способствовал дух корпоративности, царивший в Аненербе: все исследователи и функционеры делились на «своих» и «остальных». Этот научный «шовинизм» нашел яркое отражение в официальной переписке между начальниками некоторых отделов «Наследия предков».

Рассмотрим подобные противоречия на примере Аненербе и Главного управления СС по вопросам расы и поселений. К 1938 году исследовательское общество отобрало у РуСХА почти все важнейшие функции. Именно по этой причине оно и потеряло вес внутри эсэсовской иерархии. В 1941 году вся деятельность РуСХА сводилась всего лишь к нескольким вопросам: выдача документов, разрешавших эсэсовцу вступать в брак; установление расовой полноценности и происхождения той или иной личности и информационная деятельность в местах боевых действий. Столь скудные задачи предопределили, что шеф РуСХА Хоффманн всеми силами пытался вернуть себе научно-исследовательские функции. И хотя этого не произошло, Аненербе было вынуждено пойти на сотрудничество с ним в сфере расовых вопросов (вспомним хотя бы проект, связанный с фигурками первобытных «Венер»). Работа здесь была построена так, чтобы избежать дублирования. Вряд ли Аненербе могло рассматривать как серьезную конкуренцию то, что сотрудники Хоффманна занимались консультированием эсэсовских фабрик по изготовлению мебели. Не представлял никакой опасности для Зиверса все-таки созданный в РуСХА отдел исследований. «Так как этот отдел создан только для того, чтобы продемонстрировать деятельность Главного управления по вопросам расы и поселений, то он вряд ли может иметь под собой достаточную базу для расширения своей работы», — считал Зиверс. Может быть, по причине бессилия РуСХА Зиверс был готов вести переговоры с этой структурой: симптоматично, что они протекали в здании Аненербе. Аура добрых отношений сохранилась до 1942 года. Отношения между этими организациями стали портиться, когда осенью 1942 года «Наследие предков» стало проникать в «германские» страны. В РуСХА полагали, что Аненербе вторглось на их территорию. В это время там уже разрабатывался план создания в Норвегии «Германского исследовательского института». Как помним, этого не произошло, а Зиверс вновь пошел навстречу своим коллегам из СС — он выразил готовность подключить профессора Шульца к подготовке «Операции К». Но теперь сотрудничество шло не на паритетных началах,

а под полным контролем Зиверса. Он решил расширить эту практику. Зиверс писал как-то Шеферу, что необходимо установить дружеские отношения с остальными эсэсовскими структурами, которые могли бы быть хоть капельку полезными. «Если же они откажутся от сотрудничества, то их надо убедить в исключительности полученных нами результатов», — подытоживал свое предложение Зиверс. Когда Аненербе предложило помощь Хунхойзеру, который занимался в Норвегии генеалогическими изысканиями, в РуСХА вновь насторожились. В ответ было предложено, чтобы «Наследие предков» подчинилось в этом секторе руководству РуСХА. Хунхойзер, оказавшийся между молотом и наковальней, предложил «соломоново» решение — отдать все совместно наработанные материалы лично рейхсфюреру СС.

Отто Хоффманн, возглавлявший Главное управление СС по вопросам расы и поселений с 1940 по 1943 год

И тут мы вправе задать вопрос: а какова же была роль самого Гиммлера в этой борьбе? Отвечая на него, мы можем прийти к парадоксальному выводу — Гиммлер осуществлял жесткое руководство своими СС только в первые годы нацистской диктатуры. По крайней мере, этот тезис нашел подтверждение на примере взаимоотношений РуСХА и Аненербе. Во-первых, он сам настоял на реорганизации Главного управления по вопросам расы и поселений и передал «Наследию предков» наиболее существенные функции. С другой стороны, сотрудничество между обеими организациями в деле исследования «Венер» базировалось не на их доброй воле, а на категорическом приказе Гиммлера. Но именно он и пресекал попытки Хоффманна создать на востоке Институт немецкого права, передав эти задачи Аненербе. И вскоре он снова полагал, что РуСХА и Аненербе могли бы сотрудничать в Норвегии. Не подобная ли непостоянность расчищала путь хаосу внутри эсэсовского «государства»?

Похожим же образом складывались отношения «Наследия предков» и Главного управления СС. Шеф этого управления Готтлоб Бергер в 1940 году потерял функции, связанные с формированием подразделений ваффен СС. Затем он упустил из своих рук мировоззренческое обучение. Все были поражены, что Освальд Поль распорядился изъять средства на идеологическое образование и передать их Аненербе. Отныне мировоззренческим воспитанием в СС занимался журнал «Германия». Не удивительно, что из ведомства Бергера звучала острая критика в адрес этого издания, «скорее напоми-

навшего листок». В кои-то веки критика была услышана и было принято компромиссное решение. Аненербе оставляло себе эти деньги, но взамен сотрудники должны были писать статьи для собственного журнала Г. Бергера. Насколько долговечным оказалось это соглашение, показало время: в сентябре 1943 года руководство Аненербе подало рейхсфюреру жалобу, что положенные деньги перестали поступать. В ответ нерегулярными оказались и статьи исследователей «Наследия предков» — в октябре Зиверс официально заявил, что они должны сдавать ***хотя бы*** две статьи в год!

Тем временем появлялись все новые и новые обстоятельства, которые делали сотрудничество невозможным. В октябре 1942 года Аненербе становится ответственным за научную работу в «германских» странах. В Главном управлении СС за эти задачи стало отвечать «Ведомство германских добровольцев» (управление VI). Не стоит думать, что эта структура была в состоянии проводить собственную научную политику. Но поскольку к поставленным задачам все отнеслись очень серьезно, то возник очередной конфликт между Аненербе и VI управлением Главного управления СС. Согласно имевшейся договоренности, «Ведомство германских добровольцев» должно было осуществлять только политическое и организационное руководство в этой области. Шнайдер, чье «Германское научное действие» было только что создано, не видел в этом ничего страшного. Тем временем «Ведомство добровольцев» явно не справлялось со своей основной задачей — формированием национальных дивизий ваффен СС. В этих условиях научные задачи отодвигались на второй план, к тому же у ведомства не было ни необходимого опыта, ни нужных сотрудников. Подобное положение вещей сразу же заметил Зиверс. В мае 1943 года он открыто заявил об этом в Ганновере. После этого почти сразу же было принято решение передать всю научную работу Аненербе.

Но спокойствие длилось недолго. В начале 1943 года доцент юнкерской школы СС в Бад-Тёльце, штурмбаннфюрер Петер Паульсен нарушил существующие договоренности. За неделю до того, как Аненербе проводило свое мероприятие в Ганновере, он с согласия «Ведомства германских добровольцев» провел в своем учебном заведении Первый германский съезд. Об этом в «Наследии предков» узнали только накануне. Съезд прошел 8—10 мая 1943 года, естественно, без какого-либо согласования с исследовательским обществом. На него были приглашены ученые из «германских» стран. Формальным предлогом для этого мероприятия была «необходимость обсудить множество научных вопросов из самых различных областей». После войны Паульсен клялся, что даже не думал вторгаться в компетенцию «Наследия предков». Но в Аненербе думали

по-другому. «Этот съезд вмешивается в научную политику рейхсфюрера СС, но даже не согласован с Управлением А», — резко заявил Шнайдер. Более того, он подчеркивал, что большинство участников вообще не имели никакого отношения к СС. Что ж, эта реакция вполне объяснима — Аненербе хотело быть единственной организацией, контролирующей науку в «великогерманском» проекте.

В феврале 1944 года Зиверс решил, что пора пресекать действия Паульсена. Тем более, что последний получил приглашение возглавить новую эсэсовскую школу в Хильдесхайме («Дом Германии»). В Аненербе всерьез опасались, что он сможет привлечь на свою сторону молодых ученых. Более того, Паульсен сумел подчинить себе одну из газет, на которую имел виды Зиверс. Вдобавок в отделе обучения Главного управления СС заявляли, что они больше не нуждались в услугах «Наследия предков»! Паульсен стал той фигурой, которая могла в один миг разрушить и без того шаткий союз между Аненербе и «Ведомством германских добровольцев». 14 октября 1943 года состоялись переговоры между Шнайдером и Паульсеном. Глава «Немецкого научного действия» настаивал на том, чтобы деятельность «Дома Германии», как и ранее, находилась под контролем Аненербе. Здесь Шнайдер действовал скорее как ученый, а не как политик. Более того, по его инициативе Зиверс предложил Паульсену возглавить один из отделов Аненербе (планировалось, что он получит одноименное название — «Дом Германии»). Таким способом в исследовательском обществе пытались подмять неудобного конкурента.

Но Паульсен захотел гораздо большего. В ноябре 1944 года он начал настаивать на том, чтобы действовать в немецкой высшей школе от лица Аненербе. Он хотел создать в Гёттингене «Германский университет», чтобы собрать там ученых, не получивших признания на родине. Саму профессуру он планировал использовать для чтения лекций в «Доме Германии», выпускники которого должны были работать в новом учебном заведении. Он торопился и потому даже успел провести переговоры с ректором Гёттингенского университета и министром воспитания. Но подобные амбиции ставили под удар планы самого «Наследия предков». Возмущенный секретарь Гиммлера Брандт писал тогда Зиверсу: «К чему, скажите, рейхсфюрер запланировал создание Аненербе как будущей эсэсовской высшей школы, если группа каких-то людей из Главного управления СС создает («Германский университет»)?.. Зачем, спрашиваю я Вас, вообще существует Аненербе, если все необходимые переговоры вели без Вашего участия и в Гёттингене уже появились

новые ученые?» Но Брандт зря критиковал Зиверса — планы Паульсена были нереальны.

Кроме Главного управления СС и Главного управления по вопросам расы и поселений, Зиверс умудрился не поладить и с Главным управлением имперской безопасности (РСХА). Нет, он не поссорился со всем управлением сразу, а с рядом его подразделений, которые хотели поднять свой престиж за счет работы за пределами Германии. Это касалось прежде всего СД — службы безопасности. После начала войны РСХА потихоньку начало терять свое прежнее значение хотя бы потому, что его функции переходили гестапо. Когда 29 сентября 1939 года все полицейские службы были реорганизованы, деятельность СД была ограничена только сбором информации. Отслеживанием политических настроений в обществе одновременно с СД занималось Третье управление РСХА, находившееся под руководством Отто Олендорфа. Его сообщения со всей откровенностью показывали реальные настроения в Германии и растущее недовольство режимом. Но нацистское руководство неохотно знакомилось с этими отчетами — оно предпочитало выдавать желаемое за действительное. По мере того как ухудшалось положение на фронтах, сообщения Олендорфа были все мрачнее и мрачнее, и, как следствие, он начал раздражать партийных бонз. В частности, Й. Геббельс, недовольный отражением того, какой отклик получила в обществе одна из его речей, просил Гиммлера принять меры. Гиммлер в очередной раз продемонстрировал полное непонимание сложившейся ситуации — Олендорф был назван экзальтированным циником и «очернителем светлых идеалов национал-социализма». В итоге Третье управление РСХА было фактически расформировано — большинство сотрудников оказались в полицейских подразделениях, а сам Олендорф был переведен в Имперское министерство хозяйства, а позже работал в одном из отделов СД.

Логично было бы спросить: при чем тут Аненербе? Все очень просто. Зиверс, заводя широкие связи, даже не подозревал, что попал в поле зрения имперской безопасности. Когда он начал контактировать в рамках «германского» проекта с иностранными учеными, Олендорф лично настаивал на том, что «Наследие предков» надо было бы проверить на предмет политической благонадежности. В мае Аненербе было ***вынуждено*** пригласить на свое Ганноверское совещание представителей Третьего управления РСХА: фон Лёва и Рёсснера. Побывав на этом мероприятии, они были единодушны: совещание не носило сомнительной политической подоплеки. Именно этот инцидент положил начало сотрудничеству между Зиверсом и Третьим управлением РСХА. Показательно, что Аненербе было одной из немногих организаций в рейхе, которая не только

ценила предоставляемые Олендорфом сведения, но и пыталась использовать их на практике.

Но судьбе было угодно, чтобы Олендроф исчез из РСХА. Реорганизация Третьего управления привела к тому, что в РСХА возникли два новых подразделения: IIIВ («Народность», возглавляемая штандартенфюрером СС Элихом) и IIIС («Культура», с оберштурмфюрером СС Шпеглером во главе). Оба отдела были изначально ориентированы на работу в «германских» странах. Это в определенной мере сближало РСХА и Аненербе. Шнайдер, обеспокоенный активностью Паульсена и Главного управления СС, навестил Элиха и предложил ему тесное сотрудничество. В трактовке тех времен это могло обозначать только одно — Элих и Шнайдер собирались «дружить» против Паульсена. Элих подчеркнул, что сам он работал только с информацией, но «не секрет, что многое из того, что начинала группа D Главного управления СС, заканчивать приходилось его сотрудникам». Предложение о сотрудничестве со стороны структуры, которая не собиралась претендовать на пальму первенства, выглядело более чем заманчивым. Что же решили в Управлении А? Должно ли Аненербе променять сомнительное, но безопасное сотрудничество с СД, на мощного, но обладавшего непомерными аппетитами союзника в лице Главного управления СС? Подобный вопрос мог возникнуть только в хаосе эсэсовской «империи», наступившем в конце войны.

«Наследие предков» опять оказалось между двумя огнями. Но выбирать не пришлось — все вновь решил случай. Сразу же после своей беседы с Элихом Шнайдер позвонил Зиверсу и рассказал все ее подробности. Реакция была несколько не та, на которую рассчитывал шеф «Германского научного действия». Зиверс возмутился, что без его ведома в «германском» секторе начала работу еще одна эсэсовская организация. Подобную жалобу он высказал Брандту. Случайно или нет, но Зиверс рассказал секретарю Гиммлера о негативной оценке деятельности Главного управления СС, которой придерживался Элих. И тем временем, пока Шнайдер пытался привлечь на свою сторону сотрудников СД, разразился дикий скандал. Брандт не замедлил передать подробности своего разговора с Зиверсом лично Гиммлеру, и некоторое время спустя они стали известны Готтлобу Бергеру. И вновь всплыл вопрос: если Аненербе было уполномочено вести научную работу в «германских» странах, то почему оно боялось конкуренции со стороны других эсэсовских организаций? Если же оно не имело таких полномочий, то почему оно представляло здесь научные интересы рейхсфюрера? Но в принципе это не важно. Хаос, царивший в СС, был продиктован не только амбициями отдельных руководителей и запутанной структурой ох-

ранних отрядов, но и тем, что почти для всех было ясно — война проиграна и Третий рейх доживал последние дни.

Крах Аненербе не был ни для кого сюрпризом. Его ждали давно. То, что тучи стали сгущаться над исследовательским обществом, стало ясно еще в 1942 году — именно тогда стала ощущаться существенная нехватка персонала — многие гибли от бомбардировок, многие оказались на фронтах войны. В 1944 году, впервые с 1939 года, пришлось урезать руководящий состав «Наследия предков». В начале того же года пришлось упрощать существующую структуру. В январе 1945 года имперский руководитель общества впервые заговорил о консервации деятельности всего общества. К этому времени судьба многих отделов уже была решена: в Страсбурге был распущен отдел А. Хирта. В начале 1945 года большинство руководителей отделов получило приказ о необходимости уничтожения всей документации, дабы та не попала в руки союзников. Отдел Карла-Хайнца Бозена «Математика», состоявший из заключенных, планировалось перевести из Заксенхаузена в другие лагеря. Само Управление А просуществовало до апреля 1945 года, но с марта оно не вело никакой деятельности.

Многие из сотрудников «Наследия предков» последние дни войны провели в Вайшенфельде. Там же оказался и Зиверс. Тяжело больной, он пытался из последних сил обеспечить свою базу в Верхней Франконии продуктами и электричеством. Среди сотрудников Аненербе бушевала эпидемия скарлатины — требовались лекарства. Беженцы с востока и запада, постоянно прибывавшие в переполненный городок, создавали множество проблем для местных жителей. Раскиданные по улицам, они не устраивали и военные власти, так как мешали организации обороны. Да, собственно, трудно было назвать военными властями батальон фольксштурма[1] под командованием одного из сотрудников «Наследия предков» и изрядно потрепанную роту СС из состава горных войск. Отрезанный от мира Вайшенфельд ждал своей участи.

Пока в феврале этот городок, затерянный между гор, был связан с внешним миром через курьера, Зиверс пытался выпросить у руководства СС кур-несушек, чтобы обеспечить своих сотрудников хоть какими-то продуктами (вот уж воистину гротесковая картина!). Но вскоре и эта связь оборвалась. В марте фронт проходил настолько близко, что появления союзников ждали со дня на день. Тем време-

[1] *Фольксштурм* — немецкое ополчение, созданное по инициативе Гиммлера и Геббельса для последней обороны Третьего рейха зимой 1944—1945 года. Фольксштурм набирался из числа немцев, по той или иной причине не годных к строевой службе, в возрасте от 16 до 60 лет.

нем стало ясно, что оборона городка бессмысленна. 14 апреля в город вошли американские танки. Кое-кто из сотрудников пытался скрыться, но безуспешно. Были арестованы почти все. Зиверса нашли прячущимся в одном из амбаров. Далее его ждал Нюрнбергский трибунал и смертный приговор, приведенный в исполнение 2 июня 1948 года в крепости Ландсберг.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку и закончить рассказ о «Наследии предков», но... Именно это ***но*** не один раз останавливало многих историков. Многоточие после этого «но» меня заставила поставить одна статья, не говорившая ничего принципиально нового об Аненербе, но изобиловавшая патетичными вопросами. ***«Почему на Нюрнбергском процессе так резко прервали допрос штандартенфюрера СС Вольфрама Зиверса — генерального секретаря Аненербе, как только он начал называть имена? И почему простого полковника СС так поспешно расстреляли в числе самых главных военных преступников «Третьего рейха»?»*** На последний вопрос ответить проще всего — Зиверса повесили (отнюдь не расстреляли) за то, что именно он был ответственен за бесчеловечные опыты Рашера и Хирта, повлекшие гибель сотен людей. Вот и все — звание в этом деле не играло никакой роли. Но вызывают интерес другие вопросы, которые как раз имело бы смысл поставить перед общественностью: что же скрывалось за стенами Нюрнбергского трибунала, когда речь шла о «Наследии предков», и почему на защиту Зиверса ***добровольно*** пришло множество уважаемых людей, которые свидетельствовали в его пользу?

Допросы по делу Зиверса действительно изъяты из большинства изданий материалов Нюрнбергского трибунала. Но картину событий тех дней позволяют восстановить многочисленные мемуарные и исторические работы. Итак, что же произошло тогда в Нюрнберге? Банальные ответы, коими изобилуют легковесные версии об оккультных тайнах, секретных разработках и т.п., лучше сразу отбросить. Секрет крылся не в том, что говорил Зиверс, а что ***говорили о нем*** его защитники!

Вольфрам Зиверс предстал перед Нюрнбергским трибуналом с огромной бородой

Многочисленные сторонники бывшего имперского руководителя «Наследия предков» смогли вполне убедительно сфабриковать легенду о том, как хо-

Фридрих Хильшер во время создания «Союза»

роший Зиверс вступил в плохие СС по заданию антифашистского Сопротивления, чтобы добывать там сведения и готовить диверсии. Да-да!!! Не больше и не меньше. В подробностях их версия выглядела так...

В 1932 году учитель и товарищ молодого Зиверса *Фридрих Хильшер*, предвидя «неизбежную беду» (имелся в виду приход Гитлера к власти), создал из членов своего национал-большевистского кружка некую организацию «Союз», которая по замыслу создателя должна была как только возможно активно противодействовать нацистам. В качестве руководства к действию Хильшер избирал тактику «троянского коня». Сам он свидетельствовал: «Мы должны были быть в курсе, что происходит в этой шайке. Мы должны были иметь там человека, который бы нам поставлял сведения. Но нашу подпольную работу надо было с чего-то начинать. И тут появилась проблема добровольца: кто же способен на это?.. Среди тех, кто был готов, наиболее пригодным казался Вольфрам [Зиверс]». «Союз» решил заслать идеалистичного молодого человека к Герману Вирту в Бад-Доберан. Теперь Зиверс пытался через ничего не подозревавшего Вирта проникнуть в окружение Гиммлера. Гиммлер обратил внимание на Вирта, но это был только первый необходимый шаг. Надо было, чтобы взгляды Вирта стали официальным учением СС. Гиммлер проникся симпатией к Вирту, и тот потянул Вольфрама Зиверса в исследовательское заведение древней духовной истории, где он был назначен генеральным секретарем. Расчеты Хильшера оказались правильными: Гиммлер и Вирт обратили внимание друг на друга, и Вольфрам Зиверс оказал вблизи рейхсфюрера СС.

Вот, оказывается, как легко было заслать своего человека в логово врага! В последующем Зиверс должен был доставать данные из эсэсовских сейфов, обращая особое внимание на тех, кто должен был пасть жертвой режима. Так, Зиверс должен был спасти датского физика еврейского происхождения Нильса Бора, а также вызволить из концлагеря ректора университета г. Осло Зайпа. Именно Зиверса должны были благодарить за свое освобождение норвежские студенты. Именно Зиверс достал сведения о том, что Гиммлер иронизировал по поводу антигитлеровской деятельности профессора Попитца, и группа Хильшера решила предотвратить его арест. Но планам не было суждено сбыться — Попитц был схвачен.

Все свидетельства были бездоказательными. Не менее спекулятивный характер носили и три других эпизода в «антифашистской» деятельности Зиверса. Первый из них был связан с Южным Тиролем. Согласно Хильшеру, Зиверс после назначения главой «культурной комиссии» должен был всячески препятствовать планируемому переселению. Но фактическое вмешательство Зиверса не потребовалось — процесс переселения затянули сами итальянцы. «Мы тогда правильно поступили, ибо подобные переговоры могли затянуться на вечность, прежде чем будет подготовлено переселение... Вольфрам мастерски справился со своим заданием — он со своими людьми затягивал от года к году передачу культурных и национальных ценностей», — писал Хильшер в своих мемуарах.

Вторая история, казалось, была заимствована из авантюрного романа. Хильшер описал эту историю в мельчайших подробностях. Он давно был знаком с супругами Энгель, которые ожидали в 1941 году депортации из Берлина в гетто Литцманнштадта. Для их освобождения Хильшер решил опять использовать своего друга Зиверса и его исследовательское общество. Удалось даже выбить для Хильшера документы начальника отдела Аненербе. Путешествуя по стране с этим удостоверением, он представлялся исследователем немецких обрядов. В сентябре 1941 года он «случайно» оказывается в Литцманнштадте, куда были депортированы его знакомые. Формальным предлогом для посещения города был осмотр местных достопримечательностей, но на самом деле он собирался отыскать и тайно вывести своих друзей. Но его поиски были напрасны, супруги Энгель, спасая свою дочь, добровольно пошли на смерть. Единственное, что смог сделать Хильшер, это вывезти их дочь и при помощи Зиверса переправить ее в нейтральную Швецию.

Если продолжать литературные аналогии, то третья история могла бы быть взята из детективного романа. Когда группа Хильшера убедилась, что не сможет устранить Гитлера (вот как!!! ни больше ни меньше убийство фюрера!!!), в ее недрах стал разрабатываться план покушения на Генриха Гиммлера. Хильшер утверждал, что уже давно установил связи с представителями «классического» Сопротивления (графом Шуленбургом[1] и Блюменталем), он даже якобы знал об их планах по ликвидации Гитлера. Но при этом он подчеркивал, что не знал срока их осуществления. Хильшер и Зиверс были едины в своем мнении — большинство из участников Сопротивле-

---

[1] *Граф Вернер фон Шуленбург* (1875—1944) — германский дипломат, в 1934—1941 годах — посол в Советском Союзе. В 1941 году пытался предупредить советское руководство о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Был причастен к июльскому заговору 1944 года и казнен 10 ноября 1944 года по приговору трибунала.

ния неправильно оценивали фигуру рейхсфюрера СС, видя в нем возможного союзника. «В течение этого времени [с 1942 года] высшие круги СС начали сомневаться в Гитлере, считая все его неудачи виной внутренней канцелярии фюрера. Особое негодование у них вызывал Борман. В Гиммлере они видели неприкасаемую фигуру, который мог бы занять место Гитлера», — заявил Зиверс на Нюрнбергском трибунале. Группа Хильшера не испытывала подобных иллюзий. Гиммлер был для них плоть от плоти нацистского режима, а потому тоже подлежал устранению. Планируя покушение на него, группа Хильшера полагала, что его надо было осуществить одновременно с убийством Гитлера, что позволило бы безболезненно захватить государственную власть и получить контроль над армией. В своих мемуарах Хильшер приводил живописное описание подготовки к покушению.

«Как часто мы говорили, что в первую очередь надо устранить Гиммлера. Теперь мы должны были рискнуть. Это не сделает никто, кроме нас, а из нас сделать это можешь только ты [Хильшер обращался к Зиверсу], так как у тебя единственного есть такая возможность.

«Есть два варианта, — сказал он, — в Оберзальцбурге или в Хеллербахтале».

Я посмотрел на него с удивлением. Как часто этот человек был для меня загадкой. Задумчивый и неразговорчивый, поглощенный обдумыванием моей идеи, он, оказывается, проработал этот план даже раньше, чем я заговорил о нем.

«Оберзальцбург, — продолжил Зиверс, — позволит накрыть сразу и Гитлера и Гиммлера — они из года в год прибывают туда вместе... Но это место набито партийными работниками и эсэсовцами. К тому же весть о покушении распространится со скоростью света. Хеллербахтал тоже отпадает, хотя мы могли бы определить время, когда туда прибудет Гиммлер. Мы должны позаботиться о том, чтобы никто не узнал о покушении и чтобы после Гиммлера заняться непосредственно Гитлером».

«Но как мы попадем в Оберзальцбург, или ты окажешься вместе с Гиммлером в Хеллербахтале?»

«В обоих случаях я буду использовать профессора Тратца, создателя «Дома природы» в Зальцбурге. С 1938 года он состоит в Аненербе, а также является егермейстером гау Зальцбург. Я помог ему через Гиммлера, и мы хорошо понимаем друг друга. Как егермейстер он часто бывает в Оберзальцбурге, а потому мне будет не очень трудно получить от него помощь в этом. Он охотно мне помогает».

«Ну и ну! А Хеллербахтал?»

«В отдельных местах этой альпийской области водятся коршуны. Они появляются там в начале июня, когда отары овец направляются

на высокогорные пастбища, и остаются там до сентября. Гиммлер, как большой любитель охоты, наверняка заинтересуется этими коршунами и сделает меня ответственным за их изучение. Так я думаю заманить его в это место. Уже летом я сниму фильм про коршунов, а затем передам его рейхсфюреру через мою секретаршу Гизелу Шмитц-Кальманн».

«Так ты уже подготовил план покушения?»

Далее Зиверс излагал свой план: дорога в Хеллербахтал лежала через горное местечко Эдельвейсхютте, где дорога скорее напоминала горную тропу. Взорванная там скала перегородила бы дорогу и позволила устроить великолепную засаду. Осуществляя свой план, Зиверс предоставил в начале 1944 года Гиммлеру доклад о 28 коршунах, которых видели вблизи от Эдельвейсхютте. При этом он подчеркивал, что это местечко лежит настолько недалеко от Зальцбурга, что туда можно было бы добраться на машине. Тогда же был показан упоминавшийся выше фильм.

Вот так, со слов Хильшера, выглядела подготовка к покушению на Гиммлера. В Нюрнберге он рассказал также о том, почему эта акция так и не осуществилась. Во время одного из своих спорадических посещений Зальцбурга Гиммлер обратил внимание на диораму, посвященную коршунам. В ходе дальнейших разговоров он назначил дату охоты на них на конец июля — начало августа 1944 года. 19 июля Зиверс направляется в Зальцбург, чтобы проверить готовность всех участников заговора. Но в пути он узнал о неудавшемся покушении на Гитлера, которое было организовано полковником Штауфенбергом. По его словам, он возвратился в Берлин, чтобы помочь своим друзьям, оказавшимся в затруднительном положении. Покушение на Гиммлера не было возможно, так как, во-первых, был арестован сам Хильшер; во-вторых, Гиммлер, отбыв на Западный фронт, отклонял предложения об охоте.

Как ни странно, но Хильшер был арестован вовсе не из-за деятельности своей группы — «криминальной» оказалась его дружба со многими участниками июльского заговора. 2 сентября он был перевезен из родного Марбурга и берлинскую тюрьму, где ожидал дальнейшего развития событий. Его допрашивали каждый день, иногда даже по несколько раз за сутки. Несмотря на жестокости и побои, он отрицал свои связи с участниками заговора. Неделя шла за неделей, и Фридрих Хильшер готовился к самому худшему. Но 19 декабря его вызвал офицер гестапо и коротко сообщил ему, что он свободен.

Тем временем штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс не сделал ничего, чтобы помочь своему товарищу! После покушения 20 июля 1944 года, попав тоже под подозрение гестапо, он всячески пытался откреститься от всех «сомнительных» связей. Свое знакомство

с Хильшером он объяснял только служебными отношениями. Но после освобождения Хильшера он вернул его в состав Аненербе, и тот проработал до 2 января в отделе новостей исследовательского общества (этот отдел почти полностью состоял из людей, оппозиционно настроенных в отношении режима). Когда в апреле 1945 года Хильшер уехал в Марбург, Зиверс находился в Вайшенфельде, совершенно безучастный к судьбе своих друзей.

Вот так выглядела легенда об участии Вольфрама Зиверса в движении Сопротивления. Во все это можно было бы даже поверить. Но на виселицу Зиверса привело не членство в СС, а те опыты, которые по его приказу проводились в концентрационных лагерях. На процессе Зиверс и Хильшер всячески пытались обойти этот момент. Когда этот вопрос был поднят, Хильшер как общественный защитник Зиверса хотел нейтрализовать это обвинение антифашистской работой имперского руководителя общества. Он явно хотел сделать из него героя Сопротивления! Но так или иначе, гибель заключенных ***никак*** не была связанна с Сопротивлением. К тому же Зиверс мог легко отказаться от проведения этих бесчеловечных исследований.

История «трагического» Сопротивления Зиверса была изрядно приукрашена и драматизирована Хильшером. Эту историю он преподнес читателям в своей послевоенной книге «50 лет среди немцев». Тогда ему поверили многие. Среди них был Альфред Канторович, известный коммунист, эмигрировавший из Германии после прихода к власти нацистов. В своих публикациях в газете «Цайт» он развивал тему сотрудничества Зиверса с его «честным, безупречным» другом Хильшером. В 1964 году «Монат» опубликовала его статью под названием «Случай Зиверса». Телесюжет 1969 года убедил широкую общественность ФРГ в том, что союзники отправили на виселицу героя Сопротивления. Так Зиверс уже после своей смерти стал центральной фигурой нового мифа, мифа об Аненербе. Роль Зиверса в этом мифе выросла до фантастических размеров. Мемуары Хильшера горячо приветствовались даже в академических кругах. Еврейский религиозный философ Лео Беск писал 11 ноября 1954 года тогдашнему президенту ФРГ: «Я Вам благодарен и чрезмерно признателен за то, что я познакомился с книгой Фридриха Хильшера. С волнением, которое я едва ли могу передать, я прочитал ее. Это настолько честная, настолько значительная книга, насколько вообще может быть книга какого-либо времени... Она правдива не потому, что рассказывает о каждом дне, а потому что она говорит устами живого человека. Меня совершенно потрясла глава о Литцманнштадте. Я обращу внимание на это издание... в кругу своих знакомых». Но в этой книге очень сложно было отде-

лить правду от вымысла — далеко не все, что было написано в ней, являлось вымыслом. Одних привлекала живость языка Хильшера, другие считали, что он склонен все приукрашивать. Именно эта поэтичность стала причиной того, что в 1954 году экс-куратор Аненербе подал в суд на Хильшера. Дело в том, что Хильшер назвал его в своей книге «мелким, отвратительным, невзрачным, с сальной кожей и влажными ладонями, тщеславным, честолюбивым, завистливым, самовлюбленным, мелочным, неприятным и бесцеремонным» человеком (не многовато ли эпитетов для одного человека!). В ответ на это Вюст заявил, что по своему сложению он человек стройный, 176 сантиметров роста и вовсе не производил отталкивающего впечатления. Хильшер проиграл этот процесс.

Мемуары Хильшера пестрили историческими неточностями. Так, например, он возлагал ответственность за уничтожение евреев на Вальтера Шелленберга, хотя тот всю жизнь занимался разведкой. Не будучи знакомым с ним лично, он приводил подробности его перехода из бригады Эрхардта в СС, хотя Шелленберг никогда не числился в этом добровольческом корпусе! Хильшер веселил читателя историей, как он однажды столкнулся в берлинской пивной с обергруппенюфюрером СС Вернером Бестом и завел с ним разговор о смысле и бессмысленности оппозиции режиму. Вернер сразу же заметил, что суть разговора и обстоятельства их встречи в мемуарах были полностью искажены. На этом «неточности» Хильшера далеко не заканчиваются. Он утверждал, что в 1947 году попросил защищать Зиверса юриста и участника Сопротивления Фабиана фон Шлабрендорфа, но он отказался от этого предложения в силу занятости. Последний после появления мемуаров заявил, что не припоминает, чтобы Хильшер обращался к нему с подобной просьбой. Ответ он заканчивал такими словами: «Даже если бы такое предложение поступило, я бы однозначно отказался от него по принципиальным соображениям — я не собирался быть адвокатом у нацистов». Более того, он заявил, что ему ничего не известно о деятельности самой группы Хильшера! Он никогда не слышал от участников Сопротивления о Хильшере. «Я не могу сказать, существовала ли подобная группа вообще. По моему мнению, если она все-таки существовала, то она не играла никакой заметной роли в борьбе против Гитлера».

А не мог ли Хильшер придумать эту группу? Историки, занимавшиеся Сопротивлением, ни разу не упоминали его имени. А ведь, согласно его мемуарам, он за несколько недель до покушения на Гитлера встречался с полковником Штауфенбергом! Биографы Шелленберга тоже хранили молчание по этому поводу. Хильшер говорил, что малоизвестность его группы объяснялась не ее пассивно-

стью, а продуманной системой конспирации. «В историю попали только те, кто закончил свои дни на виселице!» Тезис в определенной мере справедливый.

Позже Хильшер перестал доказывать значимость своей группы. Но сотрудничество Хильшера и Зиверса вряд ли можно оспаривать. К тому же группа Хильшера все-таки существовала. Кроме самого Хильшера и Зиверса, в нее входили: адвокат Франц Лидиц, близкий друг адмирала Канариса; лесничий Вольфганг Велльманн (знакомые называли его «волком»), он для маскировки вступил в 1933 году в СА, а на его квартире собиралась сама группа; врач Эрнст Фридрих Эберт; Курт Дауманн, сестра которого 1 января 1940 года вышла замуж за Хильшера, и Арно Зееманн-Дойтельмозер. Книга последнего «Лютер, государство и вера» в 1937 году получила признание в Аненербе. Именно Арно Зееманн-Дойтельмозер в 1940 году стал фактическим руководителем группы. Он, числясь в СА, пытался внедриться в СС, но его попытки были неудачными. Ему удалось только получать «особые задания» от Зиверса, которые якобы были продиктованы деятельностью «Наследия предков». Это позволяло ему разъезжать по всей стране и свободно поддерживать связи с членами группы. Чем конкретно занималась группа, не известно, но сохранилось несколько устных свидетельств. Август Винниг, в доме которого часто бывал Хильшер, получал известия о планируемых нацистским руководством действиях. Об аншлюсе Австрии он сообщил за несколько недель до оного, также заранее было предсказано вторжение в Чехословакию. 7 апреля 1939 года он заикнулся о возможных советско-германских переговорах. Также сообщалось о планируемой операции «Морской лев» (немецкий десант в Англию). О деятельности Хильшера против режима свидетельствовал и известный писатель Эрнст Юнгер, который в 1940 году оказался в составе оккупационных войск в Париже. Карл Август Виттфогель, немецкий коммунист, скрывшийся в США, после войны подтвердил, что Хильшер был не только его старым другом, но и тем человеком, который освободил его из гестапо, а позже укрывал его жену Ольгу. Тереза Рихтер, дочь погибших в гетто супругов Энгель, подтвердила, что именно Хильшер переправил ее в Швецию.

Спорным в этом деле было другое, насколько Зиверс и Аненербе были вовлечены в деятельность этой группы?

Известно, что Хильшер и Зееманн-Дойтельмозер еще до войны выполняли неясные «особые поручения» Зиверса. Как они попали в «Наследие предков», до сих пор не ясно. Из документов следовало, что Хильшер не числился в исследовательском обществе, тем не менее с 1937 года состоял с ним в переписке по вопросам религии и этнографии. Согласно Вюсту, в обществе он появился где-то в 1938 году. Он полагал, что сотрудничество было продиктовано исключи-

тельно финансовыми мотивами — в Аненербе Хильшер получал 500 рейхсмарок ежемесячно, а его жена, выполнявшая функции ассистента, получала еще и дополнительный оклад. Вюст дал по этому поводу очень живое описание в своем дневнике: «Когда Х[ильшер], который до 1933 года работал как частный исследователь, решил выйти из крайней нужды, он обратился к своему старому учителю профессору Кёлльройтеру, который хорошо знал В[юста][1]... Кёлльройтер пришел к В. с просьбой пристроить своего одаренного ученика либо в Немецкую академию, либо в «Наследие предков». Несколько дней спустя, ссылаясь на хорошее знакомство с Х., с подобной просьбой к В. пришел З[иверс]». Вюст высказал пожелание лично побеседовать с Хильшером. Они встретились в ресторане одной из мюнхенских гостиниц и беседовали больше часа о немецких обычаях, религии, общих знакомых. После этого Вюст (обратим внимание — именно Вюст, а не Зиверс!) предложил Хильшеру заняться «особыми заданиями» Аненербе. Можно предположить, что финансовая сторона дела играла не самую важную роль — хотя для деятельности группы требовались немалые средства, а потому он мог только приветствовать щедрое предложение куратора. Но все-таки финансы были не самым важным.

Многочисленные отечественные публикации, посвященные «Наследию предков», пытались представить Хильшера чуть ли не создателем исследовательского общества. Возможно, подобное мнение сложилось потому, что он фиктивно являлся начальником отдела Аненербе? Как же он получил такой статус? Документы начальника отдела Хильшер получил благодаря случайному стечению обстоятельств. Он по личной инициативе Вюста попал в список приглашенных на совещание начальников отделов «Наследия предков», которое проходило в апреле 1941 года. Тогда же он получил от секретарши Зиверса документ, подтверждающий его полномочия. Так, не имея никого в подчинении и не возглавляя никакой структуры, Хильшер получил этот статус. С этими документами он попал в гетто. Теоретически его не должны были пустить туда с такой бумагой, но задача по поиску супругов Энгель облегчалась тем, что он, видимо, получил от руководства общества задание отыскать у восточноевропейских евреев рецепт медового напитка (помните, Гиммлер тогда проявлял повышенный интерес к этому продукту). То, что он был в Литцманнштадте, подтверждали те подробности, которые он приводил в своих мемуарах. Он пишет, что тогда, осенью 1941 года, в гетто ожидали прибытия транспорта с евреями из Берлина и других городов. Но ведь только в конце 60-х годов в исто-

[1] Вальтер Вюст в своих дневниках предпочитал писать о себе от третьего лица.

Адольф Рейхвайн, видный деятель немецкого Сопротивления, с которым поддерживал связи Фридрих Хильшер

рических работах появились упоминания на эту тему. Приведенные имена некоторых служащих гетто — врачей, еврейских старейшин — даны почти правильно, иногда с небольшими искажениями.

Но вернемся к Нюрнбергскому процессу. Вполне возможно, что именно Хильшер направил Зиверса к Вирту. Это косвенно подтверждается тем фактом, что как только Вирт испортил свои отношения с НСДАП, Зиверс оставил его. Вновь его сотрудничество с этим ученым началось, только когда нацисты пришли к власти и Вирт стал пользоваться авторитетом у Гиммлера. Получал ли он секретные сведения? На процессе Зиверс заявлял, что благодаря ему Сопротивление знало о численности СС. Но Гиммлер сам ***открыто*** говорил о численности охранных отрядов, указывая даже состав отдельных подразделений. Спасал ли Зиверс оппонентов режима? Он утверждал, что физик Нильс Бор был спасен только благодаря ему. Но сам Бор говорил, что о грозящей опасности его предупредил служащий немецкого консульства. К тому же, скорее всего, сделано это было по поручению имперского уполномоченного в Дании, обергруппенфюрера СС Вернера Беста. Последний открыто саботировал приказы из Германии об «окончательном решении еврейского вопроса». Распространив по своим каналам информацию о грядущей депортации, он спас жизнь не только Н. Бора, но еще несколько человек из сотен евреев. Заслуга в освобождении из лагеря ректора Зайпа могла принадлежать и Зиверсу, и Плассманну, и Вюсту. По одной версии, профессор Зайп был освобожден благодаря вмешательству скандинавских дипломатов: шведского посла Рихерта и финского посла Кивеки. Они обратились к Вюсту через Свена Хедина с просьбой повлиять на Генриха Гиммлера. По другой версии, на освобождении Зайпа настоял Плассманн. По третьей версии, шведский принц Ойген пытался решить эту проблему, воздействуя на рейхсфюрера СС через его личного врача. Сам Зайп считал, что он и многие другие заключенные были спасены только благодаря Феликсу Керстену. Что же касается норвежских студентов, то утверждения Зиверса абсолютно абсурдны. Свободу они получили после капитуляции Германии. Но отрицать связи Зиверса с группой Хильшера нельзя — они были, и это подтвердило множество людей. Этот парадокс можно объяснить. Есть три варианта трактовки поведения Вольфрама Зиверса.

Первая. Зиверс был шизофреником: он имел настолько много личных мотивов, что днем мог играть роль эсэсовского офицера, совершающего преступления, а затем помогал друзьям из подполья. Но подобная трактовка кажется чересчур примитивной, к тому же психиатры на Нюрнбергском процессе не обнаружили у него никаких психических отклонений.

Вторая. Зиверс действительно попал в СС по заданию Хильшера и решился пойти на совершение преступлений, желая достигнуть еще большего влияния, чтобы использовать его на пользу Сопротивления («цель оправдывает средства»). История СС знала два подобных случая.

После войны западные публицисты ввели в оборот термин «дело Герштайна». Курт Герштайн после окончания войны заявил, что он был направлен в СС по заданию бенедиктинского ордена, чтобы засвидетельствовать преступления режима. По трагическому стечению обстоятельств он оказался причастным к уничтожению тысяч евреев. Во время процесса он при таинственных обстоятельствах погиб во французской тюрьме, что привлекло внимание общественности к его показаниям.

Двойную роль пришлось играть и Артуру Небе. Шеф немецкой криминальной полиции поддерживал тесные контакты с антигитлеровской оппозицией. Являясь эсэсовцем, он был назначен главой айнзатцкоманды, которая должна была уничтожать евреев в Белоруссии. В Берлин он «вернулся бледным от ужаса и полным решимости любыми силами устранить диктатора» (показания знакомых). После покушения на Гитлера он был арестован и казнен. Несмотря на все свои убеждения, именно он был ответственен за смерть 45 тысяч евреев.

Но испытывал ли Зиверс угрызения совести за сотни жизней, оборванных по его приказу в концентрационных лагерях? Нет, в кругу семьи он достаточно часто описывал бесчеловечные опыты, не выражая никакого сожаления.

Скорее всего, Зиверс попадал под ***третью*** интерпретацию. СС и Аненербе он использовал для удовлетворения своих личных амбиций и честолюбия, поддерживая при этом связь с Хильшером как личным другом и учителем, который произвел на него в начале 30-х годов неизгладимое впечатление.

Все равно сейчас очень сложно дать ответ на вопрос: что же двигало Зиверсом? Именно по этой причине из политических соображений большинство изданий предпочитало исключить из материалов Нюрнбергского процесса допросы имперского руководителя общества Аненербе. Многие небезосновательно полагали, что образ эсэсовского палача не совместим с идеалами антифашистской борьбы (не потому ли погиб Герштайн?).

ЧАСТЬ 2

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ НАД ЕВРОПОЙ

Глава 1

АЛЬФРЕД ШУЛЕР И МИСТИКА СВЕТА КРОВИ

Имя Альфреда Шулера почти неизвестно отечественному читателю. Но именно его, а не Гвидо фон Листа и не Йорга Ланца фон Либенфельса дотошные исследователи называют «гитлеровским пророком».

Когда и где произошла эта встреча — точно неизвестно. Но именно она во многом предопределила весь ход мировой истории XX века. Кто-то утверждал, что Адольф Гитлер познакомился с Альфредом Шулером в 1922 году в доме издателя Брукмана, где будущий фюрер слушал доклад великого мистика. Но эта версия оказалась несостоятельной, так как на самом деле будущий фюрер познакомился с Брукманом, одним из крупнейших антисемитских издателей, только в 1924 году, год спустя после смерти Шулера.

Впрочем, это ничего не меняет. Есть сведения, что Гитлер познакомился с Шулером благодаря графу фон Ревентлову, старшему брату известной во всех эзотерических салонах Мюнхена Франциски фон Ревентлов. Это кажется очень правдоподобным, так как в то время Гитлер очень интересовался вопросами религии. Именно граф Ревентлов познакомил Гитлера с национальным героем, генералом Людендорфом. Именно Ревентлов в 1933 году учредил вместе с бывшим евангелическим священником Якобом Вильгельмом Гауером «Немецкое религиозное движение», которое должно было охватить все немецкие религиозные общины и стать костяком новой Имперской церкви. Однако критики этой теории заявляют, что Франциска (Фани) очень рано рассорилась со своей семьей, а потому вряд ли она могла вести частые разговоры со своим старшим братом.

Другим не менее вероятным «каналом» знакомства Гитлера с Шулером является медик Вильгельм Цейс. Он был дружен с Шулером еще на рубеже столетий, а позже поддерживал постоянную переписку с Гитлером, в которой он давал диктатору «космические предупреждения». Один из очевидцев вспоминал, как встречался с

Цейсом на квартире «астролога и специалиста по тайным наукам» В. Моуфанга, проживавшего в Хайдельберге. Это происходило сразу же после Второй мировой войны. Эта встреча была, по сути, семинаром, на котором Цейс знакомил студентов с тезисами Шулера. Позже тот же очевидец встретился с Цейсом в его родном городе, где тот установил специфический крест — символ идей Шулера. «Цейс рассказал, как его, молодого студента, отыскал Шулер, приобщил к внутреннему созерцанию космистов, после чего тот бросил обучение медицине в университете. Позже он признался, что находился в постоянной переписке с Шулером и обладал кипой бесценных автографов Шулера. То, что я сейчас вспоминаю, это большая, чуть покосившаяся фотография Шулера, висевшая на стене. Мимоходом Цейс заметил, что где-то в ящиках лежала переписка с Гитлером, в которой он высказывал свои космические предупреждения». К сожалению, бумаги Цейса были утрачены в 50-е годы, и потому до сих пор очень сложно сказать, где и как Гитлер познакомился с Альфредом Шулером. Так кем же был человек, которого провозглашают «гитлеровским пророком»?

Альфред Шулер родился 22 ноября 1865 года в Майнце. Его отец женился на матери Альфреда только два года спустя после рождения сына, а потому некоторое время ребенок считался незаконнорожденным и носил фамилию Риз. Его родители были католиками, а отец занимал очень высокий пост в судебной системе. Свои гимназические годы Альфред провел в саарском городке Цвейбрюккен. В гимназии, где учился Альфред, углубленно изучали латынь. Именно по этой причине он был оставлен на второй год. Его знание латыни не удовлетворяло учителей. До конца обучения ему ежегодно приходилось проходить переэкзаменовки по этому предмету. Первый парадокс, которых мы найдем еще немало. Современники считали реинкарнацией истинного римлянина человека, который с трудом справлялся с латынью. Один из его сподвижников Людвиг Клагес как-то напишет: «В Шулере нас, современников, привлекало наверняка беспрецедентное, а в рамках «всемирной истории» крайне редкое явление — несомненное возвращение священного трепета от уже ранее прожитой жизни или новое воплощение неугасших искр далекого прошлого». Позднее сам Шулер назовет это состояние «вторичным рождением». Незадолго до окончания гимназии умирает отец Альфреда. Теперь мать и сын живут на небольшую государственную пенсию. После окончания

Альфред Шулер в юности

гимназии семья Шулера жила в Мюнхене, в скромной квартире в доме № 69 по Луизен-штрассе. Почти сразу же Альфред поступил в Мюнхенский университет Максимилиана Людвига, где сначала изучал юриспруденцию, а затем историю, историю искусств, а также археологию. Он с удовольствием слушал лекции светил науки — профессоров Траубе, Фуртвенглера, Генриха Брунна. Но завершить свое академическое образование ему не было суждено. В 1893 году молодой Шулер знакомится с философами Людвигом Клагесом и Карлом Вольфскелем. Год спустя он отправляется в Рим, где знакомится с поэтом Людвигом Дерлетом, который позже станет рупором агрессивного католицизма. Где-то в 1897 году Людвиг Клагес приводит Альфреда в кафе Стефана Георге. Четыре недели спустя уже на квартире Георге он излагает фрагменты своих идей. Чтобы оценить мистико-эзотерическое настроение подобных встреч и то, какое впечатление произвел Шулер, обратимся к описанию, которое дал Клагес.

«Кроме меня, присутствовали Георге, Вольфскель [с женой] и его (Шулера) мать. Представлялось все так: помогала и обслуживала приглашенных Шулером его старенькая мать. В самой хорошей, но не очень вместительной комнате достаточно скромная продолговатая доска, которую накрывают роскошными яствами. Свет свечей и римского трехфитильного светильника. Перед ними на металлическом цоколе копия «Adoranten». За этим лавр и другая зелень. Вокруг каждой тарелки венок из благоухающих цветов; чувствуется аромат ладана. После трапезы он (Шулер) начинает зачитывать наиболее сильные фрагменты, постепенно усиливая могущественный пафос. Это создает, я подразумеваю, магическое поле, сплачивающее все родственное, изгоняющее и отталкивающее все чуждое. Старая мать оседает; Вольфскель невосприимчив в психическом и духовном плане. Он пытается подключиться и раствориться со всеми. Его жена сидит безучастно, так как для нее это «слишком возвышенно». Георге еле-еле справляется с растущим возбуждением. Бледнея, он встает за его стул. Кажется, он не понимает, что происходит. Духовное напряжение становится невыносимым. Никто не слышит точно, что возвещает Шулер. Однако из грохота его голоса растет вулкан, который выбрасывает раскаленную лаву, а из жара лавы растут багровые картины, отдаляющие сознание и лишающие его. Когда это оканчивается, точнее, как это оканчивается, остается неосознанным, *что это* было. Этого не знает никто. В это время он держит в руке подготовленный букет: по одному лоскуту от венков, которые разорвал Шулер, чтобы подарить гостям на прощание. Внезапно я оказываюсь вместе с Георге на ночной улице. Только там я беру себя в руки: «Это безумие! Я не вынесу этого. Что Вы сде-

лали, чтобы заманить меня туда? Это безумие! Верните меня обратно! Верните меня обратно в трактир к честным гражданам, где совершенно обычные люди курят сигары и пьют пиво! Я не вынесу этого!»

В мюнхенско-швабингском кружке космистов, кроме самого Шулера, постоянно состояли Клагес, Дерлет, Георге, Вольфскель, а позже и графиня фон Ревентлов. В различное время в нем бывали самые различные люди, например «солнечный мальчик» Родерик Хух, который назвал Шулера «тайной душой космоса». Члены этого кружка, как правило, встречались в доме Вольфскеля. Возможно, причиной этого была обильная финансовая поддержка, которую получал Вольфскель от своего отца. Великолепное по стилистике, самоироничное изложение этого периода своей жизни дала отвергнутая всеми аристократами графиня фон Ревентлов в своем романе «Записки дам и господ». Родерик Хух, восхищавший многих своей молодостью и красотой, писал о немецкой богеме тех лет: «В действительности Швабинг был пестрой колыбелью изменения мира. Космисты сплотились вокруг Клагеса и Шулера, нигилисты — вокруг Ленина (тогда тоже жителя Швабинга). Это хороший пример двух источников реновации жизни на совершенно противоположной базе, которые, однако, сходились в одном — воле к уничтожению материалистического мещанского порядка того времени».

В конце XIX века Шулер начинает писать диссертацию о значении свастики. Но она так и осталась незаконченной. В 1900 году разошлись пути Шулера и Клагеса. В 1901 году Шулер ссорится с Дерлетом. Затем возникает конфликт с Вольфскелем и Георге. Позже Шулер не раз встречался с Вольфскелем. Впрочем, последний постепенно терял уважение к своему бывшему товарищу. Разрыв же с Клагесом оказался окончательным. Шулер чувствовал себя окруженным тайным еврейским заговором. Об этом говорят его короткие заметки: «Двусмысленно-недвусмысленные фигуры таинственных сцен: темный раввин — ужасная галицийская еврейка — еврейский «мистик», очевидно, уполномоченный тайного ордена. Зависимость «Блеттер» [печатного органа, в котором публиковался Георге] от еврейского централа становится очевидной... Тайное руководство обнаружено, и руководителя зовут: Вольфскель». Когда Вольфскель решил открыть некий еврейский «светильник крови», то этого оказалось достаточно, чтобы Клагес окончательно разорвал с ним отношения. Родерик Хух так описывал проблему распада кружка космистов: «Оба космиста — Шулер и Клагес — могли первое время спокойно общаться с Вольфскелем и другими чистокровными евреями, так как они искали не расу, а душу, сияющую духовную субстанцию. Вольфскеля они осудили только тогда, когда он

захотел открыть сионистский «светильник крови», а значит, в их представлении, собирался изменить космическую душу». Клагес просто возненавидел Стефана Георге за его связи с различными юношами: «...педагогический Эрос направлен исключительно к еврейским юношам... и едва ли требуется исключительная проницательность, чтобы увидеть, что бог, в которого он верит и которого он воплотил в 15-летнем юнце по имени Кронфельд, не что другое, как — Яхве!»

В 1912 году умерла мать Альфреда Шулера. Теперь у него не осталось средств к существованию. Он решил жить на средства своих покровителей. Позже он читал доклады перед состоятельной публикой, интересовавшейся оккультными и эзотерическими вопросами. За год до своей смерти Шулер читал доклады в доме издателя Гуго Брукмана и его жены Эльбы. Не пройдет и двух лет, как завсегдатаем в их доме станет Адольф Гитлер. Обычно свое выступление Шулер заканчивал прочтением стихотворения: «Мы снова приходим, мы не мертвы». Среди восторженных поклонников, которых Шулер нашел в доме Брукмана, был всемирно известный поэт Райнер Мария Рильке. В 1915 году, глубоко впечатленный, он писал: «Представьте себе, что человек интуитивно переносится в древний императорский Рим, пытается дать объяснение миру, в котором представлял мертвых как ныне существующих, а царство мертвых как единственно непознанное бытие, а отведенную нам короткую жизнь представлял как некое исключение из этого. Все это подкреплено исключительной эрудицией, такими перепадами внутренних убеждений и переживаний, что смысл незапамятных мифов становится понятным, в русле его речей, казалось, столкнулись смысл и своенравие странного чудака, неся его по течению».

Альфред Шулер скончался 8 августа 1923 года во время операции на кишечнике, пораженном раком. Своим наследником он назначил последнего спутника жизни — молодого садовника Йозефа Майера.

С психоаналитической точки зрения Шулер никогда не оставался большой загадкой. Крайняя привязанность к матери, с которой он жил до ее смерти в одной квартире. Просьба похоронить его после смерти в соседней могиле. Все это указывает на классический эдипов комплекс, по-видимому, с вытекающим оттуда неизбежным гомосексуализмом. Некоторые исследователи ассоциировали его с гомосексуалистами, но не расшифровывали свой анализ. Некоторые даже указывали на педофилические наклонности. В своих изображениях Древнего Рима Шулер уделял внимание «домам мальчиков», впрочем, как и «домам девочек», что могло указать, что его фантазии отличались от классического гомосексуализма. Впрочем,

до сих пор не ясно, имел ли действительно Шулер гомосексуальные контакты. Нередко описания сексуальных контактов он мог приводить как желаемый вариант во время погружения в историю.

Многие высказывания Шулера говорят о высокой степени самоосмысления. В своем предисловии к «Тиберию» он резюмировал: «Умственное одиночество и заглушенная безнадежность в пределах сильно подавляемой половой страсти... При этой попытке конструирования автопсихических состояний на гомосексуальной почве инстинктивное чутье привело меня в глубь творчества назарейцев[1]... Повсюду переход к непосредственно придвигающейся реальности». Шулер также вел речь о своей «страсти» к офицеру Карлу М. Но при этом он подчеркивал, что «смелая и опасная реальность подобных отношений» вовсе не должна была автоматически основываться на взаимности. Впрочем, в те времена «опасность» такой «страсти» была преувеличена. Через одно из издательств Шулер установил контакты с Генри Папюсом, который в 1896 году под псевдонимом «Господин Икс» опубликовал брошюру «Случай Оскара Уайльда и проблема гомосексуализма». В ней он требовал отмены 175-й статьи Уголовного кодекса Германии, которая предусматривала преследование гомосексуалистов. Альфред Шулер вел переписку с Генри Папюсом почти 15 лет. В 1902 году Шулер наряду с врачом Магнусом Хиршфельдом и другими видными деятелями Мюнхена стал учредителем Научно-гуманитарного комитета. Комитет был основан, чтобы бороться за отмену 175-й статьи, объяснить общественности, что собой являет гомосексуализм, и наладить сотрудничество с полицией по делу о вымогательстве и шантаже.

Сведения о гомосексуальных пристрастиях Шулера позже породили множество всевозможных спекуляций. В частности, некоторые авторы утверждали, что Гитлер и Шулер познакомились еще до Первой мировой войны, когда Адольф посетил одно из выступлений Шулера в Мюнхене, и между ними возникла сексуальная связь. Любовная связь между Гитлером и Шулером, конечно, полная ерунда. Но некоторые очевидцы утверждают, что Гитлер действительно присутствовал на одном из публичных выступлений Шулера, где был просто околдован его непривычным национализмом и мистическим антисемитизмом.

Почти постоянно Шулер был подвержен депрессиям, которые были вызваны его уединенностью и безнадежностью. У него появляются параноидальные черты. В частности, он заявляет, что его духовные устремление парализовал некто, прошедший через «черную реку». Он считал, что его семья пала жертвой сумрачных сил.

---

[1] Немецкие художники-романтики XIX века.

Смерть его отца была связана с «убийственным запахом», дом и имущество его отца были разрушены — на его семью «как бы во сне нападают», ее изничтожают, словно издеваясь над ним. Сам он признавался, что никогда не боялся, но теперь его не покидает страх перед смертью. Его дела шли не очень хорошо. Он полагал, что его жизнь «была выпита алчным вампиром». Анализируя подобные высказывания, психоаналитик Кальтенбруннер сделал вывод: «Эта манихейская навязчивая идея о гнусном покушении Молоха на душу, кровь и жизнь прошла через весь гнозис Шулера».

Почти все изображения, в которых Шулер описывал конкретные сексуальные ситуации, ясно указывают на его мазохистские склонности. С другой стороны, о его садистском отношении говорит описанная им сцена, когда прирученные им ученики отрубали головы голубям. Так, Шулер писал в замечаниях к «Голубям Триаса»: «30 сентября. Голуби Триаса являются в контурах детских воспоминаний о молодом кузнеце, крепким кулаком сносящим голову белого голубя... Маленькая ярко-красная лужа и замечание молодого 17-летнего убийцы Клеменса. Он с удовольствием свернул сизую головку, и теперь она свободно болтается на шее. В то же время я, полный горячей жадности от его свежей силы и жестокости, повелел убить еще трех голубей. И прямо на моих глазах он всадил ноготь большого пальца в затылок этим существам. Я наблюдал, как красный голубь в агонии расставался с жизнью». Затем слушателям были представлены рассказы о ритуальных убийствах и ужасы процессов над ведьмами. Темы, которые были предопределены не столько познавательным интересом, сколько его личным садизмом. Молодому рабочему Шулер советовал сжечь фабрику: «Не забудьте также школы, сиротские дома и приюты для глухонемых. Последние должны сгореть со своим содержанием. И ласкайте своей пенис, когда мышата, ворующие зерно общества, будут плясать в пламени». Шулер не просто классифицировал глухонемых как социальных паразитов, он призывал их сжечь. Но здесь он следовал вовсе не за социал-дарвинистскими посылами: сгорающие люди должны дать сексуальное возбуждение юношам. Шулер планировал также освободить великого Ницше от его безумия. Для этого планировалось провести особый обряд, когда вокруг философа должны были танцевать обнаженные юноши с браслетами на руках. При подобном лечении сексуальное возбуждение играло такую же важную роль, как и созерцание болезней и жестокости. Какие сцены жестокости задумал Шулер, остается неизвестно. Но не исключено, что это могла стать некрофилическая оргия. Клагес утверждал, что Шулер видел в культе смерти некую эротическую мистерию. В доказательство этого Клагес приводил рассказ о том, как Шулер анализи-

ровал одно литературное произведение, в котором двое влюбленных ночью при свете луны впервые целовались на свежей могиле своей родственницы. Умершая родственница как бы вдохнула в них этот эротический порыв.

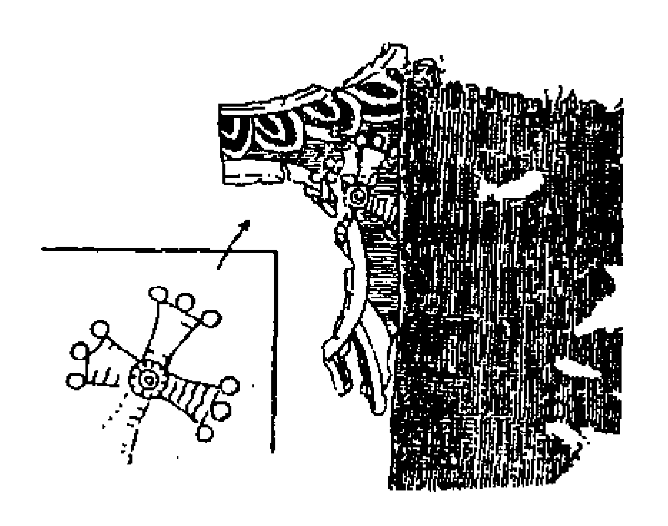
Как не покажется странным, но подобные взгляды нашли свое воплощение в Третьем рейхе. Речь здесь надо вести не о Гитлере, а о рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере. Он не раз высказывал мнение о том, что в древности у германских народов существовал обряд отдавать девочек на выданье в село, где они проходили инициацию, совокупляясь с сельскими юношами на могилах предков. Кроме этого, многие очевидцы говорили, что он лично присутствовал при наказаниях и казнях женщин-заключенных, а позже начал проецировать медицинские эксперименты в область сексуальных отношений. В этом отношении он выглядел как весьма последовательный ученик Шулера. Хотя почему бы и нет. Они жили в одно и то же время, в одной и той же немецкой земле. Шулер искал в то время себе высоких покровителей, а отец Генриха Гиммлера был воспитателем принца из королевского баварского дома Вительсбахов. Хотя это только догадка.

Альфреда Шулера нередко называли гностиком. Что же скрывалось за этим понятием? Мистическое познание (гнозис) должно было дать ответ только на один очень старый вопрос — откуда берется зло — unde malum? Католики, которыми были родители Шулера, не могли дать на него ясный ответ. Если все же Бог является Всемогущим и Всеблагим, то как он может допускать вмешательство в земную жизнь врага рода человеческого — Сатаны? И если он Всемогущ, то почему он просто не избавится от зла? Значит, он тоже ответственен за него? Аргумент о свободе как подарке Бога человеку, которая в итоге является условием для ошибочного пути в восприятии зла, сводит эту проблему к вопросам о качестве такой свободы, природе зла и его возникновения. До сих пор верующие не получили убедительных ответов на подобные вопросы. Именно в этом вопросе находилась ахиллесова пята христианской церкви.

Одновременно с формированием христианства в первые века нашей эры в античном мире стало формироваться учение, которое считало, что давало веский отклик на подобные вопросы. В целом его назвали гностицизм. Это учение было достаточно пестрым. Оно базировалось и на еврейской мистике (учение об Апокалипсисе), и на греческой (учение Платона и стоиков), и персидской (зороастризм) и даже индийской и египетской. Дюжины религиозных групп строили различные системы с различными богами, спасителями, представителям зла и также множеством добрых духов. Все это они

снабжали собственной терминологией. Во многом эти группы и группочки отличались друг от друга, однако их объединяло одно — дуалистическая суть их учения. В дуализме имеются два божества, два царства: царство мрака и царство света со светлым божеством во главе. В гностическом «Тайном учении от Иоанна», апокрифическом сказании IV века, этот светлый Бог описывался следующим образом: «Он — беспредельный свет, святая, истинная чистота. Он — Неописуемый, Совершенный и Бессмертный... Вообще невозможно, чтобы кто-то понимал его. Он не является никем из существующих, но есть предмет, который превосходен. Не как если бы он был превосходен сам по себе, но его сущность даже не имеет доли вечности. Для него не существует времени... Но перед ним не было никого, так как он существует только в самом востребованном совершенстве света, только им постижимом истинном свете. Беспредельная величина, вечный жертвователь вечности, свет, светлый жертвователь, жизнь, жертвователь жизни... Сказано нам — свет, который постижим только ему, который окружает его, который является источником жизни, светом полной чистоты, источником духа, живой водой».

В некоторых версиях гностической космогонии царство мрака теперь наступает на царство света, что и приводит к злополучному смешиванию миров. Именно злое божество создавало землю, светлый же бог имеет с ней мало общего. Светлый бог воплотил часть себя в материальном, сотворенном злым божеством мире, где свет оказался заключенным в душах живущих людей. Плененный в тюрьме материального тела божественный свет (душа человека) не знает о своей божественности и своем пребывании в телесной темнице. Она как бы одурманена, как бы спит. В манихейских исповедальных книгах об этом говорилось, что душа родилась «в этом доме ужасов, этом замке смерти, в этой отравленной фигуре, воплощенной в костлявом теле».

Манихейский крест, перешедший к катарам

В «Тайном учении от Иоанна» также описывалось возникновение материи и взятие души в телесный плен: злые архонты сделали новое творение из земли и воды, из огня и ветра, а значит, из материи мрака и желания и протестующего духа, что стало нашими оковами. Эту пещеру сотворенного тела они преподнесли человеку, наложив на него оковы забвения. Так человек стал смертным.

Но душу, которая забыла свое божественное происхождение, можно разбудить, привести ее к воспоминаниям. Это было доступно потомкам царства света, которые могут узнать о своей светлой божественной основе и вести истинное познание — по-гречески гнозис. Такие разбуженные люди почти сразу же играли роль пророков или священников.

Например, в «Тайном учении от Иоанна» Иисус Христос сообщал: «Я ведь являюсь богатством света. Я — мышление изобилия света. Однако я шел в величии мрака, и я выдерживал это, до тех пор, пока я не покинул тюрьму... Это тюрьма тела. И я говорю: «Тот, кто слышит, проснется от глубокого сна»... Однако я сказал тебе все вещи, чтобы ты записал их и передал в сокрытом виде, так как эта тайна не для колеблющихся». Среди тайн, которые были переданы, значились и таковые: «Проклят каждый, кто передаст эти тайны ради еды, пития, одежды или других вещей».

Наряду со строгим дуализмом, который предусматривал двух одинаково сильных божеств — светлого и темного, — всегда существовал более умеренный вариант. Здесь наличествует только одна павшая светлая сущность, которой и приписывается ответственность за соединение материи и души. Зло здесь строго не отделено от добра, но является павшей частью светлого.

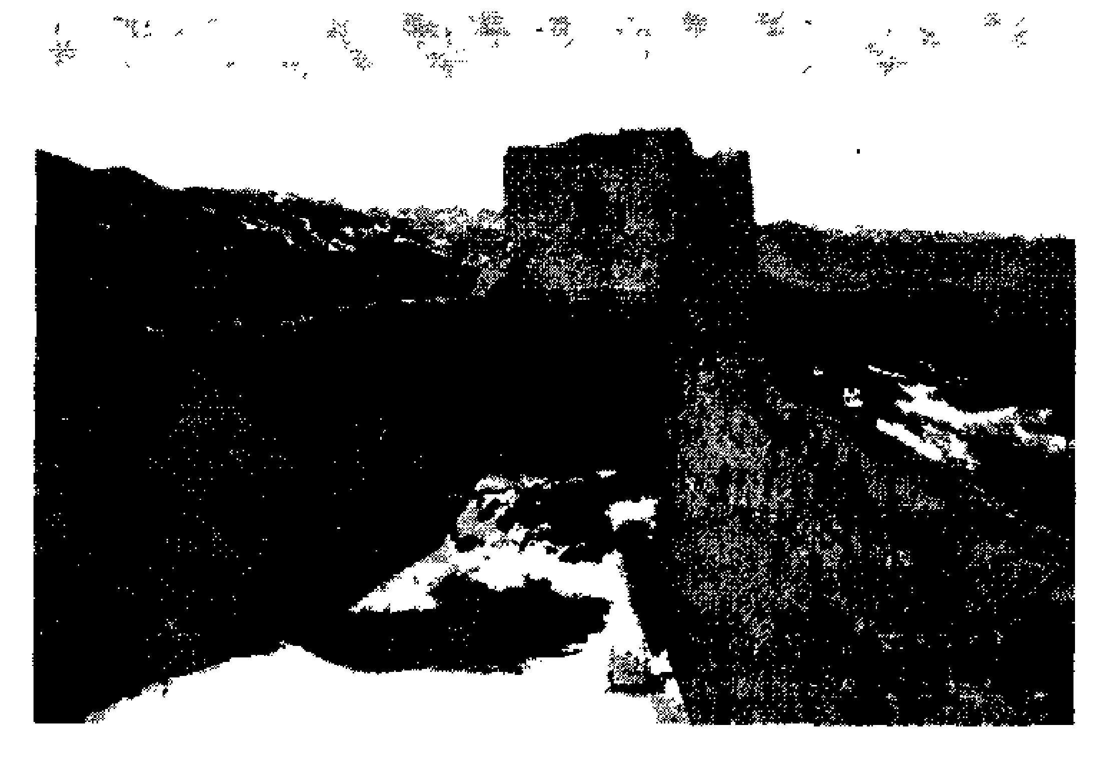
Следовательно, одна из основных мыслей гнозиса сводится к тому, что современный мир представляет собой некое переходное состояние, возникшее из-за какой-то ошибки, и в определенный момент все будет исправлено благодаря вмешательству божественного света. И хотя гностики часто называют Иисуса Христа Спасителем, но все же они не являются не только христианской конфессией, но даже христианской сектой. Конечно, христианство повлияло на гностиков, но вовсе не породило их. Корни гностицизма уходят слишком глубоко в древность. Самые первые следы можно найти в Иране. За 600 лет до нашей эры здесь распространял свое учение пророк Зороастр (Заратустра), создатель дуалистического Маздаизма — парсизма. От названия последнего, кстати, и произошло название Персия. В этом учении доброе сверхбожество Ахурамазда (дословный перевод «Господь Премудрый») позволил создать темному божеству Анхра-Майнью (Ахриману) царство мрака. В определенной степени эти два божества были уравновешены: Ахурамазда создает шестнадцать стран добра, столько же стран зла создает Анхра-Майнью. В противовес чистым «ахурийским» животным Анхра-Майнью создает драконов, змей и прочую нечисть. В тот момент персы оказались рассеяны по Востоку и Индии, где они скрывались от мусульманского преследования.

Если так можно выразиться, на пятки Заратустре наступал другой перс Мани, живший в 216—277 годах нашей эры. Он создал свое учение уже на основании существовавших религий. Переводя свои книги и тексты на иностранные языки, он надеялся создать некую мировую религию. Он был намерен объединить учения Заратустры, Будды и Христа. Его религиозное построение имело строго дуалистическую основу. В ней наличествовали два равносильных божества. К созданной им религии некоторое время вполне лояльно относились в империи Сасанидов. Но затем Мани был арестован. После длительного заключения он был казнен 26 февраля 277 года. Причина этого крылась в том, что зорастрийские священники увидели серьезную опасность в манихейском учении. Труп Мани был изувечен и выставлен на всеобщее обозрение. Почти тысячу лет с III по XIII век манихейство распространялось по Азии, Северной Африке и Европе. В VII веке центр манихейской религии переместился в Вавилон. В VIII—IX веках манихейство было официальной религией в государстве уйгуров, располагавшемся на территории нынешней Турции. Учение Мани проникло даже в Китай, где просуществовало до XVII века! Гностически настроенные группы мусульман сохранились среди турецких алавитов. Вот цитата из их «Книги теней»: «Когда появляется зародыш, то на него спускается хороший дух; это светлый дух веры, который создан Светлым богом. Теперь он заключен в теле... Он огорчен и плачет... Он созерцает тело, которое является тюрьмой для духа верующих... Он покинет это тело, когда наступит познание». На настоящий момент из 67,8 миллиона турок около 15 миллионов являются последователями алавитидской веры. Гностицизм существует до сих пор. Он дошел до нас в виде теософии, розенкрейцеров, антропософии. Кстати, создатель последней, Рудольф Штайнер, даже выпускал журнал «Люцифер-Гнозис». Гностицизм оказал влияние на творчество многих писателей и философов: Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Германа Гессе, Томаса Манна, Карла Густава Юнга, Мартина Хайдеггера и т.д.

Гностицизм разбивал все человечество на три группы, в зависимости от содержания в них света. В самом низу этой иерархии находись хюлики (от hyle, по-гречески — материя). Их сущность следует уже из самого названия — пустая материя. Далее следуют физики. Они имеют, как уже отражено в их названии, душу и могут при определенных обстоятельствах «пробудиться». Выше могут быть только пневматики, которые состоят из пневмы (божественного духа), который изначально происходит от светлого изобилия — плеромы. Они представляют собой светлую вершину человечества. В одном из поздних гностических кодексов мы можем прочитать: «До конца мира существуют три человека и их потомки: пневматический, пси-

хический и земной. Им соответствуют три феникса рая: первый бессмертен. Второй проведет 1000 лет. О третьем в святой книге написано, что он будет изведен. Так имеется три вида крестин: духовные, крещение огнем и водой». И в другом месте мы можем прочесть о трехчастном делении человечества: «Пневматический вид как свет от света и как пневма от пневмы ждет полное спасение». «Психический вид как свет от огня медлит осознать». Он стоит «в середине» и должен сам определиться относительно добра. «Хюлический тип враждебен в любом отношении, так как он темен и препятствует подъему света... Он воплощенная ненависть к Господу» и обречен на забвение.

Если человечество однажды было разделено на три части, то далеко не всем было свойственно разделять элитарное положение носителей света. Ограниченные темные хюлики в своих собственных закрытых кругах заботились о своей собственной божественности, которая благодаря миссионерской деятельности должна была подготовить новый подъем к свету. Следовательно, «исключение превосходством» гностиков должно находиться в тени, не быть явным. Причем не всегда закрытость этих кругов избиралась добровольно. После того как христианство в Римской империи стало легальным, в государстве шла активная борьба различных конкурирующих религиозных систем, в том числе в борьбе принимали участие и гностики. Многие христиане и даже священники были сторонниками гностического пророка Мани, как бы поставляя боеприпасы для этой теологической войны. В молодые годы даже Блаженный Августин был приверженцем этой линии! Но вновь и вновь наш взгляд обращается на гностицизм в связи с событиями более поздними. В раннем Средневековье он получил очень широкое распространение в Северной Италии, рейнской Германии и Южной Франции. Новая вера прибыла в Западную Европу по торговыми путями из Болгарии. Возникшее в Болгарии в X веке, это учение получило название богомильства, а последователи именовались богомилами. В определенной мере наследовали еретическое учение павликан, которое было очень широко распространено в Восточной Римской империи. Привившись в Западной Европе, это гностическое направление называлось по-разному. В немецких землях католические священники идентифицировали его с манихейством. Во Франции новых гностиков назвали альбигойцами (от города Альби), вальденсами (от имени лионского купца Пьера Вальода, который, как гласят легенды, раздал свое имущество и провозгласил бедность жизненным идеалом). Сами же себя они назвали катарами, то есть чистыми. В начале XII века возникла реальная угроза, что католичество будет вытеснено не только с Юга Франции, но и из Фландрии,

Руины замка Монсегюр – последнего оплота катаров

Шампани и некоторых германских земель. Церковная и светская власть решили объединить свои усилия. Был провозглашен крестовый поход против еретиков. В 1209 году армия численностью в 50 тысяч человек вторглась в графство Лангедок. Началась страшная резня. Например, в городе Безье на площади перед церковью святого Назария было собрано 20 тысяч человек, которых начали избивать крестоносцы. Именно оттуда пошла известная легенда. Узнав, что вместе с катарами в толпу затесались католики, крестоносцы обратились к епископу: «Как отличить еретиков от правоверных католиков?» Последовал жесткий ответ: «Убивайте всех, господь отличит своих». Этот крестовый поход закончился несколько десятилетий спустя. Последним оплотом катаров стал замок Монсегюр, который считался священным. В марте 1244 года после 10 месяцев осады замок пал. После падения Монсегюра в живых осталось около 400 человек. Из них 200 были «совершенными» (parfaits) — священниками катаров. Все они были сожжены на кострах инквизиции. После этого гностические традиции были перенесены в залы тайных обществ.

Многие воспринявшие гностицизм видели возрождение духовного света в другом теле после смерти. Но новое тело было лишь новой тюрьмой для духа. Пневматики были призваны сломить этот зловещий круговорот постоянного томления души в темнице тела и приблизить царство света, установить его на земле и воссоединиться с божественным светом.

Когда речь идет о свете как божественном проявлении, то, как правило, говорилось о метафизическом, невидимом свете. Только отдельные гностические системы, например, созданная Мани, рассматривали физический свет — от Солнца, звезд или Луны — так же, как метафизическое понятие. Мани считал, что Солнце и Луна возникли после распятия злого архонта. Эти светила были призваны при помощи света ослаблять его мощь. То есть Солнце и Луна были созданы из очищенного, *истинного света*. Как же протекало возвращение света в царство доброго божества? Это описывалось так: «Чтобы возвратить свет обратно домой, привлекалась третья сторона. Она позволяла очищенному свету при помощи трех колес (огня, воды, и ветра) через «колонну величия» (Млечный Путь) достигать лунного корабля света, на котором при полнолунии, когда он полностью является светом, отправляется к Солнцу, а оттуда к новому Эону». В манихейской проповеди это описывалось так: «Я могу перед собой открыть двери к колонне (величия)... Я могу переправиться на корабле света и обрести спокойствие».

В некоторых гностических системах духовный свет мог находиться даже в животных и растениях. В одних случаях это вело к вегетарианству, которое должно было помочь не мешать душам, «пойманным» в тела животных. В других случаях это, напротив, приводило к ритуальному обжорству, дабы аккумулировать пойманный свет в собственном теле. Таким образом, при помощи растений и животных предполагалось обеспечить собственную «поездку» в спасительное царство света.

В качестве примера научно обоснованной гностической системы могут служить *сетианцы*. Их вера была основана на так называемом «Евангелии от Египтян». Это произведение датируется где-то концом II века нашей эры. Согласно их представлениям, на Высшей Плероме — аналоге небе — находится невидимый дух. Здесь эта высшая сущность наложила пять печатей. На Нижней Плероме находится Просветленный — Фостер Элелет (Несущий Свет = Люцифер), который жаждет распространить свое влияние на материальный мир. Хюлическая София и построивший мир демиург Саклас затем создают человека. В этом случае в основе гностицизма лежит не злая интервенция мрака в материальный мир, не божественная ошибка во время его творения. Отцом обычных людей является Адам, людей просветленных — Сет. Эти святые гностики живут в Содоме. «Сет влил свое семя в отдельных специально отобранных для этого людей». Исследователи предполагают, что «Евангелие от Египтян» было названо так именно потому, чтобы привлечь внимание религиозных египтян. Подчеркнуто египетский характер этого учения был выбран для того, чтобы гностический Сет составил кон-

куренцию египетскому богу Сету. Иная интерпретация событий в Содоме и Гоморре противопоставляет египетскому Сету, у которого наблюдали некоторые гомосексуальные склонности, нового гностического Сета, пришедшего из иудаизма. Но и заимствования из иудаизма были только частичными. Так, например, заклейменные позором в Ветхом Завете содомиты у сетианцев, напротив, интерпретировались как избранный род. Здесь, как и вообще часто при создании философских или религиозных систем, приходит искажение, инверсия: в изначальных текстах некоторые фрагменты либо искажаются, либо вовсе трактуются наоборот. Погрязший в грехах Содом Ветхого Завета в «Евангелии от Египтян» был превращен в место сбора святых сетианцев. Или еще пример инверсии. Чтобы спасти сетианцев от Сатаны, Сет прибыл им на помощь в виде Иисуса. Христос является снова в сетианской космогонии как божественное пламя в Нижней Плероме, но он совершенно другое явление, нежели Иисус, в которого воплотился Сет. Уже столь запутанное изобилие упомянутых здесь персонажей указывает на чрезвычайную сложность сетианской мифологии.

Почти все мировые религии обнаруживают в себе некие гностические мотивы. Например, христианская мистика мастера Экхарта предусматривает, что в сути человека заложена scintilla animae (искра души), которая стремится к воссоединению с богом. Архитектура готических соборов возвращает нас к французскому аббату Сугеру из Сен-Дениса. Этот аббат подробно знакомился с произведениями пятого века, в частности «Мистического богословия» Дионисия Псевдо-Ареопагита. Именно в этом произведении было найдено вдохновение для создания готического стиля церквей аббатства Сен-Денис. В «Мистическом богословии» утверждалось, что Бог — это свет. После прочтения этой мысли активный парижский аббат стал увеличивать окна церквей, дабы Бог мог попасть в храм. Более того, оконные проемы строились так, чтобы свет струился на аналой. В итоге гностическая мысль Дионисия Псевдо-Ареопагита сыграла решающую роль в возникновении готической архитектуры.

Одним из главных различий христианства и гностицизма была андрогинная, двуполая природа гностических божеств. Впрочем, частично имелось нечто общее в области таинств: многие из гностических групп придавали христианскому крещению особое значение. Но с другой стороны, манихеи и катары отказывались от крещения в материальной воде. Вместо традиционного крещения катары осуществляли ритуал consolamentum — крещение духом посредством наложения рук. Или еще пример, некоторые гностики перед смертью для заключительной победы души над телом и воссоединения ее со светом практиковали елеосвящение или соборование.

Бог Ветхого Завета и троичный христианский Бог излучали свет, но для гностиков они не были идентичными. Они не признавали, что христиане и ветхозаветные иудеи поклонялись одному и тому же божеству. Ветхозаветный Бог иудеев, создавший землю, материю, мог ассоциироваться у гностиков только со злым божеством, ответственным за бедствия сего мира. Следуя этой логике, гностики нередко ставили знак равенства между Яхве и Сатаной. В итоге иудеи и евреи вообще рассматривались многими гностическими системами как дьяволопоклонники. Не удивительно, что евреев почти автоматически зачисляли к хюликам. Именно в этой предпосылке кроются давнишние антисемитские и антииудейские традиции гностицизма. Сам же Христос рассматривался гностиками как борец против еврейского божества. Согласно христианскому теологу Иренею, сирийский гностик Саторнил, живший во II веке нашей эры, учил, что Христос явился для уничтожения бога евреев.

Гностицизм во многом — это классическая религия кризисов: люди ставили вопрос о происхождении зла только тогда, когда дела у них шли из рук вон плохо. Гнозис можно считать некой протестной религией, которая обращается к интеллектуальной элите, делая упор прежде всего на политические и хозяйственные сложности.

Но вернемся к Альфреду Шулеру. Почему же Шулера назвали последним немецким катаром? Напомню, Альфред Шулер родился в 1865 году в Майнце, месте, которое еще в начале XII века было заселено катарами. До наших дней дошли даже остатки их кладбища. Монах Экберт Шонау, будучи еще молодым каноником, в 1140 году оказался в этих местах. Здесь он впервые познакомился с катарами, которые были очень распространены в Рейнской области Германии. Местные катары, подобно католикам, пытались вести свою миссионерскую деятельность. Позже Экберт Шонау использовал приобретенные им в Майнце знания для того, чтобы писать речи, обличающие альбигойскую ересь. Во время процессов и массовых казней он отмечал: «Они шли на мучительную смерть от огня не просто бесстрашно, но даже с какой-то радостью». Шулер с детства интересовался этим сюжетом, хотя его родители и не были коренными жителями этих мест.

Его интерес укрепился, когда он познакомился с литературой, посвященной тайным наукам, которая в изобилии издавалась в XIX веке. Пожалуй, решающую роль здесь сыграли книги Генри Папюса, который, кстати, обращался в письмах к Шулеру не иначе как «господин и мастер». Сам Папюс был человеком, который проявлял к катарам и гностицизму далеко не просто праздное любопытство. В 1907 году он основал Гностическую католическую церковь, кото-

рая появилась после раскола Неоальбигойской церкви, учрежденной в 1890 году в Париже его помощником Жюлем Дуанэлем.

Переписка Шулера с Папюсом началась в 1899 году и длилась почти полтора десятилетия. Влияние Папюса на Шулера было несомненным. В одной из статей Шулера можно было прочитать о всезнающем мастере с обликом змеи, который продолжал трактование Библии. В опубликованной ранее «Зеленой тетради» Папюса можно было найти такой отрывок: «Человек осознавал источники всего плодородия и ел со своей женой прекрасные плоды и с благословения мастера отдыхал на них. Они вступили из жизни грез в осознанную и самостоятельную жизнь детей света. Они почитали память мастера в облике змеи». О подобном почитании мы могли узнать у ряда средневековых философов. Кроме этого, в ряде произведений Шулера находятся места, в которых он позитивно отзывается о змеях:

> О, позвольте по новой пожертвовать нас
> сладкому змеиному богу,
> место Эроса будит священный озноб.

Или другой фрагмент:

> У того мага в черной мантии,
> что стоял у колонны со змеями на груди?

Или вот еще одно из возможных заимствований. Выдержка из высказываний Шулера о музыке: «Даже музыка, которая сопровождает званые обеды, здесь восстановлена в первоначальном исходе. Она звенит в сладком благозвучии как вибрирующая ось, натянутая между этим и потусторонним миром. Это исходный пункт всей музыки». А вот что писал Папюс в своей «Зеленой тетради»: «Струны, которые натянуты как ось между этим и потусторонним, всегда вибрируют в сладком благозвучии». Из «Зеленой тетради» Папюса Шулер позаимствовал и формулировку о «большой Телесме».

Несомненно, что Шулер черпал свои знания о гнозисе и гностицизме поначалу главным образом из тетрадей Генри Папюса. Но со временем его познания расширялись. Один очевидец вспоминал, что как-то рылся в архиве Шулера: «Он содержал большой список оккультных работ, который был либо составлен самим Шулером, либо, по меньшей мере, откуда-то переписан. Основные части этого материала касались высокопоставленных масонов и теософии. В нем упоминалась, прежде всего, мысль Е.П. Блаватской о «семи формах сознания»... Упоминался французский неогностик Элифас Леви, немецкий теософ Франц Хартманн и оккультист Карл Кизеветтер». Несмотря на интерес к оккультной тематике, Альфред Шу-

лер очень негативно и даже враждебно относился к масонству. Достаточно одной цитаты: «Масон как протокозел иудаизма».

Шулер проявлял интерес и к тамплиерам, которые из-за своего поклонения бородатой голове, именуемой Бафометом, были сожжены на костре. Он объявлял рыцарей-храмовников скрытыми гностиками. Вполне возможно, что у них имелись связи с катарами и исламскими гностиками. Возрождение тамплиерского учения официально произошло в конце XIX века, когда Карл Келлер и Франц Хартманн основали в 1895 году оккультный «Орден восточных тамплиеров». В 1905 году руководство орденом перешло к Теодору Ройссу, а позже к англичанину Алистеру Кроули. Во многом ритуалы «Ордена восточных тамплиеров» были восприняты уже упоминавшейся Гностической католической церковью. Что касается ориентации Шулера на французских тамплиеров, то именно она послужила предпосылкой для экспорта этого учения в Германию. Традиционно считалось, что гностическая традиция передавалась по следующей линии: катары — тамплиеры — розенкрейцеры — масоны. Но во многом подобное предание являлось профаническим. По-настоящему цепочка передачи гностических традиций от поздней античности к произведениям Шулера осталась сокрытой, тайной. Шулера считали последним немецким катаром, так как именно он ясно воспринял в своих произведениях традицию французских гностиков и альбигойцев, да к тому же в отличие от многочисленных представителей неогностицизма он действительно верил в то, чему учил. Людвиг Клагес, которому Шулер жаловался, что его высасывает какой-то вампир, повсюду рекламировал влияние катаров на произведения своего друга.

Тот же Клагес сообщал следующее о подготовке к серии докладов о сущности Рима, «вечного города»: «Я превратил мое участие в добычу материала (например, о стоиках) и повторному изучению каждого доклада». В своих докладах Шулер непосредственно обращался к гностическому «Евангелию от Египтян». «Я заканчиваю это рассмотрение несколькими местами из так называемого «Евангелия от Египтян», которое, перемещенное в этот круг идей, достигает новое значение. Иисуса спросили, когда придет его царство, он ответил: «Когда два станет одним, а внешнее (то есть смесь субстанций в теле) будет как внутренним (смесью субстанций в свете), но не будет мужским, ни женским». После этого последовала ссылка на три вида бесполости, приведенные в Евангелии от Матфея: «Он же сказал им: не все вмещает слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

В своем докладе «Дома жизни» Шулер привел в качестве доказательства проникновения христианства в дворцы римских императоров граффити, на которых изображался распятый мужчина с головой осла. Подпись к рисунку гласила: «Алексаменос молится своему богу». Клагес указывал, что речь шла о смешанной сущности, почитаемой христианской сектой гностиков, которая приравнивала Христа к египетскому Сету. Речь идет об уже знакомых нам сетианцах.

Но пока вернемся к некоторым фактам биографии Шулера. Как мы помним, он в 1894 году с Дерлетом. Это был человек, который не только проповедовал агрессивный, почти орденский католицизм, но и был прекрасно знаком с другими религиозными течениями. Впервые гностическое влияние он ощутил после знакомства с сэром Жозефом Пеледаном, гроссмейстером ордена розенкрейцеров и храма Грааля. Несколько позже Дерлет, подобно Шулеру познакомился с Генри Папюсом. Именно Дерлет подсказал Шулеру одну интересную мысль.

В своем докладе «Термы, игры, солнечный ребенок и цезаризм» Шулер указывает на возможность пролития крови для овладения светом противника. Он очень рекомендовал изучить по теме «Кровавые ритуальные убийства» труды баварского философа Баадера. Франц Бенедикт фон Баадер (1765—1841) родился и умер в Мюнхене, где совместно с Якобом Бёме изучал теософию. В своем окружении он считался гностиком, хотя на самом деле всю жизнь оставался католиком. Именно Баадер был одним из тех мостиков, которые вели к немецкому идеализму.

Подводя некоторые итоги, можно смело утверждать, что Шулер соприкоснулся с гностиками и французскими катарами только благодаря контактам с Генри Папюсом. Подобное же можно сказать и о Дерлете. Клагес, который сам интересовался гностиками, принимал участие в подготовке самого знаменитого доклада Шулера «О сущности вечного города». Кроме этого, он занимался изучением различных теософов, которых Шулер цитировал в своих произведениях.

Но все вышеперечисленное — это только, так сказать, внешние признаки того, что Шулер был гностиком и катаром. Внешние признаки должны быть подтверждены некими внутренними убеждениями, которые проще всего найти в произведениях Шулера. Не надо ходить далеко, остановимся на его докладе «О сущности вечного города», одной из задач которого являлось гностическое просвещение публики: «Мои речи «О сущности вечного города» полны психического содержания. Они обращены к душе, а не интеллекту. Они несут психические колебания и пытаются найти внутренние

источники света у слушателей. Они — эротические поклонники, их намерение совокупиться и родить свет, то есть совершить религиозное действие».

Шулеру надлежало вдохновить слушателей своими словами, которые должны были пробудить в них внутренний свет. Он действительно обращался к душе, а не рассудку.

Некоторые из своих докладов Шулер заканчивал словами: «Пришло время имени, облаченному в плоть, открыть тайну лампы и помчаться на упряжке Гелиоса над свежими трещинами дымящейся пашни, приближая душевное зарево». Понятие «лампы» относится к древней гностической традиции и встречается уже в оригинальных манихейских трактатах.

Шулер считал, что символами света могут быть не только определенные драгоценные камни, но и курица. «Белая курица является символом телесматического светильника души. Это курица души... куриная мистерия». Понятие телесма (от греческого *фелейн* — завершение) впервые встречается у легендарного мага Гермеса Трисмегистаса. Он употребил его своей книге «Таблица Смарагда», на которую опирались многие средневековые гностики. Сама книга до сих пор остается загадкой. Нет никаких указаний ни на время, ни на место ее появления. Возможно, она была написана самими гностиками в VI—VIII веках нашей эры. Завеса таинственности над ней... это всего лишь предосторожность, дабы их не уличили в обмане. Так или иначе, но гностическая традиция представляет Гермеса, самого старого из всех философов, как автора этого документа. Имеются два представления о Гермесе. Некоторые делают его египтянином; но, провозглашая его современником Платона, они нарушают всю хронологию. Другие утверждают, что он — король греков, который находился в Константинополе, но это запутывает ситуацию еще больше, чем первое утверждение.

Сама таблица утверждала, что во внутреннем мраке вещей сокрыто определенное излучение мирового духа, основными инструментами которого являются солнце и луна; а сам он существует в неком влажном паре. Эта мощная сила включена во все земные вещи, именно она является созидателем совершенства вещей и всего мира. Эта сила является определенным переваривающим, совершенствующим все вещи фактором, в котором нашли взаимодействие небо и земное расположение вещей. Эта сила — квинтэссенция всех вещей, отнятое мраком сокровище мира, очищенное от всего земного осквернения. «Таблица Смарагда» является не чем иным, как изложением учения об этой превосходной сущности, которую называли Эликсир жизни (Elixir vitae), пятой эссенцией. Именно от этого словосочетания произошло нынешнее понятие «квинтэссен-

ция». И здесь мы непосредственно соприкасаемся с алхимией. Дело в том, что пятой эссенцией в алхимии называлась особая сущность, которая существовала наряду с землей, огнем, воздухом и водой. Отвлекаясь от высоких материй, хотелось бы привести еще одно свидетельство проникновения гностицизма в нашу современную жизнь. Вспомните фильм Люка Бессонна «Пятый элемент»...

Но если все живые существа происходят из источника света, являются ли они одинаковыми в телесматическом свете? Как эти представления отразились на политических взглядах Шулера? Лучше всего о политических воззрениях Шулера знал Клагес: «...он не был ни радикальным противником марксизма, ни врагом противником имущих; он только хотел правильно употребить деньги последних. Он не мог никогда ощущать какой-то бедности и появлялся в обществе с естественной честью мужчины, который, кажется, не знал ничего о будничных трудностях». Но, тем не менее, у Шулера находится формула, данная молодому рабочему, которая не лишена определенного революционного потенциала: «Советую ли я повышать заработную плату? Сокращать рабочий день? Фабрики, охваченные огнем!» И мы опять видим у Шулера навязчивую идею о сожжении. При этом он не отказывается от своих религиозно-гностических представлений. «В общественной жизни ни владельцев, нет собственности, так как владение светильником является общим. Все живут во всем. Именно поэтому доисторическому времени абсолютно чуждо понятие собственности. В Средневековье стыдились владения и, как бы оправдываясь, называли его «солнечный лен»... Так как каждое целое является чувством солидарности, само собой разумеется, надо правильно понимать это слово. Признаки старой расы сохранил единственный первобытный народ современности — русские. Основываясь на телесматических колебаниях, они пытаются снести карточный домик эволюции». Удивительно, что мюнхенский эзотерик Шулер в качестве примера свидетеля телесматических колебаний приводит русский народ. Здесь невольно напрашивается связь с Папюсом, который некоторое время находился при дворе Николая II. Но это вовсе не значит, что Шулер благодаря своему гностически-мотивированному эгалитаризму примкнул к левому политическому лагерю. Напротив, Французскую революцию, социал-демократию и анархию он классифицировал как «выход наружу нижних загноившихся масс». Проблема, которую он связывал с Французской революцией, это была оценка расправы с аристократами, особыми носителями света. Во «Дворянстве труда» он писал: «Гильотина этой позорной расы трещит на благородных позвоночниках. Последнее извращенно-половое преступление против света и души».

Вообще Шулер мечтал заменить традиционную школу с ее аналитическо-абстрактными предметами на интернаты с раздельным обучением мальчиков и девочек. Разумеется, в них не должно быть целевой установки на формирование мужественности, так как все свелось бы исключительно к функциям мужчины, которые предъявлял прогресс, но вредно сказалось бы на магическом аспекте. Шулер видел в современной ему школе только матрицу для мозгов, которая пагубно воздействовала на психические возможности. Вместо этого он выступал за юношеские дома, в которых во время периода полового созревания чувственная деятельность превратилась бы в таинственную, свидетельствующую о свете мистерию: «Центр внимания арийских юношеских домов, несмотря на удаленность во времени, очень узнаваем как по внешней, так и по внутренней структуре — чувственно-трансцендентные мистерии самой ранней любви». Там юноша на основе его чрезвычайно высокого светлого потенциала стал бы «завершением в себе». Его больше нельзя было бы рассматривать как неполноценного человека. Молодежь по причине ее «радости освещения» становилась самоцелью. Конечно, из этой достаточно пространной теории очень сложно было бы вывести конкретную педагогическую теорию, но определенные черты взглядов Шулера мы опять же находим у национал-социалистов. Взять хотя бы популярный в конце 20-х годов лозунг: «Национал-социализм мобилизует молодежную волю». Там, как в мечтах Шулера, не было совместного обучения, школьная программа не была ориентирована на перегрузку знаниями. А элитарные учебные заведения (Напопас, Школы Адольфа Гитлера), которые были построены по образцу юношеских домов?..

Определение света и божественности у Шулера можно найти в стихотворной форме. Так, например, в одном стихотворении он обращается к предполагаемой родине своих предков:

Из конца пути свет
между древесиной и металлургическим заводом
освещает самое последнее божественное бытие.

Другая строфа может интерпретироваться как перемещение космической борьбы между светом и тьмой:

Живут — двое из вселенной, отмежевавшиеся от общего,
бессмертные, которые знакомы как враги:
туманные искры вспарывают ночь,
произведенные на свет волею случая.

Шулер также обращается к классическим метафорам гностицизма, каковыми являются, например, жемчужина в раковине. Образ души, закованной в теле.

Я — свет, пропитанный ночью...
Я — жемчужина, наполнившая раковину.
Я — опьянение, омолаживающее этот мир.
Я — жизнь.

Начало строфы «я являюсь кем-то» можно найти не только в стихотворении Георге «Я один и меня двое», но и в различных античных гностических текстах. Эта формулировка, присущая богам и пророкам, присутствует у Шулера и в другом месте:

Мой вихрь пожара страстно жаждет вашей крови.
Ваших красных хлебных ручьев из сердец.
Меня не спеша выпивает светлая жизнь.

Во время одного из своих погружений в прошлое Шулер видел «за воротами истории» светлое райское государство. Современность же виделась ему в характерной для гностицизма манере — пустота, мрак, холод и мучение. Так как выглядело будущее? «Наступающее царство света» ожидало человека. Но как достигнуть его? Это было возможно только после избавления от телесного покрова света. Здесь мы видим классическое богатство мысли гностицизма: тело препятствует вступлению в царство света и должно быть оставлено как надоевший костюм. Или, по-другому, просветленного человека окружают эфирные одежды — покров каждого живущего.

У Шулера мы находим также часто встречаемый в гностических системах взгляд о спасителе в облике солнечного ребенка. «Я допускаю, что время от времени сущность жизни выступает в виде ребенка, который время от времени поднимается из большого прилива народов, тогда должен наступать перелом жизни, касающийся всего человечества, таинственный мировой переворот, восход солнца для новой жизни». Однако как действуют эти всегда пассивные солнечные дети, которые на всю жизнь остаются детьми? «Поляризация солнечного ребенка перемещает наружу более активную сущность, которая словно окружает его, которая, так сказать, образует внутренних придворных солнечного ребенка». После этого окруженный сиянием, кое Шулер назвал «розовым Кольцом», солнечный ребенок рассылал на все стороны мощные потоки своей силы, которая напоминала по форме солнечное колесо (свастику). Шулер вел здесь речь о сверхчеловеческой форме, которую он никак не мог забыть, сравнивая ее с последним взглядом на Содом. И здесь мы ви-

дим традиционное для сетианцев представление о Содоме как царстве, созданном из семени великого гностика Сета.

Шулер видел светлого носителя, солнечного ребенка и в Иисусе: «В то же время передо мной возникают образы нового приключенческого романа: пустыня верхнего Египта. Время действия: теряющее силу язычество. Окончательная победа бесполого, наполненного солнечной эссенцией Иисуса». Шулер изображает Иисуса как бесполого, в некоторых версиях как оскопленного, так как солнечный ребенок обладал андрогинной природой.

В какой же связи находились солнечный ребенок и центр света? Согласно идеям Шулера, солнечный ребенок был идентичен богу с пламенным семенем, создавшим ядро Вселенной. Следовательно, центр света и солнечный ребенок едины; центр света может также рассматриваться как бог, который производит солнечного ребенка.

У Шулера мы видим также представления различных гностиков о том, что души людей собирались на Луне, чтобы затем быть доставленными на Млечный Путь. Собранием на Луне душ (света) объяснялось возрастание Луны. Затем души людей воссоединялись с центральным метафизическим светом. Шулер использует эти гностические мотивы в своих произведениях: «Затем их взгляд нырял в полный диск Луны на переполненном звездами небе. Казалось, что от чистой священной страсти их души отправятся туда». На то, что дальше происходило на Луне, намекает одна формулировка: «лунный свет капал жемчужинами на тропинку, вымощенную кирпичами». Жемчужина, как мы помним, считалась у гностиков стандартной метафорой души. То есть в определенной степени души умерших могли в виде света возвращаться обратно на землю. Кстати, о

Фото Рудольфа Гесса в тюрьме Шпандау. На нем отчетливо видна карта Луны, с которой должен был прийти последний батальон СС

Луне, заместитель фюрера Рудольф Гесс после Нюрнбергского трибунала, который приговорил его к пожизненному заключению, держал на стене своей камеры карту Луны. Это было вызвано вовсе не его любовью к астрономии. Он верил, что именно оттуда, с Луны, придет его спасение, последний батальон СС. Это не было просто совпадением. Общеизвестно, что Гесс был увлечен средневековой мистикой. Вальтер Шелленберг написал о нем в своих мемуарах: «Он часто цитировал целые абзацы из книг прорицателей, таких как Нострадамус и прочих, имена которых я не помню». Другие утверждали, что Гесс был одержим мистическим умерщвлением плоти — одна из практических составляющих гностицизма. Нет никаких сведений, что Рудольф Гесс был знаком с Альфредом Шулером, но будущий помощник Гитлера, проживавший в Баварии, увлекавшийся мистикой и гностицизмом, скорее всего был не просто знаком с идеями Шулера, но и присутствовал на его публичных выступлениях.

Несмотря на некоторые эгалитарные заявления, Шулеру было присуще традиционное элитарное гностическое мышление. Перед началом своего доклада о вечном городе он заявил гостям, что не придает никакой ценности большим человеческим массам. Не менее последовательно он воспринял идею о трехчастном делении человечества. Материалистических хюликов он назвал экзотериками. Вследствие своей материалистичности он считал их крайне поверхностными. Классического физика он именовал «религиозным дилетантом», он был в равной степени зависим и от знаний, и от церкви. Пневматики — совершенно другой тип людей. В силу своего природного стремления они склонны к внутренним переживаниям. Именно эти люди находятся в центре всех его мыслей. Именно они являются ключом к расшифровке всех событий. Переживание для Шулера — это познание собственного света, собственной божественности. Это знание, связанное с восприятием дуалистического деления мира, с его борьбой между светом и мраком, которое объясняет исторические события, бывшие следствием борьбы двух начал. Шулер далеко не случайно употребил в отношении пневматиков формулировку «в силу своего природного стремления». В его понимании класс пневматиков имеет вполне конкретное биологическое выражение, хотя и не ограничивается представителями одного или нескольких этносов.

Однако если истинное познание доступно от природы далеко не каждому, то и тайный язык должен был стать уделом лишь гностической элиты. Шулер не раз заявлял, что изъял бы из тайного языка слова «Телесма» и «телесматический».

Шулер попытался даже придать гностическую трактовку такому естественно-научному понятию, как электрон. «Подумайте о вибрирующем комплексе света, состоящем из бесчисленного количества активных и пассивных электронов, вспыхивающих от взаимного трения. Это флюиды неутомимого движения, которые являются основной субстанцией Вселенной. Эти флюиды создают нимб, ореол творческой силы, который окружает нас и все сущее... Как я предполагаю, эта субстанция идентична «большой Телесме» и изображается аналогичным способом. Ее спасающая преображенная сила располагается в крови». Как видим, для Шулера понятия электрон, флюид, Телесма и кровь были почти идентичными. Это можно увидеть в описании герметической литургии, которую практиковал Шулер. «После того как они произнесли слова молитвы, они целовали друг друга и шли, чтобы есть священную (очищенную) еду, не содержавшую никакой крови». Не удивительно, что многие гностики были вегетарианцами. Для них кровь была местонахождением божественной души. Они опасались, что при приеме пищи свет души будет рассеян, ядро души или «семя ангела» могло разделиться, и стало бы еще больше переплетенным с материей тела. «Когда волна крови делается просветленной, то я называю ее существующей жизнью. Это обозначение представилось мне вместе с моими переживаниями». Следовательно, Шулеру самому казалось, как просветленная кровь, некий кровавый светильник переполняли его. «Обладание светом — это наше участие в абсолютной жизни... С другой стороны, складывается впечатление, что такой свет связан с течениями из Вселенной, в которых он должен быть распространен. Находящиеся в свете испытывают эти потоки как пришедший из космоса холодный озноб. Но, соединяясь с эссенцией (сущностью) крови, они приобретают радостное тепло». Следовательно, во Вселенной имеется центр света, из которого на человека снисходят эти «флюиды» и «потоки». Шулер описывал это так: «Я называю субстанцию, хлынувшую из Вселенной — космической. Эрос Космогонос кажется мне поздним символом такого происхождения». Теперь мы можем понять, почему мюнхенских философов, сплотившихся вокруг Шулера, называли космистами. Очевидно, Шулер видел в богах символическую реализацию реальных процессов. Во всех гностических системах общим является космическое содержание. Является ли происхождение природы неповторимым? Шулер ощущал «озноб», например, когда «внезапная идея как светящаяся искра воодушевляла на творческое действие. Это телесматическая сила потревожила личность». Тот же самый доклад «О сути вечного города» только внешне касался античной метрополии. На самом деле Шулер вещал о судьбе телесмы в земных событиях.

А вот еще одно показательное место в произведениях Шулера. В «Триптихе Эроса» он достаточно быстро нашел причину строгой христианской морали — еврейский «сифилис»: «Христианская дегенерация. С ее чумной моралью. С ее стыдом. С ее еврейским сифилисом».

Странно, но в конце XIX века сифилис считался «французской болезнью», а вовсе не еврейской. Не эта ли мысль Шулера породила некоторые пассажи Гитлера в «Майн кампф»? «Борьба против сифилиса требует борьбы против проституции, против предрассудков, против старых укоренившихся привычек, против многих старых представлений, устаревших взглядов и, прежде всего, против лживого святошества, укоренившегося в определенных слоях общества». Гитлер так же провозглашал сифилис еврейской болезнью. Многие исследователи считали, что это было следствием того, что в юные годы Гитлера заразила этой болезнью еврейская проститутка. Версия более чем надуманная. Есть более просто объяснение... идеи Альфреда Шулера.

Но вернемся к душе человека в гностическом представлении. Переселение души было составной частью гностической веры. Обремененная душа путешествует после смерти от тела к телу, пока не познает свою светлую, божественную сущность. Только после этого она сможет освободиться от оков очередной телесной тюрьмы. Гностики предусматривали как непосредственное переселение душ, так и ее унаследованную «пересылку». В зависимости от той или иной гностической системы предпосылкой для воссоединения со светом являлось либо осознание душой собственной божественности, либо исключительно благочестивый образ жизни. Некоторые системы говорили о существовании промежуточного неба или Новой земли, которые располагались на пути к высшему небу. Души, попавшие сюда, могли вернуться обратно на грешную землю в новое тело. Катары пошли еще дальше. В своей религиозной системе они установили, что может происходить переселение душ животных, что связано с так называемой теплой кровью. Конкретные упоминания касались лошадей и ящериц. Упоминания о связи души и крови мы можем найти и в Библии в «Книге Левита» (17, 11—14): «Потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает. Потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею. Ибо душа *всякого* тела есть *кровь* его, она душа его». Катары объясняли также связь души и

тела человека: «Душа человека является не чем иным, как чистой кровью». После смерти душа принудительно покидает тело человека. Но почему она воплощается в новом теле или просто остается бестелесной? Катары объясняли это так. После смерти душа, покинувшая тело, начинает истязаться воздушными демонами, а потому она ищет защиту в новой телесной оболочке. Только чистые (катары) могли тут же воссоединиться со светом. Ни один из катаров не должен был после смерти возродиться в телесном облике.

В условиях того, что душа человека могла возродиться в зверином теле, было предусмотрено особое отношение к животным. Но находим ли мы уважительное отношение к животным у Шулера? Для него всемирная история развивалась во главе с мужчиной — движущей силой эволюции. В процессе своего развития мужчина был обуреваем борьбой противоположностей. Шулер не мог смириться «с уничтожением какого-либо вида фауны и флоры», которое стало результатом несбалансированного бытия мужчины, грозившего превратить землю в лунную пустыню, так как мужчинами в основном двигали корыстолюбие и убийственной страсть. Клагес был свидетелем специфического отношения Шулера к миру животных. Он описывал маленькую квартиру, в которой жил Шулер со своей матерью, как фантастическое жилье. По нему бродил породистый черный кот Мориц, который чувствовал себя хозяином этой территории. Любовь Шулера к животным распространялась не столько вширь, сколько вглубь. В глазах животного Шулер видел собственную душу, а потому строил отношения с ним как с возлюбленной. Именно этим объяснялись долгие беседы... с котом Морицем. Из животной пищи Шулер ел только рыбу. Катары в свою бытность отказывались от убийства и потребления мяса мертвых животных, так как те были, подобно людям, носителями света. Но это не распространялось на рыб, которые были порождены не светом, а водой.

Но вернемся обратно к переселению душ. Сегодня многие люди, в том числе и христиане, находившиеся в состоянии клинической смерти, описывали светлый тоннель. Христианская церковь во многом разделяла такое мнение. Именно по длинному тоннелю, состоявшему из света, души христиан попадали в Царство Небесное. Такое воззрение нередко иллюстрируют картины Иеронима Босха, например, одно из его творений, написанное около 1500 года, которое находилось во дворце венецианского дожа: «Подъем в небесный рай». На картине можно увидеть ангелов, которые сопровождают души людей на небо по некоему подобию огромного светлого тоннеля. До сих пор непонятно: был ли Босх тайным катаром и гностиком, или же его картины были продиктованы исключительно христианским учением?

Какую же позицию занимал Шулер в вопросах переселения душ? Клагес рассказывал, что Шулер считал жизнь «открытой» только при условии взаимосвязи между миром живущих и умерших. Жизнь была бы «закрытой», если бы подобная связь была оборвана, «запечатана». Однажды Шулер заявил: «Только мертвые являются квинтэссенцией жизни. Только перешагнувшие порог смерти, чтобы испытать телесму и ядро света, возвращаются обратно, чтобы призвать живущих к свету жизни. Однако [вновь] родиться они могут там, где наступила смерть, а потому... юная, освобожденная жизнь приносит даже мертвым дрожь блаженства. Это открытая жизнь. Закрытая жизнь воспрещает возвращаться мертвым, она запечатывает потусторонний мир, превращает небо в закрытую сущность». Этот свет молодости казался Шулеру принципом реинкарнации.

В старости в теле одновременно с утратой половой функции растет светоносный продукт. Именно он подготавливает «возвращение души домой». Для Шулера это было неким способом наследственных воспоминаний: «Кто жил в телесме, тот знает, что в воспоминаниях он может увидеть самые древние времена... Это моя теория о переселении душ и о возрождении». Сам себя Шулер определял всего лишь как «слабо горящую лампу». Но этого ему вполне хватало, чтобы погружаться в прошлое и повествовать о нем своим гостям. Переселение душ могло бы показаться незначительным сюжетом в учении Шулера, если бы не одна фигура, с которой нам предстоит сталкиваться на протяжении всей книги — рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Только учение Шулера может пролить свет, почему глава «черного ордена» считал себя новым воплощением, реинкарнацией короля Генриха «Птицелова». Это было не просто тайной мечтой или фантазией, а вполне оформившимся убеждением, которое привело к появлению в Третьем рейхе особого культа Генриха «Птицелова».

Или вот другая тема, на первый взгляд, не имеющая никакого отношения к национал-социализму. Гермафродит. Клагес не раз описывал попытки Шулера постигнуть античное понятие о гермафродите. В античном бесполом или двуполом ураническом, первобытно-изначальном существе Шулер видел отражение сущности просветленного человека. Немецкие романтики XIX века излагали свои смелые мечты об утраченной «андрогинности» первобытного мира. Это подтолкнуло Шулера к мысли о происхождении исчезнувшего человека. Благо, что в гностической литературе имелось достаточно «сведений» по этому вопросу. Кроме обозначения андрогинной сути высшего божества, имелись вполне определенные упоминания о гермафродите: «Когда Проноя увидела ангела, то она

полюбила его. Однако он ненавидел ее, так как она была во мраке. Однако она хотела обнимать его, но не могла сделать это. Когда она не смогла удовлетворять свою любовь, она излила свет на землю. В тот же день этот ангел [предшественник первобытного человека] был назван «светлым Адамом». Он стал «светлым человеком крови»... Из этой первой крови возник Эрос, который был и мужчиной и женщиной... Когда все боги и их ангелы увидели Эроса, то они полюбили его. Когда он возник среди них, то зажег в них свет. Как от одной лампы зажигается свет во многих лампах... так на земле возникло первое желание». Или другой отрывок: «Когда София бросила каплю света, то стекла в воду. Тот час человеку стало очевидно, что и мужчина и женщина. Та капля сначала сформировалась в женское тело. Она приняла облик матери, которая породила андрогинного человека, которого греки называют гермафродитам. Евреи же называют его мать Евой, что значит жизнь».

Шулер в своем докладе о «солнечных детях» приводит своеобразную экзегезу древних египетских мифов о том, как боги оплодотворяли сами себя или производили на свет андрогинных детей без отца. Шулер считал, что в любом сюжете, где повествовалось о рождении ребенка без отца, речь шла о появлении на свет гермафродита.

Телесматическая эссенция, согласно взглядам Шулера, не была чем-то единым. Она делилась на пассивную женскую часть и мужскую активную. Свет появлялся в результате «взаимного соития» этих частей. Шулер называл этот процесс «вечной свадьбой». А потому, чтобы человек полностью просветлился, в нем должны были быть представлены и мужская и женская субстанции. «Мужская сущность и женская сущность по отдельности мертвы». Однако разделение полов все-таки произошло, что привело к исчезновению космической ячейки. Вину за это Шулер перекладывал на мужчин, «агентов эволюции»: именно мужчина как творческое начало изгоняет из своего сердца бога.

В тексте одного из своих докладов Шулер писал: «Ни мужчина, ни женщина. Все породил один. Никто из существующих не порождал свет. Никто не повелевает светом... Из него жизнь катится золотыми спиралями. Широкой вращающейся свастикой». Несколько десятилетий спустя после написания этих строк под знаком свастики будут производиться новые гермафродиты. Сначала лишат пола (стерилизуют) наследственно больных людей. Затем «расово неполноценных». Но этим действиям, какими бы они чудовищными ни были, находится вполне логичное объяснение. Но никто не в состоянии ответить, почему нацистский режим стерилизовал преступ-

ников, проходивших по некоторым уголовным статьям. В целях перевоспитания? А может, для пробуждения внутреннего света?..

Гностики вообще уделяли особое внимание размножению, так как именно оно служило пленению душ в земном теле. Неудивительно, что у гностиков существовало множество половых ограничений. У катаров, например, половое сношение считалось дьявольским процессом, а в беременной женщине находился бес. Поэтому катары запрещали даже в случае крайней необходимости прикасаться к беременным — это было строго-настрого запрещено. Но здесь речь шла вовсе не о дискриминации женщин и враждебном к ним отношении. Среди альбигойских «совершенных» были даже женщины. В представлении катаров Сатана создал и мужчину и женщину, а потому в определенной степени они были равны. В итоге верующим катарам сексуальные извращения и половые отношения между супругами преподносились как одинаково тяжкие проступки. Попытка катарского епископа Филиппа провести реформу и провозгласить, что сексуальные отношения даже для «совершенных» не являлись прегрешением, закончилась полным провалом.

Как мы помним, Шулер верил в существование двух состояний жизни: «открытой» и «закрытой». Признаками открытой жизни являлись: чувство удовлетворения, переполненности, пассивность, наслаждение настоящим моментом, остановка времени, чувство абсолютного бытия. В этом описании открытой жизни мы видим слово «пассивность». Нечто подобное мы могли бы найти в книге манихейских псалмов: «Дайте вашим рукам спокойствие... Суетливость, царящая на земле, только причиняет вред». Подобные наставления давались чуть ли не для всех повседневных видов деятельности. В манихейской исповедальной книге можно обнаружить принципы ненасильственности: «Если из-за меня люди сражались или арестовывались, или были вынуждены переносить оскорбления и унижения, если применил к четвероногим животным силу, ударил их, или только запланировал сделать зло дичи, птицам, земным или водяным животным или... — я у всех прошу прощения».

Закрытая жизнь, по Шулеру, определялась следующими характерными чертами: активностью, закалкой, нуждой, упорной работой, жаждой деятельности, воспитанием навыков к работе, исполнением долга. Этим временем руководило стремление к каким-то достижениям, направленным в будущее. Оно было переполнено беспокойством. Тогда ценится не столько полнота жизни или красота личности, сколько работоспособность далеко идущих целей. Закрытая жизнь как бы направлена наружу и соответственно этому появляется чрезмерное размножение. Внутренняя жизнь ощущается вообще как аскетизм, как избавление от телесного покрова во

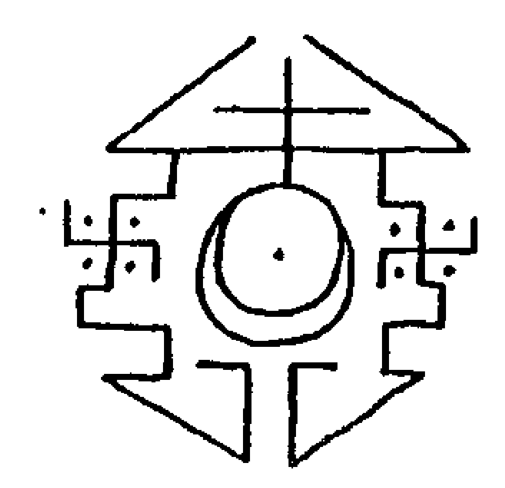
имя достижения цели. В данной ситуации стремление к размножению Шулер считал «порывом к материализации». Закрытая неким «черным магом» жизнь вращается лишь вокруг сексуального размножения, биологического воспроизводства будущих поколений.

Но, с другой стороны, «черному магу» противопоставлены «производители света», которые жертвует его человечеству. Но по мере того, как набирал силу порыв к биологическому размножению, терялась возможность «внутреннего зачатия людей». Духовная жизнь в этих условиях была направлена исключительно на блокирование биологического влечения: кастрация, искусственная феминизация, католическая церковь с ее обетом безбрачия — целибатом. Далее Шулер указывал на связь между католическими монастырями и традиционным римским «юношей с длинными струящимися локонами» и «царством света христианских ангелов». Он вел речь прежде всего об эзотерическом значении «молодой крови», но ни в коем случае не о развратных намерениях в отношении бесчисленных мальчиков и девочек, окружавших римских императоров. Они являлись для него некими донорами силы света: «С одной стороны, мы имеем мальчиков, с другой стороны, девочек, а между ними деспот, выкачивающий из них свет». Особая юная жизнь именовалась Шулером не иначе как Грааль — источник света.

Появление на исторической сцене Лютера значило для Шулера наступление новой исторической эпохи. Виттенбергский скандал фактически подписывает приговор светоносному христианству. Верх одерживают темный человек (материалист) и биологическое влечение. Человек превращается в машину не только в рамках своей профессии. На место духовной свадьбы с ее светлым и святым браком духовенство ставит морализаторство, а само превращается в неких врачей. Вандализм достигает своего пика. Все, что отклоняется от общепринятой нормы, тут же попадает в учебники по психиатрии. Свет становится безумием. Гомосексуализм, в древности считавшийся индивидуальным средством для пробуждения света, изгоняется из культуры и искусства. Шулер вновь обратился к теме однополых отношений. Теперь они имели для него ценность, так как они не содействовали размножению и заключению еще одной души в тело.

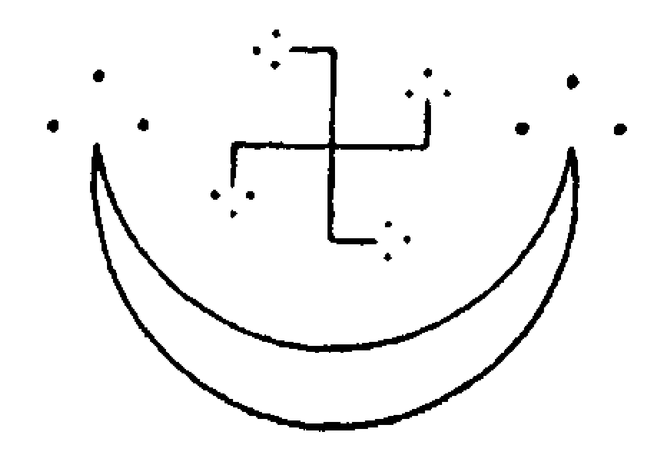
Вопреки широко распространенному мнению, Шулер ни в коем случае не был душевнобольным фантазером. Наоборот, по сравнению со многими из своих современников проявлял склонность к поразительно четкому анализу древности и современности. Историческая картина, созданная Шулером, рассматривала «доисторический» период как эпоху, когда весь физический мир был проникнут светом. Эту эпоху можно было назвать райской. Ей противопостав-

лялись периоды истории, которые характеризовались «откачиванием» света. Шулер выдвинул гипотезу, в которой предположил, что периоды изобилия света сменяются эпохами его вытеснения, «как ночь сменяет день, как увядание приходит на смену цветению». Однако подробности подобных взлетов и падений нельзя найти ни в одном гностическом произведении. Сам же Шулер ссылался на учение Эмпедокла, который различал во времени два периода: полный любви (афродистический) и переполненный ненавистью. Но как Шулер представлял себе детали космического центра света, который ассоциировал с плеромой и царством изобилия света у катаров? «Снаружи перед калиткой истории находится центр мощнейшего света, в который стремятся в одинаковой мере все люди». Но, оказавшись по другую сторону «калитки», люди попадают под воздействие другой силы, движущей историю, — прогресса. Но на самом деле естественно-научный прогресс является лишь одним из «агентов» силы, которая действительно противодействует свету. Господство той или иной силы предопределяет наступление «открытой» или «закрытой» жизни. Именно эти понятия в основном характеризуют сменяющие друг друга исторические эпохи. «Я обозначаю время озарения как открытую жизнь, время помрачения как закрытую жизнь». Между тем темный век прогресса как бы выступает в роли катализатора новой вспышки, когда свет должен проявиться в еще более чистой форме. Подобные модели очищения были вовсе не чужды гностикам. Некоторые гностические группы настаивали на поедании светоносных блюд, например арбузов, с целью аккумуляции света перед новой вспышкой. Символом новой светлой, открытой жизни Шулер сделал свастику. Именно он впервые ввел ее в широкий обиход в Германии. Но гитлеровская свастика несколько отличалась от символа, который употреблял Шулер. Последняя вращалась в другую сторону и имела на конце каждого из изогнутых лучей

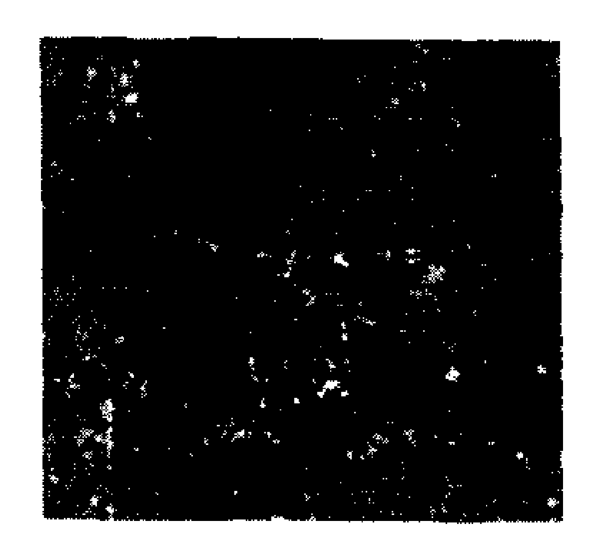

Родовая эмблема Виллигута

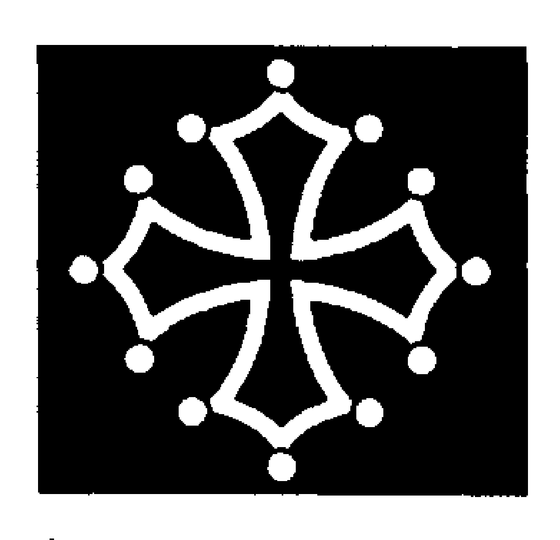
Набросок свастики Шулера, используемый в родовой эмблеме Карла Марии Виллигута

три точки. Вероятно, Шулер принял французскую манеру изображения гамматического креста. Сама свастика встречалась в десятках древних культур, начиная от Индии, заканчивая Римом. Но нигде мы не могли найти три точки на ее лучах. Зато эти три пресловутые точки встречаются в манихейской живописи по шелку, найденной в оазисе Турф. Эти изображения датируются где-то VIII веком. В манихейской традиции крест с тремя точками на каждом конце назывался «крестом света». Позже подобные изображения можно было обнаружить на катарских барельефах. «Крест света» до сих пор изображен на флаге французской провинции Лангедок, являвшейся центром катарской религии. Шулер не раз говаривал, что «огромные цепи звезд обвивают центр света». Именно эта фраза может объяснить значение трех точек. Шулер трансформировал манихейский «крест света» в особый знак — свастику (вращающийся центр света), несущую по три точки (цепи звезд) на каждом из своих лучей. В этом символе он совместил свои гностические и космические представления.

«Крест света», выбитый на стене катарского храма

Современный Шулеру мир виделся ему как самая низшая точка в развитии человечества. Он говорил о «колебаниях черного колеса над земным шаром». Но с другой стороны, он не терял надежды, что даже в источниках чумы можно было найти здоровые симптомы. Растущая дрожь от приближающегося света говорит о нарождающемся гермафродите. Впрочем, его оптимизм не был таким лучезарным, когда Шулер ставил вопрос о конце истории. Среди катаров циркулировали самые различные версии конца света. Было представление о сгорании земли. В другой версии она распадалась на элементы первоначального хаоса. Другие верующие полагали, что в один момент настанет предел спасенных душ, так сказать, будет исчерпан лимит. Те, кто не сможет к этому моменту воссоединиться со светом, навсегда останется на земле, пребывая в бессмысленном круго-

Флаг провинции Лангедок, на котором изображен «Крест света»

Похороны Альфреда Шулера. Покойный наряжен в специальный костюм

вороте жизней. Сама же земля превратится в ад. К тому же на пребывание на адской земле будут приговорены все иудеи. В гностической системе Шулера они являлись самим порождением тьмы. Шулер всегда презрительно относился к евреям. За их жизнью он видел действия Кроноса, бога времени: «Этой расой управляет ужасный Кронос, который всегда разрушал Вселенную. Когда же, наконец, дети Зевса устранят эту гадость?» Шулер умер в 1923 году и не смог увидеть, как последователи его ученика Гитлера последовали этому совету.

Как мы помним, Шулер всегда определял местонахождение света в человеке в его крови. Говоря о римских амфитеатрах, он повествовал вовсе не о том, как во время гладиаторских боев противники пытались уничтожить друг друга. Он говорил о попытке влить в свою кровь еще одну частицу света. Именно для того и нужно было кровопролитие. «Вследствие чего лишаются души? Местонахождение души, пламенного флюида — это человеческая кровь. Именно поэтому [гладиаторы] пытались вскрыть противнику желудочек сердца. Они открывали пламенный светильник и становились сопричастными к этому кроваво-убийственному светильнику».

Антисемитизм Шулера, так восхитивший юного Гитлера, всегда носил специфический характер. Его неприязнь к евреям никогда не носила расово-национальный характер. Его произведение «Человек Триас. Язвы Иуды» ясно указывает на исключительно религиозно обоснованный антииудаизм. В определенной мере Шулер шел в традиции христианского антисемитизма, возлагая на евреев вину за смерть Христа. По его трактовке, они распяли андрогинную сущность, великий источник света. Вторую стадию «еврейской эпидемии» Шулер увязывал с началом реформации. В своих выступлениях он не раз назвал Лютера евреем. «Внутри высохшей язвы иудаизма возникли: моральная полиция и пасторское государство». «Наследие нового создания ячейки света» (так Шулер назвал Ренессанс) было отравлено евреями. В конце XIX века Шулер почувствовал приближение нового андрогина. Раймонд Фурнесс в своей книге «Дети Заратустры» вполне определенно говорил, что «Шулеру был чужд тогдашний иррациональный пангерманизм. Его «антисе-

митизм» хотя и был непростителен, но он, тем не менее, принадлежал к совсем другой категории, нежели гитлеровская ненависть к евреям». Герд-Клаус Кальтенбруннер в своей статье «Альфред Шулер: между Рильке и Гитлером» также подчеркивает, что Шулер не воспринимал расовый антисемитизм. Вольфганг Фроммель в книге «Альфред Шулер. Следы языческого гнозиса» приводил высказывание еврея Карла Вольфскеля: «Антисемитизм ученика — это типично гностическая установка... Он хотел спасти европейскую историю и «открытую жизнь» от разрушительной еврейской рациональности и морализаторства, как он полагал, навязанных Яхве. Но был абсолютно чужд вульгарному погромному антисемитизму».

Хотя такое мнение разделяли далеко не все. Например, Вилли Гаас в своей статье «Литературные родоначальники мюнхенского антисемитизма» возлагал именно на Шулера ответственность за геноцид евреев в Третьем рейхе: «Тот, кто занимается изучением истоков антисемитизма во время пребывания Гитлера в Мюнхене, не должен забывать странный эпизод, который произошел в эзотерико-поэтических кругах Германии и элитарном салоне дома Брукмана, крупного книгоиздателя, который начал с самого низменного и вульгарного антисемитизма, что в итоге закончилось уничтожением немецких евреев. Под этим эпизодом мы подразумеваем дружбу Стефана Георге с Альфредом Шулером...» Этому высказыванию вторили и другие исследователи: «Это [национал-социализм] был посев Шулера, который взошел и привел к грехопадению Германии».

Сам Шулер отзывался о евреях как о «сдохшей козлоподобной падали». Козлоподобным, как правило, представляли Сатану, а потому демонизация евреев представлялась Шулеру логичным шагом в борьбе между светом и тьмой. Впрочем, несмотря на подобные высказывания, в частной жизни у Шулера никогда не возникало никаких проблем с евреями. Он не возражал, чтобы они присутствовали среди слушателей, — хотя очень часто бурно и невыдержанно реагировал на своих чисто немецких последователей.

Итак, национал-социализм и Альфред Шулер. На первый, поверхностный взгляд кажется, что между ними нет ничего общего. Но это только при поверхностном взгляде. Почему же тогда серьезные исследователи среди прочих «нацистских пророков» — Отто Рана, Карла Марии Виллигута, Юлиуса Эволы, Гвидо фон Листа, Йорга Ланца фон Либенфельса, Рудольфа Зеботтендорфа — особо выделяют фигуру Альфреда Шулера, помещая ее на первое место в этом списке. На первое место не только по хронологии, но и по значению.

Тема влияния гностицизма еще ждет своего исследователя. Потребуется, пожалуй, не один год, чтобы осуществить междисциплинарный исследовательский проект, в котором бы самым подробным образом были изучены все следы гностических идей, оказавших влияние на национал-социализм в период его становления и развития. Достаточно даже поверхностного взгляда на нацистскую элиту, чтобы убедиться в том, что гностические элементы достаточно глубоко проникли в национал-социалистическое движение. При этом не стоит забывать, что гностицизм был всего лишь одним фрагментом в идеологической мозаике нацизма. Он соседствовал со многими другими факторами, которые превратили германский национал-социализм в некий феномен, легко узнаваемое историческое явление. Здесь можно назвать и социал-дарвинизм, и социально-исторические процессы, происходившие во всем мире, и конкретные условия внутренней и внешней политики Германии в первой трети XX века, и психологию масс, и даже биографии отдельных нацистских бонз.

Однако нельзя не отметить, что первые попытки срастить европейское гностическое наследие с расистскими установками были предприняты далеко за пределами Германии. Рано или поздно нам бы пришлось столкнуться с гражданкой США русского происхождения — Еленой Блаватской (1831—1891). Именно она в своей «Тайной доктрине» разработала систему коренных рас. В свое время на нее произвел неизгладимое впечатление вполне безобидный фантастический роман Эдварда Бульвер-Литтона «Грядущая раса». В своей «Тайной доктрине» Блаватская упоминает эту художественную утопию чаще других произведений. Именно этот роман подтолкнул основоположницу теософии к мысли о создании новой расы: «Оккультная философия учит, что именно сейчас, как раз на наших глазах, происходит создание новой расы и новая раса подготавливается, чтобы уже втайне преобразоваться в Америке». Центральным стержнем ее произведений являлся обзор происхождения человека. Впервые на немецком работы Блаватской были опубликованы в 1903 году. В них рассказывалось о существовании пяти «коренных рас», которые разделились на некоторые подрасовые виды: «Первая раса не имела никакой собственной истории. То же можно сказать и о второй расе. Поэтому, прежде чем начать историческое описание нашей собственной, пятой расы, мы должны уделить тщательное внимание лемурам и атлантам». В доктрине Блаватской определенную роль играли и арийцы: «Мы находим последних атлантов, смешавшихся с арийским компонентом 11 тысяч лет до нашей эры. На это указывает огромный охват территории расой, последовавшей за ними». Египтяне, греки и римляне объявлялись Блават-

ской остатками атланто-арийцев. Блаватская разделяла расу на «высокоинтеллектуальные» и «низшие расы, от которых еще осталось несколько схожих явлений — как быстро вымирающие австралийские аборигены». Именно Блаватская впервые совместила миф об Атлантиде с расовой теорией. Именно она впервые смешала спиритуализм и расизм. Можно говорить о мощном мистическом импульсе в развитии расизма. Именно Блаватская придала ему новое звучание. Использование исторических мифов вызвало к жизни «расовую мистерию».

Но, собственно говоря, что являет собой расизм? Различия людей по их цвету кожи? Или нынешнее понимание расизма не сводится только к физическим признакам? Патрик фон Мюлен дал, наверное, самое исчерпывающее понятие расизма. Расизм определяется как групповой конфликт, в котором индивидууму приписывается действительное или предполагаемое происхождение, а также на основе действительной или предполагаемой наследственности придаются неизменно действующие физические и психические свойства и групповые признаки.

Развивая эту тему, мы неизменно должны были столкнуться с Рудольфом Штайнером, который, сначала являясь теософом, затем разработал собственное учение, названное антропософией. В 1920 году Штайнер опубликовал в берлинском «Теософском издательстве» небольшую книжку, которая называлась «Наши атлантические предки». В ней он собирался изложить тайные знания «Хроники Акаша». Этот мифический документ, который нельзя было найти ни в одной библиотеке, упоминала в «Тайной доктрине» и Елена Блаватская. Так вот, эта хроника определялась теософами как «существующая универсальная душа, матрица вселенной, магическая мистерия, из которой рождено все». Очень несложно узнать в этих словах уже знакомый гностический мотив: из универсальной души рождается все существующее в мире. Так что же сообщает нам Штайнер, ссылаясь на этот таинственный источник? «Предки атлантов жили на исчезнувшей части света, основной участок которой лежал к югу от нынешней Азии. В теософских работах его называют Лемурией. После того как Лемурия прошла через различные стадии развития, она пребывала в упадке. Ее население стало хиреть. Потомков [этой расы] можно встретить и сейчас в определенных частях света, среди так называемых диких народов... Пока основная масса атлантов пребывала в упадке, некоторые из них произвели так называемых арийцев, к которым принадлежит наша современная человеческая культура. Лемуры, атланты, арийцы являются, согласно тайным наукам, коренными расами человечества». «Посланцы других богов помогали Ману [творцу коренных рас]

вывести отдельные вести жизни и работать над развитием новой расы». «И только из последних двух Ману действительно смог создать зародыш новой расы. Затем он удалился, чтобы усовершенствовать ее, в то время как другие смешивались с остальным человечеством. — От упомянутого небольшого числа людей, которые в последний момент собрались вокруг Ману, затем происходит все, что до нынешних дней создается истинными зародышами прогресса пятой расы. Однако во всем развитии этой пятой коренной расы можно найти две характерные черты. Одна черта обычно присуща людям, которые воодушевлены высокими идеями, которые рассматривают себя в качестве детей мирового божественного царства. Другая — проявляется у тех, которые думают только о личных интересах и собственной корысти». Отметим, что здесь велась речь не о трансцендентных сущностях или давно исчезнувших народах и этносах. Штайнер говорил о существующих людях: диких потомках лемуров, носителях культуры — арийцах, расе людей, которая носила в себе зародыши прогресса. Обе группы людей, которые выводились из теософской расовой системы, не сгинули в прошлом, а продолжают существовать и по сей день. По крайней мере, так утверждал Штайнер. В данной ситуации Штайнер видоизменил гностическую схему деления человечества. Он сделал ее дуалистической, разделил людей на две группы. С одной стороны, воодушевленные люди «мирового божественного царства», а с другой стороны — стяжатели прибыли и корысти, которые можно интерпретировать как воплощение материи. Здесь на основе настоящего или предполагаемого различного происхождения мы видим приписывание человеческим группам особых физических (захиревшая раса) и психических (воодушевленные люди) свойств. Если взять приведенное выше определение расизма, то мы обнаружим, что построения Рудольфа Штайнера были типично расистскими. Харальд Штром в своей книге «Гнозис и национал-социализм» комментирует эти мысли Штайнера: «Многие из идей Штайнера были сомнительными, но не опасными, по крайней мере, пока толпа его приверженцев не воспринимала их как бесспорную истину».

Но от теософии отделились не только антропософия Штайнера, но и ариософия, самым знаменитым представителем которой был австриец Адольф Ланц. Он тоже охотно использовал наследие мадам Блаватской. Несостоявшийся монах, он достаточно рано проявил интерес к гностическим доктринам, перенеся их на языческие тексты, например, скандинавскую Эдду. В одной из своих статей он писал: «Там [в Эдде} рассказывалось, как Ригр (= Тринг, бог неба) породил от трех различных матерей три различные человеческие расы. Эдда произвела от него расу животных слуг, Эмма, находившаяся

на более высоком уровне, — расу крепких крестьян. От Мотир произошли белокурые герои и знать... В обоих мифах [Старшей и Младшей Эдде] основное содержание сведено к следующему: смешивание богов или полубогов с низкой первобытной сущностью». И снова знакомая нам гностическая традиция о трехчастном делении человечества. Но на этот раз деление происходит по расовому принципу, а вовсе не по духовному состоянию людей. Внутренний свет высшей расы был трансформирован во внешние физические признаки: голубые глаза, светлые кудри. Более того, следуя гностической традиции, Ланц требовал стерилизовать всех людей «низшей расы» и выслать их на Мадагаскар. Более того, он предлагал поработить их и использовать как вьючных животных. В некоторых пассажах он настаивал на их сожжении, что послужило бы жертвой богам во имя приближения расовой чистоты старого человечества. С этой точки зрения крематории концентрационных лагерей представали как некие алтари. Подобно нацистам, Ланц не собирался ограничиваться территорией Германии, его планы выходили далеко за ее границы. «Но это должно продолжаться лишь до тех пор, пока не возникнет новый электрон, новый Грааль, новый род священников... Великие князья, сильные воины, богоугодные священнослужители возникнут из древней священной земли германских богов, которую содомитские обезьяны вновь заковывают в цепи». Свои творения Ланц публиковал в небольшом журнале «Остара», который назвал по имени светлой языческой богини. Во время пребывания в Вене Гитлер регулярно покупал этот журнал в газетных ларьках. Когда ему не удалось купить отдельных номеров, то он выписал их по почте непосредственно у Ланца. Тут можно процитировать одно из писем Ланца, датированное 1932 годом: «Знай, что Гитлер — это один из наших учеников. Ты еще испытаешь, как он, а стало быть, и мы, победит и разожжет движение, которое заставит содрогнуться мир». Вильфрид Дайм, автор книги «Человек, который давал идеи Гитлеру», проанализировал журналы, выпускаемые Ланцем, и пришел к выводу, что в них очень часто встречались несколько искаженные цитаты из Альфреда Шулера, а в некоторых местах даже делал их эпиграфом: «Надо отметить, что за собственной идеологией Ланца скрывалось не просто извращенное христианство, а даже определенное старохристианское еретическое учение, которое уходило корнями к языческим богам. Это был гностицизм... У Ланца дух стал белокурой расой, а материя расой чандалов (неприкасаемых). Здесь мы вновь встречаемся со старым искушением запада, со странным гностицизмом».

Новая религиозно-политическая мода не обошла стороной и одного из предшественников национал-социализма, Хьюстона Стю-

арта Чемберлена. В своей работе «Основы XIX века», опубликованной в 1899 году, он интерпретировал борьбу между гностицизмом и христианством как войну евреев против индогерманцев. Он писал: «Те два основных столпа, на которых христианские теологи первых столетий создали новую религию, были еврейской исторической верой и индоевропейской символической и метафизической мифологией... В христианстве эти чужие друг другу элементы спаялись воедино, что стало результатом беспрерывной борьбы, которая шла на протяжении первых столетий. Самый очевидный вывод, что эта борьба за доминирование шла между индоевропейскими и еврейскими религиозными инстинктами. Она возникает сразу же после смерти Христа между иудеохристианами и христианами-язычниками. Она вновь пробудилась во время Реформации и длится по сей день, правда, ведется она не в облаках или на полях сражений, а под землей. Неожиданно еврейская религия и еврейское мессианство встали в один ряд с мистической мифологией эллинского упадка. Они не только не сливают, но в основных пунктах противоречат друг другу. Возьмем хотя бы представления о Боге: с одной стороны — единый Яхве, с другой — древнеарийское триединство. Или представление о Мессии. С одной стороны — ожидание героя из колена Давида, который завоюет евреям мировое господство. С другой стороны — облаченный в тело Логос, который продолжает метафизические умозрения, которыми греческие философы занимались за 500 лет до Рождества Христова». Чемберлен последовательно упорядочивает свою систему в неком семантическом порядке: в одном поле — евреи, иудеохристиане, мировое господство, а в другом — индогерманцы, индоевропейцы, символическая и метафизическая мифология и греческое языческое познание. Примечательно, что в этой книге глава, посвященная религии, открывается цитатой из персидского пророка Заратустры. В одной из сносок Чемберлен давал также указание на греко-еврейский конфликт в творчестве Харнака. Адольф фон Харнак читал лекции о влиянии гностицизма на раннее христианство, а также написал несколько публикаций о гностике Маркионе. Так вот, Маркион, а вслед за ним и Адольф фон Харнак, представлял собой антикосмическую, антиеврейскую тенденцию, как в еврейском божестве подземного Демиурга, то есть Дьявола.

Нам уже известно, как Шулер и Ланц инфицировали Гитлера вирусом гностицизма. Подобной участи не миновали и другие «коричневые бонзы», вспомним хотя бы Рудольфа Гесса. Но ярче всего признаки гностической эпидемии проявились у Альфреда Розенберга. В своей книге «Миф XX века» Розенберг заявлял, что слова Ахурамазды, сказанные Заратустре: «Только один раз в году видно,

как заходят и восходят звезды, луна и солнце, а жители считают год днем», надо трактовать, как далекое воспоминание о северной родине персидского бога. Именно там, на Крайнем Севере, располагалась, по мнению Розенберга, Атлантида, из которой «лучами расходились отряды воинов как первых свидетелей все вновь и вновь воплощающейся нордической тяги к дальним странствиям с целью завоеваний и организации новой жизни». И далеко не случайно в «Мифе XX века» чуть ли не самым главным действующим лицом является «блаженный мастер» Экхарт — приор-доминиканец, который в течение своей многолетней жизни проповедовал о несозданном и несоздаваемом свете души.

Но вернемся к Розенбергу. В 1934 году он был назначен Гитлером особым уполномоченным по вопросам общего и мировоззренческого обучения и воспитания в НСДАП. Должность, если честно, крайне невыгодная. Розенберг был, по сути дела, министром без портфеля. Его влияние в аппарате нацистской партии было незначительным. Но, несмотря на это, не стоит недооценивать его значение, ведь Розенберг был редактором официального печатного органа НСДАП — «Фёлькише беобахтер». Кроме этого, его «Миф XX века» к 1944 году был издан тиражом более 1 миллиона экземпляров. Фактически это была вторая по значимости (после «Майн кампф») книга Третьего рейха. Сам Розенберг в 1937 году так отзывался о своей личной роли в национал-социалистическом движении: «Моя персона была воплощена в имперской программе: мое «частное мнение» должно было объяснить принципы всей революции, осуществленной фюрером». Розенберг, подобно своему тезке Шулеру, частенько был в доме издателя Брукмана. Подобно Шулеру, Розенберг проявлял неподдельный интерес к катарам. «История альбигойцев, вальденсов, катаров, манихеев... описывает, наряду с историей мучеников свободного исследования и изображением героев нордической философии, поднимающуюся картину гигантской борьбы за ценности характера, т. е. за те интеллектуально-духовные предпосылки, без осуществления которых не было бы западной, не было бы народной цивилизации. Тот, кто сегодня посмотрит на демократизированную, неверно управляемую хитрыми адвокатами, ограбленную еврейскими банкирами, духовно богатую и, тем не менее, истощаемую прошлым Францию, тот едва ли сможет представить себе, что эта страна с севера до самого юга находилась в центре героических боев, которые в течение половины столетия создавали образы храбрейшего типа и которые в свою очередь разжигались героически настроенными мужчинами. Кто из «образованных» знает сегодня действительно что-либо о готической Тулузе, развалины которой и теперь могут многое рассказать о гордом

человечестве? Кто знает великие господствующие кланы этого города, которые в кровавых войнах были уничтожены, истреблены? Кто пережил историю графа Фуа, замок которого сегодня превратился в жалкую груду камней, деревни которого стоят опустошенные, земли которого заселяются только бедными жителями?» Розенберг непосредственно связывал европейских еретиков с вестготами. Действительно, во время Великого переселения народов германская ветвь вестготов оказалась в Южной Франции, оплоте катаризма. Более того, географический центр этих «иммигрантов» лежал в районе Тулузы. Автор «Мифа» яростно нападал на католицизм, который организовал внутренние крестовые походы. «Но то, что в этой борьбе погибло, что вызвало изменение расового типа и характера, именно это и не было рассмотрено настоящими историками. Уничтожение расовой сущности в Южной Франции». «Но сегодня просыпается новая вера, миф крови, вера в защиту вместе с кровью вообще божественной сущности людей. Олицетворяющая светлое знание (!) вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие. Если мы заглянем в самое далекое прошлое и в самое последнее настоящее, перед нашим взором развернется следующее многообразие: арийская Индия подарила миру метафизику, глубина которой не достигнута и сегодня; арийская Персия сочинила нам религиозный миф, сила которого подпитывает нас и сегодня». «Нордическое духовное наследство заключалось, в самом деле, в осознании не только богоподобия человеческой души, но и ее равенства Богу. Индийское учение о равенстве Атмана с брахманом — «Бытие это вселенная, потому что он сам вселенная» — было первым признанием этого. Персидское учение о совместной борьбе человека и светлого Ахурамазды показало нам строгую точку зрения нордических иранцев». Главный идеолог Третьего рейха пошел по пути Шулера и в «Мифе XX века» объявил, что божественный свет располагается в человеческой крови. Различие состояло только в том, что Розенберг видел «божественную сущность крови», зависимой не от человеческих «классов», а от человеческих рас. В подтверждение этого он фактически идентифицировал вестготов с катарами. В заключительной главе «Мифа XX века» Розенберг вообще прибегает к терминологии Шулера: «Вокруг центра народной и расовой чести должны сплотиться личности, вокруг того таинственного центра, который издавна оплодотворял ритм германского бытия и становления, когда Германия обращалась к нему. Это то благородство, та свобода мистической души, сознающей честь, невиданно широким потоком принесшей себя в жертву, перейдя границы Германии и не требуя никакого «заместительства». Отдельная душа умирала за сво-

боду и честь своего собственного возвышения, за свою народность. Эта жертва одна может определять ритм будущей жизни немецкого народа, культивировать новый тип немца. При строгом сознательном отборе теми, кто его изучил и жил им. Этот старо-новый миф приводит в движение и обогащает уже миллионы человеческих душ. Сегодня тысячью языками он говорит, что мы не «кончились в 1800 году», а с возросшим сознанием и взволнованной волей впервые хотим стать самими собой как целый народ — единый с самим собой», чего добивался мастер Экхарт. Миф для сотен тысяч душ является не чем-то, что отмечают в качестве курьеза с ученым зазнайством в каталогах, а новым пробуждением, образующим ячейки духовного центра».

Также вспомним, что Шулер в начале всего располагал мировую космическую культуру, которая породила человека из света, «ячейки эссенции». В итоге жизнь, порожденная из света, сама продуцировала свет. Реформация, по Шулеру, «отравила» свет, который пробудился во время Возрождения. Розенберг словно продолжал фразу Шулера и заявлял, *что национал-социализм был символом* поворота к свету, к возрождению новой «клетки». «В его мистическом символе происходит новое построение клеток души германского народа». Разумеется, в центр этого процесс он ставил чисто биологический аспект. «Отдельная душа умерла... для народности», для «центра народной и расовой чести». Упомянутый им центр являлся телом народа, роль души была фактически сведена до минимума.

Как мы заметили, Розенберг в первую очередь прибегает к расово-биологическим аргументам и лишь затем к чисто религиозным. В данной ситуации не могло быть и речи об изначальном понимании гностицизма. В итоге Розенберга можно рассматривать как одного из создателей вторичного гностицизма, его секуляризованного варианта. Во время становления гностицизма существовало две модели мистического взаимодействия: небо-земля и земля-преисподня. В национал-социалистическом варианте возникла новая модель гностицизма: земля-земля. Сугубо метафизическое понятие плерома ассоциировалось с абсолютно реальным праисторическим государством, в котором господствовали расово чистые атланты — арийцы — протогерманцы. Свет крови обретал здесь вполне четкие очертания. *Искра души, находившаяся в крови, становилась реальной биологической наследной субстанцией.* Утрата изначального райского, доисторического состояния произошла из-за смешения с низшими расами, которые не являлись носителями света. И чем дальше происходило смешение, тем меньше становилось света в крови. В то время как «настоящие» гностики, для того чтобы воссо-

единиться со светом, ожидали смерти, национал-социалисты решили прибегнуть к позитивной и негативной евгенике. Чтобы избежать нового нашествия мрака, надо было всего лишь уничтожить его носителей. Только при этом условии чистота света могла сохраняться почти вечно.

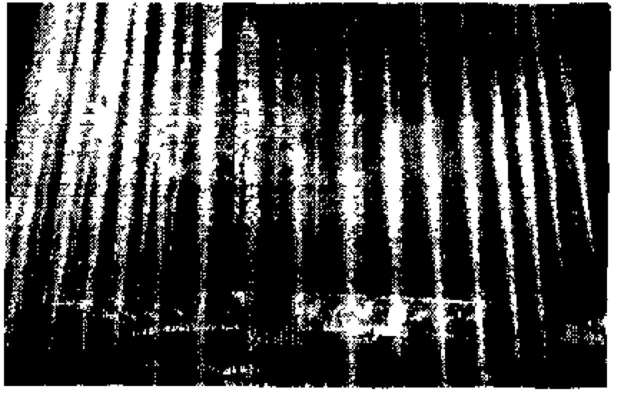
Новая мода на гностицизм быстро охватила весь «фёлькише»-националистический лагерь. Иероним Эккехард в своей статье «Дуализм и гнозис в фёлькише движении» делал следующий вывод: «Дуализм как расовая двойственность, как двойственность духа в борьбе между собственной и чужой душой, как тайное гностическое знание, поднимающееся из глубин души, крови божественных искр света, спущенных на сдерживающую материю, будет возрождаться вновь и вновь. И снова будут возникать тайные организации и союзы, единственно претендующие на правильное понимание мировой действительности».

Интерес к катарам и гностицизму не ограничивался Гитлером, Гессом и Розенбергом. Пожалуй, самым известным исследователем катарского вопроса был эсэсовец Отто Ран, но здесь мы не будем уделять ему особое внимание, так как нам предстоит столкнуться с ним во второй главе. Подчеркну лишь, что именно с появлением в СС Отто Рана охранные отряды превратились в некоего хранителя оккультной доктрины. Собственно, и Ран не был уникумом. В СС вопросами гностицизма занималось несколько структур. В Федеральном архиве ФРГ сохранилась переписка офицеров СС. Так вот, в ней есть несколько писем, из которых становится ясно, что в 1943 году руководство эсэсовского института «Наследие предков» (Аненербе) установило контакты с дивизией ваффен СС «Принц Ойген». В самом этом факте ничего удивительного нет, если бы не повод для подобных контактов. Речь шла о получении «Наследием предков» контроля над могилами богомилов (балканских предшественников катаров), которые находились на территории Герцеговины. Само руководство Аненербе фактически ставило знак равенства между богомилами и готами, к которым проявляло весьма повышенный интерес. Имперский руководитель «Наследия предков», Вольфрам Зиверс, писал по этому поводу: «Богомилы, их могилы в Боснии, Герцеговине, Черногории и Северной Албании являются предметом изучения уже около 60 лет. Фотографии установленных погребений богомилов большей частью уже опубликованы. Связь между сектой богомилов и готами очевидна. Религия богомилов появлялась повсюду, где однажды возникали поселения готов». «Наследие предков» намеревалось провести собственное исследование богомильских захоронений, которое планировалось осуществить под руководством доктора Райсвитца, «очень подходящего человека, ко-

торый уже на протяжении 20 лет занимался изучением богомилов». На это письмо ответил один из сотрудников личного штаба рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера: «Рейхсфюрер СС подчеркнул, что имеются сведения о связи между богомилами и катарами». Как следуют из переписки, Гиммлер проявил очень живой интерес к богомилам. Только этим можно было бы объяснить, что в последующем по его инициативе в «Народном художественном издательстве» было отпечатано 100 тысяч (!) открыток с изображением уже упоминавшихся захоронений. Интересна подпись на этих открытках: «Могилы немецких героев — могилы солдат из ваффен СС наряду с хорватскими погребениями VII—IX веков, на которых изображены руны и свастики». Генриху Гиммлеру показалось, что подобной инициативы недостаточно, и он потребовал, чтобы эти открытки были напечатаны на самой лучшей бумаге. В сентябре 1944 года рейхсфюреру СС показали пять вариантов этих открыток.

Когда мы изучаем гностические следы в нацистской идеологии, то никак нельзя отстраняться от специфических нацистских культов. О свастике даже не приходится говорить. Она применялась практически повсюду. Когда Шулер впервые ввел ее в употребление, то он даже предположить не мог, что этот символ приживется фактически во всех теософских и ариософских группах, положив начало новому культу. Символика мистического света не исчерпывалась изображением свастики. Возьмем хотя бы «собор света», созданный Альбертом Шпеером в 1936 году на Нюрнбергском съезде нацистской партии. «Собор» был создан при помощи 130 прожекторов, которые выбрасывали в небо мощный свет на высоту восемь километров. Под куполом из его лучей уместилась фактически четверть миллиона людей. Редактор одной из ежедневных газет писал об этом событии как о «часе благоговения нацистского движения»: «Над полем возник готический собор из света. Это мечта или реальность? К бескрайним лучам света взлетают слова клятвенной песни. Это поют ученики ордена. Это гигантское благоговение дает всем

Кадры хроники, показывающие создание купола Света

собравшимся здесь новые силы. В этот час благоговения море света защищает нас от темноты, находящейся снаружи». Очевидец этого события Ина Зайдель даже сочинила стихи:

Этот собор, построенный из ясного огня,
Не меньше, чем замок из стали и камня,
Не он ли должен быть святыней
Дорогой для нас, вечной Германии,
Являя собой новую картину смысла?

Как видим, гностицизм и национал-социализм оказались далеко не чуждыми понятиями. Даже после смерти Шулера, последнего немецкого катара, эта религия продолжала привлекать к себе внимание нацистов. Но теперь это было связано с именем Отто Рана.

Глава 2
ОТТО РАН И ПОИСКИ ГРААЛЯ

Тематика книг, написанных Отто Раном, до сих пор привлекает внимание многочисленных читателей. В свое время они произвели эффект разорвавшейся бомбы. Только за написание книги «Крестовый поход против Грааля» Ран был приглашен служить в личный штаб рейхсфюрера СС, где и прослужил вплоть до своего самоубийства в 1939 году. Его жизнь, а в особенности его околонаучные исследования, служба в СС и самоубийство до сих пор порождают множество самых невероятных слухов. Впрочем, во Франции он больше известен не как эсэсовец, а как автор книги «Окцитианское Возрождение». Кстати, его творчество во Франции куда более известно, нежели в самой Германии. В чем же причина такой популярности? Дело в том, что, изучая знаменитую средневековую пьесу Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», он провел достаточно убедительные параллели между названиями населенных пунктов, именами собственным, упомянутыми в поэтической пьесе, и конкретными местами и персонажами французской истории. Сенсацией стало то, что Ран идентифицировал «Замок Грааля» из «Парцифаля» с воспетым Рихардом Вагнером замком Монсвальт и замком на юге Франции Монсегюром. Логика была проста: мифический Монсвальт — обозначал «спасительную гору», а реальный Монсегюр — надежную, безопасную гору. Ран считал, что это были обозначения одного и того же места. Следующим шагом было намерение доказать, что Монсвальт и «Замок Грааля» были одним и тем же местом. Преследуя такую нелегкую цель, Отто Ран решил прибегнуть к ме-

тодике Генриха Шлимана, который, опираясь только на эпосы Гомера, нашел и раскопал легендарную Трою.

Отто Ран

Так почему же Святой Грааль должен был находиться в Монсегюре, последнем оплоте катаров? Ран приводил несколько исторических фактов. Известно, что во время осады Монсегюра из замка удалось вырваться двум группам катаров. Первый раз это произошло на Рождество 1243 года. Тогда Монсегюр тайно покинули двое предводителей катаров — «совершенных». В ночь на 16 марта 1244 года из Монсегюра удалось скрыться еще четырем высокопоставленным катарам. Эти события не давали покоя на протяжении нескольких столетий романтикам и любителям приключений. Зачем высокопоставленным катарам покидать осажденный замок? Естественно, для того чтобы спрятать свои несметные сокровища, которых так и не нашли крестоносцы. Ран подробно проследил путь этого бегства. С керосиновой лампой он облазил все окрестные пещеры Сабарте (по имени церкви Святого Сабарте, где, по преданию, Богоматерь предсказала Карлу Великому победу над сарацинами), где могли скрыться беглецы, и пришел к выводу, что катары вывезли вовсе не бесчисленные богатства. Они спасали куда более ценную вещь — Святой Грааль. Сама книга Рана, написанная большей частью под впечатлением от пережитого, должна была ответить на вопрос: «Что такое Грааль?»

Отто Ран обследует пещеры близ Монсегюра

Грааль был почти неизменным мотивом в средневековой поэзии. В разных произведениях он представал в самых различных формах. Первоначально сага о Граале описывала его как чашу, которую использовал Христос во время последнего причастия, Тайной вечери. Затем в него была налита кровь Христа, распято-

го на кресте. Дохристианские источники содержали несколько изображений котла, в котором возрождались мертвые. Ран придерживался другой трактовки. Подобно Вольфраму фон Эшенбаху, он говорил о камне, выпавшем из короны Люцифера. Казалось бы, между этими версиями нет ничего общего. Одна представляла Грааль как чисто языческий символ, другая изображала его как христианскую мистерию, как евхаристический сосуд. Вольфрам фон Эшенбах не воспринял ни одну из этих версий. Наряду с этими кельтскими языческими и эзотерическо-христианскими представлениями существовала еще одна версия об истории Грааля, представленная алхимиками.

Но во всех вариантах истории о Граале был один общий момент: эта святыня никогда не отделялась от ее поисков. Казалось, будто бы Грааль являлся людям многократно, с одной стороны, как зеркало наших страстей, с другой стороны, как совершенно реальный, даже исторический предмет. Католический Рим никогда официально не поддерживал идею о существовании Грааля, впрочем, никогда и не опровергал. Начиная с первых упоминаний, духовенство хранило молчание об этом символе, который для Рана по своей сути являлся признаком одной из ересей. Речь шла о знакомых нам катарах.

Еще раз взглянем на тех, кому Ран посвящал свои произведения. Как помним, катары были приверженцами одной из христианских ересей, которая по своей сути имела мало общего с христианством. Как уже говорилось в первой главе, название «катары» произошло от греческого слова «чистый». Это официальная версия, но далеко не единственная. Например, слово «катаррос» могло употребляться в контексте очищения желудка слабительным средством, то есть опорожнения. Или вот другая версия. Она позаимствована из декларации Аладуса, которая приводилась в книге «Катары и Грааль». Этимология слова «катары», согласно написанной в 1200 году Алленом де Лиллем «Де фида католика», происходит либо от фразы «coulant par leurs vices» («то, что стекло с их пороков»), либо вообще от «катус» (catus), так как, по преданию, катары целовали кошек. Католики добавляли такую деталь, что целовали кошек именно в зад.

В средневековом немецком языке ругательство «холодный» (katter) применялось к людям, водившимся с кошками и нечистой силой. Интересно, что само слово «катар» было впервые упомянуто в 1163 году рейнским монахом Экбертом фон Шонау. Тем самым человеком, с заметками и книгами которого знакомился Альфред Шулер. Поначалу это обозначение бытовало только в Германии, так как во Фландрии их называли «пифлесами» (от — piphles, «народ бога»), а во Франции — «тиссерадами» (от tisserands — «ткачи»).

Но постепенно немецкое словечко «катар» дошло до Рима и стало появляться во всех документах как обозначение еретика. Сами же катары называли себя просто «христианами», или «добрыми христианами», или «хорошими людьми». Иногда встречалось упоминание о «друзьях Бога», что, судя по всему, было калькой с болгарских богомилов — «любящих Бога».

Не будем вновь повторять все гностические перипетии катарской религии, ее дуалистические и манихейские корни. Подчеркнем, что в основных своих чертах катаризм был апокалипсической религией, а потому опирался исключительно на Новый Завет и Откровение Иоанна Богослова. Единственная практикуемая среди катаров молитва — это «Отче наш», да и читать ее имели право только «перфекты», «совершенные». Впрочем, для катаров имели значение и некоторые апокрифы. Все другие христианские тексты, догмы и таинства католической церкви напрочь отрицались. Для катаров Христос вовсе не был Богом, только Его посланцем, являясь единственным источником откровения.

Католическая церковь не смогла ничего противопоставить этим «еретикам» и их культуре. Ситуация выходила из-под контроля. Обстановка во Франции просто ужасала папский престол. В итоге папа Иннокентий III решился на применение силы. Он отрешил от власти Раймонда VI, графа Тулузы, того самого графства, где царила фактическая свобода вероисповедания. Но Раймонд не собирался отрекаться от власти. В результате в 1208 году раздался новый папский призыв. Он был необычен, так как призывал к крестовому походу против европейцев, к тому же христиан, хотя и инакомыслящих. Как уже говорилось, крестовый поход превратился в форменную резню.

В 1232 году новый папа Григорий IX решил упорядочить преследование катаров и поручил это Святой инквизиции. Катарам оставалось только скрываться в небольших городах и селах. Но инквизиция доставала их и там. Последним оплотом катаризма стал замок Монсегюр. Именно вокруг этого замка и вращался сюжет книги Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». Когда Ран бродил по пещерам Сабарте, которые, как он полагал, были последним путем «совершенных», ему встретился старый пастух, который рассказал следующую легенду: «Когда стены Монсегюра еще стояли, в них катары, чистые, охраняли Святой Грааль. И был Монсегюр в великой опасности. Воинство Люцифера подступило к его стенам. Они хотели захватить Грааль, чтобы укрепить его опять в короне князя тьмы, откуда он выпал, когда восставшие ангелы были сброшены с небес. И когда бой был почти проигран, слетела с неба белая голубка, и Фавор распахнулся. Эсклармонда, защитница Грааля, бросила свя-

Отто Ран в Монсегюре

тыню в недра горы, и она затворилась. Так был спасен Грааль. А когда черти овладели крепостью, то поняли, что опоздали. В ярости схватили они катаров и сожгли под городскими стенами...» Теперь у Рана не было сомнений, что Святой Грааль некоторое время находился в Монсегюре, откуда был тайно вывезен.

Когда осенью 1933 года книга Отто Рана «Крестовый поход против Грааля» увидела свет, то на нее почти тут же в прессе, контролируемой нацистами, было напечатано четырнадцать рецензий. По тем временам очень большое количество. Вот некоторые из них.

«Таг» («День») — Берлин: «Если направиться на юго-восток от Тулузы, в Пиренеи, то можно попасть в совершенно дикий и безлюдный горный лабиринт. Это графство Фуа, это горы, которые приведут вас в Андорру, это древние таинственные замки Монсегюр и Мирамонт, это долина Сабарте. И это огромные пещеры. Пещеры из сверкающей извести и мрамора, из сталактитов и сталагмитов. Пещеры, которые ведут в глубь гор, чтобы внезапно натолкнуться там где-нибудь на свет. Это пещеры с расселинами, органами, соборами и алтарями, созданными из камня. Это колдовские пещеры, в которых лежат греческие вазы и кельтские бронзовые украшения, финикийское стекло и орудия каменного века. На стенах пещер нацарапаны символы пропавших божеств, мировое дерево и солнечная ладья, и в то же время можно найти христограммы, написанные греческими и латинскими буками, гностическая рыба и голубь. До сих пор никто не занимался историей этих пещер. Но теперь немцам представлен результат их многолетнего исследования. В целом эти результаты позволяют раскрыть тайну Грааля. То, что изложил в своей книге Отто Ран, настолько обоснованно и правдоподобно, что миф о Граале впервые обретает исторические очертания».

«Знания нации»: «Ран приводит подробные доказательства моральной чистоты катаров, которые не возлагали на себя никакого другого долга, кроме как чистую любовь к Богу, которую они ставили выше власти королей и римского папы. Книга читается как увлекательный роман. Однако куда больше любых надуманных произведений потрясает, что она повествует об ужасной действительности.

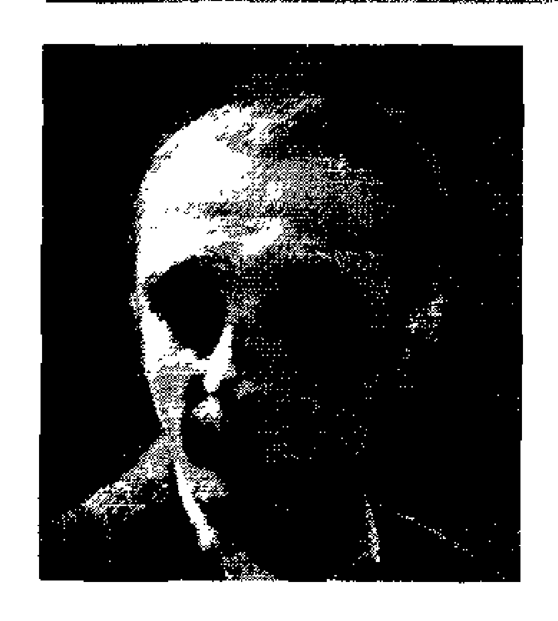
Она потрясает из-за трагедии великого стиля, так как вместе с ним безрассудством и злобой были разрушены самые благородные идеалы человечества. Грааль как драгоценная святыня катаров пропал навсегда; но он продолжает существовать в сердце каждого человека как самая ценная святыня религиозного».

«Вохе» («Неделя») — Берлин: «Минуло 700 лет, как романский катаризм с его провозвестниками был погребен в пещерах, как Рим и его инквизиция расправились с этими наследниками Христа, которые наполнили собой благороднейшее время и вдохновили множество шедевров. Прекрасное произведение Отто Рана убедительно воскресило те прошедшие времена. Особой заслугой автора является то, что при всей своей научности, его книга адресована широкому кругу читателей. В книге мы можем проследить за переживаниями автора от посещения вершин Табора, путешествий по хрустальным залам и мраморным криптам еретических пещер. Мы можем ощутить чистый дух ушедшего времени и его веры, чьи следы Отто Ран нашел в символах, рисунках, именах и костях».

Франц Карл Эндрес: «...Что являет собой Грааль? Это не чаша из Тайной вечери и не имеет ничего общего с церковным христианством. Грааль — это камень мудрости, который Вольфрам Эшенбах называл камнем, пришедшим с неба. К этому можно прибавить арабские воззрения на камень мудрости, которые в определенной степени опираются на древнеарийскую религию света. Это мы можем еще обнаружить в мифе о походе аргонавтов за золотым руном. В саге об аргонавтах можно увидеть начертание символа мирового древа (которое у германских народов получило название Иггрисиля) и парящей в воздухе чаши... Церковь успешно поработала над тем, чтобы уничтожить всю литературу о катарах, чтобы не осталось и следа от чистого христианства, чтобы даже сказание о Граале сохранилось в искаженном виде. Насколько мог быть прекрасен «Парцифаль» Вагнера, если бы он только повествовал об истинном Граале!»

В «Национал-социалистической учительской газете» имперский министр по делам образования и религии Ганс Шемм писал: «Читайте эту в высшей степени интересную книгу, так как все остальные кажутся совершенно неудачными».

Было бы наивно полагать, что книга Отто Рана была оценена только в Третьем рейхе. Обсуждение идей, изложенных в ней, продолжилось даже после 1945 года и длится, по сути, до настоящего момента. Если говорить о многочисленных публицистических упоминаниях книги Рана, то можно указать на статью Генри Миллера, опубликованную 23 ноября 1962 года в еженедельнике «Цайт». В ней автор заявлял следующее: «Среди немецких авторов есть те, которым я многим обязан. Некоторые из них — это специалисты

Отто Ран в начале своего творческого пути

в совершенно различных областях знаний. Это такие люди, как Освальд Шпенглер (которого сегодня я рассматриваю лишь как литератора), психоаналитик Отто Ранк, автор романов Людвиг Левисзон, теолог Рейнхольд Нибур, Штефан Цвейг, Франц Верфель, Шлиманн и Отто Ран, который написал «Крестовый поход против Грааля».

Несколько десятилетий спустя авторы Эльмар Грубер и Хольгер Керстен в своей книге «Пра-Иисус. Буддийские источники христианства» ссылались на Отто Рана: «Многочисленные аналогии и соответствия с Индией можно найти даже в кельтской и кельто-иберийской мифологии, в которых, например, присутствовали идеи о возрождении, вегетарианском питании, культе дерева и солнцеворот (свастика) — символ, который до сих пор можно найти на косяках дверей в баскских деревенских домах. В марсельском музее Борели есть две сидячие каменные фигуры, датируемые II веком до нашей эры. Видимо, это идолы какого-то религиозного культа. Нашли их по соседству в небольших пещерках, выдолбленных в гладких стенах. И хотя у этих статуй нет голов, по мнению ученых, они олицетворяют собой кельто-иберийские божества, однако эти изваяния непостижимо напоминают ранние буддийские шедевры. А именно скульптуры Бодхисатвы с типичными для этих произведений атрибутами: изображение в позе лотоса, веревкой брахмана через плечо и венками как особыми регалиями, надетыми на шею и плечи. Положение рук марсельских статуй очень напоминает жесты Будды. В то время как одна рука указывала на землю, другая рука как бы замирала в благодарственном жесте перед грудью».

Подобная мысль была почерпнута из Отто Рана, и авторы ссылаются на одно из мест «Крестового похода»: «Недавно на юге Франции в иберском захоронении первого тысячелетия до нашей эры была найдена голова Будды. Вероятно, она принадлежала иберийскому или кельто-иберийскому Абеллио, который всегда изображался со скрещенными ногами, как типично для Будды. Кроме того, на всех дошедших до нас пиренейских статуях и алтарях Абеллиона мы находим свастику, религиозный символ буддизма».

«Крестовый поход против Грааля» не был единственным произведением Отто Рана. Впрочем, его вторая книга «При дворе Люци-

фера» не вызвала столь широкого отклика. Первоначально Ран запланировал написать работу об инквизиторе Конраде Марбургском. В ее окончательном варианте, который и увидел свет, содержались путевые заметки о посещении различных памятников. Каждая глава являла собой некую законченную мысль. В итоге, подобно мозаике, выложенной из различных разноцветных камней, Ран представлял читателю живую историю еретического движения и судьбу Грааля. Новая книга очень сильно отличалась по своему стилю от появившегося в 1933 году «Крестового похода против Грааля». Наглядно эти различия можно проследить, если обратиться к самому понятию Люцифера. В «Крестовом походе против Грааля» Отто Ран упоминал эту силу во вполне христианском контексте, делая ее идентичной злу. Во второй книге этот персонаж уже трактуется как «носитель света», а потому Ран считал, что ассоциировать Люцифера со злом, по меньшей мере, несправедливо.

Отто Ран работает над рукописью «При дворе Люцифера»

Надо отметить, что книги Рана произвели большое впечатление на главу СС Генриха Гиммлера, который проявлял повышенный интерес к вопросам истории. Поэтому нет ничего удивительно, что в марте 1936 года Ран стал сотрудником СС, занимая должность референта в Главном управлении охранных отрядов. Сотрудничество Рана с нацистами до сих пор является весьма благодатной почвой для самых различных домыслов и спекуляций. Часть из них непосредственно связана с Вевельсбургом, замком, который располагался в окрестностях города Падеборн. Именно в этом замке руководство СС задумало создать некое подобие идеологического центра СС, «черного ордена», подчинявшегося Гиммлеру. Многочисленные документы наглядно показывают, насколько серьезно и вдумчиво относились к этой идее создатели плана по формированию новой аристократии «тысячелетнего Рейха».

Многое указывало на то, что верхушка СС очень серьезно относилась к этому проекту. В различных проектах первоначальная, треугольная форма замка была всегда основой для создания огромного, копьевидного строения. В этом можно увидеть очевидную символи-

Макет и план реставрации замка Вевельсбург

ку Грааля. Вполне возможно, что Вевельсбург символизировал собой наконечник копья Лонгина, с которого, как в христианской мифологии, в чашу Грааля капала мистическая кровь.

В центре этого наконечника копья располагалась глубокая, выдолбленная в скале сферическая крипта, вокруг которой стояли двенадцать базальтовых постаментов. Архитектура замка не была богатой, но продуманной до самых мелких деталей. Истинное назначение многих из них так и осталось неизвестным, что еще больше подливало масла в огонь — замок Вевельсбург всегда давал повод для различных домыслов и мифов. Поскольку на эти вопросы так и не удалось пролить свет, в специальной литературе Вевельсбург все чаще и чаще стал упоминаться как «орденский замок Грааля». К этому стоит также добавить и то, что Отто Ран действительно одно время работал в Вевельсбурге. Именно этот факт позволил многим утверждать, что этот исследователь искал Грааль для своих новых хозяев. Попытаемся сами разобраться в этом вопросе, для чего обратимся для начала к биографии Отто Рана.

Когда в марте 1939 года почти сразу же после празднования своего 35-летнего юбилея Отто Вильгельм Ран совершил самоубийство, он оставил историкам в наследство не только свои книги, но и свою короткую, очень запутанную, загадочную жизнь. После его смерти многочисленные легенды превратили О. Рана едва ли не в самого таинственного писателя Германии. До сих пор не очень ясно, какую роль играл Отто Ран в СС и нацистской партии. После войны мифы вокруг Рана не только не были развенчаны, но, напротив, приумножены благодаря охотникам за сенсациями. Серьезные исследователи обходили этот сюжет стороной.

Отто Ран был первым ребенком Карла и Клары Ран (в девичестве Гамбургер). Отто родился 18 февраля 1904 года в четыре часа пополудни в Михельштадте-Оденвальде, городке, где родилась его мать. Сведения о детстве Отто Рана достаточно скудные и в основном сводятся к скупому описанию, которое дал сам Ран в одной из своих книг. Его родители были очень набожными евангелистами. Отец Отто служил чиновником в суде и мечтал, что сын станет юристом. До начала Первой мировой войны Отто Ран вместе с родителями жил в небольшом немецком городке Бинген-на-Одере, где посещал гуманитарную гимназию. Военные невзгоды заставили семью Ранов перебраться в университетский город Гиссен. Отто стал посещать там гимназию ландграфа Людвига, где познакомился с бароном фон Галлом, заместителем директора гимназии, который преподавал Закон Божий. Именно этот человек впервые рассказал мальчику о катарах. Этот рассказ фактически предопределил всю судьбу Отто. Живое описание средневековых событий вдохновило мальчика. Некоторые из исследователей утверждали, что барон фон Галл был видным деятелем в теософских обществах. Но это не соответствовало действительности. Фон Галл был консервативным человеком и отрицал такие экзотические направления, как спиритуализм или теософия. Жизнь его была чересчур размеренной и нарушилась только один раз, в 1944 году, когда подслеповатый преподаватель вывесил в день рождения фюрера на свой дом кайзеровский черно-бело-красный флаг, а не красное полотнище с черной свастикой.

Но вернемся к Отто Рану. Повинуясь желанию отца, Отто после сдачи экзаменов на аттестат зрелости стал изучать юриспруденцию. Учебу он начал в Гиссене, а продолжил во Фрайбурге и Хайдельберге. Именно в Гиссене Ран познакомился с молодым поэтом и писателем Альбертом Генрихом Раушем. Новый друг стал для молодого Отто образцом для подражания. Альберт Рауш, известный своим богемным образом жизни, никогда не скрывал своих гомосексуальных наклонностей. Некоторые знакомые отмечали, что Рауш был искушенным совратителем своих юных друзей. До сих пор не известно точно, пристрастился ли Отто к однополой любви или нет. На этот счет не сохранилось никаких свидетельств современников, или документов. Имеются только косвенные доказательства, которые в настоящее время никто не может ни подтвердить, ни опровергнуть. Скорее всего, если Ран и был гомосексуалистом, тот этот факт замалчивался. По некоторым сообщениям, мать Отто сообщила его жене эту «семейную тайну» лишь незадолго до своей смерти.

В 1925 году Ран временно прервал свое обучение. Причина этого поступка кроется в отсутствии необходимых финансов у его семьи. Хотя не стоит думать, что Ран был бедняком, его родители бы-

ли достаточно зажиточными людьми. По собственному признанию, Отто хотел освоить какую-нибудь практическую профессию и потому решил учиться издательскому делу. Но из переписки с Альбертом Раушем следует, что Отто в этот период являлся не столько учеником, сколько коммивояжером у различных книжных издательств. Поездки по всей Германии оказались очень познавательными и принесли Отто несомненную пользу. Эта свободная, почти бродяжническая жизнь способствовала творчеству. После трех лет разъездов по Германии Ран решает вернуться в университет. В письме Альберту Раушу он сообщает, что на этот раз твердо намерен получить ученую степень. В том же письме он упомянул о своей новой любви — 19-летнем Раймонде Перрире из Женевы. Этот швейцарец, говоривший на французском языке, жил в доме родителей Отто, где изучал немецкий. Юноша происходил из приличной, богатой семьи — его дядя Брет Перрир был почетным канцлером Женевы. Отто Ран в течение многих лет поддерживал связь с Раймондом Перриром.

Зимой 1928/1929 года Отто Ран меняет свои научные пристрастия. Он больше не хочет изучать юриспруденцию и переходит на филологический факультет. Именно здесь он пишет свои первые произведения. Они даже были опубликованы в издательстве «Урбан». Хозяин издательства Фогельзанг шутливо называл молодого литератора «учеником Гундольфа». Гундольф — это псевдоним Фридриха Гундельфингера, преподавателя Отто в Хайдельбергском университете. Факт, может быть, на первый взгляд и незначительный, если бы не было известно, что Фридрих Гундельфингер входил в кружок Стефана Георге и был знаком с Альфредом Шулером, от которого заразился яростным антисемитизмом. Его литературные произведения были проникнуты глухой ненавистью к евреям. Но это не были дешевые агитки. Геббельс, если верить его дневникам, стал антисемитом именно после прочтения в 1920 году книги Гундольфа «Евреи».

Несмотря на некоторые успехи, учеба на новом месте у Отто не заладилась. Уже в июле 1929 года он сообщает Раушу, что вынашивает новый план — направиться в Париж. Но в Париж он не попал — в то время он живет в Швейцарии в семье своего «друга» Раймонда.

Четыре недели спустя после того как на Нью-Йоркской финансовой бирже произошел сенсационный обвал, с которого начался мировой экономический кризис, Ран писал: «После восьми месяцев в Хайдельберге и двух — в Женеве я снова нахожусь с моим великолепным другом Раймондом Перриром в Берлине». Неизвестно, что привело этих молодых людей обратно в Германию, в Берлин. Веро-

ятно, дикий, необузданный Берлин, превратившийся в 20-е годы в некую «Мекку для гомосексуалистов», манил их куда больше, чем благопристойные нравы Швейцарии. В то время немецкая столица переживала чуть ли не голубой бум. Только в Берлине насчитывалось около сотни кафе для гомосексуалистов.

Об этом периоде жизни Рана поведал другой швейцарец, Пауль Алексис Ладаме, который в то время учился в Берлине. «В том 1930 году перед одной из лавок сапожника можно было увидеть очередь, там в витрине висел плакат: «Требуется мальчик на побегушках. С велосипедом. Желательно высшее образование». Но Ран не был мальчиком на побегушках. Я, во всяком случае, не верю в это. Он был безработным и кем только не подрабатывал: внештатным учителем в народной школе, репетитором, переводчиком, корректором, продавцом, упаковщиком, статистом на съемках, но чаще всего билетером в кинотеатре. В художественной среде, в которую мы были тогда вхожи, вращались такие люди, как Эрих Мария Ремарк, Фриц Ланг, Георг-Вильгельм Пабст, Макс Райнхард, Ганс Рихтер. Я предпочитал живопись и кино, а Ран — литературу и театр... Я подрабатывал, исполняя второстепенные роли в «Трехгрошовой опере» и «Четверых из пехоты». Ран же в то время писал диалоги или рецензии на французские романы».

Но в 1930 году Ран вновь оказывается в Швейцарии, откуда пишет письмо своему старом другу Альберту Раушу. В этом письме он сообщал, что с начала года нашел работу сценариста. Но сценарист, видимо, из него не получился, так как в декабре 1930 года он уже работал преподавателем в одной из женевских школ. Эту нелегкую борьбу за существование Ран достаточно подробно описал в своей эсэсовской автобиографии, подчеркнув, что в то время заинтересовался работами Кальвина, Руссо и Вольтера.

Но дела в Швейцарии шли неважно. Позже он так описывал свой «женевский период»: «Оттуда я унес плохие воспоминания. Я плохо устроился, дурно питался. Я получал месячную зарплату, которой едва ли хватало на неделю. В моей комнатушке не было ни раковины, ни ванной. Но именно там я начал писать несколько статей. Самая значимая из них должна была быть посвящена Великому инквизитору моей страны. Тогда, в этой крайней нужде, я решил сделать все возможное, чтобы добиться успеха. Представьте себе, в течение трех месяцев я вновь и вновь переделывал статью о Великом инквизиторе. Но каждый раз получалась только одна-единственная внятная машинописная копия. Я отослал мою работу более чем пятидесяти газетам и специализированным журналам. Но я получил только один отзыв — и тот был отрицательным. Это было

агентство, заинтересовавшееся моими новыми работами, которые я бы мог предоставить».

В итоге Рану все-таки пришлось перебраться в Париж. Во французской столице Отто познакомился со многими литераторами и частными исследователями. Сделал он это независимо от Альберта Рауша, хотя тот бывал в Париже даже чаще, чем в Германии. Накануне захвата власти нацистами Рауш устроился в Париже на постоянную работу. Он стал пресс-секретарем и заведующим отделом печати местного отделения «Международного Красного Креста».

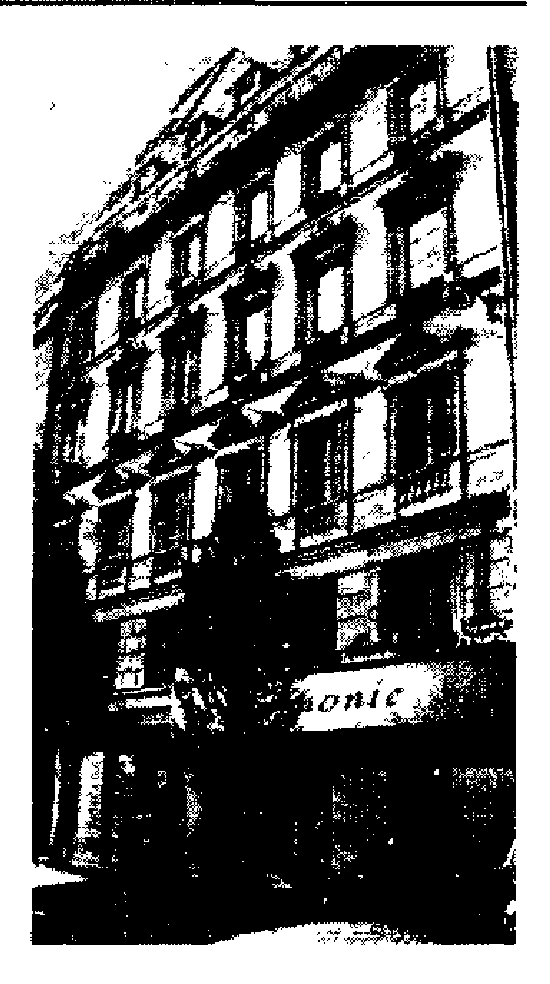
Но для Рана особое значение имело знакомство с тулузским поэтом и эзотериком Морисом Мегре. Не исключено, что именно Мегре подвигнул Рана увязать воедино еретическое движение катаров и символику Грааля. Дело в том, что в стихах, сказках и романах Мегре можно найти столь характерное для Рана смешение легенд, мифов и исторических фактов. Эту мысль подтверждает старый знакомый Отто — Пауль Ладаме. Ладаме вспоминал, что как-то во время завтрака Мегре высказал мысль, что «таинственный «Никетас»[1], прежде чем вернуться на Восток, прежде чем покинуть этот мир, должен был оставить Слово, письменный документ, излагающий его учение. Рукопись должна была храниться вместе с сокровищами катаров в замке Монсегюр. Она могла быть скрыта под землей в гротах пещеры Орнольяк». Ран очень живо отреагировал на эту идею. Он возбужденно заговорил: «Я разделяю ваш взгляд. Искать надо именно там. Пещера Орнольяк наверняка скрывает сокровища».

Именно эта беседа стала ключом к идее Рана, когда он увязал вместе легенды о Граале и судьбу катаров. Хотя сам он считал несколько иначе. Он утверждал, что эта мысль пришла к нему совершенно случайно. Действительно, немудрено, что он запамятовал об этой беседе, которая дала ему рабочий тезис для будущей книги, ведь в то время он был одержим совершенно другими планами. В феврале 1931 года Ран направляет Раушу очередное письмо, в котором бурно описывает перспективу собственного дела. Ран намерен создать собственное издательство, которое будет специализироваться на выпуске немецкой и французской литературы. Но этим планам не было суждено сбыться. К тому же в это время он переживает личную драму — Раймонда забирают в армию, а самому Рану отказано в очередном визите в Швейцарию.

Возможно, оказавшись на пике страданий, Ран решил посвятить своё свободное время изучению мучений катаров. Это, каза-

[1] Видимо, речь идет о богомильском епископе Никите, который по одной из версий скрылся в Южной Франции.

лось бы, пустое занятие превратилось для Отто в смысл всей его жизни, в идею, которой он был одержим до самой смерти. В этом начинании ему очень помогла графиня Пюжоль-Мюрат, происходившая с юга Франции. Она была одной из многочисленных знакомых Мориса Мегре. Графиня слыла в светских кругах большой поклонницей спиритизма. Кроме этого, она поддерживала тесные контакты с «Полярисом», эзотерической группировкой, в которой проповедовались нордическое мировоззрение и идеи «ледяной космогонии», выдвинутые Гансом Гёрбигером.

Парижская штаб-квартира «Поляриса»

Накануне Второй мировой войны французский писатель Пьер Жеро написал книгу, посвященную тайным орденам и сектам, базировавшимся в Париже. Так вот, о «Полярисе» он поведал следующее. Руководитель этой организации использовал псевдоним «Зам Ботива». «В то время он был очень известен в оккультных кругах. Он достиг этого благодаря тому, что якобы нашел волшебный посох каббалиста и философа эпохи Возрождения Пико дела Миронадола». Именно посох помогал этому мистику добывать золото. Вместе с этим «Зам Ботива» намеревался разыскать сокровища катаров. «С этой целью он добился расположения одной очень экстравагантной дамы, состоящей в Гностической церкви. В ней текла кровь потомков известной альбигойской еретической папессы Эсклармонды де Фуа. Имя этой таинственной дамы хранилось в строжайшей секретности. Но ее можно идентифицировать с графиней Пюжоль-Мюрат».

Графиня очень любезно встретила Отто Рана и всячески помогала ему. Она активно поддерживала изыскания молодого немца, видимо, считая себя новым воплощением катарской Эсклармонды де Фуа. Она предоставила Рану для поездок по стране не только роскошный автомобиль, но и личного шофера Йозефа Видегера. Чтобы путешественники чувствовали себя более комфортно, им была безвозмездно выделена достаточно крупная сумма. Подобная импровизированная экспедиция стартовала в августе 1930 года. Именно тогда Ран впервые увидел места, которые позже описал в своей

книге «При дворе Люцифера»: Арьеж, замок Памьер, графство Фуа, развалины Монсегюра, солнце в Каркассоне. Именно во время этой поездки Ран знакомится с Деодантом Роше, ярым приверженцем антропософских идей Рудольфа Штайнера.

Сам Деодант Роше ни в своих мемуарах, ни в других публикациях никогда не упоминал Отто Рана. Могло показаться, что он с ним незнаком или забыл эту случайную встречу. Но сохранилось одно его письмо, датированное 1932 годом. В нем этот француз писал: «От господина Люка, президента апелляционного суда По, я получил вступительную речь, в которой воспроизведены высказывания «очень талантливого немца — Отто Рана», в частности, рассказ пастуха из Таборских гор об Эсклармонде. Однако сам Отто Ран поведал мне, что этот рассказ услышал от графини Пюжоль-Мюрат. Это указывает на некоторую чудаковатость Отто Рана. Как думаете, рассказ пастуха и легенда об Эсклармонде действительно существуют? Мне кажется, что Эсклармонда, улетающая в Гималаи, — это выдумка «Поляриса».

Так, значит, встреча с Роше не была случайностью? Как мы видим, за Отто Раном следили люди (или структура?), недовольные деятельностью «Поляриса». Причем следили не просто так. В определенный момент его попытались дискредитировать. Поручено это было тому самому человеку, которому адресовал свое письмо Деодант Роше. Его звали Йозеф Мандемент. Именно Мандемент попробовал представить Рана историческим фальсификатором, когда тот подводил мелком контуры наскального рисунка. На самом деле в то время это был самый распространенный метод для фотосъемки полуисчезнувших неконтрастных изображений. Дело чуть не дошло до драки.

Но куда важнее встречи с Деодантом Роше было знакомство с Антонином Гадалем. Они сразу же подружились. Они понимали друг друга с полуслова, и Гадаль стал своеобразным покровителем Отто Рана. Именно ему была первоначально посвящена книга «Крестовый поход против Грааля». А в ее заключительной части мы можем даже найти следующие строки: «Господин Гадаль не только любезно предоставил мне, иностранцу, возможность без помех проводить все представляющиеся мне целесообразными работы в пещерах, расположенных у подножия памятника, но и предоставил неограниченный доступ в свою необъятную библиотеку и свой частный архив».

Слово «архив» было, конечно, преувеличением. Дело в том, что с 1925 по 1930 год Гадаль собирал самые различные материалы, которые заносил в папку под названием «На пути к Святому Граалю». Со временем папка превратилась в некое подобие рукописи. Этот

манускрипт стал настоящим открытием для Отто Рана. Но самое удивительное состояло в том, что Ран был первым, кто прочитал этот материл. Гадаль очень строго берег свои материалы от чужих глаз.

Нельзя сказать, что именно Гадаль сформировал идеи Отто Рана о том, что катары являлись хранителями Святого Грааля. Они приходили к нему из различных источников, с разных сторон. Кроме оккультного подтекста, не стоило забывать, что Ран был протестантом. А стало быть, катары виделись ему некими предшественниками лютеранской реформации. Да и, судя по всему, ему самому как потомку еретиков очень хотелось, чтобы крепость Монсегюр была «Замком Грааля», описанным Вольфрамом Эшенбахом в «Парцифале».

Рене Нелли, который перевел на французский язык «При дворе Люцифера», выражал такую же точку зрения: «По моему мнению, странной идеей о том, что Монсегюр являлся легендарным замком Грааля, немецкого писателя скорее всего заразили Артур Коссоу и графиня Пюжоль-Мюрат. Они оба придерживались таких воззрений. Я не уверен, что Артур Коссоу был оккультистом, но графиня точно интересовалась «тайными науками». Она принимала послания от духов и утверждала, что поддерживала связь с Эсклармондой, которую считала своей прародительницей. В какое-то время она интересовалась сектой «Полярис», которую в 1930 году создал Зам-Ботива. Эта организация продолжала «бореальную» традицию и разделяла миф об Ультима Туле, «далекой Туле». Отто Ран приводит в своей книге («Крестовый поход против Грааля») воспоминания об этой старой даме, скончавшейся в 1935 году. Его высказывания свидетельствуют о глубочайшей симпатии, которая граничила с некой платонической влюбленностью. Артур Коссоу был «очень пожилым» частным исследователем, которого Ран вывел под именем М. Ривеса. До того как был разрушен замок Лавеланет, я сам был у него частым гостем. У себя он хранил ценнейшую коллекцию вещей, найденных в Монсегюре. Часть из них была сделана из обожженной глины, часть из камня. Он также всерьез занимался окцитанской поэзией. На мой взгляд, он был первым, кто предложил гипотезу, что трубадуры были скрытыми катарами; и что под воспеванием «дамы» они подразумевали почитание божественной мудрости (Софии) и катарской церкви. Именно эта теория воодушевила Отто Рана, а позже, вернувшись обратно во Францию, вызвала изрядный фурор».

3 марта 1932 года тулузская газета «Депеш» напечатала такую заметку: «Наступает новая золотая лихорадка? Вблизи г. Массат немец руководит раскопками, которые осуществляются силами груп-

пы «Полярис». Наши читатели могут вспомнить, как прошлым летом мы сообщали о прибытии в парижскую резиденцию «Поляриса» (авеню Рапп) массы представителей иностранных теософских обществ. Эта организация пользуется гигантской популярностью за границей, прежде всего в Англии. Но что «Полярис» делал прошлым летом в Арьеже? Как мы предположили еще тогда, речь скорее всего пойдет о раскопках замка Монсегюр. Наверняка их целью является поиск альбигойских сокровищ, которые, вероятно, еще в XIII веке были спрятаны в местных подземельях и пещерах. В «Полярисе» же утверждают, что намереваются найти катарскую реликвию, которая известна больше как «Евангелие Святого Варфоломея», чьи списки якобы находятся в Британском музее. В целом замечено, что «Полярис» преследует ту же цель, что и инженер Арно, который буквально несколько недель назад заявил одному из наших сотрудников о предстоящих сенсационных находках. Как было заявлено, он игнорирует предпринятые прошлым летом поиски «Поляриса», и вообще он не придает этому обществу никакого значения. Но делает он это, кажется, по личным мотивам. Пропав на долгое время, «Полярис» совершенно неожиданно объявился в Арьеже. Несомненно, его привлек балаган, который устроила пресса вокруг раскопок Арно. В настоящее время члены этой организации остановились в Усса-Орнольяке, дабы вновь исследовать все прилегающие к городку пещеры. Руководителем этого предприятия является некий Рамс, иностранец, который по некоторым сообщениям приехал из Германии. Возникает вопрос: к чему приведут эти исследования? Еще более интересно, кто из сторон — французский инженер Арно в Монсегюре или «Полярис» с господином Рамсом в Орнольяке — первой найдет катарские сокровища и рукописи. Можно заключать пари».

Эта заметка возмутила Рана. Не прошло и четырех дней с момента ее появления, как та же газета опубликовала в разделе «Письма читателей» ответ Отто Рана: «Дорогой коллега, — обращался Ран к журналисту, — допустим, что при посещении Германии Вы открыли для себя тему, которая требует серьезного научного и литературного осмысления. Дальше мы предположим, что местное население оказало Вам теплый и любезный прием. Что Ваши надежды на сближение двух народов сбываются. Что Вы нашли близких друзей среди бывших солдат и офицеров, которые еще недавно воевали против Вашего Отечества. А теперь представьте, что Ваш немецкий коллега опубликовал несколько строк, в которых назвал вас «золотоискателем» и даже поставил под сомнение Вашу национальность. Что бы Вы подумали? Что бы Вы сделали? Мой дорогой коллега, этот случай с точностью до наоборот произошел со мной в Вашей

прекрасной стране. А Вы являетесь тем самым человеком, который опубликовал эти строчки. Я не имею чести знать Вас, а потому прощаю искажение моей фамилии. Разрешите представиться, меня зовут Отто Ран, а не Рамс! Кстати, чтобы находить спрятанное золото, необходимы лопаты, кирки и прочие подобные инструменты. Но для этого надо быть «исследователем», а еще лучше «теософосом». Я же работаю простым писателем, дорогой коллега! Писатель — это тот, кто зарабатывает себе на жизнь эпистолой. А потому, дорогой коллега, я прошу Вас, чтобы Вы в течение ближайших двух недель убедились, что я не занимаюсь поиском «сокровищ катаров» и не одержим «золотой лихорадкой», что Вы мне приписываете по какой-то ошибке. Отто Ран. Вилла «Лес Шармилес». Арьеж».

Но, вопреки своему письму, Ран не был просто писателем, который вдохновлялся имеющимися фактами. В этом отношении он напоминал священника Наполеона Пейрата, который написал в XIX веке 5-томную «Историю альбигойцев». Это монументальное творение почти сразу же стало некой исторической «библией» Южной Франции. Излагая канву исторических событий, этот священник весьма своеобразно вставлял в нее всевозможные мифы и сказания, предания о подземных ходах в Монсегюре. Эти тоннели должны были скрывать в себе духовные и материальные сокровища катаров. В предисловии к своему труду Пейрат писал: «В качестве беспристрастных свидетелей я привлекал не столько книги, музеи и беспамятные народы, сколько пещеры, леса, землю и небо». Ран решил идти таким же интуитивным путем, что, с одной стороны, делало его книгу научно уязвимой, но, с другой стороны, очень привлекательной. Он пытался найти некие внутренние переживания, которые должны были приоткрыть ему завесу истории.

Имеет смысл сказать несколько слов об упомянутом нами выше инженере Арно. В документах он описывался как образованный и даже изысканный человек. Свои раскопки в Монсегюре он начал в 1930 году. Примечательно, что этот проект финансировался из средств «Теософского общества». В одном из интервью «Депеш» он заявил: «Сокровища являются для меня несколько другой вещью, нежели деньги или золото. Это библиотека, состоявшая из самых ценных рукописей о догмах и учении катаров. Катары, ученики Платона, могли, например, владеть несколькими уникальными копиями давно исчезнувших произведений».

Один из современников так описывал Рана в этой обстановке: «Для него окраска истории и качества рассказчика значили больше, чем сама истина. Он был еще ребенком, голова которого была полна историй и легенд, мало понятной мифологией. Ребенком, который слушает рассказываемые ему истории. Детское удивление. Ко-

гда по его просьбе я дополнительно изучал важнейшие этапы битв Карла Великого в Ломбардии и при Ла Унарде, то он меня спрашивал: «А есть ли вообще доказательства того, что Карл Великий там присутствовал?» Или: «Позволяет ли найденное оружие сделать вывод, что эта битва все-таки состоялась?» Нет, наоборот, он спрашивал: «А Карл Великий?», подобно тому, как дети спрашивают: «А индейцы?»

В ноябре 1931 года Отто Ран снимает комнату в одном из французских городов. Наряду с путешествиями и исследовательскими поездками Ран пытается утвердиться в жизни как бизнесмен. Неопытный в финансовых вопросах Отто Ран арендует на три года отель «Мароннирес», который стоял на шоссе, ведущем из Тулузы в Андорру. Это было живописное местечко. Вокруг отеля росли каштаны. Несмотря на то что гостиничный бизнес переживал не лучшие времена, Отто Ран не сразу отказался от мечты, что в его отеле гостями будут Марлен Дитрих и Жозефина Бакер.

В это время случилось много странных событий. Монсегюр и катары словно магнитом стали притягивать различных исследователей. В июле 1932 года к Антонину Гадалю приезжает Андре Глории. В течение 20 дней они изучают, фотографируют и зарисовывают ставшие почти легендарными пещеры. Но за это время они умудрились ни разу не столкнуться с Отто Раном. В начале сентября 1932 года Ран встретился со своим старым берлинским знакомым Паулем Ладаме, который специально прибыл к нему во Францию. Отто произвел на него странное впечатление: «Ран принял меня словно в семейном пенсионе, а следующим утром повел к «пещерам катаров». Он был нервозным, обеспокоенным и каким-то поспешным. Он хотел показать мне все, что возможно, и убедить в серьезности своей работы. Но он ни словом не обмолвился о своих финансовых затруднениях, с которыми ему приходилось постоянно сталкиваться. Он был полностью погружен в свою книгу о катарах. Он восторженно говорил о своих изысканиях, убежденный, что совершил одно из самых важнейших исторических открытий. Он верил, что после публикации «Крестового похода против Грааля» он станет знаменитым и богатым, а его книга будет тотчас переведена на все языки мира и признана литературной критикой».

Но поводов для оптимизма пока было маловато. 6 октября 1932 года суд по коммерческим делам графства Фуа объявил предприятие Рана банкротом. Не успел Ран направиться в Париж, как полиция объявила его в розыск. Не успел он оправиться от коммерческого краха, как его объявили немецким шпионом и руководителем международной тайной организации, центр которой располагался в злополучном отеле. Иностранцы, как всегда, становятся первыми

жертвами шпиономании, царящей в обществе. Ран вынужден бежать из страны. Много позже он попытается вновь вернуться во Францию, но путь ему будет закрыт. Ему больше не суждено увидеть места, где он проводил свои исследования.

Писательница Изабелла Сэнди позже так поэтически опишет пребывание Отто Рана в Южной Франции: «Меж двумя войнами в небе над Арьежем пронесся метеор. Он рассек небосвод, как алмаз режет стекло, и исчез навсегда. Он носил человеческое имя — Отто Ран. Кем он был? Мы не знаем этого... Откуда он прибыл? Из Германии. В качестве его родины называли Тироль. У него были густые волосы с золотым отливом, которые обрамляли его голову как крылья. Глаза были подобны антрациту — туманные и пепельно-серые. В них блистали молнии, причину появления которых мы не знали. Он со своими мистериями, которые должны были сопровождать его до самой смерти, провожать в потусторонний мир, вел себя немного по-детски».

Та же Изабелла Сэнди пересказывала следующую беседу одной женщины, чье имя осталось неизвестным, с Отто Раном:

«— Приходят другие предвестники, но мы не должны забывать слова моего земляка Новалиса: третья инкарнация осуществится не в человеке, а целом народе...

— Я не понимаю, — воскликнула хозяйка дома, — Отто, говорите яснее!

— Я и так говорю понятно.

У двери он бросил последние слова:

— Я не могу покинуть немецкую землю. Она словно пристала к моим шагам. Она богата и плодородна, но в нее надо кинуть семя, которого она так ждет. Истинная Родина человечества в глубине самого человека. И лишь затем приходит география».

Осенью 1933 года, то есть два года спустя после того как Отто Ран изучал долины и пещеры Пиренеев, его книга «Крестовый поход против Грааля» вышла во Фрайбургском издательстве «Урбан». Оставшийся неизвестным владелец этого издательства так изображал свою первую встречу с Отто Раном: «Однажды он появился на пороге нашего издательства. Без пальто, только в берете, как будто он мог спасти от непогоды. Его воодушевленный рассказ о крестовом походе подействовал на нас, и мы решили заключить с ним договор, дав ему возможность в течение года дописать книгу во Фрайбурге».

Казалось, дела Отто Рана пошли в гору. В преддверии выхода его книги отрывки из нее зачитываются на «Юго-западном немецком радио», базировавшемся во Франкфурте-на-Майне. В этом начинании ему поспособствовал Альберт Рауш, который в то время

писал доклады для Франкфуртского радио. Именно в это время Ран, общительный и элегантный, заводит новые знакомства. В круг его общения попадает Свен Шахт, племянник Ялмара Шахта, владельца «Юго-западного немецкого радио», позже ставшего президентом Имперского банка. На радио Ран знакомится с Дитмаром Лауерманном, участником молодежной организации «Серый корпус». Этот человек писал молодежные пьесы для радио. Там же Отто встречает Манфреда Кайзерлига, сына известного немецкого философа, который сводит молодого исследователя со своим отцом. Среди новых приятелей Рана мы можем заметить и студента медика Ганса Гребе, который редактировал присланные на радио рукописи. Именно к этому юноше Ран обращается с просьбой помочь написать ему книгу о Конраде Марбургском. В итоге оба молодых человека решают совершить поездку в Вильнсдорф. Именно в этом местечке Конрад Марбургский уничтожил в 1233 году «еретическую школу», а «мятежников» направил на костер.

Ран и Гребе большую часть пути до места своей «экспедиции» добираются на поезде, а остаток — на велосипедах (велосипеды им любезно предоставил брат Гребе). Оказавшись на месте, Ран усиленно ищет следы от костров, на которых сжигались еретики. В итоге он находит небольшое местечко, которое называется Брендхен, что с немецкого переводилось приблизительно как «сожженьице». На этом «экспедиция» закончилась. Вернувшись домой, Ран дарит Гансу Гребе экземпляр своей книги, который был подписан 2 сентября 1933 года. Значит, свою «экспедицию» в Вильнсдорф Ран предпринял в августе 1933 года.

На обратном пути оба молодых человека случайно встречают Альберта Рауша и попадают на праздник в семью виноделов Кольхасов, живших в Ербах-Эльтвиле. Хозяин дома, Йоахим Кольхас, и Альберт Рауш познакомились в рядах молодежного почвеннического движения «Перелетные птицы», очень популярного в среде немецкой молодежи в 20-е годы XX века. Интересно, что к «Перелетным птицам» примыкал и Ганс Гребе, который был даже знаком с «дядей Вилли» (Вильгельмом Янсеном), руководителем этого молодежного движения.

Эти контакты между Кольхасом, Гребе, Раушем, «дядей Вилли» и Отто Раном свидетельствуют о достаточно сильной гомоэротичной традиции внутри «Перелетных птиц». Когда нацисты, пришедшие к власти, обвинили ряд видных деятелей молодежных движений в гомосексуализме, то мне это показалось лишь способом дискредитировать конкурентов Гитлерюгенда. Но, видимо, дыма без огня не бывает. Об этом говорит хотя бы один факт. В 1912 году студент философского факультета Ганс Блюхер написал книгу «Немецкое дви-

жение «Перелетных птиц» как эротический феномен». Книга вызвала громкий скандал. В ней повествовалось, в частности, о «дружеской любви», царившей в «Перелетных птицах». Кстати, сама биография «дяди Вилли» является яркой иллюстрацией по этому вопросу. В 1908 году он лишился своего поста руководителя «Перелетных птиц», а два года спустя и вовсе исключен из организации по причине крайне странных отношений со своими юными подопечными. Впрочем, это сюжет для совершенно другой книги.

В своих воспоминания Йоахим Кольхас вспоминал, что писатель Сибург писал ему об Отто Ране, что Ран был первым, кто начал «правильно» изучать историю катаров. «Лишь после него некоторые французы стали мыслить в этом направлении». Как-то Кольхас заявил Вольфгангу Фроммелю, одному из руководителей «Юго-западного немецкого радио»: «Вы слишком часто оспариваете результаты, которых удалось достигнуть Отто Рану». Судя по этой фразе, он не сомневался в способностях молодого товарища. Примечательно, что сам Фроммель увязывал миф о Граале исключительно с аргонавтами, которые занимались поисками золотого руна, о чем позже Отто Ран упомянул в своей второй книге.

13 октября 1933 года Альберт Рауш пишет письмо Отто Рану. Из его содержания следовало, что старые товарищи поменялись местами. Теперь Ран покровительствовал Раушу. Он помогал ему с подготовкой новых радионовелл. И именно Ран организовал литературное обсуждение только что появившейся на свет книги Рауша «Мать мудрости». Сам Рауш не захотел оставаться в долгу. 10 декабря 1933 года в «Базельском вестнике» он публикует статью «Крест и Грааль». В ней подробно передает идеи Рана, изложенные в «Крестовом походе против Грааля». Эта статья вовсе не была жестом вежливости, так как в ней встречаются достаточно объективные, а иногда даже критические мысли. Слова Рауша до сих пор не потеряли своего значения. Позволю себе привести отрывки из нее.

«Когда Ран начинал работу над своей исключительной книгой, он следовал за своим чутьем. Вещи, исследованием которых он занимался, сами шли ему навстречу, так как он постигал их смысл неосознанно или, точнее, подсознательно, так как, по непостижимым причинам, он был призван стать их толкователем. Не суть важно, является ли его трактовка бесспорной во всех мелочах. Это не играет роли. Важно лишь то, что была найдена сама интерпретация, которая оказалась в состоянии выявить связи между отдельным вещами. Связи, уходящие в глубь тысячелетий. Связи, которые может отрицать только бестолковый, потерявший всякое чутье рационалист.

Когда в прошлом столетии великий базельский ученый Бахофен явил общественности свои блестящие идеи относительно религии, то цеховая наука отказывала ему в признании, высмеивая как дилетанта. Но сегодня мы знаем, что его учение о матриархате, о смене форм верований является одним из самых крупнейших свершений в сфере исторической науки...

Что есть Грааль? Грааль — это страна света и чистоты. Грааль — это самая глубокая мечта человеческой души, которая тоскует в земном заточении о безупречном совершенстве. Символ Грааля — это сияющий чистым блеском камень или чаша... Символ Грааля — это золотое руно, священное божественное сокровище... В царстве Грааля существует истинная любовь, не имеющая ничего общего с чувственным влечением людей. Эту истинную любовь можно приравнять к платоновскому Эросу. Оба эти понятия лежат по ту сторону интеллектуального осмысления. Они могут быть только угаданы и живут в избранных».

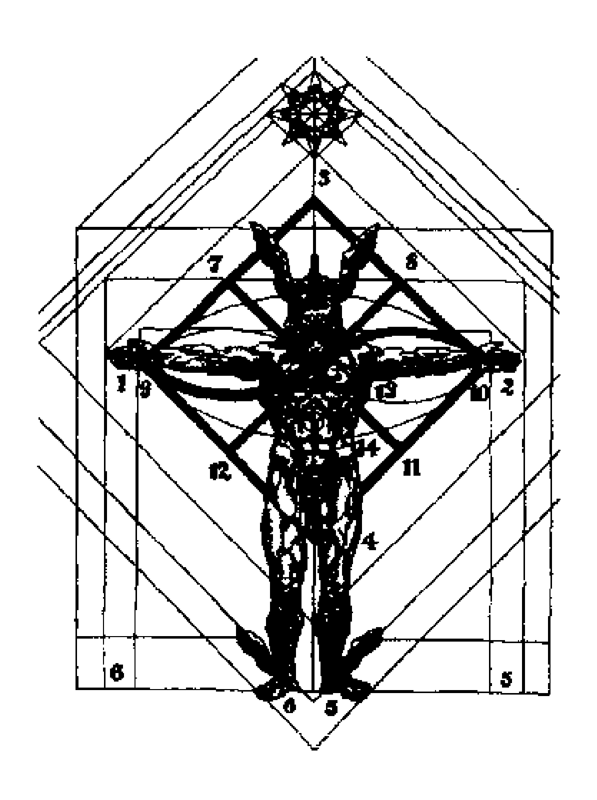
На книгу сразу же обратили внимание и другие знакомые Рана. В 1935 году уже упоминавшийся нами философ Герман Кайзерлинг написал статью «Путь к завершению», которая была опубликована в ежегодном альманахе «Школа мудрости». В ней, в частности, говорилось: «Теперь у нас имеется книга, которая доступно и весьма солидно показывает всю трагедию задушенной в зародыше великой европейской культуры. Это работа Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». С удивлением обнаруживаешь, что общие христианские понятия о добре, а именно традиция Грааля, была напрочь отвергнута римским католичеством и стала уделом сект. Особенно поразительно данное Раном живописание духовного фанатизма, который превращает человека в бестию. В остальном, это первая приличная общедоступная книга о причинах возникновения миннезанга, о ранней истории европейского рыцарства, об источниках вдохновения многих древних сказаний. Красочные описания замка Грааля (действительно еще существующего) и романтических пещер, в которых столетиями скрывались еретики, несомненно, побудят многих посетить Южные Пиренеи».

Но вернемся к самому Отто Рану. В 1933 году он переселяется в столицу Германии, которая уже превратилась в Третий рейх. Там он вступает в «Имперский союз немецких писателей», одну из многочисленных нацистских организаций, где знакомится с Адольфом Фризе. В одном из интервью он так описал это знакомство: «Первый раз мы встретились в середине февраля 1934 года. Кажется, в воскресенье во второй половине дня. Кто-то свел меня с ним. По-моему, это была Грета фон У. (Урбанитцки). Я еще вижу эту

компанию. Я, журналистка, жительница Вены лет сорока, Р. (Ран) и еще какое-то лицо. Мы пили чай в Кайзер-Халле. Это был отель «Гранд» на Вильгельм-штрассе. Там устанавливались самые разнообразные контакты. Для Р. (Рана) это было очень важно. Он сам, наверное, думал так же. Он полагал, что его первая книга будет у всех на устах. Но лично я даже не слышал о ней... Но в конце концов этот зал и был трамплином в большой мир. Он останавливался, к минимальному тарифу, в палате под крышей». Как видим, Отто Ран мало походил по своему стилю на известного литератора.

Но постепенно к нему приходила известность. Сначала его статья «Что я пережил в пиренейских пещерах» появилась в крупнейшем немецком издании — «Берлинском иллюстрированном журнале». Несколько позже имперское радио сделало передачу под таким же названием. 24 июня 1934 года Ран завершает новое послесловие к «Крестовому походу против Грааля», предназначенное лишь для французского издания его книги.

В то время он писал сам о себе: «Ввиду того, что я бывал во Франции и писал в своей книге о связях между романским и немецким миннезангом выяснившей книги, меня тут же заподозрили во франкофильстве. Со дня на день меня могут заподозрить в «пособничестве врагу». «Он дружен с французской писательницей, агентом Даладье, которая осмелилась писать в Берлине книгу о Третьем рейхе! Осторожно!» — шептались одни. «Переписка сего парижского издателя настолько обширна, что не может быть безвредной», — кляузничали другие. «Как французские газеты осмелились хвалить до сих пор неизвестного немецкого автора, хотя франко-немецкие связи оставляют желать лучшего», — слышались возмущения третьих. «Как возможно, что писатели фашистской Италии подняли шумиху вокруг молодого немца, который долгое время жил во Франции? Это не может быть случайностью!» — сетовали четвертые. А когда Берлинское управление прессы, в которое я был рекомендован отделением Министерства пропаганды (кое мне еще должно весь гонорар за книгу), опубликовало статью, вышедшую из-под моего пера, в вечерней «ли-

Подобно Рану, многие эсэсовские эзотерики считали Люцифера носителем истинного

беральной» газете, то я, как говорят, «низко пал». Озлобленный, я покинул Берлин. Ныне я пребываю на моей родине в Хайдельберге, в спокойствии вернувшись к трудам».

В это время Отто Ран пишет статью «Генрих Миннеке», одновременно продолжая работать над биографией Конрада Марбургского. В ней появляются новые акценты. Ран натыкается на небольшую работу профессора Генке, в которой имелись упоминания о том, что катары почитали свергнутого с неба Люцифера.

В этот момент Рану и пригодился случайный знакомый Адольф Фризе. Тот случайно увидел его работу «Генрих Миннеке», которая произвела на него большое впечатление. Фризе увидел в молодом писателе недюжинный талант. Всегда предпочитая личный контакт с автором, Фризе пишет Рану письмо через газету, где была опубликована его статья. Каково же было удивление Фризе, когда ответ ему пришел из Женевы. А на следующий день он получает телеграмму из Милана! В ней он сообщал о времени своего прибытия. Но именно в это время по Германии прокатывает кровавая акция — «ночь длинных ножей». Фризе пытается перестраховаться. Он предостерегает Рана от скорейшего возвращения. Это еще раз указывает на гомосексуализм Отто. Именно после «ночи длинных ножей» гомосексуалистом становится быть не просто неудобно, а опасно. Ран в ответ спешит заверить, что в политическом смысле является «чистой табличкой», но, тем не менее, решает отложить свое возвращение в Германию. На какое-то время он теряется из виду.

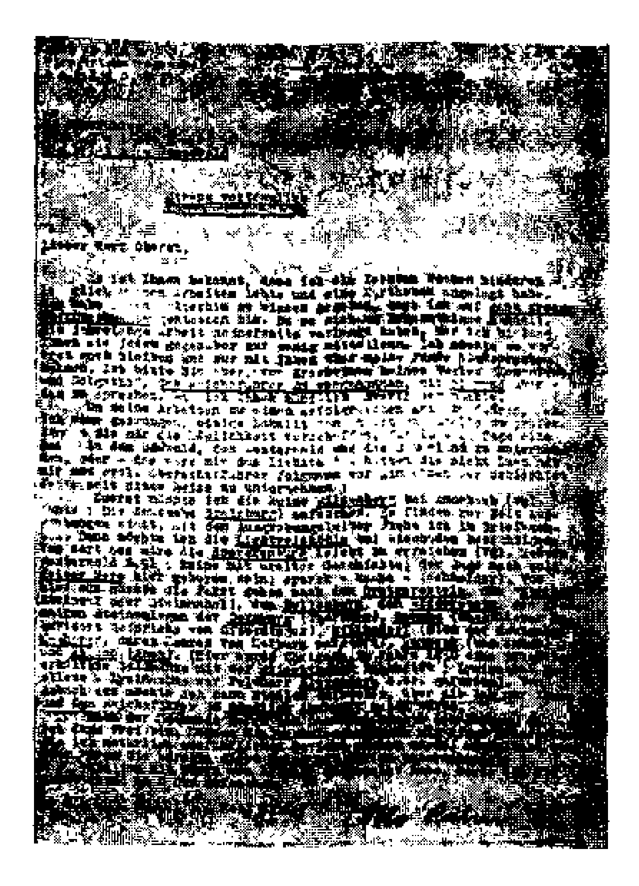
В поле зрения Адольфа Фризе Ран попал уже в апреле 1935 года. В глаза бросалось, что Ран много курил. На вопросы он отвечал пространно, выражая неопределенную надежду, что в будущем сможет продолжить поиски Грааля в Пиренейских горах, для чего даже планировал привлечь каталонских дворян.

Скорее всего, эти планы и остались бы планами, если бы не «Его Величество Случай». На Отто Рана обратил внимание 70-летний эсэсовский офицер Карл Мария Виллигут, который с 1934 года был больше известен под служебным псевдонимом Вайстор[1]. Как это произошло, рассказала Габриела Винклер-Дехенд, девушка, которая была «названой» дочерью Виллигута и его помощницей. Ее рассказ был опубликован в 1989 году в книге Владимира Линденберга «Ритуалы и ступени посвящения»: «В то время мне в руки попала книга Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». Я прочитала ее, затаив дыхание, а затем передала старому господину. Он мне тут же неожиданно поручил разыскать Рана и связаться с ним.

---

[1] Судьба Карла Марии Виллигута (Вайстора) рассматривается в главе «Тайное предание Карла Виллигута».

На это я ответила, что после выхода его книги ему не только запрещен въезд во Францию, но и бессрочно покинул издательство, в котором он работал. По сути, он оказался без денег на улице. Старый господин при удобном случае рассказал о нем Гиммлеру, а тот распорядился, чтобы Рана немедленно доставили в Берлин. Когда он оказался там, то, к моему счастью, мы могли безмятежно беседовать часами напролет. Из этих бесед родилась наша дружба. Отто Ран получил в свое распоряжение квартиру и все, в чем он нуждался».

Письмо Отто Рана, адресованное Карлу Марии Виллигуту

С этого времени Ран работает референтом под началом Виллигута в одном из отделов Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Досконально неизвестно, чем он там занимался. Хотя до нас дошли некоторые фрагменты работы и выдержки из экспертиз, которые он проводил по поручению Виллигута.

Полковник Виллигут ввел «странного пришельца» Рана в высшее общество. Вместе они посещают замок Молхов, располагавшийся на одноименном озере. На выходных там очень любили отдыхать офицеры Люфтваффе и представители берлинского бомонда. Там царила непринужденная атмосфера. Однажды Ран и Габриела Винклер-Дехенд тайком проникли в местный бар. Ран, который всегда быстро находил контакт с людьми, знакомился в замке с крупными политическими деятелями. Габриела Винклер-Дехенд писала об этом времени: «Однажды он предложил мне пригласить на ужин Григола Робакидзе. Робакидзе был русским эмигрантом и жил в Берлине. Он был таким же беспечным, как и мы, хотя и был пророком и посвященным. Человеком, от которого исходило просто магическое излучение... Мы, молодые люди, приготовили ужин для уважаемого друга Рана с такой любовью и тщательностью, что Робакидзе приступал к каждому новому блюду, словно начинал ритуал. Если бы не мои усилия, то, может быть, за весь вечер он не проронил бы ни слова. К нашей великой радости, после еды он, не переставая, делился своими грузинскими воспоминаниями».

А вот некоторые выдержки из дневника Адольфа Фризе: «Получил приглашение от Р. (Рана). Откуда он знает, где я живу и как меня можно найти? В начале недели он появился в форме эсэсовского унтер-офицера. Он, видимо, торопился предстать в ней[1]. Последовал визит в квартиру Рана в районе городского зоопарка. Для Рана бывшая квартира привратника была апартаментами, раем, роскошным жилищем». В этот время Фризе отметил, что в Ране произошли серьезные изменения. Он стал самовлюбленным, не стремясь избавиться от этого дурного качества. Он с нескрываемой гордостью продемонстрировал Фризе молодого человека, который разбирал бумаги на столе: «Мой секретарь».

«27 сентября 1935 года
старшему офицеру СС К.М. Вайстору. Берлин — Грюнвальд
Совершенно секретно!

Уважаемый господин полковник, Вам известно, что все последнее время я живу исключительно моими работами и составляю картотеку. Кроме этого, хочу довести до Вас, что столкнулся с непредвиденной неприятностью. Речь идет об убеждении, которое только укреплялось по ходу моей многолетней работы. Оно состоит в том, что мы недостаточно общались друг с другом. Я бы мог на время отложить все дела, дабы обсудить с Вами мои находки. Накануне выхода моей книги «Монсвальт и Голгофа» я прошу Вас обсудить лично с рейхсфюрером СС (и только с ним, и ни с кем другим) предложения, которые я изложу ниже.

Чтобы успешно завершить мою работу, мне необходимо проверить локализацию некоторых мест и населенных пунктов. Я прошу предоставить мне возможность совершить 10—14-дневную поездку в Оденвальд, Вестервальд и Залирланд. Или же в течение года направить в эту поездку обершарфюрера СС Фольгманна. Что для меня было бы даже предпочтительнее.

Для начала я должен изучить руины Вильденберга близ Аморбаха (см. Кунис. Немецкий замок Грааля). Это должно состояться, когда там будут проходить раскопки. С руководителем раскопок я уже состою в переписке. Затем я хотел бы осмотреть пещеру Висбадена. Оттуда я намерен направиться в Спрокенбург (см. Рехорн. Вестервальд. с 91. Руины древнейшей истории. Сказания говорят, что здесь родился император Нерон. Спорк = крана = можжевельник). Оттуда я совершил бы поездку в Друтгерештайн, в «Штаймель» (Штайнмаль или Штайнмахал), в Хелленборн, в Виддерштайн. Так-

[1] В служебных списках СС Отто Ран значился с 12 марта 1936 года как простой эсэсман — рядовой.

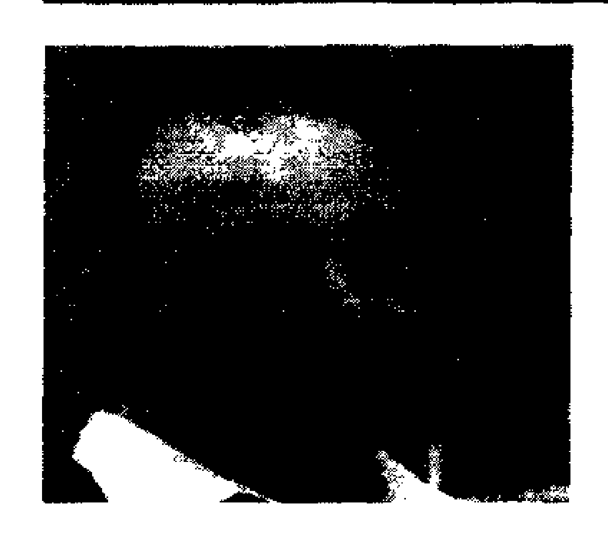
же я хотел увидеть величественные каменные сооружения Дорнбурга (Торбурга — замка Тора), Роспе (предполагаемое место рождения Генриха фон Офтердингена), Вильнсдорф (резиденция немецких катаров, разрушенная Конрадом Марбургским), Ванбах (производная от ванов) и Асбах (производная от асов). (Кстати, здесь был найден великолепно оформленный золотой шлем с греческой надписью — Лизимах Базилей — Лизимах был полководцем Александра Великого.) После Асбаха я намерен изучить места, которые выберете лично Вы и рейхсфюрер СС.

Я буду совершенно свободен после свадьбы господина Лахнера и могу совершать любые поездки. Но могли бы Вы поспособствовать организации этой экспедиции, по итогам которой я, естественно, составлю подробнейший отчет. А может, Вы нашли бы возможность лично обсудить перспективы этой поездки? После того как я договорюсь с господином Лахнером, то мог бы лично навестить Вас в 8 часов вечера сего дня.

Хайль Гитлер!
Ваш Отто Ран».

Просьба Рана была тут же удовлетворена. Эта экспедиция состоялась. Уже 19 октября 1935 года Ран направил Гиммлеру отчет и просил о личной встрече. 3 ноября Гиммлер сделал в своем служебном журнале заметку относительно исследовательской поездки Рана: «Отчет вернуть обратно. Присвоить категорию секретности». К сожалению, письмо, написанное при весьма таинственных обстоятельствах, не позволяет точно проследить контакты Рана в СС. Почти все упомянутые в письме места были позаимствованы из книги Карла Рехорна «Вестервальд», которая была издана в 1912 году. В письме имелось только три исключения: Вильденберг, Виддерштайн и Вильнсдорф. У Рехорна было даже позаимствовано описание золотой монеты, которое Ран позже использовал в своей книге «При дворе Люцифера». Сам же Карл Рехорн видел в Вестервальде крупнейший древний культурный центр: «Асбах предстает перед нами как центр четвертого круга поляризации мифологических лучей. Научная трактовка названия этого места не оставляет никаких сомнений — оно происходит от «асов». Действительно, это место с древности почиталось как святое». Далее Карл Рехорн пытается доказывать факт пребывания римлян в Вестервальде. По его мнению, самым важным открытием в этом месте было наличие эллиптической насыпи. Кто являлся ее строителями, до сих пор неизвестно.

Еще одно загадочное место в письме Рана, когда он пишет о местах, которые ему надлежит посетить по личному указанию Виллигута и Гиммлера, после изучения Асбаха. Скорее всего, речь шла

Виллигут в расцвете могущества. В своем особняке он собирал интересовавших его личностей, которые проявляли интерес к эзотерическим наукам

об окрестностях капеллы Ютгенбах, которая была построена на месте жертвенника у Лойтештайна на Буххольцских болотах. Предание говорило, что черт, обманутый местным священником, запустил этой скалой в язычников. Это сказание почти идентично упоминавшемуся в рукописях «Ливенштайну», который в 948 году по непонятным причинам взорвался на мелкие куски

Если внимательно взглянуть на письмо Рана, то в глаза сразу же бросается несколько поверхностных «оговорок». Например, он говорит «Кунис. Немецкий замок Грааля», хотя правильное название этой работы звучит следующим образом: Кунис. «Вильденберг. Замок Грааля в Оденвальде». Кроме этого, Ран употреблял давно вышедшие из оборота названия населенных пунктов: Хелленборн вместо «Источника Марии», «Друтгерештайн» вместо «Великого Вольфенштайна» — располагавшиеся поблизости от курорта Бад-Мариенбург. Видимо, делалось это для того, чтобы придать себе больший вес и убедить Гиммлера в необходимости проведения этой разведывательной экспедиции.

Письмо содержит также очень сомнительные проблематичные толкования некоторых названий. Например, превращение Штаймеля в Штайнмахал кажется более чем сомнительным. Или другой пример: висбаденская пещера, которая получила название «Пещера просветления». Она была замечена «романтиками» XIX века и не имела никакого отношения к доисторической эпохе. Но Ран очень настойчиво озвучивал другую версию. «Пещера просветления» принадлежала «диким женщинам» — норнам, которые были провидицами.

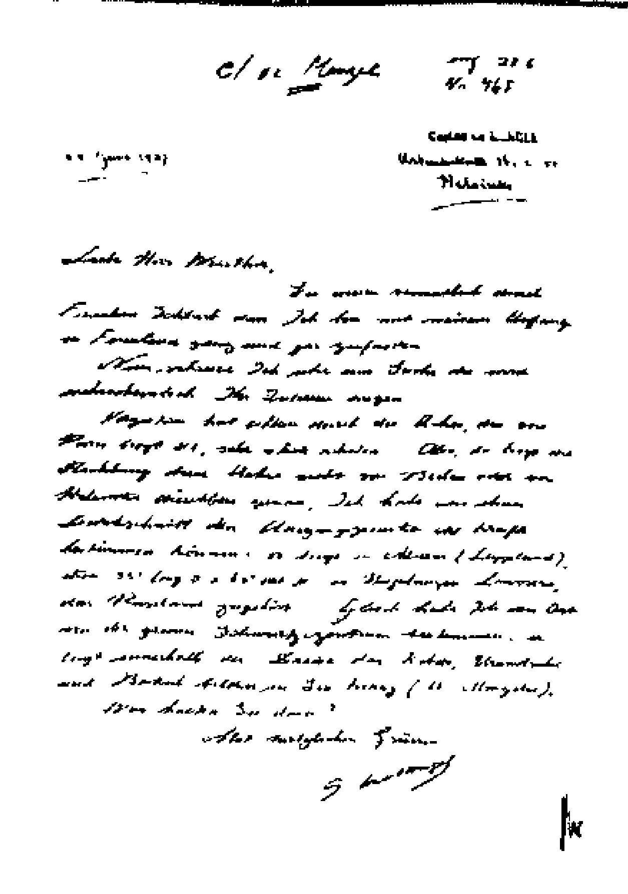
Или другая оплошность: городок Роспе никогда не являлся родиной Генриха фон Офтердингена. Хотя и сам Ран говорит лишь о предполагаемом месте рождения. В этой связи первые строчки письма, которые повествуют о многолетней работе, должны были подтолкнуть эсэсовское руководство взять Рана под свое крыло, освободив от опеки издателей, которые требовали все новых и новых книг.

В феврале 1936 года Отто Ран пишет сообщение о французе Гастоне де Менгеле, работы которого он должен был переводить в от-

деле Виллигута-Вайстора. Участником группы, которая занималась этой проблемой, был также математик, штурмбаннфюрер СС Френцольф Шмидт. Этот человек был ранее известен как автор ряда оккультных книг, посвященных исследованию лучей с ариософской точки зрения.

Шмидт не был профессором, хотя любил приписывать себе эту научную должность. В свое время он опубликовал такие работы, как «Новый метод лечения лучами», «Лечение, омоложение и продление жизни», «Новое учение о Лучах», а также книгу, критикующую систему мира, предложенную Коперником, — «Это не звезды». Кроме этого, Шмидт выступил издателем произведения с крайне длинным названием — «Первое подлинное Божественное Откровение. Аттал-антическая Древняя библия. Золотая книга человечества». Кроме этого, Френцольф Шмидт издавал в 20-х годах журнал «Психо», в котором пытался восстановить «нефальсифицированные» тексты Евангелий. Внимание руководства СС Шмидт привлек благодаря своим статьям в журнале «Собственный путь» и «Новогерманской газете», которые издавал исследователь рунической письменности Фридрих Бернхард Марби. Именно он познакомил Шмидта с Виллигутом.

Гастон де Менгель, труды которого одно время изучал отдел Виллигута, был частным исследователем, постигавшим мистические практики на основании разнообразных дохристианских, индийских, персидских и китайских манускриптов. Его перу принадлежала статья «Символизм триединства», которую в 1932 году опубликовал бюллетень «Поляриса». Да-да, той самой организации, с которой Отто Ран столкнулся в Южной Франции. После того как Менгель лично познакомился в Виллигутом, тот направил Гиммлеру отчет под грифом «Секретно». В нем говорилось: «В высшей степени таинственном письме, отправленном мне 23 июня 1937 года из Хельсинки, Гастон де Менгель сделал мне странное уведомление. Например, он пишет следующее: «Ось, которая лежит северо-восточнее Парижа, оказывает очень сильное влияние. Однако эта ось не проходит ни мимо Берлина, ни мимо Хельсинки. Из сечения данной оси я смог определить исходный пункт Силы. Он находится в Мурме (Лапландия), около 35 градусов восточной долготы, 68 градусов северной широты в окрестностях российского Ловозеро. Я также определил место большого Черного Центра. Он лежит в пределах большого треугольника, который образовывается Кобдо, Урумтши и Бакулом в Западной Монголии». Я привожу отрывки из этого письма, так как Гастон де Менгель спрашивает меня, что я знаю об этом. Я счел эту информацию достойной особого внимания. По моей версии, после того как русские договорятся с Фран-

Письмо Менгеля, адресованное Карлу Виллигуту

цией и Англией, там могут создаваться летные базы. Если это соображение покажется ценным, то его изучением может заняться СД».

Таинственные уведомления Менгеля были переданы в «Наследие предков». Но сохранившиеся документы свидетельствовали, что в Аненербе не придали этому письму никого значения. Еще более спорным кажется факт, что подобными «прозрениями» стала бы заниматься эсэсовская служба безопасности — СД. Гора копий документов, доставшихся от Менгеля, была отправлена в Вевельсбург. Неизвестно и то, как к Менгелю относился и сам Отто Ран. Многие из сотрудников «Наследия предков», пережившие войну, весьма негативно отзывались о Виллигуте-Вайсторе. Так, например, первый Президент Аненербе, Герман Вирт, давал ему самые уничижительные характеристики. Тематика исследований наводила многих неразборчивых исследователей на мысль, что Отто Ран сотрудничал с Аненербе. Но это очень грубая ошибка — Ран никогда не был сотрудником «Наследия предков».

Профессор Альфред Шмидт, не участвовавший в экспедиции Рана, состоявшейся осенью 1935 года, писал 21 октября 1935 года Габриеле Винклер-Дехенд: «Сегодня от Отто пришло первое письмо. В нем содержались добрые вести об успехах его поездки и находках, которые он сделал. Я с трепетом жду его духовных открытий, которые он совершит, так как обладает способностью видеть вещи, которые остальные просто не замечают. Но на это способны люди, которые водятся с гномами и другими жителями пещер».

Профессор Альфред Шмидт, швейцарец по происхождению, переехал из Базеля в Берлин, чтобы построить в Германии крупное физико-химическое предприятие, где бы он смог реализовывать свои наработки. Для этого он получил большой земельный участок в предместьях Берлина. Дитмар Лауерманн, член «Серого корпуса», писал о профессоре Шмидте: «В молодые годы он играл значитель-

ную роль в швейцарском и немецком молодежном движении. В Швейцарии он основал организацию «Кольцо», которая базировалась в Базеле и Цюрихе. Позже стал основателем «Серого корпуса», который действовал в основном на территории Южной Германии. Как и большинство молодежных союзов того времени, «Серый корпус» был запрещен национал-социалистами».

По другим неподтвержденным сведениям, Шмидт был вынужден покинуть Базель из-за сексуального скандала. В качестве косвенного подтверждения этого можно привести тот факт, что его берлинская квартира, в том числе роскошная спальня, была украшена скульптурами обнаженных мужчин и картинами с очевидным гомоэротичным подтекстом. Но в новой Германии этой гениальной и во многом непостижимой личности пришлось нелегко. Его постоянно подозревали в шпионаже. В какой-то момент он оказался в изоляции — официальные структуры запретили ему любые контакты. Дело дошло до того, что Габриела Винклер-Дехенд просила передать ученому рождественскую открытку не кого-то, а обергруппенфюрера СС Вольфа.

Как-то в гостях у профессора Шмидта Отто Ран познакомился с другим швейцарцем — доктором медицинских наук Францем Ридвегом. Молодой доктор был обручен с дочерью военного министра, генерала Бломберга, позже он стал сотрудником «Наследия предков», работавшим в отделе «Германское научное действие». Тот же Ридвег считал, что и химик, и бывший деятель молодежного движения были гомосексуалистами. Впрочем, некоторые утверждали, что и сам Ридвег не был чужд однополой любви.

Но вернемся к Отто Рану. Дитмар Лауерманн писал об этом периоде его жизни: «Совершенно точно — Ран никогда не был нацистом! Он противостоял изнутри этой политической системе, даже после того, как Гиммлер начал его возвышать. Он оказался на перепутье, но вряд ли он мог выбирать. Это может понимать только тот, кто жил в те времена. Я поражаюсь его мужеству, когда он официально оказался исключенным из СС. Конечно, для этого имелась и другая причина — его гомосексуализм».

12 марта 1936 года Отто Ран официально вступает в СС. Он заполняет необходимые документы, а шесть дней спустя пишет следующую объяснительную: «Перед приходом к власти (нацистов) я писал за границей, после моего многолетнего отсутствия в Германии я стал разделять политические цели и мировоззрение НСДАП. Моя книга и статьи имеют значение для национал-социалистического духовного наследия, о чем говорит мое приглашение в личный штаб рейхсфюрера СС».

Попав в личный штаб рейхсфюрера СС, Отто Ран в основном занимался построением генеалогического древа Генриха Гиммлера. Сам Гиммлер испытывал изрядные трудности с выполнением своего же приказа о том, что каждый эсэсовец должен был проследить свою родословную начиная с 1750 года. Одним из главных условий принятия в СС было отсутствие в этой родословной евреев. Затруднения же Гиммлера были вызваны тем, что часть его предков жила на территории Швейцарии. Отто Ран и его друг Раймонд Перрире оказались как нельзя кстати. Они, снабженные дипломатическими паспортами, смогли найти в Швейцарии все необходимые документы. После успешного выполнения этого задания Отто Ран заработал особое расположение Генриха Гиммлера. В качестве «премии» в июле 1936 года он получил поездку на Север Исландии (убедительная просьба не путать эту поездку с планируемой экспедицией Аненербе, целью которой также являлась Исландия). В этой экспедиции Ран присутствовал уже как член учебной комиссии при руководстве СС.

Габриела Винклер-Дехенд писала об этом: «Я жаждала и должна была принять участие в этой поездке (Отто был солидарен со мной). Но моя кандидатура не была утверждена Генрихом Гиммлером, который считал, что женщинам не место в экспедиции».

Эта группа не имела какого-то конкретного задания. Экспедиция больше напоминала экскурсию — ее участники должны были проникнуться духом Эдды и нордического мира. Среди пассажиров корабля, который вез эсэсовцев, оказалось два знатока Исландии: Пауль Буркерт и Ганс-Петер Коудрес. Ран подружился с ними с первых же дней поездки. Позже он вместе с Коудресом работал над проектом библиотеки в замке Вевельсбург. Один из друзей вспоминал, что знакомство с Раном завязалось, когда тот воскликнул: «Я хочу увидеть там деревья». Эта фраза, если учесть скудную растительность на острове, показалась им забавной. Впрочем, другие участники поездки совсем не обращали внимания на Рана и относились к нему с легким пренебрежением. В книге «При дворе Люцифера» Ран написал о них такую строчку: «Мне нечего было искать среди них». Как-то историк Армин Молер сказал об Отто Ране: «Люди, подобные Рану, почти всегда являются «художниками», для которых единственным доводом, вполне ощутимым, являются их мечты. По пути в Исландию Отто Ран не увидел «художников», а потому интерес для него представляла монументальная и грозная природа».

Пауль Ладаме, который в качестве швейцарского корреспондента посетил в августе 1936 года Олимпийские летние игры в Берлине, написал для французского предисловия «При дворе Люцифера»

Библиотека Вевельсбурга

следующие слова: «Я гулял по Курфюрстендамм. Синее небо было расцвечено флагами всех стран, перемешанными со свастиками. Флаги хлопали на сильном ветру, который дул со стороны Балтийского моря. На углу Йоахимшталер-штрассе меня догнал Отто Ран. О, ужас! Он был облачен в черную форму и красную повязку со свастикой. На его рукаве красовалась нашивка «Лейбштандарт Адольф Гитлер». На нем были сапоги, черная фуражка с блестящим козырьком (хотя, насколько я помню, Отто обычно ходил с непокрытой головой), а на боку висел кинжал. Даже прежде чем поприветствовать его, я воскликнул: «Мой дорогой Отто, что ты делаешь в этой униформе?» Он остановился, оглянулся по сторонам, а затем промолвил бледными, едва открытыми губами: «Мой дорогой Пауль, как-нибудь поймешь».

В том же году Ран получил приглашение на обед в фешенебельный берлинский ресторан, где собиралась эсэсовская верхушка: Гиммлер, Гейдрих, Вольф, Бест. Приглашение было устно передано Францем Ридвегом. Его получили даже Адольф Фризе и Раймонд Перрире, который специально прибыл для участия в этом событии из Женевы. Этот «званый обед» был неким знаком признательности, который выражал Гиммлер за то, что ему помогли установить швейцарских предков. Кстати, именно во время этого обеда Франц Ридвег получил от Гиммлера предложение вступить в СС, получить чин гауптштурмфюрера и стать полковым врачом в эсэсовской дивизии «Германия». Именно вступление Ридвега в СС доставило Рану несколько крупных неприятностей.

А пока Ран был переведен работать в замок Вевельсбург, где продолжал составлять генеалогическое древо рейхсфюрера СС. Именно там молодой исследователь установил, что между семьями Ранов и Гиммлеров существовало очень отдаленное родство. Но Ран пренебрег выяснением собственной родословной. В январе 1937 года ему, как служащему СС, настойчиво намекают, что наличие родословной обязательно для каждого эсэсовца. Ран клятвенно обещает, что предоставит ее в течение ближайших 8 недель. И несмотря на недостающие бумаги, в том же месяце он получает чин обершарфюрера (сержанта-техника) СС.

В апреле 1937 года свет увидела его вторая книга «При дворе Люцифера». Она вышла в одном лейпцигском издательстве. Ран весьма нерегулярно работал над этой книгой. На экземпляре, подаренном Габриеле Винклер-Дехенд, он написал: «Книга, которая задумывалась как произведение о Конраде Марбургском». Ее Ран написал в основном, пребывая в гостях у родственников в Хомберге. Как-то там появилась молодая подруга его матери — мадам Антуанета Ривес, приехавшая из Тулузы. Этот визит стал поводом для самых невероятных сплетен, витавших среди соседей. В этот городок прибыл и новый издатель Рана Альберт фон Халлер. Один из знакомых так описывал их общение: «Ран — странный человек. Халлер прочитал его книгу «Крестовый поход против Грааля». Он нашел ее интересной, но безобразной со статистической точки зрения. Однако тема заинтересовала его. Поэтому он потребовал у Рана продолжение: «При дворе Люцифера». Халлер хотел опубликовать его в собственном издательстве... Так и произошло. Разумеется, рукопись Рана была из рук вон плоха — интересное содержание, но дрянная стилистика. Халлер встретился с Раном в деревушке, которая располагалась чуть севернее Гиссена. В течение десяти дней они обсуждали рукопись. Халлер предложил заголовок. К счастью, он не знал, что рукопись создавалась под патронажем Гиммлера».

После выхода этой книги Гиммлер тут же заказал 100 экземпляров. Причем десять из них был оплетены свиной кожей и напечатаны изысканным шрифтом на пергаменте. Такие роскошные издания должны были стать изысканным подарком для высокопоставленных нацистских бонз, а самый первый экземпляр должен был быть преподнесен Гитлеру в его день рождения. Этот факт как бы служил подтверждением того, что в апреле 1937 года не было даже малейших подозрений насчет гомосексуализма Рана. Гиммлер был очень осторожным человеком и не решился бы преподнести в подарок фюреру книгу автора с подмоченной репутацией. Напротив, весной 1937 года Ран получает повышение и становится унтерштурмфюрером (младшим лейтенантом) СС.

25 апреля 1937 года официальный партийный печатный орган нацистов газета «Фёлькише беобахтер» («Народный обозреватель») напечатала рецензию на новую книгу Отто Рана: «Многие могут испугаться заголовка «При дворе Люцифера», так как самые прекрасные слова, исполненные глубокого смысла — Носитель света, — оказались тысячекратно искаженными и превращенными в порождение ада. Но Отто Ран не боится вернуть словам их изначальный смысл... Он поместил в книге множество мрачных мифов. Но что есть корень мифа? Тоска и темнота! Ночь! Однако тот, кто наделен терпением, сможет увидеть, как встает солнце, светлый носитель!»

Рисунок современника, на котором изображен Отто Ран

Однако не все разделяли подобный оптимизм. Летом 1937 года Отто Ран при посредничестве Габриелы Винклер-Дехенд знакомится с Хайнцем Пемёллером. Он вспоминал: «К сожалению, между господином Раном и моей женой вспыхнул конфликт, который осложнил наше взаимопонимание. Наши отношения так и остались желать лучшего, но я был заинтересован в нем с деловой точки зрения. Даже если его методика, насколько я мог судить, не была мне близка в силу своей бессистемности... Ран грешил тем, что постоянно путал гипотезу и доказательства. Он, например, выдвигал гипотезу, что понятие «Грааль» имело большое значение для катаров. Но в подтверждение этого он не приводил никаких доказательств, только голые предположения. В итоге его теория превращалась в недоказанную гипотезу. Не было даже доказательств того, что катары вообще слышали слово «Грааль». Привязка к «Парцифалю» Вольфрама Эшенбаха мне казалась очень спорной, как минимум бездоказательной». Но даже при таком критическом отношении Пемёллер почерпнул от Рана очень многое. Настолько много, что после войны направился в Южную Францию в надежде найти пропавшего в Пиренеях Отто Рана, в смерть которого он не мог поверить.

20 августа 1937 года Отто Ран вновь появляется в Хомберге, где он был приглашен на свадьбу одной своей знакомой. На свадьбе он затевает ссору с лейтенантом вермахта Хорстом Бухрукером. Поводом, видимо, послужило недостаточное внимание к Рану, одетому в новую эсэсовскую униформу, и то, что его поместили в самый ко-

нец списка приглашенных на свадьбу. Хорст Бухрукер позже вспоминал: «Он иронизировал над вермахтом и тем, что не состоял в нацистской партии. Он вылил на меня свою желчь, видимо, потому, что тоже был в униформе. Мы оба выпили, но так как я был физически крепче, то он оказался пьянее. Он стал громко ругаться, преимущественно направляя угрозы в мой адрес. Он произвел на меня крайне неприятное впечатление. Наверное, он чувствовал себя в нашем кругу не очень уютно. Пожалуй, он даже имел связи наверху. Но об этом я не могу судить — мне так показалось».

Многие замечали, что Ран стал меняться. Многие до сих пор считали его привлекательным, но вместе с тем очень нервным и обидчивым человеком. Дыма без огня не бывает. К этим характеристикам Альберт фон Халлер после знакомства с Раном добавил еще одну черту — стремление жить на широкую ногу. Несмотря на службу в СС, Ран постоянно нуждался в деньгах и постоянно брал взаймы у своих издателей. Но Халлер не мог сделать этого, так как не был владельцем издательства. Когда поступил первый отказ — Ран придумал очень хитрый прием. Он пригласил Халлера в одно очень известное кафе, где собрались литераторы. Когда Халлер прибыл туда, то застал Рана и еще двух офицеров СС, которые были облачены в парадную униформу. Издатель смутился. Ран, заметив это, решил сразу взять быка за рога. Он заявил, что нуждается в деньгах, а Халлер должен дать ему 1000 рейхсмарок. Присутствовавшие эсэсовские офицеры подтвердили опешившему Халлеру, что он как истинный немец должен предоставить эту сумму, так как речь шла о вопросе национальной важности, в котором был заинтересован лично рейхсфюрер СС. Возмущенный Халлер встал и вышел, намеренный больше никогда не общаться с Раном.

Адольф Фризе описывал, насколько опасную и рискованную жизнь в эти дни вел Отто Ран: «Вечером и ночью он видел в барах и ресторанах важных птиц, которые пьянствовали в компании таких же женщин; внутренний голос подсказывал ему, что он как совесть ордена от имени своего шефа и покровителя не должен тушеваться перед этими людьми, являя разительную противоположность. Подобные пары только пачкали нашу униформу. А она обязывала быть образцами для подражания. Нередко он гордился, что ему надо было взывать к долгу, чести, лояльности, которые были для него действительно высшими ценностями. Но с другой стороны, он нередко демонстрировал, что он дорос до морали высокопоставленных людей, от которых он был оторван».

В августе 1937 года в партийном суде НСДАП разбиралось дело Карла Малера, который обвинялся в недостойном поведении. В ходе расследования серьезные обвинения были выдвинуты также и в

адрес Отто Рана. Под недостойным поведением понималось безудержное потребление алкоголя и возможные гомосексуальные связи. В отношении своего пьянства Ран признал вину и дал торжественное обещание вообще не употреблять алкоголь в течение ближайших двух лет. Ему грозило не очень серьезное наказание — четыре месяца исправительных работ. Но тут показания дал ничего не подозревающий старый знакомый Отто Рана студент-медик Ганс Гребе, который рассказал, что как-то случайно встретил Рана. Ганс Гребе в тот момент как раз прибыл из Берлина во Франкфурт-на-Майне и увидел на платформе Отто, который собирался на другой путь. Ничего криминального в этом сообщении не было, если бы Ганс не заметил, что на Ране была эсэсовская униформа и фуражка без каких-либо знаков отличия. На вопрос, что Отто делал там в таком виде, он ответил: «Я был у Розенберга и собирался заняться разработкой немецкой религии». Дело не удалось замять, и с 1 сентября по 31 декабря 1937 года Отто Ран пробыл в концентрационном лагере Дахау в качестве охранника.

После этого дисциплинарного взыскания, которое фактически свелось к начальной военной и физической подготовке, Отто Ран на пару со своим другом Раймондом Перрире направился кататься на лыжах в Верхнюю Баварию. Воспользовавшись случаем, они навестили Лауерманна. Там Ран снял небольшой деревенский домик, где и прожил достаточно долгое время. Пять месяцев спустя Ран напишет Генриху Гиммлеру: «Я уверен, что господин Перрире был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы изложили более глубокое видение СС, нежели это могу сделать я. Впрочем, Раймонд Перрире уже познакомился с несколькими офицерами подразделения СС «Мертвая голова» из Верхней Баварии. Несмотря на языковые трудности, им удалось достигнуть полного взаимопонимания, не в последнюю очередь потому, что они являлись моими товарищами по Дахау».

Несмотря на некоторые задержки, Отто Ран все-таки предоставил свою родословную до 1750 года, как это требовалось для всех офицеров СС. В его наследственном паспорте указывалось, что он являлся наследником семейств Рёмеров и Ранов. Затягивание дела с получением наследственного паспорта можно было объяснить тем, что Ран боялся, будто бы девичья фамилия его матери — Гамбургер — имеет еврейское звучание.

В январе 1938 года, отпраздновав Новый год в Верхней Баварии, Отто Ран направляется на север страны. Сначала он остановился в Дортмунде. В те дни местная газета «Красная земля» писал об этом визите: «Вступительное словом произнес культурный обозреватель «Союза Дитриха Экарта» Курт Эггер, после чего Ран поприветство-

вал присутствующих товарищей и коротко поведал о проблеме Люцифера. Ран убедительным и императивным языком повергает образ Люцифера. Ран зачитывал отрывки из своей новой книги «При дворе Люцифера», которая написана по итогам поездок и исследований, проведенных в Южной Франции. Там он шел по следам Грааля и альбигойцев, чистых и истинных еретиков. Он также прослеживал центры возникновения этого плодотворного антиримского воззрения в Германии. Доклад содержал очень трудный материал и требовал не только внимательности, но и владения крупными дисциплинами; но и докладчик и аудитория были едины, и ни одно слово не пропало даром. Образ Люцифера, которого Ран изображал как носителя света, оказал огромнейшее влияние. Можно было бы различить две части вечера. Первая, в ходе которой Ран рассказывал об исследованиях Грааля и Люцифера. И вторая, когда докладчик с примерами на руках на основании своего нового учения весьма убедительно переоценивал исторические явления, личности и события. Он показал опасность подводных камней национализма старой закалки. Опасность, которая была вызвана отсутствием согласия с природой... Курт Эггер завершил вечер словами: «Люцифер, несправедливо оболганный, приветствую тебя».

Положительное упоминание о Ране можно обнаружить и в ежемесячнике Людендорфа: «Мои предки были язычниками и еретиками. Во имя их оправдания я собираю камни, которые разбрасывал католический Рим». Эти строчки Отто Ран написал в своем путевом дневнике. Он объехал Германию, Южную Европу и Север. Во всех местах, где бы ни бывал, он изучает борьбу за власть, которую вело христианство, прежде всего Рим. Этот путевой журнал — очень познавательная и интересно написанная книга. Если продолжить журнал во время путешествия на север, то было бы неплохо привлечь для этого книгу доктора Куммера «Закат Митдгарда», в которой, к сожалению, отсутствует список источников».

Весьма примечательно, что в этой статье в негативном контексте упомянут доктор Куммер. Бернхардт Куммер был одним из самых близких Розенбергу этнографов. В июле 1937 года редактор ряда журналов, издаваемых «Наследием предков», Плассманн организовал кампанию травли этого ученого, который имел неосторожность издавать свой собственный бюллетень «Северный голос». Травля продолжалась до тех пор, пока Куммер не закрыл свое издание и не перешел в начале 1938 года работать в официальное издание Аненербе, журнал «Германию». Это еще раз наглядно демонстрирует, что национал-социализм вовсе не был монолитным явлением. Не было единства и в так называемых оккультных изысканиях. Не стоило также забывать, что Гитлер вовсе не разделял идей Розен-

берга и Людендорфа, которые бредили идеей идеологической войны против Рима.

10 января 1938 года Ран направляет шефу личного штаба рейхсфюрера СС Карлу Вольфу прошение о предоставлении ему отпуска и возможности провести его в Швейцарии. В письме он подчеркивает, что с 1 мая должен вернуться к активной служебной деятельности. В это время он ищет своих старых швейцарских друзей. А пока Ран живет в Мюнхене в доме № 34 по Георген-штрассе. Можно сказать, что он попал в фешенебельный район. Окна его жилища выходили на Изар, а сам дом находился между двумя престижными улицами: Курфюрштен-штрассе и Фридрих-штрассе. Жизнь, казалось бы, течет размеренно и неторопливо.

Но в апреле 1938 года происходят странные события. В это время в личном деле Отто Рана появляется отметка, что он сделал критическое замечание относительно идеи Франца Ридвега вступить в СС. Его намерение очень нелицеприятно критикуется в немецкоязычной прессе Швейцарии. Собственно говоря, непонятно, почему ввязался в это дело, тем паче, что его положение в СС было более чем шатким. Так или иначе, в июле Ран письменно излагает свои соображения и направляет их своему руководству. Гиммлер благодарит Рана, однако дает понять, что примет свое решение только спустя долгое время. После очередной волны критики в швейцарских газетах шеф канцелярии Гитлера доводит до сведения своего шефа высказывание Отто Рана, что гауптштурмфюрера СС Ридвега вообще надо исключить из охранных отрядов. В ответ Гиммлер резко замечает, что даже и не думает избавляться от этого швейцарца. Вердикт короток: «Ридвег останется в СС».

С этого момента над головой Рана сгущаются тучи. На него оказывается давление. Говорят, что в это время его пытается шантажировать неизвестный капитан Люфтваффе, с которым Ран имел какие-то разногласия. Все письма, отправленные Отто в этот период в личный штаб Гиммлера, полны неясного беспокойства. Адольф Фризе, встретивший его в это время, говорил об очевидной «переоценке своих способностей, граничившей с манией величия». Кому-то это казалось неким отвлекающим маневром. Ходили слухи о том, что Отто Ран обрабатывал 2000 страниц своей рукописи, посвященной Святому Себастьяну. Но эта цифра кажется маловероятной — сколько же времени ему потребовалось, чтобы написать 2000 страниц?

Ран допускает ошибку за ошибкой. Вначале на суде он говорит о том, что собирался работать с Розенбергом над созданием новой немецкой религии. Стоит напомнить, что Розенберг был одним из самых крупных противников Гиммлера в нацистской партии. Затем

Отто Ран со своей «невестой»

Ран ввязывается в аферу с Ридвегом. Наконец, памятуя, что Гиммлер благоволил к женатым эсэсовцам, он решил разыграть карту со своим «бракосочетанием». Но это породило новые трудности. Гиммлер стал настаивать на скорой свадьбе. Но невеста значилась только на фото. В жизни ее не было.

Биографам Рана не сразу удалось определить, кто изображен на фотографии рядом с Раном. Там Отто запечатлен на балконе с молодой белокурой женщиной и пятилетним мальчуганом. «Невестой» оказалась некая Анна Дахс, после войны проживавшая в Швейцарии. История их помолвки оказалась фарсом. Анна никогда не была обручена с Раном. Они и знакомы-то были очень поверхностно. После первого неудачного замужества она жила со своим пятилетним сыном в Шварцвальде, где и познакомилась с Раном. Тот рассказал о своей книге и даже заглянул как-то в гости. Но, по словам этой женщины, он был подчеркнуто холоден в общении с ней и даже не пытался как-то сблизиться с молодой Анной. Ран оказался в очень щекотливом положении.

Нервы у Рана оказались, что называется, на пределе. Ко многим его неудачам стоит добавить бесконечные возмущенные письма от католиков и анонимные угрозы, которые, как полагал Ран, прислали иезуиты. Говорят, что точку в его судьбе поставили два события — «хрустальная ночь», еврейские погромы, прокатившиеся по всей Германии, и намерение эсэсовского начальства перевести его в концентрационный лагерь Бухенвальд. 22 февраля он пишет заявление с просьбой исключить его из СС.

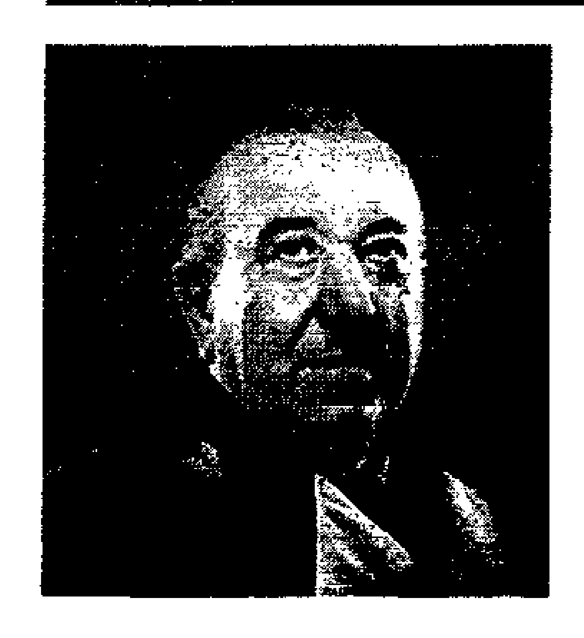
Что произошло дальше, установить трудно. 11 мая 1939 года крестьянские дети, живущие близ баварской деревушки Айберг, нашли разложившийся труп мужчины. Вскоре останки идентифицировали — это был Отто Ран. Около останков были найдены два медицинских пузырька, в которых когда-то содержался яд. Время смерти было очень сложно установить, но эксперты предположили, что это произошло где-то 12—13 марта 1939 года. Полиция сразу же отбросила версии об убийстве. Было решено, что Ран покончил с собой. Причины этого поступка непонятны. Может быть, он боялся разоблачения своих гомосексуальных наклонностей. В любом случае Рана почти тут же восстановили в СС.

Альберт фон Халлер рассказывал, что накануне своего исчезновения Ран забежал к нему: «Он был в чудовищном состоянии: нервный, сильно похудевший, глаза безумные. Ран бросил: «Я пропал. Меня преследуют СС. Я обвинен в гомосексуализме». Он сказал мне об этом открыто. «Мне предоставили выбор. Либо — концлагерь, либо — самоубийство, геройская смерть в горах. Третьего не дано». Он собирался бежать во Францию, но, видимо, передумал.

Точки над всеми «и» поставила Габриела Винклер-Дехенд, которая сообщила о смерти Рана следующее: «Я знаю, что за ним была установлена слежка, с целью проверить, не является ли он гомосексуалистом. Когда Гиммлеру об этом сообщили в третий раз, он настоятельно рекомендовал отложить рассмотрение этого дела (хотя гомосексуализм в СС карался смертной казнью). Я полагаю, что Отто Ран именно после этого ходатайствовал об исключении из СС. Моим источником был Ханс фон Лахнер, которому я сама помогла стать адъютантом при «Вайсторе».

Глава 3
ТАЙНОЕ ПРЕДАНИЕ КАРЛА ВИЛЛИГУТА

Когда историки упоминают его имя, то обычно добавляют «личный маг рейхсфюрера СС» или «Распутин при дворе Гиммлера». Действительно, в свое время влияние полковника Карла Марии Виллигута было гигантским, хотя и недолгим. По личной рекомендации Гиммлера Виллигут за период своей службы в СС прошел путь от гауптштурмфюрера (капитана) до бригадефюрера (бригадного генерала). Без преувеличения можно сказать, что Виллигут был личным наставником рейхсфюрера СС. Именно Гиммлер консультировался с ним по самому широкому кругу вопросов. Виллигут принимал участие в разработке эсэсовского кольца, которое носили члены «черного ордена». Он участвовал в разработке концепции Вевельс-

Карл Мария Виллигут – «Распутин при дворе Гиммлера»

бурга (ордена-замка СС) и разработке многих церемоний, которые придали идеологии неповторимую ауру элитаризма. Но в то же время стоит заметить, что судьба этого человека мало походила на биографии эсэсовских чинов, оказавшихся в окружении Гиммлера.

Карл Мария Виллигут родился 10 декабря 1866 года в Вене. Его отец был капитаном австрийского ландвера, который со временем оставил военную службу и поступил в полицию. Как говорили очевидцы, Карл Виллигут-старший был очень грамотным и благонадежным служащим. Видимо, именно по этой причине Карлу Виллигуту-старшему в свое время было поручено расследование обстоятельства таинственной гибели наследника трона Австро-Венгерской империи, кронпринца Рудольфа.

В возрасте 13 лет Карл Мария Виллигут пошел по стопам своих предков и поступил в имперскую кадетскую школу в Вене-Брейтензее. Он хотел во что бы то ни стало надеть офицерскую форму, подобно своему отцу и деду. Военную службу он начал в возрасте 18 лет, когда поступил в 97-й австрийский пехотный полк, расквартированный в Герцеговине. Его военную карьеру нельзя назвать стремительной — в 20 лет он дослужился лишь до чина майора. Да и самого Карла Марию Виллигута нельзя было назвать типичным служакой. Он не был чужд некоего эстетствования. За время своей службы он написал немалое количество стихов, в которых рьяно выражал свою преданность Австрии и короне. В какой-то момент он вступил вслед за своим жизнерадостным отцом в общество «Шлараффия». Эта организация, созданная в 1859 году в Праге, занималась изучением древней символики и архаичных церемоний. Став активным членом «Шлараффии», Карл Мария Виллигут писал мистические стихи и трактаты. В частности, он написал работы о зейфридских рунах и мистических скалах Рабенштайна, лежавших на австро-моравской границе. Видимо, неуверенный в своих дарованиях, Виллигут-младший не решался долгое время подписывать стихи и трактаты собственным именем. Авторство приписывалось некому барону Лобезану, чья подпись включала в себя символическое изображение совы — символа общества «Шлараффия».

В октябре 1914-го он как офицер штаба 30-го пехотного полка принимал участие в боевых действиях против русской армии в Карпатах, по всему северо-восточному флангу империи. После этой изнурительной кампании, во время которой он и участвовал в боях, и совершал длительные ночные марши, Виллигут был произведен в полковники и переведен в Грац для того, чтобы организовать подкрепление для 14-го и 19-го пехотных полков. Затем он был отправлен на итальянский фронт, где сменил ряд постов между июнем 1915-го и следующей весной. Как следовало из документов Венского военного архива, Виллигут проявил себя храбрым офицером и высоко ценился своим начальством и товарищами. Обстоятельство очень немаловажное. Обратим на него внимание, так как эти свидетельства нам еще пригодятся. В ходе войны Виллигут был награжден за храбрость и отмечен старшими офицерами. Фельдмаршал Даниель характеризовал его как человека с «безукоризненным характером... крайне опытного, добросовестного офицера». Эту оценку разделяли и другие высшие офицеры.

В мае 1918-го Виллигут был отозван с фронта и назначен командующим лагеря для выздоравливающих в Лемберге. Именно в этом лагере произошли события, во многом предопределившие всю дальнейшую судьбу Карла Марии Виллигута. В июне 1918 года эту офицерскую миссию посетили епископ Поповски, генерал иезуитов Ледоховски и кардинал Рати (будущий папа Пий XI). Воспользовавшись удобным случаем, Виллигут поведал церковным сановникам о происхождении своей фамилии и семейном предании, хранившемся в строжайшей тайне. В этот момент хранитель древнейшей традиции допустил непростительную ошибку. Иезуитский генерал, заслышав слова Виллигута, поморщился и прошептал на ухо папскому легату: «Famiglia malatetta» («Проклятое семейство»). Виллигут услышал эти слова. И тут с выдержанным и дисциплинированным немолодым уже офицером произошла странная метаморфоза. Его обуяло неистовство. С яростью он кричал католическим священникам: «Да, я родом из проклятой семьи!!!» Именно после этого странного события с Виллигутом стали случаться припадки. Или, напротив, он без всякой на то причины мог впадать в глубочайшее уныние.

Тем временем рухнули Австро-Венгерская и Германская империи. Оказавшись в составе фрайкора (добровольческого корпуса) «Оберланд», Виллигут с оружием в руках сражался против коммунистов и сепаратистов. Выйдя на покой, он хотел заняться политической журналистикой. Но к этому моменту нервы у него сдали окончательно. Виллигута пришлось поместить в психиатрическую клинику. Карл Мария Виллигут был признан недееспособным.

Примечательно то, что во время проведения психиатрической экспертизы Виллигут стал проводить странные параллели между современными ему политическими событиями и какими-то чудными происшествиями, увязывая их воедино очень странным образом.

1 января 1919 года «сумасшедшего полковника» было решено оставить в покое. Виллигута направляют в предместье Зальцбурга. Именно с этого момента Виллигута в рядах националистических и пангерманских организаций стали почитать как «тайного немецкого короля». То, что некоторые националисты стали именовать Виллигута именно таким образом, очень легко объясняется, если принять во внимание бедствия того времени, в частности, крушение монархии и традиционных социальных институтов. Но это вовсе не объясняет, почему к Виллигуту стали проявлять повышенный интерес во всех немецких эзотерических кругах. Впрочем, можно предположить, что в человеческом сознании всегда существовала мысль о наличии некоего невидимого архитектора всех событий, великого спасителя от всех тягот и невзгод. В этих условиях «странность» Виллигута была как раз тем качеством, которое манило и притягивало других людей. Так что пребывание Виллигута в психиатрической клинике только укрепляло впечатление, что он действительно являлся «тайным германским королем»! Интерес же эзотериков ограничивался исключительно психическими способностями полковника. При этом они почти не проявляли никакого интереса к его юношеским духовным исканиям. Потому не стоит думать, что Виллигута кто-то реально собирался возводить на немецкий престол. Об этом политическом шаге даже не шло речи.

В 20-е годы XX века значительные персоны венского общества стали уделять Виллигуту очень большое внимание. Происходило это с подачи двух людей: баронессы Талер, кузины Виллигута, которая возглавляла один из эзотерических кружков, и Йорга Ланца фон Либенфельса, главы «Ордена новых тамплиеров». Последний в 1920 году отдал приказ одному из своих подчиненных связаться с полковником Виллигутом. Поручение было выполнено безотлагательно. Посланцы «Ордена новых тамплиеров» три раза посещали Виллигута, все еще жившего в округе Зальцбурга. Один из них — Теодорих Цепль — провел в гостях у полковника аж семь недель! Более подробные сведения об этих визитах содержались в архивах «Ордена новых тамплиеров», которые были конфискованы и засекречены нацистами. К сожалению, эти документы были «утеряны» в 1945 году. Без этих документов вряд ли возможно точное воспроизведение «предания об аса-уана», которое нередко в эзотерических кругах называли «южным христианством».

Прежде чем продолжить рассказ о судьбе Виллигута, необходимо сказать, что он в свое время опубликовал небольшую книгу о

замке Вевельсбург, которому было суждено стать «мировоззренческим центром СС». Именно с этого момента началось его восхождение к чину бригадефюрера СС. Но самое странное состоит в том, что подобные задачи Гиммлер поставил перед Виллигутом задолго до вступления полковника в СС. А вот еще странный момент: книга Виллигута, посвященная Вевельсбургу, увидела свет 16 мая 1937 года. Именно с этого момента начался закат звезды «гиммлеровского Распутина». Мы уже говорили, что Виллигут сделал стремительную карьеру в СС; за какие-то три года он поднялся на самую верхушку «черного ордена». Казалось бы, такой быстротечный взлет должен был быть как-то объяснен. Но этого не было. Имя Виллигута вообще не упоминалось ни в служебных изданиях СС, ни общегерманских средствах массовой информации. Все это указывало, что Гиммлера и Виллигута связывали не просто служебные отношения, а нечто большее. Эту догадку подтверждало обращение, с которым немолодой полковник обращался к Гиммлеру: «Мой рейсхфюрер, мой высокопоставленный друг!» Но вернемся обратно в 20-е годы.

Собственно, свою «общественную» деятельность Виллигут начал сразу же после своего освобождения из психиатрической клиники. Под различными именами он поддерживал тесные связи со многими видными людьми. Кроме уже упоминавшихся нами адептов «Ордена новых тамплиеров», в его окружении можно было заметить партайгеноссе Фриду Доренберг, одну из самых видных женщин-нацисток, именитого политика Вернера фон Бюлова, руководителей «общества Эдды» — Рудольфа Горслебена, Рихарда Андреса, Фридриха Шиллера. Поддерживал Виллигут контакты и с солидными военными из Иннсбрюка — Эмилем Рюдигером и Тельгером. Но в этом списке, который можно было продолжать еще очень долго, интерес для нас представляют две персоны: Фрида Доренберг и Фридрих Шиллер. Именно они познакомили Виллигута с нацистской идеологией, а позже организовали встречу с Генрихом Гиммлером.

Если говорить о взаимоотношениях Виллигута и Гиммлера, то повторюсь, сказав, что они выходили далеко за рамки служебных контактов. Более того, сам статус Виллигута, который носил в СС ритуальное имя Вайстор[1], был более чем странным (словечко, которое будет частенько встречаться в этой главе). В СС фактически ни-

---

[1] В некоторой литературе ритуальное имя Виллигута звучит как Вейстхор. Это очень грубая ошибка, вызванная тем, что, видимо, авторы недостаточно владели немецким языком, либо ориентировались на переводную англоязычную литературу. «Вейстхор» не более чем пустой набор букв, в то время как имя «Вайстор» является «говорящим». Дословно оно означает *«Тор-прорицатель»*, «Тор-провидец».

Виллигут в чине штандартенфюрера СС

кто не подозревал о существовании бригадефюрера Вайстора. О нем было известно лишь некоторым высокопоставленным сотрудникам Главного управления СС. Кстати, именно они окрестили Виллигута «Распутиным Гиммлера». Но даже они не знали, чем он занимался. Официально считалось, что Вайстор был подключен к разработке мировоззрения «крови и почвы», взятой СС на идеологическое вооружение. Но, судя по прозвищу, многие догадывались, какое влияние имел Виллигут на рейхсфюрера СС. В то время ходили многочисленные слухи о том, что в подвалах гестапо уничтожалась оккультная литература. Факт, не соответствующий действительности. Нацисты действительно сжигали литературу, но делали это публично. У каждой исторической эпохи свои забавы. Также стоит отвергать тот факт, что многие обладатели богатых оккультных библиотек почти сразу же после прихода Гитлера к власти оказались в концентрационных лагерях. Но руководство СС вовсе не собиралось уничтожать книги по мистике, астрологии и алхимии. Их тщательно отбирали и складировали. Поговаривали, что в годы Второй мировой войны это редкое книгохранилище было перевезено на нескольких грузовиках в протекторат Богемия и Моравия, где они были сгружены в пражском замке Карлштайн.

Итак, Виллигут официально занимался разработкой идеологии «крови и почвы». Если бы это соответствовало действительности, то могло бы стать одним из самых громких открытий, касающихся истории Третьего рейха. Почему? Дело в том, что под арийцами и сверхлюдьми Виллигут подразумевал нечто совершенно иное, нежели было предписано расовыми законами нацистской Германии. Вайстор видел в арийцах те духовные сущности, которые пришли на Землю тысячелетия назад с Луны. Тогда они могли осознанно, по собственному желанию возвращаться на свою далекую Родину. Арийцы, о которых говорила национал-социалистическая идеология, были для него в лучшем случае «кандидатами» на это высокое звание. Истинными арийцами они могли стать лишь после того, как смогли бы вернуть давно утраченные способности.

17 июня 1928 года Виллигут ознакомил Вернера фон Бюлова с одним из своих пророчеств, которые называл «халгаритами». Это «пророчество» во многом напоминало сагу «Кембра», которая датировалась VI—V веками нашей эры и описывала богатство утраченных древнеарийских воззрений. В ней рассказывалось о кимбрах (цимбрах) — народе Вилиготов, проживавших в свое время на территории нынешних Тироля и Баварии. Последние остатки этого немецкого языкового анклава вели борьбу за свое существование в провинциях Северной Италии — Вероне и Виценте. Многие из кимбров были латинизированы.

Что же говорилось в пророчестве Виллигута? Род Кемберов (кимбров, цимбров) был наследником древних сущностей *аса*, а само слово «кимры» — переводилось не иначе как «проростки аса». Их называли еще детьми света (очевидное влияние гностицизма?). Перелом в судьбе детей света произошел, когда они стали заключать браки с детьми камня. Результатом стало, что дети света полностью очеловечились и стали приземленными, материальными. Другая «хагалртиа» рассказывала о развитии отдельных детей света и последующем их распространении среди человечества. Их очеловечивание проходило в несколько этапов:

1. Пери — однополые духовные сущности, позже называемые ангелами.

2. Кимры — двуполые существа-гермафродиты, которые обладали телами летающих ангелов. Мужчины рождались от мужчин, женщины — от женщин. Рождение происходило от внутреннего оплодотворения. Вырождение привело к появлению амазонок.

3. Асы (аса) — с этой ступени начинается оттеснение рода Хальга (Один, Вили и Ве) волевыми асами, которые могли передвигаться между Землей и Луной. Эти три рода сыграли решающую роль в развитии человечества. Они давали людям все больше и больше. В итоге они стали восприниматься и почитаться как боги. Из этих устремлений возник вотанизм.

4. Нордланд — род белой расы.

5. Арийцы стали развиваться после одной из вселенских катастроф. В итоге аса были вытеснены людьми.

Для того чтобы понять, о чем же говорил Виллигут, нам надо обратиться к «Ирмин-саге».

«Ирмин-сагой» называлась тайная традиция рода Улиготис, кото-

Оберфюрер СС «Вайстор»
(фото со служебного удостоверения)

Одна из первых хагаларит Виллигута

рая повествовала о семи эпохах в истории человечества. Это предание, хранимое в секрете, было изначально изложено на семи дубовых досках. Написано оно было, если верить Виллигуту, протоарийским линейным письмом и снабжено несколькими рисунками. В семье Виллигутов эти скрижали передавались строго от отца к старшему сыну. Но в 1848 году во время пожара в немецкой части города Буда, который позже слился с городом Пештом (Будапешт), дом Виллигутов сгорел. В огне погибли не только таблицы «Ирмин-саги», но и другие драгоценные семейные документы и реликвии. С этого момента «тайное предание» внутри семьи передавалось исключительно устным путем. Впервые это предание было представлено общественности, когда Карл Мария Виллигут написал для Главного управления СС брошюру «Представление о развитии человечества». В этой небольшой работе он не только излагал основную канву семейного предания, но и попытался сравнить ее с другими легендами, которые рассказывали о вселенских катастрофах, уничтожавших почти все человечество.

Но в эсэсовских документах отражено оказалось далеко не все. В них, в частности, не говорилось об «озарениях», которые с 18 лет снисходили на будущего носителя тайного знания. Эти озарения приводили к появлению так называемых хагаларит — небольших пророческих изречений, написанных неким подобием рун. Как утверждал сам Виллигут, «механизмом» для запуска этих пророческих сентенций являлась его родовая память, которая якобы позволяла ему читать и понимать все существующие в мире руны, иероглифы, пиктограммы и наскальные рисунки.

Как отмечал ближайший сподвижник Вайстора, его ученик и биограф Рудольф Мунд: «Заблуждается тот, кто полагает, что это предание, эта традиция прошла сквозь тысячелетия до наших дней незамутненной». То есть, очевидно, что в руководстве СС не сомневались в факте существования тайного предания, хотя и относились

к нему с некоторым скепсисом. Но, в принципе, даже сам Виллигут отмечал, что его представления были некой мозаикой, в которой не хватало некоторых фрагментов и деталей. Подобно Герману Вирту, создавшему «Наследие предков» (Аненербе), Виллигут намеревался восстановить изначальную проторелигию.

Остановимся на некоторых моментах тайного предания более подробно. Для этого обратимся к брошюре «Представление о развитии человечества».

1-я эпоха в истории человечества. В это время шла неустанная борьба стихий. В частности, противостояние воды и эфира привело к появлению так называемых неназываемых, «существ порожденным Имиром[1], которые позже были названы ангелами». Подобная идея нашла свое дальнейшее развитие в СС. Об этом говорит один из документов, где написано о борьбе четырех «тонких материй»: эфира, флода, ода[2] и мета.

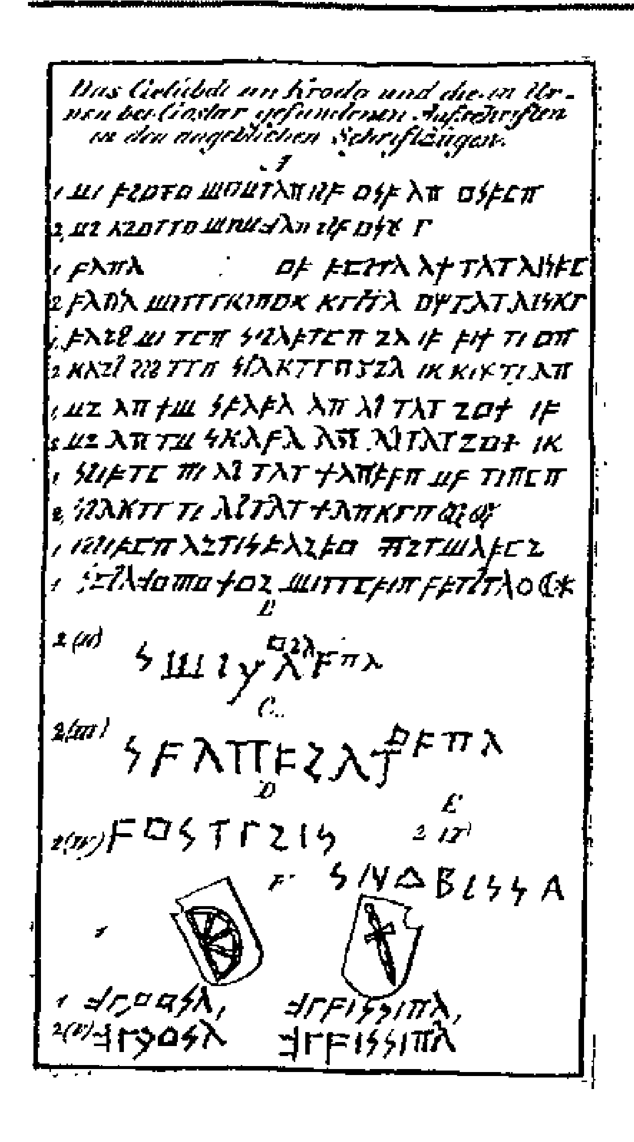
2-я эпоха в истории человечества. После первой великой космической катастрофы — падения Луны на Землю — наступил ледниковый период, который позволил возникнуть вокруг Земли некоему воздушному поясу. Взаимодействие воды и воздуха привело к появлению так называемых двуполых ангелов, которые частью жили на земле, а частью в водной стихии. Но при этом никто из них не утратил возможности летать. Связи между «ангелами земли» и «ангелами воды» привели к появлению на свет первого гермафродита. Взаимодействие же всех четырех стихий привело к появлению новой высшей сущности — Бога.

3-я эпоха в истории человечества. Вторая эпоха, подобно первой, закончилась мировой катастрофой. На этот раз на Землю упало светило, и вся планета оказалась объята вселенским пожаром, который закончился новым ледниковым периодом. Пережившие последующий хаос (KA-OS) были вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни. После падения светила на землю пришел новый вид ангелов. Между оставшимися в живых и «пришельцами» проистекала ожесточенная борьба, отголоски которой Виллигут видел в мифе о борьбе титанов и гигантов. Этот процесс в очередной раз привел к физическому смешению существовавших видов. В результате появились однополые «айжариты», которые могли и ле-

---

[1] *Имир* — в скандинавской мифологии великан, олицетворение первозданной материи, который возник из хаоса мировой бездны благодаря смешению жара и холода, из его тела создан весь мир. Из его черепа сделан небесный свод, из тела — земля, из крови — море, из костей — горы, из волос — леса.

[2] Более подробную информацию о «тонких материях», в частности силе Од и эфире, читайте в главе «Эсэсовские медиумы и алхимики».

Изречение Виллигута, посвященное богу Кродо

тать, и жить в воде, и на суше. Этот вид имел три глаза. Третье око располагалось у них в середине лба. Остатки же выжившего человечества превратились в цвергов, гномов и прочих низкорослых жителей пещер. В возникшем расовом хаосе также началось появление и других, ранее невиданных существ. Некоторые из видов скрещивались с животными. Так на свет появились сатиры, кентавры и прочие мифологические существа. В это время шла неустанная борьба всех против всех. В эту смутную эпоху человечество отчасти приобрело «огненный характер», а отчасти стало уподобляться карликам-цвергам.

4-я эпоха человечества. В это время остатки третьего человечества переживали неслыханный культурный подъем. Их можно уподобить «интеллигенции» предыдущих эпох. После повсеместного приспособления к новым условиям жизни люди поднялись на небывало высокий уровень. Именно в это время в Европе появляются «просвещенные ирминены» (позже их название было трансформировано в Арманенов), создавшие уана-культуру (в Эдде изображенную как культуру Ванов).

Эта эпоха характеризовалась повышенным интересом к астрологии и тайным наукам. В это время существуют две основные человеческие расы: краснокожие и мавры. Но кроме них, существовала еще одна немногочисленная, но тем не менее очень живучая раса людей с белыми волосами, светлой кожей и красными глазами — альбиносы. Именно альбиносы совместно с краснокожими изобрели сначала иероглифическое, а затем и руническое письмо. Все три человеческие расы противостояли «зверолюдям», хотя случалось, что мавры скрещивались с последними.

К моменту заката четвертого человечества у него исчез третий глаз. Только уану (ваны) могли использовать его ресурсы, что по-

зволяло им быть более изобретательными, талантливыми и умными. Очередное падение Луны фактически уничтожило все четвертое человечество. Но на этот раз, в отличие от прошлых, более высоко развитая культура уанов смогла предсказать эту космическую катастрофу и подготовиться к ней. Это были как раз те люди, которые создали подземные ходы в толще гор. Скрывшись там, они смогли пережить ужасы крушения очередного спутника Луны. Именно они оставили в глубине пещер наскальные рисунки.

5-я эпоха человечества. Переходный период от четвертого к пятому человечеству длился почти тысячу лет. Но, несмотря на подготовку к катастрофе, люди предыдущей эпохи выжили далеко не везде. Как правило, они продолжили свое существование там, где имелось достаточное количество разнополых пар. Дело в том, что, скрывшись под землей, людские общины не стремились к контактам между собой. Они не хотели появляться на поверхности земли и стремились во что бы то ни стало пережить крушение Луны.

Тем временем на поверхности земли появился новый человеческий вид. Его представители называли себя Аса (асы в эддической традиции). Они походили внешне на уану и были такими же долгожителями. «Когда земля вновь стала зеленой, а небо — голубым, то АСА стали угнетать УАНУ и похищать их женщин... Когда же солнце стало светить и пробиваться сквозь тучи, КА-ОС отступил. Звери и люди стали приумножаться, и людям больше не требовалось убивать друг друга, дабы добыть пропитание». Со временем аса перестали воевать против уану и создали Асгард. Дети, рожденные от брака аса и уану, направились в Атта-лант.

На этом месте надо прервать повествование о тайной традиции семейства Виллигутов. Рюдигер, один из учеников Вайстора, в своей книге «История человечества в изучении отличительных черт Эдды» фактически повторял идеи Виллигута. Единственным отличием было то, что Рюдигер свел всю человеческую историю к искусству скальдов, в которых числительным образом было зашифровано утраченное знание о прошлом. Собственно говоря, ни у кого: ни у Виллигута, ни у его учеников, ни у эсэсовского руководства — не возникало сомнения в том, что изначально существовавшая религия была прервана. Что искажения с каждым веком приумножались, приводя к появлению новых «неистинных» ритуалов. Восстановить изначальную многовековую традицию можно было лишь при помощи синтеза. Но, с другой стороны, реставрации ядра древнейшей религии мешали отдельные «профанические персоны», которые отказывались от этой религии, называя ее «нефункциональной, неспособной помочь в построении новой философской школы или мистического Ордена». Эта небольшая строка, написанная Ру-

дольфом Мундом, очевидно, показывала, что сторонники Виллигута не собирались всерьез воспринимать прочие ариософские доктрины, пропагандируемые в 20-е годы XX века многочисленными расистскими организациями.

После утраты в Буде «рунических скрижалей» пробел в человеческой истории пытался восполнить Йорг Ланц Либенфельс. Именно он хотел провести новый религиозный синтез. Но здесь надо удержать читателей от традиционной ошибки, допускаемой в литературе об оккультных корнях нацизма. Не Либенфельс был учителем Виллигиута, а как раз наоборот — немолодой полковник вдохнул в Либенфельса большинство его идей. Ведь по сути «Теозоология» и «Библиомистикон», написанные Йоргом Ланцем Либенфельсом, были не чем иным, как вольным пересказом тайного предания семейства Виллигутов.

Эпигоны Виллигута были уверены, что по всей земле можно было найти отзвуки некогда ранее существовавшей общей религии. В качестве примера приводились мифы о катастрофах, существовавшие в античном мире, у хеттов, в Египте, в Южной Америке. Примечательно, что, анализируя изначальную традицию и ее отдельные элементы, Виллигут ссылался не только на архаические мифы, но и на гностицизм!

Собственно, нечему удивляться. Если взять то же самое тайное предание, то в нем можно увидеть, что люди второй эпохи назывались не иначе как «детьми света». И каждая новая волна пришельцев, каждая новая катастрофа приводили к изменению людей, делая их более материальными. Разве не об этом говорили многочисленные гностические школы? Даже теория Дарвина оказалась в стане союзников Виллигута, хотя и невольно. Виллигут не раз заявлял, что биологи и антропологи никогда не найдут переходное звено от обезьяны к нынешнему человеку, так как этим переходным звеном были зверолюди и карлики-цверги.

А вот одна из идей ближайшего сподвижника Виллигута Гюнтера Кирххоффа. Он выдвинул мысль о существовании доеврейского христианства! Иногда его называли языческим или варварским христианством. В качестве доказательства существования этого религиозного направления приводились не только многочисленные изображения, но и религиозные сюжеты о самопожертвовании Бога. Такие сюжеты встречались в германской, скандинавской и индийской мифологии. Но самое интересное, что добровольная жертва во многих случаях приносилась в виде распятия. В списке распятых богов значились Кришна, Заратустра, аргонавт Ясон, который в Малой Азии и Фракии почитался в качестве воскресающего Бога.

Но в предании семьи Виллигутов центральной фигурой был принесший себя в жертву «богочеловек» Бальдр Крестос. Интересно, что в данном контексте слово «Крестос» значило «благородный», «исключительный», «порядочный». Лишь после его латинизации оно стало звучать как Христос. Поменялось не только его звучание, но его значение. Теперь оно означало «Спаситель», «искупитель», «избавитель». Но благородный и избавитель — это совсем не идентичные понятия. В скандинавской мифологии встречается понятие «крестура», под которым понимается напиток, дающий исключительные способности. Виллигут же изображал крестуру как «абсолютный свет». Здесь мы можем увидеть очевидность сходства представлений Виллигута и Альфреда Шулера. Сходство не ограничивается «световыми» понятиями, но извечным противостоянием двух сил, которое определяет все развитие мировой истории. У Виллигута этими силами были вотанизм и крестианство.

Поскольку эта борьба была центральной движущей силой истории (в представлении Виллигута), то остановимся на них более подробно. Ключом к пониманию этих явлений является «халгарита» № 6119, едва ли не важнейшее пророчество в наследии Вайстора. В этой «халгарите» рассказывалось о брачных законах, установленных королем Фродисом. Согласно этим законам, «волевым аса» запрещалось воздействовать магическим способом на человечество. Вызвано это было вовсе не заботой о земных людях, а стремлением вернуть аса их утраченные способности, остановить дегенерацию, вызванную общением с людьми. Но истинные причины установления этих законов аса не открывались — Фродис и его мастера хранили молчание. Эта скрытность привела к недовольству, а позже стала причиной враждебного отношения к «реформам» Фродиса.

Религиозный фундамент для возникновения вотанизма был создан после того, как скончался Вотан, а Локи всячески способствовал обожествлению своего брата Вили. Все эти три брата (Один, Локи, Вили) были воплощением двух природ: телесной и эфирной. Сохранив в себе часть способностей кимбров, братья обладали по сравнению с другими аса исключительными способностями. Дети, рожденные от этих братьев, были уже более приземленными («состоящими из плотных материй»), а потому мало походили на своих отцов. Внуки же и вовсе утратили все свои мистические качества. Законы Фродиса должны были остановить этот необратимый процесс. Очеловечиванию «детей света» должен был быть положен конец. Аса должны были вернуться в тело, состоящее из «тонких материй».

К моменту кончины Вотана различие между Вили и более молодыми ирминами стали настолько гигантскими, что молодежь стала

почитать его как высшую сущность — Бога. Дело дошло до того, что Вотана и Вили стали воспринимать как единую личность. Почитание стало приобретать все более и более культовые формы, постепенно превращаясь в новую религию — вотанизм. Но эта религия не совместима с богопочитанием, присущим ирминизму. Инициатором такого религиозного переворота был Локи, младший из братьев, свободный от каких-либо моральных устоев. Это был один из тех «волевых аса», которые не собирались следовать брачным законам Фродиса. Он прекрасно понимал, что появление качеств, которые были присущи ему и его братьям, разрушит их власть. Именно по этой причине он целенаправленно развивал в себе и в своих сторонниках умственные способности, которые могли помочь им в обогащении и превращении в сущности, независящие от устоев. По сути Локи решил восстать против Бога и Божественного строя, царившего в обществе аса. Он увлек за собой многих, апеллируя к их чувству страха и неуверенности. На самом же деле он хотел утолить свою жажду власти.

Ирминистов и уану пугал Локи и его движение, но они не решались избавиться от него. Дело в том, что он поселил в душах «детей света» земные страсти и алчность. Особо искусно ему удалось опутать своими чарами брата Вили. Настолько умело, что Вили — высокоморальная и богобоязненная сущность — сам не заметил, как стал участвовать в «постыдных делах Локи». Младшему брату удалось сыграть на его слабости... властолюбии. И именно эта слабость перечеркнула все его положительные черты и достоинства.

Возникновение крестианства, согласно Виллигуту, выглядело следующим образом. В момент воцарения Вили (10,5 тысячи лет до нашей эры) на Земле родилась прекрасная и вечно юная Нана. Она родила непорочно зачатого Бальдра. По своему сложению сын Наны очень походил на древних отпрысков Ирмина. «Высокое рождение» позволяло ему быть причисленным к отпрыскам древнего рода. Однако он развивался гораздо быстрее других «детей света», которые были более материальными и приземленными. Личные качества Бальдра указывали на его Божественное происхождение. Он был первым человеком, чье творческое начало могло контролироваться головным мозгом. По сути, он был первым, кто совершал осознанные поступки, а не руководствовался подсознанием. Неудивительно, что выделялся на фоне других «детей света» и даже превосходил их. Это был новый, ранее никому не ведомый человеческий вид. Почти само совершенство.

Принимая во внимание свое происхождение, Бальдр мог стать вождем нового времени. До рождения Бальдра человечество представляло собой многочисленные группки, которые бесконечно ко-

чевали. К тому же представители одних групп очень сильно отличались от представителей других. Как творческое и созидательное существо, Бальдр отказался от своего древнего права быть превосходным, властвовать над земным человечеством. Этим правом очень охотно пользовались другие «дети света», которых земные люди почитали как богов. В большинстве языческих мифов и саг боги изображались милостивыми, всегда готовыми помочь. Но на самом деле у них не было даже намека на подобные качества. Напротив! Навязав людям свои законы, «дети света» стали высокомерными. Они постоянно вели борьбу за власть. Но в один момент людям это опротивело. Они обратились с просьбой к Бальдру ограничить способности «детей света». Сам же Бальдр жил на земле в чужом теле. Его также не устраивали законы, навязанные земным людям. Именно Бальдр открыл людям, что те очень легкомысленно утратили свое древнее право самим решать свою судьбу. Кроме этого, он провозгласил, что отныне «дети света» сами должны подчиняться земным законам, которые распространялись и на простых людей.

Для «детей света» это известие стало ужасной новостью. Они опасались окончательно утерять последние из своих способностей, доставшихся им от кимбров. При исключительно длинной жизни, доставшейся им от пращуров, и брачных законах Фродиса, «дети света» могли вновь стать существами, состоящими только из тонкой материи. Учитывая растущее влияние «темных аса», Бальдр решил обновить законы Фродиса и уравнять «детей света» и человечество. Не стоило забывать, что сопротивление законам Фродиса не прекращалось ни на момент с самого их возникновения. Запрет на использование своих древних способностей всколыхнул волну недовольства среди аса. Почти все они стали вотанистами. Несмотря на то что Бальдр смог преодолеть свое сверхчеловеческое духовное величие, в широких ирминистских кругах стали возникать многочисленные предрассудки. В частности, «дети света» были убеждены, что нововведения приведут к их окончательному исчезновению как вида. А сохранение старых законов оставляло возможность вернуть себе прошлое величие. В итоге начинает деформироваться и сам ирминизм. Постепенно складывается культ родной планеты — Луны. Он получает название арманизма, который вытесняет солнечный ирминизм. При этом под словом «ирминен» подразумевался определенный человеческий тип, а под словом «арманен» — особое жреческое сословие.

В городе Аркона, который располагался на тогда еще связанным с материком острове Рюген, был основан центр арманизма. Что не мешало ему соседствовать с храмом солнечного бога. Кстати, Йорг Ланц фон Либенфельс в одной из своих работ, посвященной арий-

ско-христианской проторелигии, рисовал Рюген и Балтийский регион как исходный пункт древнейшей священной традиции. Сразу же стоит отметить, что арманизм и вотанизм в изложении Виллигута не имели ничего общего с историческими явлениями эпохи переселения народов и раннего Средневековья. В Эдде, дожившей до наших времен, эти культы вообще смешаны воедино. Существовала также версия, что в ходе исторического развития арманизм и учение Бальдра Крестоса объединились в единый религиозный комплекс, который оказал влияние не только на так называемое «южное христианство», но и на складывание тайных орденов и мистических братств.

Крестосом, в измененной форме Кристом, арманисты называли своего старшего, главу культа. Имеет смысл сосредоточить внимание на этой версии. Виллигут утверждал, что план, который пытался осуществить Бальдр, назывался Крест-УР. В слове Крестос мы находим суффикс -ОС. По мнению Виллигута, он имел то же значение, что и суффикс -ЭЛЬ в древнееврейском языке (Михаэль, Израэль и т.д.). Так вот суффикс -ОС связывал все слова с Ирмином и Бальдром. С другой стороны, слово «крестура» значило «Божественное предсказание». Таким образом, можно предположить, что осуществление плана Крест-УР должно было вернуть «детей света» едва ли не революционным путем в их изначальное (УР) состояние. Получался некий парадокс. С одной стороны, Крестос намеревался низвести «детей света» «до уровня пыли», распространяя на них земные законы. Но с другой стороны, он как бы гарантировал, что его действия и высочайший надзор позволят не только вернуть древние качества кимров, но и вновь воссоединиться со светом. Эпигоны Виллигута писали по этому поводу: «Реформы Бальдра, действительно, в некоторой мере унижали «детей света». Но они как бы являлись залогом их доверительных отношений с «милостивым солнцем». А это, в свою очередь, вновь делало «детей света» милостивыми правителями — свойство, которое они давно уже утеряли». В тайных науках подобный союз назывался «мистической свадьбой», а в искусстве скальдов — призывом к настоятельным стремлениям.

Но этому титаническому плану, опять же если верить Вайстору, не было суждено сбыться. В Госларе (Аруале), одном из крупнейших ирминистских городов, вспыхнул конфликт между непреклонными сторонниками «старого уклада» и Бальдром Крестосом, неумолимо проводящим в жизнь свои начинания. Конфликт вылился в вооруженную борьбу. Вотанисты взяли штурмом резиденцию Бальдра и пленили его. По приказу предводителя вотанистов (незаконнорожденного ребенка от инистого великана Йотуна) Бальдра

распяли. Но распятие проходило не на кресте, а неком подобии руны «ман». После распятия в него было выпущено множество стрел. Издевка состояла в том, что именно эта руна не открыла своего значения вотанистам. Именно поэтому они приписали себе факт ее познания. Вспоминается строчка из Эдды: «Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей». Впрочем, у Виллигута следовала несколько другая цитата: «Я знаю, что я висел на продуваемом студеными ветрами дереве девять холодных ночей, изумленный истиной».

Параллели с библейским сюжетом очевидны. Но есть и очень серьезные отличия. Иисус был готов к смерти, когда его водружали на крест. Бальдр же был распят «изумленным истиной». Изречение Виллигута, более известное под названием «Святой и Великий Господь Бог помоги», сообщало о том, что Бальдр применил руническое заклинание, которое, возможно, было открыто накануне распятия. Остается непонятным, кто был учителем Бальдра.

Для Виллигута все эти путаные и странноватые сюжеты были вовсе не отвлеченной мифологией. Он утверждал, что распятие Бальдра произошло вблизи Гослара, на месте, где располагались руины семинарии Св. Петра, находившейся восточнее города Петерсберга. Это духовное заведение было разрушено в 1527 году, когда горожане вели ожесточенную борьбу против брауншвейгского герцога. Много лет спустя, в 1871 году были обнаружены несущие стены этого строения. Люди, проводившие раскопки, нашли также остатки нескольких колонн. Виллигут посетил это место, после чего заявил, что распятие произошло на месте третий колонны. К великому сожалению последователей Вайстора, он не указал, с какой стороны надо вести отсчет, дабы установить точное место. Впрочем, расстояния между колоннами были настолько малы (один-полтора метра), что это не имело принципиального значения.

Эти «открытия» оказали влияние на весь немецкий оккультизм преднацистской эпохи. Первые попытки творчески интерпретировать наследие Виллигута предпринял Рудольф Горслебен. В своей книге «Расцвет человечества» он сообщал, что в госларской ратуше нашел выцветшее изображение Христа, истязаемого у столба. Иисус был не только покрыт ранами от стрел, но над его головой светились три лилии. Герман Вирт, один из создателей Аненербе, приводил интересное описание Богоматери (по его мнению, богини земли Ирты), над головой которой также были изображены три лилии. Йорг Ланц фон Либенфельс как-то сказал о символе лилии: «Позже появилась геральдическая фигура лилии, которая стала знаком арманизма или древнеарийского священничества». Эту мысль он повторил в одной из своих работ: «Позже в геральдике он трансфор-

мировался в горностая. В качестве такового он употреблялся как отличительный знак арманов, высших священников арийско-христианского культа».

Последний гроссмейстер «Ордена новых тамплиеров» Рудольф Мунд в своей книге «Распутин Гиммлера», посвященной судьбе Виллигута, привел один рассказ Вайстора. Тот якобы поведал, что Бальдру Крестосу, несмотря на множество причиненных ран, все-таки удалось сняться с креста. Опасаясь преследования, Бальдр направился в «ужасную пустыню Гоби». Путь его лежал через местечко Виттов, которое уже давно располагалось в «сфере интересов» культового центра древнеарийской религии Ретра. Именно там в ноябре 1927 года «Орден новых тамплиеров» создал собственное пресвитерство. В самой же пустыне Бальдр основал ирминистскую «школу мастеров». Ее ученики тщательно охраняли свое учение, создавая в Азии специальные закрытые области. Не потому ли Гиммлер проявил такой повышенный интерес к тибетской экспедиции Эрнста Шефера?

В этом повествовании о прошлом большую роль Виллигут приписывает своим предкам. Вилиготис вели свой род и от уану, и от аса. Позже его предки управляли королевством в Бургенланде, вот почему такое большое значение в своих воспоминаниях Виллигут уделял Штейнамангеру и Вене, сравнимой для него с Госларом. Когда в Германии началось преследование язычников, роду Вилиготис удалось избежать плена франков и бежать в Центральную Россию. Там Вилиготис основали город Вильну, ставшую центром весьма протяженной готской империи, чье мирное существование, впрочем, постоянно нарушалось враждебными вторжениями христиан и русских. В итоге семья переехала в Венгрию в 1242 году, где смогла укрыться от бдительности католической церкви и ненависти вотанистов. На протяжении всей истории семья Виллигут сохраняла неколебимую веру в ирминистскую веру. Среди других выдающихся членов его рода Виллигут вспоминает об Армине Черускере и Виггукинде, оба — героические фигуры ранней немецкой истории. Совершенно понятно, что эпические изложения предполагаемой генеалогии и семейной истории служили Виллигуту в качестве сцены, на которой он мог бы удачнее представить непреходящую значимость его собственных предков. Одному из адептов «Ордена новых тамплиеров» Виллигут загадочно поведал, что «его корона хранится в королевском дворце Госларе».

Казалось бы, что в идеи, высказываемые Виллигутом, было просто невозможно поверить. Но факт остается фактом. Вайстор просто околдовал Гиммлера и его окружение. Вальтер Дарре, один из создателей идеи «крови и почвы», так писал в своем дневнике: «Яс-

но, что аграрный сектор возникнет в замке Нойбруг. После посещения Гослара полковник посвятил в свои планы и дал совет. Итак, в 1934 году, в Госларе — первый имперский съезд крестьян». Далее: «Посещение Вевельсбурга и Экстернштайна — водил Виллигут... Виллигут-Вайстор набросал наброски гербов». А вот одна из последних записей в дневнике Вальтера Дарре: «Для Гослара выделили денежную прибавку. Содействуем возвращению этому городу его древних прав. В Госларе немецкий народ вновь обретет мировоззрение «Одал».

Как видим, Виллигут очень сильно влиял на эсэсовскую политику. Не будет преувеличением сказать, что именно им была разработана большая часть эсэсовской ритуалики. До нас дошел документ, который описывает проведение одного из таких ритуалов:

«4 января 1937 г.

Сегодня, 4 января 1937 г., из своего дома в Шёрне, вблизи Роттах-Эгерн на Тегернзи, бригадный генерал СС Карл Вольф направил мне, своему Рейхсфюреру СС, нижеследующий рапорт:

«Рейхсфюрер СС! Данным рапортом сообщаю Вам, что 14 декабря 1936 г., в конце третьего года Тысячелетнего Райха моя жена Фрида Вольф, в девичестве фон Рёмхильд, родила нашего третьего ребенка, первенца мужского пола».

На это я отвечаю:

«Благодарю Вас! Ваш рапорт был заслушан мной в присутствии свидетелей, крестных отцов ребенка, а именно: меня лично, бригадного генерала СС Карла Марии Вайстора (Виллигута), генерал-майора СС Рейнхарда Гейдриха и капитана СС Карла Дибича. Ваш ребёнок будет вписан в реестр новорожденных СС и занесен в орденскую книгу СС».

Сам ритуал выглядел следующим образом. Бригадный генерал СС Вольф передал ребенка матери. После этого Гиммлер отдал приказ Вайстору провести ритуал имянаречения. Виллигут обернул ребенка синей лентой жизни и произнес традиционные слова:

«Синяя лента верности вьется сквозь твою жизнь. Каждый Ариец, каждый осознающий себя Арийцем должен хранить верность! Эта синяя лента символически связывает рождение и брак, жизнь и смерть. И вот, сей ребенок связывается с моим глубоким желанием его превращения в настоящего арийского мальчика и стойкого арийского мужчину». После этого Виллигут взял чашу и произнес: «Бог есть источник всей жизни! Из Бога проистекает твое знание, чувство долга, жизненная цель и весь смысл жизни. Каждый глоток из этой чаши служит подтверждением твоей связи с Богом». Вернув матери ребенка, он произносит новую ритуальную фразу: «Эта ложка будет питать тебя, пока ты не повзрослеешь. Твоя мать проявит

свою любовь, питая тебя этой ложкой, и накажет, лишив тебя пищи, если ты нарушишь Заповеди Божьи». После этого ложка также передавалась матери. В завершение Виллигут провозглашал: «Ты, дитя, будешь носить это кольцо, родовое кольцо семейства Вольф, как только проявишь себя достойным СС и своего рода. И вот, согласно воле твоих родителей и наказу Ордена СС, я нарекаю тебя: Торисман, Генрих, Карл, Рейнхард. Пусть родители и восприемники пестуют в ребенке отважное арийское сердце, согласно Воле Божьей. Тебе же, дорогое дитя, я желаю хранить себя и, повзрослев, в течение всей жизни с гордостью носить имя «Торисман» как свое первое имя».

А вот другой документ, который показывал, что Виллигут, не желая ограничиваться рамками СС, пытался оказывать влияние на религиозную ситуацию во всей Германии.

«Для установления «древней религии», которую никогда нельзя возродить при помощи эмпирических знаний и естественно-научных открытий, необходимы следующие мероприятия, осуществляемые государством в разумной последовательности:

1. Строжайшая охрана исторических памятников из всех музеев (также в так называемых частных собраниях). Охрана произведений искусства любого рода (в особенности, если они датированы периодом, начиная с первобытности, заканчивая XVII веком), строений, пещер, памятных скал, наскальной живописи, церквей, капелл, курганов, равно как и всех находок, изъятых из земли.

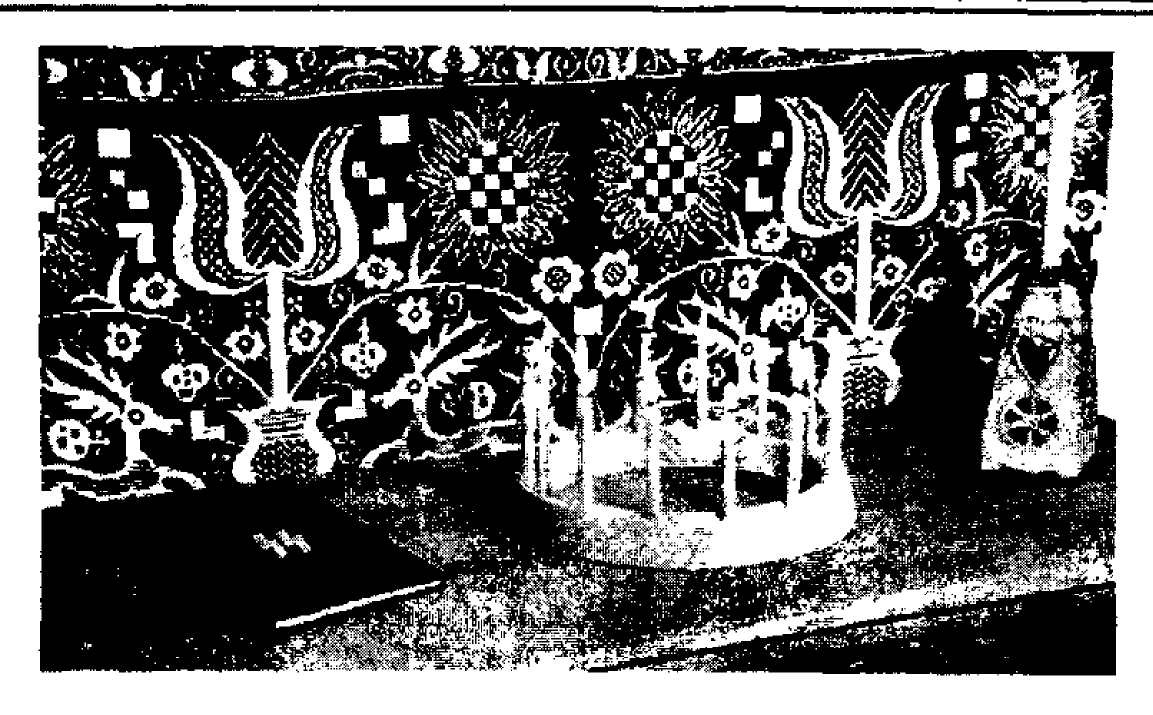
2. Охват всего церковного имущества, особое внимание на его статистический учет. Тогда может произойти уравнивание числа верующих, в давно существующих протестантских и католических общинах. Полноправное заявление прав на часть церковного имущества, которое было утрачено при смене религии в переходный период.

3. После принятия соответствующего декрета — повсеместное упразднение монастырских школ. При необходимости новые строения монастырей и церквей передаются округам, областям, гау, которые нуждаются в оных.

4. Получение профессии священника возможно лишь только после получения государственного образования, а потому невозможно ранее достижения возраста 24 лет.

5. Роспуск всех мужских и женских монастырей возможен лишь после того, как будет установлен достаточный контроль над монастырями и оттуда будут выброшены все не-немцы. Оставшиеся могут лишь служить идеалам красоты.

6. Даже когда эти заведения, перешедшие в государственное владение, будут содействовать только гуманитарным целям, рабо-

Эсэсовский алтарь

тающие там люди будут находиться в них до самой смерти, не получая нового монашеского имени во Христе.

7. При попытке заниматься активной прозелитической деятельностью либо же при высказывании с церковной кафедры несогласия (с политикой существующей власти) необходимо изгонять духовных лиц из церкви.

8. Конфискация всего церковного имущества вне зависимости от конфессии, запрет на передачу наследства церковным структурам. Если же такие завещания все-таки встретятся, то они признаются недействительными, а имущество по ним сразу же отходит в пользу государства.

9. Государство любыми средствами должно обезвредить священников всех уровней.

10. Все религиозные объединения сами должны содержать своих функционеров, а сами религиозные организации должны финансироваться лишь за счет пожертвований.

Бригадефюрер СС Карл Мария Вайстор».

Как видно из этого документа, Виллигут собирался ни больше ни меньше способствовать созданию новой (читай — «древней») религии. Но его падение было столь же стремительным, как и взлет. В феврале 1939-го адъютант Гиммлера информировал структуру, которую возглавлял Вайстор (отдел RAIII Главного управления СС по вопросам расы и поселений), что она распущена, а ее шеф уволен на основании собственного прошения и по причине возраста и слабого здоровья. Несколько дней спустя Гиммлер попросил Виллигу-

та вернуть эсэсовские кольцо, кинжал и шпагу, которые тот сентиментально хранил под личным замком, а ключ носил с собой. 28 августа 1939 года Карл Мария Виллигут был официально уволен из СС. Что же послужило причиной столь резкого изменения отношения со стороны Гиммлера к своему «наставнику»? Официальная версия гласила, что на стол к рейхсфюреру СС попали документы, в которых подробно рассказывалось о пребывании Виллигута в психиатрической лечебнице. С этой версией можно было бы согласитъся, если бы не некоторые документы. Все они содержатся в Федеральном архиве Германии в г. Кобленце. Небольшая папка полностью посвящена расследованию, которое Гиммлер провел в связи с психическим здоровьем Виллигута. Тут и многочисленные допросы медицинского персонала клиники, и объяснительная, написанная лично Виллигутом. Но что странно, под ней нет подписи. А ведь общеизвестно, что Виллигут ставил свой автограф даже на крошечной записке, при этом всегда приписывал свой эсэсовский чин. В этом документе Виллигут говорит, что, прежде чем был доставлен в клинику, он был ***арестован*** австрийской полицией. Изумление у эсэсовских чинов, проводивших расследование, вызывала откровенная фальсификация психиатрической экспертизы. В ней, в частности, говорилось, что отклонения у Виллигута наблюдались с детства, хотя это была ложь. При экспертизе не учитывались отзывы военного начальства и его характеристики. И самая примечательная ложь, подмеченная следователями. Утверждалось, что поводом для принудительной госпитализации послужили жалобы жены Виллигута, которая поведала о постоянных угрозах расправы с ней и странных видениях мужа. Но при допросе выяснилось, что супруга Виллигута с нескрываемым изумлением узнала о невменяемости своего мужа. Не правда ли, странная реакция для женщины, обратившейся с просьбой обуздать своего супруга. И самый интересный факт — из психиатрической клиники Виллигут был отпущен в день св. Стефании, крупного католического праздника, когда принято проводить ***тюремные*** амнистии. Вряд ли серьезные врачи выпустили бы из клиники буйнопомешанного в честь католического празднества. Складывалось впечатление, что Виллигут пал жертвой «судебной психиатрии», столь популярной в позднесоветские времена.

На факт остается фактом — Гиммлер решил отделаться от Виллигута. СС продолжали наблюдать за Виллигутом и в отставке, хотя последние годы его жизни прошли в безвестности и скитаниях по военной Германии. Эльза Балтруш, сотрудник личного штаба рейхсфюрера СС, была назначена попечительницей Виллигута, и они вместе поселились в Ауфкирхене. Это оказалось слишком далеко для Виллигута, привыкшего к берлинской жизни в гуще собы-

Oberst 1/8. 1917 Rang 67

Name: Karl Wiligut +3.1.1946

Gesamtdienstzeit.

Свидетельство о смерти Виллигута

тий. В мае 1940 года они отправились в возлюбленный им Гослар. Едва они обосновались в Вердерхофе, как в городе было объявлено о всеобщем медицинском освидетельствовании, пара перебралась в маленькую гостиницу СС на Вортерзее в Каринтии и провела остаток войны в Австрии. Затем английские войска выселили его и направили в лагерь св. Иоанна под Вельденом; в это время старик страдал от удара, результатом которого стал частичный паралич и потеря речи. Ему и его компаньонке было позволено вернуться в Зальцбург, в его фамильный дом, но несчастное прошлое делало очевидным для каждого невозможность такого шага. Виллигут хотел вернуться на избранную им родину — в Германию, так что пара направилась к семье Балтруш в Аролзен в декабре 1945 года. Путешествие оказалось слишком тяжелым для старого человека, и по прибытии он слег в больницу. 3 января 1946 года Карл Мария Виллигут умер, последний в своем таинственном роду.

Это повествование осталось бы незаконченным, если не рассказать еще об одном детище Карла Марии Виллигута. В Вестфалии, к югу от городка Падеборн, находится таинственный Вевельсбург, который нередко называют «вестфальским замком Грааля». Это строение было заново открыто Виллигутом. Вайстор лично участвовал в реконструкции замка, руководя его перепланировкой. Он полагал, что здесь находится мистический «центр мира». Древнее вестфальское сказание о «битве у белой березы» гласило, что здесь, в Вестфалии, произойдет последняя великая битва между силами Запада

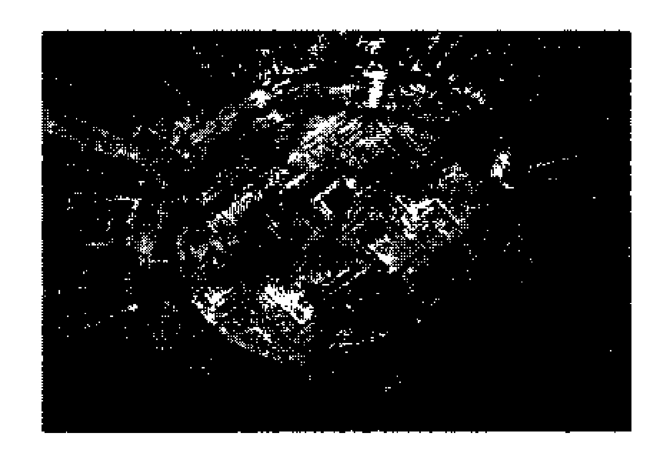
Крипта замка Вевельсбург

и ордами Востока. Это сражение станет апокалипсическим событием, которое окончательно предопределит упадок Европы. Сказание стало причиной повышенного интереса к этому древнему зданию. Во время перепланировки Вевельсбурга в его северной башне было создано два ритуальных помещения. На первом этаже пол залы был выложен мрамором, который создавал рисунок так называемого «Черного солнца» — колеса, где роль 12 спиц выполняли рунические светящиеся молнии. В полуподвале этой башни было построено купольное помещение (крипта) с каменным кругом в центре. Вевельсбург оказался связан не только с Виллигутом, но и с его протеже Отто Раном. После смерти последнего поговаривали, что тот все-таки нашел Грааль и доставил его в Вевельсбург. Неудивительно, что Святой Грааль как бы стал мистерией этого замка. Впрочем, Ран мог оказаться здесь и ни при чем. Еще во время планирования новых замковых построек новая структура Вевельсбурга весьма напоминала наконечник копья (старое здание), опущенное в чашу (новостройки). Наконечник копья и чаша были непременными атрибутами мифа о Святом Граале. Запланированные же новостройки как бы охватывали древний замок неким энергетическим полем, ярким сиянием.

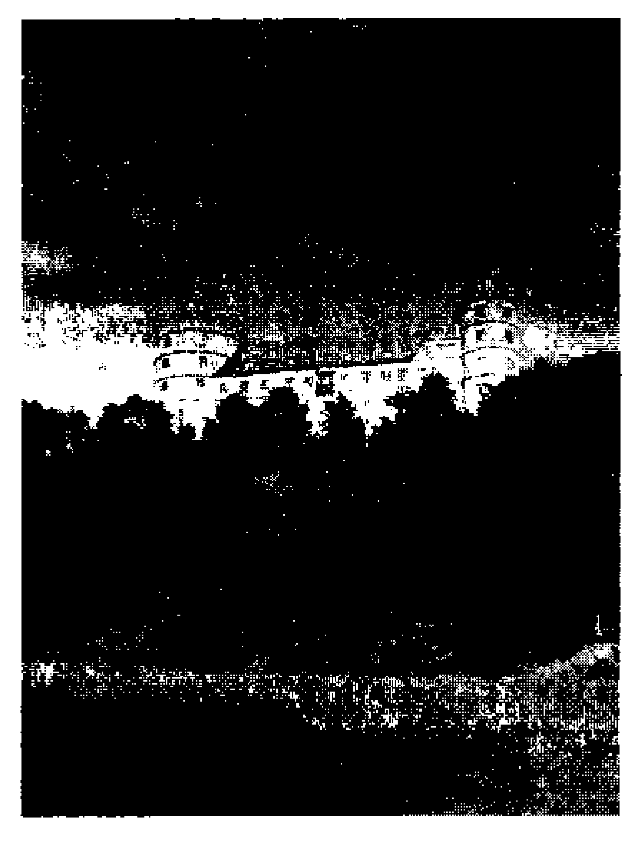
Все мифы описывали, что от чаши Грааля исходила таинственная «аура», мистическое излучение. Именно эта сила должна была помогать обитателям замка и вдохновлять на «борьбу против зла». После войны среди местных жителей существовала легенда, весьма напоминавшая ту, которую рассказал во Франции Рану старый пастух. Она гласила, что когда замок должен был пасть, то Грааль был сокрыт. В ультраправых и эзотерических кругах Германии до сих пор верят, что Грааль хранится где-то в окрестностях Вевельсбурга, как когда-то был спрятан поблизости от Монсегюра.

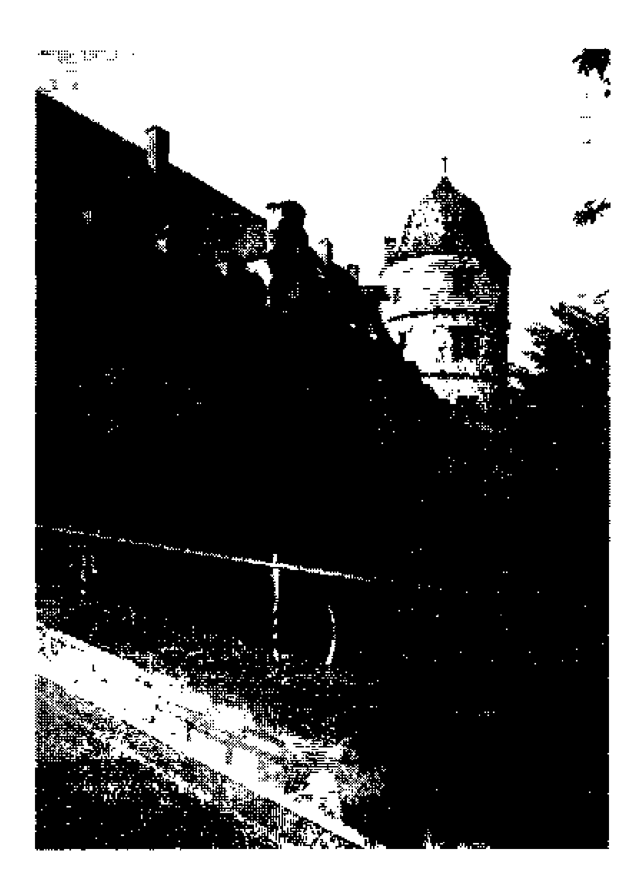
Последний магистр «Ордена новых тамплиеров» Рудольф Мунд описывал один феномен — жители деревушки у подножья Вевельсбурга очень сильно отличались от крестьян из соседних деревень. Он находил лишь одно объяснение этому явлению: в их сердцах

жил Грааль. Или другой пример: наиболее чувствительные люди при попадании в крипту Вевельсбурга ощущают присутствие таинственной энергии. С недавних пор глухие решетчатые ворота закрывают крипту от взоров посетителей. Попасть туда можно только по специальному разрешению. Кто-то утверждает, что сделано это было для лучшего сохранения памятника. Но кто-то уверен, что истинная причина кроется в другом. Власти боятся озарений, которые могут снизойти на «трансцендентно восприимчивых» посетителей замка. Даже если в данном случае речь идет не о христианской святыне, чаше, присутствовавшей на Тайной вечере и куда была набрана кровь Христа, то многие нацисты говорили о Граале «Черного солнца», который был в состоянии внутренне изменять людей благодаря своему излучению. Этот предмет как нельзя лучше характеризуется орнаментом на полу Вевельсбурга — колесом, из которого исходят молниеносные лучи. Их средоточие, центр мистического колеса, и являлся символом Грааля.

Свастичный узор из Вевельсбурга

Стены восстановленного замка Вевельсбург

Мистерия Святого Грааля связана далеко не с одним-единственным эсэсовским культовым сооружением. Это целый комплекс, куда входят замки Вевельсбург и Кведлинбург, мегалиты Экстернштайна, имение Бёддекен, капелла Дрюггельтер и город Гослар. В имение Бёддекен, находящееся поблизости от Вевельсбурга, в апреле 1945 года было эвакуировано множество секретных материалов, в которых освещалась проблема нетрадиционных технологий. Кое-где можно найти упоминания, что в этом эсэсовском комплексе велись работы над преодолением времени, что могло бы стать залогом бессмертия и неограниченной власти. Были даже очевидцы, которые утверждали, что разработки нацистов в этом направлении были весьма успешными.

Если мы вновь обратимся к фигуре Виллигута, то обнаружим, что мистики, собравшиеся вокруг него, хотели активировать в себе исключительные способности, утраченные древними расами. Предание Виллигута не было пустыми словами, которые должны были вдохновлять и околдовывать Гиммлера. Это было инструкцией к действию. Именно с этой целью Виллигут посещал многочисленные захоронения и даже пытался вселить в себя души умерших. Эрцприор «Ордена новых тамплиеров» на полном серьезе утверждал, что Вайстору удалось шагнуть за врата смерти. В 1946 году «личный маг» Гиммлера вовсе не скончался, как значилось в свидетельстве о смерти. Многие люди видели его гораздо позже. В качестве доказательства этой во многом безумной идеи приводились свидетельства независимых очевидцев. Вот одно из них: «Поздней осенью 1989 года я выехал в полночь из имения Бёддекен в сторону Вевельсбурга. Отъехав несколько сотен метров от населенного пункта, я попал в очень странную аварию. Мой автомобиль внезапно остановился и загорелся. До Вевельсбурга мне пришлось добираться пешком. На одном из перекрестков я увидел белую лошадь. На ней восседал мужчина, облаченный во все черное, и смотрел в сторону Вевельсбурга. Я спросил его, куда он направляется. Мужчина обернулся и промолвил: «В Тибет, в мое королевство!» Когда очевидцу показали альбом, посвященный истории Вевельсбурга, то тот сразу же увидел своего ночного собеседника. Им был Карл Мария Виллигут. Существование этой былички позволило очень многим сторонниками эсэсовской эзотерики говорить о возрождении Вайстора.

И это была далеко не единственная история. Вот еще одна: «Вы не поверите, какую историю мне часто рассказывал дедушка. Они с бабушкой были беженцами и жили на окраине Вевельсбурга. Времена тогда были сложные, и однажды дед вместе с другими мужчинами направился в Бёддекен, чтобы нарвать там яблок. Когда они

рвали яблоки, то услышали топот копыт. Всадники ехали из Бёддекена. Все подумали, что это крестьяне сторожат свои яблони, а потому сразу же спрятались в ближайшей канаве. Они отчетливо слышали копыта проскакавшего мимо коня, но никто не увидел ни всадника, ни жеребца. Испуганные мужчины побежали назад. Было это где-то в 1955 году».

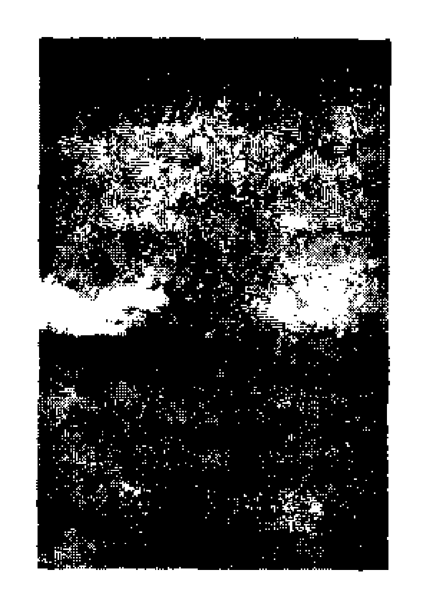
Виллигут в старости. Современная правая эзотерическая мифология говорит о том, что Карл Мария Виллигут смог преодолеть смерть

А вот еще одно сообщение: «У нас имеется монастырь Бёддекен, где сейчас расположен интернат, возле которого мой дядя жил долгое время. В этом здании и вокруг него происходят вещи, которым нет никакого рационального объяснения. И даже если сейчас идти лесами и лугами Бёддекена, то там можно заметить «что-то иное». Даже теперь, когда я это рассказываю, у меня мурашки по коже».

Странным образом на небольшом отрезке между Бёддекеном и Вевельсбургом многочисленные очевидцы рассказывали о таинственных феноменах. В эзотерических кругах Германии возникла версия, что в Бёддекене нацисты проводили эксперименты со временем и пространством, а паранормальные явления — всего лишь результат этих изысканий.

Некоторые очевидцы напрямую говорили о том, что эсэсовцы пытались создать «временной портал». Более того, сюда должны были завлекаться духи погибших солдат, где наиболее чувствительным людям надлежало вступать с ними в контакт. Феномены, связанные с именем Вайстора, уже после войны были изложены в книге «Евангелие Виллигута». Это очень редкое издание, оно никогда не выходило массовым тиражом и распространялось лишь среди «посвященных», давших обет молчания. В этой книге Виллигут изображается как «возродившийся мессия», а потому подробно описаны все случаи встречи с ним после 1946 года.

Но остановимся на имении Бёддекен, которое являлось, а возможно, является до сих пор центром тайных исследований. В этой связи нередки упоминания о подземных ходах. Именно это подразумевали люди, которые говорили о многочисленных ценных документах, произведениях искусства и золотых изделиях, собранных со всей Европы, которые «исчезли» и не были найдены. Коллекция оружия, найденная в Бёддекене за фальшивой стеной, являлось лишь маленькой толикой из того, что доставлялось в конце войны в

Узоры, вытисненные на кожаных спинках стульев в библиотеке Вевельсбурга

это имение. Это не раз наталкивало исследователей на мысль, что в данной усадьбе были еще тайные убежища, не найденные до сих пор, а возможно даже, километровый ход, существующий с древнейших времен, который связывал Бёддекен и Вевельсбург.

История Бёддекена возвращает нас в древние германские времена. Бёддекен вначале являлся монастырем, который был создан Майнольфусом. Отец этой легендарной личности вел ожесточенные войны против Карла Великого. Сам Майнольфус родился в нынешней «Долине спокойствия», что лежит недалеко от Бёддекена, под деревом, которое в древнее время считалось старейшим в Вестфалии, эдакий маврикийский дуб Германии. Но однажды в него ударила молния, и дерево сгорело. На его месте была построена капелла.

Это небольшое архитектурное сооружение имеет очень интересное строение — в нем есть специальное «лунное окошко». В полнолуние вся капелла буквально залита лунным светом. Вне всякого сомнения, в архитектуре капеллы было сокрыто тайное космическое знание древних германцев. Древняя германская религия была всегда тесно связана с культом звезд и астрономическими наблюдениями. Скорее всего, Майнольфус был посвящен своим отцом-язычником в тайны древних культов. После победы Карла Великого сын стал христианским священником и основал монастырь Бёддекен. Не исключено, что в монастыре он скрывал реликвии язычников, а возможно даже, что там, в подземельях, проводились тайные службы, которые превратили Бёддекен в глазах эсэсовцев в «ирминистскую святыню».

Но вернемся назад к Вевельсбургу. Есть одна интересная тенденция. В последние несколько десятилетий в его окрестностях ста-

ли селиться люди, которые считают, что обладают «трансцендентными способностями». В итоге цены на жилье в этом сельском районе значительно выше, чем во многих городах Германии. Подобный «миграционный» процесс позволяет говорить о том, что Вевельсбург вновь пытаются превратить в «оккультный центр». Поговаривали, что в окрестностях замка приобрели дома спецслужбы самых различных стран. По слухам, особый интерес к замку проявляло ЦРУ. Эти и дальнейшие сведения оставляю на совести авторов статьи в одном из немецких изданий. ЦРУ стало интересоваться Вевельсбургом с подачи президента Эйзенхауэра, который в годы Второй мировой войны был главнокомандующим вооруженными силами США, воевавшими на континенте. Согласно той же статье, в Национальном архиве Вашингтона был найден документ, который был скрыт от общественности, и еще несколько десятков лет он будет иметь гриф «Совершенно секретно». Один пронырливый журналист смог его случайно прочитать и сделать короткие заметки. В случае если подобный документ существует, то он может вызвать громкую сенсацию. Но, к сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт не имеется возможности. В основных чертах содержание этой «мистической» бумаги сводится к следующему: США вступили во Вторую мировую войну главным образом лишь для того, чтобы захватить Вевельсбург, где, по их мнению, нацисты проводили разработки, которые могли сделать их непобедимыми. О подобной опасности США предупреждали многочисленные американские агенты, внедренные в масонские организации. Но после захвата замка американские войска не обнаружили там ничего, так как, видимо, немцы успели спрятать все свидетельства своих новых технологий. Подобные заявления очень напоминают газетную утку, но, с другой стороны, они являются прекрасной иллюстрацией того, что общественность жаждет видеть в Вевельсбурге не просто эсэсовскую святыню, а место, покрытое завесой тайны.

Как уже упоминалось выше, к «культовому комплексу» СС также относилась капелла Дрюггельтер, которая располагалась немного южнее Вевельсбурга. Это сооружение стоит на небольшой возвышенности, окруженное маковым полем. Сама капелла была построена в XII веке крестоносцами, вернувшимися домой с Ближнего Востока. Интересна архитектура этой небольшой постройки — она имеет 12 углов. Ее внутреннее пространство оформлено 12 колоннами, что сразу же наводит на мысль о сходстве с «Залом Черного Солнца» в замке Вевельсбург. Кроме этого, в центре капеллы стоят четыре дополнительные колонны, которые как бы ограничивают центральную часть. Имеется версия, что огромный деревянный сундук, сохранившийся с тех времен, располагался посередине ка-

пеллы, и там должен был храниться Святой Грааль, который планировали отыскать рыцари. Подобная трактовка и без того странного убранства капеллы придает ей еще большую таинственность. Очевидно, что, как и в случае с Бёддекеном, капелла имела двойственное предназначение: днем здесь совершались обыкновенные богослужения, а ночью проходили собрания сторонников тайного культа. Множество колонн, которыми буквально нашпиговано крошечное здание, никак не подходило для осуществления обычных христианских церемоний, но идеально соответствовало потребностям тайных служений, где каждый из участников ритуала должен был занимать строго отведенное ему место. Непосредственным создателем капеллы называется граф Готтфрид II фон Арнсберг. О нем известно крайне немного. В 1217 году он принимал участие в крестовом походе, где, возможно, познакомился с тамплиерами, которые, скорее всего, участвовали в проектировании капеллы. Впрочем, возможно, что граф и до крестового похода являлся адептом «ирминистского культа», отправляемого в монастыре Бёддекен. Точно установить сложно. Но даже подобная недосказанность наводит на мысль, что многие эсэсовские культовые сооружения ждут своего часа, чтобы пролить свет истины на их истинное предназначение.

Глава 4
ДРЕВНИЕ МИФЫ НА СЛУЖБЕ НОВОГО РЕЙХА

Как-то в разговоре со знакомыми обнаружил, что слово «ариец», «арийский» воспринимается исключительно как неологизм, который был выдуман нацистами для того, чтобы лучше характеризовать избранную расу «белокурых бестий». Действительно, когда-то миллионы людей верили фюреру, который пообещал им «тысячелетний рейх». В самом деле, миллионы немцев уверовали в свою исключительность, во имя которой были готовы уничтожить варварских «недолюдей», «угрожавших» их существованию. Но в те дни слово «ариец» не носило нынешнего маргинального оттенка. Его можно было услышать и в административных учреждениях, и в университетах, куда путь был уготован только представителям высшей (арийской) расы. Об арийцах вещали газеты и школьные учебники. Еврейская собственность в Третьем рейхе подлежала «ариизации». Любой немец, претендующий на какую-то более-менее заметную роль, должен был предъявить «наследственный паспорт», который гарантировал его арийское происхождение.

Еще до возникновения Третьего рейха в «библии нацизма», «Моей борьбе», написанной Гитлером, говорилось о «божественной

искре», упавшей в арийскую расу, что, по его мысли, давало ей право на мировое господство. Но Гитлер отнюдь не первый употребил слово «ариец». Оно стало употребляться столетием раньше, и должно было характеризовать те страницы европейской истории, когда древняя мифология и магия играли в жизни людей огромную роль.

Но обо всем по порядку. В конце XVIII века лингвисты сделали неожиданное открытие. В различных языках, казалось бы, никак не связанных между собой (кельтском, германском, персидском, греческом, индийском), обнаружилось определенное сходство. Эту языковую общность назвали «индоевропейскими языками». На ее основании была выдвинута версия, что некогда существовал единый протоязык, носителем которого являлась крупная этническая группа. С этого момента стали возникать многочисленные спекуляции на предмет того, что носителем этого языка являлись некие «индогерманцы», которые распространили свою культуру по всей Евразии.

Фридрих Шлегель, немецкий ученый, который проявлял повышенный интерес к культурам Востока, нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях. В них, в частности, говорилось о священной горе Меру, которая располагалась в районе Северного полюса. Шлегель впервые заговорил о том, что индийская культура с большим почтением относилась к Северу, почитая его как наиболее сакральную часть света. Было непонятно, было ли описание Севера просто метафорой или проявлением конкретных контактов с северными культурами. В 1819 году Шлегель впервые употребляет слово «ариец», синоним этнической группы, в которую входили и германцы, и индийцы. Вообще-то об арийцах говорил еще Геродот, но Шлегель усилил корень «ари», который он провозгласил этимологически родственным слову «честь». Вследствие этого возникло представление об аристократической расе господ. Сразу же стоит заметить, что сам Шлегель воздерживался от подобных высказываний. Он вообще полагал, что арийское племя скорее связано с азиатским регионом, нежели Северной Европой. Но его ученик Христиан Лассен делает вывод, который фактически навсегда закрепляет значение слова «ариец». Он противопоставляет «комплексный талант арийцев» семитам, у которых отсутствовала гармоничность души, а иудейская религия была эгоистичной и замкнутой. Так впервые арийцы вошли в расовую теорию. Миф, сформированный Лассеном, быстро начинает распространяться по Европе. В 1827 году во французских ученых кругах уже говорили «о длительной борьбе между семитским и индогерманским мирами». Эрнест Ренан, известный исследователь иудаизма, говорил о том, что евреи

после выполнения свой мировой функции (создания монотеизма) стали дегенерировать, и мир отныне находился в руках арийцев.

Так началось смешение лингвистики и расовой антропологии. То, что начиналось как чисто лингвистическое изыскание, позже переросло в радикальные теории относительно принципиальных различий между народами и культурами. В 1853 году увидела свет книга французского графа Гобино «О неравенстве рас», которая еще больше углубила политическое значение слова «ариец». Для Гобино белая раса находилась на верхушке пьедестала, обладая не только монополией на силу, интеллект и понимание прекрасного, но и специфическим культурно-творческим потенциалом, которому могло угрожать расовое смешение. Работа графа Гобино не получила признания во Франции, зато вызвала большой резонанс в Германии. Одним из ярых поборников этой теории стал композитор Рихард Вагнер.

В 1899 году появилась книга англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы XIX столетия», которая вкладывает в слово «ариец» антисемитское понимание. Чемберлен говорил о дефективности метафизики еврейской религии и культуры, видя в этом принципиальное отличие от арийского, индогерманского духа. У евреев, согласно «Основам XIX века», отсутствовала вера в высшие идеалы, но зато наличествовала материалистическая жажда обогащения. Бедность и скупость длительного беспорядочного существования евреев привели к тому, что в рамках этого народа стал формироваться национальный эгоизм, который дистанцировался от высших материй, отдавая предпочтение в своих религиозных обрядах чистому прагматизму. После того как Яхве сделал евреев избранными, они почувствовали право властвовать над всем миром и заразили индоевропейские народы вирусом материализма. Работы Чемберлена как бы послужили отправной точкой для построения теории национал-социализма, где ариец изображался благородным, смелым, сильным. О почтении к этому английскому писателю говорит хотя бы один факт. После того как он поселился в Германии, Гитлер не раз навещал его уже дряхлого и смертельно больного.

К формированию арийского мифа приложили свою руку и эзотерики, которые очень активно обсуждали проблемы взаимоотношений древних культур и рас. Лидером здесь, несомненно, является Елена Блаватская, которая в своей «Тайной доктрине» окружила понятие «ариец» многочисленными мифологическими спекуляциями. Арийцы виделись ей особенной расой, которая выступала наследницей давно погибших культур, возникших и развивавшихся на Крайнем Севере в Гиперборее и на материке Атлантида. Арийцы от своих полубожественных предков получили высшие магические

знания. Те же, в свою очередь, возводили циклопические постройки наподобие Стоунхенджа, обладали летательными аппаратами, но стали смешиваться с низшими расами, за что были наказаны природными катаклизмами и катастрофами. Отзвуки этой истории можно было найти в произведениях Платона и других античных авторов. Несколько оставшихся в живых полубогов собрались вместе и создали «арийскую расу», которой были переданы остатки тайного знания. Священным символом арийцев, согласно Блаватской, сразу же стала свастика, которая одновременно являлась родовым знаком бога-громовержца Тора.

В то же время появляются книги Карла Пенка, Людвига Вильзера и Георга Биденкаппа, в которых говорится, что арийцы возникли на Крайнем Севере. Об Индии как колыбели арийской расы уже не говорит теперь никто. Родиной человечества провозглашается либо Скандинавия, либо территории, располагающиеся за Полярным кругом. Подобные исследования перекликаются с оккультными текстами Блаватской и создают миф о нордическом ариогерманце, который был окончательно сформирован Гвидо фон Листом и Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. Именно у них позаимствовали свои идеи Гитлер и Гиммлер. В 1908 году фон Лист напишет, что «истинная страна, где возникла Эдда, лежит далеко на севере, в области, возлюбленной Аполлоном. Там, где никогда не заходило солнце». Лист опирался на описание Гипербореи, приведенное у Геродота. Лист предполагал, что, возможно, земная ось когда-то изменила свой наклон. А до этого на Севере всегда было светло и тепло, там господствовал вечный день, там наличествовала тропическая флора и фауна. Но после изменения наклона земной оси климат стал меняться. Север стал покрываться ледниками, на смену вечному теплу пришел холод. Теснимые ледниками арийцы стали перемещаться на юг, унося с собой свои традиции.

Лист, формируя арийский миф, очень вольно обходился с мифологическими сюжетами. Действительно, древние греки верили, что по ту сторону «северного ветра» (hyper-boreas) жил удивительный народ, который произошел от титанов и был бессмертным. Именно оттуда, из Гипербореи, прибыл солнечный бог Аполлон, но каждый год он возвращался к себе на родину, чтобы снова почерпнуть духовные силы. Для этих поездок даже существовала специальная колесница, запряженная лебедями, птицами, которых едва ли можно встретить на юге. Множество поэтов и писателей пытались локализовать Гиперборею в различных частях света, например на Балканах или в Скандинавии. Некоторые исследователи вообще говорили, что речь шла о мифическом, несуществующем государстве — некой духовной аллегории. В буквальном смысле фон Лист

трактовал и «зиму великанов», и «сумерки богов», упоминавшиеся в Эдде. Для него эти мифические события были неоспоримым доказательством великих исторических бедствий, которые были вызваны континентальным катаклизмом. Но ведь описание «зимы великанов», после чего наступает языческий конец света, можно сравнивать с христианским Апокалипсисом, событием не прошедшим, а только еще грядущим. Но «фёлькише»-эзотерики предпочитали прямое понимание мифов. В них они хотели найти императивные доказательства духовного превосходства арийцев и их древнейшего происхождения.

Подобные спекуляции весьма охотно распространял журнал «Остара», издаваемый Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. В 1911 году Либенфельс издает брошюру «Прародина и древняя история героической светловолосой расы». В ней с удовольствием ссылается и на Блаватскую, и на Пенка, и на Вильзера, и Гвидо фон Листа. Либенфельс провозглашает мегалитические каменные постройки, каменные круги следами миграции арийской расы, которая перемещалась из Северной Европы и оставляла наглядную демонстрацию своей солнечной религии. Ссылаясь на Эдду, он утверждал, что их путь лежал на Восток, где лежал огромный первобытный мир, и на юг, где жили «темные сыновья Суртура» (Surtur = мифологический великан). Эти выдержки трактовались исключительно как доказательство духовного и физического превосходства арийцев над другими, низшими расами. Это не было превосходством посвященных, это было превосходство завоевателей.

Подобные мысли мы можем найти в книге индийца Локаменья Бала Гангадхара Тилака «Арктическая Родина в Ведах». Этот индийский ученый также указывает на Север как место зарождения арийской расы, ссылаясь при этом не на Эдду, а на индийские и персидские мифы. Он обратил внимание, что во многих священных индуистских текстах далекая прародина описывается как земля, где день и ночь равны шести месяцам (полярные день и ночь). В некоторых строках он находит описания, которые могут соответствовать только северному сиянию. Выдержки, в которых говорится о «мировой оси», о «вращении небосвода», трактуются им как доказательства того, что подобное восприятие, такие ощущения могли иметь только северные народы, так как очевидное движение звезд и небосвода вокруг оси можно наблюдать лишь на полюсе. Но Тилак вовсе не создавал арийский миф, он был всего лишь патриотом, который пытался расшатать английское колониальное могущество. Но именно подобные работы стали базой для многочисленных спекуляций, появившихся в Германии в начале XX века. К 30-м годам

сложилась целая школа расоведения, где Густав Некель или Гюнтер были непререкаемыми авторитетами.

Но арийский миф не мог существовать сам по себе, он должен был дополняться другими мифами. Начиная с 1913 года издательство «Дидерих» издавало в Йене 24-томное собрание северных саг и героических сказаний. Самая монументальная книжная серия носила странное название — «Туле». С тех пор слово «Туле» закрепилось в словаре правых радикалов. Это не просто политический пароль — это ключевое понятие в националистической мифологии. Но этому предшествовал тихий шепот, который раздавался со страниц книг, изданных в Йене: «Туле — это не прошлое, Туле — это вечная германская душа». Через несколько лет после выхода в свет упомянутой выше книжной серии в Мюнхене Рудольф фон Зеботтендорф создает Общество «Туле». Название было позаимствовано из древних греческих и римских текстов. В них говорилось, что в 330 году до нашей эры греческий мореплаватель и географ Пифий Марсельский отплыл в далекое путешествие с севера Шотландии. Во время своего путешествия он открыл уникальную культуру, которую назвал «Туле». Римский летописец Прокоп сообщал подробности о Туле. Ее приверженцы поклонялись богам воды, земли и воздуха, приносили животные и человеческие жертвы. Для последних использовались военнопленные. Основной праздник в Туле приходился на зиму, когда после 35-дневной ночи вновь появлялось солнце.

Многие предполагали, что эти сведения рассказывали об одной из первых германских культур. Но именно Зеботтендорф превратил эти куцые сообщения в импозантный миф, который околдовал немецких националистов. Подобно Ланцу Либенфельсу, он полагал, что мегалитические постройки прошлого свидетельствовали о высокоразвитой нордической культуре, которая возникла в глубокой древности. Не исключалось, что каменные круги использовались для астрономических наблюдений. Основным выводом его «исследований» было предположение, что в те времена в небесах «господствовало» созвездие Овна. А стало быть, это было «убедительным» доказательством того, что Туле являлось древнейшей в истории человечества культурой. Она обладала высокими техническими и духовными знаниями, когда над Индией и Египтом еще висела тьма невежества. Астрономические пометки со временем превратились в руны. Зеботтендорф находил следы немецкой культуры в древней Халдее, Палестине (пока туда не пришли евреи), троянских и микенских поселениях. Отпечаток древнего влияния германцев несли на себе Индия и Персия.

Зеботтендорф не отказывал себе в удовольствии процитировать и Библию, где говорилось о великанах и дальних народах, которыми евреев пугал Моисей. Для него это было еще одно свидетельство о нордической расе господ. В собственном журнале «Руны» Рудольф фон Зеботтендорф самоуверенно провозглашал, что «колыбель наших божественных предков лежит далеко на севере, на гигантском острове. Там, куда плавают только рыбы, дабы нереститься, и летают птицы». Миф о Туле не только сохранился в Третьем рейхе, но и пустил глубокие корни. В 1933 году Герман Вирт, один из учредителей общества «Наследие предков», организовал в Берлине религиозно-историческую выставку под названием «Святые податели. Из Туле в Галилею и обратно из Галилеи в Туле». Этот ученый считал культуру Туле первоисточником всей духовности человечества. Подобное заявление он иллюстрировал множеством рисунков, фотографий, изображением символов, моделями мегалитических построек. Все эти экспонаты должны были доказать рядовому немцу, что следы далекой древности дошли до нас в народной культуре и национальных обычаях. Рисунки, изображавшие скалы и каменные круги, подчеркивали значимость астрономических культов, тесно связанных со смертью и возрождением Солнца. Подобный годовой цикл был присущ всем первобытным народам, но Вирт делал его уделом лишь нордической расы, так как полагал, что южным народам не была очевидна разница между весной и осенью. Христианское учение, предполагавшее смерть и возрождение, было всего лишь отголоском культуры Туле, которая попала на Восток благодаря арийским мореходам. Именно они заложили в христианстве прототипы праздников Рождества и Пасхи. Но истинная цель нового германца состояла в том, чтобы вновь возродить к жизни давно ушедшую религию предков. Для этого стоило подробно изучать символику, руны и языческие обычаи. Сразу же после окончания выставки Вирт требует, чтобы ее материалы были включены в учебные программы школ и высших учебных заведений. Это должно было искоренить комплекс неполноценности относительно невзрачной эпохи первобытности в Германии.

Туле превращается в некое заклинание, которое кочует в Третьем рейхе из журнала в журнал. Проблема безопасности нации и борьбы за ее существование неизменно увязывается с «духовной родиной нордической расы». На поверхность извлекаются все мифы, предания и сказания, где хоть полусловом упоминается нордическая прародина. Ее следы находят и в греческой мифологии («равнина радости»), и в средневековых гравюрах. Особое значение придается картине Бёклина «Мертвый остров». Дело в том, что Гитлер еще в юности восхищался этим произведением и писал с нее не

очень умелые копии. В одной статье из журнала «Нордланд» приводились следующие слова: «Туле является нашей памятью о детских днях нашего народа, утраченном рае, в который, как писал Данте, никогда не суждено вернуться». Или другая цитата, на этот раз из Отто Рана: «Сейчас Туле лежит на дне Атлантического океана. Как поется в песне, только время от времени мы с трудом можем услышать приглушенный звон ее колоколов. Но Туле возродится, так как сегодня Германия является той страной, где живут внуки арийских предков. Живут и хранят его суть». Эти строки Ран написал, когда ехал вместе с эсэсовской экспедицией в Исландию. В те дни он отвлекся от своего увлечения катарами и полностью посвятил себя Туле. В своей книге «При дворе Люцифера» он в том числе обобщает сведения о Туле, начиная с первых упоминаний, оставленных Пифием Марсельским, который впервые употребил это слово более двух тысяч лет назад. Ран полагал, что Пифий во время своей поездки искал родину Аполлона и хотел подтвердить сказания о гиперборейцах. По пути в Исландию вместе с другими эсэсовцами Ран пытался умозрительно найти источник силы арийской расы. Но он был разочарован не только поведением своих коллег, но и самой Исландией. Это оказался каменистый, пустынный остров, который был напрочь лишен таинственного очарования. Исландия встретила эсэсовскую экспедицию весьма неприветливо. То, что Ран увидел на острове, разочаровало его еще больше. Нарядные женщины, грохочущий джаз, танцевальные площадки. Исландия мало походила на легендарное Туле, где Ран намеревался искать культовые места и святыни. Во время этого паломничества рухнули его надежды. Его окружала неприкрытая действительность. Вместо лесов и полей он видел модные магазины и рестораны. Вместо культовых построек и священных символов — редакции газет и киноафиши. Ран начал мучиться сомнениями, а действительно ли Исландия являлась легендарным Туле? Несмотря на все разочарования, Отто Ран попытался следовать четкой логике.

В то же время его коллега Эдмунд Кисс пишет роман, который назвал «Туле». В нем автор рисовал совершенно фантастические картины. Для Кисса Туле — это всего лишь осколок Атлантиды, которая, по его мнению, располагалась где-то поблизости от Гренландии. В свое время там господствовал мягкий климат — не слишком оригинальная мысль. Он описывал обильные урожаи и прекрасные климатические условия. Но кроме этого, жители Туле обладали совершенными знаниями в области астрономии. При постройке своих титанических сооружений они также учитывали движение космических тел. Именно поэтому все арийские мегалитические постройки используют в качестве основной единицы измерения одну

сорокамиллионную долю от периметра земного шара. Божество Туле, в отличие от еврейского, было для людей добрым помощником. Но его особой благосклонностью пользовалась северная раса. Однако подобная избранность не сделала нордическую расу надменной и самонадеянной. Жители Туле были мореплавателями, но на их кораблях гордо развевался имперский флаг Атлантиды — синее полотнище с серебряной свастикой. Тем не менее в описании этой идиллии у Кисса все чаще и чаще встречаются агрессивные, «империалистические» нотки. После наступления ледника культура Туле рухнула. Нордической расе пришлось покинуть свою родину. Они переселились во все части мира. Там они дали начало новым империям, где местное население выступало в роли рабочих рук (читай — рабов). Так светловолосые мигранты создали Египет, Элладу, Рим. Можно улыбнуться, когда слышишь эту нацистскую кичливую фантастику. По-моему, никто из ученых даже не удосужился критиковать ее. Но факт остается фактом, романы Кисса издавались в Третьем рейхе гигантскими тиражами. Это был своего рода масскульт, а значит, в них верили. А стало быть, дети с «молоком матери» впитывали мысль о собственной исключительности.

Не меньшее значение для нацистов имел и миф об Атлантиде. Он тоже мог доказать моральное и техническое превосходство арийцев. В начале XX века вокруг Атлантиды творилась буквальная истерия. Все прилавки были завалены брошюрами, книгами и исследованиями по этой тематике. Даже Альфред Розенберг не обошел стороной этот сюжет. В своем «Мифе XX века» он писал: «Исследователи земли рисуют нам материковые блоки между Северной Америкой и Европой, остатки которых мы и сейчас обнаруживаем в Гренландии и Исландии. Они говорят нам о том, что по другую сторону Крайнего Севера (Новая Земля) видны старые следы океана. Они лежат на 100 метров выше теперешних: это свидетельствует о вероятности того, что *льды Северного полюса сместились*, что на месте нынешней Арктики царил более мягкий климат. И это все вместе позволяет представить старые сказания об Атлантиде в новом понимании. Совсем не исключено, как представляется, что на том месте, где сейчас бушуют волны Атлантического океана и плавают айсберги, над волнами возвышался цветущий материк, где творческая раса создавала великую, широко распространяющуюся культуру и посылала своих детей в качестве мореходов и воинов в мир. Но даже если эта гипотеза об Атлантиде несостоятельна, следует допустить существование северного культурного центра в истории первобытного общества».

Не меньшее внимание проблемам Атлантиды уделял и Генрих Гиммлер. Хотя его больше интересовала теория мирового льда. Эта

сумасбродная идея овладела умами многих нацистских бонз. Начало ей было положено австрийским инженером Гансом Гёрбигером, который в 1913 году издал 800-страничную книгу, излагавшую принципиально новый взгляд на вопросы возникновения Вселенной. Еще 13-летним подростком Гёрбигер любил тайком выносить ночью кровать в сад, ложиться на нее и смотреть на звездное небо. Млечный Путь и призрачно мерцающие метеориты произвели неизгладимое впечатление на юного мечтателя. Много позже его посетило озарение. При прочтении Эдды он обратил внимание на фразу, где говорилось, что сотворение мира произошло при столкновении льда и огня. Его привлекла другая строчка, повествовавшая о ледяных великанах, которые прибыли с гигантской звезды. Он пришел к выводу, что это не просто аллегория, что возникновение мира произошло из столкновения двух стихий, которое вызвало космический взрыв небывалых размеров. Из расплавленных частичек льда складывались облака и спирали, которые после охлаждения превращались в звезды, планеты и их спутники. Сам человек произошел отнюдь не от обезьяны. Его первоосновой стала жизнеспособная протоплазма, которую принесли на Землю частицы льда. Эти частицы Гёрбигер называл «космическим семенем», которое «вселенский отец космос» излил на «мать-землю». Первым возник человек европейского типа, который являлся началом и одновременно венцом творения. Кроме этого, Гёрбигер указывал на существование доисторических культур, которые были уничтожены стихийными бедствиями. Но от них остались некие следы. Многочисленные мифологические сюжеты относительно «огненного дождя» (Библия), «зимы великанов» (Эдда) были отголоском этих природных катаклизмов. Те же самые катаклизмы уничтожили Атлантиду, упоминаемую Платоном. Библейский персонаж Моисей, воспитанный в Египте, прекрасно знал об этих доисторических событиях, но решил умолчать о них. Между тем Гёрбигер указывал на ряд регионов, которые могли служить ключом к постижению тайн древней истории. В частности, он указывал на плоскогорья боливийских Анд, которые якобы хранили останки мировой империи атлантов. Особое внимание австриец уделял руинам древних городов, где задолго до расцвета Древнего Египта существовала развитая солнечная религия. Подобная гигантомания и новаторский подход позже пришлись по вкусу вождям Третьего рейха.

В 1937 году вышел специальный выпуск «Вестника высшего руководства СА», который был полностью посвящен вопросам «учения о мировом льде». В этом журнале Гёрбигер оценивался едва ли не как самый крупный ученый XX века, теория которого позволяла не только понять процесс мироздания, но и оценить многие мифы и

сказания, например ту же самую Эдду. В вестнике мы могли найти статью уже знакомого нам Эдмунда Кисса, посвященную Тиахунако, древнейшему городу в Южной Америке. В то время Кисс входил в состав личного штаба рейхсфюрера СС, где занимался тем, что подыскивал доказательства существования мирового льда и мировой империи атлантов. Тиахунако идеально подходил для этой цели. Кисс датировал возраст этого города 14 тысячами лет до нашей эры. Описывая эти живописные руины, он не стеснялся в сравнениях. Он утверждал, что монументальные постройки однозначно указывали на то, что ее авторами являлись выходцы с севера. Кроме этого, он подчеркивал, что архитектура индейцев очень напоминала ему греческие здания дорийской эпохи. Наличие следов культа солнца еще раз подтверждало тезис о том, что пахунако возвели арийцы. Скульптурные изваяния ясно указывали на это. Лица жителей города явно носили нордический характер.

В 1940 году СС запланировали осуществить крупную экспедицию в «город-солнце». Эту инициативу поддержал Геринг. Возглавить предприятие должен был Эдмунд Кисс. Состав экспедиции был очень пестрым: археологи, ботаники, геологи, астрономы, кинооператор. Кроме посещения Тиахунако, планировалось также изучить руины, находившиеся на дне озера Титикака. Для этого были спроектированы специальные глубоководные фотоаппараты, оптику для которых должны были произвести на цейссовских заводах по специальному заказу. Подготовка шла полным ходом, когда началась Вторая мировая война. Экспедицию было решено отложить до победы рейха. В итоге южноамериканская экспедиция СС так никогда и не состоялась.

С мифом об Атлантиде оказалось связано и другое высокогорное плато — Тибет. Гиммлер уже давно присматривался к этой области, иногда именуемой «крышей мира». Гёрбигер не раз указывал на связь между Атлантами и Тибетом. В 1937 году Гиммлер пригласил к себе участников будущей экспедиции на Тибет, проходивщей под формальным патронажем СС. В неопубликованных мемуарах участников экспедиции есть такой отрывок, который раскрывает специфические взгляды Гиммлера на историю и антропологию.

«Он (Гиммлер. — *Авт.*) хотел знать, можно ли встретить на Тибете человека со светлыми волосами и синими глазами. Я отверг такую возможность. Он поинтересовался, как я представляю себе возникновение человека. Я воспроизвел официальную точку зрения антропологов. Я говорил о питекантропе, хайдельбергском человеке, неандертальцах, сенсационных находках, сделанных иезуитом Тейяром де Шарденом близ Пекина. Гиммлер спокойно выслушал. Затем он покачал головой: «Академическое образование, школьная пре-

мудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят, как понтифики за кафедрой. Однако они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали, и касается низших рас, но нордический человек пришел с неба при последнем, третичном вторжении Луны».

Гиммлер говорил тихо, словно священник. Камарилья молчала, был безмолвен и я. Я думал, что меня пошлют в языческий монастырь. Гиммлер добавил: «Вам еще многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о руническом письме, индоарийской лингвистике. Но самым настоятельным образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Ганса Гёрбигера. Он указал, что фюрер давно занимается изучением теории о мировом льде. А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные останки людей, живших до падения третичной Луны — непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи, и может быть, в Тибете». Далее рейхсфюрер СС порекомендовал скептическому антропологу (скорее всего это был Эрнст Шефер) ознакомиться с книгой «Изумленный взор. Хроника нашей Земли в доисторические времена», которая была написана в соответствии с теорией мирового льда и якобы излагала «правильное» понимание мифа об Атлантиде.

Собеседник Гиммлера не смог сдержать улыбки, когда рейхсфюрер СС рассказал ему об этой книге. Впрочем, глава «черного ордена» сделал вид, что не заметил ее. К следующей беседе он привлек Эдмунда Кисса, который должен был подыскать для тибетской экспедиции специалиста по рунам, древней истории и религии. Эрнст Шефер не стал возражать, но сделал замечание, что поскольку его предприятие носит сугубо научный характер, то не хотел бы видеть в ее составе «ученых», занимающихся мировым льдом. Гиммлер не стал спорить, а просто направил его к Карлу Марии Виллигуту, который жил в особняке на окраине Берлина. Вот как описывается эта встреча:

«В Далеме мы притормозили у высокой стены, которая огораживала виллу. Несколько эсэсовцев, охранявших вход, отсалютовали мне. Это было так внезапно, я спешил, а на меня сваливали еще новые дела. Хорошо, что ближайшая станция подземки лежала поблизости. Но я хотел знать, зачем меня привезли сюда! Молодая дама проводила меня в зимний сад, где стоял затхлый запах тропических растений. Даже в этот светлый солнечный день я чувствовал себя подавленным. Внезапно эту зловещую атмосферу разрядил знакомый сладковатый запах. Откуда я мог его знать? Точно! Китай и опиум! Мне казалось, что прошла вечность, пока не открылась дверь и в нее прошел прихрамывающий старик. Он обнял меня и

поцеловал в обе щеки. Казалось, он только проснулся и смотрел на меня мутными глазами. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как шуршит песок в часах. Долгое время мы сидели молча друг против друга, пока его руки не задрожали, а глаза не покрылись поволокой. Это был взгляд тибетского ламы. Он был в трансе. Затем он начал говорить странным гортанным голосом: «Сегодня ночью я позвонил моим друзьям в Абиссинию, в Америку, в Японию и на Тибет. Я созвонился со всеми, кто прибыл из другого мира, чтобы создать новое государство. Западноевропейский дух испорчен до самой основы. Перед нами стоит большая задача. Наступает новая эра. Это неизбежность космического закона. Один из ключей находится у далай-ламы в Тибетских монастырях». Затем он начал перечислять названия монастырей и их «настоятелей», притом только те, которые я знал. Он черпал их из моего мозга? Телепатия? Я и сейчас не могу дать ответ. Я знаю, что покидал это зловещее место бегом».

Любой миф всегда обращен в прошлое. Его сила проявляется лишь тогда, когда возникают определенные культы, которые охватывают массы людей. В Третьем рейхе культивировались не только присущие всем тоталитарным обществам псевдорелигиозные формы: обожествление вождя, который в массовом тоталитарном сознании приобретал очертания Мессии, ниспосланного самим провидением Спасителя; почитание силы, которая считалась едва ли не единственным способом разрешения всех проблем; слепой веры в исключительность собственного пути. В нацистской Германии постепенно складывалась собственная религиозная практика с подобающими ритуалами и символами. Все эти неотъемлемые элементы религиозного культа должны более глубоко заложить в народное сознание превосходство всего «арийско-германского». Монументальные сооружения этой эпохи были окружены специфической аурой, что делало их еще более похожими на какие-то нацистские храмы и капища. Их титанические размеры должны были наглядно показать величие и незыблемость арийского духа. Камень как нельзя лучше подходил для этих целей. В одном из немецких журналов в 1935 году писалось: «Каменная порода существовала еще тогда, когда на земле даже не появилась жизнь». Величественные постройки из камня как бы символизировали вечность, в которую вступил человек, воздействуя на эти глыбы.

Пожалуй, было сложно найти более подходящий для возвеличивания «тысячелетнего рейха» материал, нежели камень. Он нес в себе отпечаток глубокой древности, ауру незыблемых традиций, которых придерживались германские предки. Между ритуалами на каменных сооружениях первобытности, германских культовых местах

и титаническими постройками Альберта Шпеера пролегала невидимая нить. Она как бы погружала немца в глубокую древность, демонстрируя ему величие собственной истории. Подобный путь как бы начинался у валунов ледникового периода и дольменов. Журнал «Нордланд» как-то писал: «Немецкий язычник, ты начинаешь путешествие туда, где царит безмолвие и уединенность, ты стоишь перед величественными остатками могил твоих предков. Раздается шепот, кто-то тихо и серьезно рассказывает тебе о твоих немецких отцах! Шепот приближается, и ты начинаешь понимать безмолвный язык давно ушедшей, но возродившейся в тебе жизни... В тебе всколыхиваются картины прошлого, видения легенд: ты вновь обретаешь их смысл!»

Подобные высказывания на страницах нацистской прессы не были чем-то редким. Они были повсеместными. Новая религиозность должна была постепенно вытеснить христианство. Впрочем, далеко не все немцы горели желанием отречься от христианских традиций. Первым оплотом новоиспеченной религии стали СС. Именно в ведомстве Генриха Гиммлера мегалиты почитались как «каменные святыни», места, где «живет вечность». В эсэсовском журнале «Черный корпус» приводились многочисленные иллюстрированные статьи, в которых утверждалось, что даже самые примитивные народы почитают своих предков возложением цветом и зажжением огней. В одной из таких статей писалось, что 6000 лет назад люди громоздили друг на друга многотонные глыбы, чтобы позже их потомки смогли узреть величие своих предков. «Вечная цепочка, по которой от отца к сыну сквозь тысячелетия передавалась кровь нордической расы, находит свое сильнейшее выражение именно в этих древних надгробиях. Мегалитические постройки севера на самом деле не являются ничем иным».

Гитлерюгенду было поручено нести «почетную вахту» близ этих монументов. Существовали даже специальные предписания, которые регламентировали поведение молодежи во время несения вахты. Учитывая, что каменные мегалиты воспринимались эсэсовским руководством как святыни, молодежи надлежало чтить их. Не просто чтить, а ухаживать за ними, наводить порядок и чистоту вокруг каменных сооружений. Делалось все возможное, чтобы молодежь не воспринимала эту вахту как туристический поход. Поэтому членам Гитлерюгенда не рекомендовалось брать с собой еду и фотографироваться ради забавы на фоне мегалитов.

Самое удивительное, что в настоящий момент наша историческая наука знает о дольменах, каменных кругах, мегалитах не больше, чем и сто лет назад. Они стали распространятся по Европе где-то 4 тысячи лет назад, то есть европейские мегалиты были старшими

братьями египетских пирамид. Расположение этих каменных построек, их месторасположения наводили на мысль о существовании особого религиозно-астрономического цикла. Английский Стоунхендж, ирландский Ньюгранж, дольмены в Скандинавии, сооружения в Испании, Португалии и на острове Мальта действительно можно было воспринимать как фрагменты единой, когда-то утраченной европейской религии. Самое удивительное, что подобная «каменная мода» распространялась по Европе с северо-запада на юго-восток. Германские мегалиты не имели ничего общего с ранней немецкой историей. С данной точки зрения можно было бы вообще вести речь об остатках древнеевропейской религии, которая ни в коем случае не была ни варварской, ни примитивной. И более того, отнюдь не локальной, а распространенной почти по всей Западной Европе. Но для нацистов это было лишь германским культурным достоянием, почитание какой-нибудь гранитной глыбы превращалось едва ли не в ритуал обретения исконно германской сущности.

Нет ничего удивительного в том факте, что СС превратили поклонение мегалитам в свою монополию. Генрих Гиммлер всегда интересовался минералогией. Интерес же к мегалитам был вызван не просто научными, а исключительно мировоззренческими предпосылками. Недаром в недрах «Наследия предков» существовало несколько отделов, которые занимались изучением минералов и мегалитов. Имеются интересные документы, которые свидетельствуют, что руководство СС было намерено приобрести в «общественную собственность» некоторые из германских мегалитов. Особый интерес эсэсовцы проявляли к камням, на которых имелись высеченные изображения — петроглифы. Для людей из «черного ордена» это были не просто святыни, а культовые места, где в древности совершался обряд инициации. Впрочем, подобные мысли уже высказывались и раньше. Гвидо фон Лист весьма охотно прибегал к этимологическим интерпретациям, пытаясь найти тайный смысл за названиями некоторых дольменов и мегалитов. Таким же путем следовал и Рихард Андрес, один из руководителей «Ордена новых тамплиеров», который позже стал консультантом Генриха Гиммлера по эзотерическим вопросам. Например, он утверждал, что название мегалита «чертов камень» (Taeufelsstein), который находился близ Бад-Дюркгейма, на самом деле значило «камень освящения» (Taufstein). Название этого объекта было изменено с веками. Свой вывод он основывал на личных наблюдениях. На вершине камня имелось достаточно большое углубление, к которому вело некое подобие ступеней. Вывод немецкого мистика был прост — углубление использовалось в качестве ритуальной купели, а ступени

Тропа в Заксенхайне, обрамленная сотнями валунов

были «лестницей посвящения», по которой поднимался юноша, проходящий инициацию. Таким образом, буквально в одночасье «чертов камень» превратился в эсэсовскую святыню, которая служила неотъемлемой частью «солнечных законов наших благородных предков». Самой же главной «каменной святыней» СС был комплекс Экстернштайн. Но поскольку эти колонны из песчаника, располагавшиеся близ городка Детмольд, играли в мистических представлениях «черного ордена» гигантскую роль, мы поговорим о них ниже в отдельной главе. Идеи об исключительности каменных сооружений, созданных нордической расой, не являлись уделом эсэсовцев. Их пытались довести и до простых немцев. Уже упоминавшийся нами фильм «Германцы против фараонов» является хорошим примером того, как нацистская пропаганда несла компоненты мифологического мировоззрения в широкое массовое сознание. При помощи загадочных словосочетаний — «нордические владыки», «священники астрономического культа», «возрождение света» — они погружали зрителей в загадочное, мистическое настроение.

Эсэсовское руководство уделяло большое внимание не только природным, историческим мегалитам, но и, так сказать, «новоделам». 21 июня 1935 года, на празднике летнего солнцестояния, Генрих Гиммлер присутствовал на открытии нового «культового сооружения». В местечке Заксенхайн (Саксонский сад) около города Ферден-на-Аллере силами СС небольшая лесная тропинка была об-

ложена 4500 валунами. Это место имело особое значение для немецкой истории.

В VIII веке Карл Великий покорил саксонские племена. Великий стратег здесь явно просчитался. Он не понял души саксонского народа, не учел его страстной приверженности к свободе и верованиям предков. 782 год стал роковым для уже осуществившегося, казалось бы, плана Карла. Тайно прибывший из своего убежища в Дании саксонский король Видукинд собрал единомышленников — и ими оказалась почти вся порабощенная страна. Вспыхнуло восстание, разрушившее мгновенно все достижения франкских завоевателей. Саксы, принявшие новую веру, подверглись избиению. Храмы были разрушены. Языческая реакция вспыхнула и в соседней Фризии. Повстанцы дали экспедиции сражение, превратившееся в побоище. Подобного разгрома Карлу испытывать еще не приходилось. Казалось, все плоды его многолетних ратных трудов и хитроумных замыслов уничтожены. О власти над Саксонией нечего больше и помышлять. Но месть Карла Великого была страшной и осталась в истории как некий уникальный пример беспощадности. Несмотря на неподходящее время года, он немедленно собрал армию, тут же появился у нижнего течения Везера, в месте, называемом Верденом, и оттуда вызвал к себе саксонских старейшин, которые должны были выдать виновников «мятежа». Трепещущие старейшины назвали 4500 своих земляков, которые, по приказу Карла, были приведены в Верден и в тот же день обезглавлены. Эта кровавая акция носила чисто политический характер. Она показывала населению страны, что его ждет в случае дальнейшего неповиновения. Это был форменный геноцид.

В истории Германии место казни восставших саксов навсегда осталось символом несломленного духа свободолюбивой Германии. Именно на этих представлениях решили сыграть эсэсовцы, когда закладывали специфическую «каменную галерею». Каждый камень символизировал собой героя, павшего от рук поработителей. Открытие этого культового места проходило в полном соответствии с представлениями о религиозных ритуалах. Горел гигантский костер, эсэсовский оркестр играл на специфических инструментах — гигантских изогнутых трубах, которые были изготовлены по образцам древних музыкальных рогов саксов.

Но историческая подоплека этого мероприятия меньше всего интересовала Гиммлера. Открытие «каменной тропы» было не просто политическим, а идеологическим событием. Рейхсфюрер СС еще раз хотел наглядно подчеркнуть, что христианство было религией завоевателей, которые лишили германцев своей истинной веры. Впрочем, Заксенхайн даже официально назывался «местом

Инструментальное сопровождение ритуала в Заксенхайне

культа воспоминаний». Гиммлер всегда высказывал мысль о живой связи глубокого прошлого и настоящего, нацистской действительности. В своей речи во время открытия комплекса в Заксенхайне он произнес перед 25 тысячами немцев: «Тогда пали 4500 глав, которые не хотели склониться. Но сейчас поднимаются новые головы, которые, я знаю, не склонятся никогда. Почти 8 месяцев создавался этот район для тинга[1]. И, наконец, сегодня, спустя почти тысячелетие, мы празднуем летнее солнцестояние — символ вечного перехода от заката к подъему». Но в отличие от традиционных нацистских мероприятий не было громких оваций и скандирований. Толпа, погруженная в мистический транс, хранила ледяное молчание. Лишь музыка древних инструментов и треск костра нарушали гробовую тишину.

Примечательно, что в своей речи Гиммлер назвал Заксенхайн районом для тинга. В Третьем рейхе даже имелось специфическое «тинг-движение». Оно инсценировало в природных ландшафтах события германской древности. Это не было какой-то узкой субкультурой, на которую власти смотрели сквозь пальцы. Каждое из таких представлений собирало до тысячи зрителей. С мистической точки зрения сама организация и сценарий тинг-представлений очень на-

[1] *Тинг* — народное собрание у скандинавов в Средние века. От тинга — датский фалькетинг, исландский альтинг, норвежский стортинг.

поминали ритуал массового посвящения. В какой-то момент «тинг-движение» даже стало претендовать на места, которые еще в древности были известны как религиозные святыни. В данном случае речь шла о так называемой святой горе в окрестностях Хайдельберга. Один из лидеров «тинг-движения» писал в начале 1935 года: «В этом месте, как подтверждено, еще тысячелетия назад во времена каменного века находилась высокоразвитая культура и проходило почитание богов». Не знаю, на какие источники и исследования опирался автор этих слов, но факт остается фактом — власти решили поддержать инициативу, поступившую снизу. В июне 1935 года праздник летнего солнцестояния, организованного «тинг- движением» в Хайдельберге, посетил сам Йозеф Геббельс. Он был в восторге. В своих дневниках он писал едва ли не о «краеугольном камне национал-социализма». Впрочем, восторг очень быстро прошел. Уже год спустя он существенно вмешался в деятельность «тинг-движения». Геббельс пытался нивелировать фанатизм и пафос участников этих представлений. Вообще он поставил себе цель удалить дилетантов из сфер массовых идеологических постановок — как-никак, это была его сфера деятельности! К тому же не стоило забывать, что Гитлера мало волновали дольмены, мегалиты и места собрания тингов. Его больше воодушевляли монументальные строительные проекты, в которых память предков должна была передаваться при помощи духа показательной строгости и выдержанности. Древнегерманские святыни и ритуалы были для фюрера чем-то замшелым. Его восхищала лишь греческая архитектура. Как-то он сказал Альберту Шпееру, который долгое время был придворным архитектором Третьего рейха, что греческая архитектура возникла лишь благодаря вмешательству «нордического компонента». Эту мысль он повторил шефу штаба СА Отто Вагнеру. «Когда мы созерцаем греческую архитектуру, то все мысли сводятся к Акрополю! Но до эпохи нордического вторжения никогда не возникали такие величественные памятники». Вывод прост — германцы дали человечеству все гигантские постройки, начиная от египетских пирамид и Стоунхенджа, заканчивая греческим Акрополем и римскими колоссами.

Вообще, взгляды на сакральные строения у Гитлера и Гиммлера очень сильно расходились. Архитектурные пристрастия фюрера выражались в сооружении очень характерных строений — по-иному, как «мертвые залы», их не назовешь. Они должны были вызвать не мистический экстаз, а молчаливое благоговение. Именно в выдержанности должна была проявиться суть «избранной расы». «До тех пор пока отличительной чертой нынешних крупных городов являются универсальные магазины, рынки, гостиницы, небоскребы ад-

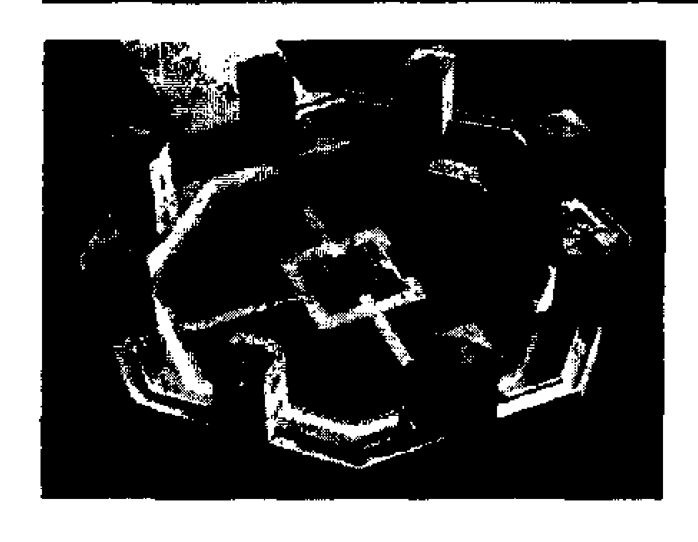
министративных зданий, даже речи не может идти ни о настоящей культуре, ни о подлинном искусстве», — заявлял Гитлер в 1935 году на партийном съезде. Образцом «ритуальной архитектуры» для него служил мемориальный комплекс в мюнхенской Кеннигсплатц, возведенной в память жертв путча 1923 года. Гитлера привлекали только строгие каменные формы. Никаких вольностей, никакой недосказанности. Все строения, в проектировании которых участвовал Гитлер, должны были быть ***обязательно*** построены из гранита. Это, по мнению фюрера, должно было стать залогом того, что они простоят многие века, а может быть, тысячелетия.

Обычно, когда говорят о мегаломании Гитлера, то упоминают его стремление быть великим, стремление сравниться с грандиозными историческими фигурами прошлого. Слишком уж простое объяснение для подобной болезненной страсти. Гитлер жаждал славы нового создателя «мифической архитектуры». Гиммлер, напротив, не собирался совмещать классицистические формы с вековым наследием предков. Он хотел, чтобы тысячелетние мегалиты были органично вписаны в идеологию «тысячелетнего рейха». В итоге получалось, что у нацистского движения (сугубо коричневого) и у «черного ордена» были свои собственные культовые центры и ритуалы. Не только непохожие, но и во многом различные.

Впрочем, эти отличия были далеко не всегда очевидными. Например, когда архитектор Вильгельм Крайз проектировал памятник павшим воинам, то он взял за основу архаичные формы древних европейских храмов, которые воздвигались из мегалитов. Подобно древним строениям, в проекте Крайза расположение многих могил было ориентировано по солнечному и лунному циклам. Это был далеко не единственный случай, когда нацистская архитектура пыталась установить некую сакральную связь с силами неба и земли. Взять хотя бы мемориальный комплекс Лео Шлягетера[1], воздвигнутый в Шварцвальде. Авторы этого проекта даже не скрывали, что это был символ «пересечения земного и небесного». Сам мемориал представлял собой открытое замкнутое строение, опиравшееся на 12 колонн, которые были четко ориентированы в соответствии с астрологической традицией (12 знаков Зодиака). В центре этого комплекса как бы располагался «герой», он как бы проходил 12 стадий ежегодного цикла, которые, естественно, опирались на 12 немецких сказаний. Но это еще не все, кроме четкой ориентации на четыре стороны света, при оформлении мемориала досконально учитыва-

---

[1] *Лео Шлягетер* — немецкий офицер, расстрелянный во время франко-бельгийской оккупации Рура в 1922 году. Возведен многими националистическими группировками в ранг национального героя.

Мемориальный комплекс Танненберг

лись такие факторы, как цвет, звук и орнамент оформления. Все это позволяет говорить о мемориале Шлягетера как о неком эзотерическом произведении архитектуры. Да, собственно, нацистские власти и не скрывали этого. «С давних пор праздники основывались на движении Солнца, Луны и звезд. Об этом свидетельствуют каменные круги древней Европы, культовые строения Египта, средневековые соборы. Все эти строения непосредственно связаны с космическими циклами, которые определяли сроки празднеств. Осознанно и неосознанно они говорят о сущем. При этом их внутреннее содержание и внешняя форма идентичны, так как повествуют о попытках отдельной души найти созвучие с Богом».

В 1935 году Гитлер замыслил возвести в Восточной Пруссии «имперский мемориал», который должен был стать памятником всем павшим. Местом для его возведения был выбран Танненберг — место, почитавшееся как святыня немецкого воинства. Архитекторы Вальтер и Йоханнес Крюгеры решили не мучиться в поисках оригинальных решений и взяли за основу нового мемориала Стоунхендж, который виделся им древнегерманской культовой постройкой. Они пошли настолько далеко, что не просто повторили форму первобытного памятника, но даже водрузили на могилу фельдмаршала Гинденбурга титанический валун весом в 120 тонн, который «помнил» ее ледниковый период. Другой архитектор, снискавший не меньшую славу в Третьем рейхе, Генрих Випкинг-Юргенсманн, вообще считал, что при сооружении надгробных памятников необходимо ориентироваться на древнейшие образцы, так как только они осознанно сочетали в себе ритуальные функции и были эстетически красивы: «Они говорят, что наш народ был основательно связан с процессом творчества. В те ранние времена люди были частицами природы. Миф был действительностью... Германское строительство невозможно без сохранения прекрасного в самом ландшафте! Более трех тысяч погребальных холмов, воздвигнутых в Германии в бронзовый век, наглядно демонстрируют это». Випкинг-Юргенсманн выдвинул концепцию, что при сооружении новых культовых мест ничто не должно быть надуманным и искусственным, и уж тем паче инородным. Воодушевленный своими по-

строениями, этот архитектор предложил создать естественный памятник германскому духу. Это должен был быть гигантский валун, который бы окружало полторы тысячи дубов. Он настолько детально разработал план этого памятника, что смел утверждать: при посадке молодых деревцев землю надлежало обрабатывать с особой тщательностью, так как только в этом случае в этом месте наличествовала энергия. Столетия спустя новые поколения немцев под шум дубравы справляли бы у этой святыни германского духа свои ритуалы.

О нацистских ритуалах вообще стоило бы поговорить отдельно. В факте их существования нет ничего удивительного — если есть святыни и культовые места, значит, должны быть и ритуалы. К этому подводит сама логика мифологического сознания. В одном из журналов того времени была опубликована статья, в которой говорилось, что глубинный смысл истинных народных праздников состоял как раз в том, чтобы отчасти сберегать мифы, а отчасти сохранять связь с предками. В итоге праздники, в нацистском понимании соответствовавшие душе народа, должны были стать самым «возвышенным богослужением», на которое только был способен человек. В одной из нацистских газет писалось: «Тот, кто оказался сопричастным хотя бы с одним из крупных праздников, даже хотя бы слушая его трансляцию по радио, тот с глубоким радостным содроганием ощутил, что это больше не режиссура. Тот понял, что это форма, из которой рождаются глубокие духовные силы нашего народа... Тот почувствует: то, что происходило там — это миф, который будет повторяться вновь и вновь». Само собой разумеется, эта газета подразумевала вовсе не христианские праздники. Она взывала к специфической нацистской мифологии, которая на первый взгляд строилась на языческих обрядах и преданиях. Взять хотя бы те же праздники зимнего и летнего солнцестояния. Но если посмотреть повнимательней на торжества Третьего рейха, то обнаружим, что никогда ранее в истории не было такого торжества огня. Вряд ли можно поспорить, что голодные и замерзшие люди всегда с тоской ожидали света и тепла. Нацисты очень удачно использовали эти надежды. Как уже говорилось выше, Гитлер всегда характеризовал «арийцев» как «носителей света». Даже свастику он понимал как знак нисходящего света. Он не упускал шанса, чтобы не подчеркнуть свой тезис. Иллюстраций на самом деле было предостаточно. Возьмем легендарный фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли». Сотни штурмовиков с факелами, образующие огненные реки на улицах древнего Нюрнберга. Огненная свастика, созданная из множества факельщиков, которая вращается вокруг собственной оси. Эсэсовские руны, ставшие символом охранных отрядов, также трактовались Гиммлером как символ солнца и просветления. Альф-

ред Розенберг писал о победе «нордического светлого принципа». Многочисленные пропагандисты изображали Гитлера как «великую светлую сущность». В рейхе выходили журналы «Светлый путь», «Солнце». Свет, свет, свет... Все нацистские агитки, выступления просто напичканы производными от этого слова. Складывалось ощущение, что истинный арийский свет должен был смыть позор поражения в Первой мировой войне, что он должен был низринуть происки врагов, которые начинались со времени походов Рима против германцев, а закончились христианской колонизаций страны в Средние века.

Свет и огонь были буквально новыми фетишами нацистов. Это нельзя объяснить, ссылаясь на какие-то «неоязыческие» обряды. Правильнее было бы говорить о принципиальном делении мира на свет и тьму. Эдаком нацистском дуализме. И здесь вновь вспоминается зороастризм, в котором светлый Ахурамазда вел ожесточенную борьбу против Анхраманью, предводителя тьмы. Учитывая этимологию «тысячелетнего рейха», нельзя отмахнуться и от Откровения Иоанна, в котором светоносные ангелы свершают суд над великой блудницей. Все это не просто совпадения. Гиммлер всерьез полагал, что германцы являются наследниками древней религии света, которая зародилась далеко на Севере, а затем пришла в Европу. Ведь только на Крайнем Севере человек мог превратить весеннее возвращение солнца в знаменательное, праздничное событие. В качестве доказательства существования «древнего арийского культа», прославляющего свет, специалисты из «Наследия предков» приводили наскальные изображения свастик. Но, в принципе, не было никакой потребности что-то особо доказывать. Массы с удовольствием шли за «нацистским светом». Публика давно уже была готова воспринять новый солнечный культ. Еще в 20-е годы немецкий художник нарисовал картину, на которой обнаженный юноша открывал свои объятия солнечному свету, словно купаясь в нем. В тяжелые дни Веймарской республики писатель Фридрих Линхардт написал следующие строки: «Какой народ может быть центром собрания силы, как не тот, который угнетен в самом центре Европы? Воистину, оборванному и удрученному немцу Бог должен явиться в новой форме, упрощенной до гениальной простоты. Новый крестовый поход должен сокрушить сословия, партии и вероисповедания. Но крестовый поход не на Восток, а вовнутрь. Это может произойти только благодаря огненной силе, которая воспрянет из жара сердца».

Слова «огонь» и «жар» как нельзя лучше характеризовали политику нацистов, которые разжигали мистические и воинственные страсти в душах простых немцев. Огонь словно служил мифическим оправданием тому насилию, которое спровоцировали гитлеровцы.

Сначала они взывали к свету в безобидных песнях. Затем немецкая пресса стала пестреть заметками и статьями, повествующими о солнцеворотах и солнцестояниях. К ним добавлялись материалы, романтически описывающие молодежь, которая прыгала на этих праздниках через огромные костры. «В Швеции до сих пор молодежь танцует под светлые звуки деревенской скрипки вокруг украшенного дерева, празднуя так летнее солнцестояние». Словно следуя за шведской молодежью, в 1933 году члены Гитлерюгенда впервые справили праздник летнего солнцестояния. Два года спустя его праздновала почти вся Германия. Рассказывали, что Рейнхард Гейдрих, шеф Главного управления имперской безопасности, не просто видел в этом красивое представление. Он верил, что празднование летнего солнцестояния давало людям частичку энергии Солнца. 21 июня 1935 года фактически по его инициативе в Германии произошло празднование «Имперского солнцеворота». Вечером этого дня вдоль Любекского залива было зажжено около 800 гигантских костров. Зимой того же года на горе Броккен, издавна считавшейся местом сказочным и мистическим, был зажжен титанический костер, от которого как бы цепочкой в шести направлениях проследовали другие, более мелкие костры, едва ли не достигшие самых отдаленных немецких границ. В один день над Германией словно возникло исполинское огненное колесо. Этот обряд был призван укрепить единство рейха.

Но Генрих Гиммлер не был бы собой, если бы даже в огненные празднования не внес свои рацпредложения. Он отмечал, что постановка празднования оставляла желать лучшего, не хватало музыкального сопровождения, которое бы подходило для этого ритуала. Речи выступавших были взвинченными, малопонятными и сумбурными. Хореографические выступления не были продуманы до конца.

Однако самое эффектное «световое шоу» устраивалось по инициативе Альберта Шпеера во время партийного съезда 1937 года в Нюрнберге. Сто пятьдесят авиационных прожекторов, устремленных в небо, в какой-то момент начинали сдвигаться, создавая над 140 тысячами участников некое подобие светового купола. Это эффектное творение называли не иначе как «храм света». Но огонь являлся той стихией, которая могла действовать как во благо, принося тепло, так и во зло, уничтожая все живое на своем пути. Так произошло и с Третьим рейхом. Ритуальные огнища постепенно превратились в костры из книг, затем трансформировавшись в топки крематориев и огненную вакханалию бомбардировок мирных городов. Однажды эсэсовский журнал «Черный корпус» опубликовал очень символичную карикатуру. На ней был изображен огромный костер, в котором горели английские города, а германский бог Тор

низвергал на них с неба молнии. Разрушительную сущность огня даже не собирались скрывать! Нацистские газеты пестрели устойчивыми словосочетаниями, где «выжигали гнойники общества» и «выметали нечисть огненной метлой».

Глава 5
«ЗОНДЕРКОМАНДА Х» – ОХОТНИКИ НА ВЕДЬМ ИЗ «ЧЕРНОГО ОРДЕНА»

Через два года после окончания Второй мировой войны германские газеты опубликовали небольшой материал, на который поначалу никто не обратил внимания. 4 февраля 1947 года в берлинском «Телеграфе» оставшийся неизвестным библиотекарь из Познаньского университета сообщал об эсэсовском собрании из 140 тысяч книг и документов, эвакуацией которого он руководил в марте 1945 года. То, что нашел архивариус в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, было остатками документации созданной в 1935 году «Зондеркоманды Х», которая занималась изучением средневековых процессов по делам осужденных ведьм. Документы процессов над колдуньями охватывали период между XIII и XVIII веками. Найдя в книгах пометки, сделанные эсэсовцами там, где были описаны методы дознания и пыток, польский исследователь решил, что это подразделение должно было исследовать применяемые в прошлом способы истязаний, чтобы использовать их на практике.

Но это предположение было ошибочным. Действительно, летом 1943 года РСХА, Главное управление имперской безопасности СС, конфисковало замок графа Хаугвитца, построенный в стиле барокко. Здесь от воздушных налетов должна была укрыться одна из структур VII управления РСХА, занимавшаяся мировоззренческими исследованиями. Эта структура носила название «Зондеркоманды Х» или «особого собрания». Действительно, «Зондеркоманда Х» активно занималась изучением процессов над ведьмами. Но совсем с другой целью, нежели это предполагал польский библиотекарь.

Гиммлер всегда проявлял интерес к ведовству и всему, что было с этим связано. Об этом свидетельствует хотя бы один пример. 23 мая 1939 года Рейнхард Гейдрих, шеф службы безопасности СС, направил одному из своих подчиненных, доктору Шпенглеру, секретную директиву. В ней предписывалось отыскать в родословной рейхсфюрера СС ведьм или колдуний. Приказ был почти тут же выполнен. СД отыскало упоминания о некой 48-летней вдове Маргарет Гимблер из Маркайсхайма, которая как ведьма была сожжена 4 апреля 1629 года. Реакция Гиммлера на это сообщение осталась неизвестной. Скорее всего, он остался доволен этим результатом,

«Зондеркоманда Х» занималась изучением процессов над ведьмами

так как в его семье существовала легенда о прародительнице, сожженной на костре. Впрочем, этого единичного случая явно было недостаточно для объяснения всеобщего изучения эсэсовцами истории колдовских процессов, проходивших не только в Германии, но и по всей Европе.

До сих пор ведутся дискуссии, зачем рейхсфюрер затеял такой дорогостоящий исследовательский проект, как изучение процессов над ведьмами. Никто не может указать ясную причину, что подтолкнуло его к такому шагу. Но обо всем по порядку. 16 ноября 1935 года Гиммлер выступил на общеимперском крестьянском праздновании с речью «СС как антибольшевистская боевая организация». В ходе выступления рейхсфюрер вышел за рамки обозначенной темы и призвал «вернуть долги мировому еврейству», чьими жертвами пали немецкие ведьмы: «Во многих случаях мы можем предвидеть, что еврей, наш извечный враг, прикрываясь какой-то личиной, ведет игру своими кровавыми руками... Мы видим, как судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел бесчисленные тысячи женщин и девушек нашего народа». После рейхсфюрера эту тему развил «главный историк» Имперского продовольственного кабинета Хорст Рехенбах, который руководил в этой структуре «Главным управлением Г» («Крестьянство в вопросе крови»). Он живо рисовал картины демографического упадка в Германии, который пришелся на прошедшее тысячелетие. Причину этого он видел

в потере самой ценной крови женщин и девушек, сожженных на кострах во время преследования ведьм и еретиков. «Эти заблуждения стоили нам сотен тысяч жизней, потерянных в равной степени и в католических, и в протестантских областях».

Вывод был следующим. Евреи, используя христианизацию Германии, не только уничтожили «биологические корни» здоровой народности и ликвидировали остатки истинно немецкой культуры, но и при помощи католического Рима извели множество тысяч носительниц этой драгоценной культуры. Главный идеолог нацизма Альфред Розенберг в своем «Мифе XX века» говорил даже не о сотнях тысяч, а о 9 миллионах человек! И тут последовал несколько неожиданный пассаж: «Исторические свидетели мировоззренческой борьбы германских племен — средневековые ведьмы и волшебники — должны быть вписаны на кроваво-красные знамена национал-социалистического движения!»

Но для создания подобного «мемориала» одного желания было явно недостаточно. Шеф СС нуждался в самых точных биографических и статистических данных. В этом вопросе он не мог положиться на партийную канцелярию, а потому требовалось проведение собственных расследований. Для реализации данного проекта Гиммлер обратил внимание на молодого офицера из СД, Франца Альфреда Зикса. Этот юрист-правовед, родившийся в 1909 году в г. Манхайм, был олицетворением молодых интеллектуалов, служивших в СС. Примкнув к нацистам еще будучи студентом в 1934 году, он возглавил одно из управлений в Имперском студенческом руководстве. Год спустя, в 1935 году, он стал во главе отдела СД IV2, отвечавшего за мировоззренческую борьбу с противником. Одновременно с этим преподавал в высшей школе, а в 1938 году даже стал профессором в Кёнигсбергском университете.

В июне 1937 года Франц Зикс, выступая перед студенческой аудиторией в Хайдельбергском университете, провозглашал «переворот в научной картине мира», который должен был выразиться в отрыве идей, определяющих народное бытие, от рациональных идей XIX столетия. Когда Зикс произносил эти слова, то он уже курировал деятельность «Зондеркоманды X». Он получил от Гиммлера своего рода специальный заказ: «Найти в еретических, сектантских и мистических движениях Средневековья последнюю попытку германской сущности сопротивляться инородному засилью католической церкви». Для подобной работы годились далеко не все национал-социалистические историки. Честолюбивый эсэсовский офицер сразу же решил сделать эти исследования прерогативой СД. Изыскания, проводимые под его кураторством, должны были быть противопоставлены тезисам некоторых исследователей, которые,

не почувствовав политическую конъюнктуру, провозглашали, что «преследования ведьм пришли в Германию вовсе не от этрусков, и не из Рима, а являлись старогерманским обычаем, с которым, к сожалению, так и не смогла справиться церковь». Хорошо знакомый со студенческой и преподавательской средой, Зикс тут же начал подбирать подходящие кадры, которые бы смогли осуществить «особый заказ» рейхсфюрера СС.

1935 год стал датой рождения «Зондеркоманды X», призванной бороться против еврейства и христианства, далеко не случайно. Изучение процессов над ведьмами могло стать очень выгодным козырем в руках эсэсовского руководства. Именно тогда шли острые споры по этому вопросу. С одной стороны находилась католическая церковь, а другой новая — элита Третьего рейха. Именно в это время стало очевидно, что нацисты проигрывали спор, так как у них не хватало веских аргументов. «Колдовские процессы» превратились в политическую задачу.

О том, что эсэсовское руководство, намеревавшееся создать собственную эрзац-религию, рисковало проиграть битву за расово чистое немецкое крестьянство, говорили тайные донесения гестапо, датируемые 1935 годом. В них говорилось о необходимости обоснования нового «германизированного» крестьянского календаря, изданного Имперским продовольственным кабинетом. Дело в том, что в январе 1935 года по стране буквально прокатились акции протеста, организованные церковными деятелями в среде крестьянства. Католический епископат не устраивало, что в новом крестьянском календаре отсутствовали традиционные христианские праздники. Резолюция епископата была более чем решительной: «Этому календарю не место в немецкой христианской семье крестьян». Особое возмущение у церковников вызвала следующая запись в календаре: «Страстная пятница: поминаются 4500 саксонцев, убитых Карлом Мясником (Карлом Великим. — *Авт.*), равно как и все пострадавшие еретики, поборники веры и ведьмы». Католическая церковь была не намерена мириться с подобными выходками. В одной из берлинских газет даже появилась заметка, в которой новый крестьянский календарь назывался «образцом исторического вздора, слепого антихристианского фанатизма». Трирский епископ пошел еще дальше. В ответ на заявление, что «9 миллионов уничтоженных еретиков являются плодом церковной ненависти», он провозгласил с амвона, что подобные календари разрушают «народное сообщество» Третьего рейха.

Католики вполне справедливо полагали, одним из инициаторов антицерковной кампании был автор «Мифа XX века» Альфред Розенберг. Любопытно, что первый шаг навстречу ведьмам сделала

женщина, Матильда Людендорф, жена одного из ближайших сподвижников Гитлера. Именно она еще в 20-е годы написала работу «*Христианская жестокость в отношении немецких женщин*». Но обстоятельное начало разработки «ведовской темы» в нацистском лагере все-таки принадлежит Альфреду Розенбергу. Этот человек, которого сам Гитлер называл «нашим партийным догматиком», написал книгу, которая по тиражам в Третьем рейхе уступала лишь «Майн кампф». Это «нацистское Евангелие» называлось «Миф XX века». Достаточно тяжелая, путаная и хаотичная вещь, в которой Розенберг пытался вести полемику с «римско-сирийско-еврейским мифом». Так или иначе, но именно благодаря этой книге за Розенбергом закрепилась репутация главного идеолога НСДАП. Более того, именно благодаря ей Розенберг заработал репутацию главного антиклерикала, а его «Миф» попал в «индекс» книг, запрещенных Ватиканом.

Сам Розенберг считал преследования ведьм азиатским пережитком, привнесенным на европейскую почву благодаря этрускам. В своем «Мифе XX века» он писал: «К этому этрусскому гаруспику возвращается и «наше» средневековое мировоззрение, та страшная вера в колдовство, та ведьмомания, жертвой которой пали миллионы жителей Запада и которая отнюдь не умерла с «Молотом ведьм», а продолжает весело жить и в современной церковной литературе, готовая в любой день вернуться на простор: тот призрак, который нередко уродует нордическо-готические соборы и выходит далеко за рамки естественного гротеска. И в Данте возрождается грандиозно оформленная этрусская античность: его ад с перевозчиком, адским болотом Стикса, пеласгическими кровожадными Эриниями и Фуриями, критским Минотавром, демонами в отвратительном обличье птиц, которые мучили самоубийц, амфибиеподобным существом Герионом. Там проклятые бегут по раскаленной пустыне под дождем огненных хлопьев; там преступники превращаются в кустарник, на который слетаются Гарпии, и каждая сломанная ветка вызывает у них кровотечение и вечные причитания, черные суки преследуют проклятых и разрывают их, причиняя им невыносимую муку; рогатые черти стегают обманщиков, а шлюх топят в вонючих нечистотах. Заключенные в тесные ущелья, томятся симонистские папы, их выворачиваемые ноги больно лижет пламя, и Данте громко жалуется на растленное папство, вавилонскую блудницу».

По его мнению, преследование ведьм и нордический образ жизни и мышления были несовместимы. Именно эти два начала разрывали средневекового европейца: с одной стороны, находилось малоазиатское, пугающее, взлелеянное Церковью представление об ужа-

сах преисподней, а с другой — нордическое стремление быть «свободным, прямым и здоровым». Выразительницами последнего начала были именно пресловутые ведьмы. Вывод Розенберга был неутешителен: «Как вакхическая культура и культ фаллоса стремились разложить древнегреческую цивилизацию, так этрусское учение об аде и ведьмомания перечеркивают, по возможности, любой порыв нордического познания мира».

Приняв во внимание подобные пассажи, референты СД одно время даже ошибочно полагали, что натиск католиков приведет к тому, что Розенберг окажется в лагере расового фанатика Вальтера Дарре, который в начале 30-х годов был личным другом Генриха Гиммлера. Дело в том, что отношения между главным идеологом нацистской партии и эсэсовским руководством всегда носили скорее враждебный характер. В какой-то момент могло показаться, что католическая сторона стала одерживать верх. 12 января 1935 года представитель пресс-службы имперского руководителя крестьян, предвидя многочисленные возмущенные петиции, ходатайствовал перед Гиммлером о запрете «нехристианского календаря». Эти документы оказались тут же на столе у шефа службы безопасности СС Рейнхарда Гейдриха. Не опасаясь бурной реакции католической церкви, полицейские органы 22 января 1935 года дали ответ, в котором говорилось, что о запрете календаря не могло быть и речи.

Между тем скандал вокруг крестьянского календаря вышел за границы Германии. Его уже обсуждали в швейцарской и голландской прессе. Нацистам удалось представить открытые общественные протесты некоторых крестьянских лидеров, например графа Дросте, «личной точкой зрения». Но этих объяснений было явно недостаточно, и 26 февраля 1935 года Имперский продовольственный кабинет пошел на уступку, решив все-таки частично ограничить распространение календаря. После этого гестапо в Мюнстере сообщало: «После заявления Имперского руководителя крестьян тайная государственная полиция больше не в состоянии препятствовать акциям протеста, направленным против календаря». В итоге местные эсэсовские чины просили охарактеризовать эти мероприятия как «неполитические» и изъять из компетенции гестапо. Но реакция Гиммлера была совершенно иной. Он потребовал подвергнуть взысканию тех крестьянских региональных лидеров, которые поддерживали «клерикальные настроения». Под давлением руководства СС Вальтер Дарре, который являлся не только имперским руководителем крестьян, но и высокопоставленным эсэсовцем, отказался от своего заявления. Генрих Гиммлер решил перейти в контрнаступление на церковь. И в том же 1935 году на Имперском съезде крестьян звучит его знаменитая речь о ведьмах. По большому счету,

эта речь, равно как и появление «Зондеркоманды Х», стали результатом попытки церковных структур заявить о своем мировоззренческом влиянии в Германии и надавить на руководство СС.

Но это был далеко не единственный стимул заняться изучением данной проблематики. Интерес к ведовским процессам был также продиктован празднествами, организованными католической церковью 7 августа 1935 года. Повод для этих торжеств был выбран с точки зрения эсэсовского руководства крайне одиозный — 300-летие со дня смерти известного немецкого иезуита Фридриха Шпее. Католическое руководство изобразило Шпее так, будто бы он в своем литературном наследии выступал против пагубной практики преследования ведьм, что якобы послужило поводом для его конфликта с руководством ордена. Изображалось, будто бы книги этого иезуита только чудом не попали в список произведений, запрещенных папой. Именно в фигуре Шпее католическая церковь хотела найти того исторического персонажа, чьи деяния смогли бы использоваться для полемики с догматиком Розенбергом. Вовсе не придерживаясь исторических реалий, трирский епископ произнес на могиле Шпее речь, в которой содержались следующие слова: «Благодаря ему наше отечество освободилось от ужасов охоты на ведьм». Включившись в эту полемику, Розенберг в ответ написал статью «Мракобесы нашего времени». Провозгласив в этой статье «Общество Иисуса» ответственным за новую волну преследования ведьм, Розенберг допустил одну ошибку, он неосторожно затронул тему, выразителями которой считали себя лишь Гиммлер и Дарре — Грааль. Отношения между этими функционерами, всегда колебавшиеся на грани любви и ненависти, в очередной раз испортились. Гиммлер решил, что больше нельзя откладывать реализацию своих замыслов, и начал строительство замка Вевельсбург. Вначале оно велось при помощи молодых немцев, проходивших службу в Имперской трудовой повинности. В 1939 году их сменили заключенные из концентрационного лагеря Заксенхаузен.

Но кроме этих событий, которые оказали как бы внешнее воздействие на рейхсфюрера СС, были и некоторые внутренние события. В качестве таковых можно назвать несколько рукописей, появившихся в недрах СС. Одна из них принадлежала Клаусу Графу, специалисту по колдовским процессам, другая — активному борцу «фёлькише» группировок Арнольду Рюге, третья — юристу Вальтеру Бёму, в ноябре 1933 года прикрепленному к аппарату Главного управления СС по вопросам расы и поселений. В составе РуСХА Бёме должен был заниматься подготовкой антиклерикальной пропаганды. Об этом человеке стоит сказать пару слов. 16 октября 1933 года, буквально за несколько дней до своего вступления в СС, он

защитил диссертацию «Акатолики. Изучение положения некрещеных, вероотступников, еретиков и схизматиков в католическом каноническом праве». Очутившись в СС, ученый сразу же получил лично от Гиммлера приказ осуществлять под руководством группенфюрера СС Курта Витте исследовательский проект «Долг крови церкви перед немецким народом». Самое интересное, что юрист занимался изучением этой проблематики, взяв псевдоним Вальтера Унгнада (Вальтера Неприкаянного). В плане работ, подготовленном Бёме-Унгнадом, Гиммлера в тот момент очень заинтересовал пятый пункт «Процессы над ведьмами». Именно в нем мы могли бы найти слова, которые рейхсфюрер СС взял на вооружение и громогласно произнес, фактически повторив текст плана, на Имперском съезде крестьян в 1935 году: «Сотни тысяч немецких женщин и девушек были приговорены извращенными христианскими судьями к мучительному умерщвлению или сожжению». После этого Витте предупредил исследователя, что глава СС проявил к его разработкам повышенный интерес, а потому не могло быть и речи о каких-то натяжках и поверхностности, надлежало подробно постигнуть все аспекты этого вопроса.

Вообще-то Гиммлера было очень легко спровоцировать на начало новой пропагандистско-исследовательской кампании. Наглядным примером этого может послужить проект «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре», реализуемый в рамках исследовательского общества «Наследие предков». Толчком для его возникновения стал подарок, сделанный имперской руководительницей женщин, Гертрудой Шольц-Клинк, на праздник Юль 1938 года, который должен был заменить христианское Рождество. А Шольц-Клинк всего лишь преподнесла Гиммлеру печенье, выполненное в виде лося. Весной 1939 года глава «черного ордена» связался с главным егерем рейха Г. Герингом и убедил совместно финансировать исследования профессора Франца Альтхейма, которому предстояло придать мировоззренческое значение народным мотивам с изображением лося и оленя.

Или другой пример. Как-то в беседе с Гиммлером Геринг бросил фразу о том, что вороны очень часто кружатся над местами, где раньше, даже в незапамятные времена происходили массовые казни и расправы. Гиммлер тут же взял эту идею на вооружение. 9 октября 1942 года он отдал «Наследию предков» распоряжение составить карту, на которой были бы отмечены все такие места.

Но работа «Зондеркоманды X» определялась не только взглядами и идеями Гиммлера. Наряду с ним в формировании «Зондеркоманды X» участвовал специалист, человек, обладающий глубокими знаниями. Им был профессор Обенауер, который был не только де-

каном философского факультета в Бонне, но и одним из первых академиков СД. Именно он подбирал кадры для «Зондеркоманды». Его взгляды на жизнь и историю не совпадали с гиммлеровскими. В отличие от рейхсфюрера СС он не был одержим нордическими мифами. Но судьба распорядилась так, что он активно сотрудничал с СС, фактически поддерживая многие бредовые идеи честолюбивого главы «черного ордена». Возможно, им двигал обыкновенный оппортунизм. Возможно, какие-то другие мотивы. Так или иначе, но все сотрудники «Зондеркоманды X» не имели права на собственное мнение, они должны были идти лишь в русле расовых фантазий Генриха Гиммлера.

Возникнув в 1935 году, «Зондеркоманда X» по весну 1936 года была тесно связана эсэсовским книгохранилищем, расположенным в Лейпциге. В своей автобиографии унтерштурмфюрер СС Вильгельм Шпенглер так описал возникновение «Зондеркоманды» и книгохранилища: «Весной 1934 года предложил использовать возможности всей немецкоязычной литературы в интересах СД, службы безопасности. Я продолжал развивать эту идею с июня 1934 года по март 1936 года. То есть до того времени, пока она не нашла свое воплощение в виде Лейпцигского книгохранилища СС. 1 апреля 1936 года в Берлине состоялось совместное заседание представителей этого учреждения и сотрудников, выполнявших особое «поручение X», отданное лично рейхсфюрером СС».

Первое задание, которое пришлось выполнять книгохранилищу СС, была подготовка при помощи некоторых академических структур (Лейпцигского книгохранилища, ряда вузов и т.д.) подробной «Библиографии национал-социалистического движения (1919—1933 гг.)». Тогда осуществление этого проекта было поручено местному руководителю СД, Лотару Бойтелю, который запросил для его реализации «пять политических солдат» (так иногда называли служащих СС).

Но вернемся к «Зондеркоманде X». Долгое время ее списочный состав оставался неизвестным. Многие сотрудники обозначались не именами, а условными литерами. Лишь благодаря усилиям немецких ученых был пролит свет на эту проблему. Итак, из кого же состояла эта «Зондеркоманда»?

Высшее кураторство от СД осуществлялось уже упомянутым нами ранее профессором Францем Альфредом Зиксом.

Непосредственно под его началом действовали два высокопоставленных эсэсовских офицера: Вильгельм Шпенглер и доктор Рудольф Левин. В документах они обозначались соответственно литерами Sp и Lv.

Доктор Вильгельм Йозеф Шпенглер (1907—1961), получивший кандидатскую степень в 1931 году в Лейпцигском университете после защиты диссертации об истоках драм Шиллера. В марте 1934 года он вступил в СС. В 1936 году произведен в офицерское звание. В 1944 году был назначен одним из руководителей отдела III С в РСХА, который занимался вопросами культуры. Доктор Рудольф Левин (1909—1945) также закончил Лейпцигский университет, так же, как и Шпенглер, защитил диссертацию.

Штатными сотрудниками проекта по изучению «колдовских процессов» были следующие люди:

Мартин Бирманн.	Родился в 1914 году. Работал помощником адвоката. Вслед за своим отцом сначала вступил в НСДАП, а затем в СС.
Доктор Отто Экштейн.	Родился в 1912 году. После окончания университета работал в партийной комиссии цензуры, откуда перешел в «особое книгохранилище» СС.
Эрнст Меркель.	Родился в 1907 году. Начал свою службу в СС в Лейпцигском «особом книгохранилище».
Доктор Фридрих Христиан Муравский.	Родился в 1898 году. Один из немногих армейских капелланов, который защитил кандидатскую диссертацию. После вступления в НСДАП был лишен сана. После прихода к власти нацистов работал на курсах повышения квалификации в «Немецком трудовом фронте». В 1935 году вступил СС. Являлся одним из ведущих специалистов в СД по церковным вопросам. В 1943 году изгнан из СС за «сочувствие к евреям и высказывание филосемитских идей».
Фридрих Фердинанд Норфолк.	Родился в 1899 году. В 1924 году был награжден моравской литературной премией. В 1935 году переехал в Лейпциг. В 1942 году получил признание немецкой общественности за роман «Сердце в танке».
Профессор Вильгельм Август Патин.	Родился в 1879 году. Преподавал каноническое право в Мюнхене. В 1934 году вступил в НСДАП.
Рудольф Рауль Райсман.	Родился в 1910 году. Учился в Дрездене, Мюнхене, Париже и Лейпциге. В ноябре 1936 года поступил на службу в СД.

Рудольф Рихтер.	Родился в 1905 году. Несостоявшийся учитель, который работал на «Средненемецком радио» в Лейпциге.
Готтфрид Рушке.	Родился в 1912 году.
Герхард Шмидт.	Родился в 1911 году. Один из инициаторов написания «Библиографии национал-социалистического движения».
Барон Шренк.	Родился в 1916 году. Учился в старших классах у Шпенглера. Параллельно с работой в «Зондеркоманде Х» изучал юриспруденцию в Берлине.
Альфред Фердинанд Карл Вентцель.	Родился в 1910 году. После обучения на торговца примкнул к националистической парамилитаристской организации «Вервольф». Несмотря на молодой возраст, считался одним из ветеранов штурмовых отрядов в Лейпциге. Вступил в СС в 1935 году.
Доктор Ганс-Петер Коудрес.	Родился в 1905 году. В 1930 году вступил в НСДАП. Работал библиотекарем в Немецком книгохранилище в Лейпциге. Пользовался расположением Гиммлера. Со временем был переведен на работу в замок Вевельсбург.

Кроме перечисленных выше людей, в работе «Зондеркоманды Х» принимал постоянное участие «особый заключенный» концентрационного лагеря Заксенхаузен Герберт Бланк. Этот человек в свое время являлся одним из идеологов левого крыла НСДАП. Вместе с Отто Штрассером он покинул гитлеровскую партию и создал «Черный фронт», который был запрещен в Третьем рейхе как подрывная организация. После ареста от неминуемой расправы его спасло личное заступничество Генриха Гиммлера.

Кроме этого, СД привлекало для решения отдельных задач некоторых ученых, например, докторов Эбергарта Шмидера и Вильгельма фон Эренвиссена, а также профессоров Карла Юстаса Обенауера и Гюнтера Франца. Как мы видим, состав «Зондеркоманды» был достаточно представительным. В основном это были молодые люди, которые имели блестящее образование. Это еще раз подчеркивает, с какой серьезностью Гиммлер относился к этому проекту.

В 1981-м Гюнтер Франц в одном из своих докладов рассказал о беседе с Германом Раушнингом, национал-социалистическим диссидентом, который бежал в середине 30-х годов в Англию, где издал

ряд книг, разоблачающих Гитлера: «Говорит Гитлер», «Зверь из бездны». Так вот, Раушнинг, тогда еще высокопоставленный нацистский деятель, охарактеризовал воззрения Гиммлера следующим образом: «Его мало интересует новая история. Он всячески способствует изучению ведьм и еретиков, так как полагает, что в них жило германское культурное наследие».

Сама «Зондеркоманда» никогда не имела четкого места обитания. Вначале она ютилась в берлинском отеле «Принц Альбрехт». Затем перебралась в Лейпциг. В годы войны она базировалась в конфискованном польском замке. Формально она числилась в СД, при Главном управлении I/3. Ее точное обозначение выглядело следующим образом — СД I/323 X. Именно под этой сигнатурой она появлялась во всех официальных бумагах. Оказавшись в составе СС, все участники этого проекта получили не только эсэсовские звания, соответствующие служебные посты. Доктор Левин, к слову, занимал формально пост референта по вопросам образования и высшей школы при отделе «Жизненно важных сведений». После реорганизации СД в 1939 году Зикс стал непосредственно подчиняться шефу РСХА Рейнхарду Гейдриху. Теперь «Зондеркоманда X» действовала при Седьмом Управлении РСХА. Сам проект получил новое чиновничье наименование — РСХА VII С 3 — «Особые научные поручения».

Если говорить об истории Третьего рейха вообще и истории СС в частности, то никак нельзя обойти стороной пресловутую «борьбу компетенций». Она бушевала на всех просторах Германии. Между различными ведомствами, различными функционерами, всеми и вся. «Зондеркоманда X» не была исключением. В 1938 году произошел бурный и скоротечный конфликт между «Зондеркомандой» и «Наследием предков», которое 13 июня 1938 года было введено Гиммлером в состав своего личного штаба.

Остановимся на нем поподробнее. Начало этого конфликта было заложено задолго до возникновения «Аненербе» и «Зондеркоманды X». Дело в том, что в 1934 году была опубликована книга «Тайные культовые мужские союзы германцев», автором которой был Отто Хёфлер, ученый, принадлежавший Венской школе Рудольфа Муха. В этой работе он изображал раннее германское общество как результат существования героически-демонического культа умерших, который был поставлен мужскими союзами в центр всей социальной жизни. По мнению ученого, именно этот культ был источником возникновения всех религиозных, этических и социально-политических представлений в германском обществе. Именно тайные мужские союзы древности послужили прототипами для государства и всех общественных институтов. В конце работы

Хёфлер достаточно критически анализирует все идеалистические и романтические представления о древнем строе германцев.

Работа Хёфлера тут же подверглась нападкам со стороны партийных догматиков и поборников расовых идей. Главным объектом для атак стал вывод ученого о том, что ведьмы изначально преследовались тайными мужскими союзами. Действительно, при написании своей книги Хёфлер руководствовался научными, а не идеологическими соображениями. Он собирал этнографический материал, проводил параллели между различными народами, в том числе до сих пор пребывавшими на стадии первобытности. Отталкиваясь от средневековых европейских сюжетов об «ораве дикого охотника», «диких охотах», «набегах масок», он видел в этих мифологических событиях отголосок «террористических» действий тайных союзов, члены которых маскировались под мертвых, демонов и духов. Запуганное население воспринимало эти набеги вовсе не как действия замаскированных людей, а как акты реальных духов и демонов, которые требовали приношения жертв. Подобная трактовка прошлого никак не соответствовала нацистскому изображению древнего героического германца.

Более того, Хёфлер делал вывод, почти еретический для нацистской науки, — мужские союзы охотились в первую очередь на представительниц уходящего матриархального культа, которые впоследствии были изображены в качестве ведьм и колдуний. Таким образом, преследование ведьм было вовсе не этрусским пережитком, не преступлением католичества, а закономерной стадией в развитии общества. Более того, это было исконной функцией тайных мужских союзов германцев.

Хёфлер на многочисленных примерах показывал, что мотив охоты «диких охотников» за женщинами и ведьмами был общеевропейским. Если же говорить о скандинавских и германских сказаниях и сагах, то в них не прослеживалось ни малейшей симпатии к женщине, затравленной «дикой охотой». То есть в данной ситуации и речи не могло быть о том, что преследование ведьм было продиктовано азиатским влиянием на Европу. Во многих северных странах «охота» на женщину была чуть ли не обязательной процедурой, которая совершалась в соответствии с сакральными требованиями, а вовсе не из жадности или любви. В то же время древние саги и легенды передают образ ведьм и «колдовских аббатов», переполненных необузданной похотью. Проблема осложнялась тем, что почти все подразделения НСДАП: Гитлерюгенд, штурмовые отряды, СС — идеально подходили под образ «мужского союза». Как ни странно, но защиту Хёфлер нашел там, где меньше всего ожидал — в эсэсовском обществе «Наследие предков». Вальтер Вюст стал лич-

но покровительствовать этому ученому, которого ввели в штат Аненербе. Поначалу он даже должен был представлять это общество в только что присоединенной к рейху Австрии.

Но не стоило также забывать, что идеи, высказываемые Хёфлером, полностью противоречили установке Гиммлера, что «немецкую кровь изводили церковь и евреи». И если Левин считал, что колдовство доказывало исполинские противоречия между христианской рассудительностью и народной душой, то Вюст придерживался другой точки зрения. Он полагал, что христианство стало духовной властью, которая изменила немцев, а потому глубокая духовность народных верований могла быть эффективной только в нетронутом христианством обществе.

Как видим, и «Наследие предков», и СД претендовали на изучение колдовских процессов. Но в итоге Гиммлер решил, что исследованием этого вопроса должно заниматься СД, так как служба безопасности хотя бы по своему функционалу была ближе к проблеме борьбы с идеологическим противником в лице католической церкви. К тому же его явно не устраивали выводы Хёфлера, но Гиммлеру доставляло несказанное удовольствие позлить Розенберга, который не мог теперь критиковать Хёфлера, ставшего эсэсовским офицером.

Попытки руководства Аненербе как-нибудь обойти этот приказ не увенчались успехом. Но, тем не менее, некоторое время велась параллельная работа по одной и той же тематике. В 1938 году руководство «Наследия предков» даже преподнесло Гиммлеру рукопись, посвященную некоторым процессам над ведьмами, организованным инквизицией. Но вместо ожидаемого одобрения оно получило от рейхсфюрера СС изрядный нагоняй: «Аненербе не должно заниматься изучением обстоятельств процессов над ведьмами, так как это исключительная задача СД». Подобное распоряжение поступило в саму «Зондеркоманду Х». Более того, в приложении к этому приказу приводился текст рукописи, подготовленной в Аненербе. 22 июня 1938 года Вильгельм Шпенглер, уполномоченный Зиксом и Гейдрихом, обратился к имперскому руководителю «Наследия предков» Вольфраму Зиверсу с требованием передать ему все документы и наработки, касающиеся преследования ведьм и схожей тематики. Когда стало ясно, что конкуренции больше не будет, пришлось задуматься над планом предстоящих работ. Рудольф Левин, как формальный глава «Зондеркоманды», написал программу действий, которая состояла из следующих пунктов: расовые и исторические последствия процессов над ведьмами, роль женщины в этих процессах, обзор соответствующей литературы и составление тематической библиографии. За непосредственное выполнение про-

граммы «Зондеркоманды», называвшейся «Германские основы заблуждений о ведьмах», отвечал Эрнст Меркель. Интересны некоторые ее подпункты: «Германская магия. — Сила, исходящая от культа солнца. — Сравнение с формами волшебства Передней Азии». Как видим, интерес сотрудников «Проекта X» выходил далеко за рамки преследования ведьм.

Учитывая академическое образование большинства членов «Зондеркоманды X», с выполнением последнего пункта программы у них особых трудностей не возникло. Вначале были досконально проверены фонды лейпцигских библиотек. За время осуществления «Проекта X» эсэсовцы обработали более двух тысяч немецких библиотек. Наиболее ценные материалы копировались и направлялись либо в замок Вевельсбург, либо прямо в СД. То, насколько досконально эсэсовские специалисты изучали соответствующую литературу и документы, иллюстрирует один факт. В 1937 году в младоконсервативном журнале «Действие» («Ди Тат») один из членов «Зондеркоманды X», Бруно Брем, опубликовал статью «Современная охота на ведьм», в которой проводил многочисленные параллели между судилищами инквизиции и московскими процессами, прогремевшими на весь мир в том же 1937 году.

Любые исследователи, даже если они являлись частными лицами, начав сотрудничество с «Зондеркомандой X», должны были соблюдать определенную конспирацию и секретность. Это не было перегибом, так как все сотрудники «Проекта X» имели доступ к многочисленным секретным документам, касавшимся не только процессов над ведьмами, но и деятельности СС и всей нацистской партии. Любые поездки по стране сопровождались мерами повышенной секретности. Например, для того чтобы направиться в марте 1936 года к поэту Петеру Випперту, проживавшему на одном из островов Балтийского моря, Франц Зикс получил в свое распоряжение автомобиль гестапо, что было нарушением служебной субординации. В обычных условиях это было бы достаточно серьезным нарушением. Но любые действия «Зондеркоманды X» были окутаны завесой тайны и не разглашались. Поездка к обозначенному поэту была вызвана тем обстоятельством, что Випперт написал рукопись, в которой рассматривал оригинальные «колдовские» источники. В свое время он попытался опубликовать ее в издательстве Людендорфа, но книга попала под запрет. Скорее всего, интерес к этому произведению так никогда и не возник бы снова, если бы до руководства СД не дошли слухи о том, что у Петера Випперта находились оригинальные документы процессов над 240 ведьмами. Не надеясь заполучить оригиналы, эсэсовское начальство очень рассчитывало снять с них фотокопии.

Одновременно с «обработкой» фондов библиотек «Зондеркоманда X» пыталась проложить путь в немецкие архивы. Это было не так просто, как казалось на первый взгляд. Первые неприятности ждали эсэсовцев в Штутгарте. 11 июня 1935 года, то есть почти сразу же после передачи СС замка Вевельсбург, государственный архив Штутгарта посетил библиотекарь эсэсовского замка унтерштурмфюрер Ганс-Петер Коудрес. Там он запросил подробную справку о документах периода Крестьянской войны, повествовавших о преследовании ведьм. Руководитель архива Герман Херинг, известный противник «нового язычества», порекомендовал для начала ознакомиться с литературой по этому вопросу. Но в ответ прозвучало не менее наглое требование — именем рейхсфюрера СС передать все интересующие документы в замок Вевельсбург. Естественно, последовал отказ.

История получила свое продолжение осенью 1937 года, когда упрямый архивариус отказался передавать документы, несмотря на сильное давление сверху. Более того, он отказался допускать до работы с документами одного из офицеров СД, мотивировав это низкой квалификацией специалиста. И лишь 15 августа сопротивление Херинга было сломлено. Но и в этом случае речь шла не о передаче документов, а всего лишь об их фотокопировании. Подобный инцидент был далеко не единичным. Работникам «Проекта X» постоянно приходилось сталкиваться с нежеланием передавать им исторические документы из архивов. Для преодоления столь неожиданных трудностей в «Зондеркоманде X» пришлось даже создать специальный отдел, который бы занимался лишь получением необходимых согласований на работу в архивах и выемку документов. Если верить документам, то с бумажной волокитой эсэсовцы не столкнулись только в Баварском государственном архиве Нойбурга.

Надежды Гиммлера на скорейшую реализацию проекта не оправдывались. По задумке руководства СД архивы должны были присылать в «Зондеркоманду X» все запрошенные документы. Но на деле немногочисленным участниками «Проекта X» приходилось самим ездить по стране, неделями сидеть в архивах, делать выписки и зарисовки.

Но со временем эсэсовцы стали действовать более тонко и изысканно. Они перестали прибегать к прямым действиям. В отличие от случаев, когда эсэсовцев ждали неудачи, сотрудники «Зондеркоманды X» стали расширять свои «частные» контакты с исследователями и учеными. Эти добровольные помощники очень искусно маскировали деятельность «Проекта X». Перед тем как направиться в тот или иной архив, велась долгая переписка якобы от лица студентов или докторантов Лейпцигского университета. Те, естествен-

но, и не думали упоминать пресловутую «Зондеркоманду». Так, например, в 1941 году в Берлинский архив вначале пришел запрос о наличии литературы, посвященной средневековым процессам. В ходе переписки якобы соискатель на степень научной степени поинтересовался наличием документов, которые касались темы его диссертации «Процессы над ведьмами, волшебство и суеверия».

Другим приемом для добычи документов являлось составление и уточнение данных по генеалогии семей, в которых числились ведьмы и колдуньи. Этим вопросом, как правило, занимался непосредственно Рудольф Левин. В этом направлении деятельности возникало гораздо меньше проблем, так как для составления родословной требовались в основном лишь выписки из церковно-приходских книг, а в некоторых случаях городских хроник и летописей. За подобную деятельность полагалась небольшая оплата из фондов СД, от которой служащие небольших городов, само собой разумеется, не отказывались. Но по-настоящему в полную силу «Зондеркоманда X» заработала, когда заручилась поддержкой «Семинара вспомогательных исторических наук исторического факультета Лейпцигского университета». Именно эта структура стала направлять запросы в различные архивы Германии. Для прикрытия Рудольф Левин был оформлен в этой структуре как внештатный сотрудник, который занимался написанием статьи о «духе позднего Средневековья». Подобное прикрытие не просто открыло двери почти во все немецкие архивы, но даже в частные фонды, фактически контролировавшиеся католической церковью. Попробуй эсэсовцы проникнуть в них в своей форме и со своими документами, они неминуемо получили бы от ворот поворот.

Но и здесь не обошлось без накладок. Например, в коммерческом отделе Лейпцигского университета вызвали если не переполох, то изрядное удивление огромные счета, предоставленные архивом г. Бамберг. Дело в том, что сам Райссманн не являлся сотрудником университета, а лишь некоторое время учился в нем, так и не получив долгожданного диплома. Но скандал удалось вовремя замять, и ситуацию оперативно исправили.

Затем позиции «Проекта X» усилилась, когда Франц Зикс стал не только учредителем, но и деканом зарубежного научного факультета в Берлинском университете. После этого документы и выписки из исторических актов направлялись к нему на кафедру. Их обработка была поручена специально выделенным офицерам СД.

Подобная «конспирация» соблюдалась не только в рамках «Проекта X», но и при исследованиях масонства, которыми также занималось СД. Эсэсовская служба безопасности, учтя свои ранние ошибки, предпочитала вообще больше не использовать собствен-

ные бланки. Все письма, проходящие по этим делам, адресовались на частный адрес: Берлин, Вильмерсдорф, Эмзер-штрассе, 12—13.

Кроме частных исследователей и научных структур, СД использовала для прикрытия такую организацию, как Имперское студенческое руководство, главой которого 6 ноября 1936 года стал Густав Адольф Шеель — старый знакомый Зикса.

Со временем «Зондеркоманда X» стала прибегать к подобной маскировке только в тех случаях, где могла столкнуться с бюрократическими препятствиями. С началом войны эсэсовским специалистам нередко удавалось заполучить желаемые документы, ссылаясь на воздушные налеты и необходимость эвакуации наиболее ценных исторических актов в более защищенные места, чем здания архивов. В ходе осуществления подобной эвакуации специалисты «Зондеркоманды X» беспрепятственно знакомились с любыми интересующими их архивными фондами. Если же руководство архивов прознавало об этом, то получало ответ, что сотрудники СД использовали документы вовсе не для подготовки какой-то научной публикации, а лишь для составления статистики, необходимой руководству СС. Документы, как правило, тут же копировались, либо переписывались.

Что касается качества самой работы сотрудников «Проекта X», как уже говорилось выше, почти все они имели высшее образование, но это еще не было залогом их высокой квалификации. Именно по этой причине руководство СД проводило для «Зондеркоманды X» неоднократные курсы повышения квалификации. Первые курсы были начаты в октябре 1936 и длились до мая следующего года. Интересно, на каких темах было решено сосредоточить внимание сотрудников «Проекта X». Кроме общих лекций по истории средневековой Германии, эсэсовцам преподавались такие узко специфические дисциплины, как архивоведение, палеография и искусствоведение. И при этом ни одной политической лекции! Обучение должно было вестись силами специально созданного при СД «научного подразделения». Вторые курсы повышения квалификации начались во второй половине 1942 года. На этот раз лекции по вспомогательным историческим дисциплинами читали сугубые специалисты дирекции Центрального архива Пруссии. Скорее всего, поводом для проведения вторых курсов повышения квалификации стали ошибки и неточности, обнаруженные Эрнстом Меркелем в картотеке «Зондеркоманды X». На этот раз обучение носило не только теоретический характер — все обучающиеся должны были выполнять специальные палеографические упражнения и задания.

Нынешние исследователи «колдовской картотеки» Генриха Гиммлера считают, что многочисленные погрешности и неточности

вызваны исключительно недостаточным образованием сотрудников «Проекта Х». Но тут нельзя списывать со счетов и такие факторы, как сжатые сроки, отведенные руководством СС «Зондеркоманде Х» для выполнения ее задания, специфическую социальную обстановку и атмосферу, царившую в Третьем рейхе. К тому же не стоит забывать, что единственным критерием оценки деятельности «Зондеркоманды Х» был рост картотеки, куда заносились колдуньи и ведьмы, а вовсе не качество обработки материала. Гиммлера интересовали вовсе не научные открытия, а пропагандистские материалы и формирование собственной эрзац-религии. А теперь можно прибавить к этому нежелание многих немецких архивов работать с эсэсовскими службами. Так что ошибки совершались, как правило, отнюдь не из-за низкого уровня образованности эсэсовцев, а по ряду совершенно других субъективных причин.

Естественно, работа сотрудников СД не шла ни в какое сравнение с научными разработками ученых по этой тематике. Но специалисты «Проекта Х», повторюсь еще раз, не брали на себя ответственность за научные разработки, они вели простой учет зарегистрированных случаев колдовства. К тому же не стоит забывать, что в годы войны исследования колдовских процессов было очень затруднительно приравнять к важным военным задачам.

Итак, главным результатом 9-летней деятельности «Зондеркоманды Х» стала так называемая «колдовская картотека», в которой содержались сведения о 3670 казненных ведьмах и наличествовали 33 846 карточек о проведении расследований по делам колдуний. Кроме этого, картотека содержала в себе множество выписок, копий документов, обширную библиографию, составленную эсэсовцами. Из-за войны фактически сорвалось осуществление таких начинаний, как публикация специальных книг в издательстве «Нордланд» и съемка специальных исторических фильмов по колдовской тематике.

Сама «картотека» состояла из карточек, образцы которых были лично разработаны Шпенглером. В каждой карточке, являвшейся белым бумажным листом формата А4, содержались 57 полей. Большая часть деятельности сотрудников «Зондеркоманды Х» состояла в том, что они, сидя за письменным столом, переносили добытые в архивах сведения в соответствующие графы «колдовской карточки». Как правило, эти формуляры никогда не заполнялись полностью, так как сведения о ведьмах нередко носили куцый характер. До сих пор непонятно, чем руководствовался Шпенглер, когда составлял эти формуляры. Скорее всего, он опирался на «Атлас немецкой этнографии».

Процесс заполнения формуляров тоже не был простой формальностью. Он проходил в несколько этапов. На каждом этапе тре-

12 — 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20

1. Name: Wendling
2. Schreibweisen:
3. Vornamen: Kunigunda
4. Mädchenname:
5. Stand: Schneiders burgers Hausfrauen
6. Wohnort: Rheinfelden
7. geb. am: 8. wo: 9. gest. wann:
10. ledig 11. verh. 12. verw. 13. kath. 14. prot. 15. ref.

16. Familienverhältnis:
17. Kinderzahl:
18. Besitz:
19. Verwandte:
20. Anzeichen:
21. Rasse:
22. Stellung zur Kirche:

23. verhaftet am: 20. August 1613
24. Grund: Zauberei, Hexerei
25. Gefangenschaft und Folter:
güet- und peinlich befragt

26. Geständnis: Unzucht, Tanz, Zauberei
Am 26. August 1613 wurde das Geständnis nochmals verlesen, das sie aber leugnete
27. Urteil: lebendiges Verbrennen
28. Hinrichtung: erst enthauptet, dann verbrannt
29. allein 30. mit:

31. Lit. u. Qu. angb.

32. Akte ft. i. Vbbg. mit:
33. Sachbearb.: Le/We | 34. Tag: —1. Sep. 1936

35. Ort: Rheinfelden 1613
36. Zeit:
37. Herrschaftsgebiet:
38. kath. 39. prot. 40. ref. 41. weltl.
42. Reg. Herr:
43. Führend. H.-Bekämpfer:

44. Stellung d. Bischofs:

45. Stellg. d. Orden:

46. Ankläger:
47. Denunziant:
48. Geistl. oder weltl. Gericht:
49. Richter:
50. Beteiligte Personen: Schöffen: Lux Speichen, Georg Walters, Hans Trotten, Geög Lettremen, Phillip Völtzols, Hans Treyl, Max Steinlins
51. Gutachten:

52. Beteiligte Geistl., Orden, Inquisitoren:

53. Folterknechte:
54. Scharfrichter:

55. Prozeßakte in: St. A. Freiburg Akten Breisgau Generalia Fasc. Nr. 3340
56. Abdrucke:
57. Bildl. Darstellg.:

Карточка из «колдовской картотеки» Гиммлера

бовалось согласование соответствующего начальства. В итоге каждый из формуляров оказывался на столе у руководства «Зондеркоманды Х», где также визировался. Лишь после этого формуляр поступал в картотеку. Какие же поля содержались в формуляре? Имя колдуньи, место ее рождения, место казни, обвинение, выдвинутое против нее, литература или источник, в которой говорилось о ней. А также малопонятные графы «Проблемы I — ... VIII».

То, что закрытая по своей сути деятельность «Проекта Х» была ориентирована главным образом на подготовку активной антиклерикальной политики, спасло «Зондеркоманду Х» от открытого обсуждения результатов, которых удалось достигнуть. Кроме этого, Гиммлер рекомендовал руководству СД ***как можно позже*** оглашать итоги деятельности и воплощать в жизнь наработки «Зондеркоманды Х». Рейхсфюрер не хотел раньше времени вызвать негативную реакцию со стороны консервативных церковных кругов, осложняя тем самым работу сотрудников «Зондеркоманды Х». Опасения были вполне справедливыми. Как мы могли заметить, многие работники архивов, являвшиеся католиками, весьма неохотно шли на сотрудничество с эсэсовцами, высказывавшими идеи «нового национал-социалистического мира». Поначалу эсэсовские исследователи могли реализовать свои наработки в подготовке справочников, посвященных мировоззренческим врагам национал-социализма. Они принимали активное участие в подготовке словарных статей «масоны», «евреи», «современные секты». Их публикации можно было также обнаружить в журнале «Народ в процессе становления», издаваемом одним из главных национал-социалистических философов Эрнстом Криком. В этом журнале Франц Зикс опубликовал статью о конструкции клятвы масонов, Герберт Хаген совместно с Адольфом Эйхманном разрабатывал планы о переселении евреев. Одним из немногочисленных исключений — текстом, в котором затрагивалась проблема ведьм — была статья «Сожженный бог». В ней приводились длинные цитаты из «Руководства инквизитора», которые автор, скрывавшийся за литерами «Фр. М.», обнаружил в одном францисканском монастыре. Только посвященные могли знать, что статью написал Фридрих Муравский (Фр. М.), который в то время занимался изучением проблемы сопротивления германского населения «инородной католической вере». А вот статью Шпенглера и Левина «Проблема миссионерства в Германии» опубликовать не удалось. По словам самого Шпенглера, эта публикация с точки зрения «Проекта Х» была идеально проработана. Ее лейтмотивом была борьба «германских жизненных сил с врагами немецкого духа». В категорию последних зачислялись: христианство, масонство, иу-

даизм, марксизм. Именно с ними вел незримую борьбу немецкий народ, создав специфическую национальную структуру.

Нацистский журнал с пометкой особого «Проекта X».

В 1942 году Рудольф Левин подготовил список публикаций, которые должны были быть напечатаны в рамках «Проекта X». Новые статьи должны были принципиально отличаться и по форме и по содержанию от всех предыдущих материалов. Кроме этого, в СД были запланированы специальные книжные серии, которые бы освещали отдельно взятые проблемы. Например, в издательстве «Нордланд», принадлежавшем «Наследию предков», предполагалось напечатать многотомную серию «Источники и изложение масонского вопроса». После предполагаемой защиты диссертации Рудольфа Левина планировалось начать выпуск двух других книжных серий: «Источники и изображения политической церкви» и «Источники и комментарии по вопросу-X». Рукопись диссертации Левина была признана скандальной, и ее отказались принять к рассмотрению в Мюнхенском университете. Уровень диссертации, видимо, действительно был очень слаб, так как отказ поступил от декана Вальтера Вюста, который, как мы помним, был куратором Аненербе. Не меньшее разочарование ждало и Эрнста Меркеля. Руководство СД обещало ему поспособствовать с защитой диссертации. Но декан философского факультета Гиссенского университета отказался принять рукопись к рассмотрению. В ответе, пришедшем к Меркелю, говорилось, что его работу рассмотрят после окончания войны.

Если говорить о популярной, или как выражались в Третьем рейхе, «народной» литературе, то работу над этим направлением рейхсфюрер СС поручил Фридриху Норфолку. Норфолк, немецкий писатель из Судетской области Чехословакии, был неоднократным лауреатом Имперских литературных премий. В поле зрения Гиммлера и Зикса он попал еще в 1940 году. В начале июня этот литератор был зачислен в штат 7-го Управления РСХА и в течение двух месяцев работал с документами и картотекой «Проекта X». Тогда Норфолку поступил заказ — через полгода написать исторический

роман, основой для которого послужили события в Оснабрюке. 12 мая 1943 года литератор даже заключил на публикацию романа договор с издательством «Нордланд». Позже идея написания романа переросла в намерение создать трилогию, посвященную ведьмам. На эту задачу Норфолку отводилось около трех лет. Когда Гиммлер увидел наброски к этому произведению, то решил, что работа Норфолка не решала поставленных задач. После этого он рекомендовал писателю создавать короткие истории (80—100 страниц), которые рядовой немец мог бы прочесть достаточно быстро. Но близился конец войны, и про «колдовские книжки» очень быстро забыли.

В недрах СД возникла также идея создать специальные иллюстративные альбомы, которые как бы дополняли предполагаемые книжные серии. Первый альбом должен был приводить не только изображения ведьм, адских картин и инфернальных существ (вампиров, оборотней и т.д.), но и тех, кто с ними боролся: папы, инквизиторы, палачи. Во втором томе планировалось опубликовать рисунки, изображающие казни, пытки, судебные процессы над колдуньями. В том же альбоме намечалось поместить в качестве приложения факсимиле наиболее интересных документов, касавшихся преследования ведьм. Впрочем, этот проект, предложенный Рудольфом Левиным в январе 1942 года, так и не нашел своего продолжения. Схожую мысль в свое время, кстати, высказывал Шпенглер, который совершал поездки по всей Германии. По возможности он фотографировал «памятные места» (башни ведьм, камеры пыток, орудия истязаний и т.п.). Он даже предполагал создать специальную коллекцию фотографий подобной тематики, но служебные дела не позволили ему сделать этого.

Следуя последнему слову техники, рейхсфюрер СС решил, что в «Проекте X» необходимо использовать такое мощное средство пропаганды, как кино. Уже знакомый нам Норфолк, пребывавший в тот момент в Лейпциге, должен был не только состряпать «колдовскую трилогию», но и проявить талант драматурга и написать сценарий для «колдовского кино». Но Гиммлер переоценил способности Норфолка. В итоге «Кинопроект X» достался гауптштурмфюреру СС Хайнцу Баллензифену. В свое время этот человек был сотрудником Министерства пропаганды, которое возглавлял Йозеф Геббельс. Баллензифен принимал самое активное участие в создании антисемитской агитки «Вечный жид». Правда, кино о ведьмах он так и не снял. Но после своего двухлетнего сотрудничества с «Зондеркомандой X» получил весьма неплохой пост начальника «еврейского сектора» в РСХА.

Особый момент в истории «Проекта X» наступил, когда немецкая армия буквально за какие-то полгода смогла оккупировать

большую часть Европы. Теперь сотрудники «Зондеркоманды X» не стесняясь проводили конфискации во всех архивах, библиотеках и частных коллекциях. Но вот что интересно, большая часть специфической литературы, попавшей в руки СС, направлялась вовсе не в штаб-квартиру СД или Вевельсбург. Ее направляли в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Именно там содержался «особый заключенный» — Герберт Бланк. Этот человек в свое время был одной из самых ярких фигур в «левом крыле» НСДАП. Он вместе с Отто Штрассером покинул гитлеровскую партию и начал яростную борьбу против фюрера. Именно Бланк был автором знаменитого разоблачительного памфлета «Гитлер = Вильгельм III». После прихода к власти нацистов он не успел скрыться из страны и был схвачен гестапо. Его судьба была предрешена, если бы Гиммлер не проявил интерес к оппозиционному публицисту. Дело в том, что Герберт Бланк был известен не только как левый национал-социалист и сподвижник Отто Штрассера, но и как автор нескольких исторических романов и эссе, затрагивавших историю крестьянской войны. По сути, Бланк был дублером Норфолка. Даже не подозревая, для чего проводится эта работа, он охотно обрабатывал предоставляемые ему материалы, делал наброски статей и рассказов. Может быть, только благодаря этому ему удалось не сгинуть в аду концлагеря.

Сюжет, касающийся осуществления «Проекта X», на самом деле порождает больше вопросов, нежели ответов. Почему сотрудники изучали не только акты и документы, но и основы магии? Какие разработки удалось осуществить членам «Зондеркоманды»? Почему в один момент «Зондеркоманда X» перебралась из удобного Лейпцигского книгохранилища в неуютное здание Берлинской масонской ложи? На некоторые вопросы о деятельности «Зондеркоманды» так и не удалось ответить потому, что многие документы, освещающие ее деятельность, погибли во время войны. Можно уверенно сказать только одно: Гиммлеру в очередной раз не удалось достигнуть своей цели — он не смог создать стройное и логическое «здание» новой немецкой религии.

Глава 6

ГЛАВНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ С МИСТИЧЕСКОЙ ПОДЛОЖКОЙ

Тематику документальных фильмов, снятых в Третьем рейхе, едва ли можно назвать разнообразной: история отдельных городов и местностей, повествование о буднях отдельных социальных слоев (особое внимание здесь уделялось молодежи), отчеты о путешествиях и мероприятиях, организованных национал-социалистической

организацией «Сила через радость». Кроме этого, почти каждое нацистское подразделение снимало собственные рекламные ленты, которые проще назвать роликами. Эти киноленты отличались друг от друга как по убедительности, так и художественному качеству. Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс из года в год требовал от кинематографистов, чтобы те производили более убедительные с художественной точки зрения фильмы. Для него пропаганда была искусством, а искусство являлось разновидностью пропаганды. Творчески организованная пропаганда была для него неким «благородным искусством народной психологии», которая должна была не только поспособствовать возникновению у Третьего рейха «привлекательной физиономии», но и «помочь» людям фактически начать новую жизнь.

В этом отношении кино должно не просто навязывать немцам национал-социалистическую идеологию, но делать это искусно, избегая очевидных клише. Ганс Рихтер описывал эту ситуацию как «циничную шутку эволюции». «Проявив себя мастерами кино, нацисты были вынуждены показывать правду, так как они понимали, что лучше всего лгать, опираясь на факты».

В документальном кино, не суть важно, шла ли в нем речь об истории Германии, буднях городов и сел, едва ли не обязательным моментом был поиск неких исторических знаков и символов, долгое время забытых, а то и вовсе запрещенных. В итоге преподносился патетичный вывод — лишь победа национал-социализма дала этим древним традициям новую жизнь. Эти знаки истории должны были являться не только призывом к сохранению вековых традиций, но неким намеком на обязанность каждого отдельного человека соответствовать в любой ситуации исторически выверенным образцам.

В гигантском количестве фильмов были упоминания об орденах, которые всегда имели большое значение для мистических и оккультных организаций. Орденские сообщества с конца XIX века имели одинаковое влияние на формирование как оккультных, так и политических группировок. С одной стороны, этому способствовал тот факт, что ордена всегда имели четкую иерархическую структуру, в которой каждый занимался четко отведенной ему деятельностью. С другой стороны, этому содействовало восприятие ордена как некой религиозной общины. С данной точки зрения каждый член ордена был обязан не только разделять общую веру, но и хранить некое подобие тайны, которая облагораживала орден и давала ему незримую власть. Возникновение в начале XX века некоего подобия средневековых орденов (Германский орден, общество «Туле» и др.) в итоге как бы предвосхищало возникновение самого национал-социализма, ибо и эти организации, и широкое нацистское движение

активно выступали за «оздоровление арийской расы». Вольфрам Эшенбах и Рихард Вагнер (впрочем, как многие другие) описывали легендарный орден рыцарей Грааля как организацию благородных, сильных и целомудренных мужчин, решивших отречься от благ этого мира.

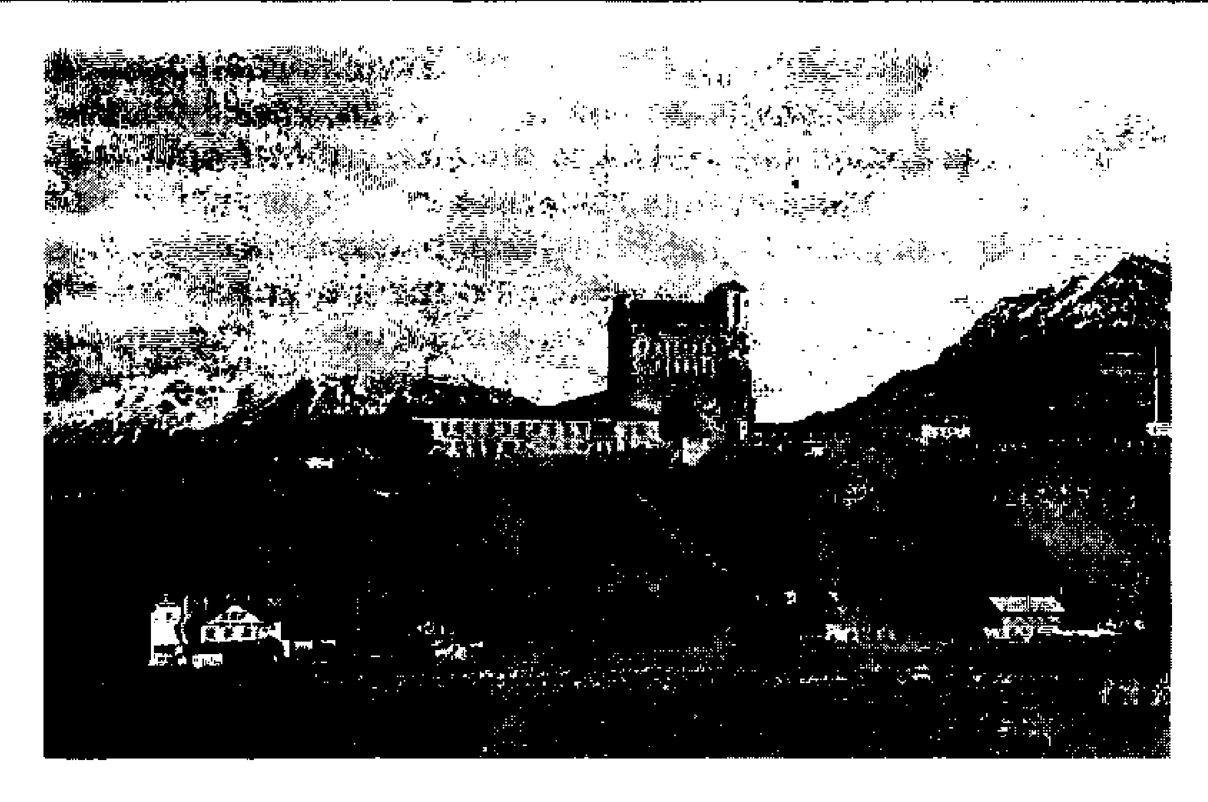
В архивах сохранился старый фильм, выпущенный в 1925 году. В нем достаточно подробно и обстоятельно описывалась суть и строение орденской организации как таковой. В нем речь шла о Младогерманском ордене. Несмотря на то что созданный Артуром Марауном в 1920 году Младогерманский орден позже объединился с Демократической партией, фильм можно трактовать как протофашистское явление. Этот пример наглядно демонстрирует, что многие элементы и явления, в настоящий момент однозначно трактующиеся как нацистские, на самом деле не являлись оригинальными наработками гитлеровской партии. Многие типажи из нацистских фильмов появились на экране задолго до 1933 года. Если говорить в целом, то и сами представления об орденском устройстве политической или религиозной организации отнюдь не являлись монополией и отличительной чертой ультраправых. Сама же эстетика упомянутого выше фильма, его пафос во многом соответствовали некоторым документальным лентам Третьего рейха. Возьму на себя смелость предположить, что фильм о Младогерманском ордене стал неким предшественником таких нацистских фильмов, как «Гитлерюгенд в горах» (1932), «От борьбы к победе» (1937), «Сила и красота» (1940). Но напомню, речь идет о чисто художественной стороне фильмов, их эстетике. На самом деле между организаций Артура Марауна и Гитлерюгендом не существовало никаких связей. Снятый в 1925 году фильм о Младогерманском ордене начинался с озвученного текста, возникшего на темном экране. «От катастрофы нас может спасти дело, которое называется воспитанием. Преданность и верность всему немецкому должны содействовать тому, чтобы наш род вновь производил крепких и настойчивых мужчин, которым не ведомы сомнения. Каждый немецкий юноша должен заниматься народным спортом и путешествовать. Народный спорт означает работу над всем народом. Прогулки и спорт должны прорастить в младогерманской молодежи мужские качества и любовь к природе». Далее шли кадры, когда 14—15-летние юноши под руководством уже немолодого мужчины маршировали с флагами по горам в направлении какого-то замка. В замке они останавливаются на ночевку. Раннее утро начинается для них с побудки и умывания во дворе замка. Перед началом ежедневной работы на природе эти юноши читали молитву. Далее демонстрировались различные виды спортивных соревнований, в том числе рубка деревьев. После окон-

чания игр все бегут к реке купаться и начинают готовить обед. Затем шли небольшие зарисовки: ежегодный вооруженный смотр младогерманцев во главе со своим вождем; 1925 год, Дортмунд, гроссмейстер Младогерманского ордена во главе марширующей колонны. После этих кадров подводится итог: «Германия снова станет великой и сильной, если мы денно и нощно будем работать над закалкой и исцелением нашего больного народа. Германия снова станет свободной, если мы снова станем единым народом, а при помощи народного спорта избавимся от изнеженности».

Создатели этого фильма наглядно продемонстрировали свою приверженность не только идеям физического воспитания, но и следование антимодернистским идеям, активно пропагандируемым в работах Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса.

Стоит заметить, что до 1933 года эзотерическую терминологию и оккультные идеи использовали многие политические группы, которые нередко вовсе не собирались ориентироваться на нацистов. В то время оккультизм был очень популярен в широких слоях немецкого населения. Но зачастую оккультные построения не оказывали никакого влияния на политическую ориентацию той или иной организации. Да и сами нацисты не собирались открыто провозглашать свое движение каким-то мистическим порождением. Но орденские идеи, подобно тем, что высказывались младогерманцами, в Третьем рейхе играли очень значительную, если не сказать решающую, роль при формировании нового общества. Стоит хотя бы вспомнить о тайной речи Гитлера, произнесенной им в «орденском замке» (орденсбурге) Зонтхофен. В ней фюрер провозглашал, что НСДАП являлась не чем иным, как политическим орденом. «Она (нацистская партия) должна представлять собой орден, который должен гарантировать стабильность формирования немецкой воли, а потому обеспечивать стабильность политического руководства... Наша демократия базируется на двух постулатах: 1) на каждой вплоть до самой мелкой должности ответственность должен нести назначенный сверху, а не избранный человек; 2) он должен обладать безусловным авторитетом у подчиненных и нести абсолютную ответственность перед начальством».

Но прежде чем произнести эту тайную речь в 1936 году, подобная мысль была высказана им в документальном фильме «Триумф воли»: «Партия в будущем будет заниматься отбором руководящих кадров для народа. В своем учении она будет постоянной, в своей организации — твердой как сталь, в своей тактике — гибкой и эластичной. В целом она будет подобна ордену!» Созданная по образцу ордена, нацистская партия нуждалась в таких же строениях — орденских замках. Для того чтобы вскармливать новую элиту в Треть-

Орденсбург Зонтхофен

ем рейхе, было создано несколько «орденсбургов»: Крёссинзее, Фогельзанг и Зонтхофен. Замкам нового ордена было посвящено несколько фильмов, в частности «Строения Адольфа Гитлера» (1938) и «Здания новой Германии» (1941). Исторические параллели между нацистским орденом и его замками как бы оправдывали натиск Германии на страны Южной и Восточной Европы. Документальный фильм «Восточная Пруссия — страна немецкого ордена» (1937 г.) начинался с показа музейной выставки, где были выставлены древние предметы, которые якобы доказывали права немцев на территорию Восточной Европы. Эта мысль подробно комментировалась диктором: «Восточная Пруссия являлась немецкой землей с древнейших времен. Лучшим доказательством ее немецкой принадлежности являются находки, которые датируются незапамятными временами... В 1226 году император Фридрих II передает Восточную Пруссию магистру «Немецкого ордена». Передает навеки, свободную от какой-либо повинности, освобожденную от налогов и не ответственную ни перед кем». Само повествование в фильме ведется на фоне чудесных пейзажей со следами отчетливого пребывания здесь некогда «Немецкого ордена». Показываются многочисленные замки и их сокровища. Подчеркивается, что в соборе Фрауэнбурга самые великие астрономы Германии начинали создавать теорию о Вселенной. В качестве апогея этого иллюстративного ряда демонстрируется Мариенбург. Диктор вещает: «Мариенбург — прекраснейшее и благороднейшее крепостное сооружение в Европе. Оно слу-

жило резиденцией магистра «Немецкого ордена» во времена его процветания. Это один из самых чудных примеров готического стиля в кирпичной архитектуре». После подробного осмотра внутреннего убранства замка камера останавливается на группе девушек, благоговейно замерших перед изваянием рыцаря с мечом. Камера наезжает на постамент, на котором значится надпись: «Эта страна останется немецкой. 11 июля 1920 года». Голос за кадром вещает: «Как во времена немецких рыцарей, так и сейчас Мариенбург является стражем немецкого мира». Камера направляется в хмурое небо.

Главный идеолог гитлеровской партии Альфред Розенберг в 1934 году произнес в Мариенбурге речь, где провел параллели между организациями немецких рыцарей и «национал-социалистическим орденом». Он заявлял, что «Германия восстает из пепла в совершенно новой форме, которая здесь, в Мариенбурге, ощущается вместе с тем как древняя. Это форма государственности, присущая «Немецкому ордену». А это значит, что национал-социалистическое *движение решило* из всех 70 миллионов немцев отобрать и объединить воедино некое ядро, которое бы занималось особым поручением — государственным руководством». Мариенбруг как цитадель «Немецкого ордена» показывался в многочисленных фильмах еще задолго до прихода нацистов к власти: «Немецкое Балтийское море» (1928), «Острова Восточной Пруссии» (1929). Но в Третьем рейхе эта тема в документальном кино приобрела особое значение.

В фильме «Курс на восток» (1941) зритель мог видеть группу юношей из Гитлерюгенда, которые присутствовали при закладке корабля «Мариенбург», а затем направлялись в поездку по Восточной Пруссии. Голос за кадром провозглашает: «Лишь в XIII веке «Немецкий орден» сделал эту страну цивилизованной и построил здесь более 150 замков». Здесь проводились параллели между немецкой армией и немецкими рыцарями. Но особое внимание во многих документальных фильмах о Восточной Пруссии уделялось церемониальному комплексу Танненберг. Подобные «святыни» имели чрезвычайное значение для формирования национал-социалистической обрядности. Для тех, кто не мог посетить их, создава*лись многочисленные* фильмы. Любая группа, любое общество, которое намеревается быть консолидированным, нуждается в подобных местах. Это не просто память о каких-то событиях, это зримый символ единства. В подобных «святых» местах люди и пространство входят в некую взаимосвязь.

Но новому режиму требовались новые святыни. Среди множества возникших в начале 30-х годов культовых мест национал-социалистического движения можно было выделить три главных: зал

героев на родине нацистского движения в Мюнхене, Нюрнбергская площадка для проведения имперских съездов НСДАП и гора Бюркенберг близ города Хамельн, где ежегодно проводился «Праздник урожая». О последнем сообщалось не только в выпусках киножурналов. Фрагменты нескольких «Праздников урожая» можно встретить в фильме «Устройство памятных святилищ». В нем говорилось о том, с какой тщательностью идет сооружение новых святилищ. Мюнхенскому культовому комплексу было посвящено несколько фильмов: «За нас», «Вечная вахта» и «9 ноября 1935 года».

В фильме 1941 года «Здания новой Германии» были показаны эти квазирелигиозные сооружения новой национал-социалистической религии. В самом фильме вполне отчетливо звучала мысль: «Внутренне обновляющиеся, передовые народы всегда были нациями, которые активно занимались строительством». Кадры из этого фильма: побережье Северного моря. В одном из селений создается подобие квадратного общинного жилища. Над этим приземистым зданием возвышается небольшая деревянная колокольня, откуда доносятся звуки колокола. Двухстворчатая дверь в этот «мемориал» словно охраняется двумя скульптурными фигурами: воина с коротким мечом и крестьянина. Внутренняя отделка по-спартански проста. Если бы здесь появился крест, то можно было подумать, что показывают сельский протестантский храм. Под сводами этого мрачноватого сооружения оказывается группа юношей и девушек, которые почти не отличаются друг от друга ни по одежде, ни по прическам. Затем они как бы переходят в массивные крепостные сооружения «орденсбургов» Зонтхофен и Фогельзанг. Их сменяют кадры, показывающие ритуалы, проходящие в Мюнхене у церемониального комплекса «мученикам движения», и торжества на Нюрнбергском партийном съезде. Показанные на фоне древних строений новые сооружения вызывают некий религиозный трепет.

Другие фильмы возводят подобную взаимосвязь между прошлым и настоящим на некий мистический уровень. В качестве примера можно привести ленты «Красная скала» и «Вормс — город Нибелунгов». Полный героического пафоса фильм «Красная скала» повествовал о сложной жизни на острове Хельголанде. «Одинокий, предоставленный сам себе остров, находящийся в бурном море, противится зимней стихии». Новый режим облегчил жизнь островитян. Показываются радостные лица туристов, которые переполняют Хельголанде. И опять уже привычные элементы: замок, святые места, взывание к предкам и их воинственности. Фильм «Вормс — город Нибелунгов» является одним из важнейших «арийских кинотворений» Третьего рейха. Этот «древний императорский город» был представлен исходной точкой эпохального исторического раз-

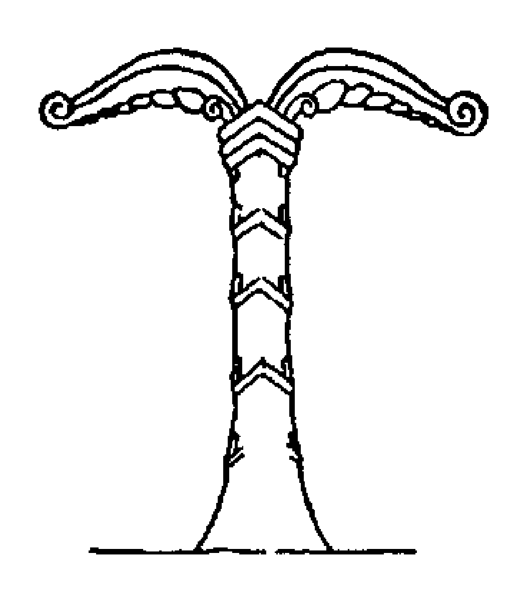
вития Германии, которое достигло своего апогея с наступлением Третьего рейха. «Там, где Рейн, судьбоносный путь Запада, пересекается с древнейшим путем Нибелунгов, который связывал Восток и Запад, посреди плодородных благодатных земель находится город Вормс, резиденция королей и Нибелунгов. Его можно назвать немецкой Троей. Там еще видны остатки римских построек». Как видим, очень многие документальные фильмы погружали зрителя в некую мифическую реальность, где прошлое и настоящее становилось единым целым.

Но эта мифическая реальность была отнюдь не главным назначением нацистских документальных фильмов. Культивирование новой политической религии требовало популяризации новых обрядов и нового культового церемониала. В этом отношении самым примечательным является фильм Лени Рифеншталь «Торжество веры». Это 50-минутное творение гениальной немки было малоизвестным широкой публике. Его можно назвать старшим братом почти культового фильма «Триумф воли». В 1933 году Гитлер озаботился тем, что в Нюрнбергском съезде могут принять участие далеко не все немцы, а стало быть, культивация новой религии может затормозиться. Киноизложение торжественных событий в Нюрнберге идеально подходило для реализации этого начинания. В литературе этот фильм нередко называется утраченным, на самом деле после событий 1934 года его перестали демонстрировать, так как в кадрах очень часто встречался Эрнст Рём, убитый в ходе «ночи длинных ножей». Вообще-то про партийные съезды НСДАП было снято три фильма: «Партийный съезд 1929 года», «Торжество веры» и «Триумф воли». Примечательно название второго фильма, на котором мы и остановим свое внимание — «Торжество веры». Уже в самом наименовании заложена мысль, что победа Гитлера и возникновение Третьего рейха были неким немецким чудом, а сама национал-социалистическая идея не могла быть логически постижима, поскольку была подобна религиозной вере. В этом отношении очень интересен ход, найденный Рифеншталь. Фильм фактически начинается с того, что в Нюрнберг, готовящийся к торжествам, на самолете прибывает Гитлер. Сам факт, что Гитлер спускается к простым смертным с неба, должен навевать религиозные ощущения. Позже этот ход она повторит в «Триумфе воли». Следующие за этим кадры только укрепляют мистическое впечатление. Спустившегося с неба Гитлера приветствуют ревущие и ликующие толпы. В данном контексте можно говорить об изображении фюрера в качестве некоего божества. Не потому ли на фоне рева тысяч людей слышится гул колоколов?

А вот еще одно забавное наблюдение. Все нацистские съезды открывались с увертюры из оперы Р. Вагнера «Риенци». Август Кубчик, друживший в юности с Гитлером, рассказывал, что Адольф всегда замирал, когда в опере люди приветствовали народного трибуна: «Хайль Риенци!» После одной из таких сцен якобы Гитлер заявил: «Я обязательно стану оратором». А вот еще интересный момент. Именно в этом фильме впервые общественности был продемонстрирован обряд освящения партийных знамен. Гитлер прилагает к каждому из нацистских флагов полотнище, которое пропитано кровью погибших во время «пивного путча» 1923 года. Казалось бы, это сугубо нацистский обряд. Ан нет! Национал-социалисты позаимствовали эту церемонию из Средневековья. Такое понятие, как «кровавый флаг», существовало еще во времена династии Гогенштауфенов.

Структуру, подобную «Торжеству веры», имел также фильм «Зимнее солнцестояние». Этот 40-минутный фильм был снят зарубежной организацией НСДАП. Инициатором его создания выступил аргентинский филиал гитлеровской партии, одно из самых крупных зарубежных нацистских объединений. В начале фильма зритель видит Буэнос-Айрес в день зимнего солнцестояния. Город живет своей жизнью, но вот возникают моменты, которые наводят мысль о германском влиянии: шины «Мерседесов», немецкие корабли в гавани, грузчики, разгружающие немецкие товары, немецкие издания в газетных ларьках. А вот логическое продолжение этих кадров — немецкая школа, где полным ходом идет подготовка к празднику зимнего солнцестояния. Само празднование не представляет ничего оригинального — огненная феерия. Гигантские костры, вокруг под «сферическую» музыку танцуют белокурые девушки. Факелы в руках спортивных юношей. Портреты фюрера, замершие на стенах, подобно иконам в «красном углу». Бесконечные свастики.

Зимнее солнцестояние было одним из главным праздников в Третьем рейхе. Но вот интересный факт: если вся общественность и простые партийцы праздновали зимнее солнцестояние, то у эсэсовцев он назывался несколько по-иному. Да и сами ритуалы торжества была другими. В СС этот праздник назывался — Юль. Юль (в скандинавском произношении Йоль) — это темнейшее время в году, когда ночи удлиняются, а дни становятся короче. Но в германо-скандинавской традиции это также время возвращения солнца и удлинения светлого времени суток. Название Юль-Йоля происходит от слова «колесо» (солнечное колесо). Символически это представлено обычаем зажигать колесо и скатывать его со склона холма, охваченным пламенем. Помимо светлого значения, это еще и день

Мировое древо германцев, ставшее символом Аненербе

усопших, и время для жертвоприношения для мира и благополучия в наступающем году. В этот праздник пели песню, призывающую души мертвых: «приходите, те, кто хотите, присоединяйтесь, те, кто хочет», с этими словами женщина обходила вокруг дома в наступающее время Юля-Йоля. Это делалось потому, что считалось, что каждый может войти в дом, и было запрещено запирать окна и двери. Ясно, что душам мертвых такие вещи не могли быть преградой.

Большое количество пищи ставилось и в ритуально-декоративных целях. До этой пищи не прикасались до самого Юля-Йоля, ибо предки должны были первыми вкусить ее, а затем уже живущие. Это были орехи, выпечка и многое другое. В канун Юля-Йоля люди шли спать в жилые комнаты и готовили постели для усопших. Приносили ветки вечнозеленых растений, и они украшались сделанными из теста фигурками людей и животных. На вершине размещался наконечник копья, как символ копья Одина. Эта ветвь или целое дерево, как сейчас (германский обычай с XVI века), представляет собой символическое изображение Мирового Древа, Ирминсула, и те вещи суть символические подношения языческим богам.

Для празднования Юля в СС был разработан специальный ритуальный светильник — Юльлейхтер. Непосредственно за его создание отвечало эсэсовское общество «Наследие предков». Для Аненербе были характерны идеологические спекуляции на культовых вещах прошлого и их внедрение в современную жизнь. Примером этого являлось использование в новой обрядности старосаксонских «выпуклых урн» V века нашей эры, которые послужили основой для юльских светильников. Сотрудник Аненербе Карл Теодор Вайгель подробно изучил оригинал урны в Ганноверском земельном музее. Несколько месяцев спустя на фарфоровой мануфактуре Аненербе в г. Аллах началось производство копий этих урн. Вскоре сторонники новогерманского культа уже могли приобрести светильники в берлинской лавке на Герман-Геринг-штрассе. Этот светильник являлся выражением крестьянского аристократизма, применялся вместе с туей, которая заменила Рождественскую елку. В древнегерманской мифологии туя являлась знаком живительной силы, символизируя в целом благословение германских богов. Эскизы светиль-

ника были предоставлены генеральному секретарю «Наследия предков» В. Зиверсу в июле 1936 года. В январе 1937 года Аненербе передало Гиммлеру каталог рун и символов, которые должны были символизировать праздник Юль. Это издание также должно было объяснять использование юльского светильника в новых обрядах.

Туевый венок, заменивший рождественскую елку

Здесь мы сталкиваемся в проблемой, которую раньше не ставили наши исследователи. В·Третьем рейхе не было общих для всего Третьего рейха обрядов. С одной стороны, мы видим политическую религию нацистского движения, которой были охвачены почти все немцы. С другой стороны, замкнутые, сугубо мистические ритуалы, практикуемые в СС. В них было много общего. Возьмем хотя бы то же зимнее солнцестояние. И «внешняя» (нацистская), и «внутренняя» (эсэсовская) религиозность пытались вытеснить христианское Рождество. И партийцы, и эсэсовцы рассматривали огонь как священную субстанцию нацистского движения. Огонь был как бы связующим звеном между небом и землей. Но если для простых людей он проявлялся в виде костров, взвивавшихся к небу, то с СС виделся как молния, низринутая со свода небес. К тому же не стоило забывать, что для рядовых нацистов и простых немцев праздник, приходившийся на 21—22 декабря, был не-

Вариации юльского светильника, применявшегося в ритуальной практике СС

Генрих Гиммлер на месте предполагаемых археологических раскопок

ким продолжением националистических традиций, установленных в начале XIX века. Для эсэсовцев это празднование было связью с незапамятными временами, живым общением с вечностью. По этому поводу Гиммлер как-то сказал: «Как дерево засыхает, потеряв корни, так и народ обречен на гибель, если не помнит своих предков. Важно, чтобы немецкий человек вновь вернулся в вечный круговорот прошлого, настоящего и будущего, круговорот исчезновения, бытия и возникновения, круговорот предков, живущих и потомков».

Этот тезис был наглядно продемонстрирован в фильме «Немецкое прошлое оживает». В нем показаны археологические раскопки, проводимые силами СС. Эта эсэсовская экспедиция занималась изучением одного маленького села. О том, насколько большое значение Гиммлер придавал этому фильму, говорит хотя бы один факт — он сам выступает в киноленте. Вот он проходит мимо раскопок, изучает какие-то черепки. А вот звучит его речь: «Этими раскопками мы не собираемся составлять какую-то конкуренцию науке. Нет, напротив. Мы хотим совершенно последовательно вместе находить мировоззренческие доказательства. Мы посвятим себя выполнению этой задачи с такой же настойчивостью, с какой СС выполняли все остальные задания».

Очень показательно, что данный фильм был посвящен раскопкам именно сельского поселения. Дело в том, что мысль о чистой германской расе Гиммлер непосредственно увязывал с идеями о

крестьянском поселении как основе этой общности. Гиммлер, равно как и Вальтер Дарре, имперский руководитель крестьян, никогда не сомневался, что «чистая раса» и «крестьянство» являлись идентичными понятиями, словами-синонимами. В 1933 году Дарре объяснял Герману Раушнингу, что ему и рейхсфюреру предстояло вывести новое крестьянство, которому суждено стать новой элитой Европы. Осуществить такой проект в рамках существовавших сельских структур было весьма затруднительно, а потому в СС было создано специальное Управление по вопросам расы и поселений, которое и возглавил Вальтер Дарре. Именно там должно было начаться формирование новой элиты. Для усиления сотрудничества Гиммлер стал главой «Имперского союза немецких дипломированных специалистов в области сельского хозяйства», который входил в состав Имперского продовольственного кабинета. Но со временем Гиммлер решил сам проводить селекцию нового биологического типа людей. Сферой этого эксперимента должен был стать не весь немецкий народ, как это предполагал Дарре, а только эсэсовцы. Рейхсфюрер пошел гораздо дальше Дарре, говорившего об оседлом немецком крестьянстве. Формируя ядро будущих ваффен СС, Гиммлер выдвинул идею о «боевом крестьянстве», которое было бы в состоянии само завоевать себе землю на Востоке. Дарре были чужды идеи «натиска на Восток», он хотел довольствоваться родными землями. По его мнению, немецкий крестьянин должен был обрабатывать родную землю, в крайнем случае, защищать ее, но никак не завоевывать чужие просторы.

Гиммлер вообще всегда интересовался древней историей. Но, тем не менее, свои познания в этой сфере он начал демонстрировать достаточно поздно — уже после прихода нацистов к власти. В основном это происходило в застольных беседах, разговорах с личным врачом или другими высокопоставленными функционерами партии. Общеизвестно, что Гиммлер считал себя реинкарнацией короля Генриха I («Птицелова»). При этом он делал все возможное, чтобы его воспринимали именно как историка-любителя, а не как специалиста. Делая замечания по немецкой истории, Гиммлер никогда не скрывал своего дилетантизма в этом вопросе. Взгляды Гиммлера на историю представляли своего рода коктейль из представлений «фёлькише», социал-дарвинизма и расизма в стиле Х. Чемберлена. В Третьем рейхе особый интерес, как и стоило того ожидать, вызывал нордическо-германский тип человека, который, в соответствии с нацистской идеологией, являлся центром исторического и биологического развития мира. В истории нордической расы Гиммлер видел образец борьбы за высокоразвитую культуру.

Именно расовые качества германцев были, по мнению Гиммлера, причиной их превосходства.

О том, как Гиммлер понимал древнюю историю, можно было бы увидеть в фильме «Германцы против фараонов». Эта кинолента, к сожалению, не дошла до нас в полном виде. Но интересна уже сама постановка вопроса. «Германцы против фараонов» планировался как учебный фильм, который предполагалось показывать не только в школах, но и на различных крупных мероприятиях, организованных всевозможными нацистскими структурами. Эта лента очень сильно отличается от всего того, что было снято в Третьем рейхе. Что, впрочем, не мешает ей быть типичным образцом пропагандистских фильмов. При помощи инсценировок и репродукций воедино были увязаны две эпохи: германская и египетская. Уже из титров этого фильма следовало, что в фильме было всего три актера: Вальтер Хольтен, игравший ученого-германиста, Юстус Парис, изображавший египтолога, и Альбрет Шпенгер, выступавший в роли специалиста по мистике пирамид (!).

С художественной точки зрения фильм не представлял ничего особенного, если не сказать, что был отвратным. Сначала в кадре появляется, облаченный в двубортный пиджак египтолог, который выдвигает общеизвестные тезисы. Он — выразитель общепринятой научной точки зрения. Затем между действующими лицами завязывается дискуссия. Поначалу кажется, что беседа идет исключительно между сторонником традиционной науки и представителем оккультных знаний. Постепенно в дело включается германист. Он выступает то на стороне египтолога, то на стороне оккультиста. Но итог фильма удивителен. Зрителя подводят к мысли, что много тысяч лет назад на севере Европы существовала высокоразвитая германская цивилизация, которая могла вполне успешно противостоять фараонам из Египта.

Но вне всякого сомнения, наиболее глубокий мистический подтекст имел фильм «Тайны Тибета», который был создан под фактическим руководством молодого ученого Эрнста Шефера. Гиммлер видел одной из важнейших задач тибетской экспедиции выявление утраченной индоарийской воинственной религии. Здесь мы видим очевидное влияние идей Виллигута, который полагал, что Бальдр, избежав смерти, скрылся в Азии, где основал оплот ирминизма. По мнению Гиммлера, именно из этого религиозного направления появился на свет буддизм. Факты, подтверждающие наличие этой «проторелигии», должны были способствовать возникновению нового востоковедения, которое бы изучало азиатские регионы с точки зрения «тайного предания» Виллигута. Как видим, экспедиция Эрнста Шефера имела не только естественно-научные и военно-по-

Афиша фильма «Тайны Тибета» и фото, сделанное экспедицией Шефера

литические, но вполне отчетливые оккультные установки. В целом они сводились к четырем основным задачам:

— подтвердить, что в «доисторическое время» на Востоке господствовала белая раса, для чего предполагалось провести археологические раскопки и этнографические изыскания;

— исследовать рукописи тибетских монастырей, в которых могли сохраниться осколки древней арийской религии;

— провести метеорологические, геологические исследования;

— провести «мониторинг» настроений местного населения, на предмет возможного создания здесь центра антианглийской подрывной деятельности.

Как мы помним, тибетская экспедиция Шефера вернулась обратно в Германию в августе 1939 года. Ее встречали с почестями. Гиммлер даже отложил все свои дела, для того чтобы лично вручить Шеферу особое кольцо с «мертвой головой» и наградную эсэсовскую шпагу. Эрнст Шефер оказался в центре внимания всего рейха. Он знакомится со всемирно известным исследователем Свеном Хедином, который восторженно воскликнул: «Вот человек, который должен продолжить мои исследования!» Но Шеферу было суждено недолго красоваться на первых страницах немецких газет. Грянула Вторая мировая война. К началу 1940 года почти все участники экспедиции перешли в «Наследие предков». Здесь под личным руководством Шефера был создан отдел Центральной Азии и экспедиций,

Проект эсэсовского кольца, подготовленный Вайстором

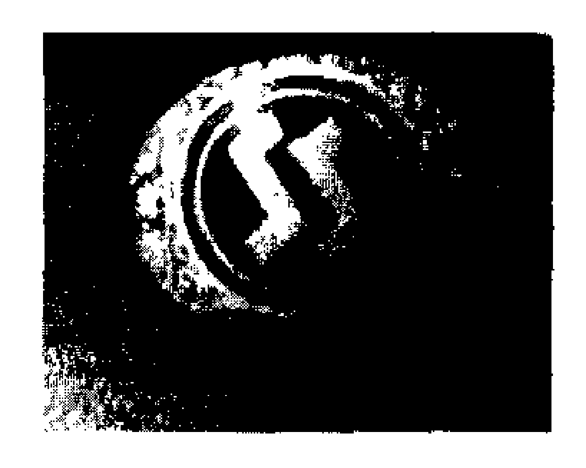
Кольцо эсэсовца, вид с четырех сторон

который должен был заниматься обработкой тибетских находок. Поначалу новая структура занимала весь третий этаж мюнхенской резиденции Аненербе на Видемайер-штрассе. Но 16 января 1943 года отдел был преобразован в институт. Его учредителем был уже упоминавшийся нами Свен Хедин. В августе 1943 года Шефер получил под свой институт средневековый замок Миттерзиль в Пинцгау, который был восстановлен после пожара 1938 года.

Тем временем успех немецкой армии на восточном направлении, нападение Японии на США стали предпосылками того, что к Азии стал проявляться особый интерес. В этих условиях «кинозарисовки», сделанные членами экспедиции в Тибет, стали отличным материалом для создания пропагандистского фильма. Перед создателями киноленты ставились следующие задачи: демонстрация военного воодушевления, прославление азиатских частей ваффен СС, изображение тибетцев как возможных противников Англии. В ходе работы над фильмом на первом месте оказались совершенно другие акценты. А именно: попытка доказать, что в Гималаях некогда существовала высокоразвитая арийская цивилизация. Особое внимание создатели фильма «Тайны Тибета» уделяли магическим ритуалам, практикуемым в ламаизме.

Сам же фильм начинался с показа кадров, которые изображали воинственность и агрессивность тибетской культуры. Этот образ был очень далек от растиражированного сейчас представления о Тибете как о миролюбивом государство монахов, где большинство населения занималось духовными и магическими практиками. Уже с первых кадров зритель видел «воинские танцы», которые совершались перед грозным тибетским защитником — Махакалом, повелителем смерти и ужаса. В сценарии фильма можно прочитать

следующие строки: «Махакалу почитают самые сильные из благороднейших воинов. Они доказывают богу войны свои силу, твердость и достойное развитие».

Перстень Аненербе. Символ на нем состоял не из двух рун «зиг», а из двух рун Эйвас, читавшихся как (А-е) (в данной ситуации АненЕрбе)

В следующей части сценария «Ташилхумпо и Шигатсу» Шефер останавливает свой взгляд на тибетской армии. Эти сцены должны привести к мысли о милитаристском устройстве государства Далай-ламы. «Символом центральной власти является военный флаг. — Решения Далай-ламы XIII создать постоянную армию. — Новогодний праздник справляется как военное торжество. — Древний героический Тибет». Все завершается воодушевленными словами диктора: «В церковных праздниках демонстрируется мужество и упорство, столь далекие от привычной монастырской изнеженности». Эпизод завершается армейским парадом, который должен напоминать зрителю об армии Чингисхана. Первый диктор восклицает: «Острое оружие!», второй — «Быстрые лошади!», третий — «Смелые воины! Они ездят так же, как и там, откуда пришли — из степей и пустынь».

В части, посвященной погребению, показываются жестокие картины расчленения трупа, который скармливается коршунам. Птицы в этом кино предстают как некое подобие живых летающих гробниц. Подобные сцены специально монтировались для эсэсовцев. Не меньшее значение имели и кадры, касающиеся ламаистской магии. В них демонстрируется тибетский прорицатель, который взывает к монгольскому богу войны. Особое внимание уделялось ламам в так называемых красных шапках. Изображение этой секты сменяется замерами черепов, которые делал антрополог Бруно Бегер.

Казалось бы, Тибет и Германия не имели ничего общего. Но «Тайны Тибета» как нельзя лучше способствовали нарастанию военной и расистской истерии в Третьем рейхе. Те же военные заклинания, безжалостное разделывание трупов и т.д. Поначалу Гиммлер планировал показать этот фильм после победы в войне, но его премьера произошла в 1942 году. Из мистической документальной ленты он постепенно превращался в нацистскую агитку, которая должна была воодушевлять немцев. Министерство пропаганды дало этому фильму три высшие отметки, которые только могло получить кинотворение: «ценное с политической, художественной и культурной точки зрения». Показ «Тайн Тибета» был, пожалуй, единствен-

ным случае в истории Германии, когда эсэсовские структуры участвовали в прокате кинокартины. Шефера приглашали встретиться со зрителями почти в каждый немецкий город.

В газетах того времени появилось более 400 статей и заметок об этом фильме. Большинство из заголовков носили чуть ли заклинательный характер: «Мы въехали верхом в закрытый для европейцев города Далай-ламы», «В тени замка бога», «Тибет раскрывает свои тайны», «С камерой в замок богов», «Замок короля богов», «Сверкающий военный танец богов», «Взгляд в неизвестность» и т.д. Посреди Второй мировой войны Германия была буквально околдована Тибетом.

Фильм «Тайны Тибета» был чем-то большим, нежели просто документальным кино о культуре далекой страны. В какой-то момент он стал эпосом для тех, кто носил униформы «черного ордена». Он изображал тибетцев так, как должны были выглядеть эсэсовцы: немногочисленной кастой, в которой числились циничные, безрассудно смелые, фанатичные, заносчивые, крайне честолюбивые, а самое главное, дисциплинированные и покорные мужчины. Но самое удивительное, что фильм, создаваемый для личных целей Гиммлера, вовсе не искажал тибетскую действительность. Это стало ясно, когда в 2002 году в Вене проходил фестиваль буддийского кино. Тогда на нем были показаны «Тайны Тибета», которые вызвали неоднозначную реакцию. Один из критиков, Том Мустроф, написал странный отзыв. В нем он говорил, что Гиммлер истолковал тибетскую мифологию и магию в христианском духе! В ритуалах лам рейхсфюрер СС пытался увидеть искаженные временем обряды древнего христианства. Рецензия вызвала недоумение. Это было бы справедливой реакцией, если не знать о воззрениях Виллигута, увлечении Гиммлера европейским гностицизмом. По сути «Тайны Тибета» были еще одним кирпичиком, заложенным в здание «новой религии» — «доеврейского христианства», которое мечтал возродить шеф СС.

Глава 7
НЕЗРИМАЯ БИТВА ЗА ИРМИНСУЛ

Попав в Тевтобургский лес — так называется покрытая чащей гряда Везерских гор, расположенная в земле Северный Рейн — Вестфалия, — можно увидеть красивейший пейзаж. Возвышаясь на несколько десятков метров над землей, эффектно вырисовываясь на фоне неба, перед нами предстают пять неровных песчаных колонн, испещренных укромными гротами и переходами. Живописные ска-

лы, напоминающие картинку из детской книги сказок, лишь добавляют очарования здешним местам. Расположенные на территории, изобилующей древними священными постройками, они окутаны мистикой и легендами: согласно народным преданиям, эти камни были воздвигнуты за одну ночь, а затем оплавлены дьяволом.

21 июня, скоро пять часов утра по среднеевропейскому летнему времени. Над песчаными скалами местечка Экстернштайн, спрятавшимися в Тевтобургском лесу, повис туман. Достаточно прохладно. Вершины мегалитов возвышаются над долиной, которая после войны была запружена и в настоящее время превратилась в формснное озеро. Через несколько минут взойдет солнце, и самая короткая ночь в году закончится. За этим астрономическим явлением здесь наблюдали еще в древности. Но сейчас скалы Экстернштайна являются местом паломничества для неоязычников, молодых националистов, поборников «тайных наук». Экстернштайн лежит рядом с Детмольдом, городком, соседствующим с университетским центром Билефельд, где я в свою бытность завершал написание диссертации. По российским меркам и вовсе под боком. Этот памятник является крупнейшей святыней для солнцепоклонников, уступая пальму первенства лишь английскому Стоунхенджу. В период нацистской диктатуры ему уделялось самое пристальное внимание.

Накануне прихода к власти нацистов в научный мир стало проникать все больше и больше мечтателей, оккультистов и «ясновидцев». Исследование этого мегалитического комплекса в первую очередь связывают не столько с работами серьезных историков, сколько с деятельностью популяризатора в стиле «фёлькише» — Вильгельма Тойдта. В научном мире Тойдта и его последователей именовали не иначе как «пагубными фантастами». Этот исследователь родился в 1860 году в семье евангелического священника. Сначала Вильгельм решил пойти по стопам своего отца. Карьера молодого священника была очень стремительной. Он стал одной из виднейшей фигур в городе Шаумбург. В 1895 году, в возрасте 35 лет он занимал пост руководителя Евангелического объединения внутренней миссии во Франкфурте-на-Майне. Со временем Тойдт начал менять свои взгляды на жизнь. Это привело к тому, что в 1908 году он покинул лоно церкви, вступив в «Союз познания природы», который еще иногда именовался «кеплеровским союзом». Это была очень странная организация. Ее руководство надеялось соединить религиозную этику и естественно-научные воззрения, что должно было стать залогом складывания нового мировосприятия. Вместе с тем члены «Союза познания природы» намеревались всеми силами бороться против академической серьезности, царившей в немецких университетах. Тойдт оказался на переднем фланге этой борьбы. Он сращивал свои

Вильгельм Тойдт, открывший Германии Экстернштайн

религиозные представления с генетикой, что сделало его очень популярным в кругах «фёлькише» движения. В 1917 году он написал книгу, которая укрепила его положение в националистическом лагере. Новое произведение Вильгельма Тойдта называлось «Немецкая деловитость и мировая война». Автор книги, активный участник мировой войны на Западном фронте, буквально несколькими мазками рисовал политическую систему того времени. Международные договоры фактически уничтожают естественное право более сильного и умного. Германии же противостоит сонм враждебных народов, которые полны презрения и страха в отношении немецкого народа. Эти низкие качества остального человечества можно было бы преодолеть, если бы немецкий образ мышления был распространен по всему миру. Это привело бы к появлению новых (истинных) ценностей и культурному подъему многих стран. Немецкая империя, которая в момент написания книги все еще являлась супердержавой, виделась Тойдту идеалом политического уклада. Но вместе с тем в этой работе звучали и угрожающие ноты. Во-первых, Тойдт настаивал, чтобы Германия проводила более жесткую политику в отношении инородцев, проживавших на ее территории. Это касалось, прежде всего, евреев. Во-вторых, он отчетливо проводил антидемократическую линию. Это выражалось в его мысли о том, что отказ от трехклассовой системы выборов мог иметь для страны пагубные последствия.

После поражения в мировой войне и заключения позорного Версальского мира политические установки Тойдта стали еще более радикальными. После того как французские и бельгийские войска в 1920 году оккупировали Рейнскую область Германии, Вильгельм Тойдт был вынужден сменить место жительства и переехать в небольшой вестфальский городок Детмольд. Почему выбор пал на это местечко, до сих пор непонятно. Может быть, чистой воды случайность. По крайней мере, можно смело утверждать, что в тот момент В. Тойдт не проявлял никакого интереса к скалам Экстернштайна. Скорее всего, Тойдта привлек политический климат в этих местах. В первые годы Веймарской республики в Детмольде базировалось множество националистических, парамилитаристских и «фёльки-

ше» организаций. Разочарованный и озлобленный В. Тойдт принимает активное участие в деятельности почти всех этих союзов. В какой-то момент он даже становится руководителем местного отделения «Стального шлема». В 1925 году, сославшись на предельную занятость, он вынужден покинуть этот пост. Тогда же он вновь возвращается к писательскому труду. На этот раз он решил сосредоточить свое внимание на так называемом германоведческом направлении. В рамках этой деятельности он начинает активно изучать древнюю историю Германии. Все это предопределят его контакты с многочисленным националистическими союзами по всей Германии, деятельность которых приобретает все более и более выраженный расистский характер.

Исследования германских древностей заставляют обратиться бывшего священника к археологии. Он знакомится с работами Якоба Фризена. Среди прочитанных книг было и «Введение в историю первобытности на территории Нижней Саксонии», написанное в 1931 году. Во время штудирования этого труда Тойдт впервые открыл для себя особенности первобытных религиозных культов. В 1928 году он создал «Объединение друзей германской праистории», радуясь быстрому приросту членов своей организации. В 1929 году в Йене он издал книгу «Священные германские идеи», которая являлась отражением его воззрений на прошлое Германии. Его выводы не были оригинальными — часть из них он позаимствовал у ряда «фёлькише» исследователей. Тойдт решил сразу же приобрести общегерманское признание у общественности. Это ему удалось лишь в начале 30-х годов. Ему помогали его пророческий энтузиазм и личная харизма, сдобренные видимой таинственностью «Посвященного». Ему даже удалось наладить выпуск журнала «Германия», который превратился в рупор его идей.

Но идеи престарелого Тойдта не пользовались особой популярностью в научном мире. Один из современников как-то заметил: «Тойдт не являлся научным светилом. Он строил свои идеи на вере и интуиции, которым отдавал большее предпочтение, нежели доказательствам и историческим свидетельствам. Едва ли можно сказать, что он располагал обширными знаниями в области истории. Он был плохо знаком с научной литературой... Для него были характерны непостоянство и капризность». Это мнение во многом разделяли и некоторые члены «Объединения друзей». В годы нацистской диктатуры местные чины НСДАП давали схожую характеристику: импульсивный, невыдержанный, не обладающий достаточными деловыми качествами и политическим чутьем. Видимо, только такое качество, как «отсутствие политического чутья», объясняло, почему В. Тойдт вступил в НСДАП лишь в 1935 году, хотя симпати-

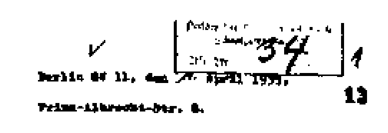
зировал Гитлеру начиная с середины 20-х годов. Но вернемся обратно во времена Веймарской республики.

После того как Тойдт опубликовал свое учение о германских святынях, которые лежали на неких сакральных линиях, к нему пришла общегерманская известность. Именно в этот момент он становится членом Германского союза, пангерманской организации, созданной в 1894 году в Берлине преподавателем Фридрихом Ланге. Цели этого союза не отличались особой оригинальностью: распространение немецкого образа мышления, восстановление германской самобытности, пропаганда немецкого образа жизни, немецкого поведения, формирование народного сообщества. В основе всей этой деятельности лежало специфическое немецкое мышление. Именно это отличало «Германский союз» от многочисленных антисемитских и националистических организаций. Его члены не выпускали антисемитских агиток, хотя в § 24 Устава Германского союза значилось, что любые отношения с евреями ведут к автоматическому исключению из организации. В союзе в основном числились офицеры, коммерсанты и служащие. Вильгельм Тойдт был среди них «белой вороной». Не исключено, что именно по инициативе руководства Германского союза Тойдт создал «Объединение друзей германской праистории», которое должно было стать дочерней организацией союза. На эту мысль наводит дата создания «Объединения» — 1928 год, то есть время, когда Тойдт проявлял рвение неофита, только что оказавшего в Германском союзе. Эту версию подтверждает тот факт, что почти все руководство «Объединения друзей» было членами Германского союза. Также участники этих групп обращались друг к другу совершенно одинаково — «брат», хотя и не использовали это обращение при переписке. Позже нацисты признали Германский союз старейшей «фёлькише» группировкой, что привело к фактическому слиянию. Кстати, если мы посмотрим на правление «Объединения друзей», то обнаружим там интересные фигуры. Оказывается, там аж с 1930 года состоял Карл Мария Виллигут!

В конце 20-х годов начинает формироваться особый культ Экстернштайна, к созданию которого приложил руку В. Тойдт. Следствием этого стал крупный конфликт, который разразился между сторонниками Тойдта и последователями академической науки. Культ стартовал с того, что Тойдт начал едва ли не проводить собственные раскопки в окрестностях детмольдских скал. Этому авантюрному начинанию способствовала болезнь директора местного ведомства, которое занималось охраной исторических памятников. В силу этого ни Тойдт, ни его теории не получили достойного отпора. В итоге сама система охраны памятников, существовавшая уже более 100 лет в

этой местности, была поставлена под вопрос. Не стоит забывать, что сама официальная наука не уделяла Экстернштайну достойного внимания. Как известно, свято место пусто не бывает. Эту нишу тут же заполнили «пагубные фантасты».

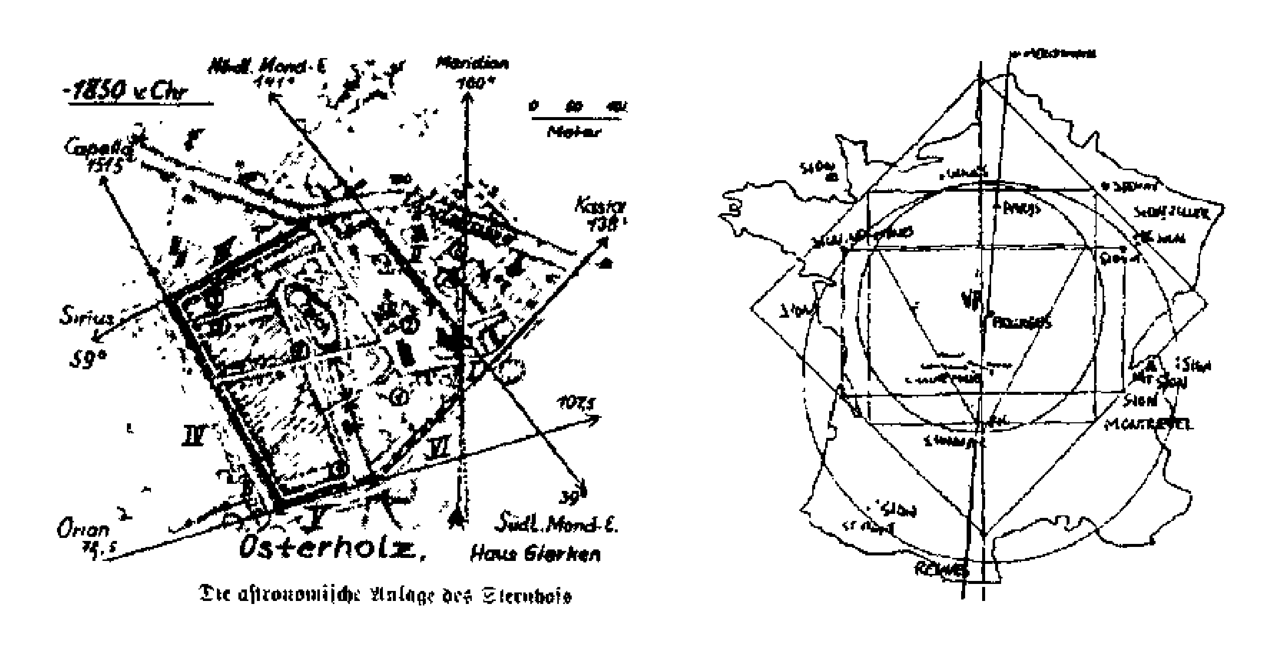
Вильгельм Тойдт громогласно заявил на весь мир, что открыл «немецкий Стоунхендж». После прочтения обильной литературы, касавшейся Экстернштайна, Тойдт вынес только один тезис — скалы в свое время были крупнейшим в Германии центром поклонения солнцу. Действительно, в некоторых из скал имелись ниши, которые позволяли говорить о том, что в древности там велись астрономические наблюдения. Но само сравнение Стоунхенджа и Экстернштайна говорило о том, что Тойдт собирался создать всеобъемлющую теорию, которая бы объясняла предназначение этих скал. Мысль о существовании близ Детмольда крупного языческого центра не была новой. Ее можно обнаружить еще в рукописи 1564 года, которая приписывается Германа Гамельманну. В ней автор говорил об Экстернштайне как о месте отправления языческого культа. В 123 году эту мысль развил Отто фон Беннигсен, который предположил, что именно в Экстернштайне располагалась главная языческая святыня саксов — идол Ирминсул, в свое время разрушенный Карлом Великим.

Письмо, адресованное в Вевельсбург, в котором говорится об исключительной значимости Экстернштайна. В письме упоминается Виллигут

Тойдт якобы обнаружил, что Экстернштайн лежит на пересечении «священных линий», найденных им на севере Германии. Он считал, что эти линии, примерно совпадающие с линиями, открытыми другими исследователями, связывали Экстернштайн с остальными древними религиозными сооружениями, в том числе с каменным кругом в соседнем Бад-Майнберге. Над молельней, как считал Тойдт, некогда располагались деревянные постройки, использовавшиеся для наблюдения за движением Солнца, Луны и звезд. Он предположил, что Экстернштайн являлся центром отправления древнего арийского культа. Находки подтвердили его гипотезу,

Die astronomische Anlage des Sternhofs

Геомантические построения, доказывающие исключительную важность Экстернштайна

в соответствии с которой отсутствие крыши и разрушения в молельне-обсерватории — результат намеренного вандализма цистерцианских монахов. Он доказал, что 50-тонная плита у подножия скалы-колонны была прежде боковой стеной молельни. Монахи разрушили святилище, чтобы очистить его от языческой предыстории и сделать пригодным для проведения христианских богослужений.

В скалах Экстернштайна сама природа сотворила множество пещер и проходов, более поздние обитатели этих мест только расширяли их. И хотя назначение одних пещер не вызывает сомнений — это были молельни, для каких целей использовались другие — все еще загадка: есть здесь и ступени, ведущие в никуда, и непонятные платформы и ниши, и высеченная в скале гробница, и просверленные в скалах мелкие и крупные отверстия.

Наиболее примечательное место во всем Экстернштайне — небольшая молельня, которая высечена возле самой вершины одной из скалистых колонн. Попасть туда нелегко: добраться до нее можно лишь по выбитым в камне ступеням и шаткому пешеходному мостику. Крыши у молельни нет, а на ее восточной стороне находится куполообразная ниша с алтарем в форме колонны, не вписывающимся ни в один из привычных стилей церковной архитектуры. Непосредственно над алтарем расположено круглое окно шириной 50 см. Европейские исследователи древностей в XIX веке заметили, что оно направлено одновременно на точку летнего восхода солнца и самую северную точку восхода луны — две важные астрономические координаты, отмечаемые во многих каменных кругах и аналогичных сооружениях доисторической эпохи. По-видимому, молельня была построена так высоко над землей для того, чтобы удобно

Виды скал Экстернштайна

было наблюдать восход солнца и луны. Более того, исследователи установили, что Экстернштайн лежит приблизительно на той же широте, что и Стоунхендж, факт, который доказывал важность этого астрономического ориентира как для древних европейских астрономов, так и для жрецов.

Во время расцвета германского романтизма об Экстернштайне писали, как о проявлении народных верований, характерных для дохристианской эпохи. Этому мнению противостояла другая точка зрения, которая предполагала, что Экстернштайн был тесно связан с христианской традицией. В «магический» центр Германии он превратился гораздо позже, в эпоху крестовых походов, став своего рода отражением Иерусалима, перенесенного на берега Рейна. Националистическая трактовка истории, присущая крупному немецкому историку Густаву Коссинне, опиралась на первую трактовку мегалитов. «Фёлькише» исследователи, поклоняясь этим скалам, создали определенный древнегерманский культ, который после Первой ми-

Алтарь в Экстернштайне весьма напоминает ритуальные алтари Меровингов и изображения алтарей из рукописей той эпохи

ровой войны приобрел невероятные размеры. Он базировался на самых различных мотивах: романтизме, национализме, расовых идеях, немецком идеализме.

Как уже говорилось выше, по одной версии, здесь располагался основной центр культовых церемоний каменного века; по другой — начало его использования в религиозных целях относится к XII веку, а сам Экстернштайн — просто имитация святых мест Иерусалима, память о котором хранилась со времен возвращения крестоносцев. Когда примерно в 722 году на смену язычеству в Германии пришло христианство, места культовых отправлений были унаследованы новой религией. В средневековые времена Экстернштайн служил убежищем христианским отшельникам.

Для германских языческих племен Северной Европы мир не делился на землю, «рай» и «ад». По их представлениям, это была сложная цепь взаимосвязанных миров, которые, согласно «Эдде», возникли, когда Муспелльхейм, вселенная Огня на Юге, столкнулась со вселенной Нильфхейм в Великой пустоте Гиннунгапап. От этого союза родились великан Имир и корова Аудумла. Слизывая лед, Аудумла создала человека, Бури. От Бури возникли Борр и жена его, Бестла, породившие Водена-Одина, Вилли и Ве. Дети Борра убили Имира и из тела его создали Девять Миров и Мировое Древо, поддерживающее Вселенную, за пределами коей находится Утгард, «то, что вне пространства»: Мировое Древо, растущее из Истоков Мира, на котором покоятся сочетающиеся Миры, у различных народов имело разные названия: Иггдрасиль — у скандинавов, Эйрменсулл — у англичан, Ирминсул — у германцев.

Вторгшись в 772 году в Саксонию, Карл Великий разрушил крепость Эресбург и низверг языческую святыню, находившуюся в Экстернштайне, Ирминсул. «Победа моя была бы неполная, если бы мне не удалось уничтожить этого идола!» — сказал Карл Великий во время разрушения языческой святыни. Некоторые называют саксонский Ирминсул universalis columna, quasi sustinens omnia — мировой столб, как бы поддерживающий все. Скандинавские лапландцы заимствовали это понятие от древних германцев: Полярную Звезду они называли «Столпом Неба» или «Мировым Столпом». Ирминсул сравнивали даже с колоннами Юпитера. Подобные идеи сохранились до сих пор в фольклоре Юго-Восточной Европы — например, Coloana Ceriului у румын.

Примерно в 1120 году цистерианскими монахами из монастыря в соседнем Падерборне был высечен барельеф «Снятие с Креста». Выбитые в камне гроты служили молельнями. Примечательной деталью барельефа является земной столп, поддерживающий, по языческим верованиям, Вселенную. Чтобы показать превосходство

христианства над язычеством, он на изображении символически согнут в дугу, как бы служа опорой для ног Никодима. Последний, согласно библейскому сюжету, участвовал в снятии с Креста тела Иисуса. Примечательно и то, что ноги Никодима намеренно отбиты — местные жители объясняли, что это «увечье» было нанесено изображению язычниками, мстившими христианам за надругательство над их святыней Ирминсулом.

Согнутый Ирминсул и его восстановленный облик

Впрочем, поначалу Тойдт ничего не говорил об Ирминсуле. Эту мысль он высказал уже в 1929 году во время беседы с Густавом Коссиной. Тойдт пытался привлечь этого всемирно известного ученого на свою сторону. В конце 20-х годов общественность буквально была одержима идеей немецкого Стоунхенджа. Сам кайзер Вильгельм II, находившийся в то время в эмиграции, держал в своей голландской библиотеке несколько работ Тойдта, которые были едва ли не настольными книгами. Ученому-любителю срочно требовалось научное обоснование своих взглядов. После того как с ним отказался сотрудничать Густав Коссина, Тойдт обратился к именитому археологу Карлу Шухгардту. Но тот тоже не высказал бурной радости по поводу подобного сотрудничества. В итоге научность воззрений Тойдта взялся доказывать никому не известный швейцарец Отто Хаузер. Неизвестность этого исследователя не помешала Тойдту провозгласить его самым талантливым немецким антропологом. Но подобные научные союзы не принесли Тойдту того успеха, который в одночасье был обеспечен политическим развитием страны.

Преследования со стороны земельного правительства, возглавляемого социал-демократами, стали прекрасным поводом для того, чтобы группа Тойдта усиленно нападала на Веймарскую республику. В итоге «Объединению друзей» было запрещено работать в Экстернштайне. Это не осталось незамеченным руководством гитлеровской партии. Нацисты решили использовать образ Экстернштайна в своих пропагандистских целях. На одном из предвыборных плакатов скалы Экстернштайна были изображены в сиянии свастики. Нацистские пропагандисты, не уставая, говорили во время выборов в местный ландтаг о «германской святыне», которая являлась символом грядущего национального возрождения. Но вместе с тем

Барельеф «Снятие с Креста»

нельзя не отметить, что идеологи нацизма пока не придавали Экстернштайну особого значения. Для них это всего лишь удобный повод, чтобы оживить свою пропаганду. О каком-то серьезном восприятии идеи Тойдта не могло быть и речи.

Ситуация в корне изменилась после 30 января 1933 года, дня, когда нацисты пришли к власти в Германии. С этого момента между различными научными и околонаучными группировками начинается активная борьба за то, чтобы снискать расположение новой власти. Особо ожесточенно она шла между академическими кругами и учеными-дилетантами, проповедовавшими идеи «фёлькише». Именно в начале 1933 года устанавливаются первые связи между «Объединением друзей» и «Союзом борьбы за немецкую культуру», который курировал главный идеолог гитлеровской партии Альфред Розенберг. Это приводит к тому, что Экстернштайну стали уделять большее внимание, а в мае 1934 года у «сакральных» скал даже начали проводиться археологические раскопки. Это было очень странное время, когда воедино переплетались множество сложных общественных процессов. Попробуем выделить их отдельно, провести некую периодизацию.

1. Январь—апрель 1933 года. Период, когда все заинтересованные группы пытались заручиться поддержкой национал-социалистов.

2. В мае 1933 года при трех партийных структурах существовало три различных проекта, которые были посвящены изучению древней истории и предусматривали, в том числе, раскопки в Экстернштайне.

3. Летом 1933 года все группировки, участвующие в борьбе за древнюю историю, ожидали реакции новых властей. В это время Вильгельм Тойдт идет на сближение с рядом серьезных ученых и получает явное преимущество перед своими противниками. Его позиции были укреплены, когда во время «Нордического тинга», проходившего в Бременском кафедральном соборе, было предложено сотрудничать с новыми органами, занимавшимися охраной памятников.

4. Осенью 1934 года «Союз борьбы за немецкую культуру», в то время возглавляемый Гансом Рейнертом, перестает быть союзни-

ком Тойдта. Самому Рейнерту вынесено дисциплинарное взыскание, а возглавляемая им организация находится на грани раскола.

5. Весной 1934 года «главный идеолог» НСДАП предпринимает безуспешную попытку унифицировать «Общество друзей», то есть влить эту органазацию в состав своего ведомства.

Подобная периодизация и сами события 1933 — начала 1934 года указывают, что в стране не было какого-то единого процесса. Каждый пытался закрепиться в структуре новой власти, делая для этого все возможное. Попытаемся разобраться в этом непростом процессе, который положил начало превращению Экстернштайна в одну из главнейших нацистских и эсэсовских святынь.

Не вызывает никаких сомнений, что Вильгельм Тойдт был за приход к власти Гитлера, что называется, «двумя руками». Это был прекрасный повод для того, чтобы продолжить политизацию Экстернштайна, которую в свое время начали Тойдт и его сподвижники. После того как Гитлер был провозглашен рейхсканцлером Германии, «Объединение друзей» тут же стало активно использовать в своих целях изменившийся политический климат. Как можно установить из документальных источников, организация Тойдта едва ли не в первые дни нацистской диктатуры стала искать пути использования финансового и политического потенциала, которым облада-

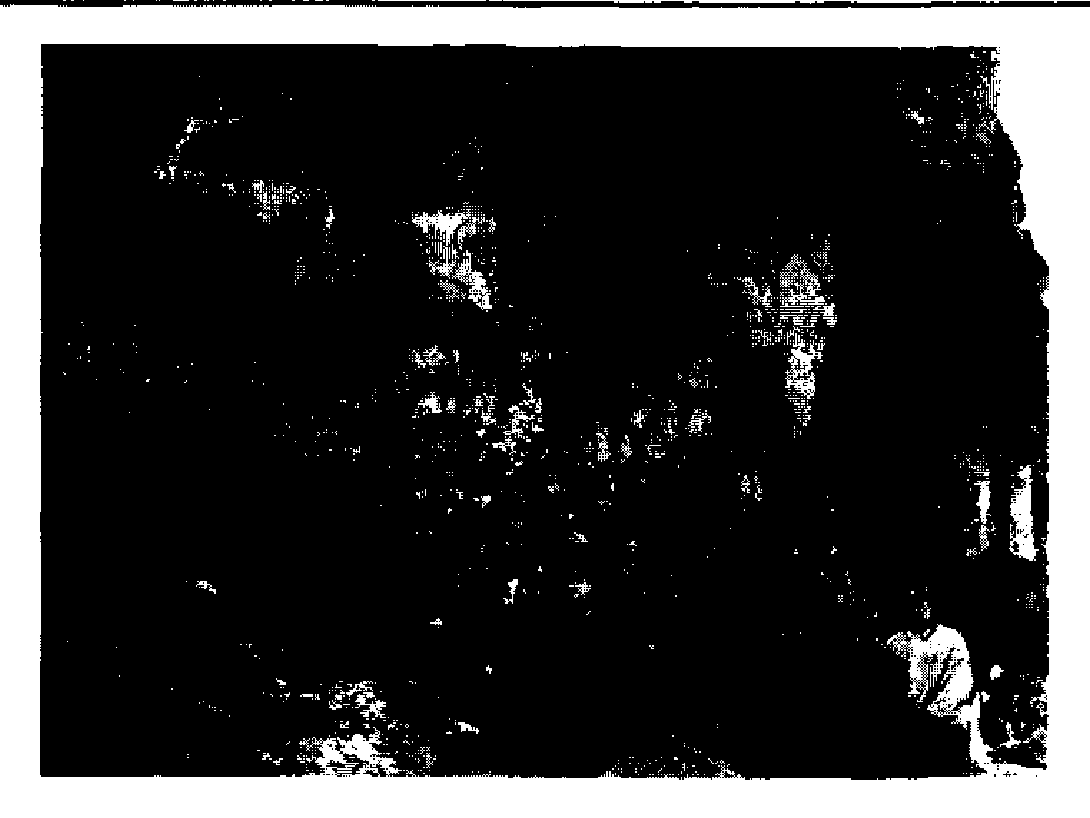

Министр обороны Бломберг в Экстернштайне

ло Прусское министерство по делам образования и религии. Была даже выработана специальная стратегия, которая утверждалась на специальном заседании правления «Объединения друзей германской праистории». 1 марта Тойдт писал одному из братьев по Германскому союзу: «Надо всячески способствовать вашей инициативе по популяризации наших начинаний среди нынешних властителей наших идей, но при этом надо избегать излишней назойливости. Что касается местных условий, здесь мы можем быть спокойными... Еще в воскресенье был у Бр. Шпельге, с которым мы много беседовали». Следуя намеченному плану, Тойдт в начале марта 1933 года обратился к земельному правительству с просьбой придать Экстернштайну статус культового сооружения прошлого.

После того как Тойдт привлек на свою сторону местных партийных функционеров, его сторонники стали планомерно привлекать к себе внимание нацистов более «высокого полета». Тойдт начинает рассылать всем имперским министрам экземпляры своей книги и отдельные выпуски журнала «Германия». Первыми подобные «подношения» получили министр пропаганды Йозеф Геббельс и имперский министр воспитания Бернхардт Руст. В каждом случае В. Тойдт прилагал письмо, в котором как человек, не лишенный дипломатических способностей, делал акцент на служебной деятельности того или иного министра. Так, например, Русту он писал о необходимости изучения древнейшей немецкой истории в школе, а Геббельсу сообщал о.ее огромном значении в деле сплачивания народа. Тойдт и его сподвижники всеми силами пытались продемонстрировать, что у «Объединения друзей» и НСДАП общие интересы. Со временем Тойдт пошел гораздо дальше, он стал приглашать крупные политические фигуры на юбилейное отчетное заседание своего объединения, которое должно было состояться в июне 1933 года в одном из немецких курортов. Чтобы добраться до самых верхов, Тойдт решил сотрудничать с «Союзом борьбы за немецкую культуру». В один из весенних дней у него состоялся личный разговор с функционером этого союза — Генрихом Гласмайером. Казалось, что тактика, применяемая Тойдтом, начала приносить плоды. В мае 1933 года исследователь Экстернштайна узнает, что Руст будто бы заявил, что необходимо использовать «Объединение друзей» при реорганизации системы образования в рейхе. Как же было велико разочарование Тойдта, когда на торжественном заседании не появился ни один представитель Имперского министерства воспитания.

По сути, замысел В. Тойдта потерпел крах. Нацистские бонзы уделяли больше внимания «Исследовательскому институту духовной истории древности» Германа Вирта, либо же «Обществу гер-

Делегация Имперской трудовой повинности у скал Экстернштайна

манской истории первобытного общества и предыстории», которое возглавлял друг Вирта Иоганн фон Леерс. Последний уделял большее внимание расовой политике, нежели собственно истории. Ассоциируя себя с самой сутью нового режима, Леерс насыпал в свои работы многочисленные грубые антисемитские пассажи. Допустим, в журнале «Нордический мир» он мог потребовать выкинуть евреев вон с университетских кафедр, где преподавалась немецкая история. Вильгельм Тойдт вполне обоснованно считал, что этот человек дискредитирует саму идею «фёлькише» исследований в области древней истории. Не мог не расстраивать Тойдта и другой факт. Теперь многочисленные исследователи стали проявлять интерес к Экстернштайну, отбирая у него пальму первенства. И уж вовсе его не устраивала затея превратить в «место паломничества немецкой нации» памятник Арминусу (Герману), а отнюдь не Экстернштайн. Не стоит забывать, что до сих пор не был исчерпан конфликт с официальной наукой, которая наотрез отказывалась рассматривать идеи Тойдта. Но в начале 1933 года эта проблема ушла на задний план. «Объединение друзей» оказалось оттертым от правительственной кормушки более покладистыми и агрессивными исследователями-дилетантами. Впрочем, Тойдт был благодарен новой власти хотя бы за то, что она начала расправляться с его старыми противниками, «окопавшимися» в академической среде.

После того как руководство «Объединения друзей германской праистории» убедилось, что ему не приходится рассчитывать на

значительное финансирование от новой власти, был предпринят очень хитрый шаг. Вильгельм Тойдт учредил фонд «Экстернштайн». Произошло это событие 1 апреля 1934 года. Появление фонда фактически уравнивало в правах различные официальные структуры и их функционеров. В составе попечительского Совета оказались и местный гауляйтер Майер, который был «избран» почетным Председателем, и представитель земельного правительства — Опперманн, и бургомистр Детмольда — Хёрн. Примечательно, что ни в составе правления фонда, ни в составе попечительского совета не оказалась ни одного представителя конкурирующих «фёлькише» объединений, также претендовавших на изучение Экстернштайна.

Не было на учредительном собрании фонда и представителей структур, курируемых Розенбергом. Видимо, он просто не проявил интереса к новой структуре. Зато в правлении фонда «Экстернштайн» оказался Генрих Гиммлер. Рейхсфюрер СС не просто заинтересовался организацией Тойдта, но даже лично прибыл на учредительное собрание. Долгое время оставалось непонятным, по какой причине Тойдт пригласил его в состав правления. Может быть, он хотел приобрести могущественнейшего покровителя, который оберегал бы его от нападок ученых-профессионалов? Но Гиммлер тогда не обладал властью, которая пришла к нему после «ночи длинных ножей». Может быть, Тойдт руководствовался и другими соображениями? Имеется машинописный экземпляр Устава фонда «Экстернштайн», который датирован 31 марта 1934 года. Так вот, в этом документе имеется рукописная вставка, которая говорит о вхождении рейхсфюрера СС в правление фонда. Но тогда возникает новый вопрос: почему фигура общегерманской величины оказалась в окружении деятелей регионального масштаба? Может быть, региональные нацистские функционеры, видевшие в Гиммлере руководителя элитарной организации, который имел прямой выход на Гитлера, хотели решить через рейхсфюрера какие-то свои проблемы? Ответ на этот вопрос скорее всего так и остался бы загадкой, если бы не нашлись документы, описывающие визит Гиммлера в Детмольд, который проходил весной 1934 года. В ходе визита, как и полагается в соответствующих случаях, была подготовлена определенная культурная программа. Она предусматривала, в том числе, посещение Экстернштайна. Во время осмотра скал рейхсфюрера СС ознакомили с наработками Вильгельма Тойдта. Гиммлер немедленно проявил к ним повышенный интерес. Он тут же высказал намерение помочь Тойдту в реализации его планов. Именно после этого события в уставе фонда «Экстернштайн» появилась рукописная дописка, согласно которой рейхсфюрер СС был введен в правление этой организации. Ни сам Тойдт, ни местные власти поначалу даже

и предположить не могли, что такая значимая фигура заинтересуется их начинаниями. Впрочем, Вильгельм Тойдт сразу же оценил выгоду от этого знакомства. Не прошло и нескольких дней, как в личном штабе рейхсфюрера СС появились все выпуски журнала «Германия» и книги Тойдта с дарственной надписью. Говорят, Гиммлер изучил их от корки до корки.

Гиммлер во время визита в Экстернштайн

Собственно говоря, на учредительном собрании фонда «Экстернштайн» Гиммлер был «свадебным генералом», но даже это скромное событие не прошло мимо Розенберга, который очень ревниво относился к вопросам древней истории, считая их исключительно своей компетенцией. Появление Гиммлера в правлении фонда существенно затрудняло попытки Розенберга и Ганса Рейнерта унифицировать «Объединение друзей германской праистории». Появление Гиммлера в правлении фонда позволяло ему не только вмешиваться в деятельность организации, но и в определенной мере контролировать сами изыскания, связанные с Экстернштайном. 15 месяцев спустя Гиммлер присутствовал при рождении другой организации — «Наследия предков» (Аненербе). Впоследствии судьба тесно свяжет Тойдта именно с «Наследием предков».

О том, что появление Гиммлера в руководстве фонда было очевидным выигрышным шагом, Тойдт понял несколько недель спустя, когда рейхсфюрер СС стал шефом прусской полиции и гестапо, а служебные функции СС были значительно расширены. Становилось очевидно, что покровительство над Экстерншлайном взял не просто какой-то партийный бонза, а один из самых влиятельнейших людей в Третьем рейхе. В этой ситуации Розенберг и его доверенное лицо Рейнерт решили перейти к более активным действиям. Они направили руководству «Объединения друзей» сообщение о том, что ему надлежит подумать о ближайших планах сотрудничества. Тойдт, который долгое время не мог найти поддержки у властей, естественно, обрадовался такому предложению. Он полагал, что Розенберг осуществлял волю фюрера. Тойдту было невдомек, что за кулисами Третьего рейха шла активная война, более известная как «борьба компетенций».

Радость, недолгое время царившая в руководстве «Объединения друзей», вскоре сменилась разочарованием. Рейнерт предпочитал общаться с профессором Юлиусом Андрее, тем человеком, который возглавил небольшие археологические раскопки в Экстернштайне, перейдя дорогу Тойдту. Со временем многие члены кружка Тойдта стали воспринимать Рейнерта не просто как представителя новой власти, а как академического ученого, который ни при каких условиях не мог быть дружественным «Объединению друзей германской праистории». Настороженное отношение сменилось оправданными опасениями, что «Объединение друзей» может вообще исчезнуть. Рейнерт откровенно требовал от Тойдта, чтобы все члены его организации вступили в «Союз борьбы за немецкую культуру». Но подобный шаг мог значить только одно — Тойдт не только терял своих сторонников, которые растворялись в общей массе, но и не мог высказывать свои идеи, так как должен был подчиняться партийной дисциплине. Раздражение стало расти, когда в дело вступил Розенберг, который стал оказывать давление на Тойдта по партийной линии. Гауляйтер Майер открытым текстом требовал от ученого-дилетанта смириться с возможной унификацией. И тут сыграла свою роль «политическая недальновидность» Тойдта. Он всячески противился унификации. «Объединение друзей» оказалось просто целью, как сначала казалось Рейнерту и Розенбергу. Рейнерт, поднаторевший во внутрипартийных интригах, нередко прибегал к откровенным доносам. В числе пострадавших от подобных доносов оказался и профессор Андрее, в лице которого Тойдт нашел неожиданного союзника. Ни Тойдт, ни Андрее не горели желанием быть рядовыми исполнителями в «Союзе борьбы за немецкую культуру». К тому же их сблизило то, что поначалу поссорило — интерес к Экстернштайну.

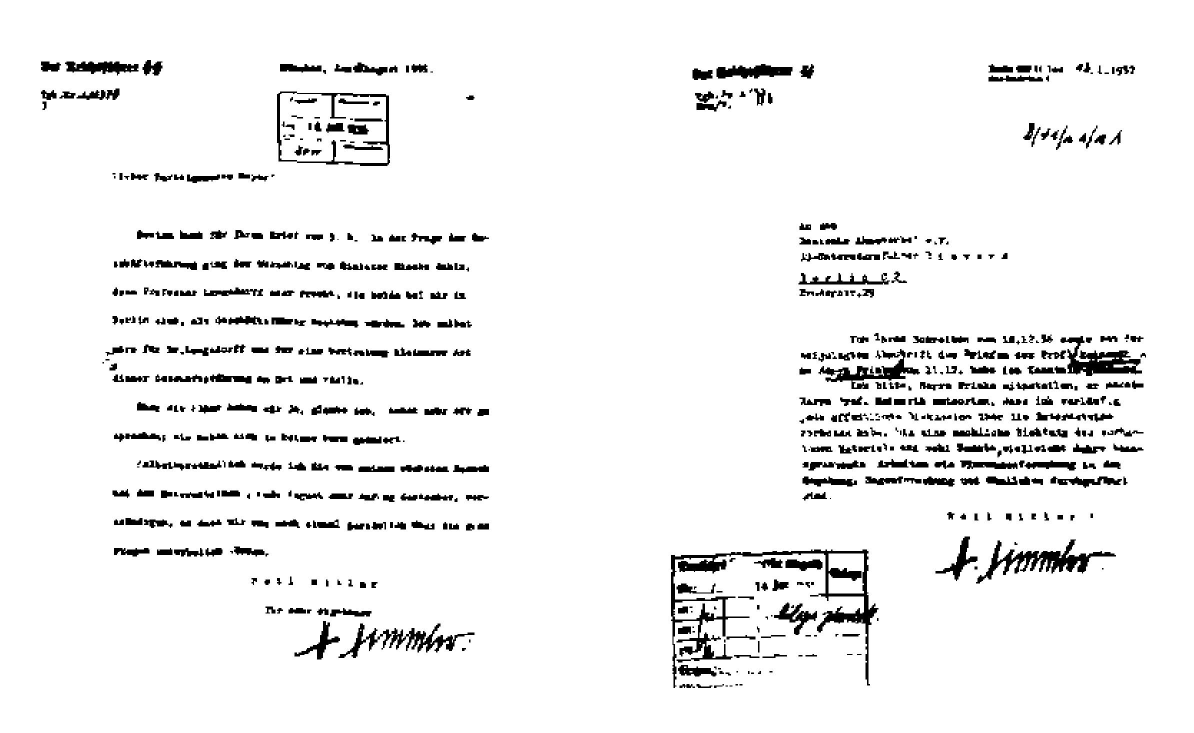
Наверное, и Тойдт, и Андрее оказались бы подчиненными Рейнерту, если бы в дело не вступил Генрих Гиммлер. Он всегда недолюбливал догматика Розенберга и его ставленников. К тому же в планы рейхсфюрера, просто одержимого мистикой и древней историей, никак не входила перспектива утерять контроль над Экстернштайном. Если верить источникам, он взял патронаж над этими окутанными легендами скалами едва ли не с 1934 года. Но к раскопкам, проходившим в тот год в Экстернштайне, он почти не имел отношения. Однако это не мешало проявлять ему едва ли не отцовскую заботу. Неудивительно, что первые археологические находки профессор Андрее отнес не Рейнерту, а штурмфюреру СС Кнобельсдорфу. Этот эсэсовский чин тут же отрапортовал адъютанту Гиммлера: «Поскольку средства земельного правительства почти исчерпаны, то существует опасность, что в высшей степени интересные раскопки в Экстернштайне могут быть приостановлены». Гиммлер

дал указание найти необходимые средства для изучения Экстернштайна. Удивительный факт, в тот же день Гиммлер направил еще одно письмо, в котором предлагал передать в собственность СС замок Вевельсбург. Случайность или закономерность? Неизвестно, но в сентябре 1934 года Гиммлер ясно дал понять, что проявляет повышенный интерес к Экстернштайну и Вевельсбургу — объектам, которым было суждено стать главными эсэсовскими святынями.

Подробности помощи, оказанной Гиммлером в деле изучения Экстернштайна, приводились в одной из детмольдских газет. Там была опубликована заметка «Гиммлер в Экстернштайне. Осмотр исторического места вместе с профессором Андрее». В заметке сообщалось, что местные власти придавали визиту рейхсфюрера СС огромное значение. Один из партийных бонз, находившийся в это время в больнице, даже специально покинул палату, дабы лично приветствовать главу охранных отрядов. В итоге Гиммлер распорядился передать в распоряжение археологов два штурма из состава 72-го штандарта СС. Сам же Гиммлер с нескрываемым интересом осмотрел гроты Экстернштайна и раскопы, располагавшиеся рядом со скалами. Всего же рейхсфюрер провел в Эсктернштайне около 4 часов. А вот один забавный факт. Об археологических находках Гиммлеру рассказывал один из соратников Тойдта, а вовсе не академический ученый. Кстати, дата визита Гиммлера в Экстернштайн (22 сентября) была тоже далеко не случайной. По местной традиции здесь проводилось поминовение экипажа подводной лодки U-9, вступившей в неравный бой с английским флотом в самом начале Первой мировой войны. Это указывает, что немцы уже в первые годы нацистской диктатуры воспринимали скалы Экстернштайна как некое культовое сооружение.

1935 год для «Объединения друзей германской праистории» начался с мрачных новостей. Стало известно, что земля Липе будет включена в состав Вестфалии. Затем пришло сообщение, что прусский министр культуры и образования назначил ответственным за охрану природных памятников Августа Штирена. Это никак не входило в планы Тойдта, который надеялся, что на этом посту окажется профессор Андрее. Судьба Экстернштайна стала заложницей преобразований, проходивших в стране. К этому добавлялись неприятности, доставляемые Гансом Рейнертом, который посредством Министерства воспитания всячески мешал планам Тойдта.

Помощь, оказанная Гиммлером, оказалась фактически бесполезной зимой 1934/1935 года, так как раскопки были временно законсервированы. Но в Детмольд приходили не только мрачные слухи. В частности, молва говорила, что позиции Рейнерта сильно пошатнулись и что в ближайшее время Имперское министерство воспита-

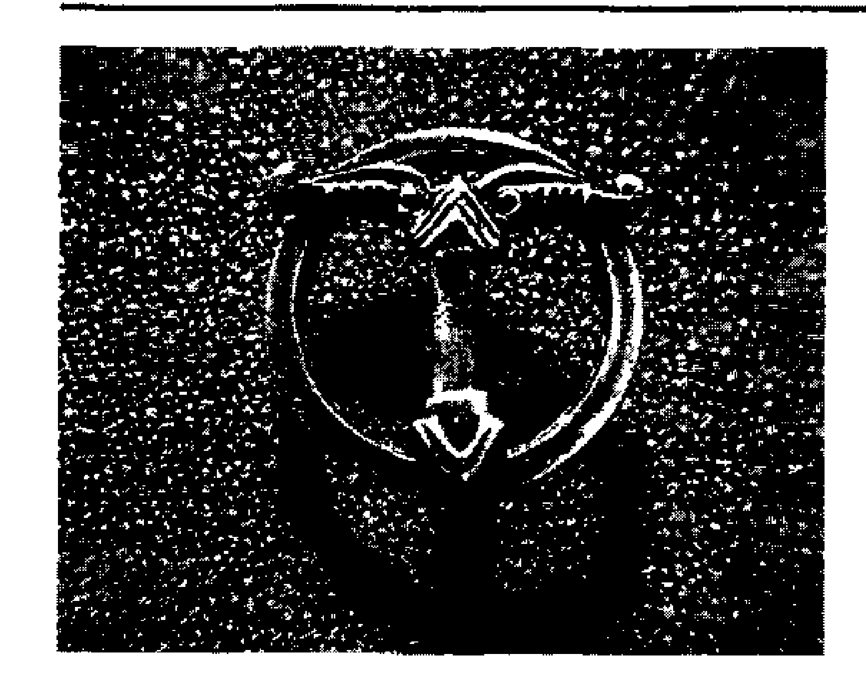
Письма рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, в которых он пытается закрепить свои позиции в сфере работы в Экстернштайне

ния станет союзником Гиммлера. Но самым обнадеживающим слухом было сообщение о том, что имперский министр воспитания собирался передать раскопки всех доисторических памятников ведомству Гиммлера. Все это подталкивало Вильгельма Тойдта искать личной встречи с Гиммлером. Эта встреча состоялась в конце февраля 1935 года. Беседа была в основном посвящена перспективам создания в Детмольде специального эсэсовского учреждения, которое бы занималось изучением древней истории. Но тематика этого недолгого разговора не ограничивалась обсуждением служебных перспектив. Тойдту удалось обсудить значение Экстернштайна. Гиммлера откровенно порадовало, что Тойдт не возражает против сотрудничества с СС. Но при этом рейхсфюрер СС сделал одно очень важное замечание. Он подчеркнул, что в его личном штабе *недопустимо пагубное влияние идей Гвидо фон Листа*. На прощание он ободрил Вильгельма Тойдта, заявив, что в будущем национал-социалистическое государство уделит Экстернштайну самое пристальное внимание.

Поначалу участие СС в деле изучения Экстернштайна было незаметным. Например, приверженец идеи Тойдта, Фриц Фике, работавший гидом по гротам скал, суммировал свои наблюдения и отсылал их наверх. Получателем этой информации был не кто иной, как Карл Мария Виллигут! Виллигут обрабатывал полученные сведения и отсылал их обратно в Детмольд унтерштурмфюреру Прехту. У самого Тойдта явно не хватало специалистов, чтобы начать планомер-

ную работу. Привлекать их из академических кругов было рискованно. Ученые-профессионалы могли не оставить камня на камне от его построений. Кстати, с подобной проблемой сталкивался и Рейнерт. Но последний начал сдавать позиции: он явно не выдерживал войны на два фронта, против серьезных ученых, с одной стороны, и дилетантов, поддерживаемых СС, с другой.

В апреле 1935 года Рейнерта ждал неприятный сюрприз. Ученые из Немецкого археологического института и так называемой «Римско-германской комиссии» вместе с эсэсовцами начали активную кампанию по его дискредитации. Под сомнение ставились любые наработки, начатые Рейнертом в деле изучения Экстернштайна. Конфликт вышел на общеимперский уровень. По мере того как от Рейнерта отворачивались его коллеги и сотрудники, СС все активнее закреплялись в сфере доисторических исследований. Весной 1935 года Александру Лангсдорфу, советнику Гиммлера по вопросам древней истории, удалось наладить контакты со многими немецкими учеными. После соответствующей беседы с Гиммлером Лангсдорф начал налаживать отношения с учеными из Рейнской области, к которой примыкал Детмольд. Он обещал им всевозможную поддержку со стороны СС. Несколько дней спустя Гиммлер подтвердил свои намерения относительно участия СС в доисторических изысканиях. При этом он достаточно ясно дал понять, что его ведомство интересует не столько сама древняя история, сколько культовые сооружения древности. Но это, по словам рейхсфюрера СС, не должно было уменьшать научной значимости предполагаемых исследовательских проектов. Для обсуждения будущих планов Гиммлер даже встретился с немецкими учеными-историками. В беседе он дал понять, что каждое историческое направление будет курироваться специальным эсэсовским подразделением. Рейхсфюрер СС даже не скрывал, что при помощи научных методов, присущих археологии и этнографии, он намерен создать специальную топографическую карту, на которой были бы отмечены особые культовые места. Гиммлеру удалось создать мощный блок, который противостоял Розенбергу и Рейнерту. В него входили не только соратники Тойдта, но и серьезные ученые, представители местных властей и Министерства воспитания. Планировать всю культовую и доисторическую работу пока было поручено Александру Лангсдорфу. Последнему удалось договориться, что многие специалисты по древней истории войдут в состав Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Первым эсэсовским ученым стал Вернер Буттлер, который в июле 1935 года проводил археологические раскопки близ городка Эрденбург.

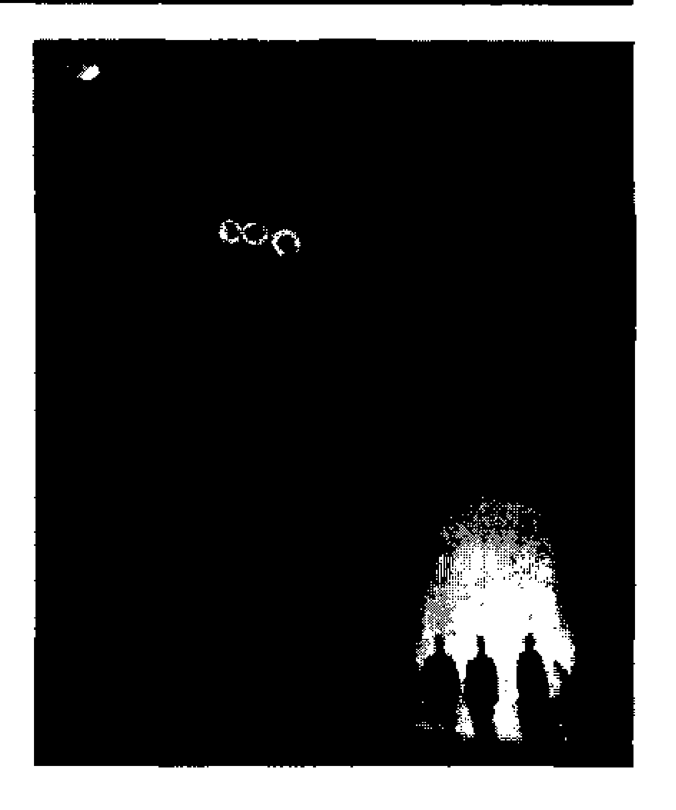

Продукция Аненербе (броши и плакаты) с новым символом Ирминсулом

Розенберга и Рейнерта подобное развитие событий совсем никак не устраивало. Они решили прибегнуть к своей излюбленной тактике доносов. В многочисленных письмах, направленных в партийную канцелярию и другие структуры, они жаловались, что Розенберг, уполномоченный лично фюрером заниматься мировоззренческой работой, подвергается травле группки интеллигентов, которые смогли закрепиться в СС. В некоторых пасквилях звучали и вовсе смешные обвинения: дескать, вся научная работа, которую планировали вести СС, на самом деле руководилась либерально-католической реакцией! Используя собственные газеты, Розенберг яростно нападал на союзников Гиммлера, заявляя, что в науку проникли ненемецкие элементы, которые высказывают идеи, подрывающие единство народного сообщества.

Впрочем, Гиммлера мало интересовали подобные нападки. Он четко осуществлял заранее намеченный план, и летом 1935 года было создано общество «Наследие предков». С этого момента древняя история неуклонно входит в компетенцию деятельности «черного ордена». Поначалу Аненербе осуществляло свою деятельность по изучению Экстернштайна совместно с отделом RAIIIb Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Именно с лета 1935 года Экстернштайн превращается в место общенационального паломничества. Скалы буквально в одночасье превратились из исторического памятника в культовое сооружение. Интересный факт. К скалам Экстернштайна строго-настрого запрещалось подпускать евреев. Это мотивировалось тем, что они не могли осознать их значения для немецкого народа. Сами же скалы оказались обнесены специальным забором, на воротах которого висела вывеска: «Соблю-

дайте тишину в святыне наших предков». Вся эта обстановка должна была подводить посетителей к мысли о том, что они принимали участие не просто в исторической экскурсии, а были причастны к некой религиозной церемонии. Кстати, когда стало ясно, что Экстернштайн окончательно перешел под контроль СС, недовольный Рейнерт стал использовать тактику, недостойную ученого. Он начал направлять анонимки, в которых сообщалось, что Александр Лангсдорф — еврей. В ответ Лангсдорф обратился с эсэсовский суд чести и потребовал вызвать Рейнерта на его заседание. Ситуацию удалось замять, но самому Лангсдорфу пришлось от греха подальше отказаться от затеи курировать «мистические скалы». В итоге Тойдт наконец-то достиг долгожданного результата. С разрешения Гиммлера он мог проводить в Экстернштайне астрономические наблюдения, которые больше напоминали религиозный ритуал, а также справлять празднества летнего и зимнего солнцестояния.

Ночной ритуал в Экстернштайне, на вершине скал видны три таинственных огня

Дальнейшее врастание кружка Вильгельма Тойдта в структуру СС произошло после того, как он передал «Наследию предков» права на выпуск учрежденного им журнала «Германия». Дело в том, что в 1935 году Аненербе не имело ни одного собственного печатного органа. Но для деятельности исследовательского общества газета была просто необходима. Более целесообразно было бы получить в свое распоряжение уже имеющийся печатный орган, который имел собственный круг читателей. После неудачных переговоров с издателями журнала «Нордический мир» руководство «Наследия предков» решило остановиться на ежемесячнике «Германия». В то время это издание фактически подчинялось Вильгельму Тойдту, популяризируя деятельность «Объединения друзей германской праистории», и освещало вопросы, касавшиеся Экстернштайна. Но надо подчеркнуть, что в нем уже появлялись работы Г. Вирта и Й. Плассманна. Это обстоятельство было весьма важным для руководства Аненербе. «Германия» стала печатным органом «Наследия пред-

Стела в виде Ирминсула, установленная нацистами у подножия Экстернштайна

ков», так как находилась в крайне тяжелом финансовом положении. В декабре 1935 года был подписан договор, в котором значилось, что журнал издается совместно «Объединением друзей» и обществом «Наследие предков». Было назначено даже два редактора: главным редактором был Йозеф Плассманн, живший в Берлине, а вторым — Отто Зиффет, один из последователей В. Тойдта.

Следующий шаг был просто неизбежен. На свое 75-летие Вильгельм Тойдт получил приглашение возглавить один из отделов «Наследия предков». После недолгого раздумья Тойдт дал положительный ответ. 18 января 1936 года он был назначен начальником учебно-исследовательского отдела германистики. Но подобное назначение было медалью, у которой была оборотная сторона. С одной стороны, Тойдт получил признание в обществе. Он даже получил должность профессора. Но с другой стороны, он был вынужден подчиняться эсэсовской дисциплине. Это выразилось хотя бы в том, что он был вынужден передать пост главы «Объединения друзей германской праистории» Вольфраму Зиверсу, организационному руководителю Аненербе. Кроме этого, он не мог выпускать никаких книг и статей, касающихся Экстернштайна, не согласовав их со своим начальством. Подобные строгости касались не только Тойдта. К примеру, в 1936 году рейхсфюрер СС строго-настрого запретил осуществлять несанкционированные исследования и публикации, посвященные Экстернштайну. Надзирать за этим, бесспорно, должно было Аненербе. Со временем «Наследие предков» выпустило несколько книг о «магических скалах». Некоторые из них напоминали учебник. Все эти книги одобрялись лично Гиммлером. Подобными «учебниками» снабжались едва ли не все эсэсовцы. Для них эти книги служили специфическим путеводителем (со временем посещение Экстернштайна, как и приобретение юльских светильников, было почти обязательным для офицеров СС).

Но эсэсовское руководство очень тонко учло психологию честолюбивого Тойдта. Ему было сделано несколько показательных реверансов. Мало того, что он был назначен начальником одного из отделов Аненербе, Гиммлер решил сменить символ этой организации. Начиная с 1936 года эмблемой «Наследия предков» становится бе-

лое изображение Ирминсула, размещенное на черном щите. Со временем Ирминсул стал символом эсэсовского мистицизма. Остановимся на этом образе поподробнее.

Как уже говорилось выше, Мировое Дерево германских народов называлось Ирминсулом и оно, подобно Иггдрасилю, возносило свой верх высоко в эфир. Однако название Ирминсул относится лишь к стволу дерева и означает колонны вселенной, которые поддерживают Всё. Три или четыре большие пути расходились от подножия Ирминсула в главные стороны света, напоминая корни Иггдрасиля. Есть версия, что название Ирминсул носили статуи богов, воздвигнутые на этих деревянных столбах. В доказательство этой версии Гримм цитирует древнего писателя:

На ирминсуле стоял огромный идол,
Его они называли своим торговцем.

Или другой отрывок:

На ирминсул он взобрался,
И весь земной народ ему поклонялся.

Это означало то, что некоему индивидууму поклонялись как богу и, возможно, древние тевтоны поклонялись богу по имени Ирмин. Эта версия очень подробно развита в «Ирмин-саге» Карла Марии Виллигута. Сам же Гримм связывал идею выбора и святого дерева-ствола, а не столба, высеченного рукой человека, и говорил, что как образ переходит в понятие дерева, так и дерево переходит в этот образ. Подобный деревянный столб мы находим и в мифологии Древнего Египта. Каждый город или деревня этой загадочной страны поклонялись своему божеству, и эти божества проявлялись в форме некоего объекта, в котором они якобы обитали. Одним из них был бог города Джеду, Осирис, его представляли в виде деревянного столба, который таким образом стал отождествляться с ним. Сперва это был просто ствол дерева, лишенный листьев. Есть описание праздника, изображенного в Фиванской гробнице. Это был праздник возведения колонны Джед. Фараон начал праздник с предложения жертвы Осирису, «богу вечности», который был представлен в виде мумифицированной фигуры с колонной Джед на голове. Затем фараон при помощи родственников и жрецы установили столб в вертикальное положение, что символизировало момент воскресения Осириса, и его позвоночник, века спустя представленный Джедом, опять стоял прямо. Позже этот столб стал символизировать четыре столба, поддерживающие небеса. В гробницах правителей часто находят объекты, напоминающие миниатюрные столбы с четырьмя горизонтальными балками наверху, зеленого,

красного и синего цвета. Эти маленькие фигуры, известные как символы «джед», вешались на шею умерших, чтобы обеспечить им спокойный переход в иной мир и чтобы наделить их жизнью и силой. Эта святая эмблема Осириса Джеду впоследствии использовалась в архитектуре и при изготовлении талисманов и амулетов. Джед и Ирминсул, кажется, были «объектами» того же рода, что и Амерах. Омахи Северной Америки имели «святой столб», который отождествлял Космическое Древо, и был известен как таинственное дерево. Оно было центром четырех ветров и домом Громовой птицы.

Но вернемся к германцам. Виллигут однозначно указывал на то, что бог саксов Ирмин был связан с мировым столпом Ирминсул. Более того, согласно одной из халгарит Вайстора, именно на столпе был в свое время Бальдр Крестос. Согласно Виллигуту, общая концепция этого символа тесно связано и с ирминизмом, и с крестианством. Для Вайстора мистерия Криста — это Архетип Пригвожденного Бога, Бога Умирающего и Возрождающегося, Бога Года, Распятого на Оси-Ирминсуле. Так что для Гиммлера Экстернштайн и Ирминсул не были какими-то забавными историческими объектами. Это была полноправная часть его религиозного замысла, которая, по сути, сводилась к восстановлению ирминизма. Это не просто голословная версия. Если мы посмотрим на культовые места СС: Экстернштайн (Детмольд), Вевельсбург (Падеборн), гора Брюкен (Хамельн), Заксанхайн (Ферден-на-Аллере), место распятие Крестоса (Гослар), то обнаружим, что все они располагались на достаточно небольшой территории. Именно той территории, которую Виллигут описывал как древний оплот ирминизма. Более того, выбор некоторых культовых мест был не случаен. В Германии существует множество замков, но Гиммлер остановился именно на Вевельсбурге. Есть версия, что этот замок был выбран именно потому, что он располагался на территории «ирминистского ареала».

Но вернемся обратно к Вильгельму Тойдту. Все начало 1937 года прошло у него под знаком бесконечных споров и склок с руководством «Наследия предков». Упрямый старик никак не хотел подчиняться требованиям, предъявляемым к эсэсовцам. Эти разногласия подогревались гауляйтером Вестфалии Альфредом Майером, который настойчиво предлагал Тойдту возглавить исторические исследования в Детмольде. Вильгельм Тойдт не стеснялся в критике. Он дошел даже до того, что стал критиковать само устройство Третьего рейха. Как-то он заявил: «Фюрер-принцип хорош для почты или для армии, но отнюдь не для других дел. Имеется слишком много руководителей, которые ориентируются на фюрера, большей частью не решая никаких дел». В «Наследии предков» поначалу сквозь

пальцы смотрели на причуды старика. Но рано или поздно терпению Зиверса должен был прийти конец. Тойдт подвергал риску всю деятельность Аненербе, его одернули. В ответ Тойдт стал угрожать, что оставит пост руководителя отдела в «Наследии предков» и перейдет работать к Рейнерту. Конфликт чуть было не вышел наружу. Тойдт принял решение о вступлении «Объединения друзей германской праистории» в составе «Имперского союза древней истории», который возглавлял Рейнерт. Дело дошло до того, что брауншвейгский министр-президент Клагесс, являвшийся членом СС, вызвал к себе Рейнерта и в решительной форме потребовал прекратить попытки перетянуть к себе в структуру специалистов из «Наследия предков». 18 февраля 1937 года Вольфрам Зиверс решился на откровенную беседу с Вильгельмом Тойдтом. В ее ходе организационному руководителю Аненербе удалось убедить 77-летнего старика в неразумности его шагов. Зиверс в красках рисовал мрачные перспективы пребывания Тойдта в организации Рейнерта. В данной ситуации Зиверсу не приходилось выбирать. «Объединение друзей» к началу 1937 года насчитывало более 1100 членов и могло стать самым сильным союзником Рейнерта. Выход объединения из состава «Имперского союза» наносил мощнейший удар по старому противнику Аненербе. Вольфрам Зиверс и Бруно Гальке решили напрямую обратиться к Гиммлеру, дабы ускорить процесс разрыва отношений Тойдта и Рейнерта. Но рейхсфюрер СС высказал противоположное мнение. Он предложил не спешить с решительными шагами. Возможно, он рассчитывал присоединить к «Наследию предков» весь «Имперский союз древней истории», а может быть, он не хотел терять своих агентов влияния в составе этой организации, которые регулярно доносили ему о планах Рейнерта.

Тем временем Экстернштайн перестал быть исключительной компетенцией «Наследия предков». В начале 1937 года организация Рейнерта выпустила памятное издание «5000 лет Германии», в котором Экстернштайн изображался «святыми местами Новой Германии». Тойдт был польщен. Наконец-то его идеи были озвучены на всю страну.

Но Гиммлер не бездействовал. Он не хотел терять контроль над Экстернштайном. Пока шли аппаратные игры, рейхсфюрер СС предпринял несколько шагов. Переписка между Зиверсом и Гиммлером наглядно демонстрировала, что глава «черного ордена» проявлял в это время самый повышенный интерес к «магическим скалам». Он даже отложил некоторые служебные дела, дабы лично контролировать некоторые свои начинания.

Одно из таких начинаний стартовало осенью 1937 года. Под контролем «Наследия предков» с 20 по 22 ноября 1937 года в Экс-

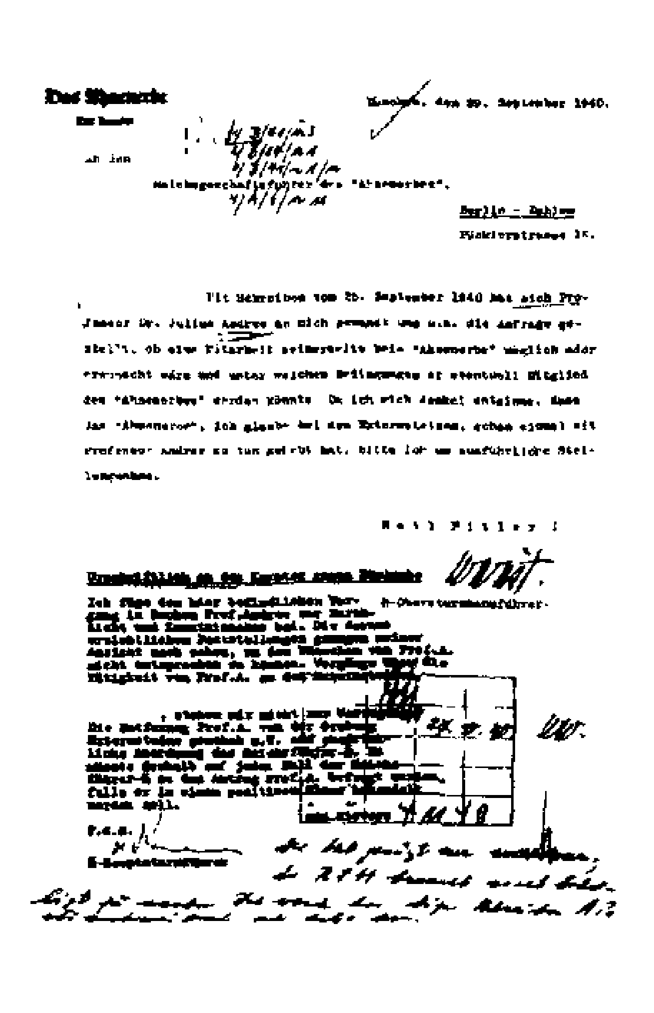
Эсэсовские раскопки в скалах Экстернштайна

терштайне работала группа специалистов из Минералогического института, осуществлявшего свою работу при Франкфуртском университете. Ученые, исследовавшие остатки рубил и резцов, произвели самое благоприятное впечатление на Зиверса. Во время осмотра Экстернштайна один из ученых обратил внимание на следы копоти, располагавшиеся во многих местах «священных скал». После этого исследователи из Франкфурта направили руководству СС письмо с просьбой сделать дополнительные пробы в местах, где наличествовала древняя копоть. Эти исследования могли позволить точно датировать дату ее появления. Без таких проб ученые были не в состоянии определить, появилась ли она в бронзовый или железный век. Комплексное изучение Экстернштайна могло позволить объяснить и предназначение рисунков и знаков, выцарапанных внутри некоторых скальных гротов. Они даже высказывали предположения, что рисунки были нанесены не традиционными кремниевыми рубилами, а металлическими изделиями, которые могли служить первыми монетами.

Подобная перспектива приободрила Гиммлера. Рейхсфюрер СС дал Вольфраму Зиверсу поручение связаться с Немецким хранилищем золота и серебра, дабы то полностью профинансировало проведение исследовательских работ. Основанием для подобного шага было предположение, что ученые могли сделать новые революционные открытия в области немецкой нумизматики. Не меньший

интерес Гиммлер, всегда увлекавшийся минералогией, проявил и к пятнам копоти. В начале декабря 1937 года он пишет письмо Зиверсу, в котором сообщает: «Я согласен с тем, чтобы в Экстернштайне были предприняты комплексные исследования... Появление копоти на скалах может иметь двоякую трактовку. Во-первых, это следы разрушения, которые остались на известняке. Вторую версию предложил бригадефюрер СС Вайстор. Уже давно он утверждал, что огонь в определенной степени служил астрономическим целям. Он помогал отслеживать солнечные циклы, месяцы, а может быть, и дни». Гиммлер даже вспоминал также о своем посещении Экстернштайна осенью 1934 года. Тогда рейхсфюрер СС нашел место, которое очень напоминало очаг. Из этого наблюдения Гиммлер делал вывод, что скалы, возможно, были обитаемы еще с первобытности. Этим исследованиям было суждено начаться лишь в апреле 1938 года, когда руководство Аненербе окончательно смогло «обезопасить» Тойдта.

Вторым шагом, который предпринял Гиммлер, был временный переезд руководства «Наследия предков» из Берлина в Детмольд. Для осуществления этого проекта Гиммлер лично встретился с гауляйтером Майром. Соглашение было достигнуто почти моментально, после чего Освальд Поль, ведавший всеми хозяйственными делами в СС, отдал приказ о переселении Аненербе из Берлина в Детмольд. Все хозяйственные вопросы были решены едва ли не со скоростью света. В течение пары недель в Детмольде для «Наследия предков» было изыскано более 60 помещений, общей площадью около 10 тысяч квадратных метров. Это были не только помещения библиотек и служебных кабинетов, но и мастерские и даже выставочные помещения.

Berlin - Dahlem

Heil Hitler !

Письмо из недр Аненербе, из которого явствует, что скалы Экстернштайна являются его привилегией

7 февраля 1938 года в Мюнхене состоялось заседание, на котором обсуждались

Надпись перед входом в Экстернштайн «Соблюдайте тишину в святыне предков»

проблемы Экстернштайна. В ходе беседы между партийными и эсэсовскими функционерами было высказано крайнее недовольство стилем работы Вильгельма Тойдта. Генрих Гиммлер принял к сведению высказанную критику, но не решился избавиться от престарелого исследователя. Судьба Тойдта была решена 20 февраля. В тот день на стол Гиммлера попало досье, собранное гестапо. Последней каплей, переполнившей чашу терпения рейхсфюрера, стали сведения относительно поведения Тойдта во время контактов с голландской «фёлькише» группой «Вадерен Эрфдеель», которая активно сотрудничала с «Наследием предков» в деле изучения Экстернштайна. Оказалось, что и при личных встречах, и при переписке Тойдт высказывал резкую критику в адрес эсэсовского руководства. 25 февраля 1938 года Вильгельм Тойдт был исключен из «Наследия предков», за ним последовал Вильгельм Кинкелин, член Президиума Аненербе. Но самая трагическая судьба ждала гида, осуществлявшего экскурсии по Экстернштайну. Несмотря на то что в течение многих лет Фриц Фрике был осведомителем СС, он был лишен всех постов и отправлен в концентрационный лагерь. В самом Аненербе от наследия Тойдта все предпочли тут же откреститься. Не впервой, такая ситуация наблюдалась и в случае с Германом Виртом. Можно говорить, что именно с 25 февраля 1938 года Экстернштайн перешел под полный контроль СС. Впрочем, Тойдту было позволено проводить по скалам небольшие экскурсии и работать фотографом, снимая всех желающих на фоне «немецкой святыни». Начало Второй мировой войны привело к тому, что Экстернштайн был официально закрыт для публики. Появляться в скалах могли только сотрудники «Наследия предков». В годы войны в Экстернштайне даже перестали проводить праздники зимнего солнцестояния, которые проходили здесь каждый сезон, начиная с 1935 года.

Дальнейшее развитие Экстернштайна планировалось начать после окончания Второй мировой войны. В планах Гиммлера было открыть здесь гигантский музейный комплекс, где были бы и гостиницы и рестораны, и несколько музеев. В музеях должны были вы-

ставляться предметы старины. Гостиницы и места питания должны были быть оформлены в стиле раннего Средневековья. Каждый поселившийся в гостинице должен был получать буклет об Экстернштайне, который мог служить проходным билетом к скалам. Но не стоит полагать, что глава «черного ордена» собирался превратить Экстернштайн в какой-то развлекательный комплекс. Скорее наоборот, доступ в эти места предполагалось существенно ограничить. Списки посетителей предварительно согласовывались с эсэсовским руководством. Вероятно, тут предполагалось устроить после войны крупную культовую площадку ирминистской религии. На эту мысль наводит намерение Гиммлера поставить перед скалами гигантское изваяние, которое должно было быть возрожденным Ирминсулом (просьба не путать с небольшой стелой, установленной в 1938 году). Итоги мировой войны внесли свои коррективы в планы Гиммлера. Впрочем, часть из них все-таки сбылась: Экстернштайн до сих пор является местом собрания мистиков, язычников и немецких националистов.

Глава 8

ЭСЭСОВСКИЕ МЕДИУМЫ И АЛХИМИКИ

Известно, что Гиммлер интересовался спиритизмом. Причем этот интерес не ограничивался чисто теоретическими познаниями. Доподлинно известно, что в 1925 году будущий рейхсфюрер СС досконально проштудировал практическое руководство для медиумов, написанное Генрихом Юргеном. Это пособие в вопросах «Практики вращения и магии маятника» было издано в качестве руководства для выявления болезней, определения пола и других характерных человеческих черт при помощи сидерической силы. Дело в том, что в своей книге Генрих Юрген предположил, что многие знаменитые лекари, в том числе и Парацельс, обладали специфическим сложением головы, которая состояла из двух частей. Одна часть была сидерической и другая элементальной. Этим частям соответствовало смешение различных стихий. В данном случае воздуха и огня (сидерическая часть), воды и земли (элементальная часть). Интерес Гиммлера к этой теории можно понять, если прочесть в подзаголовке пособия, что оно способствовало не столько развитию медицинских способностей, сколько «беседе с потусторонними силами». Гиммлер всегда мог найти контакт с царством мертвых и духов. Книга Юргена могла «помочь» в этом начинании, так как была снабжена множеством таблиц и спиритических шаблонов, с помощью которых можно было беседовать с духами. В этих таблицах со-

держались основополагающие понятия и слова: да, нет, слева, справа, злой, добрый, живой, мертвый и т.д. Фактически это был популярный самоучитель спиритизма.

Но система Юргена несколько отличалась от общепринятого спиритизма. Дело в том, что в ней центральным атрибутом было не вращение блюдца, а раскачивание маятника, который приводился в действие таинственной силой — «Од»[1]. Видимо, именно эта сила способствовала переходу духа в материю, души в тело. Впервые это понятие в употребление ввел немецкий химик барон Карл Людвиг фон Райхенбах. Сила «Од» была неким новым средством передачи информации. Этот человек стал в свое время наглядным примером того, как можно воедино увязать естествознание и спиритизм. Он был химиком, который получил креозот и парафин. Однако это не помешало ему в 1841 году заняться изучением силы «Од». Предполагалось, что название ей он дал от имени скандинавского бога Одина. Более того, он предположил, что «Од» обладал двумя полюсами. Автор «Практики вращения и магии маятника» весьма охотно ссылался на эпигонов Райхенбаха. Возьмем хотя бы одну цитату: «Мы знаем о существовании электричества, а потому можем обсудить: имеются ли в тканях организма такие места, в которых может накапливаться большое количество этой энергии? Может ли эта электрическая энергия превращаться в механическое действие, то есть при помощи импульсов, исходящих из мозга, приводить в движение мышцы? Но ничего подобного мы не найдем в человеческом теле... Моторные функции организма осуществляются без какого-либо электрического вмешательства. Не могут этого осуществить и химические реакции... С определенной уверенностью мы можем говорить, что организм подчиняется особенной, пока еще не известной официальной физике силе. По мнению автора сей работы, это — Од. Это особая субстанция, которая, как утверждает Райхенбах, позволяет людям с особой психической восприимчивостью обладать особым зрением, осязанием и другими чувствами. Од исходит из человеческого тела преимущественно от кончиков пальцев, а также из ушей, глаз и рта. Для условного обозначения излучения, исходящие от правой ладони, получают синий цвет, а от левой — красный. Райхенбах считает, что человеческое тело обладает такой же полярностью, как и земной шар». Или еще цитата из Юргена: «Французский исследователь Дурфилле установил, что магнетизм является источником Ода, а точнее говоря, его излучений. Венский врач Фридрих Феров выяснил, что все нервы человеческого тела яв-

[1] Не этот ли сюжет оказался скрытым от читателя в парамасонском романе У. Эко «Маятник Фуко»?

ляются полыми и могут являться проводниками Ода. Фриц Кваде высказал в своей работе «Одик» рабочую гипотезу, согласно которой Од может состоять из «ур-атомов». Эти полярные «ур-атомы» содержатся не только в Оде, но и во всех химических веществах».

Затем Юрген вновь цитирует Ферова, который воспринял античную концепцию об изучении взглядом. В частности, он писал: «Взгляд также обладает одическим воздействием — окинутый взглядом буквально облучается Одом. Свет человеческого Ода сильнее любых магнитов и кристаллов... Чувствительным людям в темноте человеческое тело видится полностью освещенным. Оно словно укутано одической оболочкой, которая увеличивает его размеры и придает призрачную необычность».

В этих научных выкладках теоретиков Ода мы можем легко узнать гностические идеи о метафизическом свете. Вспомним хотя бы того же Альфреда Шулера, который как-то сказал: «Представьте себе дрожащий комплекс света, который состоит из бесчисленного количества активных и пассивных электронов. Флюидов, находящихся в непрерывном движении, из которых состоит Вселенная. Именно эти флюиды образуют нимб — ореол творческой силы, которая окружает каждую сущность». О том, что идея Ода имеет непосредственное отношение к гностицизму, становится понятно после заключительных слов Юргена: «Если дух Бога сначала проснулся только в нас, то нам возможно передать его и подняться на более высокий уровень, подключившись к космической энергии, без участия которой ничто не появляется и ничто не исчезает. Которая выводит нас из бессознательной сферы к осмысленному обозрению высших миров. Которая делает нас сияющими людьми, даруя высшее сознание страны просветленных». То есть Бог находится в самом человеке, его надо лишь пробудить, сделать более возвышенным. Фактическое повторение гностической доктрины о том, что божественные искры были заронены в царство материи. Надо только лишь найти источник, откуда истекает космическая сила, снова вернуться в плерому, Светлое изобилие, «Царство просветленных».

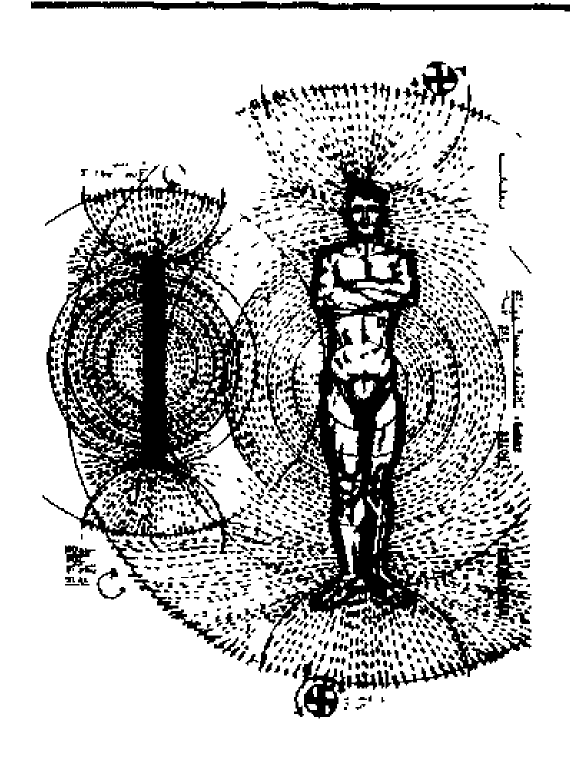
В 1942 году Гиммлер заявил своему массажисту Феликсу Керстену: «Мы начали лишь для того, чтобы объявить, что чистая германская кровь является предпосылкой для высших умственных и психических качеств. Нас порадует, если эта мысль овладеет широкими массами. Однако здесь видна только биологическая сторона дела. Вместе с тем чистая кровь является условием, чтобы светлые силы, родственные нам, воплотились в германском человеке. А это уже религиозная проблема».

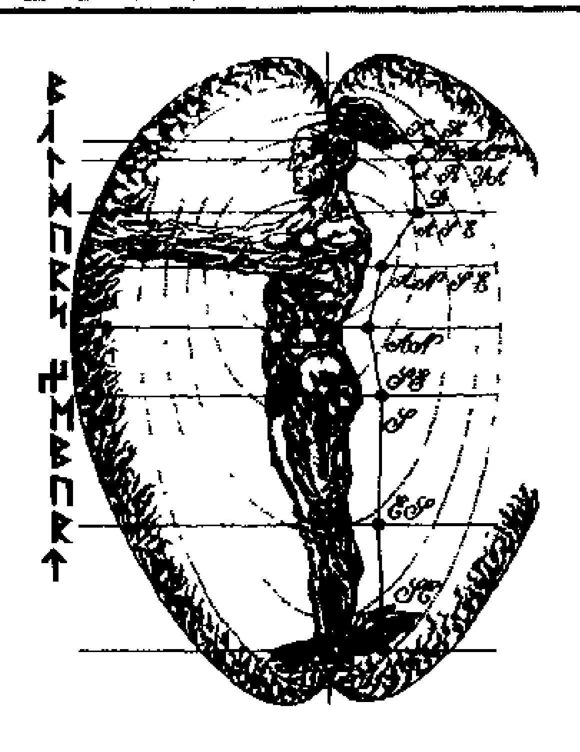
О том, как Од попадает в тело, автор «Практики вращения» дает достаточно четкий ответ: «В организме находится два важнейших

источника Ода — это беспламенное сгорание питательных веществ в легких и тканях и фиксация Ода через дыхание. Чем больше перерабатывается питательных веществ, тем больше становится Ода. При 37 или более низкой температуре в тканях вырабатывается больше ур-атомов или эфирной материи. Но не все люди способны извлекать одинаковое количество Ода из воздуха. Одом является то, что индийские йоги называют праной».

Кстати, весьма интересная мысль относительно низких температур, при которых в теле вырабатывается больше эфирной материи. В годы войны в «Наследии предков» проводились многочисленные опыты по переохлаждению людей. Доктор Зигмунд Рашер лично подбирал людей для подобных экспериментов. Он писал Гиммлеру, что опыты по переохлаждению можно было бы начать в июле 1942 года. Но этот план приобрел конкретные очертания только после того, как Рашер лично переговорил с Генрихом Гиммлером. Гиммлер подчеркнул, что эти опыты имеют большое значение для СС. Когда в Аненербе в качестве одного из подразделений исследовательского общества был создан Научный институт целевых военных исследований, Рашер стал руководить в нем одним из секторов. 15 августа 1942 года в Дахау началось проведение опытов по переохлаждению человека. В своем первом отчете от 10 сентября 1942 года Рашер описывал рейхсфюреру СС процесс пребывания заключенных, облаченных в полную летную форму, в ледяной воде. Как только температура тела достигала 28 °С, наступала смерть подопытного, несмотря на все попытки реанимировать его. В опытах по воздействию влажного холода подопытных погружали в ледяную воду либо обнаженными, либо одетыми в комбинезоны, и спасательный круг не давал им утонуть. Первая мысль, которая приходит в голову после ознакомления с документацией о ходе этих бесчеловечных экспериментов, что они проводились по заказу моряков или летчиков, которые хотели освоить новые возможности борьбы с переохлаждением. Но в 1942 году и у вермахта, и у Люфтваффе были весьма неплохие методики. К тому же возникает вопрос, почему эти эксперименты (со слов Гиммлера) имели большое значение для СС? Не потому ли, что их истинной целью была попытка изучить процесс активизации в человеческом теле силы Од?

Но вернемся обратно в 20-е годы. Юрген ставил Од и эфир на одну плоскость с такими элементами, как огонь, вода, земля, воздух, фактически приравнивая эфир к «пятой эссенции». Вообще понятие «эфир», или точнее «светлый эфир» было изобретено в XIX веке для того, чтобы заполнить Вселенную каким-нибудь веществом, по которому могли бы передаваться световые волны, излучение, тепло, магнетизм. Кроме этого, эфир оказался напрямую связанным с тео-

Рисунки, на которых изображена сила ОД, исходящая от человека

рией четвертого измерения. В 1876 году появилась книга «Невидимая Вселенная», написанная англичанами Бальфором Стюартом и Петером Гатри Тайтом. Они описывали существование неведомой Вселенной по ту сторону мира, которую принято называть вселенной научного восприятия. «Невидимая Вселенная» произвела гигантское впечатление на Елену Блаватскую. В первой части своей книги «Разоблаченная Изида» она опубликовала тезисы, позаимствованные у Тайта и Стюарта. Она использовала идею о том, что эфир выступает в роли некой энергетической памяти Вселенной для формирования собственной доктрины. Блаватская полагает, что эфир, или, как она назвала его, астральный свет, оставляет визуальные впечатления, как бы формируя некую «картинную галерею». Образ астрального света (эфира) сокрыт в мистических местах: Гималаях, Тибете, подземельях Индии.

Но какую практическую пользу можно было почерпнуть из знаний о силе Од или существования эфира? Юрген давал ответ и на этот вопрос: «Например, если ученику йога удается определенным способом управлять своими легкими и направлять дыхательный поток, концентрируя при этом свою умственную волю на тонком эфирном слое, то он получает такие силы, которые и не снились обыкновенному человек. Так, он может обходиться долгое время без еды. Он получает фактически неограниченную власть над своим телом и разумом». Сама же высшая цель постижения силы Од состояла в том, чтобы овладеть истинной магией, которая являлась «властью души и духа» над «тонкой и грубой материей».

Об эфире в своей серии докладов «О сущности Вечного города» говорил и Альфред Шулер. «Я обращаю свой взгляд вовнутрь вибрирующего светлого изобилия, вспыхивающих в наслаждении бесчисленных флюидов, которые справляют бесконечную свадьбу в эфире».

Нам неизвестно, в какой степени эти идеи воспринял Гитлер и пользовался ли он ими. Но можно смело утверждать: Генрих Гиммлер был прекрасно знаком с магией маятника. Он был прекрасно осведомлен о силе Од и эфире. Феликс Керстен, личный массажист рейхсфюрера СС, как-то сообщил о том, что «Гиммлер был твердо убежден в том, что мог заклинать духов и вступать в контакт с ними. Разумеется, он заявлял, что для этого надо иметь специальные способности. Он заявлял, что мог призвать духов людей, которые умерли более чем 100 лет назад... Когда он лежал в полусне, то к нему часто являлся дух короля Генриха, давая при этом ценные советы. Перед принятием каких-то важных решений Гиммлер приглашал одного из своего астрологов, дабы тот составил специальный гороскоп... Гиммлер часто любил говаривать, что астрологи сходятся во мнении — Германия могла выздороветь и воспрянуть только при условии искоренения всех евреев».

Но одержимого мистикой Генриха Гиммлера интересовали не только беседы с давно умершими людьми и советы короля Генриха I. Ему не давали покоя возможности развития телепатии и ясновидения. В 1923 году всерьез занялся тем, что стал развивать в себе способность к ясновидению. То самое качество, которое в Шотландии называли «вторым зрением», а в Вестфалии «представлением призраков». Более того, Гиммлер намеревался добиться того, чтобы фиксировать будущее при помощи фотографических и звукозаписывающих приборов. В том же 1923 году Гиммлер познакомился со статьей Фридриха Бонзена. Автор статьи упоминал случай, описанный окулистом Йоханом Генрихом Юнг-Штиллингом, который, кстати, являлся учеником Франца Месмера и Эмануэля Сведеборга, оккультистов XVIII века. Так вот, в статье повествовалось следующее: «Случай подобного рода был рассказан благородным Гёте, который высоко почитал Юнг-Штиллинга. Последнему случилось быть в одном маркграфстве. Там «пророк» открыл протестантскому священнику из местной общины, что он вскоре будет сопровождать из своего дома труп. Так как жена священника была очень слаба здоровьем, то им овладели ужас и негодование, и тот прогнал Юнг-Штиллинга. Согласно традиции, священник как хозяин дома должен был идти за гробом перед родственниками умершей. Дабы нарушить предсказание, он попросил свою жену занять это место. В тот момент как траурная процессия тронулась с места, жена свя-

щенника без сил упала на землю. Испуганный служитель тут же занял положенное место в процессии и стал сопровождать тело».

Бонзен не собирался трактовать эту историю как случайное совпадение. Он предпринимал попытки дать современное объяснение ясновидению, для чего прибегал к теории Карла ду Преля. «Ду Прель, главный представитель дарвинистской школы духовидчества в Германии, стремится объяснить эти явления тем, что в человеке действует второе трансцендентное «Я», которое придает людям уверенность в себе. Чем больше подавляется чувственное сознание, тем сильнее выдвигается вперед «второе Я»... В качестве особого случая в 1840 году эти способности попытался объяснить вестфальский врач Себрегонди. Он исходил из того, что существует некое «общее ощущение», которое он называл не иначе как шестое чувство. Оно (это общее ощущение) предназначено для того, чтобы предвидеть во времени и пространстве вещи, которые могут потребоваться в будущем: «Исток бескрайней скрытой силы». Для обычного восприятия вещей требуется некий посредник, так, например, для зрения необходим свет. Но эта исходящая нервная энергия куда тоньше и быстрее света. Это так называемый органический эфир, тот самый мнимый нервный поток (Од), о существовании которого говорит спиритизм... Чтобы объяснять видения, надо признать, что душа воспринимает вещи при помощи «общей эмоции» и органического эфира. А значит, наши знания лежат вне познаваемой области, нарушая все барьеры конечности, пространства и времени».

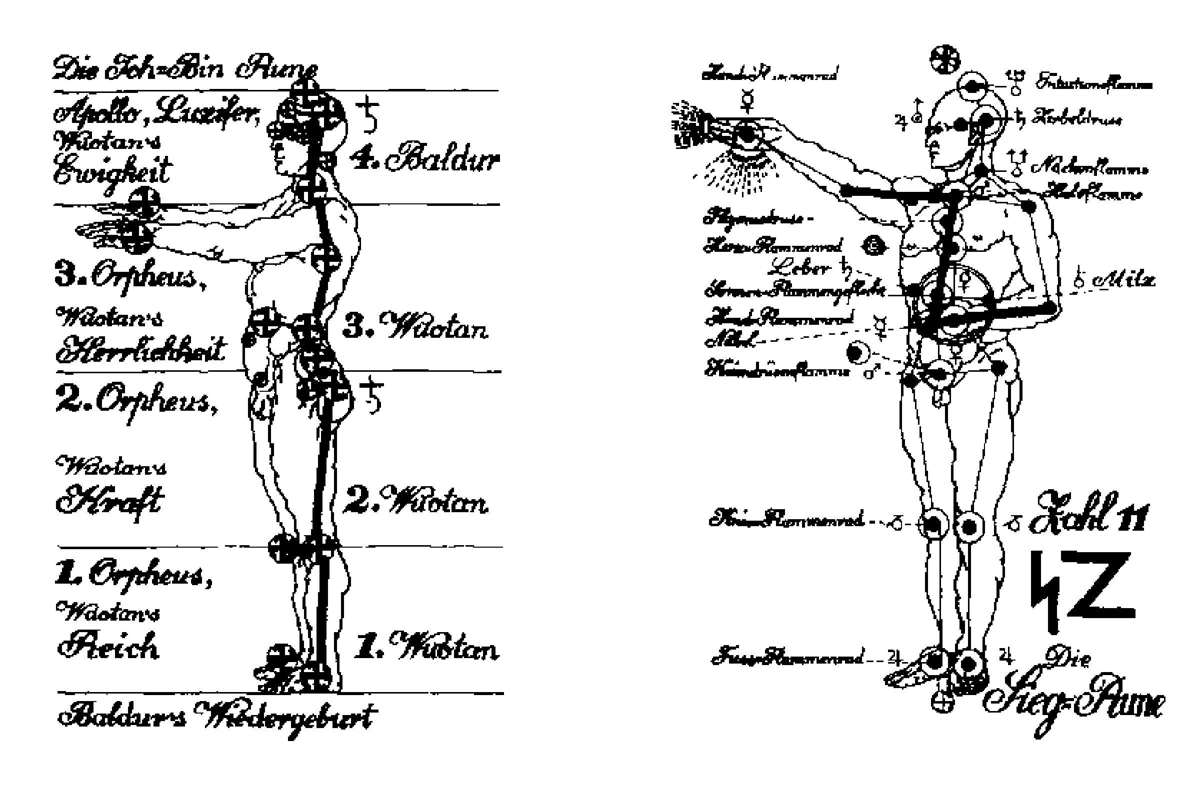
Впрочем, Фридрих Бонзен нередко скептически относился к подобным утверждениям: «Предположение о переносе мысли при помощи эфирных волн столь же смело, как и бездоказательно». Но в его статье есть интересные мысли, которые нам очень пригодятся. А именно слова, написанные (подчеркиваю еще раз) в начале 20-х годов XX века: «В наше время в Вестфалии очень распространена вера в то, что вторым зрением можно проникать в другие места». После прочтения этой статьи Гиммлер сделал следующую запись: «Это исчерпывающий реферат о неизвестных и поразительных сферах. Маленькая часть бескрайной terra incognita, всего трансцендентного, чем в настоящий момент являются астрология, гипноз, спиритизм, телепатия. Предпринята попытка научного изложения и понятной трактовки этих явлений».

Так во что же верил Генрих Гиммлер? Ответ на этот непростой вопрос могут дать лишь люди, которые лично знали рейхсфюрера СС. Так, уже не раз упоминавшийся нами массажист Феликс Керстен утверждал: «Я, например, знал, что Гиммлер был крайне суеверным. Он верил в добрых и злых духов. Когда он сомневался, то прибегал к помощи астрологии, консультируясь как минимум с дву-

мя астрологами. Если он был переполнен скепсисом, то взвешивал каждое высказывание». Чтобы разобраться с природой этой мистической веры Гиммлера, нам придется вернуться в XIX век.

В 1866 году в семье мелкого железнодорожного служащего из Западной Пруссии Ханиша родился сын Отто. Вскоре семья Ханишей переехала в Америку. Там Отто Ханиш создал новую религиозную организацию. Произошло это в 1899 году в Чикаго. В этом городе под именем Оттоман Зар-Адушты Ханиша он создал движение маздаистов. Уже из самих названий и ритуальных имен видно, что Ханиш пытался опереться на персидскую традицию, где существовал светлый бог Ахурамазда. Дела у новой организации шли неплохо. На добровольные пожертвования даже началось строительство маздаистского храма. Но новая идея опиралась не только на персидскую религию, в ней обнаруживались и дальневосточные вкрапления, как, например, отказ или ограничение на употребление мяса, алкоголя, табака. Кроме этого, типично восточные учения о реинкарнации и карме оказались интегрированными в современное на тот момент эволюционное учение. К этому прибавлялись дыхательные упражнения, которые должны были стать основой для физического и умственного развития человека.

Постепенно Ханишу становилось тесно в США, и он вспомнил о своей родине. Миссионерскую деятельность на германской земле было поручено вести маздаистскому «послу» Дэвид Амманн, который начинал свою деятельность с основания в 1907 году в Лейпциге «Общества Заратустры». С этого момента Лейпциг становится главнейшим центром маздаизма в Европе и вторым (после Чикаго) по значению в мире. К 1912 году вся Германия оказалась разделенной на 33 округа. Всего же среди немцев насчитывалось несколько тысяч маздаистов. В основном это были представители интеллигенции, или, как было принято тогда говорить, «высшего общества» (деятели искусств, писатели, музыканты, профессора). В 1913 году в Германии стало известно о настоящем происхождении Ханиша, который до этого момента представлялся сыном русского генерального консула в Тегеране и иранской принцессы. Все это выяснилось во время суда, на котором Ханиш был осужден за распространение в Германии «развратных произведений». Развертыванию скандала вокруг чикагского «пророка» всячески способствовал издатель антисемитского вестника «Молот» Теодор Фрич. Фрич сам был членом нескольких расистских гностических организаций. Но он не был намерен терпеть конкуренцию заокеанского движения, а потому приложил все силы, чтобы изобразить движение маздаистов как опасного «американского паразита». Аман подвергся общественной травле, в результате чего был вынужден перебраться в Швейцарию.

Рисунки Вольфганга фон Шемма считаются в правой эзотерической среде практическим пособием по постижению и «оживлению» рун

Здесь неподалеку от Цюриха он основал Международный маздаистский колледж. Сама история маздаистского движения оказалось недолгой. В Германии оно почти сразу же исчезло после прихода к власти нацистов. В США оно пришло в упадок после того, как Отто Ханиш скончался в 1936 году. Казалось бы, в этой истории можно было поставить точку. Но тут возникает вопрос: а при чем здесь Гиммлер и СС?

Дело в том, что в библиотеке Гиммлера в 20-е годы можно было обнаружить книгу Карла Хайнце, вышедшую в 1919 году в Базеле. Она называлась «Сотрудничество масонов и мировая война. История мировой войны и понимание истинного масонства». Автор этой небольшой книжицы был членом «Общества Гвидо фон Листа». В этом факте не было ничего удивительного, сам Гитлер в свою бытность зачитывался расистскими работами фон Листа. Интересно то, что Карл Хайнце был руководителем цюрихских маздаистов. В своей книге, снабженной обильными антисемитскими пассажами, он пытался доказать, что мировое масонство инспирировало мировую войну. Подобные идеи Карл Хайнце стал пропагандировать в коммуне «Ариана», которую создал вместе со своим братом Генрихом.

В 1921 Хайнце опубликовал следующий опус — «Оккультные ложи». В нем он развивал свои прежние идеи. «Факт остается фактом: вся военная политика была результатом тайного влияния определенных оккультных лож». Мировосприятие Хайнце знало только

два цвета: белый и черный. Глава злобных оккультистов, следовавших «путем левой руки», боролся против хороших оккультистов, которые придерживались «пути правой руки». Именно этот постулат был положен в основу объяснения, почему Франция вновь и вновь будет нападать на Германию. «Чтобы правильно понять сложившуюся ситуацию, мы вновь и вновь должны вспоминать о «войнах темного командира». Тех «братьев сумрака», которые живут на протяжении сотен лет с «братьями света» и стремятся перечеркнуть крест-накрест, что последние сделали на благо человечества». В этой схеме Хайнце следует за классическим дуализмом манихейской доктрины. Он даже открыто ссылался на него. «В действительности манихейство сознательно смешалось с дохристианскими и христианскими мистериями. И уже под темным оккультным господством превратилось в «церковь», которая непреклонно преследовала и искореняла то, что потом назовут розенкрейцерством... В IX веке церковь полагала, что выкорчевала «ересь». Но позже стали возникать общества катаров, альбигойцев, иоаннитов, тамплиеров, которые перенесли истинное манихейство вовнутрь современного масонства». Концепция Карла Хайнце несколько отличалась от традиционных представлений о жидомасонском заговоре. Хайнце полагал, что лишь часть масонов оказалась под властью темных оккультистов. «Множество удивительных открытий мы сможем сделать из обыденных вещей. В масонских документах мы находим подтверждение этому. Но их засыпало пылью веков. Как-нибудь «брат-интуит» приоткроет крышку сундука и обнаружит чудо... Но большинство «посвященных», которые сами связаны с оккультными практиками, увидят лишь пустоту. Но мы знаем, что большинство политиков раскинувшейся на полмира Британской империи являются оккультистами, исповедующими отнюдь не «путь правой руки». Если верить Хайнце, то эти политики следовали опасным путем темного гностицизма, поддерживая контакты с черными махатмами и духами умерших. Именно мертвые указывали оккультистам «левой руки» путь к мировой гегемонии. «Настоящие ложи (но отнюдь не псевдоорганизации, которых пруд пруди) в любое время знают, что необходимо сделать в мире, так как они духовно связаны с мистическим миром «стола короля Артура». Мысль о короле Артуре, как мы помним, не раз посещала Гиммлера, когда тот создавал Вевельсбург. Можно, конечно, проявить скепсис. Мол, мало ли что есть у человека в библиотеке. Но в библиотеке у Гиммлера были только книги, которые он действительно считал необходимыми для себя!

Вообще Гиммлер никогда не был пассивным потребителем оккультной литературы, он всегда пытался применить на практике то,

что узнал из нее. Об этом говорит хотя бы письмо, написанное в 1925 году, после досконального изучения «Практики движения и магии маятника». Не скрываясь под псевдонимом, Гиммлер пытался присоединиться к активной группе оккультистов. Вот текст этого письма:

«Господину профессору Хайльмайеру
Мюнхен, Райтмор-штрассе, 26/IV

Глубокоуважаемый господин профессор!

Разрешите обратиться к Вам с вопросом. Не могли бы Вы рассказать мне о «Союзе благих» и его намерениях? Им (этим союзом) руководит человек, который подписывается псевдонимом Вайсхар (Мудрые волосы)... Если Вы ничего не знаете об этом союзе, то я готов выслать опубликованные им брошюры. Буду рад встретиться в Мюнхене с Вами и Вашим другом Пфаффенцеллером. Думаю, что смогу помочь Вашему другу, когда тот вновь надумает избираться в ландтаг.

Заранее благодарен за ответ.

С истинно немецким приветом,
признательный Вам Г.Г.».

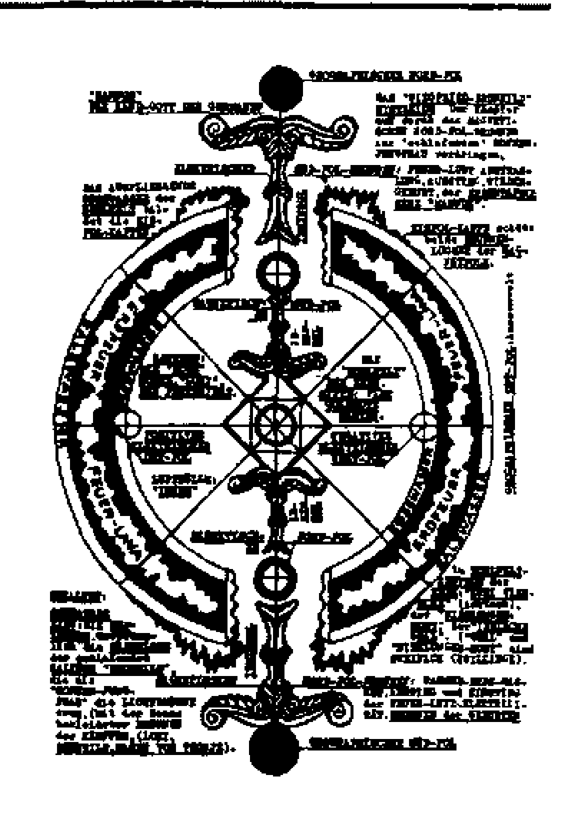
В конце письма Гиммлер просил составить гороскопы на основе трех дат. Ответ не заставил себя ждать. Он пришел восемь дней спустя. Но, скорее всего, он оставил Гиммлера недовольным. Хайльмайер ничего не смог сообщить о «Союзе благих». Более того, само название вызвало у профессора неприятные ассоциации, и тот сравнил эту организацией с сектой. Составить гороскопы профессор также отказался, сославшись на предельную занятость. Если сопоставить приведенные в письме даты и места рождения, можно установить, что Гиммлер хотел получше узнать своих ближайших сотрудников по только что сформированным СС.

Несмотря на неведение профессора, все-таки есть необходимость сказать пару слов об упомянутом в письме «Союзе благих» и его руководителе. Под псевдонимом Вайсхар скрывался Курт Пелькe, автор нескольких мистико-расистских работ: «Светловолосая раса» (1921), «Страшный суд» (1932), «Послание благих вождей» (1933). Сам же «Союз благих» был одной из многочисленных ариософских организаций, которая действовала на территории Восточной Пруссии. В основном все доктрины Пелькe были позаимствованы у Гвидо фон Листа. Но почему этой группой заинтересовался Гиммлер? Не просто заинтересовался, но даже собирал их брошюры. Скорее всего, Гиммлера привлек тот факт, что эта группа смешивала ариософию и астрологию.

Стоит заметить, что «Союз благих» был далеко не единственной группой, с которой пытался установить связи молодой будущий рейхсфюрер СС. 13 августа 1926 года он перечислил деньги «Обществу Эдды», руководимому Рудольфом Горслебеном. Тем самым Горслебен, сначала заинтересовался Виллигутом, а затем попал под его влияние. Но, к сожалению, подробности общения Гиммлера и Горслебена так и остались покрыты мраком. Куда больше документов сохранилось о связях Генриха Гиммлера с астрологом Вильгельмом Вульфом.

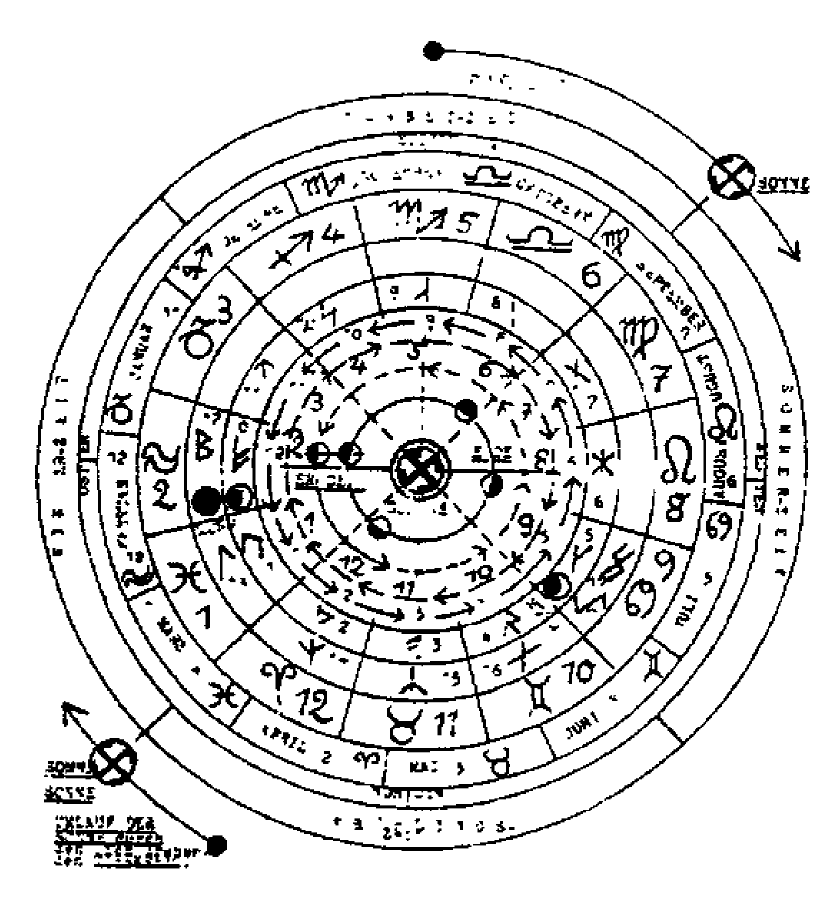
Отношение к астрологии в Третьем рейхе не было одинаковым. Вначале на нее официально не обращали внимания. Ситуация изменилась после полета Рудольфа Гесса в Англию. Как известно, Гесс верил в гороскопы. После этого события фактически все известные астрологи Германии были арестованы и направлены в концентрационные лагеря. Но Вульф остался на свободе, точнее, был выпущен на свободу после недолгого пребывания в концлагере. В своих мемуарах Вильгельм Вульф сделал несколько сенсационных заявлений. В частности, он сообщил, что внутри СС существовала закрытая группа «SP» (немецкая аббревиатура для обозначения сидерического маятника). Со временем нечто подобное было создано при командовании военно-морских сил рейха. «В марте 1942 года, то есть полгода спустя после моего освобождения из концентрационного лагеря Фюльбюттель, мне было предложено стать сотрудником в совершенно неизвестном мне берлинском институте. Это предложение поступило по протекции нюрнбергского астронома и астролога доктора Вильгельма Гартманна, который был моим другом. Я ехал в Берлин и представлял себя работающим в научно-исследовательском институте при командовании ВМФ... Этим подразделением руководил какой-то морской капитан. Деятельность научно-исследовательского института была строго засекречена. Но его работники сформировали очень странное сообщество. Там собрались люди, занимавшиеся спиритизмом, и психитивы — так называли тех, кто был наиболее восприимчив к психическим воздействиям. Имелись специалисты, которые работали с сидерическим маятником. Можно было увидеть исследователей Таттвы (приверженцев индийского способа работы с маятником), астрологов, астрономов, баллистиков и математиков. Институт должен был выслеживать по заданию командования военного-морского флота конвои противника. Для того чтобы помочь подводным лодкам более успешно торпедировать их, применялись маятники и другие трансцендентные практики. Изо дня в день они сидели над картами с вытянутой рукой, в которой держали маятник».

Но этим задачи, поставленные Вульфу, не ограничивались. В середине 1943 года он должен был помочь «выследить» Муссолини, которого свергли в Италии. «Я был представлен правительственному советнику Лоббесу, а затем начальнику криминальной полиции Артуру Небе, который открыл мне, что я по приказу Гиммлера должен отыскать Муссолини, арестованного маршалом Бадольо... Вернувшись в Берлин, я получил от Небе задание проработать даты рождения 25 высокопоставленных нацистов, которые подозревались в коррупции. Когда я начал работать над ними, то произошел конфликт с адъютантом Гиммлера Суханеком, который считал, что дела шли не слишком быстро. Суханек заявил мне: «Рейхсфюрер сказал мне, что Вы должны работать быстрее и проявлять большее рвение. В противном случае Вы можете присоединиться к алхимику Таузенду, который будет находиться в концентрационном лагере до тех пор, пока не получит золото».

«Полая земля», осью которой служит Ирминсул

Если верить Вульфу, то Гиммлер не был простым получателем информации. Рейхсфюрер СС оказался человеком сведущим в вопросах астрологии. «Гиммлер объяснил мне в нескольких словах свое принципиальное восприятие астрологии и смежных с ней областей. Но рассказывал это очень сухо и неинтересно. Его речь указала, что он был хорошо знаком с этой почти запрещенной наукой... Без каких-либо эмоций он сообщил мне о своих переживаниях и жизненных наблюдениях при определенных фазах Луны. Он начинал собственные большие акции только при специальном положении Луны». А вот еще: «Он использовал астрологическую терминологию, которую не знал даже я. Он говорил об аспектах Тригона, двойных физических знаках и элевации планет». О запрете астрологии в Третьем рейхе Гиммлер заметил следующее: «Мы вынуждены строго-настрого запретить астрологию. Тот, кто нарушает это решение, может рассчитывать лишь на то, что до конца войны пробудет в концентрационном лагере. Мы не можем допустить, чтобы кроме нас кто-то занимался астрологией. В национал-социалистическом государстве астрология должна стать привилегией, недоступной для

Одно из астрологических вычислений, сделанных в недрах СС

широких масс». В отношении оккультистов и мистиков нацистское руководство заняло очень лицемерную позицию. Оно запрещало их деятельность вовсе не потому, что она была иррациональной, а так как боялось конкуренции. Под запретом оказался основоположник ариософии Гвидо фон Лист. Так что нет ничего удивительного, что Гиммлер представлял Вильгельма Вульфа не как астролога, а как специалиста по Индии и языку санскрит.

Это событие не было зафиксировано в нацистских хрониках. О нем не писали в газетах. Произошло оно летом 1937 года. Именно тогда в небольшом берлинском уличном кафе встретились двое людей. Одного звали Генрих Гиммлер, который к этому моменту стал одним из могущественнейших людей Третьего рейха. Ему подчинялась не только полиция, но и собственная армия — СС. По мановению пальца он мог уничтожить любого недовольного или неугодного. Кроме того, рейхсфюрер СС был назначен имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. Этот пост должен был помочь ему после начала новой мировой войны установить новый расовый порядок в Европе. Вторым человеком оказался 60-летний частный исследователь, прибывший в Берлин прямо из Парижа.

Его звали Гастон де Менгель. Тот самый де Менгель, который курировал французскую группу «Полярис» и к деятельности которого проявляли повышенный интерес Отто Ран и Карл Мария Виллигут. Эта встреча была отнюдь не визитом вежливости. На ней рассматривались очень серьезные мистические вопросы. Поскольку Гастон де Менгель оказал огромное влияние на формирование эсэсовской мистики, познакомимся с ним поближе.

В 1913 году Гастон де Менгель публикует свою первую статью. Это был небольшой библиографический обзор, посвященный проблеме трансмутации (слово, которое традиционно употребляют для обозначения превращения обычных металлов в благородные — золото или серебро). Этот материал был опубликован в журнале Лондонского алхимического общества. Интересно, что в 20-е годы Гастон де Менгель подписывал статьи то фамилией «де Менгель», то слитно — «Деменгель». А в 1931 году, опубликовав статью об Атлантиде и индуистском понятии «шакти», он подписал ее вовсе «де Мангель». Впрочем, это всего лишь забавное наблюдение — не более того. В 1935 году де Менгель публикует в «Меркурии Франции» материал о «вероломности масонов», где выступил под псевдонимом «Интурбидис», что с латинского переводилось как «спокойный». В целом же литературное и научное наследие де Менгеля оказалось невелико: всего лишь дюжина статей по крайне актуальным и даже взрывоопасным темам. Но речь в них шла вовсе не о тайных организациях французских офицеров, не о новых вооружениях. Их тематика, казалось, была страшно далека от политики. Де Менгель рассказывал читателю об индийских способах врачевания, вопросах эзотерики в музыкальных произведениях[1], о тамплиерах.

Но вернемся в Берлин. Точно не известно, о чем беседовали французский мистик и рейхсфюрер СС. Судя по всему, оба остались довольными этой встречей. Об этом говорил хотя бы один факт. После этой беседы с де Менгелем связались подчиненные Гиммлера. Они скопировали все материалы француза, после чего эти бумаги стали храниться в особом бронированном сейфе! О чем же говорилось в этих бумагах?

Де Менгель, подобно многим эсэсовским исследователям, проявлял повышенный интерес к гностицизму. Его статья «Элементы традиционного гностицизма» получила высокую оценку у руководства СС. Аналогично многим нацистам, де Менгель разделял анти-

[1] Не исключено, что именно под влиянием Гастона де Менгеля Гиммлер решил создать в «Наследии предков» отдел, который бы занимался изучением индогерманской музыки.

еврейское восприятие гностических школ. Он не раз подчеркивал, что гностики размещали творца сущего, Демиурга, в самом низу космической иерархии. Вне всякого сомнения, де Менгель питал глубокое отвращение к иудаизму и ветхозаветному богу евреев. В Ветхом Завете он находил лишь подтверждения его мстительности, недальновидности и кровожадности. Хотя, вместе с тем, он подчеркивал, что тайное учение евреев, Каббала, очень сильно повлияло на складывание гностических систем, прежде всего подразумевая учение Маркуса.

Чтобы лучше понять внутренний мир этого французского эзотерика, нет необходимости анализировать все его работы. Достаточно обратить внимание на три из них, самые важные. Первая статья де Менгеля была посвящена вопросу бессмертия человека. Вторая вращалась вокруг специфического индуистского понятия «шакти». В третьей статье он обращался к проблеме масонства. Но обо всем по порядку.

В 1933 году де Менгель опубликовал в одном международном религиоведческом вестнике статью, которая называлась «Мудрость и бессмертие» («Knowledge and Immortality»). В этой небольшой работе автор рассматривал проблему связи между реальностью, которая доступна сознанию, и реальностью, которая уклонилась от чувственного восприятия. Вывод делался весьма неожиданный: ссылаясь на учение Платона и гностические школы, де Менгель провозглашал возможность бессмертия человека.

Чтобы осознать эту возможность, требовалось подключить сверхчеловеческие знания. Вслед за Кантом и Декартом де Менгель указывал на то, что мы, люди, создаем абстрактные схемы на основании визуальных наблюдений за теми или иными объектами. Наше зрение превращается в какую-то идею. То есть, казалось бы, восприятие контролирует сознание. Но что делать, если тот или иной предмет не имеет физической формы или вовсе является духовным понятием? Физиология начала XX века оказывалась в тупике. Электрохимические процессы в глазу происходили благодаря сигналам из внешнего мира, но эти сигналы передаются в некий центр, где превращаются в «мыслительное впечатление», некий умственный отпечаток увиденного. Но это было допущением, за рамки которого физиология не решалась шагнуть. И уж подавно не могла дать точного ответа, что происходило в этом «центре». Разочарованный наукой де Менгель решил обратиться к классическим аристотелевским схемам. Он позаимствовал у этого философа мысль, что все сущее является смешением двух основополагающих принципов: субстанции (материи) и эссенции (сущности), нередко называемой формой. Для того чтобы сделать свою мысль более нагляд-

ной, де Менгель сравнивал влияние формы на материю с воздействием магнитного поля. Если бы форму воспринимаемого объекта можно было увидеть при помощи какого-то аппарата, то она обязательно отпечаталась бы в мозгу. Форма — это душа предмета. Но человек в состоянии воспринимать формы без какого-либо соприкосновения с материей. В качестве иллюстрации приводился другой пример: при помощи воска можно получить отпечаток любой монеты, хотя при этом он не будет иметь никакого отношения ни к золоту, ни к серебру. Де Менгель тут же указывал на одну из школ йоги, адепты которой утверждали, что объекты познания, даже не активные, могли, как магнит, притягивать к себе души и модифицировать их форму.

Но, несмотря на ссылки на индуизм, де Менгель все-таки брал за основу аристотелевскую модель. Об этом говорит хотя бы его четверичное деление принципов Вселенной:

1) causa materialis. Все возникает из какой-то материи;

2) causa formalis. Все возникает в какой-то форме. Например, стакан (по форме) состоит из кварцевого песка (материя);

3) causa finalis. Все возникает с какой-то определенной целью. В данной ситуации из стакана надо пить;

4) causa movens. Все возникает в результата какого-то процесса. Для возникновения стакана надо обработать кварцевый песок.

Видимый мир в любом случае состоит из материи. Форма, не облаченная в материю, является Божеством. Но в отличие от Аристотеля, де Менгель наряду с материей и формой вводил еще третий принцип — лишение (Privation). Когда думаешь о свете, нельзя не вспомнить темноту. Следовательно, в начале процесса возникновения наряду с материей и формой существует некое отрицание настоящей формы — ее относительное несуществование.

Активно используя мысли античных философов: Платона, Аристотеля, Дионисия, Псевдо-Ареопагита — де Менгель приходит к выводу, что сверхчеловеческое знание не может достигаться при помощи каких-то интеллектуальных усилий, этого можно достигнуть лишь при помощи интуиции. Именно развитие внутренних возможностей позволяет стать подобным ангелам. В этом отношении очень показательной оказалась роль концентрации в йоге. Магическая сила находится в самом человеке, ее надо лишь разбудить (тезис, традиционный для гностицизма). Именно эта разбуженная сила позволит людям избежать смерти. Де Менгель указывает на историческое развитие церковной теории относительно телесного бессмертия, которое вовсе не имело никакого отношения к природе бессмертной души, а было лишь божьей милостью. Сам же французский оккультист смотрел на этот вопрос с гностической точки

зрения, а потому ему виделись совершенно другие перспективы. Он считал, ссылаясь на азиатскую традицию, что ангелы имели вполне человеческое происхождение. Начав с природы материи, де Менгель заканчивал свою статью выводом, что бессмертие — вопрос личного духовного познания. В случае если человек осуществляет это познание, то он превращается в сверхчеловеческое существо — ангела.

Если говорить об индуистском понятии «шакти», то де Менгель осветил этот вопрос в статье, опубликованной в 1931 году во французском эзотерическом журнале «Покрывала Изиды». В этой работе он поставил знак равенства между индуистским «шакти» и иудейским «шекинах». Эти понятия неизменно употреблялись в сочетании с «сияющим блаженством» Ананданда (индуизм), «бинах» (иудаизм), «высшей матерью» (каббализм), «Нашей дамой от Святого Духа» (гностицизм). Подобные следы можно было отыскать даже в тантризме. Здесь вновь звучит знакомая тема формы и материи. Но в этот раз де Менгель проводил некое половое их разделение. Указывая, что соединение начал имело определенное половое значение, что четко видно в идеях о сексуальной энергии в тантрической йоге. Вообще, в этой статье де Менгель пытался найти внешние схожие признаки у различных религий. Или, говоря другими словами, он занялся поисками элементов изначальной проторелигии.

Накануне своей встречи с Гиммлером де Менгель опубликовал в «Меркурии Франции» статью «Вероломство масонов». Не исключено, что Гиммлер не без интереса изучил ее. Рейхсфюрер СС всегда проявлял интерес к масонской тематике. Этот интерес вряд ли можно было объяснить чисто служебной деятельностью полиции и СС, которые преследовали масонов сначала на территории Германии, а затем и оккупированной Европы. Стоит хотя бы вспомнить десятки тысяч томов, реквизированных из масонских библиотек. Все они оказались собраны в специальном эсэсовском хранилище. Но вернемся обратно к де Менгелю.

Де Менгель несколько дистанцировался от традиционных обвинений в адрес масонов. По большому счету, его статья была посвящена проблеме инициации в тайных обществах. «Очевидно, что в понятие инициации (посвящения) вкладываем другое значение, нежели это общепринято сегодня на Западе. Относительно смысла, в котором мы его употребляем, в котором этот термин употреблялся в древние времена в Европе и до сих пор бытует на Востоке, мы не нашли лучшего определения, чем приведенное мадам Александрой Дэвид-Ниль в ее книге «Инициация ламаизма». «Принципиальная идея, — говорит она, — которую мы связываем с понятием инициации, состоит в открытии тайного учения, допущения до участия в

тайных мистериях, во время которых происходит передача силы... Человек, проводящий посвящение, не обязательно должен быть «посвященным» или святым, в определенных условиях он может быть даже слабоумным или мошенником». По мнению же де Менгеля, масонство сошло с правильного пути. В качестве лекарства от этой болезни он предлагал изгнание из лож 80% ее членов, в том числе обладающих высоким градусом посвящения, после чего надлежало сформировать новую герметичную организацию, куда бы вошли оставшиеся «вольные каменщики». Но где гарантия, что новая организация пойдет по «правильному пути»? На этот вопрос ответить оказалось непросто. Традиция каменщиков была закреплена веками. Его уничтожение было, по мнению де Менгеля, неосуществимой задачей. Но приговор масонам был вынесен. Ложи состояли из людей, которые только играли в тайные общества. На самом деле за их спиной находились те, кто уводил масонство с «правильного пути». В этом отношении каменщики, подобно иудаизму, не были самостоятельной силой, а всего лишь слепыми инструментами. Затронув болезненный вопрос о взаимопроникновении масонства и еврейства, де Менгель опять давал отнюдь не привычный ответ. «Многие полагают, что масонство — творение рук евреев. В действительности все по-другому. Использование еврейских терминов во время масонских ритуалов вовсе не указывает на еврейское происхождение. С таким же успехом можно говорить, что христианские службы, во время которых зачитываются отрывки из Ветхого Завета, являются еврейским порождением. Спекулятивное масонство, возникшее в 1717 году, бесспорно было вдохновлено протестантизмом. Если оно и пересекалось с евреями, то это произошло гораздо раньше, как это сделали розенкрейцеры, либо состоялось при посредничестве особых оккультных групп. О существовании подобных групп известно очень небольшому количеству людей. Существование этих групп известно только очень маленькому количеству индивидуумов. Среди них можно выделить Рене Генона, который больше известен благодаря своим работам, посвященным учению индуизма. В своей работе «Теософия — история псевдорелигии» он рассказывает о нескольких подобных закрытых группах, когда перечисляет «лжепророков». Он пишет: «Различия (между этими эзотерическими группами) очень незначительны и поверхностны, во всех случаях у них общий фундамент и тенденции развития, что позволяет говорить о реализации какого-то неповторимого плана. Не верится, что теософы, оккультисты и спиритуалисты обладают достаточными силами, чтобы успешно осуществить такое начинание. Однако не скрывается ли за всеми этими движениями какая-то ужасная вещь, о которой не подозревают и сами руководители? Не

являются ли эти организации всего лишь чьими-то слепыми орудиями?» Де Менгель делал интересный вывод: инструментами невидимой зловещей силы являлись едва ли не все организации: масоны, евреи, теософы, политические движения различного масштаба. Ими манипулируют во имя осуществления тайного замысла.

Что же могло привлечь Гиммлера в этой статье? Только одно — намерение создать новую организацию, которая пойдет по «правильному пути» утраченной традиции. Естественно, рейхсфюрер даже не сомневался, что такой организацией станут его охранные отряды, «черный орден».

Как же удалось организовать встречу могущественного нацистского бонзы и французского мистика, чьи работы были известны лишь узкому кругу специалистов? Впервые в Германию его пригласил сотрудник «Наследия предков» Ирье фон Грёнхаген. 19 февраля 1937 года Карл Мария Виллигут написал в личный штаб рейхсфюрера СС письмо, адресованное лично Карлу Вольфу. В нем он сообщал следующее: «Хотел бы рапортовать о беседах (с господами де Менгелем и фон Грёнхагеном), которые состоялись 16 и 18 февраля 1937 года. Рейхсфюреру СС стало известно от господина фон Грёнхагена, что де Менгель в настоящее время задерживается в Берлине. Инициатива и предложения об организации этих двух встреч исходили от господина фон Грёнхагена, причем он имел краткий обзор работ, исследований и дальнейших перспектив (де Менгеля). По сообщению того же фон Грёнхагена, он обладает обширной выборкой литературы, которая является в своем роде редкостью. Господин де Менгель ознакомил меня с частью этих работ. Его исследования касаются дохристианских, индийских, персидских и частично китайских манускриптов, посвященых различным вопросам религии и духовной истории; среди прочего он уделяет повышенное внимание Эдде, Каббале и Ведам. Особо тщательно он занимается математическими расчетами структуры пирамид, выявлением тайного смысла средневековых зданий... По моему приглашению в одной из этих бесед принял участие оберштурмфюрер СС Отто Ран, так как он не только свободно говорит по-французски, но и занимается схожей проблематикой. Во время своих ранних поездок Отто Ран смог сделать собственные наблюдения относительно выводов, сделанных господином де Менгелем, и убедился в их истинности».

Затем Виллигут предлагал поручить переводы работ де Менгеля Отто Рану и Ирье фон Грёнхагену. А для перевода математической части произведений прикрепить к ним людей, обладающих астрономическими и астрологическими знаниями. В качестве таковых Карл Мария Виллигут называл штурмбаннфюрера СС Френцольфа

Шмидта и специалиста по музыке доктора Бёзе. Пару слов об этих людях. Коренной берлинец Фриц Бёзе был сотрудником «Наследия предков», где занимался изучением проблем нордической музыки, изготавливая точные копии старинных инструментов. Френцольф Шмидт был автором вышедшей в 1931 году книги «Первое подлинное Божественное Откровение. Аттал-антическая Древняя библия. Золотая книга человечества».

9 марта 1937 года из штаба рейхсфюрера СС поступил ответ. На де Менгеля обратили внимание. «Рейхсфюрер СС ознакомился с Вашим письмом от 19 февраля 1937 года. Желательно сначала сделать фотокопию с работ господина де Менгеля, а уж затем их переводить. Рейхсфюрер не возражает против бесед с господином де Менгелем. Возможно, в ближайшее время он сам присоединится к ним». 21 марта 1937 года в штаб Гиммлера приходит заключение, сделанное Шмидтом относительно математической части работ де Менгеля. В заключении говорилось, что «магические расчеты господина де Менгеля, основанные на древних данных, выполнены безукоризненно. Но, к сожалению, их постижение недоступно современной науке». В свете этого он предлагал «создать академическую кафедру арийской мудрости, которая должна была вести духовную борьбу против либеральной науки». В этом отношении работы де Менгеля осознанно или неосознанно способствовали объединению всех арийских народов.

26 апреля 1937 года Гиммлер получает от секретаря отдела Аненербе, занимающегося индогерманскими и финскими культурными связями, краткий обзор всех работ де Менгеля, где, в том числе, приводились оглавления увидевших свет работ. О произведении де Менгеля «Традиционный дух Европы в его прошлом и будущем», например, говорилось следующее: «Автор указывает на превосходство Средневековья и дегенеративное воздействие эпохи Возрождения. Он рассматривает фазы традиционной европейской цивилизации: бардов, миннезингеров, трубадуров, рыцарских орденов, тамплиеров и их наследников, розенкрейцеров. Он указывает на истинные причины проклятия руководителей тамплиеров, которое прозвучало похоронным колоколом для западной цивилизации».

4 мая 1937 года Карлу Вольфу пришло сообщение, что де Менгель остался без наличных средств. Предлагалось выделить ему небольшую сумму, достаточную для возвращения из Берлина в Париж, после того как он вернется из Хельсинки, где он гостил у господина фон Грёнхагена, финна по национальности. В то же время какой-то из эсэсовских чинов сообщал Вольфу: «Я заявил ему (де Менгелю), что рейхсфюрер СС ознакомился с его работами, и заинтересовался ими, выразив желание лично побеседовать с госпо-

дином де Менгелем». Из путешествия по Финляндии де Менгель вернулся 22 мая 1937 года. Примечательно, что эта поездка оплачивалась из средств «Наследия предков». Но еще более интересен тот факт, что визит в Финляндию был не просто поездкой, а научно-исследовательской экспедицией Аненербе! Сам Грёнхаген занимался в рамках «Наследия предков» тем, что пытался обнаружить общие корни немцев и финнов. Более того, по заданию Гиммлера он должен был доказать, что финны, имевшие монголоидную внешность, также были германцами по происхождению! Вовлечение финнов в научную сферу деятельности «Наследия предков» было дипломатическим шагом, который мог позволить найти еще одних союзников в предстоящей борьбе с «семитами».

Визит де Менгеля в Финляндию вдвойне интересен тем, что француз до своего появления в Берлине никогда не занимался проблемами этой скандинавской страны. Вне всякого сомнения, подобный интерес проснулся в нем (или был навязан) лишь во время пребывания в Германии. Но все-таки мы так и не ответили на вопрос: что побудило де Менгеля приехать в Берлин? Приоткрыть завесу над этой тайной могут служебные документы «Наследия предков». 25 мая 1937 года секретарь отдела индогерманских и финских культурных связей фроляйн Гертраут Шларб направила письмо оберштурмфюреру СС Лахнеру, служившему в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений. В этом послании были такие строки: «Глубокоуважаемый господин Лахнер! Согласно Вашей просьбе я пересылаю Вам сообщение о различных тайных организациях. Господин де Менгель сделал лишь несколько замечаний. Однако обещал связаться со своим другом, который знает гораздо больше. После того как эти сообщения попадут ко мне, я переправлю Вам копию». Очень интересное письмо. Что же получается? Работы де Менгеля финансировались Гиммлером, этот француз участвует в экспедициях «Наследия предков», а самое главное, информирует СС о французских тайных организациях. Не исключено, что информация касалась не только Франции, но и относилась к Англии. У де Менгеля были неплохие связи с Великобританией. Как мы помним, он еще в 1913 году завязал контакты с Лондонским алхимическим обществом. Вывод можно сделать только один. Де Менгель действовал как агент СС. Но куда как интереснее, о каких организациях он сообщал руководству «черного ордена».

В конце 80-х годов во Франции вышла книга Жерара де Седее, в которой упоминался Гастон де Менгель. Само же это произведение было посвящено легендам, витавшим вокруг деревушки Ренн-ле-Шато. Спектр легенд был самый разнообразный, начиная от тамплиеров, заканчивая явлением Богоматери в Фатиме. Сама

эта деревушка располагалась в Южной Франции, в 40 километрах от города Каркассона. Но самое большое внимание в этой книге было уделено внезапному обогащению местного сельского священника. Де Менгель же упоминался один раз. «В 1924 году Жорж Монти вместе с Гастоном де Менгелем основал «Западную группу по изучению эзотерики», которая располагалась в Париже на Авеню Вилерс, 16». Об этой организации было также известно, что она имела женское отделение, которое называлось «Ложей Изис», а ее члены назывались «дамами», «феями» и «волшебницами».

Группа, созданная Монти и де Менгелем, приняла своего рода манифест, в котором призывала примириться все церкви и «центры посвящения». Сделать это было необходимо для того, чтобы новое братство стало известно по всему земному шару и оно не насчитывало бы каких-то 80 человек. Цель новой организации — религиозное обновление Европы и длительный мир во всем западном обществе. Монти писал: «Наши действия всегда будут дискретны по своей природе, наши ложи будут закрыты для непосвященных, наше учение будет недоступно для любопытных и пустомель, наши церемонии будут сокрыты. Осуществление синтеза смутного прогресса может произойти только в духе иерархии. Вследствие этого необходимо охватить все элитарные сущности, дабы остановить процессы декаданса и цивилизации». Итак, новая организация должна была дать новый миропорядок Европе. Новый миропорядок собирались установить и СС.

Строки, извлеченные из переписки Лахнера с личным штабом рейхсфюрера СС, могут удивить многих. «От фроляйн Шларб стало известно, что де Менгель с радостью принял бы несколько письменных строк благодарности от рейхсфюрера СС, в которых он благодарит его (де Менгеля) за предоставленные в распоряжение СС письменные работы, а также выражает надежду, что де Менгель покинет Германию с убеждением, что наша страна намерена и в дальнейшем способствовать укреплению европейской культуры и общеевропейского мира. Само собой разумеется, любые слова благодарности могут быть написаны на усмотрение рейхсфюрера СС». Это предложение де Менгеля выглядело по меньшей мере странным. Зачем ученому и мистику какие-то пошлые письменные благодарности и заверения об укреплении европейской культуры? Если эти слова были бы адресованы конкретному лицу, то это было бы пустой формальностью. Однако если де Менгель действовал в интересах какой-то группы людей, то это письмо могло стать подтверждением налаживания связи лично с рейхсфюрером СС. Более того, строки, о которых просил де Менгель, очень сильно напоминали призывы «Западной группы по изучению эзотерики». Настало вре-

мя поближе познакомиться с Жоржем Монти, который вместе с де Менгелем создал эту организацию.

Найти в литературе сведения об этом персонаже оказалось делом не из легких. Известно было, что Монти нередко называл себя графом, а иногда даже представлялся графом Израэлом Монти. Носил инициатическое имя — Маркус Фелла. Сведения, по большому счету, ничего не говорящие. А вот уже более интересные факты. Накануне Первой и Второй мировых войн Монти работал на немецкую разведку! Вращаясь среди высокопоставленных особ, он мог доставать ценные сведения. Но немцев, судя по всему, интересовало не это. Иначе как объяснить, что Монти сначала стал масоном, смею заметить, достигнув очень высокого градуса шотландского обряда, а затем принял иудаизм и стал членом еврейского ордена «Бнай Брит»? Можно предположить, что Монти был разоблачен. На это указывает его внезапная кончина 21 октября 1936 года. Вскрытие показало, что он был отравлен.

Кто же вы, граф Монти? Он родился в Тулузе в 1880 году. После рождения он был усыновлен итальянской парой. Приемные родители отдали его на воспитание в иезуитскую школу. Со временем Монти завел множество знакомств. В 24 года он активно вращается в оккультной среде, что не мешает ему преподавать каноническое право в Парижском университете. Со временем в его окружении появляются очень известные мистики: реноватор мартинизма — Папюс, основательница каббалистического розенкрейцерства — Пеладин, один из основателей теософии — Эдуард Шюре. Кроме этого, его видят в компании Леона Доде, сына Альфонса Доде, человека, который вместе с Шарлем Моррасом создал ультранационалистическое движение «Аксьон франсез». В 1906 году Жорж Монти вступает в орден мартинистов и очень быстро поднимается вверх по его иерархической лестнице. В 1908 году он по заданию Папюса едет в Египет. В 1909 году он примыкает к баварским розенкрейцерам. Но это еще не все. Он лично знакомится с губернатором Алжира и попадет в его окружение. Теперь он часто колесит по Европе: Рим, Париж, Берлин. В столице Германии он пробует себя в роли актера и зарабатывает небольшое состояние. Это одна вèрсия жизни Жоржа Монти.

Но во французской оккультной литературе встречается и другая версия. Так, например, в своих мемуарах Анне Осмон писала следующее: «Мое последнее приключение было намного серьезнее. Это произошло в 1922 году. Как-то я получила письмо на желтой блестящей бумаге, такие обычно мне посылала Пеладин. Оно начиналось со слов: Моя возлюбленная сестра во Христе. Под этим письмом стояла незнакомая мне подпись — Маркус Велла. Во вре-

мя чтения письма я пришла к выводу, что Маркус Велла — это псевдоним Жоржа Монти, бывшего секретаря Пеладин. Он хотел встретиться со мной... Он говорил, что нуждается в моей поддержке во имя обновления ордена тамплиеров. Что он уполномочен тремя очень влиятельными немецкими ложами и пользуется большой поддержкой в Великобритании... Пока он говорил, у меня складывалось совершенно новое впечатление о масонстве. До этого я знала лишь вольных каменщиков невысокого уровня, и они казались смешными. Они встречались в храмах, символики которых не понимали. Но теперь я поняла, что речь шла о грандиозном плане разрушения всего, что мне было дорого, и формирования новой структуры, которая должна была вызвать катастрофы и апокалипсис. Чтобы наглядно продемонстрировать мне влияние новой структуры, которую он называл О.Т.О., он называл мне имена тех, кто руководил этим орденом в прошлом и кто руководил в тот момент. Но больше всего он восторгался знаниями гроссмейстера ордена — Алистера Кроули. Он говорил, что по сравнению с Кроули Жиль де Ре (французский серийный убийца) был просто агнцем. Кроули был практикующим сатанистом, а точнее говоря, дьяволом в человеческом обличье». И тут возникает мысль, зачем Монти создавать вместе с де Менгелем «Западную группу», если он был активным сторонником О.Т.О. (Ордена восточных тамплиеров)? И сам собой напрашивается другой вопрос: нет ли связи между скоропостижной смертью Монти и последовавшим за этим визитом де Менгеля в Берлин? Кто расправился с Монти, наверное, так и останется неразгаданной загадкой. Но кому во Франции де Менгель собирался продемонстрировать благодарность Гиммлера? Для ответа на этот вопрос нам придется еще раз обратиться к биографии де Менгеля.

В 1929 году де Менгель опубликовал в одном парижском издательстве свою работу «Эзотерика музыки». Там частенько печатались многочисленные мистические изыскания, а их авторы нередко могли познакомиться друг с другом. Подобная ситуация наблюдалась в многочисленных эзотерических журналах. В одном из таких журналов «Покрывала Изиды» де Менгель знакомится с автором статьи «Символизм триединства» маркизом Жаном Риверой. Сразу же заметим, что позже Ривера вступил добровольцем в одно из эсэсовских формирований. Но еще больше связей де Менгель завел в журнале, издаваемом Институтом прикладной психофизики (И.П.А). Там он встретился с Луи Гастином и Марселем Виардом. Очень примечательные люди.

Луи Гастин был учредителем журнала «Сфинкс». На его страницах редакция пыталась провести синтез философии, науки и социологии. Корме этого, Гастин был автором предисловий к книгам Па-

пюса. Его мало привлекала сухая наука. Гастин всегда тяготел к мистике. Он тяготел к мартинистам. Это не удивительно, ведь именно Папюс оживил орден мартинистов, а фактически изобрел его. Марсель Виард был еще более колоритной личностью. Его всегда интересовала война, а точнее, причины возникновения войн. В своей книге «Натуризм войны» он приводил следующие аргументы, которые, по его замыслу, должны были оправдать войны всех времен. «Минералы поглощаются минералами, растения вытесняют другие растения, животные убивают животных. Так почему бы людям не уничтожать людей?» Война для него была совершенно нормальной, естественной вещью. Он сравнивал войны с болезнями. Солдаты (лимфоциты общества) зажигали пожар, который сигнализировал, что государство не в порядке. Но для де Менгеля были важны отнюдь не философские выкройки этих людей. Они сыграли решающую роль в его жизни, так как познакомили с группой «Полярис». Той самой группой, которая опекала Отто Рана и помогала в его изысканиях. Кстати, его знаменитая статья «О символизме триединства» была изначально опубликована именно в вестнике «Поляриса». Вполне возможно, хотя и не факт, что в СС о де Менгеле узнали от Отто Рана. Но это всего лишь догадка.

В одной из глав я уже коротко упоминал о «Полярисе». Теперь пришло познакомиться с этой группой более плотно. «Полярис», или «Полярное братство», изначально был группой эзотериков, которая хотела установить духовную связь с Тибетом, дабы опробовать новый тип оракула. Оракул должен был выдавать пророчества благодаря математическим действиям, которые переводили цифры в буквенное значение. То есть это было некое подобие математической машины. Если верить легенде, то именно таким образом было сформулировано название одной из главных книг «Поляриса», изданной в 1929 году — «Мистическая Азия». Эта книга составлялась несколькими людьми, но всем творческим процессом руководил итальянец Зам Ботива. По наставлениям книгу создавали, в том числе, Морис Мегре, тот самый человек, который подсказал Отто Рану идею о поиске Грааля в замке Монсегюр, маркиз Жан Ривера, он позже занимал очень ответственные посты в оккупированной нацистами Франции и был консультантом у гестапо, которое занималось преследованием и ликвидацией тайных обществ.

Изложенные в «Мистической Азии» идеи были отнюдь не новы. Еще в 1886 году часть из них была изложена в работе Сэнт-Ива д'Альвейдра «Миссия Индии в Европе — Миссия Европы в Азии». В этой книге содержались высказывания о неком оккультном центре, Агарте, существовавшем в Азии. Но в ней друзья маркиза сообщали, что Сэнт-Ив д'Альвейдр не просто сообщал об Агарте, а на-

шел ее. Более того, он установил с ней астральную связь. По поводу «астральных прогулок» Джеймс Вебб сообщал буквально следующее: «Согласно некоторым оккультистам, астральной прогулкой назывался процесс, который позволял выйти из тела физического и путешествовать в теле астральном». Маркиз локализовал Агарту в Гималаях, естественно, добавляя при этом, что она «бесследно исчезла». Но исчезла не как факт, она продолжала существовать под землей, где почти 4 миллиона жителей возводили огромные города. Доступ туда имели «двенадцать мастеров высшего посвящения». Кроме этого, понтифик Агарты имел на земле своих суверенов.

Далее Сэнт-Ив д'Альвейдр долго и путано переходил к сущности эфира: «Неописуемая субстанция, святой элемент, который ведет к вечности и ее божественным факультетам, звучит на санскрите как акаса, а в наших языках называется эфиром. Я указываю здесь читателю на все то, что писал в «Миссии евреев». Эфир живой элемент, который очаровывает неизъяснимым способом и ведет к священному опьянению (исключительно духовному), при котором интеллект еще в состоянии сохранять контроль над личным сознанием».

В 1924 году Фердинанд Оссендовский фактически совершил плагиат, когда частично от собственного лица изложил некоторые идеи Сэнт-Ив д'Альвейдра в книге, которая называлась «И звери, и люди, и боги». Как и д'Альвейдр, так и Оссендовский пользовались «полярными» в качестве шаблонов для написания «Мистической Азии». Действительно свежей идеей у «полярных» было утверждение о нахождении надежного средства связи с оккультными властями Азии. У литературных предшественников такой идеи не было. Для постижения истины им приходилось совершать долгие утомительные путешествия. Суть этого оракула наверняка так и осталась бы сокрытой, если бы Гастон де Менгель не основал бюллетень, где публиковал итоги исследований «полярных». В том же оракуле он сообщал о возникновении звездного оракула и его пророчествах. Каково же было удивление Гиммлера во время встречи с де Менгелем в 1937 году, когда он узнал, что на него самого и «полярных» гигантское влияние оказала одна и та же книга «И звери, и люди, и боги». С произведением Оссендовского Гиммлер познакомился сразу же после ее выхода в 1924 году. По ее поводу он сделал несколько письменных заметок: «История американца и его бегство из Сибири на Восток через Тибет и Монголию — Ужас большевизма, а затем великие мистерии и тайны Монголии — Далее о бароне фон Унгерне-Штернберге». Интересно, что Гиммлер любил оставлять многочисленные критические заметки по поводу прочитанных им книг. В случае с Оссендовским этого не произошло. Напротив,

его заинтересовали «Великие мистерии Монголии» и он даже сделал несколько выписок. Какие же фрагменты привлекли будущего рейхсфюрера СС? Вот один из этих фрагментов: «Старики, живущие на Амыле, рассказывали мне древнюю легенду о том, как некое монгольское племя, спасаясь от ига Чингисхана, скрылось в подземную страну. Потом неподалеку от озера Ноган-Куль один сойот показал мне закоптелые ворота, ведущие, по его словам, в то самое царство Агарти. Когда-то давным-давно некий охотник проник через них в царство, а вернувшись, стал рассказывать всем об увиденных чудесах. И тогда ламы отрезали ему язык, чтобы он никому более нс смог поведать о Тайне тайн. Состарившись, охотник вновь пришел ко входу в пещеру, чтобы теперь уже навсегда скрыться в подземном царстве, воспоминания о котором долгие годы согревали и радовали сердце кочевника.

Еще более обильные сведения получил я от хутухты Джелиба Джамсрапа из Нарабанчи, поведавшего мне таинственную историю прихода на землю могущественного Царя Мира, властелина подземного царства; хутухта описал внешность гостя, чудеса, творимые им, и изреченные пророчества. Тогда-то и оценил я, что за этой легендой, бытовавшей скорее в форме повального гипноза, скрывается не только некая тайна, но вполне реальная и властная сила, способная влиять на политическую жизнь Азии. С тех пор я стал жадно собирать любую информацию по этому вопросу.

Гэлун-лама — любимец князя Чултуна Бейли, дал мне общее представление о подземном царстве.

— В нашем бренном мире, — сказал гэлун, — непрерывно меняется все — народы, науки, религии, законы и обычаи. Сколько величайших империй кануло в небытие, какие культуры угасли! Лишь Зло — орудие злых духов — пребывает неизменным. Более шестидесяти тысяч лет тому назад некий святой скрылся со своим племенем под землей и никто их больше не видел. В подземном царстве побывали многие — среди них Шакья-Муни, Ундур-гэгэн, Паспа, султан Бабер и другие. Ныне же никто не знает, где находится это царство. Кто говорит — в Афганистане, кто — в Индии. Люди там не ведают зла, в царстве не бывает преступлений. Там мирно развиваются науки, и погибель ничему не грозит. Подземный народ достиг необыкновенных высот знания. Теперь это большое царство с многомиллионным населением, которым мудро управляет Царь Мира. Ему ведомы все скрытые пружины мироздания, он постигает душу каждого человеческого существа и читает великую книгу судеб. Он тайно управляет поведением восьмисот миллионов человек на земле, все они исполняют его волю...

К сказанному князь Чултун Бейли добавил от себя:

— Это царство называется Агарти. Оно тянется под землей по всей планете. Я сам слышал, как просвещенный китайский лама рассказывал богдохану, что в пещерах Америки живет древний народ, укрывшийся в свое время под землей. И сейчас на земле обнаруживают следы их былого среди нас существования. Правители этих народов ныне подчиняются Царю Мира, который является владыкой всех подземных пространств. Ничего необыкновенного здесь нет. Известно, что на месте двух великих океанов — восточного и западного — прежде располагались два континента. Они опустились под воду, но люди успели уйти в подземное царство. В глубоких пещерах существует особое свечение, позволяющее даже выращивать овощи и злаки, люди живут там долго и не знают болезней. В подземном царстве обитает множество разных народов и племен». Какие идеи из книги Оссендовского привлекали «полярных», остается неясным.

Но вернемся к «полярному» оракулу. Зам Ботива в «Мистической Азии» указывал, что идея оракула была ему открыта в небольшом городке, лежащем к северу от Рима, где жил таинственный отшельник, которого местные жители называли отец Жульен. Отец Жульен доверил Ботиве «оракул звездных сил». Из описания отшельника было ясно, что он сам не был чужд оккультных занятий. На грубой шерстяной одежде он носил изображение розы и креста. В 1909 году отец Жульен куда-то пропал. Зам Ботива утверждал, что он направился в монастырь, который располагался в Гималаях. Ботива якобы получил от него несколько посланий посредством оракула. Но некоторые послания были «подписаны» совсем незнакомыми ему людьми. Сам оракул стал для Зама Ботивы новой «полярной звездой», которая светила во мраке, указывая свет к истине. Возможно, именно из этого сравнения родилось название «Полярного братства» («Поляриса»). В 1929 году, если верить преданию, «полярные» осознали тайну оракула, после чего и создали свое тайное общество.

Морис Мегре, парижский приятель Отто Рана, писал в своей главе в «Мистической Азии», что способ связи с «мастерами» мог показаться современнику абсурдным, несерьезным и даже легкомысленным. Он подчеркивал, что все новое, не имеющее четких доказательств, высмеивалось. И все равно настаивал на своей мысли. Предложенная коммуникация не имела никакого научного объяснения. Мегре вообще сообщал читателю, взявшему в руки «Мистическую Азию», что для ее прочтения требовалось немножко стихийной веры. Ему самому не казалось чем-то чрезвычайным и исключительным, что «полярным» удалось установить связь с людьми, живущими в Гималаях, откуда члены братства получали советы от-

носительно познания мира, некоторые предсказания. Сами буквенно-цифровые пророчества не были для «полярных» чем-то особенным. Для них было само собой разумеющимся, что где-то в Тибете располагалась уединенная общность людей, находящихся на более высокой стадии эволюции. Впрочем, в это верили не только «полярные».

Мегре не ограничивал свою писательскую деятельность составлением «Мистической Азии». В 1935 году он издал книгу «Ключ к тайным вещам», которая вышла в свет в оккультном издательстве «Библиотека плотника». В этой работе он обобщал фактически все эзотерическое наследие последних десятилетий. В частности, о свастике он написал следующее: «Свастика стоит за силой времени и в качестве таковой является чисто буддийским символом, означающим круговорот жизни, в котором находится человек и от которого он может избавиться только благодаря очищению. В наши дни ее смысл достаточно сильно изменился, став символом поднимающих голову в Германии расовой ненависти и насилия». «Имеются различные интерпретации свастики. Бурноф видит в нем огненный символ. Макс Мюллер символ солнца. Д'Альвилла — луны. Мадам Блаватская считает его знаком центра освященного мира. Рене Генон видит в свастике символ полюса». Упоминание «полярными» Рене Генона, классика традиционализма, далеко не случайно. В одной из самых известных работ «Царь мира» этот философ писал: «Мы хотим обратить особое внимание на следующий факт: центр, о котором идет речь, представляет собой неподвижную точку, которая во всех традициях символически обозначается как «Полюс», так как именно вокруг него происходит вращение мира, которое в основном представлено знаком колеса как у кельтов, так и у халдеев и индусов. Таким является истинное значение свастики, знака, который распространен повсюду, как на Дальнем Востоке, так и на Дальнем Западе, и который по сути своей является «знаком Полюса». Ее истинное значение фактически впервые представлено современной Европе».

Но вернемся к книге Мегре, в которой он описывал центр посвящения: «Самой невероятной гипотезой является та, которая пытается подтвердить божественное происхождение мудрости. Некоторые оккультисты утверждают, что мудрецы ушли далеко от нас в развитии и населяют Венеру, откуда были присланы на Землю, чтобы дать людям знания. Эти посланники дали указания своим ученикам, а те свою очередь передают их остальным. Весь мир узнал от Оссендовского об Агарте... Сэнт-Ив д'Альвейдр подтвердил, что Агарта реально существует, и, даже находясь под землей, является активной... Рене Генон стремится доказать, что Агарта — «земля

бессмертия» — не всегда будет невидимой. Агарту нельзя узреть (до поры до времени), так как мы живем в эпоху тьмы — Кали Юги. Однако придет время и Посвященные вновь явятся миру».

Традиция, которая говорила об Агарте, на самом деле являлась историей Атлантиды, острова, поглощенного пучиной после великой космической катастрофы. Но далеко не все атланты погибли. Часть из них спаслась на вершинах Гималаев, дабы хранить моральное наследие человечества. Оттуда они иногда возвращались в варварский мир. Маги халдеев, греческие сторонники культа Орфея, ессеи Палестины, пифагорейцы, египетские терапевты, галльские друиды — все они были проявлениями одного и того же ордена. Согласно этим представлениям, друиды пришли на самом деле не из центра Ирландии, а из Азии. В качестве подтверждения этого тезиса указывалось на сходство построения организаций друидов и лам. Впрочем, Ирландия тоже сыграла свою роль. Еще в 1220 году на этом острове существовал тайный центр, в котором горел «вечный огонь». Его существование поддерживали молодые девушки, которых называли «дочерьми огня». Угасание этого огня совпало по времени с крестовыми походами против катаров. Очевидно, что «полярные» увязывали воедино и традицию друидов, и представления альбигойцев. Более того, они утверждали тесную взаимосвязь европейских еретических учений с Гималаями. В орфической поэзии можно было найти стихи, которые почти слово в слово повторяли гимны Вед. В XI—XII веках биография Будды имела хождение в Европе в виде христианизированного романа о Варлааме. Буддистские и манихейские идеи попали в Европу через Византию. По крайней мере, так считал Мегре. То есть он говорил о косвенном восприятии катаризмом буддизма. Определенные пассажи действительно могли навести на подобную мысль. Например, постулат о бессмертии души, которая множество раз возрождается, совершая некий жизненный круговорот.

В главе, посвященной Святому Граалю, Мегре не постеснялся упомянуть о своем знакомом Отто Ране — «молодом талантливом немецком писателе». Вместе с тем Мегре критически отзывался о нем, так как Ран не смог установить связи между буддизмом и катарами. Хотя о книге «Крестовый поход против Грааля» Мегре все равно отзывался с огромной симпатией, повторяя в своей работе даже некоторые отрывки из нее. Например, предположение Рана, что Грааль находится в одном из гротов Орнольяка.

В целом «полярные» оказали гигантское воздействие на оккультную среду Европы. Задать вопрос их оракулу приезжали очень многие, которые считали себя истинными посвященными. С оракулом общались и известные философы: традиционалист Рене Генон

и Юлиус Эвола, воспевавший языческий империализм. В те дни в голосе «полярных» еще никто не слышал угрожающих ноток. Но у некоторых уже начал позвякивать металл. Маркиз Ривера описал в своем романе «В тени тибетского монастыря» буддиста, который попал в Париж тех дней. «По сравнению с ним во мне все было сомнительно, шатко и безнадежно. Я перепробовал все наши философии, все наши религиозные системы, все наши секты. Но нашел лишь профанизм и всеобщую незначительность... Наш Запад вообще профаничен... Я проникал в закрытые ложи, окунался в эзотерическую среду, знакомился с отцами оккультизма. Но все, что я слушал, было пустыми напыщенными фразами... Я не верю, что звезда инициации осветит небо Запада». Этот пессимизм с началом Второй мировой войны превратился в призыв к действию. Во время оккупации Франции «полярные» оказали еще большее влияние на оккультистов, когда пачками выдавали их в руки гестапо. На этом сюжете, пожалуй, стоит остановиться подробнее.

Главную роль в преследовании французских тайных обществ во время оккупации Франции сыграл Жан Маркиз Ривера. Если принять во внимание оценку, которую он давал тайным обществам Запада, то в его поведении не было ничего парадоксального. Он жаждал их искоренения как организаций, которые порочили высокие идеи. После того как Третий рейх оккупировал север Франции, было создано специальное подразделение, которое должно было выявлять масонов и членов других тайных обществ. Оно начало свою деятельность 12 декабря 1941 года как на оккупированных территориях, так и во французских провинциях, контролируемых марионеточным режимом Виши. К 1944 году в штате этой службы, действовавшей на всей территории Франции, насчитывалось более 300 сотрудников. Сама эта организация называлась «Служба тайных обществ» и имела очень показательную аббревиатуру — ССС. Жан Маркиз Ривера охотно вызвался возглавить деятельность ССС на севере страны. Он как никто лучше подходил для организации поисков тайных обществ. По сути ССС превратилась во вторую тайную полицию. Центр своего ведомства Маркиз Ривера расположил в очень символичном здании по адресу Париж, бульвар Рапп, 4 — там в свое время располагалась резиденция теософского общества. Деятельность ССС курировала СД, а именно оберштурмфюрер Мориц. Впрочем, это был чисто идеологический контроль. Непосредственная деятельность «Службы тайных обществ» была связана с гестапо. Иногда задания маркизу Ривере приходили прямо из Берлина. Так было с поручением выявить и ликвидировать французские Ротари-клубы. Но больше всего немцев интересовали масонские архивы. Их вывозили из Франции вагонами и передавали СД.

Кстати, в наших средствах массовой информации постоянно всплывают сведения о том, что масонские архивы реквизировало «Наследие предков». Это заблуждение. Все архивы попадали в руки специалистов эсэсовской службы безопасности, которые сидели в здании, ранее принадлежавшем Берлинской масонской ложе. За несколько лет своей деятельности ССС смогла составить гигантский список французских масонов, в который попало более 60 тысяч персон. Часть из них оказалась в концлагере, часть была депортирована, часть казнена на месте. Из всех тайных обществ мистики Маркиз Ривера более всего ненавидел и презирал масонов. После освобождения Франции союзниками большинство сотрудников ССС было схвачено. В 1946 году над ними прошел суд. Жан Маркиз Ривера был приговорен к смерти. Остается только гадать, какие тайны он унес с собой в могилу?

Но вернемся из военной поры обратно в 1937 год, когда состоялась пресловутая встреча Гастона де Менгеля и Генриха Гиммлера. Изучая отдельные аспекты этого, казалось бы, незначительного эпизода в истории Европы, невольно задаешься вопросом: а, собственно, кто на кого влиял? «Полярные» на руководство СС? Или руководство СС на «Полярис»? Обратимся еще раз к сведениям, которые мы вскользь упоминали в предыдущих главах. Как мы помним, в июле 1937 года бригадефюрер СС Карл Мария Виллигут получил письмо от Гастона де Менгеля. По этому поводу он сообщал шефу личного штаба рейхсфюрера СС: «Мне был доставлен 23 июня 1937 года из Хельсинки в высшей степени таинственный диск, а затем господин Гастон де Менгель прислал мне не менее странное сообщение. В частности, он писал следующее: «Очень сильно работает ось, которая лежит северо-восточнее Парижа. Однако ось не проходит ни рядом с Берлином, ни около Хельсинки. Я смог определить исходный пункт сил из разреза. Он лежит в Мурме[1] (Лапландия) около 35 градусов восточной долготы и 68 градусов северной широты в окрестностях российского Ловозера. Я также определил место расположения большого черного центра. Он лежит в пределах большого треугольника, который образовывается в западной Монголии городами Кобдо, Урумчи и Бакул». Я привожу это письмо к сведению, так как Гастон де Менгель спрашивал меня, что я думаю по этому поводу. Я счел эту информацию достаточно ценной и прошу уделить ей соответствующее внимание. Моя версия: в результате переговоров русских с Францией и Англией там могут создаваться авиационные базы. Что касается моего предположения, то его изучением могла бы заняться СД». Письмо имело гриф «Секретно!».

---

[1] Судя по всему, Гастон де Менгель подразумевал Мурманск.

Как видим, в СС уделяли большое внимание геомантическим исследованиям. В 1934 году Виллигут знакомится с Гюнтером Кирхгоффом (1892—1975), который также проявлял повышенный интерес к древнейшей истории Германии. Кирхгофф высказал мысль о существовании неких геодезических энерголиний, которые проходили сквозь все континенты. Сегодня это эзотерическое учение получило название — геомантика. Виллигут стал ярым приверженцем этой тайной науки. За год до визита де Менгеля в Берлин он совершил геомантическую экспедицию. Подводя ее итоги, он писал: «При сравнении выводов господина Кирхгоффа и найденных мною (на основании ирминстской веры) локационных систем выяснилось, что найденная мною система отклоняется на два градуса на восток от нулевого меридиана. Господин Кирхгофф на основании многочисленных наличествующих культовых мест и т.п. пришел к выводу, что его локационная система простирается в Европе от нулевого до 46-го меридиана; после обследования старых культовых мест можно заключить, что земная ось неоднократно менялась». Кроме этого, Виллигут был восхищен геомантическими выкладками Вильгельма Тойдта, который доказывал, что Экстернштайн являлся едва ли не главным «энергетическим» центром Европы. Таким образом, письмо де Менгеля уже не выглядит набором несвязных слов, которые написал, казалось бы, не совсем нормальный человек. Очевидно, что де Менгель активно практиковал геомантику.

2 июля 1937 года к Виллигуту пришло еще одно письмо от Гастона де Менгеля. Французский мистик писал в нем, что получил от своего старого русского друга документы, которые рассказывали о том, что происходит в так называемых «Буддийских центрах», раскиданных по всему миру. Де Менгель пытался резюмировать суть этих документов, сделав для Виллигута некое подобие справки. В ней говорилось, что ранее тайными центрами всего буддийского мира являлись «Государство отшельников» и «Буддийский центр Чан Чен Коб». Но они оказались разгромленными в результате политических беспорядков. С этого момента «Государство отшельников» является «кочующим». В настоящее время оно пребывает в Тибете. За разгромом тайного центра стоит глава «Черного центра» Оунг Монг, известный также как Хульктуку Ши, Черенский. Он выдавал себя за новое воплощение Будды, «нового наставника мира». Его учение охотно поддержано многими тайными обществами Европы и эзотерическими кругами. Более того, адепты «Черного центра» выдают себя за посланников «Великого центра Света» (Агарты).

Даже после того, как мы пролили свет на странные письма де Менгеля, читателю вряд ли станет понятным, что это за Оунг Монг и «Черный центр»? Как ни странно, но речь шла о нашем соотечественнике А. Керенском. Вряд ли стоит пересказывать его биографию. По мнению европейских мистиков, именно Керенский был «серым кардиналом» еврейской ложи Бнай Брит. В 1926 году антисемитский писатель Карл Хайзе выпустил книгу «Оккультная логика», в которой подробно развил эти мысли. Гиммлер не без удовольствия прочитал ее, отметив в дневнике: «Очень серьезная работа, которая многое объясняет и позволяет прогнозировать события. Принцип добра и зла, который распространяется и на человеческое общество». Сознание рейхсфюрера СС было мифологизировано еще задолго до прихода нацистов к власти. В любом событии он видел результаты борьбы белых и черных магов, которые сражались за обладание этим миром.

Как в СС прореагировали на откровения де Менгеля? Унтерштурмфюрер Курт Руппман, служивший в личном штаба рейхсфюрера СС, сказал Гертраудт Шларб, секретарше Грёнхагена, следующее: «Мое частное мнение, но это написал напыщенный воображала. Видимо, он считает рейхсфюрера круглым идиотом, сбивая его с толку подобными глупостями. Де Менгель чересчур склонен к мистицизму, наверняка его факты перемешаны с личными фантазиями. Кроме того, у него может быть маразм — ему ведь 60 лет. Да, и кстати... Если поверить, что организация хочет действовать втайне, как это описано здесь, то почему она светится на каждом собрании и конгрессе, где ее могут заметить сотни детективов?.. Для СД его сведения не имеют никакой ценности, в них не за что зацепиться». Но придворный маг Гиммлера не разделял такого скептицизма. Видимо, это во многом и предрешило его судьбу. В СС очень многие были недовольны тем, что вокруг рейхсфюрера вьются странные люди. Эсэсовских технократов вовсе не прельщало соседство с безумными мистиками. Неудивительно, что закат звезды Виллигута начался именно после того, как де Менгель уехал обратно в Париж.

Глава 9

ВОСХОЖДЕНИЕ «ЧЕРНОГО СОЛНЦА»

Ужасающие, смертоносные представления нацистов о мировом господстве вряд ли могли быть возможны, если бы они не питались мифически преображенной идеологией, которая изображала нордическую расу самой древней и могущественной из существо-

вавших когда-либо на Земле. Политическая трактовка мифов, символов, сакральных и культовых мест всеобъемлюще помогала в том, чтобы возродить особый «арийско-германский» народ, который должен был стать носителем высшей культуры и который должен оплодотворить другие европейские цивилизации и культуры. Многие лидеры Третьего рейха вынесли подобные установки из ранней юности, когда они ознакомились с концепциями и работами отдельных идеологов «фёлькише» группировок. После наступления национал-социалистической эры подобные мифы были навязаны всему немецкому населению при помощи пропаганды и институтов воспитания. Сакральная солнечная символика «древних арийцев» полноправно заняла свое место в повседневности Третьего рейха. Солярные знаки и руны не просто служили элементами интерьера, они ориентировали на возрождение тысячелетней нордической религиозной традиции. В эсэсовском «Наследии предков» ученые мужи подводили под этот миф научное обоснование, организуя экспедиции и проводя археологические раскопки. Гиммлер, всегда интересовавшийся древними германцами, пытался создать для своего «черного ордена» специальную религию. Гитлер вместе с Альбертом Шпеером участвовал в проектировании титанических сооружений столицы Третьего рейха, которая со временем должна была превратиться в центр всего мира. Посещая эти мегапостройки, немцы должны были вспоминать об особой миссии, которая была наследована «тысячелетним рейхом» из глубины веков.

Идея о нордической расе, как носительнице света, проявлялась почти в каждом массовом спектакле, устраиваемом режимом Третьего рейха. Это были и «соборы света», возникавшие в Нюрнберге, и костры празднеств, посвященных солнцестоянию, и огненные свастики, составленные из сотен факелов, которые словно должны были выдернуть Германию из «иудо-большевистского мрака». Мифические герои доисторического времени наподобие Зигфрида и Арминуса будоражили фантазию молодежи, которая видела в них образец истинного расового героя — голубоглазого спасителя отечества. И наконец, начавшаяся мировая война была «легитимной» с точки зрения расширения жизненного пространства для нордической расы. Для рядового немца, оказавшегося во власти мифа, это была вовсе не агрессия. Эта была необходимая оборона, которая позволяла спасти древнейшую цивилизацию в истории человечества от славянского варварства и разлагающего влияния еврейства. Надуманные мифы стали причиной того, что в мясорубке Второй мировой войны погибли миллионы людей, а сама Германия стала восприниматься не носительницей света, а прибежищем мрака и зла.

Главные создатели «арийского мифа» не предстали перед Нюрнбергским трибуналом. Кто-то из них сумел скрыться, кто-то покончил с собой. Да и сам процесс над военными преступниками отказался от духовного анализа идеологии, господствовавшей в Третьем рейхе. Обвинители предпочли сосредоточить свое внимание на практике зверств и количестве жертв. Английский обвинитель как-то проговорился, почему союзники не стали обращать внимания на «духовную» сторону национал-социализма: «Если бы мы заговорили об этих вещах в зале судебных заседаний, то это, вне всякого сомнения, могло быть использовано защитой для того, чтобы изобразить своих подопечных как душевнобольных. В итоге военные преступники могли оказаться на свободе как невменяемые».

Древние мифы о Туле, арийцах, Атлантиде, модернистское учение Гёрбигера о «мировом льде», странные исследования Германа Вирта, мистическая символика нацизма и его культовые места не попали в сферу разбирательств Нюрнбергского трибунала. Не говорилось о них в первых послевоенных работах, где авторы пытались разобраться, как и почему в Германии возник национал-социализм. Вероятно, шок от наступившего прозрения был слишком силен, чтобы попытаться при помощи строгой рациональности осознать абсолютно иррациональные компоненты национал-социалистической идеологии. Политические установки того времени были слишком узки для того, чтобы в полной мере понять мифически-фантастические построения идеологов «тысячелетнего рейха».

Между тем прошло почти 60 лет с тех пор, как те или другие сюжеты замалчивались по каким-то причинам. Этот немалый срок позволяет лучше разглядеть, что произошло с Германией в 30-е годы. Но с другой стороны, за эти десятилетия нашлось немало подтверждений тому, что миф, помноженный на политическую идеологию, может вызвать к жизни страшные разрушительные силы. Этот урок должен быть очень важным, когда вновь в передовицах газет появляются сообщения о геноциде, религиозном фанатизме и безумных предводителях сект, готовых послать своих приверженцев на смерть во имя умозрительной идеи. История состоит не только из сухих цифр и проверенных фактов, она изобилует идеями, фантазиями, мистическими представлениями, которые нельзя попробовать на зуб, нельзя измерить или сосчитать. Но именно эти факторы являются мощнейшим импульсом, который способен подвигнуть людей даже на безумные поступки. Исходя из этого, нужно признать, что мифологический фон, царивший в Третьем рейхе, после окончания Второй мировой войны никуда не исчез. Союзники, побоявшиеся касаться мифов, позволили существовать ему в латентном виде, постепенно превращаясь из идеологии в «подпольные представле-

Полотнища с черными руническими символами, оставленные на месте проведения таинственного ритуала в замке Вевельсбург

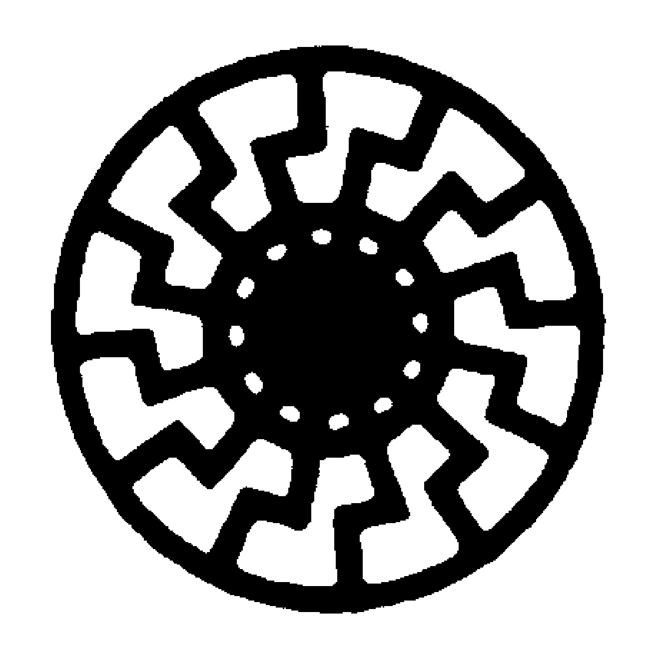
ния». Со временем они стали выходить из подполья. В настоящее время страницы множества журналов и книг наполняют легенды, повествующие о «высшей арийской культуре», особые трактовки рун и солярных символов, рассказы о нордической прорелигии. Нынешняя Германия не является исключением. Более того, бывшие эсэсовские святыни, такие как Вевельсбург и Экстернштайн, вновь стали местами паломничества для неоязычников, правых эзотериков, неонацистов. Они посещают их вновь и вновь, возвращая этим местам их прежнюю ауру. Многочисленные интернет-сайты предлагают любому желающему специализированные туристические туры, в ходе которых рассказывается о «черном ордене» СС и его мистериях. Многочисленные музыкальные группы весьма охотно тиражируют мистическую символику, связанную с мистическими представлениями Гиммлера.

Но это внешняя сторона дела. Находятся и те, кто всерьез пытается возродить эсэсовскую религию. Несколько лет назад группа неизвестных проникла ночью в Вевельсбург. В крипте, на полу которой изображено «Черное Солнце», был проведен специальный ритуал. О его сути мало что известно. Утром смотрители музея обнаружили, что постаменты двенадцати колонн были обернуты в белые полотнища, на которых были нарисованы черные рунические символы. «Черное Солнце», изображенное на полу эсэсовского Камелота, уже давно заняло свое место в молодежной среде. Оно стало своего рода гербом правой эзотерической музыкальной сцены. Его можно увидеть на булавках, заколках, майках, наручных часах, обложках журналов и лазерных дисков. Оно стало символом компьютерной сети «Туле», при помощи которой европейские националисты обмениваются информацией. «Черное Солнце» встречается везде, где начинают говорить «об исследовании индоевропейской культуры». Его поднимают на свое знамя и новые правые и язычники — все, кто активно выступает за возрождение Европы и борется против «принесения в жертву европейских народов на алтари мультирасовой культуры». «Черное Солнце» встречается на эмблемах

оппозиционных издательств, например «Sol invictus», и многих других. С начала 90-х годов все активнее и активнее раздаются голоса, которые провозглашают, что «темнота не поглотила детей света и вновь начинают борьбу с силами холода и мрака». «Черное Солнце» стало символом нового мифологического сознания.

Скорее всего, понятие «Черное Солнце» впервые в оборот ввела Елена Блаватская, которая в своей работе «Тайная доктрина» упоминала «центральное солнце». Под этим словосочетанием она подразумевала незримый центр Вселенной, вокруг которого вращались все звезды и планеты. Это была некая причина и исходный пункт всего бытия, то, что в гностицизме называлось «творческим светом», а у поздних оккультистов «центром универсального электричества жизни». В современной физике ему соответствует понятие «большой взрыв». Есть оно и в традиционных религиозных практиках. Это некий творческий мрак, находящийся в начале всех вещей. В индуистской космологии невидимая «мировая душа» делает дыхание и из этого порыва постепенно возникает материальный космос. В еврейской каббалистике мы можем найти «черный свет». Но у Блаватской «черный свет» был отличительной чертой исключительно тайного арийского учения, которое было вынесено с далекого Севера. Мистерия «центрального солнца» увязывалась ею с так называемой гиперборейской расой — легендарным древним народом, якобы обитавшим за полярным кругом.

Вслед за мадам Еленой последовали многие немецкие расисты. В 1910 году Гвидо фон Лист писал о невидимом «первоогне», который являлся у арио-германцев синонимом Бога, так как их «первоогонь» находился в начале всего космического развития. Так произвольно индуистские понятия были наложены на европейскую культуру. Оккультист Перит Шоу называл «центральное солнце» «Ядром эволюции», которое состояло из чистого духовного света. В своих воззрениях Шоу являлся полной противоположностью Канту и Лапасу, которые с чисто материалистических позиций представляли мир развившимся из небольшого газового скопления. В своем произведении с программным заголовком «Будущее Германии с

Символ Черного Солнца

точки зрения космологического развития» Шоу увязывал мистерию «центрального солнца» с астрологической теорией эпох, которые проходили под определенными знаками Зодиака. Он был убежден, что не только наша Земля крутится вокруг Солнца, но и все планетарные системы вращаются вокруг незримого космического центра. Причем этот гигантский цикл составляет 26 тысяч лет. В 1923 году Перит Шоу провозгласил курс на подготовку к завершению очередного космического цикла и вступлению в «Эпоху Водолея» (эти идеи сейчас активно развиваются сторонниками теории «Нью Эйдж»). Наступление новой эпохи должно было сопровождаться повышенной чувствительностью людей к лучам «темного первосолнца». Он подчеркивал, что люди произошли от богов, а не от обезьян. При этом добавлял, что в Германии, стране, где наличествовала древнейшая цивилизация, это облучение приведет к неким революционным действиям. Не был чужд Шоу и антисемитизма. В своей работе он высказывал мысль, что евреи укрыли древние эзотерические знания, поставив на службу материальному достатку.

В Третьем рейхе «Черное Солнце» появилось благодаря Карлу Виллигуту. Эмиль Рюдигер и Рудольф Мунд, самые преданные ученики Вайстора, трактовали этот символ как выражение «первосолнца», которое 230 тысяч лет назад освещало Северный полюс и находившуюся там Гиперборею. Именно лучи «Черного Солнца» придали нордической расе особые способности. В качестве иллюстрации они приводили выдержки из Гомера, который упоминал «гиперион», и германскую мифологию, которая упоминала бога молний Фарбаутра. Со временем небесное тело, именуемое «Черным Солнцем», потеряло свою силу и стало невидимым. Узреть его в состоянии лишь особо духовные личности, но даже им для этого необходимо прибегать к особым ритуальным практикам (медитации, массажу зобной железы и т.д.). Случайные люди, увидевшие «Черное Солнце», становились безумцами. Мы помним, какую роль Виллигут играл при дворе рейхсфюрера СС. Но до сих пор неизвестно, воспринял ли Гиммлер идеи относительно «Черного Солнца». Действительно, оно стало центральным символом Вевельсбурга. Но не исключено, что там оно играло исключительно декоративную роль, подобно тому, как во времена Меровингов такое же значение имели витражи, на которых были изображены схожие символы. Не исключено, что колесо с двенадцатью рунами-спицами было всего лишь отражением идеи движения солнца и звезд.

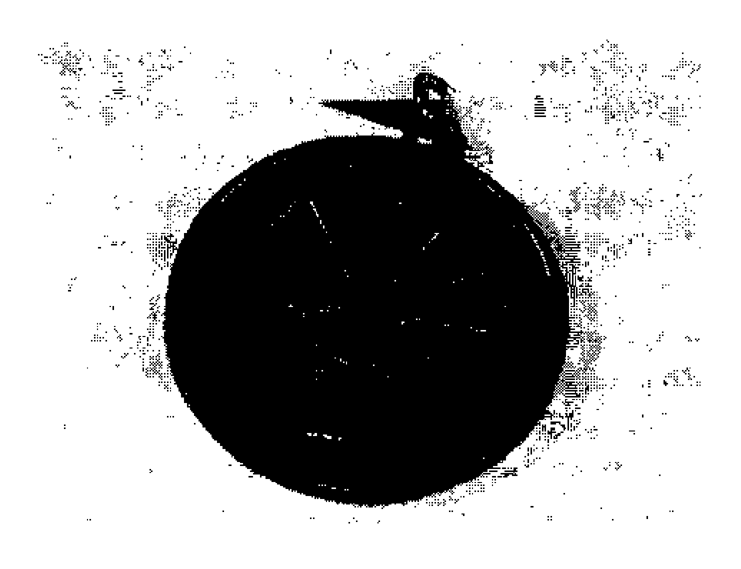
Вновь «Черное Солнце» всплыло в 50-е годы в Вене. Именно там бывшие эсэсовцы и ученики Виллигута Рудольф Мунд и Вильгельм Ландиг решили рассказать подрастающему поколению немецких оккультистов о специфической идеологии СС. Рудольф

Мунд рассказывает (впервые!) в своих статьях о Карле Марии Виллигуте и Йорге Ланце фон Либенфельсе. Почти сразу же после этого он пишет небольшую работу, посвященную мифу о «Черном Солнце». Ландиг помещает «Черное Солнце» с центр своей монументальной трилогии. Она состояла из следующих романов: «Идолы против Туле» (1971), «Время волка в Туле» (1980), «Мятежники из Туле» (1991). В этих книгах, которые должны были воодушевлять молодую националистически настроенную публику, он излагал мифологические воззрения руководства СС. Самое «Черное Солнце» он описывал как исходный пункт всего арийского, первоисточник арийского духа, тайный символ Туле, луч величия и светлый источник мудрости.

Черное Солнце на полу Вевельсбурга

Основное значение «Черного Солнца», по мнению Ландига, было в свое время вытеснено из германской души еврейско-христианской религией. Оно же на самом деле состояло из «древних знаний» о «рождении нордической души из света звезды» и пришествии германцев из далекой «полуночной горы», где когда-то восседал Люцифер. Последний в духе Отто Рана провозглашался светлым подателем, который был низринут в вечную темноту ада. В итоге вся мировая история являла собой неутихающую борьбу между «Туле» и «Иудой». Германская и еврейская религиозность находились на различных полюсах. В ходе этого противостояния «Черное Солнце» превратилось в символ нордического сопротивления. В германской религиозности отдельный человек продвигается вперед к богу, дабы погрузиться в божественное бытие. В еврейской традиции

Медальон с Черным Солнцем, продающийся в Европе

существует «персонифицированный бог», который снизошел к одному племени, ставшему избранным.

По мнению Ландига, дольмены и каменные круги, находящиеся в Передней Азии, указывали на то, что в свое время этот регион был заселен индогерманцами. Однако в 1250 году до нашей эры эти страны были захвачены евреями, которые начали массовые убийства, «санкционированные» их божеством. Ландиг охотно ссылается на Библию, особенно на Ветхий Завет, где в изобилии встречаются указания на массовые расправы, творимые «богоизбранным народом». В трилогии о Туле красной нитью проводится мысль, что самонадеянность и кровожадность евреев стали причиной «легитимности» их страданий в XX веке.

Наиболее наглядные иллюстрации Ландиг приводит в связи с войной царя Давида против аммонитян. Акцент на этом сюжете далеко не случаен. Процитирую Библию: «Народ же бывший во взятых городах вывели. Клали под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросали в обжигательные печи» (II Цар. XII, 29, 31). То есть Ландиг ни больше ни меньше создавал историческое оправдание холокоста. Вообще для Ландига весь Ветхий Завет был сплошным доказательством жестокости и кровожадности еврейского народа. Избранность в глазах Яхве, по мнению бывшего эсэсовца, привела к тому, что уже в ветхозаветные времена евреи стали задумываться над мировым господством. В своей трилогии он на многих страницах разоблачал мировой еврейский заговор. Начиная от Ротшильдов и Рокфеллеров, заканчивая ООН, которая должна была создать «мировое правительство». Последнее должно было устранить все этнические различия между людьми, повсеместно ввести генную инженерию и системы компьютерного контроля.

«Черное Солнце» на страницах романов Ландига превращалось в символ сопротивления Европы, которая не хотела мириться с еврейско-американским капитализмом и мультикультурными утопиями. В романе «Мятежники из Туле» автор вывел на страницах своего произведения персонаж — харизматического преподавателя, «высокого мужчину с седыми, коротко подстриженными волосами». Перед учениками из класса, объявленного вне закона, этот учитель делает специфические доклады, которые по своему содержанию и структуре очень напоминают исследования, проводимые в недрах «Наследия предков». Он рассказывает им о мегалитах, Атлантиде, древнейшей мифологии. Вместе с тем он требует от «новых мятежников», чтобы те восстали против пустого общества всеобщего благоденствия, в котором господствуют материализм, сила. Одновременно с тем он клеймит современное понимание истории, так как ученые специально замалчивают сведения о глубоком герман-

ском прошлом. Вполне очевидно, кому адресовал свои романы Ландиг — молодежи, которая должна изыскивать «древние идеалы». И вновь знакомые пассажи. Осознание культуры мегалитов, распространившейся по древней Европе, является ключом к истинному мистическому преображению, постижению тайн Туле, где когда-то тысячелетия назад жила истинная раса, приближенная к богу. В этих романах немец изображается как мечтатель, которым он всегда и оставался. Только германец в состоянии чувствовать колебания Вселенной. Только германец может рождать метафизические и идеалистические мысли. Современный мир представляется Ландигу холодным, бездушным, разрушающим природу. Этот мир диаметрально противоположен подлинным ценностям доисторического времени. Книги Ландига очень умело использовали страхи тех молодых людей, которые не принимают современного материализма. Неудивительно, что на правой рок-сцене они сразу же стали культовыми.

Похожую гремучую смесь из мифов, антисемитизма и оправдания Третьего рейха мы можем найти и у других писателей, утверждающих, что они посвящены в тайные науки. Но, в отличие от Ландига, они не скрывают своих намерений, не маскируются — в их работах Гитлер является не просто политическим деятелем, «божественным воплощением». Я говорю о бывшем чилийском дипломате и экзальтированном писателе Мигеле Серрано и француженке, принявшей индуистское имя, — Савитри Дэви. В то время как Ландиг не решался провозглашать Гитлера исключительной фигурой, а уж и подавно Великим Посвященным, Серрано и Дэви видели в фюрере «аватару». Это словечко было заимствовано из индуизма как символ человеческого воплощения бога Вишну, который возрождался в великих деятелях в смутные времена, как бы спеша человечеству на помощь.

Савитри Дэви «в миру» изначально звали Максимиани Портас. Она родилась в 1905 году в Лионе. Именно первой из всех многочисленных поклонниц Гитлера стала прославлять фюрера в эзотерическом духе. Ее оккультные разработки до сих пользуются большой популярностью у неофашистов всего мира. Если верить Николасу Гудирик-Кларку, который написал не только всемирно знаменитую книгу «Оккультные корни нацизма» и не менее известную работу — «Гитлеровская жрица», Савитри Дэви прожила странную жизнь. Уже в раннем детстве у нее наблюдались специфические черты характера. Позже этот зародыш превратился в странное мировоззрение, где каждому историческому и политическому событию находилась своя мистическая трактовка. Уже с юности она питала устойчивое отвращение к идеалам Французской революции

(свобода, равенство, братство). Она видела в них искажение и извращение самой человеческой сущности. В школе она не раз наказывалась за неприличные жесты, которые делала перед памятной доской, на которой излагались права человека. В то же время она пылала страстной любовью к животным и не могла видеть их страданий. Для сельской местности Франции забой скота — явление самое что ни на есть обыкновенное. Ее противоречивые взгляды, помноженные на презрение к людям, рано или поздно должны были поставить под сомнение истинность западных гуманистических идей, которые делали основной ценностью бытия человеческую жизнь.

Попав как-то на древнегреческие развалины, она была околдована античными мифами. В ее взглядах все чаще и чаще стала проявляться тоска по исчезнувшим языческим культурам. В них она не видела лицемерия и ханжества, присущих западному христианству. Постепенно ее интерес переключился на арийцев. Она не раз задавалась вопросом: кем были эти кочевые северные народы, которые обрушились на Индию 4 тысячи лет назад, создав там в итоге высокоразвитую культуру? Не прибыли ли они из Европы, где была распространена древняя арийская культура, воплощавшая в себе совершенно иные ценности, которые поднимались на щит иудеохристианством? Визит в Палестину разжег в ней первые искры антисемитизма. Одинокая, она бродила по кварталам старой части Иерусалима, где сталкивалась с непривычным экзотическим миром, который испугал Максимиани. Непривычные обычаи и одежда, чуждые лица и голоса, черные шляпы, пейсы и длинные бороды, загадочные и непонятные ритуалы, молитвы перед Стеной Плача — все вызвало у ней неприязнь. Максимиане стала отвратительной сама мысль, что евреи могут быть богоизбранным народом. Она не верила больше Библии, которая говорила об этом. Увлечение древними цивилизациями рисует ей картину огромной и монолитной языческой Европы, чьи последние следы стоит искать в Индии. После этого экзальтированная француженка принимает индуизм и новое имя.

Весной 1932 года, когда Максимиане было всего лишь 27 лет, она заканчивает университет. Это событие она решает отметить, оказавшись на крупном празднике, где воспевались подвиги Рамы, одного из главных героев индийского эпоса «Рамаяна». Словно опьяненная, она созерцала богатство красок, роскошь костюмов, изысканность запахов и благозвучие музыки. Украшенные слоны перемещали символическую беседку, в которой восседали Рама и Сила. За слонами шествовали прекрасные юноши, которые несли в руках факелы, а восторженные зрители, выражая почтение к предкам, заваливали процессию букетами прекрасных цветов. Преклонение

темнокожего населения, живущего в основном на юге Индии, перед более светлой парой, ехавшей на слонах, показалась француженке некой аллегорией, которая несла в себе следы прежнего арийского завоевания. Нечто подобное она уже видела в Германии, где вновь набирали силу расизм и идеология превосходства арийской расы. В старых брахманских манускриптах действительно шла речь о том, что дравиды, коренные жители Индии, изображались как темнокожие и носатые. Арийские завоеватели свели их до уровня рабов и обезьян. Еще больше ее поразило, что, пока в Европе набирали силу социалистические, либеральные и гуманистические идеи, в Индии неизменно сохранялась кастовая система. Брахманы, являвшиеся далекими предками светлокожих завоевателей, сохранили свои господствующие позиции. Потомков арийцев в Индии отличали честь, ум и сила воли. Воодушевившись этим архаичным миром, француженка принимает имя Савитри Дэви. В 1936 году она приложит все усилия, чтобы ее новая родина оказалась спасенной от влияния иудеохристианской «уравнительной философии». Как-то в одном из индийских домов она увидела фотографию Гитлера, которая была водружена на домашний алтарь. Возможно, индийцы почитали его как человека, носящего свастику, символ сохранения космического порядка. Возможно, они делали это в знак протеста против колониального владычества Англии. Но француженка, носящая индийское имя, увидела в этом факте попытку борьбы против европейского материализма. Она с головой уходит в изучение старых текстов и становится восторженной приверженкой индуистских культов. Ее восхищает, что в индуизме человек со своими творческими и деструктивными началами являлся всего лишь песчинкой во вселенских процессах. Индуизм восхитил ее, скорее всего, не как религия, а как художественное восприятие природы, сопряженное с высокоморальным отношением к ней. Сами же культы Индии виделись ей вечным танцем, где почитались как увядание, так и возрождение.

Вовлечение в индуизм привело Дэви к выводу, что в Европе необходимо насадить совершенно иную религиозную практику, принципиально отличную от христианства с его чувством вины и осуждением природы. Новый культ должен был строиться на проникновении в красоту космических процессов, которые можно было постигнуть благодаря медитации, танцу, молитве. Именно в этом Савитри Дэви видит суть «арийского» миропонимания. Она всерьез полагала, что когда-то подобные культы господствовали по всей Европе.

Одержимая страхом, что ее новая родина будет морально уничтожена западными ценностями, Дэви начинает сотрудничать с агрессивными и экстремистскими организациями индуистов. Одно-

временно с этим она все с большим и большим восторгом наблюдает за национал-социалистической Германией, она кажется ей последним европейским пристанищем истинных религиозных представлений, которые могут спасти мир. И тут мы можем найти несколько очень странных совпадений. Подобно индуистам, национал-социалистические идеологи говорили о «золотом веке» как эпохе наивысшей гармонии, которая сменялась периодами постепенной дегенерации. В облике Гитлера Дэви находит несколько характерных черт — он любит животных, заботится о рабочих, матерях и детях, провозглашает идеалы здоровой и гордой молодежи. Все не что иное, как отзвук тоски о райском, золотом, доисторическом существовании арийцев. По ее мнению, миссия фюрера выходит далеко за пределы Германии, так как он поднял голос протеста против наивной веры в прогресс, против уничтожения природы. Подлинные истоки появления такой фигуры, как Гитлер, виделись Дэви в «таинственной, безошибочной и безликой мудрости лесов, океанов и космического пространства».

Она верила, что Гитлер воплотил в себе вечность природной мудрости, которая должна быть обращена против узости зарвавшегося интеллекта. «Мертвая голова», символика «черного ордена СС», трактовалась ею как оправданное насилие, которое направлено на благо человечества, дабы то вновь вернулось в «золотой век». Череп и кости — это новый символ касты воинов — европейских кшатриев. В отдельных выдержках из «Бхагават-гиты» Дэви находит схожесть с кодексом чести СС. Это еще больше укрепляет ее в мысли, что нацистский и индийский боевой дух являются родственными. Например, очевидна схожесть, когда идет речь о действии, направленном не на личное благо, а на достижение общей цели, или о презрении к боли во время битвы.

Однако «гитлеровская жрица» попала в восхитившую ее Германию только после войны. В 1953 году она посещает ФРГ, которая вызвала в ней бурные, противоречивые чувства. Первые впечатления — поездка по железной дороге, которую окружают искореженные ландшафты, исполненные боли и ярости. Несмотря на запреты, Дэви начинает вести в Германии нацистскую пропаганду. Власти арестовывают ее и помещают в женскую тюрьму, где она встречает бывших работниц концентрационных лагерей, которые станут для нее новыми культовыми фигурами. В Герте Элерт, санитарке из Берген-Бельзена, она увидит «классическую красоту повелительниц древней Германии». Она посвятит ей исполненные эротизма строки: «Я не могла отвести свои глаза от этих пленниц».

Во время своего паломничества в Германию Савитри Дэви посещает многие культовые постройки нацистского движения. Но осо-

бое значение она придает «гитлеровским местам», которые она со временем превратит в своеобразные «храмы для посвящения». В церкви Леондинга, места рождения родителей Гитлера, ей привидится мать с ребенком, вступающие в храм. При этом лицо ребенка будет сиять светом безграничной любви, в нем будет гореть огонь гения. Пораженная этим видением, она придет на могилы родителей фюрера, где найдет только увядшие цветы и скромные надгробия. Часами она будет искать темные розы, дабы возложить их на могилу. При этом она натолкнется на школьных товарищей Гитлера, которые вызовут в ней рождение новой картины. Ее потрясли их слова: «Мы все любили его. Иной мир, который привел к его гибели, также бы полюбил его, если бы только там знали, каким он был на самом деле».

В Бранау, на родине Гитлера, она садится в кондитерской лавке напротив родного дома фюрера и наблюдает за неторопливой мирной жизнью небольшого австрийского городка, за его уютными магазинами, покрашенными фасадами домов, цветущими деревьями, что стояли под окнами. Она погружается в мечты и размышляет о непостижимом для жителей этого городка факте — что именно здесь 64 года назад неприметная пара дала жизнь «богоподобному ребенку», в котором воплотились «весь интеллект, вся сила воли и героизм, передаваемые из поколения в поколение. Именно этому ребенку предстояло дать жизнь новой цивилизации. Этот ребенок после легендарного Бальдра был первое дитя света, который мог спасти Запад.

Далее она едет в горную резиденцию Гитлера Бергхоф, где, поднявшись на скалы, испытывает новые трансовые видения. Следующую медитацию она проводит в Нюрнберге на поле «Цеппелин», где проводились партийные съезды. Она буквально видит ликующие массы. Утопая в море знамен, огнях прожекторов и факелов, они маршируют перед ее внутренним взором. При этом она бросает себе горький упрек, что могла бы сражаться за Гитлера, нежели бесполезно тратить годы, проведенные в Индии. Но апогеем и мистическим финалом паломничества Савитри Дэви стало посещение Тевтобургского леса. Она бродит по его чащобам, после чего совершает шаманский ритуал в Экстернштайне. Посреди ночи она ложится в каменный гроб у подножия скал и долго молится о возрождении национал-социалистической Германии: «Я не могу сказать, как долго находилась я в состоянии смерти в этом гробу. Но это не было продолжительной темнотой».

Во время этой поездки по Германии Дэви устанавливает первые контакты с бывшими эсэсовскими офицерами и их родственниками. Она знакомится со вдовой Отто Олендорфа, который был осуж-

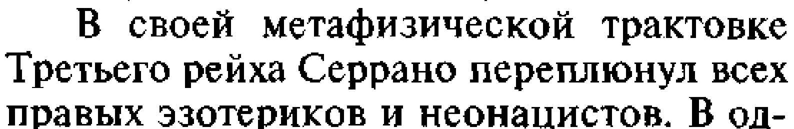
ден в Нюрнберге за казнь 90 тысяч человек. Вместе с новой подругой они посещают его могилу. Здесь Савитри Дэви чтит его как «современного арийского героя», который полностью соответствует духу «Бхагават-гиты». В конце 50-х годов она устанавливает дружеские отношения с асом Люфтваффе Гансом-Ульрихом Руделем, который знакомит ее с такими высокими эсэсовскими чинами, как Отто Скорцени и Леон Дегрель, в то время стоявшими за спиной международного неонацизма. В 1961 году вместе с Колином Джорданом, вождем английских ультраправых, она посещает Стоунхендж, где совершает ритуал в честь древнеевропейских арийских богов. Международные журналы постепенно распространяют ее эзотерическую философию по всему миру. И даже сейчас в правом движении можно заметить ее след. Неформальный предводитель ревизионистов, опровергающих «миф о холокосте», Зюндель как-то опубликовал записи многочасовых бесед с Дэви.

Но куда большее влияние на неонацистские круги оказывал и оказывает до сих пор бывший чилийский дипломат Мигель Серрано. Вдохновленный идеей о том, что Гитлер являлся «аватарой», этот чилиец разработал целую философию «эзотерического гитлеризма». Его книгу «Золотая лента», подобно трилогии Ландига о Туле, можно спокойно достать в Европе. Она считается эзотерическим, а не неонацистским произведением. Да и сам Серрано с трудом умещается в прокрустово ложе представлений о неонацистах. Он получил блестящее образование, стал известен благодаря своим талантливым стихам. В свое время он был дружен с такими известными личностями, как Карл Густав Юнг, Герман Гессе, Индира Ганди. В основном он описывает свои внутренние переживания. Приверженцем Гитлера он стал после встречи с одним из «мастеров». Хотя первое впечатление о Гитлере у него было совершенно иное. Вид фюрера показался ему комичным: нелепые усики, странная прическа с челкой. Встреча Серрано с «посвященным», видимо, произошла во время десятилетнего пребывания в Индии, где он служил дипломатом. Именно этот человек, чье имя так и осталось неизвестным, «открыл ему глаза на истинное значение Гитлера и глубочайший смысл Второй мировой войны». Этот анонимный мастер научил Серрано видеть Гитлера на «астральном уровне», где он представал «носителем света, пришедшим из другого мира». Его миссия заключалась в том, чтобы предотвратить катастрофу, вызванную наступлением «нового железного века». Индуизм давно развивал представления о том, что появление «аватары» связано с космическими циклами. Эта мысль была положена в основу воззрений Серрано относительно Третьего рейха. Подобно брахманам, он верит, что человечество постепенно скатывалось из «золотого века»

в «железный». Новая эпоха характеризовалась разногласиями между человеком и природой, упадком традиций, появлением атеизма. Чтобы вернуться в изначальное состояние, требовался мощный сверхчеловеческий толчок. Гитлер, согласно Серрано, попытался остановить дух дегенерации. Его попытка закончилась неудачей. Но «последний аватара» (так Серрано называл Гитлера) завещал дух борьбы, который пока покоится, для того чтобы в один момент восстать снова. Для этого Гитлер предпочел пожертвовать собой. Для Серрано Гитлер не просто жертва — он мученик, приближенный к богу.

Мигель Серрано – основатель эзотерического гитлеризма

В своей метафизической трактовке Третьего рейха Серрано переплюнул всех правых эзотериков и неонацистов. В одном из отступлений я уже описывал, как мифы, легенды и символы влияли на мышление многих нацистских руководителей и рядовых немцев. Но Серрано видит лишь глобальные архетипы, которые делают человека орудием в руках высших сил. Он выдвинул тезис, что во Второй мировой войне действительно сражались не народы, не доктрины, не государства. Борьба шла между сверхъестественными, надчеловеческими силами, которые сражались друг с другом еще с доисторических времен. Божественные и демонические духи были воплощены соответственно в немецком и еврейском народах. Эти две силы уже давно вели борьбу за контроль над Землей. Этот тезис — типичный пример извращения эзотерического мышления, которое навязывает мысль о главенстве верховных сил и отсутствии индивидуальной ответственности. С этой точки зрения даже варварство может быть оправдано как некая жизненная необходимость.

Серрано видит подобный конфликт архетипов в том, что на протяжении всей истории евреи пытались отрицать факт неравенства людей. В то же время, по Серрано, на планете всегда имелись различные расы. Одни из них были земными, другие, как, например, гиперборейцы, возникшие благодаря «Черному Солнцу», небесными. В отличие от животных (земных) рас, «дети звезд» всегда стремились к высшим, благородным целям: чистоте, идеализму, мистическому переживанию, почтению Бога. Евреи осквернили эти идеалы своими содомистскими заблуждениями. В качестве доказательства этого тезиса Серрано приводит следующий пример. Он

указывает на Ветхий Завет, где говорится об Исаве, который родился «весь как кожа косматый». На основании этого отрывка Серрано делает вывод, что мать Исава состояла в половой связи с низшими сущностями, что было проявлением ее низменных стремлений. Из стыда главенство над родом передается не Якову, а зверочеловеку Исаву. Для Серрано это первый акт, осуществленный евреями в деле искажения и извращения истинной традиции. Далее для удобства евреи придумывают бога Яхве, дабы как-то компенсировать собственную ущербность и порочность. Постепенно хитрое священничество превращает «извращенный» народ в «избранный», попутно пытаясь внушить чувство вины всем другим народам и расам. Изобретение понятия «первогреха» должно было ослабить германцев, принявших христианство, так как арийская раса не знала доныне вообще понятия вины и греха. После Второй мировой войны евреи создали призрак «коллективной вины», который должен был окончательно поставить на колени арийские племена. Даже трактовка событий времен Второй мировой войны получилась обезличенной: «Мистические СС не уничтожали людей только для того, чтобы убить их. Скорее уж их бессмертные боги сражались с другими существами и божествами».

При всем этом Мигель Серрано прекрасно разбирался в нацистской мистике. Он совершал «паломничества» по следам Йорга Ланца фон Либенфельса и адептов Ордена новых тамплиеров. Он читал в оригинале труды Ганса Гёрбигера и Отто Рана. Он даже умудрился лично познакомиться с 94-летним Германом Виртом. Но он не опирался на эти теории, он поднимал историю нацизма на космический уровень. В то время как Вирт или Ран пытались в своих трудах найти какое-то зерно правды, Серрано видел в них лишь инструмент вечных сил, за которыми люди просто вынуждены следовать. Подобную оценку в «Золотой ленте» он дает и себе: «Я — пленник мифа, полностью предопределенный мощнейшими архетипами. Должен ли я стать жертвой духовных исканий? Кто знает? Я могу прожить свою жизнь до конца, пока они не проявятся во внешнем мире, или не уничтожат меня в огне, или же не увезут меня на солнечной колеснице, чтобы я примкнул к великой армии героев». В конце книги Серрано слышатся трагические нотки. Он даже говорит о «пении миннезингера, которое нельзя прочесть, а можно лишь только всосать в себя, подобно тому, как каменная чаша Грааля наполняется голубой кровью — голубой сутью Гипербореи». Мигель Серрано до последней минуты будет надеяться, что во всемирной истории все-таки произойдет решительный переворот. Хотя он уже не возлагает надежд на Германию, так как она оказалась перевоспитанной. Из Третьего рейха она превратилась в страну иллю-

зий, материализма. Германия стала страной без души. Серрано с надеждой взирает не на какую-то конкретную державу. Его взгляд устремлен далеко на юг, в Антарктиду. Именно там в подземных пещерах возник новый рейх, а его «последние батальоны» только ждут приказа, чтобы подняться на поверхность. Эти строки приближают нас не к мифам, а к какой-то техногенной фантастике. Впрочем, легенды о «полой земле», НЛО неплохо уживаются по соседству с «Черным Солнцем» и Туле.

В 1993 году в Германии вышла книга, чей стотысячный тираж был раскуплен почти моментально. Это была книга Жана ван Хельсинга «Тайные общества и их власть в XX веке». Не прошло и нескольких месяцев, как издание этой книги было запрещено в связи с исками двух еврейских общин. Запрет касался даже ее распространения в Интернете.

С одной стороны, автор не сказал ничего нового. Книга повествовала о еврейском заговоре и тайных обществах, которые, сталкивая народы, на протяжении столетий провоцировали войны, катаклизмы, кризисы революции. Сенсацию вызвала та часть книги, где были напечатаны размытые фотографии документов, на которых под лупой можно было разглядеть свастики и руны. Эта нацистская символика сочеталась с названиями «Вриль» и «Один». Жан ван Хельсинг утверждал, что эти документы являются подлинными и он получил их от британских спецслужб, которые, в свою очередь, изъяли их в конце войны из эсэсовских архивов. На основе никак не доказуемых утверждений автор строил собственную теорию, в которой заявил, что Общество «Туле» и СС в конце 40-х годов совместно разработали летающий аппарат «Черное Солнце», оснащенный антигравитационными моторами. *Именно на этом летательном аппарате* нацисты смогли добраться к звезде Альдебаран. В разработке этих уникальных моторов якобы принимали участие Карл Хаусхофер, Рудольф фон Зеботтендорф и австрийский изобретатель Виктор Шаубергер. На эти разработки они получили принципиальное согласие Гитлера, который, если верить ван Хельсингу, несмотря на сложное положение на фронтах, одобрил план по ускорению создания «чудо-оружия». Без каких-либо конкретных указаний и ссылок ван Хельсинг приводит сведения, которые были «открыты» еще в 1988 году австрийским оккультным обществом «Темпельхоф». Авторы ряда брошюр, числившиеся в этой структуре, утверждали, что еще в 30-е годы Зеботтендорф и Хаусхофер и две неизвестные женщины во время одной из медитаций приняли послание с Альдебарана. Послание отправили некие «Светлые белые боголюди», которые многие тысячелетия назад приходили на Землю, дабы создать некое подобие своих филиалов на материках Туле и Атлантида. Чтобы по-

мочь арийцам во время Второй мировой войны, эти мифические «боголюди» передали немцам высокоразвитые технологии, которые позволяли создавать особые летательные аппараты. Делалось это для того, чтобы немцы смогли вернуться на свою далекую прародину и получить там необходимую помощь. Некоторые из этих летающих тарелок после окончания войны высокопоставленные нацисты перевезли в Антарктиду, где в подземных пустотах были основаны специальные колонии, своего рода Четвертый рейх.

Помноженные на антисемитизм подобные мифы об НЛО должны были стать некой эзотерической разгрузкой от ужасов прошлого. Подспудно внушалось, что Гитлер и СС обладали не только особыми трансцендентными способностями, но и высокими технологиями, что позволяло создать далеко не мифологического «Сверхчеловека». Идеал истинного арийца теперь представал как «боголюди» с Альдебарана, которые рано или поздно должны вмешаться в земные события и победить силы тьмы. Теперь «Черное Солнце» выступает уже не в роли незримого светила, а названия летательного аппарата, созданного в недрах СС. Приближение эры Водолея вновь вызывает активность «центрального солнца», а стало быть, древние мистерии о борьбе между «арийским светом» и «еврейским мраком» вновь становятся живой реальностью. В таком запутанном и почти фантастическом виде появилась новая легенда о немецком расовом превосходстве. На этот раз она комбинировала легенды и фантастику, полуправду и откровенные вымыслы. Эта фантазия не имела бы такого разрушительного влияния, если бы не опиралась на некоторую истину. Действительно, в конце войны в Германии предпринимались попытки создать летающие аппараты в виде тарелок. В 50-е годы о летающих тарелках заговорил весь мир. НЛО-мания не позволила заметить небольшие заметки в немецких журналах. В 1943 году конструктор Рудольф Шривер в Праге начал разрабатывать дисковидный аппарат, который должен был развивать скорость в четыре раза большую, нежели у обычных истребителей. Георг Кляйн, один из сотрудников Альберта Шпеера, описывал, как 14 февраля 1945 года собственными глазами видел полет этого «чуда»: «Этот опытный образец в течение трех минут мог достигать высоты 12 400 метров, при полете по прямой развивая скорость 2200 километров в час. При первом же испытательном полете была вдвое превышена скорость звука. Если учесть, что диск имеет идеальную аэродинамическую форму, то можно было ожидать, что аппарат смог бы достигнуть скорости 4 тысячи километров в час». Если верить Кляйну, то при наступлении русских все опытные образцы и уже почти готовые машины были разрушены. Однако один прототип попал в руки

Красной Армии. Это произошло во Вроцлаве. По другим сведениям, он достался Штатам.

Или другая правда, которая может сбить с толку. Действительно, в 40-е годы в СС проводились опыты по преодолению гравитации. Эти опыты связаны с именем австрийского ученого Виктора Шаубергера. Его разработками заинтересовался лично Гитлер, который хотел добывать энергию прямо из воды и воздуха. Реализация этого проекта сделала бы Германию независимой от поставок нефти. Сам изобретатель был талантливым натуралистом, который пытался постичь тайны воды еще во времена, когда работал лесничим в Богемии. В первую очередь Шаубергера интересовали водонепроницаемость, способность воды передавать температуру и формы движения. Особое внимание он уделял вихрям, которые могли возникать в водяной среде. Подобные вихри могли позволять воде течь вверх, а не только стекать вниз. Если бы Шаубергер занимался архитектурой или историей, то он наверняка бы знал, что эти открытия были сделаны еще в древнем мире. Античные архитекторы использовали эти знания при строительстве римских акведуков и критских дворцов. Сам же Шаубергер был убежден, что если разработать специальные машины, которые бы использовали принцип вращения, то можно было спокойно преодолеть земное тяготение. Было даже разработано несколько крошечных моделей летающих дисков, которые должны были одновременно пройти испытание в концентрационном лагере Маутхаузен и венской инженерной школе СС Розенхюгель. Но летающие диски так и остались голой идеей. Свои исследования Шаубергер продолжил после войны уже в США, где он получил значительную финансовую поддержку. Но при этом оставался пленником, который плохо понимал английский и томился в пустыне Невада. Свободу он получил только после того, как передал свои открытия американским корпорациям.

Как я говорил, новые мифы не оказались бы столь живучими и востребованными, если бы не опирались на полуправду. Мифы о нацистских НЛО активно замешаны на многочисленных слухах и домыслах относительно немецких колоний в Антарктике. В самом деле, в 1938—1939 годах немецкая экспедиция под руководством Альфреда Ричера побывала на Южном полюсе. Она открыла огромные незамерзающие области, которые были окрещены «новой Швабией». В своей трилогии, да и во многих интервью Вильгельм Ландиг утверждал, что там существовала немецкая колония. Именно туда после окончания войны были доставлены летающие диски. Но из-за климатических и других проблем со временем было решено эту колонию переселить в пещеру Анд. Как видим, нацистские мифы очень активно проникают в уфологическую среду. В одной из

своих недавних книг ван Хельсинг сообщил, что на конгрессе уфологов он не раз встречался с людьми, которые якобы имели контакты НЛО. Но обитатели летающих объектов мало походили на классических зеленых человечков. Это были высокие, голубоглазые, светловолосые люди, говорящие по-немецки! На основе таких показаний родилось новое сенсационное произведение. Во время гипнотических сеансов Карин и Райнер Файстле вспомнили, как детьми были похищены НЛО. Во время похищения им были вставлены в голову имплантаты. «Комендант одного из НЛО», по их воспоминаниям, обладал красивыми голубыми глазами. Именно он поведал им, что на земле должна возникнуть новая раса. «Голубоглазый пришелец» поведал также, что Земля готовится к глобальной чистке. Новая книга ван Хельсинга просто переполнена какими-то мрачными фантазиями, духовными страстями и надеждами на возникновение нового арийского человека.

Ван Хельсинг приводит свою собственную теорию возникновения человечества. 735 тысяч лет назад на земле возникли первые колонии переселенцев с Альдебарана. Но у пришельцев не все прошло гладко. Для выполнения примитивных работ колонисты вырастили «рабочего человека». Для его обозначения ван Хельсинг взял индуистское понятие, которое охотно в своих работах использовал Ланц фон Либенфельс — чандалы (неприкасаемые, люди-животные). Но чандалы не захотели подчиняться своим творцам и стали смешиваться с другими расами, изначально существовавшими на земле. Когда пришельцы обратили внимание на эту проблему, то было поздно — генный коктейль привел к возникновению ненависти, материализма и многочисленных войн. Чтобы хоть как-то облагородить Землю, пришельцы обратили внимание на народы, наиболее близкие собственному виду, — речь шла о германцах, населявших Туле и Атлантиду. В 30-е годы XX века внеземные существа явили немцам действительную историю человечества. Перед этим они посвятили в свои планы высокопоставленных членов общества «Туле»: Рудольфа фон Зеботтендорфа и Карла Хаусхофера. Но в мировой войне Германия потерпела крах. Десятилетия спустя жители Альдебарана снова пошли на контакт с немцами. Похищая людей, они заимствуют от них генный материал, который обрабатывают в лабораториях. Оказывается, где-то в нашей системе существуют лаборатории, где производят «супердетей», новую арийскую расу. Эти арийские клоны смогут на все 100% использовать свой мозг, будут обладать огромной чувствительностью и телепатическими способностями. Их исключительные способности позволят им решать все земные проблемы. Но к земной жизни их будут готовить постепенно. Для начала человечество должно отказаться от насилия. Затем

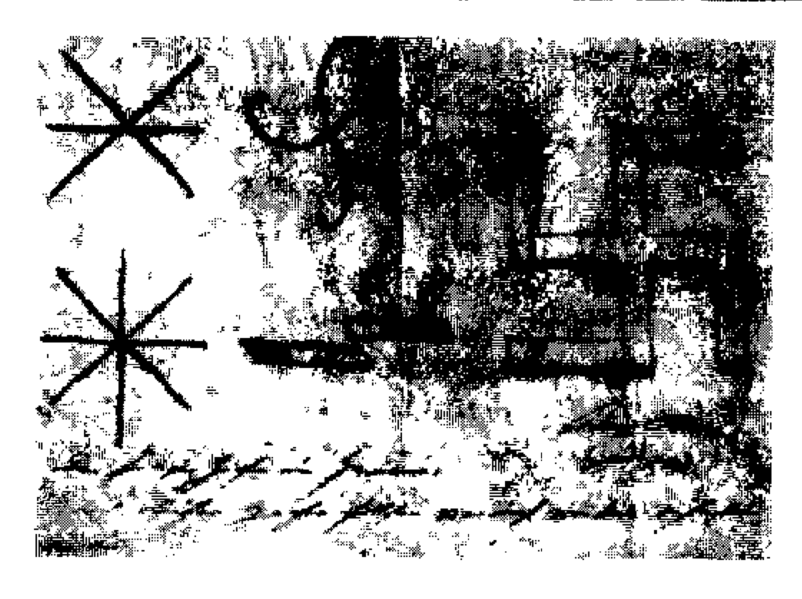
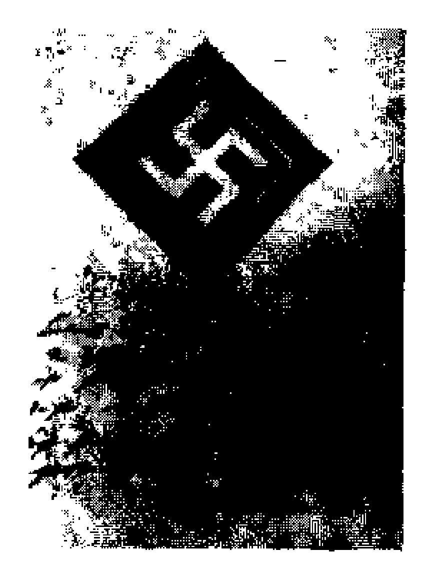
эти «чудо-дети» будут явлены миру, и это станет самым знаменательным событием в истории планеты.

Показательно, что нынешняя правая эзотерика больше не опирается на вековые мифы. Она предпочитает гремучую смесь из апокалипсических страхов, расизма, арийских мифов и научной фантастики. В этом есть определенная логика. Теперь СС и эзотерические структуры, наподобие общества «Туле» и ордена новых тамплиеров, воспринимаются скорее как посредники с другими мирами. Да и сами эсэсовские руны теперь оказались где-то в сфере мистической уфологии. Зачем вести речь о концентрационных лагерях, если можно говорить о серебристых летающих тарелках, в которых истинные арийцы бороздят просторы Вселенной. Ужасам войны противопоставляют новый, романтический облик Третьего рейха, чье руководство ищет пути в другую реальность и пытается спасти мир от материализма. Антарктика превратилась в некий Китеж-град нацистского движения. В пещерах самого южного материка скрылись те, кто не захотел смириться с тьмой, окутавшей мир. От Туле до НЛО, оказывается, не так уж далеко...

Заключение

Сейчас на Западе вновь становится популярной теория, которая представляет национал-социализм как политическую религию. Авторы, придерживающиеся подобной точки зрения, указывают на мессианские настроения, которые смогли внушить массам национал-социалисты. Когда война подходила к концу, в немецком обществе возобладали типично апокалипсические моменты. Неудивительно, ведь на протяжении многих лет Гитлер почитался как Мессия, Спаситель не только Германии, но всей Европы. Но политическая религия является всего лишь условным термином, который призван показать специфическую политику Третьего рейха. На самом деле Гитлер никогда не говорил массам о чисто мистических моментах. В его речах мы не найдем упоминаний о Туле или Атлантиде.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в СС. Гиммлер никогда не стеснялся публично заявлять о подобных вещах. И тут мы сталкиваемся с первым противоречием, на которое не всегда обращают внимание исследователи. Национал-социализм как политическая религия, с присущими ей аспектами: массовым поклонением вождю, культом предков, обожествлением силы — лишь внешне напоминает мистические представления, которые развивались в СС. В ведомствах Генриха Гиммлера мистика и эзотерика не были условностями. Они наличествовали в чистом виде. Если перейти на язык оккультистов, то массовое партийное движение было внешним, профанирующим тайные знания, или, другими словами, ***экзотерическим***. В то же время в СС формировалась неявная для всех, тайная идеология, которая претендовала на истинность — то есть была ***эзотерической***. Неразбериха в вопросах нацистского оккультизма как раз связана с тем, что авторы не захотели (или не смогли) провести грань между этими двумя различными явлениями. А ведь различия между ними были не такими уж маленькими. Кстати, один маленький, но очень показательный штришок — Гиммлер ни разу не приглашал Гитлера побывать ни в Вевельсбурге, ни у Экстернштайна.

Наброски Гитлера, в которых он разрабатывал партийную символику

Традиционно приходится слышать о том, что в Третьем рейхе возрождались языческие традиции. Тезис, казалось бы, бесспорный. Но только при условии, если не копать глубоко. Языческие элементы, используемые в массовых нацистских мероприятиях, были предназначены лишь для достижения определенных политических целей. В этом отношении нацистская власть не была религиозной. Биологизм и расчетливость национал-социалистической идеологии наводили скорее на мысль об атеизме, нежели о глубокой религиозности. Возрождение язычества Гиммлеру приписывали также по привычке. Действительно, а что мог возрождать человек, который говорил о вреде христианства и требовал исследования вековых традиций, который упоминал Тора и Вотана, а своим подчиненным навязывал юльские светильники? Но тут стоило бы задуматься, зачем Гиммлеру язычество, с его сложным пантеоном богов, которые частенько не ладили между собой. Никакой иерархии, столь присущей тоталитарному строю. Одновременно с этим возникал еще один вопрос: зачем человеку, возрождавшему германское язычество, интересоваться катарами, вести поиски Святого Грааля, проводить исследования в области зороастризма, посылать экспедиции на Тибет? Это не могло быть просто причудой, хобби, которым рейхсфюрер СС увлекался на досуге, отдыхая от служебных дел. Ответ прост — в рамках СС Гиммлер возрождал вовсе не язычество. Он хотел восстановить куда более древнюю религию. Эсэсовские исследователи и маги давали ей различные названия: «внееврейское христианство» (Отто Ран), «арийская проторелигия» (Герман Вирт), «ирминизм» (Карл Мария Виллигут). Даже при различном понимании этого явления у всех этих людей была общей одна мысль — данная религия была монотеистической. Более того,

Вира, ставший символом эсэсовской эзотерики (с гравюр В. фон Шемма)

Вайстор достаточно четко указывал на то, что язычество как таковое было опасным заблуждением.

Не знаю, право, какой из германских исследователей впервые употребил в отношении СС словосочетание «государство в государстве». Это была всего лишь метафора, которая должна была наглядно продемонстрировать, что СС в Третьем рейхе играли очень специфическую роль. У них была своя экономика, юрисдикция, своя армия. По мере написания книги я все чаще ловил себя на мысли, что «государство в государстве» переставало быть метафорой.

Но обо всем по порядку. Послевоенные планы Гиммлера очень сильно отличались от гитлеровских. Еще один из многочисленных парадоксов, которые на каждом шагу встречались в Третьем рейхе. Или этому можно найти логическое объяснение? Но если мы внимательно посмотрим на планы Гиммлера (создание эсэсовского культового центра в Экстернштайне, превращение Вевельсбурга в титаническую постройку и т.п.), то заметим, что после окончания войны Гиммлер действительно хотел создать государство в государстве! И не какую-то метафору, а вполне конкретное эсэсовское государство, со своими границами, законами, со своей религией. Не знаю, был ли в курсе этих планов Гитлер, но рейхсфюрер СС формировал их со всей тщательностью. Сложно сказать, где бы прошли границы нового эсэсовского государства, можно только предположить. Нанесите на карту Германии все культовые места и ритуальные постройки СС: Гослар, Экстернштайн, Вевельсбург, Заксенхайн, бесчисленные горы и мегалиты — и вы обнаружите, что все они сосредоточены на небольшой территории, диаметр которой едва ли превышает 250 километров. Все культовые места СС были сосредоточены в Вестфалии и поблизости от нее. Случайность? Или, может быть, в Баварии и Тюрингии никогда не существовало подобных мегалитов, замков и т.п? Отнюдь, но Гиммлер с особой тщательностью выбирал именно те места, которые располагались внутри этой неявной окружности. Почему именно здесь? Вспомните Виллигута и его тайное учение. И ответ в очередной раз станет очевидным. Именно эта территория являлась прародиной ирминизма, той самой религии, которую, как я предполагаю, собирался возродить Гиммлер.

Подобная теория, на мой взгляд, хорошо объясняет, почему Гиммлер при всем его могуществе никогда не был «наци № 2». Этот условный пост в различные времена занимали Герман Геринг, Йозеф Геббельс, Мартин Борман. Но Гиммлер, контролировавший весь карательный аппарат, обладавший широчайшими возможностями, никогда не собирался стать правой рукой Гитлера. Почему? Да потому, что ему мало льстила политическая должность, да еще со вторым номером. Рейхсфюрер СС вынашивал в своих мечтах планы о том, как он станет первосвященником возрожденного ирминизма. В этой ситуации эсэсовское государство превращалось в некий «Черный Ватикан», который лежал на северо-западе Германии. Если это предположение верно, то автоматически становится понятно, почему оказались в ссылке и Герман Вирт, и Карл Мария Виллигут, и Вильгельм Тойдт. Они, сами того не подозревая, претендовали на место, которое Гиммлер уготовил себе. Неужели всерьез можно полагать, что Вирта выкинули из Аненербе из-за какой-то финансовой небрежности? Неужели можно верить, что Гиммлер отправил в отставку своего «мистического учителя» Виллигута только потому, что тот когда-то находился на принудительном лечении в психиатрической клинике? Это были лишь удобные поводы. Гиммлер, одержимый своими фантазиями, не хотел ни с кем делить свою мистико-религиозную власть. Он хорошо уяснил тезис «разделяй и властвуй». Именно поэтому, когда кто-то говорит, что именно определенная структура СС занималась мистическими или оккультными разработками («Наследие предков», РуСХА и т.д.), то он либо лжет, либо заблуждается. Подобные задачи оказались раскиданными между всеми структурами «черного ордена». СД занималась ведьмами, Аненербе — историческими изысканиями, Главное управление СС по вопросам расы и поселений — расовой мистикой. Никто из них не мог претендовать на исключительность в вопросе формирования новой религии. *Каждая из структур создавала лишь* отдельные органы нового организма. Свести их воедино и вдохнуть в них жизнь должен был сам рейхсфюрер СС — Генрих Гиммлер. Но его планам не было суждено сбыться. Ирминсул, который должен был быть установлен у подножия Экстернштайна, так никогда и не раскинул свои ветви над Германией.

Гиммлер ушел в небытие вместе со своими планами. Кстати, по поводу его смерти остается множество открытых вопросов. Официальная историография очень охотно тиражирует подробности его самоубийства. Вкратце они выглядят так. Гиммлер вместе с несколькими приближенными офицерами СС пытался бежать в Данию, но был задержан английским патрулем. Долгое время он изображал из себя дезертировавшего солдата, но потом открыл свое ис-

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в последние дни своей жизни пытался пробраться к могиле Генриха «Птицелова», дабы попросить у него совета

тинное имя и потребовал встречи с маршалом Монтгомери. Когда ему было отказано, он проглотил ампулу с цианистым калием. Вроде бы все ясно как божий день. Но... Гиммлер действительно был задержан на севере Германии, но не английским, а советским патрулем близ городка Люнебург. Его препроводили в ближайший английский лагерь для военнопленных, где он и покончил с собой. Версия с бегством в Данию кажется полностью несостоятельной, если учесть, что несколькими днями ранее Гиммлер встречался с некоторыми офицерами СС в городке Флесенбург, который лежал непосредственно у датской границы. До Дании было рукой подать, а оттуда можно было спокойно добраться до нейтральной Швеции. Но место задержания Гиммлера указывает, что он несколько дней упорно двигался в полностью противоположную сторону — на юг. Куда он двигался, неизвестно. Можно лишь предположить. Если мы проведем прямую между Флесенбургом и Люнебургом (то есть попытаемся восстановить путь Гиммлера), обнаружим, что эта прямая приводит нас к Кведлинбургу! Гиммлер вовсе не пытался скрыться бегством — он шел к останкам Генриха I «Птицелова». Зачем? Скорее всего, просить совета. Во время генриховских праздников в Кведлинбурге высокопоставленные офицеры СС могли наблюдать странную картину — рейхсфюрер спускался в крипту к останкам короля и оставался там длительное время. Лишь немногие знали, что Гиммлер был в состоянии разговаривать в духом своего давно умершего тезки. Ну или полагал, что в состоянии разговаривать. Вспомним слова массажиста Керстена, утверждавшего, что Гиммлер руководствовался советами, которые ему давал «Птицелов». Теперь и в этом сюжете все встает на свои места. Гиммлер не мог попасть в Кведлинбург, а потому и раскрыл свое имя в надежде, что высшее руководство союзников увезет его из лагеря, а он за каким-нибудь поводом окажется рядом с останками. Когда этот план провалился, Гиммлер покончил с собой. Но не от отчаяния. Это было типичное ритуальное самоубийство — последний акт спектакля о возникновении эсэсовской мистики.

«Тысячелетний» нацистский рейх просуществовал всего лишь 12 лет. Мифы, порожденные нацизмом, оказались более живучими. Тесно переплетенные между собой миф об оккультных корнях нацизма и миф об Аненербе завладели умами многих людей. Домыслы превратились в «достоверные» факты, которые не подлежат сомнению. И только этим можно объяснить, что многочисленные статьи в сомнительных и не очень изданиях тиражируют беспочвенные утверждения о «Наследии предков». Гитлер вовсе не потратил на «Наследие предков» колоссальные суммы. Ученые Аненербе были вынуждены подрабатывать, чтобы хоть как-то свести концы с концами! Оккультная лаборатория нацизма оказалась типичным НИИ с характерными для подобных заведений склоками и дрязгами. И двигали учеными общества вовсе не жажда вселенской власти, а абсолютно человеческие слабости: жадность, зависть, страх. Не были они «великими посвященными», по приказу которых экспедиции СС искали таинственную Шамбалу. Надобность экспедиций была продиктована научной и политической необходимостью, да и эсэсовскими-то они были чисто номинально. «Великие посвященные» подавали друга на друга в суд, доказывая, что у них не сальная кожа. Миф об Аненербе не потребовалось бы даже развенчивать, имей отечественный читатель хоть капельку достоверных знаний об этой организации.

Я не претендую на то, что смог изучить все документы, прочитать все источники и доходчиво изложить их читателю. Моя цель состояла в другом — попытаться по-новому взглянуть на вопрос о нацистском оккультизме, построить новую схему, более логичную и убедительную. Я вовсе не ставил себе задачу заваливать читателя шокирующими фактами и экзотическими доктринами.

Эта книга не ставила своей целью разрушить какие-то легенды — реальность оказалась и без того запутанной. Нацистские ученые, пытаясь скрестить холодный разум со слепой верой предков, получили вовсе не философский камень, дающий ответы на все вопросы бытия, а монстра, которому пришлось приносить в жертву человеческие жизни.

Список употребляемых сокращений

Аненербе — научно-исследовательское общество «Наследие предков»

ГВЕ — «Германское научное действие»

гестапо — тайная государственная полиция

Наполас — Национально-политические воспитательные учреждения

НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии

РСХА — Главное управление имперской безопасности

РуСХА — Главное управление по вопросам расы и поселений

СА — штурмовые отряды

СД — служба безопасности

СС — охранные отряды

ССС — Служба тайных обществ

ХТО — Главное ведомство попечения «Ост»

Список использованной литературы

1. *Birn, Ruth Bettina.* Die höheren SS — und Polizeiführer: Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten / Ruth Bettina Birn. — Düsseldorf: Droste, 1986.
2. *Buchheim, Hans.* [Sammlung] Die SS, das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. Hans Buchheim. — 2. Aufl. — Munchen: Dt. Taschenbuch-Verl., 1979.
3. Die Geschichtswissenschaft in den Planungen des Sicherheitsdienstes der SS: der SD-Historiker Hermann Löffler und seine Denkschrift «Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland» / Joachim Lerchenmueller. — Bonn: Dietz, 2001.
4. Die SS: Elite unter dem Totenkopf: 30 Lebensläufe / Ronald Smelser... (Hrsg.). — Paderborn [u.a.]: Schoningh, 2000.
5. *Halle, Uta.* «Die Externsteine sind bis auf weiters germanisch!». Prahistorische Archaologie im Dritten Reich. Bielefeld, 2002.
6. *Franz Wegener.* Alfred Schuler — der letzte deutsche Katharer. Gnosis, Nationalsozialismus und mystische Blutleuchte. Gladbeck. Ruhrgebiet, 2003.
7. *Franz Wegener.* Heinrich Himmler. Deutscher Spirismus, franzosischer Okkultismus und Reichsfurer SS. Gladbeck. Ruhrgebiet, 2004.
8. *Greif, Thomas.* Das SS-«Ahnenerbe» in Waischenfeld. [S.l.]: [s.n.]. 1996.
9. *Hans-Jurgen Lange.* Otto Rahn und die Suche nach dem Gral. Arun, 1999.
10. *Harald Lonnecker.* Zwischen Esoterik und Wissenschaft — die Kreise des «volkischen Germanenkundlers» Wilhelm Teudt. Frankfurt. a. M., 2004.
11. *Harald Strohm.* Die Gnosis und der Nationalsozialismus. Frankfurt, 1997.
12. *Hasler M.B.* Schwarze Sonne. Göttliches Licht der Erkanntnis. Schleswig, 2002.
13. *Heider, Angelika.* Mücken — Fliegen — Flöhe: das Entomologische Institut des SS-«Ahnenerbe» in Dachau [S.l.]: [s.n.] 1999.
14. *Hielscher, Friedrich.* Funfzig Jahre unter Deutschen / Friedrich Hielscher. — 1. — 6. Tsd. — Hamburg: Rowohlt, 1954.
15. Himmlers Hexenkartothek. Das Interesse des Nationalsoziyalismus an der Hexenverfolgung. Bielefeled, 2000.
16. *Hohne, Heinz.* Der Orden unter dem Totenkopf: d. Geschichte d. SS / Heinz Hoehne. — Guetersloh: Bertelsmann, 1984.
17. *Huser, Karl.* Dokumentation Wewelsburg 1933—1945 [neunzehnhundertdreiunddreissig bis neunzehnhundertfuenfundvierzig], Kult- und Terrorstaette

der SS: e. Einfuehrung / Karl Hueser. Unter Mitarb. von Wulff E. Brebeck... — Berlin: Dt. Inst. fuer Bildung u. Wissenschaft, 1982.

18. *John M. Steiner.* Über das Glaubensbekenntnis der SS // Nationalsozialstische Diktatur. 1933—1945. Bonn. Band 192.

19. *Kater, Michael H.* Das «Ahnenerbe» der SS: 1935—1945; ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Heidelberg: Dt. Verl. — Anst. 1966.

20. *Kater, Michael H.* Ärzte als Hitlers Helfer / Michael H. Kater. — Dt. Erstausg. — Hamburg [u.a.]: Europa-Verl., 2000.

21. *Klaus Vondung.* Magie und Manipulation. Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus. Göttingen, 1971.

22. *Kogon, Eugen.* Der SS-Staat: das System d. dt. Konzentrationslager / Eugen Kogon. — 9. Aufl., 401. — 450. Tsd. — Muenchen: Kindler, 1979.

23. *Matthias Wenger.* Schwarze Sonneuber Midgard? Ein Beitrag zur Aufklarung der Verfalschung und Verzerrung heidnischer Spiritualitat. Berlin, 2004.

24. *Mezynski, Andrzej.* Kommando Paulsen: pazdziernik — grudzien 1939 r. Warszawa: Wydawn. DiG. 1994.

25. *Michael Ley, Julius H. Schoeps.* Der Nationalsozialismus als politische Religion. Bodenheim, 1997.

26. *Nussbeck, Ulrich.* Karl Theodor Weigel und das Göttinger Sinnbildarchiv: eine Karriere im Dritten Reich. Göttingen: Schmerse, 1993.

27. *Peter Kratz.* Die Gotter des New Age. In Schnittpunkt von «Neuem Denken», Faschismus und Romantik. Elefanten Press Verlag Berlin, 1994.

28. *Rolf Speckner, Christian Stamm.* Das Geheimnis der Externsteine. Bilder einer Mysterienstatte. Stutgart, 2002.

29. *Rudiger Sunner.* Schwarze Sonne. Entfesselung und Mißbrauch der Mythen in Natinonalsozialismus und rechter Esoterik. Freiburg, 1999.

30. *Rudolf J. Mund, Gerhard von Werfenstein.* Mythos Schwarye Sonne. Der Heilige Gral und das Geheimnis der Wewelsburg. Riga-Wien-Berlin, 2004.

31. *Rudolf J. Mund, Karl Maria Wiligut.* Wiliguts Geheimlehre. Fragmente einwer verschollenen Religion. Deutscheherrverlag, 2002.

32. *Schwarberg, Gunther.* Der SS-Arzt und die Kinder: Berichte uber den Mord vom Bullenhuser Damm / Gunther Schwarberg. — 1. Aufl. — Hamburg: Gruner + Jahr, 1979.

33. *Stutterheim, Kerstin D.* Okkulte Weltvorstellungen im Hintergrund dokumentarischer Filme des «Dritten Reiches».

34. *Wirth, Herman.* Was heisst deutsch?: ein urgeistesgeschichtlicher Rueckblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung / Herman Wirth. — Jena: Diederichs, 1931.

35. *Ран Отто.* Крестовый поход против Грааля. — М.: ACT, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Васильченко

ОККУЛЬТНЫЙ МИФ III РЕЙХА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Н. Кирилова*

ООО «Издательство «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/ 5.
Тел.: (495) 745-58-23.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.12.2007.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 39,0. Тираж 5000 экз.
Заказ № 4832001

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул.Варварская 32.